ЕЖЕГОДНИК

Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2015 ГОДА
ВЫХОДИТ 1 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ИНСТИТУТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – BiZ (МОСКВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д. и. н. Черказьянова Ирина Васильевна (Санкт-Петербург), главный редактор

Д. и. н. Герман Аркадий Адольфович (Саратов), заместитель главного редактора

К. ф. н. Силантьева Ольга Юрьевна (Москва), ответственный секретарь

К. и. н. Безносова Оксана Владимировна (Москва)

К. и. н. Бобылева Светлана Иосифовна (Днепропетровск)

Д. и. н. Вашкау Нина Эмильевна (Липецк/Волгоград)

К. и. н. Волкова Тамара Петровна (Алма-Ата)

Д. и. н. Дённингхаус Виктор (Люнебург)

Д. и. н. Кириллов Виктор Михайлович (Нижний Тагил)

Д. и. н. Маркдорф Наталья Михайловна (Новосибирск)

Д. ф. н. Меркурьева Вера Брониславовна (Иркутск)

Д. и. н. Плохотнюк Татьяна Николаевна (Ставрополь)

Д. и. н. Смирнова Татьяна Борисовна (Омск)

№ 2, 2016

Публикация осуществлена на средства Уполномоченного Федерального правительства Германии по вопросам культуры и средств массовой информации на основании решения Бундестага Германии, а также на частные пожертвования членов Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

Благодарим за содействие Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы при Университете Гамбурга (Нордост-институт, Люнебург) и Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга».

Gefördert von der Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien aufgrund eines Beschlusses des Deutschen Bundestages und durch Privatspenden der Mitglieder der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen mit freundlicher Unterstützung des Institutes für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa e. V. an der Universität Hamburg (Nordost-Institut) und der Stiftung zur Förderung und Entwicklung deutsch-russischer Beziehungen „Deutsch-russisches Begegnungszentrum an der Petrikirche St. Petersburg“.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

NORD
OST
INSTITUT
an der Universität Hamburg

Фонд поддержки и развития
русско-немецких отношений
**«РУССКО-НЕМЕЦКИЙ
ЦЕНТР ВСТРЕЧ»**

ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Научный журнал

№ 2, 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Институт этнокультурного образования»

Директор: Андрей Лейман

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Татьяна Смирнова, д-р ист. наук, проф., проректор по учебной работе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск) — председатель редакционного совета

Аркадий Герман, д-р ист. наук, проф. Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, председатель Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Саратов)

Виктор Дённингхаус, д-р, проф., заместитель директора Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете (Люнебург)

Виктор Ищенко, канд. ист. наук, заместитель директора, научный руководитель Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва)

Виктор Кириллов, д-р ист. наук, проф. филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижний Тагил (Нижний Тагил)

Генрих Мартенс, член президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, заместитель председателя Комиссии по вопросам сохранения и развития культурного и языкового многообразия народов России, президент Федеральной национально-культурной автономии российских немцев (Москва)

Ольга Мартенс, первый заместитель председателя ассоциации общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (Москва)

Дитмар Нойтатц, доктор, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории Восточной Европы Фрайбургского университета имени Альберта Людвига (Фрайбург)

Юрий Петров, д-р ист. наук, проф., директор Института российской истории Российской академии наук (Москва)

Бруно Рейтер, д-р биол. наук, проф., председатель Совета общественной организации «Немецкая национально-культурная автономия Омской области» (Омск)

Ирина Черказьянова, д-р ист. наук, главный редактор «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев» (Санкт-Петербург)

Олег Штралер, канд. полит. наук, доц., председатель Правления Института этнокультурного образования (Сыктывкар)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

JAHRBUCH DER INTERNATIONALEN ASSOZIATION ZUR ERFORSCHUNG DER GESCHICHTE UND KULTUR DER RUSSLANDDEUTSCHEN

Wissenschaftliche Zeitschrift

Nr. 2, 2016

GRÜNDER:

Autonome nichtkommerzielle Organisation für professionelle Weiterbildung „Institut für ethnokulturelle Bildung“

Direktor: Dr. Andrej Lehman

REDAKTIONSBEIRAT:

Prof. Dr. Tatjana Smirnova, Vizerektorin für Unterrichtsarbeit des Omsker Staatlichen Universität „F.M. Dostojewski“ (Omsk) — Vorsitzende des Redaktionsbeirats

Prof. Dr. Arkadij German, Nationale Staatliche Forschungsuniversität „N.G. Černyševskij“ Saratov, Vorstandsvorsitzender der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Saratov)

Prof. Dr. Victor Dönninghaus, Stellvertreter des Direktors des Nordost-Instituts (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa an der Universität Hamburg) (Lüneburg)

Dr. Viktor Iščenko, Stellvertreter des Direktors, Leiter des Zentrums für deutsche historische Forschung des Instituts für Weltgeschichte an der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau)

Prof. Dr. Viktor Kirillov, Zweigstelle der Russischen Staatlichen Lehrerbildungsuniversität in Nižnij Tagil (Nižnij Tagil)

Heinrich Martens, Präsidiumsmitglied des Präsidentenbeirats für zwischenethnische Beziehungen, stellvertretender Vorsitzender der Kommission für Fragen der Erhaltung des Sprachvielfaltes der Völker Russlands, Präsident der Föderalen national-kulturellen Autonomie der Russlanddeutschen (Moskau)

Olga Martens, erste stellvertretende Vorsitzende des Internationalen Verbandes der deutschen Kultur (Moskau)

Dr. phil. Dietmar Neutatz, Professor für Neuere und Osteuropäische Geschichte an der Albert-Ludwigs Universität Freiburg (Freiburg)

Prof. Dr. Jurij Petrov, Direktor des Institutes für russische Geschichte an der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau)

Prof. Dr. Bruno Reiter, Vorstandsvorsitzender der Deutschen national-kulturellen Autonomie des Omsker Gebiets (Omsk)

Dr. habil Irina Čerkaz’janova, Chefredakteurin des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur“ (St. Petersburg)

Dr. Oleg Strahler, Dozent, Vorstandsvorsitzender des Institutes für ethnokulturelle Bildung (Syktywkar)

Die Zeitschrift wurde in die russische Zitationsdatenbank aufgenommen

Содержание

Смирнова Т.Б. 25-летие Международного союза немецкой культуры 8

СТАТЬИ

История

Плохотнюк Т.Н. Формирование и развитие понятийного аппарата исторических миграционных исследований 18

Венгер Н.В. «Ментальные карты» меннонитов как проявление особенностей пространственных представлений этноконфессиональной общности. 37

Ходченко Е.Е. Эмиграция немцев Поволжья и их ранние поселения в Канаде. 54

Волкова Т.П. Трансформация конфессиональной идентичности крестьян-переселенцев и баптизм (конец XIX — начало XX в.) 74

Черказьянова И.В. История фотографии: портрет С.Ю. Витте в личном фонде Г.Г. Писаревского 86

Герман А.А. Октябрьский переворот 1917 г. и российские немцы 96

Исаев В.И. Дело консульских агентов и обмен политзаключенными между СССР и Германией в 1926 г. 113

Фалалеева Л.А. «Будь готов стать пионером!» Коммунистическое воспитание детей в Республике немцев Поволжья. 126

Горидовец В.В. Работники образования, науки и культуры в деле сохранения религиозных святынь в Витебске (1935–1943) 143

Филология

Минор А.Я. Прозвища поволжских немцев в системе антропонимических средств идентификации личности . . . 171

Дятлова В.А. Сравнительная характеристика морфологических особенностей островных верхненемецких говоров Сибири. . . . 180

Меркурьева В.Б. Воспоминания крымских немцев (лингвокультурологические наблюдения) 193

Пузейкина Л.Н. „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“ — мотив свадьбы в песнях немецких колонистов под Петербургом 204

Данилова Н.Ю. Немецкие образы в творчестве Н.С. Лескова. 221

Методология и методы исследования

Кириллов В.М. Историография и методология изучения проблем истории политических репрессий в СССР 234

Маркдорф Н.М., Долголюк А.А. Методика поиска архивной информации о судьбах российских немцев 254

Клец В.К. Этнографические исследования немецкого и меннонитского населения Приднепровья 271

Краеведение

Попов Ю.Г. Друг небесных странников. Карагандинский орнитолог Виктор Ленхольд 285

Князева Э.Г. Русский немец Константин Фрешер — герой-подводник АПЛ «К-8» 292

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Научная жизнь: хроника событий . . . 301

Тихонов И.Л. Немецкие связи Санкт-Петербургского университета: три века истории 307

Безносова О.В. Исторический семинар в Хёнингене «Духовное пробуждение и жизнь общин в нашей истории» . . . 314

Волкова Т.П. Презентация книги в Астане 319

Черных А.В. Защита кандидатской диссертации Д.И. Вайманом 321

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Черказьянова И.В. Библиография 323

Ананян Е.В. Рецензия на книгу «Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области: Сборник документов». 338

Герман А.А. Рецензия на рукопись монографии А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф «Военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950 гг.)» 342

Гиз И. Немцы на Кавказе. Рецензия на книгу Р. Нахтигаля 344

Меркурьева В.Б. Рецензия на книгу В.Ф. Дизендорфа «Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта. В 2 т.» 347

ЮБИЛЕИ

Зберовская Е.Л. Славина Людмила Николаевна. О юбиляре 351

IN MEMORIAM

Паульзен Н. Он отдал все… Памяти Иосифа Шлейхера 353

Малиновский Л.В. Памяти Иосифа Шлейхера. 362

Сведения об авторах 363

Inhalt

Tat'jana B. Smirnova. Zum 25. Jubiläum des Internationalen Verbandes der deutschen Kultur 8

ARTIKEL

Geschichte

Tat'jana N. Plochotnjuk. Zur Bildung und Entwicklung des Begriffsapparates in der Migrationsforschung 18

Natal'ja V. Venger. „Mentale Karten" der Mennoniten als Manifestierung der Besonderheiten in den Raumvorstellungen einer ethnokonfessionellen Gemeinschaft 37

Elena E. Chodčenko. Emigration der Wolgadeutschen und ihre frühen Ansiedlungen in Kanada 54

Tamara P. Volkova. Die Transformation der konfessionellen Identität von Umsiedlungsbauern und Baptismus (Ende des 19. bis Anfang des 20. Jahrhunderts) 74

Irina V. Čerkaz'janova. Geschichte einer Fotografie: Sergej J. Wittes Porträt im Privatarchiv von Grigory G. Pissarevsky . 86

Arkadij A. German. Der Oktoberumsturz 1917 und die Russlanddeutschen 96

Viktor I. Isaev. Der Fall der Konsularagenten und der Austausch von politischen Gefangenen zwischen der UdSSR und Deutschland 1926 113

Ljudmila A. Falaleeva. „Sei bereit, Pionier zu werden!" Kommunistische Erziehung der Kinder in der Republik der Wolgadeutschen 126

Vladimir V. Goridovec. Einsatz der Bildungs- und Kulturschaffenden für die Erhaltung der Kultusgegenstände in Witebsk (1935–1943) 143

Philologie

Aleksandr Ja. Minor. Beinamen der Wolgadeutschen im System anthroponymischer Mittel der Personenidentifizierung 171

Valentina A. Djatlova. Vergleichende Charakteristik von morphologischen Besonderheiten der oberdeutschen Inselmundarten Sibiriens 180

Vera B. Merkur'eva. Erinnerungen der Krimdeutschen: Sprachliche und kulturologische Beobachtungen . . . 193

Larisa N. Puzejkina. „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…": Zum Hochzeitsmotiv in den Liedern deutscher Kolonisten bei St. Petersburg 204

Nadežda Ju. Danilova. Deutsche Gestalten im Schaffen Nikolaj S. Leskows 221

Methodologie und Forschungsmethoden

Viktor M. Kirillov. Probleme der Geschichte politischer Repressionen in der UdSSR: Geschichtsschreibung und Forschungsmethodologie 234

Natalija M. Markdorf, Aleksej A. Dolgoljuk. Suchmethodik für Archivinformationen über die Schicksale der Russlanddeutschen 254

Viktor K. Klec. Ethnografische Forschungen der deutschen und mennonitischen Bevölkerung der Dnepr-Ukraine 271

Heimatkunde

Jurij G. Popov. Ein Freund der Himmelwanderer: Viktor Lehnhold, ein Ornithologe aus Karaganda 285

Èlja G. Knjazeva. Der Russlanddeutsche Konstantin Frescher: Ein heldenhafter U-Bootfahrer des Atom-U-Bootes K-8 . . 292

WISSENSCHAFTLICHE CHRONIK

Wissenschaftliches Leben: Chronik der Ereignisse 301

Igor L. Tichonov. Deutsche Partnerschaften der Universität St. Petersburg: 300 Jahre Geschichte 307

Oksana V. Besnosova. „Geistiger Aufbruch und das Leben der Gemeinden in unserer Geschichte“: Ein historisches Seminar in Hönningen 314
Tamara P. Volkova. Eine Buchpräsentation in Astana 319
Aleksandr V. Černych. Die Verteidigung der Doktorarbeit von D.I. Weimann 321

BIBLIOGRAFIE UND REZENSIONEN

Irina V. Čerkaz'janova. Bibliografie 323
Elena V. Ananjan. Rezension zu dem Buch „Listen der Russlanddeutschen, die aus den dem Gebiet Stalingrad angeschlossenen Territorien der ehemaligen Republik der Wolgadeutschen deportiert wurden: eine Materialiensammlung“ // Schriften der Wolgograder Arbeitsstelle zur deutschen Geschichtsforschung. — Heft 12. — Wolgograd: Wolgograder Universitätsverlag, 2015 338
Arkadij A. German. Rezension zum Manuskript der Monografie von A.A. Dolgoljuk und N.M. Markdorf „Kriegsgefangene und Internierte in Sibirien (1943–1950)“. — M., 2016. . . 342
Irene Gies. Deutsche im Kaukasus. Rezension zu dem Buch von R. Nachtigal. 344
Vera B. Merkur'eva. Rezension zu dem Buch: Diesendorf V.F. Wörterbuch der wolgadeutschen Marxstadter Mundart. In 2 Bd. — [Saratow]: Saratovskij Istočnik, 2015. — Bd. 1. — 602 S. 347

JUBILÄEN

Elena L. Zberovskaja. Ljudmila Nikolaevna Slavina: Über die Jubilarin 351

IN MEMORIAM

Nina Paulsen. Er gab alles… — Nachruf auf Josef Schleicher 353
Lew V. Malinovskij. Nachruf auf Josef Schleicher. 362

Autorenverzeichnis 363

Т.Б. Смирнова

25-летие Международного союза немецкой культуры

28 июня 2016 г. исполнилось 25 лет Международному союзу немецкой культуры. Это наш общий день рождения, потому что Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) с 2003 г. является ассоциированным членом МСНК. Для общественной организации 25 лет — это значительный возраст, и одновременно юбилей — хороший повод вспомнить, как все начиналось. Своими воспоминаниями поделились председатель МСНК Генрих Мартенс и председатель правления МАИИКРН Аркадий Герман.

Татьяна Смирнова (Т. С.). *Генрих Генрихович, Вы являетесь первым и бессменным председателем МСНК. Нам, историкам, важно, как возникла сама идея создания такого союза, идея сотрудничества с учеными и создания профессиональной ассоциации ученых, занимающихся изучением вопросов истории и культуры российских немцев. Но сначала расскажите, пожалуйста, коротко свою биографию: где Вы родились, несколько слов о Вашей семье, где учились и работали до того, как переехали в Москву.*

Генрих Мартенс (Г. М.). Я родился 25 октября 1956 г. в городе Донецке. Отец — немец, родом из меннонитов, родился в 1919 г. в с. Гнаденфельд (Богдановка) Молочановского района Запорожской области. Дед родился в Крыму, в районе Евпатории. Мать — украинка, родилась в 1923 г. в с. Ольгинка, это в 40 км к югу от Донецка. У отца не было высшего образования, он его просто не успел получить до войны. В лагере он был в Воркуте, работал в шахте. Когда канцлер Аденауэр в 1955 г. приехал в СССР, его визит способствовал возвращению военнопленных и освобождению советских немцев из лагерей, был снят режим спецпоселения, тогда отец был еще в лагере. Он хотел вернуться домой, в Запорожскую область или в Донецк, но ему не разрешили. Тогда мать обратилась с письмом к Ворошилову, который был в то время председателем Верховного Совета, где обещала взять отца на поруки. У меня до сих пор сохранилось это письмо и ответ на него. И ей разрешили, и отец вернулся домой. Но он полтора-два года не мог устроиться на работу. Город стоял в руинах, были свежи воспоминания об оккупации, а тут приходит устраиваться на работу немец, к тому же не очень хорошо говорящий по-русски.

Я окончил Донецкий политехнический институт, факультет технологии и техники разведки месторождений полезных ископаемых. Мечтал о профессии геолога. Я был таким очень романтическим мальчиком, мечтающим о геологических экспедициях, о песнях под гитару у костра и т. п. Но это была моя вторая мечта. Еще больше, чем геологом, я хотел стать дипломатом. Сразу после школы я поехал в Киев, поступать в государственный университет на факультет международных отношений. Но не получилось. Там была такая история. Я пришел в отдел кадров университета, сказал, что хочу летом поступать, хочу учиться на дипломата и нет ли для этого каких-либо препятствий. Мне сказали, что да, конечно, поступайте, главное, чтобы знания были. Тогда я им сказал, что я по национальности немец. Они переглянулись между собой и сказали, что у нас все национальности равны, не важно, кто по национальности,

© Т.Б. СМИРНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 8–17.

хоть китаец, поступайте, проблем нет. Тогда я стал открывать карту за картой. Сказал, что у меня отец сидел 11 лет в лагере по политической статье, они мне ответили, что у нас сын за отца не отвечает. Тогда я сказал, что моего деда расстреляли в 1938 г., как иностранного агента. Но и тогда они сказали, что это не повлияет, в Советском Союзе дискриминации нет и я могу приезжать учиться. Я чуть не вприпрыжку от радости иду по коридору, и тут меня догоняет одна из женщин (спасибо ей большое) и говорит, чтобы я не приезжал, потому что поступить у меня все равно не получится, чтобы я зря время не тратил. Так и получилось, что я стал геологом, хотя политика меня всегда привлекала.

Т. С. *Думаю, что нет ни одного российского немца, в судьбе которого репрессии, депортация и трудармия не сыграли бы решающую роль. Эти трагические события определили историю целого народа и каждого, кто к нему принадлежит. Аркадий Адольфович, расскажите Вы о своей семье.*

Аркадий Герман (А. Г.) Мои родители — и мать, и отец — поволжские немцы. Мои предки, Германы, жили до начала XX в. в с. Пфайфер (Гнилушка), сейчас это Бородинское. Прадед и его братья были известными столярами-краснодеревщиками очень высокой квалификации. Мой дед, Иван Адамович, был в клане Германов белой вороной, он не захотел стать столяром или пахарем, а хотел учиться, и, поскольку проявлял хорошие способности, он оказался в Саратовской католической духовной семинарии. И неизвестно, чем бы это все закончилось, он мог стать священником, но произошла революция, и он стал учителем. Учительствовал он в с. Каменка, это в восьми километрах от Гнилушки. В 1937 г. его арестовали по доносу, и он попал в Ивдельлаг. На него донесла пионервожатая; суть доноса заключалась в том, что он с детьми на уроках немецкого языка пел песни на стихи Гейне. Вскоре был короткий период амнистии, после того как Берия сменил Ежова, дед написал письмо Калинину; по-видимому, таких писем было немного из-за того, что амнистия была очень краткой, и его амнистировали. Место учителя в Каменке было занято, и он нашел работу в с. Диттель (это сейчас Волгоградская область, с. Алешники). И вот оттуда семья была депортирована в Тюменскую область, Ишимский район, с. Малиновка. Поскольку дед был очень грамотный, его сделали бухгалтером, а потом забрали в Ишим. Трех его детей, которым уже исполнилось 16 лет, забрали в трудармию, мой отец Адольф Иванович оказался в Краснотурьинске, на строительстве Богословского алюминиевого завода (Богословлаг). И там же оказался мой дедушка по матери. Они были лютеранами и происходили с левой стороны Волги, дед из Унтервальдена, а бабушка была из с. Цюрих, они были депортированы в Красноярский край, а потом попали в трудармию, т. е. мой отец и дед по матери оказались в одном лагере. В 1946 г., когда разрешили воссоединиться семьям, моя мама оказалась в Краснотурьинске. Там моя мама познакомилась с отцом. Я родился на спецпоселении в 1948 г.

Т. С. *А как Вы оказались в Саратове?*

А. Г. После снятия режима спецпоселения возвращаться на Волгу не разрешили, и наша семья переехала к родственникам в г. Ишим Тюменской области. В 1966 г. я окончил школу в Ишиме и поступил в Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск. После его окончания служил в армии, в разных местах, с 1982 г. стал преподавать в своем училище, окончил Военно-политическую академию, воинское звание — полковник, а с 1998 г. стал профессором Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Здесь я работаю до сих пор.

Т. С. *Генрих Генрихович, в каком году Вы приехали в Москву? Вообще, почему Вы решили «покорять» Москву?*

Г. М. Я работал в геологоразведке в Донецкой области, и весной 1989 г. я наткнулся на статью Генриха Гроута в журнале «Новое время». Там было сказано, что Гроут живет на юге Украины, работает в научной лаборатории. Я стал звонить в Мариуполь, но мне сказали, что у них такой человек не работает. Я стал обзванивать все сколько-нибудь подходящие учреждения и нашел Гроута в Бердянске. Приехал к нему, мы пообщались, и в конце сентября я разместил в газетах «Вечерний Донецк» и «Социалистический Донбасс» объявление о том, что создается общество советских немцев. Наша Донецкая областная общественно-политическая и культурно-просветительская организация советских немцев стала активно работать, участвовать в мероприятиях общесоюзного уровня. Я входил в координационных совет общества «Возрождение» и в состав оргкомитета по подготовке первого Всесоюзного съезда советских немцев. Каждый член оргкомитета должен был работать по две недели в месяц в Москве. Я не планировал уезжать из Донецка, поэтому приезжал в Москву, работал, потом уезжал, потом опять приезжал. С моей точки зрения, такой режим работы был непродуктивным, потому что в мое отсутствие дела двигались плохо, или не двигались совсем, или двигались не в ту сторону, поэтому через два месяца таких переездов я остался в Москве и стал готовить съезд. И даже тогда я не планировал уезжать из Донецка совсем, я планировал подготовить съезд, провести его на достойном уровне и вернуться домой. Съезд был намечен на октябрь 1990 г. Но время проведения съезда постоянно переносилось — сначала на конкретные даты, потом — на неопределенный срок. Это затягивание было связано с тем, что на съезде центральным вопросом должен был стать вопрос о восстановлении республики.

Т. С. *Как был создан МСНК? Какими были обстоятельства его создания?*

Г. М. К созданию МСНК привели обстоятельства того времени, обстановка в общественном движении. С самого первого заседания, с первой конференции «Возрождения» наметился определенный раскол, сформировались два крыла этого самого мощного движения. Одно крыло говорило: только республика и ничего кроме республики. Если республику не восстановят, мы все уедем в Германию. Другое крыло говорило: давайте рассмотрим разные варианты, республика может быть не только на Волге, вообще много вариантов может быть. К середине 1991 г. стало понятно, что если республика и будет восстановлена, то это займет очень длительное время. Перенос съезда на неопределенное время — это был верный сигнал того, что руководство страны приняло решение не восстанавливать республику. Тогда возник вопрос: что делать дальше? Как сторонник компромиссов, я какое-то время пытался работать вместе со вторым крылом, но, скажем так, получил некоторое разочарование. Потому что лозунги там были, а дел не было. Причем это крыло, как менее радикальное, пользовалось поддержкой государственных органов, и если бы кроме лозунгов был план действий, дорожная карта, то можно было бы горы свернуть. Но этого не случилось. Те, кто выступал за немедленное восстановление республики, считали, что не нужно заниматься культурой, преподаванием немецкого языка, потому что учиться петь, танцевать, говорить по-немецки надо после восстановления, т. е. вопросы языка и культуры отложить и решать позже, в рамках республики. И все занимались большой политикой.

Вот поэтому возникла группа единомышленников (в основном — интеллигенция, профессора), которая решила создать организацию, которая будет заниматься практическими делами. Не огромными политическими проектами, а конкретными практическими делами, проектами в сфере культуры, языка, молодежи и т. д. Оба крыла понимали, что такая организация нужна и что она возникнет. В тот момент больше понимания моей инициативы по созданию такой организации было со стороны Гроута. Мы с ним договорились, что создаем такую организацию и Гроут не вмешивается в нашу работу, а мы не вмешиваемся в его политическую деятельность. Там, где надо,

мы друг другу помогаем. С Гуго Вормсбехером я также пытался договориться, но он занял непреклонную позицию.

Так, путем обсуждений и переговоров, возникла организация, которая занимала центристскую позицию и предлагала заниматься практическими делами, немецким языком и культурой, а не политикой. 28 июня 1991 г. был создан МСНК. На первой учредительной конференции присутствовало не очень много народу — всего 28 человек, по-моему. Общественное движение тогда было на подъеме, и подобные конференции собирали по 300–500 человек, а у нас — всего 28. Первое название было другое: Союз в поддержку культуры немцев СССР. После августовского путча стало понятно, что СССР долго не продержится, и мы собрали совет и изменили название на «Международный союз немецкой культуры». 10 октября МСНК был зарегистрирован Министерством юстиции СССР. Тогда мы были никому не известны. Общество «Возрождение», Гроута, Вормсбехера, Гарра и других политических лидеров знали все, а нас не знал никто. Тогда еще летом возникла довольно авантюрная идея — провести фестиваль. Раз мы — союз культуры, значит должно быть проведено крупное, всесоюзное, именно культурное мероприятие — фестиваль. Я дал объявление в газету «Нойес Лебен» о проведении такого фестиваля, причем написал, что все расходы мы берем на себя. Буквально через пару дней после выхода газеты начался вал звонков, заявок было такое количество, что у меня возникла дилемма: либо с позором бежать из Москвы, потому что денег не было, либо серьезно готовиться к фестивалю. Как мы нашли деньги на фестиваль — это отдельная история, у меня к тому времени уже был опыт зарабатывания кооперативных денег в Донецке, проявились менеджерские способности, в общем, средств из различных фондов мы нашли столько, что и фестиваль провели, и после фестиваля могли платить зарплату сотрудникам, снимать помещение довольно долго.

В конце октября 1991 г. мы провели первый всесоюзный фестиваль, на который собрались коллективы со всей страны. Мероприятия проходили во Дворце культуры АЗЛК и на открытых площадках (на ВДНХ, например). Параллельно мы провели первую выставку художников — советских немцев — в Центральном Доме художников на Крымском валу. Но даже тогда я еще не решил окончательно переехать в Москву, у меня в Донецке был свой бизнес, который я поддерживал до 1994 г., пока, наконец, все не решилось в пользу Москвы.

Т. С. *Я помню, что первый «офис» МСНК находился в съемной квартире. Расскажите, что это было, как он был обустроен, в каких условиях приходилось работать.*

Г.М. Нет, первый офис МСНК находился в гостинице «Будапешт». Мы снимали там пять номеров. Днем мы в этих номерах работали, а ночью спали. Первое время мы не платили за номера, а только обещали, потому что не было денег. Когда мы провели фестиваль, деньги появились, и мы заключили договор с гостиницей на три года и сразу заплатили большую сумму. Номер на третьем этаже стоил 9 руб. 26 коп., а полулюкс на пятом этаже стоил 16 руб. 30 коп. Вскоре началась огромная инфляция, меня много раз приглашал к себе директор гостиницы и уговаривал заплатить по новым ценам, которые тогда достигли нескольких миллионов за номер, но я ссылался на договор. Когда директор говорил, что выселит нас, я ссылался на посольство, которое якобы стояло за моей спиной, хотя, конечно, никого за моей спиной не было. Так мы протянули два года. В общем, мы работали там же, где и жили.

Т.С. *1990-е годы, в которые проходило становление МСНК, — это сложные годы, которые называют «лихие девяностые». Можете ли Вы вспомнить эпизоды из истории МСНК, которые соответствовали бы этому определению?*

Г.М. Эпизодов было очень, очень много. Один из них как раз связан с офисом. Гостиница «Будапешт» в 1993 г. попала под, как тогда говорили, «крышу» преступной

группировки, которых тогда было великое множество, ко мне пришли крепкие ребята определенной наружности. Приходили они два раза, первый — чтобы дать нам две недели на сборы, а второй — чтобы уже занять помещения, и они очень удивились, увидев нас на месте. Дали еще неделю. Один мой знакомый сказал, что лучше нам уехать, потому что есть дети, которым будет плохо расти без отца, есть мама, которой будет плохо без сына. Тут уже мы решили не испытывать судьбу и быстро съехали на съемную квартиру, которую многие сегодня и помнят как первый офис МСНК. Название улицы, на которой располагалась эта пятиэтажка, соответствовало тому состоянию, в котором находился тогда МСНК, адрес был — улица Бойцовая, дом 14, корпус не помню. Мы снимали четыре квартиры на пятом этаже. Условия были чудовищными. Сами квартиры были отремонтированы, но подъезд был «убитый». Там регулярно прорывало водопровод в подвале, и клубы пара поднимались до пятого этажа. Приехавших однажды из МИДа чиновников пришлось буквально уговаривать зайти в эти руины, а потом блокировать их отступление назад, чтобы не дать им уйти. Но внутри было вполне достойно по тем временам. Там мы прожили до 1998 г., в 1998 г. мы переселились в Российско-Немецкий дом.

Т. С. *Очевидна связь истории и культуры российских немцев с историей и культурой Германии. Вы помните свою первую поездку в Германию? Когда это было и по какому поводу? Какое место занимает Германия в вашей идентичности?*

А. Г. Большое, определяющее место в моей жизни занимает военная служба. После школы я поступил в военное училище, прослужил в армии 32 года и уволился в 1998 г. И это, конечно, наложило ограничения на общественную деятельность, на поездки. В Германию я поехал впервые в апреле 1999 г., на конференцию в Майнце, куда меня пригласил доктор Айсфельд. К этому времени я уже занимался научной работой и активно публиковался. Сейчас много родственников живет в Германии.

Г. М. В моей идентичности Германия вполне обычное место занимает, как родина предков. Очень большое место занимает украинская часть, Донетчина, я разумею и трошки размовляю на мове, но по большому счету мне комфортно в любой стране, я могу назвать себя человеком мира. Первый раз я попал в Германию в 1989 г., по своей инициативе, я поехал к тетке, которая жила в Гамбурге. В 1990 г. я снова поехал к родственникам, но уже выполнил посредническую функцию, помог установить контакты между госкомнацем и VDA. Потом я был в составе делегации «Возрождения». А потом мы уже ездили по приглашению Х. Ваффеншмидта для участия в переговорах по проблемам российских немцев. Но эти переговоры ни к чему не приводили, тогда я в 1996 г. купил на собственные деньги билет (все тогдашние вожди летали в Германию за счет Германии, это не вызывало большого уважения со стороны немецких партнеров), чтобы договариваться о проектной работе. Переговоры прошли очень успешно, мы получили серьезное финансирование. С тех пор у нас установились доверительные отношения с немецкими партнерами. Если бы германская сторона нам не доверяла, нам не передали бы почти всю проектную работу по программе поддержки немецкого меньшинства в России. Впрочем, доверительные отношения сложились и с российским руководством. Очень хорошие контакты и с российской, и с германской стороной.

Т. С. *Расскажите о первых сотрудниках МСНК: кто был в «первом составе», как их набирали, какие требования были к этим первым сотрудникам?*

Г. М. В первые годы была очень большая текучка. С одной стороны, мало было людей, которые имели опыт организации фестивалей, культурных мероприятий, менеджеров в культуре. С другой стороны, и у нас много лет не было никакой стабильности: вместо зарплат были гонорары, эти гонорары были не каждый месяц, заработки были копеечными, а работали мы и по 12, и по 14 часов в сутки. Поэтому люди часто менялись. Но из тех, кто пришел первым, я могу назвать Валентину Смирнову-Эртель,

которая внесла очень большой вклад в становление МСНК. Это Лидия Готфрид, которая выступала и как певица на наших мероприятиях, и была их организатором. Чуть позже к нам присоединилась Тамара Николаевна Чернова, которая долгое время была координатором по исторической работе, по взаимодействию с историками, с МАИИКРН и сама писала статьи и монографии. Особо я хотел бы выделить Викторию Теодоровну Петри, нашего первого бухгалтера, она потом уехала в Германию и уже умерла, к сожалению. Это был, собственно говоря, костяк команды. Это были очень тяжелые времена, но это было безумно интересно. Мы шли к цели, мы были окрылены идеями, особенно когда мы научились, у нас стало получаться, люди стали благодарить — это приносило огромное удовлетворение.

Чуть позже присоединились Наталия Федоровна Церт, она долго была главным бухгалтером, а сейчас — его заместитель, Екатерина Листарова, нынешний исполнительный директор, Ольга Мартенс, которая сначала возглавляла молодежное движение. Сначала сотрудников было очень мало, мы привлекали людей дополнительно на мероприятия, искали сотрудников, которые могут выдвигать идеи и их реализовывать, представлять эти идеи, уметь работать с госорганами и общаться с людьми. Таких людей найти очень сложно, поэтому команда складывалась долго, а сейчас есть прекрасная команда, в которой есть и основные игроки, и в запасе, и те, кто готовится войти в состав.

А.Г. Это, конечно, Тамара Николаевна Чернова, мы с ней познакомились в 1993 г. на конференции в Люберцах. Это была конференция, которую организовал БИЦ, В.Г. Чеботарева. Потом уже мы с Тамарой Николаевной сотрудничали в МСНК прежде всего по линии бюллетеня «Российские немцы», но и по другим вопросам.

Т.С. *Генрих Генрихович, почему Вы решили, что необходимы научные исследования по истории российских немцев? Как вообще возникла мысль о научных исследованиях, ведь союз создавался как организация прежде всего культурная?*

Г.М. Первые исследования были социологическими. Мне всегда было интересно общественное мнение, уже в 1990 г. я провел анкетирование участников пленума общества «Возрождение», по согласованию с руководством общества, для того, чтобы выяснить ценностные ожидания. Мне важно было понимать ситуацию, чтобы правильно двигаться дальше. Потом мы привлекли к исследованиям сотрудников этносоциологической лаборатории МГУ под руководством А. Сусоколова. Они проводили опросы в немецких национальных районах, в 1991 г. был проведен опрос на Алтае. Национальные районы — это были тогда островки надежды. Наши исследования показали, что у людей в районах были завышенные ожидания, очень завышенные, буквально люди думали, что через несколько лет здесь будет маленькая Германия с тем же уровнем жизни. Мы говорили, что эти завышенные ожидания неизбежно закончатся разочарованием и массовой эмиграцией. 19 августа 1991 г. я был приглашен в Бундестаг на заседание рабочей группы по проблемам переселенцев. На этом заседании я познакомился с Хартмутом Кошиком, который эту группу возглавлял, нынешним уполномоченным Федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств, т. е. мы знакомы с ним 25 лет. Я озвучил проблему завышенных ожиданий по поводу районов, но мне тогда никто не поверил. В 1992 г. мы провели второе исследование в районе, а в 1993 г. совместно с доктором Айсфельдом мы провели массовое исследование в Омской области, опрос 5 тыс. респондентов.

Т.С. *Как Вы познакомились с доктором Айсфельдом? Когда, где и при каких обстоятельствах это произошло?*

Г.М. С доктором Айсфельдом я познакомился в 1989 г., в октябре или ноябре, когда сначала проводилось заседание координационного совета общества «Возрождение», а потом — конференция, которую проводили В.Г. Чеботарева и В.А. Ауман, помню, что

это происходило в Москве на улице Правды, в Институте проблем развития социализма — так, кажется, называлась эта организация. И мы с Айсфельдом там познакомились. Он тогда был сначала экспертом, а потом он стал помощником Хорста Вафф еншмидта, статс-секретаря в МВД Германии и первого уполномоченного по делам переселенцев. Айсфельд говорил очень, очень разумные вещи. Он был за республику, он был не против выезда в Германию, т. е. он был за российских немцев. Он давал советы всем лидерам — Гроуту, Ворсмбехеру, и советы эти были очень взвешенные, очень ответственные, очень умные, и, если бы они его слушали, то мы бы были сейчас в иной точке, чем сейчас, мы бы достигли гораздо больших успехов. И мы с ним тогда нашли общий язык, потому что мы хотели заниматься конкретными делами.

Т. С. *А как Вы познакомились с профессором Германом?*

Г. М. В 1994 г., когда проводили первую международную конференцию, мы сделали объявление, опубликовали программу, стали приходить тезисы, наш сотрудник смотрел эти тезисы, мы давали их посмотреть Айсфельду, еще кто-то из ученых занимался отбором. Так был определен круг участников, и, когда мы приехали в Анапу, мы встретились с Аркадием. Ну, и с Игорем Плеве. Так мы с профессором Германом познакомились на первой Анапской конференции.

Т. С. *Аркадий Адольфович, а Вы как вспоминаете свое знакомство с Генрихом Генриховичем, с доктором Айсфельдом?*

А. Г. В этой связи нужно сказать о первом председателе МАИИКРН — Игоре Рудольфовиче Плеве. В то время, с конца 1980-х годов, мы дружили с Игорем Плеве, мы тогда «поделили» наши сферы научной работы, он занимался дореволюционным периодом, я — послереволюционным. У нас были очень хорошие и деловые, и человеческие отношения. С Игорем мы встретились благодаря общественному движению российских немцев. Когда в период перестройки начался подъем общественного движения, Юрий Гаар, который был инициатором этого движения в саратовском Поволжье, искал и собирал вместе немцев. Он пригласил меня, я пришел на эту встречу, хотя из-за службы мне это было и непросто. И на одной из таких встреч мы с Игорем познакомились. Мы быстро нашли общий язык, потому что оба были историки. Так началось наше сотрудничество. О Генрихе Мартенсе я сначала слышал, а уже потом познакомился с ним лично. В 1991 г. я прочитал в газете о создании Международного союза немецкой культуры. Мне это импонировало больше, чем политическая деятельность, я стал отмечать, обращать внимание. А встретился лично я с Генрихом Мартенсом в 1994 г. на первой нашей конференции. Мы прилетели самолетом в Анапу, нас, саратовцев, было много, и Генрих нас встречал. А с 1995 г., когда меня избрали в правление ассоциации, мы с Генрихом стали сотрудничать, в основном по нашим конференциям, потом — по другим проектам. Председателем ассоциации тогда был Игорь Плеве. На второй конференции в Анапе в 1995 г. было учредительное собрание, и Игорь был выбран председателем ассоциации. Он тогда еще не делал административную карьеру, у него было больше свободного времени, и он тогда очень активно работал. Заместителями у него были Эльвира Барбашина и Айсфельд. Я бы хотел особо отметить Эльвиру Рудольфовну Барбашину, которая, к сожалению, ушла из жизни. У нее было много замечательных идей, правильных мыслей. В это время я не занимал никаких постов, не был на лидирующих позициях, первую конференцию 1994 г. готовил доктор Айсфельд вместе с Генрихом Мартенсом, и Игорь больше участвовал. Именно Айсфельд, Мартенс и Плеве определяли тогда всю работу ассоциации, они стояли во главе.

Т. С. *Аркадий Адольфович, Генрих Генрихович, мне все-таки хочется получить точный ответ на вопрос — кому, как и когда пришла идея создания МАИИКРН? Расскажите, как произошло оформление этой идеи в реальность.*

Аркадий Герман (слева) и Генрих Мартенс.
Москва, 25 августа 2012 г.
Из архива А.А. Германа

А.Г. На первой конференции в Анапе мы идею создания ассоциации обсудили и решили, что ее надо реализовывать. Подробно об этом написано в первом номере нашего Ежегодника[1].

Г.М. Да, это так. Но если говорить об идее, то она появилась на год раньше. В 1993 г. мы проводили первый форум российских немцев. Он проходил в Краснодаре и в Анапе. Одновременно проходило совещание руководителей национально-культурных центров и ответственных за культуру региональных чиновников. 17 региональных министров культуры были на этом совещании. Были представители (заместители министров) Министерства культуры РФ, Министерства образования и Министерства по делам национальностей России. Это было очень представительное совещание. И вот на это совещание мы пригласили Айсфельда в качестве эксперта. И там мы с Айсфельдом наметили первую программу научных исследований. По русской традиции эти судьбоносные решения принимались в бане под пиво и водочку. Несмотря на обстановку, решения были приняты серьезные: a) это создание ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (мы ее называли «ассоциацией историков»), b) издание бюллетеня, c) проведение первой международной конференции. Бюллетень мы начали издавать в 1995 г., первая конференция прошла в Анапе, в 1994 г., она называлась «Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге». Следующая конференция в Анапе в 1995 г. стала учредительной для ассоциации историков. То есть очень быстро мы начали выполнять намеченную программу научной работы. Кроме того, в эту программу входили архивные изыскания, этнографические экспедиции (Поволжье, Алтайский край, Омская область и Новосибирская), музейные выставки.

[1] *Герман А.А., Черказьянова И.В.* Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев: 20 лет деятельности // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры рос. немцев. — 2015. — № 1. — С. 10–26.

Т.С. *Какие были первые проекты, реализованные МСНК? Какие проекты, осуществленные МАИИКРН и МСНК, Вы считаете наиболее удачными? Какая деятельность была наиболее продуктивной?*

Г.М. Это уже названные проекты — бюллетень, конференции, экспедиции, музейные выставки. Плюс публикации. Уже в 1995 г. мы начали издавать книги, вышли монографии Е. Ериной, О. Лиценбергер, Л. Белковец и т. д., очень много публикаций. Но я хочу сказать, что для каждого времени это были свои проекты. Мне кажется, что все, что мы делали вместе с ассоциацией, было и важно, и нужно, и своевременно. Допустим, когда мы только начали работать, в 1994, 1995, 1996 гг., было много белых пятен. Поэтому было важно сделать как можно больше публикаций, провести конференций. Конференции были тем остовом, на основе которого строилась ассоциация. Важен был бюллетень, потому что он создавал информационную среду. Мы создали первое немецкое издательство, тогда это была «Готика». В 1998 г. мы возобновили издание «Московской немецкой газеты». В 1999–2000 гг. стали издавать журналы для изучения немецкого языка, методические материалы. Начали проводить форумы общественных организаций — такой своеобразный формат. Мы постоянно искали новые форматы, мы постоянно менялись, стремились соответствовать времени. И наука нам в этом помогала. Научные исследования показывают, в какой точке ты находишься. Это очень важно.

Т.С. *Какие из тех направлений работы, которые были выбраны в первые годы, продолжаются и сегодня, а какие утратили свою актуальность?*

А.Г. Продолжаются конференции, публикация материалов конференций. Вместо бюллетеня стал выходить Ежегодник, это наша основная работа.

Г.М. Все направления продолжаются, но, в соответствии со временем, немного в другом формате. Например, на первом этапе очень важны были этнографические экспедиции. Нужно было собирать живую историю. Сейчас этот проект продолжается в виде составления реестра поселений, главной целью которого является сохранение культурного наследия. На смену бумажной энциклопедии пришла электронная энциклопедия российских немцев, которая сегодня просто более удобна в использовании. Если говорить о работе МСНК в целом, то, конечно, в первые годы мы проводили много фестивалей. Нам надо было заявить о себе, прогреметь. А сейчас на первом плане повседневная, даже рутинная работа. Она и дороже обходится, и результат от нее выше. Так что приоритеты, конечно, сменились.

Т.С. *Как вы оцениваете деятельность ассоциации историков, вклад МАИИКРН в общее дело, сотрудничество МСНК и МАИИКРН?*

Г.М. Говоря о вкладе в общее дело, я бы хотел сказать о реабилитации немецкого народа. Реабилитации нет без самореабилитации. Самореабилитация заключается в том, что ты должен понять, кто твой народ, приобщиться к истории, культуре, немецкому языку, тогда и происходит реабилитация, а не сверху. Написание истории народа — это одна из форм реабилитации. Для меня это очень важно, потому что пройдут годы, изменится ситуация, скорее всего наш народ будет еще более разобщен. Но мы должны оставить написанную историю народа, должны оставить памятники. Памятники в виде энциклопедии, большого количества книг, восстановленных памятников культуры.

А. Г. С самого начала ассоциация задумывалась как самостоятельная организация. Но даже на первом этапе обойтись без поддержки МСНК, организационной прежде всего, было сложно. Потому что ведь не было специальных людей, у всех была преподавательская работа. А дальше все было сложнее и сложнее. Поэтому ассоциация была зарегистрирована первоначально, но перерегистрировать ее уже не удалось, когда была плановая перерегистрация. Слишком много условий для этого надо было выпол-

нить, которые ученым было сложно исполнить, да еще в разных городах мы находились, а решать все вопросы надо было в Москве. В Москве у нас не сложилось какой-то организационной группы. Мне кажется, что меня выбрали председателем в 2002 г., потому что это уже особо никому не нужно было, а организационных проблем становилось все больше. Поэтому ассоциация вошла в МСНК, стала его частью. Мне наше сотрудничество представляется очень плодотворным, на протяжении многих лет МСНК брал на себя всю организаторскую работу, финансирование, отчетность. Мне бы очень хотелось, чтобы наше сотрудничество и дальше продолжалось.

Г.М. Добавлю, что первые годы регулярного финансирования не было, мне часто приходилось использовать собственные средства, которые приносил бизнес. МСНК несколько раз находился на грани финансового краха. Потом мы научились делать заявки в различные фонды. Финансирование научных исследований, выставок, например, проходило так: мы делали заявку, Айсфельд пробивал деньги, мы помогали организовывать, делали отчетность. И дальше так сложилось, что наше сотрудничество с учеными стало взаимным. Нам нужны были научные исследования, чтобы понимать, куда мы движемся, чтобы идти вперед. Ученым нужны были мы, потому что мы брали на себя поиск денег, организацию и так далее. Все эти годы было очень хорошее дополнение друг друга.

Т.С. *Что, по Вашему мнению, МАИИКРН и МСНК нужно сделать еще непременно? Или все уже сделано и можно подвести окончательные итоги?*

А.Г. Думаю, что сначала нужно довести до хороших результатов то, что мы уже делаем, потому что проекты настолько масштабные, что заканчивать их будут наши ученики. Здесь, к сожалению, есть проблема — очень мало молодых исследователей занимается этой тематикой, но мы на них надеемся.

Г.М. Сделано, конечно, многое. Но я чувствую, что сейчас нужно перевести работу на новый системный уровень. Например, не просто издавать и рассылать книги, а сделать полноценную электронную библиотеку, потому что в условиях дисперсного проживания это выход. Ну, нет национальной библиотеки российских немцев, а мы создаем ее в интернете. Нет реального музея российских немцев — а мы создадим виртуальный. Надо сейчас эти задачи выполнять, на мой взгляд. Надо делать электронную энциклопедию, электронные книги памяти, справочники по репрессированным. Эти вещи, мне кажется, фундаментальные, они нас еще переживут. Это такие дела — мы уйдем, а люди будут узнавать историю своих предков, историю своей семьи и своего народа. Я, может быть, скажу парадоксальную вещь, но мне кажется, что мы сейчас создаем виртуальную немецкую республику. Раз уж так сложилось, что создать реальную республику нельзя, мы создаем республику виртуальную. В интернете многое можно сделать — интернет-конференции проводить, электронное голосование и т. д. Мы это уже делаем, но надо шире эти возможности использовать. Согласитесь, раньше этого нельзя было сделать, не было этих возможностей. Сейчас надо развивать интернет-пространство, информационную работу, я это очень остро чувствую.

Мне кажется, что у МСНК и МАИИКРН есть одна особенность: мы очень чувствуем те изменения, которые нужны нашим организациям. И историки, и культурологи, специалисты по языку, и сотрудники нашего бюро — все очень хорошо понимают, что нужно делать. Седьмое чувство: начинаем делать, и понимаем, что именно это позарез сейчас нужно.

Т.С. *Спасибо за беседу, за ваши воспоминания, за оценки событий, того времени, когда МСНК создавался, и современной ситуации. Желаем обоим председателям здоровья и успехов.*

УДК 930.2

Т.Н. Плохотнюк

Формирование и развитие понятийного аппарата исторических миграционных исследований

В статье анализируется состояние понятийного аппарата по теме «международная миграция». Актуальность исследования обусловлена потребностью в развитии миграционной теории, которая обеспечивает выход на решение будущих практических задач. Используемые понятия определены в результате историографического и источниковедческого анализа. Основное внимание было сконцентрировано на применении и интерпретации терминов «миграция», «эмиграция», «иммиграция», «колонизация», «диаспора», «зарубежье», «иностранец», «беженец». Исследование помогло определить уровень разработанности понятийного аппарата и выявить основные проблемы, среди которых неразработанность некоторых дефиниций, дискуссионность других, некорректное употребление третьих, незнание о способности к своеобразной субституции отдельных из понятий этой темы. В статье доказывается, что язык — важная компонента познания и требованием к нему является высокая степень адекватности понятий реальности: содержание и границы дефиниций должны как можно точнее передавать сущность обозначаемого процесса или явления, в данном случае — феномена миграции.

Ключевые слова: историческое миграционное исследование, миграционная теория, понятийный аппарат, миграция, эмиграция, иммиграция, колонизация, диаспора, зарубежье, иностранец, беженец.

Исторический факт — объект прошлого, уже не существующего. Любая историческая интерпретация, как единственно возможный «объект прошлого» в настоящем, есть построение на базе логических правил текста. Создание такой искусственной конструкции начинается с определения домена языка. С одной стороны, к прошедшей действительности следует подходить с определенным понятийным инструментарием, с другой — в процессе работы потребуется его постоянная оценка, уточнение, дальнейшее развитие и даже создание новых понятий и моделей их объяснения. Все это необходимо для консенсуса в понимании действия, т. е. явления прошлого, реконструкция которого осуществляется.

Как и любой другой социальный феномен, миграция, прежде чем стать объектом исследования, была осознаваема и объясняема обыденным языком и отражаема языком официальных документов, каждый из которых становился этапом оформления правовых понятий, уточняющих порядок регламентации перемещения населения, а также этапом оформления научных дефиниций. На этих первых двух уровнях чаще всего происходит смещение семантического значения термина, остаются незамеченными и необозначенными его некоторые характерные признаки, на основании которых дается более точное и исчерпывающее определение. Во многих случаях из-за неточности дефиниций и недоговоренности о них исследователи, изучая историю

© Т.Н. ПЛОХОТНЮК. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 18–36.

миграции, не могут выразить наиболее существенные стороны и черты реально происходивших в прошлом событий и феномена миграции в целом[1].

Потребность в фундаментальности для развития миграционной теории, которая обеспечивает выход на решение будущих практических задач, обусловила пристальное внимание к понятийному инструментарию проводимого исследования, позволяющему адекватно отразить изучаемое явление. Поэтому и возникла необходимость проследить его оформление в развитии, рассмотрев его в ретроспективе и современном состоянии. Понятия, раскрывающие тему «международная миграция», определены в результате историографического и источниковедческого изучения. В ходе анализа содержания источников и опубликованных исследований внимание было сконцентрировано на применении и интерпретации терминов «миграция», «эмиграция», «иммиграция», «колонизация», «диаспора», «зарубежье», «иностранец», «беженец». Такой анализ помог определить уровень разработанности понятийного аппарата и выявить основные проблемы.

Нет необходимости обосновывать ключевое значение для заявленной темы дефиниции понятия «миграция». Научное понятие «миграция», разработка которого началась еще в последней четверти XIX в., сегодня имеет около 36 определений. Это обстоятельство обусловлено тем, что миграция как социальное явление продолжает развиваться, а потому дефиниция понятия «миграция» — наиболее дискутируемая[2].

Современный интернациональный термин «миграция» имеет латинское происхождение — migratio. В латинском языке он означает «перемещение». Во всех языках, прежде всего, в английском, этот термин употребляем для обозначения процесса перемещения. Это может быть процесс перемещения химических элементов, перемещение болевых ощущений в человеческом организме, перелет птиц и перемещение человека в пространстве. Исследователи Б.С. Хорев и В.Н. Чапек отыскали в английском языке такое значение глагола «migrate», как «путешествовать пешком, странствовать»[3]. В современном американском английском языке „migrate“ имеет два значения: 1) передвижение из одной страны в другую страну или регион и поселение там; 2) периодически менять место, перемещаться, главным образом, сезонно из одного региона в другой[4]. Приведенные примеры — подтверждение того, что язык — это способ отражения жизни во всей ее полноте и изменчивости.

Прежде чем оформиться в качестве научного понятия в интересующем нас контексте, термин «миграция» получил правовую дефиницию. В конце XIX в. он был применен в правовой практике во Франции для обозначения процесса трансграничного перемещения, т. е. французы изначально связали этот термин с международным перемещением. В лексиконе российских и германских создателей законов и политиков, также как и в бытовом языке, этот термин отсутствовал до второй половины XX в. или же не был устойчивым и широко применяемым.

Немцы в правовой и социальной практике применяли термины, производные от глагола „wandern“(«путешествовать, блуждать, перемещаться, странствовать») — „Wanderer“(«путник, странник, путешественник»), „Wanderschaft“(«путешествие, странствие»). Посредством этих терминов обозначали перемещения и переселения в пределах немецких земель. Все термины, передающие движение за пределы государства,

---

[1] *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культур. наследие рос. эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. — М., 1994. — С. 16–24; *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. — М., 1999; *Аствацатурова М.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). — Ростов н/Д.; Пятигорск, 2002.

[2] *Ионцев В.А.* Указ. соч. — С. 19.

[3] *Хореев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения. — М., 1978. — С. 45.

[4] „Migrate — 1) to move from one country to one country or region and to settle in another; 2) to change location periodically, especially to move seasonally from one region to another” // The American-Heritage Dictionary. — Houghton Mifflin Company, Boston; New York; London, 1982. — P. 795–796.

были образованы путем прибавления приставки „aus“(«вне, из») — „auswandern“(«переселяться, эмигрировать»), „Auswanderer“(«переселенец, эмигрант»).

В России процесс перемещения населения рассматривался как составная часть процесса колонизации. Поэтому перемещение населения объяснялось и обозначалось в терминах, производных от понятия «колонизация»: «колонизовать», «колонисты». Термин «колонизация» был известен и применялся в России уже в XVIII в. Но первые попытки научной дефиниции этого термина были предприняты только в начале XX в. Отечественные исследователи заимствовали определение этого понятия у западноевропейских социологов.

А.А. Кауфман, крупнейший специалист в области изучения процессов перемещения населения России, принял определение термина «колонизация», данное немецкими и французскими социологами: колонизация — это способ развития человечества, распространяющий культуру по лицу Земли[5]. Г.К. Гинс назвал колонизацию способом культурного воздействия европейских наций на азиатские государства или системой мер, направленной на скорейшее экономическое и культурное развитие отсталых частей государства. По его мнению, под «колонизацией» следовало понимать «политику всестороннего культурного развития незаселенных и слабозаселенных пространств»[6]. Г. Гинс настаивал на том, что колонизация есть вовлечение в оборот малоиспользуемых производительных сил и повышение культурного уровня местного населения. И.А. Кауфман и Г.К. Гинс предполагали, что своеобразным медиатором, средством передачи, переноса достижений цивилизации и культурных ценностей являются переселенцы[7].

Советские исследователи И.Л. Ямзин и В.П. Вощинин под «колонизацией» понимали процесс заселения и использования производительных сил «недонаселенных и экономически недоразвитых» территорий значительными массами людей, переселявшихся из более густонаселенных областей[8]. Весьма значимое уточнение для дефиниции термина «колонизация» сделал Д.Л. Давидов, который отметил государственный характер процесса колонизации[9].

Известный российский демограф и социолог Л.Л. Рыбаковский, соглашаясь с тем, что колонизация — это государственный процесс заселения районов, где нет населения или оно редко и плохо приспособлено к условиям жизни, за счет переселений из густозаселенных мест, указывает на то, что все определения колонизации, предложенные отечественными и западноевропейскими учеными, носят внеисторический характер. По его мнению, колонизация — это исторически определенный тип заселения и освоения слаборазвитых территорий, и об этом типе заселения территорий можно говорить начиная с эпохи первоначального накопления капитала. Рыбаковский настаивает на том, что процесс переселения народов в античном мире и передвижение народов в Киевской Руси коренным образом отличаются от колонизации восточных районов во второй половине XIX в. и заселения новых территорий в советские годы, т. к. они совершались в различных социально-исторических условиях и не являются колонизационными.

Несомненно, различные социально-экономические условия предопределяют своеобразие и специфику всех явлений, в т.ч. и процессов перемещения. Они определяют масштаб и плотность событий, временную протяженность, направление. Но если признать сущностью процесса колонизации заселение новых земель с обязательным их обустройством и формированием инфраструктуры, чтобы включить их потенциал

---

[5] См.: *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. — СПб., 1905. — С. 12.

[6] *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. — СПб., 1913. — С. 4.

[7] См.: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М., 1996.

[8] *Ямзин И., Вощинин В.* Учение о колонизации и переселениях. — М.; Л., 1926. — С. 4.

[9] *Давидов Д.А.* Колонизация Манчжурии и Северо-восточной Монголии (области Тао-Нань-Фу). — Владивосток, 1911. — С. 24.

в производство, то переселение греков в VII в. до н. э. в Северное Причерноморье следует называть колонизацией эпохи Античности.

Применение термина «колонизация» в отношении процессов перемещения населения в России в XVIII–XIX вв. — редкий пример корректного употребления понятия в соответствии с его семантической адекватностью. Термин «колонизация» исчерпывающе и точно передавал сущность происходящего: заселяемые земли нуждались в обустройстве и освоении. Смена места жительства была обусловлена наличием свободных незаселенных и неосвоенных земель. Термин был востребован до середины 1920-х годов. Тогда, в первые годы становления советского режима, государство вело разработку колонизационных проектов, формировало колонизационный земельный фонд, предполагало и даже приступило к осуществлению иностранной колонизационной концессии. Именно наличие пустующих, еще не освоенных земель и обусловило колонизационное направление политики советского государства.

Один из первых случаев употребления термина «миграция» в отечественной науке для обозначения процессов перемещения — это работа В. Оболенского-Осинского «Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР» (1928), выполненная в рамках международного проекта. Результаты проведенного Оболенским-Осинским исследования сначала были опубликованы на английском языке. По-видимому, в процессе перевода и был заимствован термин «миграция», имеющий универсальное смысловое значение для обозначения всех перемещений населения и категорий перемещавшихся. В самом тексте автор оперирует терминами «эмиграция», «иммиграция», «миграция». Причем последний употреблен не только для обозначения всех видов перемещений, но и для внутренних переселений. То есть впервые исследователь обратил внимание на универсальность значения этого термина[10].

Широкое и систематическое применение термина «миграция» в отечественной демографии, истории, социологии, экономической науке следует отнести к концу 1950-х — началу 1960-х годов. Тогда и началась дискуссия о корректности применения и содержания этой дефиниции. Современный российский ученый С.В. Рязанцев, проанализировав результаты исследований последних четырех десятилетий, пришел к выводу, что в основном все исследователи считают термин «миграция» равнозначным термину «переселение» или «перемещение». Так, В.В. Покшишевский называет миграцией любые перемещения населения, связанные только со сменой места жительства; В.И. Переведенцев называет миграцией населения совокупность таких перемещений людей, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства. В.В. Оникиенко и А.В. Поповкин предложили понимать под «миграцией населения» совокупность таких перемещений людей, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства, обусловленную комплексом факторов, либо какой-то одной главной причиной[11]. Такие исследователи, как Б.Б. Родоман, В.М. Моисеенко, Л.Л. Рыбаковский, уточнили дефиницию этого термина, связав перемещение с обязательным пересечением какого-либо статистически учитываемого рубежа и необязательной сменой места жительства навсегда, т. е. предположили регулярность возвращения на прежнее место проживания[12].

Самой устоявшейся и адекватной дефиницией термина «миграция» в последнее десятилетие принято считать синтетическое определение Рыбаковского, сформулированное еще в 1987 г., а затем им же уточненное в 2001 г. Автор называет миграцией любое территориальное перемещение, совершающееся между различными

---

[10] См.: *Оболенский-Осинский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. Ч. 8: Миграция за Урал. — М., 1928. — С. 78–104.

[11] *Рязанцев С.В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. — Ставрополь, 2001. — С. 9–10.

[12] Там же. — С. 10.

населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности[13]. Рыбаковский предлагает различать миграцию в широком и в узком смысловом значении. В узком смысле — это законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства. К миграции в широком смысле слова следует относить наряду с переселением сезонные, маятниковые, эпизодические миграции, т. е. перемещения. Различия между разными видами перемещения — в их продолжительности, регулярности, целевой направленности, структуре и т. д.[14]

Как видим, интернациональный термин «миграция» стал универсальным для обозначения перемещения населения. Он основа понятийного аппарата темы, от него производны термины «мигрант», «иммиграция», «эмиграция». Но пока что дефиниция этого понятия по-прежнему одна из самых остро дискутируемых.

Эксплицируем следующее понятие — «эмиграция». Оно происходит от латинского emigrare — «выселяться, переселяться». В течение XIX — первой половине XX в. в Германии термин «эмиграция» в его латинском звучании не применялся; со второй половины XX в. и в последние десятилетия этот термин признан немецкими исследователями процессов миграции, но нельзя говорить о его широком и устоявшемся употреблении. Для обозначения выезда из страны использовали и продолжают использовать термины, производные от немецкого глагола „auswandern“. Чтобы обозначить категорию выехавших, исследователи выбрали (предпочли) термин „die Auslanddeutschen“(«немцы вне Германии»). Приблизительно с конца 1920-х годов в языке официальных документов закрепился термин „die Volksdeutsche“(«этнические» или «народные немцы») для обозначения категории эмигрировавших и проживавших вне Германии, как сменивших подданство, так и не сделавших этого. А вот в 1930-е годы все те, кто выехал из Германии, скрываясь от преследований нацистского режима, составили категорию политических эмигрантов[15].

Таким образом, следует отметить, что в немецком языке удалось подобрать семантически соответствующие термины для обозначения самого выезда и оформившейся в результате этого перемещения общности. В русском языке предпочли заимствования. В этом нет ничего негативного: в Россию раньше, чем в Германию, пришел интернациональный термин «эмиграция» для замены немного неуклюжего для контекста официальных документов сочетания «отлучка за границу» и оказался более востребованным, нежели в немецком языке. В русском языке этот термин закрепился в следующих значениях: 1) переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое различными причинами; 2) совокупность эмигрантов, проживающих в какой-либо стране[16].

В начале XX в. термин «эмиграция» получил правовую дефиницию в эмиграционном законопроекте, который так и не был принят из-за событий первой русской революции. Так как массовый выезд российских подданных уже был осознан как социально-экономическая проблема и широко обсуждался в публицистике, то термин «эмиграция» оказался включенным в политическую и бытовую лексику. Его использовали для обозначения самого процесса выезда из страны, как со сменой подданства,

---

[13] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. — М., 1987. — С. 27.

[14] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. — М., 2001. — С. 149.

[15] См.: Die Deutschen im Ausland und die Ausländer im Deutschen Reiche / Bearb. im kaiserlichen Statistischen Amte. — Berlin, 1884; *Dohse K.* Ausländischer Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik u. Ausländerrect. Vom Kaiserreich bis zur BRD. — Königstein / Ts: Hain, 1981.

[16] См.: *Яновский С.Я.* 1) Русское законодательство и эмиграция // Журн. Мин-ва юстиции (далее — ЖМЮ). — 1909, апр. — С. 84–114; 2) Эмиграция с точки зрения права // Там же. — 1908, март. — С. 31–66.

так и временного. После 1917 г. «эмиграцией» стали называть общность выехавших из России бывших российских подданных, не принявших советского гражданства. Это была так называемая «белая эмиграция»[17].

Законодательство европейских стран, и Германии в том числе, под «эмиграцией» подразумевало выезд со сменой гражданства, а в российском законодательном проекте термин «эмиграция» использован для обозначения всех перемещений за границу, как со сменой подданства, так и без нее; эмиграция предполагала необязательным выезд со сменой гражданства[18]. Дефиниция термина «международная миграция», разработанная В.А. Ионцевым и включенная в лексикон правоведов, ученых, политиков, намного шире, чем дефиниция «эмиграции». Подобное своеобразное поглощение одной дефиниции другой обусловлено усложнением содержания того процесса, для передачи смысла которого используются эти термины.

По мнению Ионцева, международная миграция — это территориальные или пространственные передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленным различными факторами, или с пребыванием в стране въезда, имеющим долгосрочный, сезонный и маятниковый характер, а также с циркулярными поездками на работу, отдых, лечение и т. п.

Употребление в дефиниции множественной формы для передачи значения термина вынуждает интерпретировать его смысл следующим образом. Международная миграция есть обобщенное обозначение передвижения граждан одного государства, но в разных направлениях с обязательным пересечением границ соседних государств в каждом из этих направлений. Так, российская международная миграция охватывает все направления движения российских граждан за границу российского государства, европейская международная миграция обозначает весь комплекс перемещений населения европейских государств, как в Европе, так и вне ее, мировая международная миграция предполагает участие населения всех континентов. Для того чтобы конкретизировать направление и назвать участников такого движения, требуется отразить эту конкретизацию в самой дефиниции и передать иным термином. Если обозначаемое перемещение имеет одностороннее направление, то более адекватно его содержание отразит словосочетание «российская эмиграция в Германию» или «немецкая иммиграция в Россию», в случае двухстороннего движения — «российско-германское трансграничное перемещение населения» или же «российско-германская межгосударственная миграция населения». Таким образом, в двух последних из предложенных словосочетаний содержится конкретизация направления движения и участников этого движения.

В отношении термина «иммиграция» (от латинского immigrare — «вселяться» — въезд иностранцев в какую-либо страну на постоянное жительство) до 1920-х годов можно говорить лишь об единичных случаях его употребления, как в России, так и в Германии. Тех, кто въезжал в Россию со второй половины XVIII в., сначала на основании манифеста Екатерины II (1763), затем Жалованной грамоты Павла I (1800) и указов Александра I (1802, 1803, 1804), называли «иностранными колонистами», а сам процесс въезда — «иностранной колонизацией». Правовая дефиниция «иностранный колонист» сохранялась в российском законодательстве до 1870 г., а затем в результате реформ был упразднен правовой статус колонистов, а вместе с этим и правовая дефиниция «иностранный колонист», «иностранная колония». Бывшие иностранные колонисты получили статус поселян-собственников. Но и в повседневной речи,

---

[17] См.: *Воблый К.* К вопросу об эмиграции в России // Вестн. финансов, промышленности и торговли. — 1906. — № 34; *Тизенко М.П.* Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. — Либава, 1909; *Яновский С.Я.* Указ. соч. (1908, 1909).

[18] См.: *Яновский С.Я.* Указ. соч.

и в официальных документах термины «колония» («колонка»), «колонисты» стойко сохранялись до конца 1920-х годов и даже позднее[19].

Того, кто въезжал в Россию не в рамках массового колонизационного переселения, а самостоятельно, называли «путешественником» или «иностранцем» на протяжении всего XIX в. Да и в Уставе о паспортах Российской империи 1903 г. не появилось новых правовых дефиниций для обозначения категории подданных других государств, въезжавших в Россию. В Германии, как и в России, въезжавших в страну называли «иностранцами» — „Ausländer“. Вместо термина «иммиграция» в немецком языке быстро закрепилось понятие „Einwanderung“ — «въезд». Немецкий универсальный лексикон Мейера интерпретирует этот термин как въезд иностранцев в другое государство с целью длительного проживания[20].

Итак, можно говорить о том, что термин «иммиграция» оказался не востребованным ни в России, ни в Германии, также как и термин «миграция». Объясняя эту невостребованность, можно предположить, что и в одной и в другой стране не сформировалась традиция заимствования. Отмечая как общую черту применение термина «иностранец» („Ausländer“, нем.) для обозначения въехавших в страну, проследим причины эволюции научно-правовой дефиниции этого понятия, оформление которой пришлось на первую треть XIX в., хотя его распространение и закрепление в языках, как русском, так и немецком, произошло значительно раньше.

Прежде чем оформилось понятие «иностранец», более отчетливо было определено положение государственной принадлежности — „Staatsangehörigkeit“. Причиной тому были пауперизм и внутренняя мобильность населения. Эти два взаимообусловленные явления особенно активно развивались после окончания наполеоновской эры и усилились в 1820-е годы. Они стали своеобразным рычагом систематизации принадлежности к государству. С одной стороны, государство нуждалось в системе защиты от обнищавших бродяг и бездомных; с другой — было заинтересовано в том, чтобы иметь обязанности только перед своими собственными подданными[21].

Определение принадлежности бездомных конкретному государству было важно в условиях Германского союза при отсутствии единого национального государства. Отношение принадлежности выражалось и закреплялось через понятия „Einheimischer“ — местный, отечественный, „Einwohner“ — житель, „Staatsbürger“ — гражданин и „Untertan“ — подданный. Эти понятия, функционируя в правовой сфере, через систему законов о подданных способствовали утверждению и оформлению правового понятия «иностранец», например, сразу в трех прусских законах, принятых в один день — 31 декабря 1842 г., — Freizügigkeitsgesetz, Armengesetz, Untertanengesetz[22].

Среди иностранцев, оседавших в стране, были не только пауперы, но и носители технического прогресса. Их появление могло быть следствием экономической экспансии. Они появлялись на территории другого государства как конкуренты

[19] См.: Манифест 22-го июля 1763 года о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах // История рос. немцев в документах (1763–1992 гг.). — М., 1993. — С. 18–21; *Писаревский Г.Г.* 1) Из истории иностранной колонизации в России (по неизданным архивным документам). — М., 1909; 2) Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. — Варшава, 1914; 3) Иностранные колонисты греко-русского исповедания в Поволжье. — Саратов, 1916; 4) Хозяйство и формы землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX века. — Ростов н/Д., 1916; 5) Переселение прусских меннонитов. — Ростов н/Д., 1917.

[20] Meyers Universal Lexikon. Bd. 2. — Leipzig, 1979. — S. 600.

[21] *Dohse K.* Ausländischer Arbeiter und bürgerlicher Staat. — S. 12–14.

[22] См.: «Закон о принятии вновь въезжающих лиц» („Gesetz über die Aufnahme neu anziehender Personen“, oder Freizügigkeitsgesetz); «Закон об обязанности оказания помощи бедным» („Gesetz über die Verpflichtung zur Armenpflege“, oder Armengesetz); «Закон относительно получения и потери прусского подданства, а также вступления на иностранную государственную службу» („Gesetz betreffend die Erwerbung und den Verlust der Eigenschaft als Preussischer Unterthan, sowie den Eintritt in fremde Staatsdienste“, oder Untertanengesetz) // *Dohse K.* Ausländischer Arbeiter und bürgerlicher Staat. — S. 16.

в области промыслов. Отношения государства-реципиента с каждой категорией регламентировались различными правовыми способами. Но в целом следует говорить, что отношение государственной принадлежности в германских государствах образовалось на основе высылки и отказа бедным, нищим и бродягам, т. е. формирование права шло на негативной, а не позитивной основе отказа от так называемых «лишних»[23].

И в российском, и в немецком законодательстве понятие «иностранец» резюмировало правовые последствия, которые брали начало из того факта, что личность не имела гражданства того государства, в области юрисдикции которого она находилась. Личность становится в тот момент иностранцем, когда государство ее гражданства и государство ее пребывания не идентичны. В российской правовой практике отмечено некорректное применение этого термина. Так, все европейцы, въехавшие в течение 10 лет на основании Манифеста 1763 г., едва ступив на русскую землю, присягали на верность императрице, принимая российское подданство. С этого момента государство их гражданства и государство их пребывания становились идентичными. Но во всех официальных документах их именовали иностранными колонистами, а их поселения в Поволжье имели статус колоний. Высшее административное учреждение, в юрисдикции которого они находились, носило название Канцелярии опекунства иностранных (Санкт-Петербург). На местах разновременно существовали Саратовская контора опекунства иностранных, Новороссийская контора опекунства иностранных, Одесская контора иностранных поселенцев, Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России (среди его подопечных были иностранцы, но не они преобладали, а бывшие иностранцы, которые уже приняли российское подданство). Государство, желая объяснить и подчеркнуть происхождение новой группы своих подданных, сохранило термин «иностранный», «иностранец» для обозначения переселившихся[24].

Понятие «иностранец» конституируется только в процессе перемещения. Поэтому термин «иностранец» без искажения смысла может быть заменен термином «иммигрант», т. к. иностранец только тогда является таковым, когда он въехал в другую страну, не имея ее гражданства. Такая ситуация замены одного понятия другим без искажения смысла обусловлена внутренней логикой содержания процесса или явления трансграничного перемещения и не единична. Так, например, о своеобразной субституции можно говорить в отношении терминов «эмигрант» — «иммигрант», «политический эмигрант» — «беженец». Переселившихся в иную страну и проживших в ней продолжительный период выходцев из одной страны, являющихся, по сути, иммигрантами, продолжают называть «эмигрантами», а их совокупность — «эмиграцией»: русская эмиграция в Германии — „Die Russische Emigration in Deutschland“ или немецкие политэмигранты в СССР. Такая субституция понятий может быть объяснима разными причинами. Например, для особого подчеркивания происхождения переместившихся. В процессах эмиграции и иммиграции участвует одна и та же категория людей, и различия сводятся в основном к направлениям движения, поэтому следует помнить о единстве и взаимосвязи эмиграционных и иммиграционных процессов[25].

В рамках проводимого исследования одной из наиболее устоявшихся, разработанных считают дефиницию термина «беженец». Впервые правовое определение понятия «беженец» появилось в июле 1922 г. на Женевской конференции представителей правительств европейских государств. Тогда речь шла только о русских беженцах, т. е. таковым признавалось лицо «русского происхождения, не принявшее никакого другого подданства». Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г.

---

[23] *Dohse K.* Ausländischer Arbeiter und bürgerlicher Staat. — S. 21.

[24] *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России; Журнал Саратовской Конторы опекунства иностранных. — Саратов, 1995; Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннот. опись дел 1799–1818 гг. Т. 1–3. — Одесса, 2000.

[25] См.: *Ким Г.* История иммиграции корейцев. Кн. 1: Вт. половина XIX в. — 1945. — Алматы, 1999.

уточнило это понятие следующим образом: «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства».

Проблемы расселения, репатриации, адаптации беженцев в 1920-х годах были связаны во многом с тем, что они в странах-реципиентах образовали категорию, к которой трудно было применить обычно практикующийся принцип взаимности либо национальный режим. Выходцы из России утратили свое гражданство в силу изменений в личном статусе. Старое русское право после 1917 г. формально перестало действовать. Новое государство — РСФСР (СССР) — подавляющая часть эмигрантов не признала. Потеряв гражданство Российской империи, они не стали гражданами Советской России. Российские эмигранты-апатриды составили мощный поток беженцев[26].

Современное определение и правовой статус беженцев обозначены Конвенцией ООН о статусе беженцев (1951) и Протоколом, касающимся статуса беженцев (1966). Россия присоединилась к этим документам в ноябре 1992 г., когда беженцы на постсоветском пространстве стали проблемой для страны. «Беженцами» называют лица, которые находятся вне страны своей гражданской принадлежности, опасаясь преследований по расовым, национальным, религиозным, политическим мотивам, в силу внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно расстроивших публичный порядок в стране или ее части, или же из-за своей принадлежности к той или иной социальной группе. Беженцы — люди, которые не могут или не хотят вернуться в страну. Им предоставляются такие же права, какие предоставлены иностранцам. Если в 1920-х годах беженцем признавался апатрид, то современное правовое определение «беженец» предполагает, что беженцем является иностранец. Этот критерий дефиниции «беженец» в международном праве стал условием оформления понятия «вынужденный мигрант» в российском праве[27].

Несомненно, значимым в понятийном аппарате темы «международная миграция» является термин «диаспора». Широкое распространение термина, применение его не только к совокупности евреев, но и к религиозным и этническим группам происходит в силу того, что явление диаспоры масштабно, подвижно, внутренне неоднородно. Разрабатывая явление диаспоры как теоретическую проблему, ученые выдвигают разнообразные гипотезы и концепции в отношении переселенческих этнических групп, что дает широкие возможности для полемики и субъективных интерпретаций[28].

Явление диаспоры с трудом подвергается формализации, но в то же время уже прошло несколько стадий терминологического оформления. Среди критериев, которые позволяют определять этническую общность как диаспору — выраженное групповое этнокультурное самосознание и этническая идентичность на основе специфических диаспорных идеологем; прочная внутренняя консолидация, наличие крепких социальных механизмов для развития, самоорганизации и самоуправления на основе самобытных диаспорных принципов жизнедеятельности; широкий социальный,

---

[26] См.: *Потапов В.И.* Беженцы и международное право. — М., 1986; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. — М., 1994; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения). — М., 1994; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). — М., 1995; *Гудвин-Гилл Г.С.* Статус беженца в международном праве. — М.; Будапешт, 1997; *Клинова Е.В.* Правовое положение беженцев в странах Европейского союза. — М., 2000.

[27] См.: Конвенция и Протокол, касающиеся статуса беженцев. — Женева, [2011]; Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/10105682/ (дата обращения: 2 сентября 2016 г.); Федеральный закон от 20 декабря 1995 г. № 202-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О вынужденных переселенцах“». URL: http://base.garant.ru/105693/ (дата обращения: 2 сентября 2016 г.).

[28] *Полоскова Т.В.* Диаспоры в системе международных связей. — М., 1998; *Шнирельман В.* Мифы диаспоры // Диаспоры. — 1999. — № 2, 3; *Аствацатурова М.* Указ. соч.

политико-правовой патронаж своих членов, агрегирование и артикуляция групповых интересов; эффективное функционирование национально-культурных объединений[29].

Диаспора — периферийная этническая группа. С одной стороны, диаспора является этническим меньшинством, входящим в состав гражданского коллектива, который слагается из множества этнических сообществ, объединенных государственными и общественными институтами (территория, границы, экономика, социальная сфера, гражданство, государственный язык, идеология, мораль и др.). С другой стороны, диаспора является неотъемлемой частью одновременного этнического коллектива, хотя существует в пространственном и временном отрыве от него. Периферийность диаспоры прямо связана с ее «переселенчеством», осуществляемым как во времени и пространстве, так и в разных социально-экономических и политических формациях[30].

Первоначальное значение термина «диаспора» расширяется, включая все новые смыслы, зачастую отличающиеся друг от друга и от породившей термин ситуации. Исследователь А. Милитарев даже говорит о «неряшливом и настораживающем распространении термина»[31]. Все чаще под «диаспорой» понимают *любую* часть народа, которая живет вне родины, или же подданных одного государства, которые в качестве иностранцев оказались на территории другого государства, например, «российская диаспора». Есть примеры некорректного отождествления моноэтничной диаспоры с политической эмиграцией, представленной гражданами одного государства, имеющими различное национальное или этническое происхождение[32].

Термин «зарубежье» пока еще не разработан как научное понятие, но отечественные исследователи уже предлагают использовать его для обозначения совокупности российских подданных, выехавших из России с последующей сменой гражданства или временно. Так, историк Г.Я. Тарле предполагает заменить понятие «российская эмиграция» словосочетанием «российское зарубежье». Тарле считает его более универсальным для обозначения разнообразных групп выходцев из России, которые по разным причинам жили или живут за пределами своей страны[33]. Соглашаясь с предлагаемой характеристикой универсальности словосочетания «российское зарубежье», следует сделать уточнение: русское зарубежье представлено не только российской эмиграцией, т. е. совокупностью тех, кто оказался вне России в результате переселения, но еще и той частью, которая не есть мигранты (эмигранты, иммигранты).

Если претендовать на корректность, то эмигрантами надо признать тех, кто перемещается, движется за пределы границы, меняя место жительства, пребывания, но есть и категория бывших российских граждан за границей, которая никуда не перемещалась. Так, в 1918 г. в результате смены государственной формы были изменены границы государств, прежде всего, российского. Это механически повлекло за собой превращение в граждан Финляндии, прибалтийских стран, Польши тех российских подданных — чиновников, военнослужащих, постоянных жителей, — которые по долгу службы или месту рождения жили на этих прежде российских территориях. Ситуация повторилась в 1990-х годах. В этих случаях происходило следующее: «перемещалась» граница, ее отмечали заново, образуя новое государство. Поэтому нет оснований эту категорию бывших российских подданных или советских граждан определять как «невольных эмигрантов», в действительности никто и никуда не эмигрировал, а смена подданства и гражданства произошла.

---

[29] См.: *Тишков В.* Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама. — 2000. — № 2. — С. 2–12; *Левин З.* Менталитет диаспоры. — М., 2001.

[30] См.: *Милитарев А.Ю.* О содержании термина «диаспора» // Диаспора. — 1999. — № 1. — С. 24–33; *Дятлов В.И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспора. — 1999. — № 1. — С. 8–23.

[31] *Милитарев А.Ю.* Указ. соч. — С. 21.

[32] См.: *Милитарев А.Ю.* Указ. соч.; *Пушкарева Н.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечеств. история. — 1996. — № 1. — С. 53–65.

[33] См.: *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья.

Смена гражданства происходит не только в результате территориального перемещения населения, но и в результате смены политического режима, создания новых государств из-за этой смены. Оформление совокупности (общности), именуемой зарубежьем, может быть также результатом смены политического режима, а не результатом миграционных процессов. В этом случае никто не покидает территории, не меняет места жительства, но смена гражданства происходит, тогда как в результате перемещения территориального (миграционного) гражданство может и не меняться, а вот место проживания будет изменено. Таким образом, если термин «российское зарубежье» будет разработан как научное понятие, то он охватит несколько категорий бывших российских подданных: сменивших подданство и проживающих в государствах, предоставивших им новое гражданство; сменивших только место проживания; не меняя место проживания, сменивших гражданство.

В ходе разработки еще одной грани исторического знания о миграциях — анализ последствий трансграничных перемещений — выявлен ряд понятий, объединенных в семантический блок, позволяющий проанализировать стадию присоединения переместившихся: «адаптация», «ассимиляция», «натурализация», «денационализация», «маргинализация», «интеграция». Социологические дефиниции этих терминов потребовали определенной корректировки с учетом специфики феномена миграции. Например, принимая определение маргинализации как понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека, социологи миграции уточнили его следующим образом: мигрант не может избежать состояния маргинальности, т. к. он в процессе перемещения подвергается явлению транзиции (переходности) и переживает смену социокультурных парадигм, характеризующуюся дезадаптацией[34]. С учетом выявления такого состояния мигранта, как дезадаптация, потребовалась доработка дефиниции понятия адаптации, в условиях миграции процесс адаптации (приспособления) осложняется состоянием дезадаптации.

Из всех понятий, составивших этот семантический блок, понятие «маргинализация» наименее «работающее». Состояние маргинализации из-за недоступности или ограниченности пертинентных источников ни разу не было выбрано основой сюжета в историческом исследовании миграции. В активную лексику историков миграции включены термины «ассимиляция» и «денационализация». Историк русской эмиграции П.Е. Ковалевский первым сравнил и строго дифференцировал эти два понятия. Ассимиляцию он определил как утрату национального облика, национальных традиций и качеств, превращение в людей, похожих (лат. similatio — «похожий») на местное население. «Денационализация», по мнению Ковалевского, — вхождение в новую нацию, принятие ее строя и лояльное отношение к стране, гражданами которой становятся прибывшие. Таким образом, исходя из дефиниций, предложенных Ковалевским, процесс ассимиляции есть процесс разрушения этнической идентичности, а денационализация есть процесс формирования новых политических установок и стереотипов[35].

Проблема классификации иммигрантского контингента является порождением и продолжением проблемы состояния понятийного аппарата этой темы. Отсутствие консенсуса в понимании дефиниций многих понятий темы «международная миграция» не позволяет создать единую и, самое главное, всеми принимаемую классификацию иммигрантского контингента, т. е. ответить однозначно на вопрос: кого считать иммигрантом или эмигрантом? Кажется, что в отношении международной миграции факт пересечения государственной границы должен быть единственным

---

[34] *Банникова Л.М.* Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (К постановке проблемы) // Ползуновский альманах. — 2000. — № 2. — С. 23–31.

[35] См.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). — Париж, 1971. — С. 15–16.

и исчерпывающим условием признания состоявшегося миграционного события, после которого в соответствии с мотивом перемещения следует отнести этого мигранта к той или иной категории. Но практика показывает, что сам факт пересечения государственной границы еще не является для государства основанием считать прибывшего в страну иммигрантом.

Каждое государство своими нормативно-правовыми актами закрепляет статус въехавшего в страну, наделяя или ограничивая его в правах. Анализ правовой практики европейских государств в области международной миграции подтверждает, что государство выбирает идеальный для своих условий вариант определения развития отношения с прибывающими иностранцами или юридически закрепляет выезд своих граждан. Известно, что деятельность государства по управлению внешними миграционными процессами включает в себя два направления:

– иммиграционную политику, реализуемую через правовые нормы, регламентирующие порядок и процедуру принятия иностранных граждан государственными учреждениями и органами правовой защиты интересов личности — субъекта правоотношений, возникающих из факта пребывания иностранного гражданина (подданного) на территории другого государства;
– эмиграционную политику, осуществляемую через законодательство, устанавливающее порядок выезда граждан страны за рубеж и защиту их прав в принимающих странах, т. е. на сегодня пока что дефиниция термина «эмиграция» не предполагает обязательную смену гражданства, переход из юрисдикции одного государства в юрисдикцию другого государства[36].

Обратимся к историческому опыту регламентации трансграничного перемещения государствами Европы и Америки на рубеже XIX–XX вв. Первое, что следует отметить, — различную степень концентрации внимания на проблеме въезда и выезда. Все европейские государства без исключения развивали эмиграционную политику и разрабатывали эмиграционное законодательство, тогда как Америка была занята разработкой иммиграционного законодательства. Пространственная мобильность населения Европы достигла фазы наивысшей активности. С одной стороны, она была обусловлена социально-экономическими процессами в самой Европе. Европейцы перемещались в пределах границ своих государств (внутренняя миграция) и в пределах Европы (внутриконтинентальная миграция). А с другой стороны, американская потребность и заинтересованность в приливе «человеческого капитала» обусловили межконтинентальную, заатлантическую направленность европейской миграции.

Итальянское государство наделяло статусом эмигранта всякого гражданина, который направлялся в страны, лежащие за Суэцким каналом. Те, кто направлялся в итальянские колонии и страны, состоящие под протекторатом Италии или лежащие на европейских берегах Гибралтарского пролива, такого статуса не получали. Итальянский закон определял, что эмигрантом мог быть пассажир, едущий третьим классом или классом, который, по признанию эмиграционного комитета, соответствует ему. Таким образом, закон называл эмигрантами тех, кто отправлялся в Америку, в Австралию, в Азию (кроме Передней Азии) и в Африку (кроме стран северного побережья). Переселение в итальянские колонии и в страны, состоящие под итальянским протекторатом, не рассматривалось с точки зрения государственного права как эмиграция в другие страны, и едущие туда не считались эмигрантами. При наличии этого признака эмигрантами признавались лишь лица малосостоятельные, т. е. едущие третьим классом. В этом условии implicite заключалось еще одно обстоятельство, необходимое для

[36] См., например: О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34, ст. 4029. URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=1996034000&docid=561 (дата обращения: 3 сентября 2016 г.).

определения статуса итальянского эмигранта — выезд из Италии морем, а не через сухопутную границу. Эти три признака определяли понятие «эмигрант» и делали эмигранта объектом защиты и покровительства закона[37].

Английский закон, как и итальянский, называл два признака, определяющих правовое понятие «эмигрант»: географический и экономический. Эмигранты — это люди, едущие в дальние страны — в Америку, в Австралию, в Азию (но не в ближайшие к Европе части ее), в Африку (с тем же ограничением). Эмигранты — это люди, едущие на судах, приспособленных к массовой перевозке пассажиров. Но, в отличие от итальянского, английский закон разрешал такому пассажиру пользоваться вторым классом (в каюте, а не на палубе). При этом такой пассажир, как эмигрант, оставался под специальной защитой закона. Так, например, постановление о форме договорных билетов (ст. 320) было одинаковым для палубных пассажиров и для эмигрантов каютных. Впрочем, между палубным и каютным эмигрантом существовало некоторое различие в защите со стороны закона: так, в некоторых случаях, когда палубный эмигрант мог требовать возврата всей внесенной им платы, каютному предоставлялось право взыскивать лишь половину (ст. 308)[38].

Германия, так же, как и Швейцария, Голландия, Бельгия, признавала эмигрантом того, кто направлялся за границу при содействии специальных предприятий, действующих на основании особого разрешения под бдительным контролем правительства. Из общей массы эмигрантов германский закон особо выделяет тех, которые 1) едут морем; 2) во внеевропейские страны; 3) на судах, везущих не менее 25 эмигрантов, не считая каютных. Именно эту категорию немецкий закон назвал эмигрантами в собственном смысле этого слова. При этом закон не исключил из понятия «эмиграция» и переселения в другие страны иными способами передвижения[39].

Обобщая европейское эмиграционное законодательство, следует отметить, что во всех европейских странах эмигрантом был признан пассажир, находящийся в пути или готовящийся к путешествию. Далее все законодательства установили, что это пассажир, отправляющийся за границу, покидающий пределы отечества. Гражданин, переселяясь за границу, оказывался в юрисдикции другого государства и, как никто другой, нуждался в значительной защите своего государства. И еще одно условие, которое можно обнаружить во всех западноевропейских законодательствах: эмигрант — это пассажир, отправляющийся за границу морем. Лишь в Германии, Швейцарии и Венгрии помимо лиц, переправляющихся морем, признавали эмигрантами лиц, направляющиеся за границу сухим путем[40].

Каждое из европейских государств, признавая необходимым регламентировать столь важное в экономическом и государственно-правовом отношении явление, как эмиграция, ставило связанный с этим промысел — перевозку эмигрантов — под усиленный контроль. Право этого промысла предоставлялось лишь предприятиям, удовлетворявшим целому ряду законных условий. Общим для законодательства европейских государств было признание того, что лишь эмигранты, пользовавшиеся для переезда именно этими предприятиями, могли претендовать на защиту и охрану своих интересов[41].

Проанализированный сюжет убеждает, что в европейском эмиграционном законодательстве важность более точного определения эмиграции обнаружилась не в нормах, устанавливающих особую защиту эмигрантов в пути, и не в законах, обеспечивающих покровительство со стороны государственных органов за границей. Установление

---

[37] *Яновский С.Я.* Эмиграция с точки зрения права. — С. 52–53.
[38] Там же. — С. 51.
[39] Там же. — С. 54–56.
[40] Там же. — С. 61.
[41] Там же. — С. 62.

субъективного признака эмиграции было более значимым в правовых положениях, ограничивающих в праве эмиграции. При анализе эмиграционного законодательства европейских государств выявляется, что эти ограничения продиктованы соображениями государственной пользы (выгоды) и защиты интересов отдельных граждан.

Рассмотрев начальный этап становления законодательства, регламентирующего трансграничное перемещение, обратимся к современному этапу юридической поляризации иммигрантов. Его отличительной характеристикой является признание с начала 1980-х годов легального иммигранта как одного из структурных элементов нации, что нашло отражение в развитии интеграционной политики[42].

Отметим, что теперь и для европейских государств проблема въезда стала актуальнее проблемы выезда и поэтому более разработанным является иммиграционное законодательство. Миграционное законодательство большинства стран прежде всего проводит четкое различие между иммигрантами (immigrants) — лицами, переезжающими в страну на постоянное место жительства, и не-иммигрантами (nonimmigrants) — людьми, приезжающими в страну временно. При этом в интересах внутренней и внешней политики большинства развитых западных стран все категории лиц, пересекающих государственную границу, рассматриваются прежде всего с точки зрения их потенциального участия в экономической жизни той или иной страны.

Последнее десятилетие XX — первые десятилетия XXI в. убеждают в том, что результатом динамики миграционного движения является его постоянное усложнение и увеличение категорий иммигрантского контингента. Таким образом, государство вынуждено корректировать правовые нормы, регламентирующие определенные отношения, и делать это на основе обобщения уже накопленного практического опыта и его научной интерпретации. США, Германия и другие европейские государства в течение 1990-х годов или вводили новое миграционное законодательство, или дополняли действующее с целью уточнения, кого считать эмигрантом, но чаще иммигрантом. Дополнения или новое законодательство создаются на основе тщательного анализа складывающейся ситуации. При этом, учитывая интердисциплинарность содержания миграции, аналитикой этого процесса занимаются не только юристы, работающие над уточнением нормативных положений.

В первую очередь трансформация или изменения миграции становятся заметными для специалистов, изучающих сущностные черты миграции, и они первыми подвергают их анализу, готовя основу для новых правовых разработок. Так, например, в России первыми выразили свое беспокойство экономисты и демографы. Исследователь Р.А. Варданян обратил внимание на то, что российская официальная статистика определяет только четвертую часть из общего количества въехавших как иммигрантов[43]. Все дело в том, что российская официальная статистика мигрантами считает лишь тех, кто поменял место постоянного проживания, а международная статистика учитывает и так называемых «краткосрочных мигрантов», т. е. прибывших и выбывших сроком до одного года. Такое расхождение не позволит адекватно оценить степень интегрирования российской экономики в мировую, определить широту ее социально-экономических связей, отследить поступление финансовых средств и т. д.

Демограф И.Г. Ушкалов, занимающийся «интеллектуальной миграцией», тоже отмечает крайне недостаточную статистическую информацию. Государственная статистика фиксирует сведения об этой категории выезжающих из страны в соответствии с классификацией, закрепленной в положениях закона. Но развитие этого вида миграции было стремительным, и теперь значительная часть интеллектуальных эмигрантов

---

[42] *Евстифеева Е.Б.* Общие тенденции в развитии европейских иммиграционных политик (1940–1990 гг.). URL: http://polit.mezhdunarodnik.ru (дата обращения: 20 августа 2016 г.).

[43] *Варданян Р.А.* Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции // Социолог. исслед. — 1995. — № 12. — С. 59–60.

не подпадает под правовое определение. В современных условиях «knowledge society» (информационного общества)«интеллектуальная» эмиграция ведет к серьезным потерям или приобретениям для страны. Следовательно, для государства, хозяйственная политика которого нацелена на интенсивную реструктуризацию экономики и повышение эффективности производства, строгий учет въезда и выезда интеллектуальных кадров обусловлен практической необходимостью[44].

Ведущий теоретик в области международной миграции В.А. Ионцев тоже обнаружил искажение реальной картины развития международной миграции в результате расхождения в интерпретации дефиниции понятия «иностранное население». В этом случае «государственная принадлежность» как признак дефиниции «иностранец» была подменена признаком этническим. В результате этого численность иностранного населения в России была определена в 27 млн чел., т. е. все нерусское население зачислено в категорию иностранцев[45].

Как убеждает анализ, в правовых нормах отражаются не их сущностные признаки, а закрепляются субъективные признаки, выбранные данным государством только по одной причине: в таком наборе они позволяют или обеспечить покровительство гражданам этого государства, или ввести ограничения для желающих выехать из страны. Таким образом, научные определения понятий из словаря международной миграции подвергаются интерпретации, преследующей четко поставленные цели. Степень соотношения с научными достижениями в области изучения явления, отраженного в дефинициях понятия, несомненно, определяет эффективность того или иного акта.

Попытки унификации основных категорий международной миграции и их классификации предпринимались уже с конца XIX в. Возникавшие и сменявшие друг друга международные организации: Международное бюро труда (МОТ), Международная организация по миграции (МОМ), ООН, в рамках которой были сформированы специальные подразделения по народонаселению и делам беженцев (ЮНФПА УВКБ и др.), ОЭСР, Мировой банк, Международная организация по туризму и другие принимали участие в разработке критериев классификации. В результате последних разработок эксперты ООН предложили следующую классификацию, состоящую из пяти групп: 1) иностранцы, допущенные в страну въезда для получения образования и обучения; 2) мигранты, въезжающие на работу; 3) мигранты, въезжающие по линии объединения семей, создания новых семей; 4) мигранты, въезжающие на постоянное поселение; 5) иностранцы, допущенные в страну въезда из гуманитарных соображений (беженцы, лица, ищущие убежище и др.)[46]. Каждая из этих групп включает в себя от двух до пяти различных категорий. Но и она не охватывает всего многообразия категорий международной миграции населения.

Современное миграционное законодательство разных стран расходится в правовой дефиниции понятия «эмигрант», «иммигрант». Например, в Германии иммигрантами считаются лица, которые пересекают границу с намерением устроиться в стране, в Японии — национальные граждане и иностранцы, которые приезжают из-за границы, в России — лица, въезжающие в страну на срок более 6 месяцев, в США — лица, въезжающие в страну безвозвратно с целью постоянного в ней проживания с последующим получением американского гражданства. Исследование ООН середины 1970-х годов по проблемам унификации понятий «иммигрант» и «эмигрант» выявило основные

---

[44] *Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* «Утечка умов» — причины, масштабы, последствия. — М., 1999.

[45] *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социолог. исслед. — 1998. — № 6. — С. 38–47.

[46] См.: *Golini A.* Migrants and international migrants: new issues and strategies of the United Nations // Междунар. миграция населения: Россия и современный мир. Междунар. семинар. Москва, 9–10 апреля 1997 г. — С. 78–79.

критерии определения статуса иммигранта в национальных законодательствах стран мира, которые можно классифицировать следующим образом: критерий продолжительности пребывания в стране въезда, критерий мотива въезда.

Для исследователя, занимающегося процессами миграции, ясно, что перенести в научный контекст правовые дефиниции понятий «эмиграция», «эмигрант», «иммиграция», «иммигрант», т. е. поставить знак равенства между научной дефиницией и правовой, невозможно. Для него здесь есть возможность и необходимость глубокого анализа, имеющего значимость для совершенствования содержания и практической реализации нормы права, а также позволяющего избавиться от аберрации знания и приблизиться к унификации классификации иммигрантского контингента, так как это путь достижения адекватности.

Сравнивая течение явления миграции во времени в одной стране, сравнивая на определенном временном отрезке в двух или нескольких странах, невозможно не заметить, что миграция как социальное явление есть свойство и потребность социума. Без реализации этой потребности общество не сможет существовать. Для того чтобы получить определенную свободу и обеспечить возможность адекватного описания феномена миграции, следует проанализировать состояние понятийного аппарата и в соответствии с выбранным подходом или направлением определить домен языка. Самым важным моментом концепции исторического исследования миграции будет классификация иммигрантского контингента: т. к. состав миграционного потока предопределяет содержание миграционного движения, то его определение — ответственный момент.

В числе проблем состояния понятийного аппарата темы «международная миграция» следует отметить неразработанность некоторых дефиниций, например, «зарубежье»; дискуссионность других, таких как «миграция», «эмиграция» (в том, просто ли это выезд или же с обязательной сменой подданства); некорректное употребление третьих, например, «диаспора», «политэмигрант»; незнание о способности к своеобразной субституции отдельных из понятий этой темы, таких как «иммигрант» — «иностранец»; «политэмигрант» — «беженец»; «адаптация» — «интеграция», и опасность подмены научной дефиниции правовой. Язык — важный компонент познания, потому как он не только средство передачи информации и выражения эмоций, но средство измерения жизни и ее форма. Важнейшим требованием к нему является высокая степень адекватности понятий реальности: содержание и границы дефиниций должны как можно точнее передавать сущность обозначаемого процесса или явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аствацатурова М.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). — Ростов н/Д.; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. — 628 с.
2. *Афанасьева О.* Краткий очерк истории Лиги наций. — М.: Госполитиздат, 1945. — 40 с.
3. *Банникова Л.М.* Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (К постановке проблемы) // Ползуновский альманах: Наука. Образование. Экономика. Производство. Бизнес. Культура. — 2000. — № 2. — С. 23–31.
4. *Бекназар-Юзбашев Т.Б.* Права человека и международное право. — М.: О-во «Знание» России, 1996. — 296 с.
5. *Варданян Р.А.* Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции // Социолог. исслед. — 1995. — № 12. — С. 58–68.
6. *Воблый К.* К вопросу об эмиграции в России // Вестн. финансов, промышленности и торговли [Неофиц. часть]. — 1906. — № 34. — С. 262–264.
7. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. — СПб., 1913. — 65 с.

8. *Гудвин-Гилл Г.С.* Статус беженца в международном праве. — М.; Будапешт: ЮНИТИ COLPI, 1967. — 647 с.
9. *Давидов Д.А.* Колонизация Манчжурии и Северо-восточной Монголии (области Тао-Нань-Фу). — Владивосток: Вост. ин-т, 1911. — VIII, 187 с.
10. *Дятлов В.И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспора. — 1999. — № 1. — С. 8–23.
11. *Евстифеева Е.Б.* Общие тенденции в развитии европейских иммиграционных политик (1940–1990 гг.). URL: http://polit.mezhdunarodnik.ru (дата обращения: 20 августа 2016 г.).
12. Журнал Саратовской Конторы опекунства иностранных. Т. 1: 1774 год / Под ред. доц. И.Р. Плеве. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. — 216 с.
13. *Иванов Л.Н.* Лига наций. — М.: Москов. рабочий, 1929. — 183 с.
14. *Илюхина Р.М.* Лига наций. 1919–1934. — М.: Наука, 1982. — 357 с.
15. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социолог. исслед. — 1998. — № 6. — С. 38–47.
16. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 370 с.
17. *Ким Г.* История иммиграции корейцев. Кн. 1. Вт. пол. XIX — 1945 г. — Алматы: Дайк-пресс, 1999. — 424 с.
18. *Клинова Е.В.* Правовое положение беженцев в странах Европейского Союза (Статус беженца, право на убежище). — М.: ИНИОН, 2000. — 103 с.
19. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). — Париж, 1971. — 347 с.
20. *Кольский А.* Лига наций (ее организация и деятельность). — М.: Москов. рабочий, 1934. — 47 с.
21. Конвенция и Протокол, касающиеся статуса беженцев. — Женева, [2011]. — 54 с.
22. *Левин З.* Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ). — М.: ИВ РАН «Крафт+», 2001. — 172 с.
23. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М.: МГУ, 1996. — 682 с.
24. Манифест 22-го июля 1763 года о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. — М.: МИГП, 1993. — С. 18–21.
25. *Милитарев А.Ю.* О содержании термина «диаспора» // Диаспора. — 1999. — № 1. — С. 24–33.
26. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34, ст. 4029. URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=1996034000&docid=561 (дата обращения: 3 сентября 2016 г.).
27. *Оболенский-Осинский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. Ч. 8: Миграция за Урал. — М.: ЦСУ СССР, 1928. — 137 с.
28. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. — М.: Наука, 1975. — 231 с.
29. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России (по неизданным архивным документам). — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. — XII, 342, 84 с.
30. *Писаревский Г.Г.* Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. — Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1914. — [2], 48, XLV с.
31. *Писаревский Г.Г.* Иностранные колонисты греко-российского исповедания в Поволжье // Тр. Саратов. учен. архив. комиссии. Вып. 33. — Саратов, 1916. — С. 85–88.
32. *Писаревский Г.Г.* Хозяйство и формы землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX века. — Ростов н/Д.: Тип. А.И. Тер-Абрамиан, 1916. — [4], 116, XX с.

33. *Писаревский Г.Г.* Переселение прусских меннонитов // Варшав. универ. изв. — 1917. — С. 1–68, прил.
34. *Полоскова Т.В.* Диаспоры в системе международных связей. — М.: Науч. кн., 1998. — 199 с.
35. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотиров. опись дел 1799–1818 гг. Т. 1–3. — Одесса: Астропринт, 2000.
36. *Потапов В.И.* Беженцы и международное право. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 103 с.
37. *Пушкарева Н.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечеств. история. — 1996. — № 1. — С. 53–65.
38. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.
39. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учеб. пособие. — М.; Гёттинген: Ист.-арх. ин-т; Max-Planck-Institut für Geschichte, [1994]. — 117 с.
40. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. — М.: Наука, 1987. — 199 с.
41. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. — М., 2001. — 159 с.
42. *Рязанцев С.В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. — Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. — 542 с.
43. *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). — М.: ИСБ, 1995. — 196 с.
44. *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культур. наследие рос. эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. — М.: Наследие, 1994. — С. 14–24.
45. *Тизенко М.П.* Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. — Либава: Тип.-лит. «Либав. вестн.», 1909. — 53 с.
46. *Тишков В.* Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама. — 2000. — № 2. — С. 2–12.
47. *Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* «Утечка умов»: причины, масштабы, последствия. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 175 с., ил., порт.
48. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/10105682/ (дата обращения: 2 сентября 2016 г.).
49. Федеральный закон от 20 декабря 1995 г. № 202-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О вынужденных переселенцах“». URL: http://base.garant.ru/105693/ (дата обращения: 2 сентября 2016 г.).
50. *Ходнев А.С.* Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике. 1919–1946: Очерки истории. — Ярославль: ЯГПУ, 1995. — 200 с.
51. *Хореев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения. — М.: Мысль, 1978. — 254 с.
52. *Шнирельман В.* Мифы диаспоры // Диаспоры. — 1999. — № 2, 3.
53. *Ямзин И., Вощинин В.* Учение о колонизации и переселениях. — М.; Л.: Гос. изд., 1926. — VI, [2], 328 с.
54. *Яновский С.Я.* Русское законодательство и эмиграция // ЖМЮ. — 1909, апр. — С. 86–114.
55. *Яновский С.Я.* Эмиграция с точки зрения права // ЖМЮ. — 1908, март. — С. 31–66.
56. Die Deutschen im Ausland und die Ausländer im Deutschen Reiche / Bearb. im kaiserlichen Statistischen Amt. — Berlin: Puttkammer und Mühlbrecht, 1884. — 78 S.
57. *Dohse K.* Ausländischer Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik u. Ausländerrect. Vom Kaiserreich bis zur BRD. — Königstein / Ts: Hain, 1981 — VII, 460 S.

58. *Golini A.* Migrants and international migrants: new issues and strategies of the United Nations // Междунар. миграция населения: Россия и соврем. мир. Междунар. семинар. Москва, 9–10 апр. — М., 1997. — С. 78–79.
59. Meyers Universal Lexikon. Bd. 2. — Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1979. — 736 S.
60. The American-Heritage Dictionary. Houghton Mifflin Company, Boston — New York; London, 1982. — P. 795–796.
61. *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. — Würzburg: Holzner, 1966. — 154 S.

Zur Bildung und Entwicklung des Begriffsapparates in der Migrationsforschung

T.N. Plochotnjuk

Im Artikel wird der Zustand des Begriffsapparats zum Thema „internationale Migration“ analysiert. Die Aktualität der Untersuchung beruht auf dem Bedarf an der Entwicklung einer Migrationstheorie, die einen Weg zur Lösung zukünftiger praktischer Aufgaben gewährt. Die benutzten Begriffe werden als Ergebnis einer historiografischen und quellenkundlichen Analyse bestimmt. Das Hauptaugenmerk wurde auf die Anwendung und Interpretation der Termini „Migration“, „Emigration“, „Immigration“, „Kolonisation“, „Diaspora“, „Ausland“, „Ausländer“ und „Flüchtling“ gelegt. Die Untersuchung half, das Niveau der Ausarbeitung des Begriffsapparats zu bestimmen und wesentliche Probleme herauszuarbeiten, wie die Nichtabgeschlossenheit der einen, die Diskussionswürdigkeit anderer und die fälschliche Anwendung dritter Definitionen sowie das fehlende Wissen über die Fähigkeit zu einer eigenartigen Substitution einzelner Begriffe dieses Themenkreises. Im Artikel wird dargelegt, dass die Sprache ein wichtiger Bestandteil der Erkenntnis ist und dass von ihr ein hoher Grad an adäquatem Realitätsverständnis gefordert wird: Der Gehalt und die Grenzen von Definitionen sollten so genau wie möglich das Wesen des bezeichneten Prozesses oder Phänomens – im vorliegenden Falle das der Migration – übermitteln.

Schlüsselbegriffe: historische Migrationsforschung, Migrationstheorie, Begriffsapparat, Migration, Emigration, Immigration, Kolonisation, Diaspora, Ausland, Ausländer, Flüchtling.

Formation and development of analysis tools for historical studies of migration

T.N. Plokhotnyuk

This article aims at analyzing the level of development of terminology and professional jargon in the area of international migration. The importance of a need to further study the migration theory is evident and will no doubt help to find the ways to solve future practical tasks. The terms are identified as a result of historical and geographical analysis. The main focus of research is the use and interpretation of the terms „migration“, „emigration“, „immigration“, „colonization“, „diaspora“, „countries abroad“, „foreigner“, „migrant“. The research revealed the level of the development of terminology as well as outlined the existing problems, including vague or debatable definitions, incorrect use of them, lack of knowledge concerning the substitution and misuse of terminology. This article proves that language is an important component of cognition and the requirements for its use are grounded in understanding the adequate nature of terms and jargon: the content of entries and definitions, their periphery characteristics should represent the essence of a process or event, in our case, the phenomenon of migration.

Key words: historical migration, migration theory, terminology, migration, emigration, immigration, colonization, diaspora, foreigner, refugee.

УДК 94 (470)«1789/1917»

Н.В. Венгер

«Ментальные карты» меннонитов как проявление особенностей формирования пространственных представлений этноконфессиональной общности

Автор исследует, как понятие «ментальной карты» может быть использовано для понимания процессов формирования пространственных представлений общин меннонитов Российской империи. Показано, что в процессе вынужденных миграций, в связи с изменением социального статуса меннонитов на территории отдельных государств, представители общности формируют комплекс («атлас») «ментальных карт», которые сохраняются в памяти и влияют на формирование «легенды» этнической группы, ее самовосприятие.

Ключевые слова: меннониты, Российская империя, ментальные карты, легенда этнической группы.

Данная публикация является попыткой инструментального применения одного из новых для постсоветской историографии понятий «ментальных карт», попыткой раскрытия ее прикладного потенциала. Мы исходим из того, что «ментальная карта», являя собой некую семиотическую конструкцию окружающего пространства, ее рефлекторно-мировоззренческую версию, может быть использована как объяснительная модель для понимания особенностей развития отдельных субъектов исторического процесса, объективных проявлений их исторического взаимодействия, специфики их культуры и саморецепции. Заметим, что при растущем многообразии дефиниций термина «ментальная карта» (в настоящее время данное понятие и методология претендуют на полидисциплинарность и активно используются, например, в психологии), в нашем исследовании мы полагаемся на исторический контекст толкования понятия, предложенный Р.М. Доунзом и психологом Д. Стеа. Данные исследователи определяли «ментальную карту» как «понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве»[1].

Самое поверхностное восприятие данного определения позволяет сделать несколько предварительных замечаний, важнейших для понимания анализируемой нами проблемы:

1) не вызывает сомнения тот факт, что содержание «ментальной карты», ее внутренний контент, обусловлено «субъектом», т. е. «авторством», персональными характеристиками составителя, а также системой его связей, привязанностей

[1] Цит. по: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. — М., 2006. — С. 16. Оригинальное произведение, на которое ссылается А. Миллер: *Downs R.M., Stea D.* Maps in Minds. Reflection on Cognitive Mapping. — New York, 1977.

© Н.В. ВЕНГЕР. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 37–53.

и исторических зависимостей. В этой связи ментальная карта — это идеальная система, апробированно и сознательно/подсознательно принятая в определенную систему ментальности «автора», которая репрезентует в сознании носителя образ окружающего пространства, а также понимание себя в этом пространстве[2]. Таким образом, характер полученной репрезентации рефлекторно-объективно отражает самого «автора», позволяя расширить представления исследователей о нем, а следовательно, может быть исключительно важен для прикладных исследований;

2) как мировоззренчески-рефлекторная конструкция «ментальная карта» постепенно обретает характер архетипичной категории, а следовательно, глубоко укореняется в традиционную центральную часть культуры[3], транслируемую из поколения в поколение и бережно оберегаемую «автором». В социуме нетрадиционного характера «ментальная карта» имеет тенденцию к более частым трансформациям;
3) исходя из предыдущего замечания, динамика «ментальной карты» является прямым показанием к обратным поискам изменения состояния «автора-составителя» (личности, сообществ, социальных групп). Для традиционных обществ — это переход от статики к социальным переменам, от традиционного общества к традиционно-переходной стадии;
4) обоснованное фактором «авторства» и присущих ему архетипов, содержание «ментальных карт» столь же многообразно/множественно, сколь многообразно и множественно количество субъектов исторического процесса. Осознавая/предсказывая многообразие типологий и проявлений «ментальных карт», мы полагаем, что одно из перспективных практических направлений применения методологии «ментальных карт» состоит именно в «наведении порядка» в данной системе категорий, т. е. в необходимости разработки их типового содержания. Данная работа позволит в дальнейшем провести более детальную систематизацию типологий «ментальных карт».

Последнее заключение позволяет определить содержание нашего исследования. В данной работе мы хотели бы предложить одну из моделей «ментальных карт», пригодных для пояснения мировоззрения и исторических метаморфоз «народов в пути». К данной категории мы причисляем этнические/этноконфессиональные группы, чья история наполнена продолжительными миграциями. К их числу, например, следует отнести анабаптистские общины, сформировавшиеся в Европе XVI столетия на этапе Реформации, идеология которых (в отличие от лютеранства, цвинглианства и кальвинизма) не обрела форм церковно-государственного протестантизма. Последняя особенность позволяла конфессиям сохранять определенную независимость, территориальную «непривязанность», следствием которой было активное эмиграционное поведение. Находясь вне зоны государственной идеологии, в положении религиозных маргиналов, данные анабаптистские группы (меннониты[4], гуттеры[5], амиш[6]) стали объектами религиозных преследований. Это определило не только внутреннюю консолидацию, но и глубинные изменения в системе социальной организации

---

[2] В современной практике масштаб и качественный состав понятия «окружающего пространства» не является константой, а вводится автором в зависимости от целей и характера его исследований.

[3] *Лурье С.В.* Историческая этнология. — М., 2004. — С. 487–490.

[4] *Безносова О.* Меннониты // Немцы Украины: Пилот. сб. / Сост. С. Бобылева. — М., 2002. — С. 134–145; *Smith C.* The Story of the Mennonites. — Newton, KS, 1950.

[5] Формирование братства гуттеров происходит после 1526 г., когда в Моравию хлынул поток немецких, швейцарских и австрийских беженцев-анабаптистов, вынужденных скрываться от преследований со стороны светских властей, католической и ряда протестантских церквей. Гуттеры придерживались принципа общности имущества. См.: *Безносова О.* Гуттеры // Немцы России: Энцикл. — Т. 1: А–И. — М., 1999. — С. 654–655; *Васильева М.* Гуттеры // Немцы Украины: Пилот. сб. — С. 73–78.

[6] *Krahn C., Bender H.* Migration // The Mennonite Encyclopedia. In 4 vols. — Hillsboro, Kansas; Scottsdale, Pennsylvania, 1955–1959. — Vol. 3. — P. 684–686.

общин-конгрегаций, изначально сфокусированных на своей исключительной религиозности. В условиях гонений, миграций и конфессиональной замкнутости данные социальные группы приобретают признаки этноса, что позволяет исследователям именовать их также этноконфессиональными обществами[7].

Искомый продукт — реконструированная модель содержания «ментальной карты», на наш взгляд, должен основываться на определении и учете базовых компонентов, важнейших для мировоззрения «автора», которые предопределяют сущностные характеристики модели. Среди таких компонентов основными являются:

1) *обозначение* «автором» некоего пространства, которое осознанно/подсознательно *выделяется* им в связи с определенным моментом его исторического бытия;
2) осознание значимости данной территории, признание ее исторического места;
3) появление системы настроений/восприятий, сознательно/несознательно порожденных упоминанием о данной территории.

Важно принять во внимание, что избранные нами для исследования группы сообществ имеют большой опыт вынужденных и, вместе с тем, осознанно подготовленных добровольных миграций, что должно обеспечить исследователю комплексный картографический материал, т. е. целый комплекс географических сюжетов. Исторически сложились два направления миграций протестантских конфессий из колыбели анабаптизма: 1) Швейцария — Южная Германия — США (данный путь прошли общины амиш); 2) Швейцария — Голландия — Польская Пруссия — Российская империя — США и Канада (направление миграций меннонитов и гуттеров)[8]. В данной публикации мы сосредоточим внимание преимущественно на втором переселенческом потоке, сведениями о котором мы располагаем благодаря тому обстоятельству, что его история непосредственно затрагивает южно-украинские земли Российской империи.

Переселение меннонитов и гуттеров в Российскую империю начинается около 1776 г. (гуттеры, основавшие первые поселения на Черниговщине, эмигрировали из Валахии после русско-турецкой войны 1768–1774 гг.)[9] и 1788 г. (меннониты)[10]. Первоначально конфессиональные общины-конгрегации меннонитов поселились на территории Таврической и Екатеринославской губерний (63 колонии основано до 1836 г.[11]), а с 1832 г. был начат процесс дальнейшей территориальной экспансии — образования так называемых «дочерних колоний». Таким образом, миграция и расселение были продолжены в пределах Российской империи (на территории Новороссии, на Кубани, Кавказе, Сибири). В одной только Новороссии с 1832 по 1904 г. меннониты и примкнувшие к ним гуттеры (последние переселились на Молочную в 1842 г.) основали 23 группы дочерних колоний. По сведениям «лесных команд» — отрядов, в которых меннониты проходили альтернативную военную службу, данные о них приводит в своем исследовании П.М. Фризен, официальный меннонитский историк рубежа XIX–

---

[7] Понятие этноконфессиональной общности было разработано советскими этнологами С. Бруком, М. Чебоксаровым, Я. Чесновым, а в дальнейшем нашло развитие в исследовании А.Н. Ипатова. См.: *Ипатов А.Н.* Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. — М., 1978.

[8] *Krahn C., Bender H.* Migration. The Mennonite Encyclopedia. — Vol. 3. — P. 684–686. Анабаптизм в силу политико-культурных и языковых барьеров никогда не был единым движением, представленным единой церковью. Наибольшего размаха достиг в Центральной и Северной Европе: швейцарско-южногерманская основа (1525), гуттериты (1528), голландско-северогерманская и западно-прусская группы (1530). В 1550-х годах началась миграция меннонитов из Голландии. Во второй половине XVII в. выделяется меннонитская община в Эльзасе под руководством Якоба Аммана — так называемые а́миши. Большое число амишей в начале XVIII в. обосновалось в Северной Америке.

[9] *Васильева М.* Указ. соч. — С. 73–78.

[10] *Венгер Н.В.* Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920). — Днепропетровск, 2009. — С. 76–84.

[11] «О истребовании планов всем колониям…» // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 895; Колонии меннонитов Таврической губернии // Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2407. Л. 120–121.

XX вв., на 1907 г. в собственности меннонитов числилось 713 213 дес. земли в Новороссии, на Дону и на Кубани (в Ставропольской губернии)[12]. С 1873 по 1884 г. фиксируется новое массовое переселение меннонитов в Северную Америку, связанное с принятием нового военного устава и насильственным приобщением общин-пацифистов, каковыми являлись гуттеры и меннониты, к службе. Следующий поток эмигрантов из Советской России на Американский континент (в США, Канаду, Парагвай) связан с событиями начала 1920-х годов, а именно с первыми мероприятиями советской власти по отношению к нацменьшинствам[13].

Представленный здесь абрис переселений демонстрирует наличие комплекса карт, вернее, целого «атласа», состоящего из отдельных «ментальных карт», которые могли бы соответствовать отдельным этапам истории «народов в пути». Какими же были предпосылки формирования столь объемной картографии? Другими словами, нас интересуют те, по выражению Р.М. Доунзона и Д. Стеа, «ментальные и духовные способности»[14], которые позволяют собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве, тем самым формировать и каталогизировать данные «ментальные карты».

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ» С «ДУХОВНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ» И ЦЕННОСТЯМИ «НАРОДА В ПУТИ». ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА «МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ»

Активное эмиграционное поведение было одним из проявлений этоса анабаптистов (включая меннонитов и гуттеров), который во многом объясняется условиями развития и мировоззрением анабаптизма в целом и меннонитства в частности. Общий для всех анабаптистов принцип протестантской свободы — о всеобщем священстве — позволял человеку непосредственно коммуницировать с Богом, давал простор самостоятельности личности, делал ее в некоторой степени самодостаточной в трансцедентальном общении. Реформаторы церкви предоставили человеку свободу совести, независимость его от посредников и непререкаемых авторитетов, политиков и государств[15]. Именно поэтому меннониты, как и другие анабаптисты, не могли идентифицировать себя с какой-либо конкретной властью и государством[16]. Поскольку первые анабаптисты считали себя подлинными наследниками и вершителями Реформации, которую, по их мнению, предали Лютер, Цвингли и Кальвин, создавшие церковно-государственный протестантизм, а своей целью они считали восстановление апостольской христианской веры и жизни, их доктрина имплицитно требовала дистанцирования их религиозной жизни от государства. При этом данное отдаление пояснялось ими не только как поиск независимого состояния от государственной машины, но и от конкретной территории, контролируемой данным государством. Себя они именовали «вечными пилигримами», т. е. «вечными странниками», вечными «чужими» на территории любого государства, куда бы ни привели их конкретные обстоятельства их истории. И хотя у каждого из общинников все же существовало понимание о «месте рождения», такая культурная универсалия, как «родина», едва ли занимала одно из центральных мест в системе ценностей конгрегаций. Намного более важной для них являлась категория «прародины анабаптизма» — места зарождения

[12] *Friesen P.M.* The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1910). — Fresno, 1978. — P. 865; *Ehrt A.* Das Mennonitentum in Rußland: von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. — Manitoba, Canada, 2003. — S. 83–84.

[13] Подробнее см.: *Осташева Н.В.* На переломе эпох: Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. — М., 1998.

[14] *Миллер А.* Указ. соч. — С. 16.

[15] *Венгер Н.В.* Етика підприємництва в релігійній доктрині, світоглядній системі цінностей і реальній практиці менонітів (XVI–XIX стол.) // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. — Дніпропетровськ, 2005. — № 13. — С. 88–98.

[16] Там же.

их вероучения, их самости и самоидентификации (территория Северо-Западной Европы). Их внутреннее духовное единство сложилось на территории Швейцарии и Северной Германии. Изначально понимание «прародины анабаптизма» было мало связано с реальной географией, а приобретало характер образа-сюжета, запечатленного в культуре и традиции, связанного с первыми преследованиями и проявлением мученичества за веру. Несомненно, что лишь немногие из членов конгрегаций могли бы показать на карте города, являвшиеся очагами зарождения анабаптизма. Однако чем более абстрактно воспринимались те земли, связанные с начальным этапом их истории, тем более осознанно они превращались в некоторые сакральные символы, являлись далекой и недосягаемой святыней. Таким образом, первая историческая картография, являясь абстрактным образом, выполняла функцию сакрального символа. На этапе постоянных переселений и возможной угрозы распада религиозного течения это была некая «точка опоры», важная для сохранения единства конгрегаций, являвшаяся фактором их консолидации, центром их исторического микрокосма, их «Полярной звездой», не позволявшей отдельным подвергавшимся преследованиям общинам затеряться в Европе, а также тем символом, который имплицитно присутствовал в их повседневной жизни.

Сохранение истинной веры также включало в себя идеи неприятия государственных клятв, а также воинской службы и других доказательств преданности и лояльности светским институциям. Замкнутые общины меннонитов поддерживали образ «возрожденных богоизбранников», были способны к автономному действию и добивались автономного существования. В этой связи для таких групп общин долгое время понятие патриотизма остается непонятным и даже целенаправленно отвергаемым. В момент переселений они руководствуются не политическими преференциями, а индифферентными по отношению к политике поисками наилучших условий, а именно свободы религиозного существования, сохранения конфессиональной идентичности. Долгое время их не беспокоят вопросы накопления, отсутствуют ценности собственности[17], наличие которых могло бы «привязать» к территории. До начала периода лояльности (конец XVIII в.)[18] конгрегации вынуждены были сохранять готовность к передвижению, чтобы в любой момент переселиться туда, где угроза их религиозной свободе будет минимальной.

При отсутствии универсалий «родина» и «патриотизм» для меннонитов тем не менее достаточно значимым являлось понятие «земля» как конкретный участок-надел, на котором общины могли трудиться для обеспечения собственного физического, а следовательно, и духовного воспроизводства. Труд на земле, в отдалении от глобального (универсального), погрязшего в грехе общества являлся важнейшим условием их религиозного существования. Поскольку сельскохозяйственный труд за пределами городов обеспечивал искомую ими автономность, наличие земли может рассматриваться нами как императивное условие сохранения идентичности. История общин, таким образом, была связана не столько со страной и регионом, но скорее с конкретным местом (участком земли) существования общин, который располагался в абстрактном для них пространстве, или, как говорят англичане, „in the middle of nowhere“(дословно: посредине «ничего»). Консолидирующим же фактором, как упоминалось выше, стала «легенда о прошлом», в которую были вписаны исторические сюжеты, связанные

[17] В Голландии данная переоценка случилась несколько ранее, начиная с XVII в., что было связано с лояльным отношением властей к анабаптизму в целом. Конгрегации, которые не подвергались преследованиям, получили благоприятные условия для развития бизнеса и достигли высоких позиций в системе местного самоуправления: *Sprunger M.S.* Dutch Mennonites and the golden age economy: The problem of Social disparity in the church // Anabaptist/Mennonite faith and economics. — Lanham; New York; London, 1994. — P. 19–41.

[18] *Венгер Н.В.* Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России. — С. 92–106.

с Цюрихом, Фрайбургом, Витмарзумом. Прошлое было канонизировано и сохранено в памяти поколений. Значимыми сюжетами были события преследований на территории Нидерландов, Северной Германии и Западной Швейцарии[19].

В поисках идеальных для них условий существования анабаптистские группы эмигрировали на территорию Юга Российской империи. В сущности, для данных общин само слово «эмиграция» не является абсолютно верным, поскольку по определению «эмиграция — переселение из своего отечества в другую страну по экономическим, политическим или другим мотивам»[20]. Исходя из особенностей ментального картографирования анабаптистов, «народы в пути» не эмигрируют, а «передвигаются» с одних земель на другие. Последнее определение оставалось верным и адекватно отражающим ход событий до XIX в.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ «МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ» И МЕНТАЛЬНЫХ ГРАНИЦ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ПЕРВОТОЛЧКА

Существенные изменения «ментального картографирования» (изменение подходов в оценке окружающего социума и себя в нем) происходят в мировоззрении конгрегаций на российском этапе их истории. Эмиграция осуществлялась на основании официального приглашения — манифестов Екатерины II 1762 и 1763 гг.[21] Особые права колонистов были утверждены подписанием «Просительных статей» князем Г. Потемкиным в 1787 г. Заметим, что привилегии действительно имели инновационно-беспрецедентный для общин характер. Как свидетельствовал предыдущий опыт конгрегаций, предоставленные им курфюрстами и прусскими королями привилегии оговаривали исключительно узкий круг вопросов: санкцию на сохранение некоторых устоев их повседневной жизни, возможность проведения религиозных собраний, женитьбы, похорон, права на создание школ и привлечение в них своих учителей. Перечисленные привилегии не носили специфического характера. «Просительные статьи» меннонитов, получившие одобрение Потемкина, а затем Екатерины II, впервые предоставили общинам право на реализацию весьма детального и широкого перечня затребованных ими экономических привилегий, которые нашли позитивный отклик со стороны российского правительства[22]. В отличие от условий «ограниченной формы толерантности», в которых ранее находились меннониты в большинстве городов и стран Европы (Польше, Польской Пруссии), в России меннониты, как социальная группа аграрной специализации, получили права и возможности, которыми в то время не обладало российское крестьянство в целом, включая государственных крестьян. Меннониты как колонисты сумели добиться законодательного подтверждения всех условий манифеста, в результате чего им удалось занять особую нишу в системе социальной иерархии Российской империи среди других непривилегированных социальных групп[23]. Уже спустя год после подписания «Просительных статей», в 1789 г.,

[19] Менно Симонс и анабаптисты / Ред. С.В. Санников. — Штайнхаген, 2012. — С. 13–99, 169–193.

[20] Данное определение заимствовано из: *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2005. — С. 919.

[21] Манифест «О позволении всем иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России, и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу (4 декабря 1762 г.)» // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11 720; Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (22 июля 1763 г.) // Там же. № 11 880.

[22] *Rempel D.G.* The Mennonite Commonwealth in Russia: A sketch of its Founding and Endurance, 1789–1919 // Mennonite Quarterly Review. — 1973. — № 4. — P. 259–308.

[23] В «Своде законов о состояниях» (ст. 630, 632) выделено восемь категорий сельских обывателей, водворенных на землях собственных, среди которых, наряду с вольными людьми, свободными хлебопашцами, упоминаются и колонисты. См.: *Евпатиевский А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII — нач. XX в.) // Источниковедение отечеств. истории. — М., 1986. — С. 47.

прибыли первые группы переселенцев, основавших колонии в Хортицкой волости (всего 8 колоний, 228 семей). Вторая волна переселенцев (всего 118 семей) прибыла в Россию в 1793–1796 гг.[24] К тому времени сама колонизация была признана делом государственной важности, а привилегии были подтверждены в дальнейшем и в «Жалованной грамоте» Павла I (1800), и в «Манифесте» Александра I (1804)[25]. Данные обстоятельства в исторической перспективе окажут существенное влияние на процесс «ментального картографирования» анабаптистских общин.

Несмотря на привилегии, первые десятилетия проживания меннонитов в России были связаны с болезненным этапом адаптации. Власти в целом придерживались своих обещаний, заверенных в совместно подписанных документах. Тем не менее, в непростых условиях переломного периода срабатывали механизмы самосохранения, и конгрегации, не будучи уверенными в своем настоящем, были нацелены скорее на прошлое, на ранее сформированную ими легенду о предках и о себе. Их идентичность, «их сердце» (в переносном смысле), находилась в далеком прошлом и далеко от нового места поселения. Задачи выживания и консолидации в иноконфессиональном окружении свелись к консервации памяти, а следовательно, сохранению тех «ментальных карт» прошлого, которые носили нарративно-абстрактно-описательный характер.

Испытывая материальные проблемы, общество сохраняло нацеленность на религиозно-духовную консолидацию с поисками очищения и спасения, с явной устремленностью от бытия к небытию, от социально-глобального к микроколлективу. А религиозно-духовное, трансцендентальное, как известно, не существует в реальном мире: оно бестелесно и нематериально, а потому не требует прикрепления к конкретному месту в пространстве, познания этого места. В этой связи на начальном этапе своей истории в России конгрегации допустили если не «разрыв традиции», то торможение процессов картографирования окружающего пространства. Прошлое, связанное с преследованиями и потрясениями, его трагедийность, нацеленность на страдания, было важнее, чем настоящее. Историческое знание о прошлом не корреспондировалось с настоящим.

Однако данное соотношение субъективных представлений о прошлом и объективной реальности вскоре было скорректировано конкретными задачами выживания конгрегаций на новых землях. В манифестах российских императоров неоднократно подчеркивалось, что привилегии, дарованные меннонитам, их право жить на данных землях и владеть большими участками земли (65 десятин на хозяйство) были предоставлены им взамен за выполнение ими особой миссии освоения региона и передачи навыков эффективного ведения хозяйства окружающему населению. Эта идея постоянно втолковывалась проповедниками на молитвенных собраниях и являлась важнейшим дидактическим лозунгом, на котором воспитывалось подрастающее поколение. Власти всячески поддерживали экономическую инициативу меннонитов. Необходимость выживания требовала от меннонитов, в определенном смысле, «ориентации на местности», практического познания окружающего пространства: дорог, соседних городов, местных и отдаленных ярмарок, портов. Меннониты начинают познавать регион. Это значит, что постепенно Россия вписывается в «картографию» их прошлого, начинает «проступать» как осознанный структурный элемент их миграционного опыта. В данном ментальном «атласе» вначале появляется, условно сказать, карта

[24] Всего в период с 1787 по 1870 г. в Россию переселилось 1907 семей (около 8000 чел.). Из этого числа примерно 400 семей поселились на Хортице, 1049 — на Молочной. См.: Обзор иностранной колонизации // Журн. Мин-ва гос. имуществ. — 1854. — № 8. — С. 64; *Krahn C., Bender H.* Migration. — P. 685.

[25] Высочайшая грамота менонистам «О подтверждении обещанной им свободы в отправлении вероисповедания по церковным их установлениям и обычаям» (6 сентября 1800 г.) // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26; Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» (20 февраля 1804 г.) // Там же. Т. 28. № 21 163.

«Новороссия», к которой по мере образования дочерних колоний (на Кубани, Дону, в Закавказье, Сибири) постепенно добавляются новые страницы, привнося не только дополнительные «географические сюжеты», но и иные настроения, постепенно меняя эмоциональный контекст картографирования.

Меннонитские общины были одним из самых экономически успешных колонизационных потоков, обосновавшихся в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. В этой связи «ментальная карта» впервые наполняется настроениями успеха, положительного социального опыта: их более не преследуют, но поддерживают и признают! В некоторой степени происходит переориентация идентичности, которая, однако, для анабаптистов вовсе не означала отрицания предшествующей традиции. Традиция лишь подтверждается, дополняется новой страницей и иным, возникшим в современных условиях обоснованием. Например, главная причина территориальной экспансии, переселения и образования дочерних колоний объяснялась самими конгрегациями как необходимость поиска новых земельных ресурсов, миссионерства (что вообще-то было законодательно запрещено), что позволило бы новым поколениям сохранять и воспроизводить традиционные общинные ценности, достойный образ и уровень жизни. Новые поселения становились репрезентантами традиций и социальных практик, не только религиозных, но также и экономических. Для меннонитского социума это была возможность не только механического воспроизводства этноконфессиональных традиций, но и шанс их совершенствования в относительно новых экономических условиях, проверка учения на жизнеспособность и доказательство его правоты, ибо экономический успех, который демонстрировали колонии в России, был, согласно общепротестантским канонам, признаком божественной санкции по отношению к представителям данной деноминации. Таким образом, позитивные настроения в процессе картографирования новых сюжетов «ментальных карт» вовсе не отрицали предшествующего минорного пафоса, настроений жертвенности, а дополняли его, формировали единое повествование и работали на одну цель — создание позитивных условий прежде всего религиозного воспроизводства. Таким образом, континуитет не был разрушен, но лишь дополнен новым сюжетом, связанным с предшествующим повествованием в единую концепцию.

Фактором, способствующим формированию и закреплению новых сюжетов и настроений «ментальной карты» (сейчас речь идет о признании новой территории как «своей земли», значимой для конгрегаций территории), служила также и топонимика. Следует упомянуть, что при переселении колонистам позволялось сохранять, т. е. переносить на новую географию, старые названия колоний: Гамберг, Клиппенфельд, Мюнстерберг, Гальбштадт и т. д. Заметим, что в данных географических названиях также отражается прошлая история конгрегаций, а топонимика выполняет семиотические трансляционные функции, служит своеобразным посланием новым поколениям, несет в себе «свой рассказ». Постепенно, по мере возникновения новых колоний, последние получают названия, связанные с местными традициями. В них отражается и закрепляется как новый исторический опыт (например, с. Контениусфельд на Молочной[26]), так и иные географические условия (с. Терек)[27]. Характерно, что, когда власти на этапе усиления антигерманских настроений, в орбиту которых неизбежно попадали немецкоязычные группы и в России, пытались осуществить программу пе-

[26] Названа в честь Самуила Контениуса — главного судьи Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев, который существенно помогал колонистам; ответственный и талантливый чиновник, к чьему мнению прислушивались не только центральные органы управления, но и император. См: Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 / Сост. и ред. О.В. Коновалова. — Одесса, 1999.

[27] *Krahn C.* Terek Mennonite Settlement (Republic of Dagestan, Russia) // The Mennonite Encyclopedia. Vol. 4. – P. 695–696.

реименования колоний, данный контрпроект времен правления Александра III и антинемецкого законодательства Первой мировой войны оказался провальным. Его не восприняли не только меннониты — жители колоний, но и окружающее население, поскольку к середине 80-х годов XIX в. немецкая топонимика была укоренена, в т.ч. и в «ментальных картах» окружающего населения. В быту, а в дальнейшем и в документах использовались старые, немецкие наименования. И даже в ранний советский период использовались старые названия представителями новой власти.

По мере расширения социального успеха менялись не только настроения «ментальной карты», но и глубина ее содержания. Первоначально исключительно визуальная по характеру перцепция пространства дополняется новыми знаниями, возникающими в связи с появлением новых когнитивных потребностей сообщества, которые существенно влияли на контент карты. Составляя историю острова Хортицы (около 1886 г.), Я. Новицкий консультировался у местных учителей и, как упоминал сам исследователь, собирателей древностей, меннонитов Якова Эппа, Иоганна Гильдебрандта, Б. Паульса[28], а также Юлиуса Петкау, Абрахама Левена (из с. Бурвальде)[29]. Яворницкого в процессе обследования о. Хортица сопровождал Я.Я. Коп[30].

Как уже было упомянуто, содержание «ментальных карт» было связано с чувством патриотизма и чувством родины, которые, как выясняется, были нетождественными понятиями. Как показывает анализ меннонитской этнической историографии, чувство родины возникает у меннонитов где-то в третьем поколении после переселения, а именно во второй половине XIX столетия. Никогда ранее до этого меннониты (речь идет об общинах именно того колонизационного потока, который, передвигаясь через всю Европу, оказался в России) не оставались столь долго на одном месте. Сформированная ранее «легенда о прошлом» всегда была наполнена страданиями, а ощущение виктимности культивировалось сознательно в каждом последующем поколении, определяя «содержательно-эмоциональную» сторону предшествующего картографирования, внося настроения нестабильности. В отличие от более ранних условий ментального картографирования, чувство родины основывается прежде всего на ощущении пространственного постоянства. Настроения меннонитов на российском этапе их истории могут быть реконструированы следующим образом: «Эта страна для нас важна, поскольку именно на этой земле наши предки (деды и отцы) не только жили, были успешны, но и накопили капиталы, которые в форме наследства будут передаваться нам. Это — гарантия нашей стабильности». Наличие собственности было дополнительным мотивом, фактором конфидентности, капиталом на будущее. Такую страну нужно и должно было любить, оберегать, заботиться о ее благосостоянии (задача военной защиты для меннонитов-пацифистов оставалась вне обсуждения до 1919 г. Пацифизм нередко давал основания для обвинений в нелояльности).

РОССИЯ КАК ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗВЕНО «МЕНТАЛЬНОГО АТЛАСА»

Познание окружающего пространства и локальной истории вызывает у конгрегаций потребность к переосмыслению себя и своего настоящего. Если ранее сообщество вполне удовлетворяла традиционная, «жертвенная» версия прошлого, то спустя полстолетия после переселения в Россию меннониты впервые задумываются не только о своих исторических первоосновах, но и создают интерпретации современных им событий. В результате этого во второй половине XIX в. в среде российских

[28] *Новицкий Я.* Остров Хортица на Днепре, его природа, история, древности // *Новицький Я.* Твори. В 5 т. — Запоріжжя, 2007. — Т. 1. — С. 392.

[29] *Новицкий Я.* Урочища, балки, річки, скелі, острови, міста і містечка Запорізького краю // *Новицький Я.* Твори. — Т. 2. — С. 338.

[30] *Яворницкий Д.* Запорожье в остатках старины и преданиях народа. В 2 ч. — Киев, 1995. — Ч. 1. — С. 189, 194, 203–204.

меннонитов происходит восстановление ранее разрушенного чувства исторического континуума, утерянного в предыдущий период. Возникающая на данном этапе этническая историография (в лице первых историков Д. Эппа и П.М. Фризена), наряду с другими функциями (роль популяризатора и трансфера культурных традиций, представления экскурсов в различные сюжеты и этапы меннонитской истории, пронизанные единым настроением и убеждением, идеей особой миссии меннонитских общин в России, целесообразности и полезности колонизационной программы)[31], формирует иное настроение «ментального картографирования», его контекстуальное оформление, служащее, условно говоря, «легендой» российского сюжета атласа, ее неким сопроводительным пояснением. Важной составляющей новой «ментальной карты», сформированной в России, была убежденность в значимости вклада конгрегаций в развитие земель, на территории которых около полутора столетий разворачивалась история сообщества. Появляются и культивируются настроения триумфа, гордости, самоуважения — качеств, которые были своеобразным отклонением от традиции, но вместе с тем явились новой эмоциональной версией, сопровождающей очередную составляющую «ментального атласа».

С начала 1870-х годов и вплоть до 1917 г. немецкоязычные меннонитские общины ощущают на себе влияние геополитических изменений в Европе. Образование единой Германской империи и возникшие в связи с этим страхи со стороны российского общества и части российского политикума в отношении «внутренних немцев» (так называемый «немецкий вопрос» как социальное явление и националистический концепт) подтолкнули лидеров колоний к более осознанному отношению не только к внутреннему, но и внешнему контексту развития Российской империи[32]. Европа как заграница, как «не Россия», уже более не является абстрактной субстанцией, но разделенной на отдельные политические образования территорией, с четкими границами между государствами, которые условно могут быть разделены на дружественные и вражеские.

Визуализации европейских границ также способствовали и другие, более позитивные моменты в жизни сообщества. Среди них следует упомянуть прежде всего повышение общего уровня образованности. География как альтернативный предмет предлагалась в системе программ национальных школ начиная с конца 1820-х годов[33]. Все более распространенной становится практика обучения детей за границей (преимущественно в Швейцарии и Германии), что, однако, могли себе позволить лишь немногие. Меннониты много читают, выписывают периодические издания. Владение немецким языком позволяет определенной части сообщества выписывать, читать и обсуждать не только российскую, но и зарубежную прессу, что позволяло существенно углублять представления о Европе[34].

---

[31] *Friesen P.M.* Op. cit.; *Epp D.H.* 1) Johann Cornies. — Winnipeg, 1995; 2) Die Chortitzer Mennoniten. — Odessa, 1889; 3) Die Memriker Aussiedlung. — Berdyansk, 1910; 4) The Emergence of German Industry in the South Russian Colonies // Mennonite Quarterly Review. — 1981. — № 4. — P. 289–371; 5) Sketches from the pioneer years of the industry in the Mennonite settlements of South Russia // Der Bote. — 1939. — July 13.

[32] *Венгер Н.В.* 1) Проблеми реформування іноземних колоній та ідея єдності російської нації М.Н. Каткова: біля витоків російського націоналістичного дискурсу // Вопр. герм. истории. — Днепропетровск, 2010. — С. 30–50; 2) Меннониты и власть в конфликте 1860–1870-х гг.: pros и cons реформ унификации // Граждан. идентичность и внутр. мир рос. немцев в годы Великой Отечественной войны и в ист. памяти потомков. — М., 2011. — С. 449–467; 3)«Німецьке питання» в оцінці І.С. Аксакова та Ю.Ф. Самаріна: діалог з російським суспільством у десятиліття «великих реформ» (1860–1870) // Вопр. герм. истории. — Днепропетровск, 2011. — С. 30–52; 4) Идея о единой рус. нации и нем. вопрос в мировоззрении П.А. Столыпина // Вопр. герм. истории. — Днепропетровск, 2012. — С. 61–91.

[33] *Friesen P.M.* Op. cit. — P. 693.

[34] Подробнее см.: *Венгер Н.В.* Книжная традиция как проявление интеллектуальных потребностей традиционно-переходного общества // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. — Дніпропетровськ, 2012. — С. 271–289; *Черказьянова И.В.* Круг чтения немецких колонистов в конце XX в. // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. — Одесса, 2006. — С. 143–145.

Улучшаются условия коммуникации, и общины устанавливают и поддерживают связи со своими европейскими единоверцами. Многие из жителей колоний связаны с зарубежными конгрегациями нитями семейного родства. В общинах формируется новая предпринимательская элита, которая много путешествует, посещает выставки, закупает оборудование престижных зарубежных фирм. Познания о Европе, черпаемые из множества источников, имели активный, действенный характер. Вместе с тем, владея все более обширными знаниями о географии, политике и экономике, по-новому осознавая себя и свое прошлое в глобальном географическом пространстве европейского континента, меннониты все же осознавали себя подданными российской короны, оставаясь монархистами и патриотами. Заметим, что данные мажорные настроения не были закреплены в ментальном картографировании надолго. Повод к реверсным изменениям предоставила в т. ч. и александровская эпоха, которая включила колонистские поселения в орбиту реформ унификации и, вместе с тем, сделала их объектом российского националистического дискурса на весь последующий период существования империи[35].

Кроме ликвидации особого социального колонистского статуса (реформа 1871 г.[36]), в государстве велась работа по подготовке устава о воинской повинности, где был закреплен принцип общей для всех службы в армии. В предшествующей истории конгрегаций это событие стало бы прямым показанием к очередной эмиграции. Однако на сей раз конгрегации не могли позволить себе столь простой сдачи позиций: здесь, в России, они были успешны, добились многого, доказали свою лояльность и, наконец, им было за что бороться (дома, особняки, предприятия, земли — меннониты были успешными фермерами и предпринимателями).

Несмотря на то, что лидеры колоний развернули широкую правозащитную кампанию, ее побочным результатом стала новая эмиграционная волна 1874–1884 гг., которая привела к переезду в Канаду и США 18 тыс. меннонитов — наиболее радикальной и бескомпромиссной части сообщества. Туда же отправились меннониты, проживающие на Волыни, в Галиции и Польше[37].

Теперь российский этап истории более не являлся заключительным сюжетом миграций, и «российская карта» становится очередным промежуточным звеном в контексте «атласа». Так случилось, что несколько утратившая актуальность идея о преследованиях (идея родом из прошлого) находит свое подтверждение в новой географии, в Российской империи, на очередном историческом этапе, и посему могла с легкостью стать частью эпической легенды о преследованиях за веру, ведь новый устав 1874 г. требовал от конгрегаций отказаться от пацифизма — второго по значению принципа их вероучения. Таким образом, идея о гонениях и притеснениях была реанимирована и включена в состав «ментальной карты» российского этапа истории. Характер новой «легенды о преследованиях» приобрел свою окончательную версию в 1920-х годах. Последние эмиграционные волны 1922–1926 и 1929 гг., которые были направлены на Американский континент (в Канаду, Мексику, Бразилию, Парагвай (всего около 25 000))[38], завершили формирование контекста «ментальной карты» российского этапа истории «народа в пути», традиционно дополняя ее настроениями виктимности: круг замкнулся, и традиционное общество вновь оказалось в пределах своей традиционной парадигмы.

---

[35] Подробнее см.: *Венгер Н.В.* Меннониты и власть в конфликте 1860–1870-х гг.

[36] Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и в области Бессарабской (14 июня 1871) // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. № 49 705.

[37] *Krahn C., Bender H.* Migration. — P. 586–587.

[38] Подробнее см.: *Осташева Н.В.* Указ. соч.

«МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ» КАК СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ СООБЩЕСТВА В НАСТОЯЩЕМ

Становясь частью этнической «легенды», важнейшей составляющей конфессиональной традиции, версией прошлого, к которой постоянно обращаются конгрегации, используя их как средство сохранения конфессиональной идентичности и конгрегационного императива, «ментальные карты» и в настоящее время продолжают служить последующим поколениям. Весьма показательным подтверждением данного тезиса является выпуск меннонитского исторического атласа, опубликованного в 1990 г. в Канаде[39]. Спустя несколько лет (2003) было подготовлено подобное издание, посвященное молочанским колониям. Данные атласы представляют собой собрание карт, отражающих отдельные сюжеты анабаптистской истории, начиная от зарождения и заканчивая современной историей североамериканских меннонитов. Как сообщают составители, реконструкция карт отдельных поселений осуществлялась авторами на основании опросов и воспоминаний эмигрантов — представителей конгрегаций. Коллективный продукт, полученный в результате данной совместной работы, является весьма любопытной для исследователей иллюстрацией проявления конфессиональной идентичности. Его семантика в целом отражает все составляющие «ментальной карты», является примером, с позволения сказать, «бестелесной/индифферентной/отстраненной географии», которая отражает элементы «ментальной карты», сформированной на российском этапе их исторического развития. Сущностный контент ментального картографирования отражает визуальная презентация не только каждой из карт (см. карту-схему колонии Фишау), но и атласа в целом. На плане поселения отмечены места расположения хозяйств, дороги, церкви и школы, хозяйственные постройки, производственные предприятия, находившиеся в собственности меннонитов. Семантика карты свидетельствует об отдаленности сообщества от глобального социума в целом, высокой резистентности общин по отношению к ассимиляционным процессам, создает настроение нестабильности, некоторой неукорененности конгрегаций в данном географическом пространстве. Каждая из карт-схем четко отражает концепцию пространства, дихотомию «они» и «мы», контроверсию между внешним миром колоний и внутренним закрытым социумом «общины избранных».

«Ментальные карты» продолжают работать, сохраняя старую пространственную идентичность (схему узнавания). Социальным носителем данных маркеров в настоящее время является старшее поколение, далекое прошлое которого смыкается с последним этапом российской легенды. Становясь иным, более открытым и вовлеченным в процессы глобализации, сообщество меннонитских общин по-прежнему демонстрирует пример этноконфессиональной группы с развитым историческим самосознанием, потребностью почитания собственной истории, традиций предков. Такое общество, формируя новое отношение к настоящему, тем не менее сохраняет все компоненты картографирования прошлого, воспринимая их пусть и несколько отдаленно, но вместе с тем включая их в процесс формирования новой «ментальной карты», в свою настоящую идентичность.

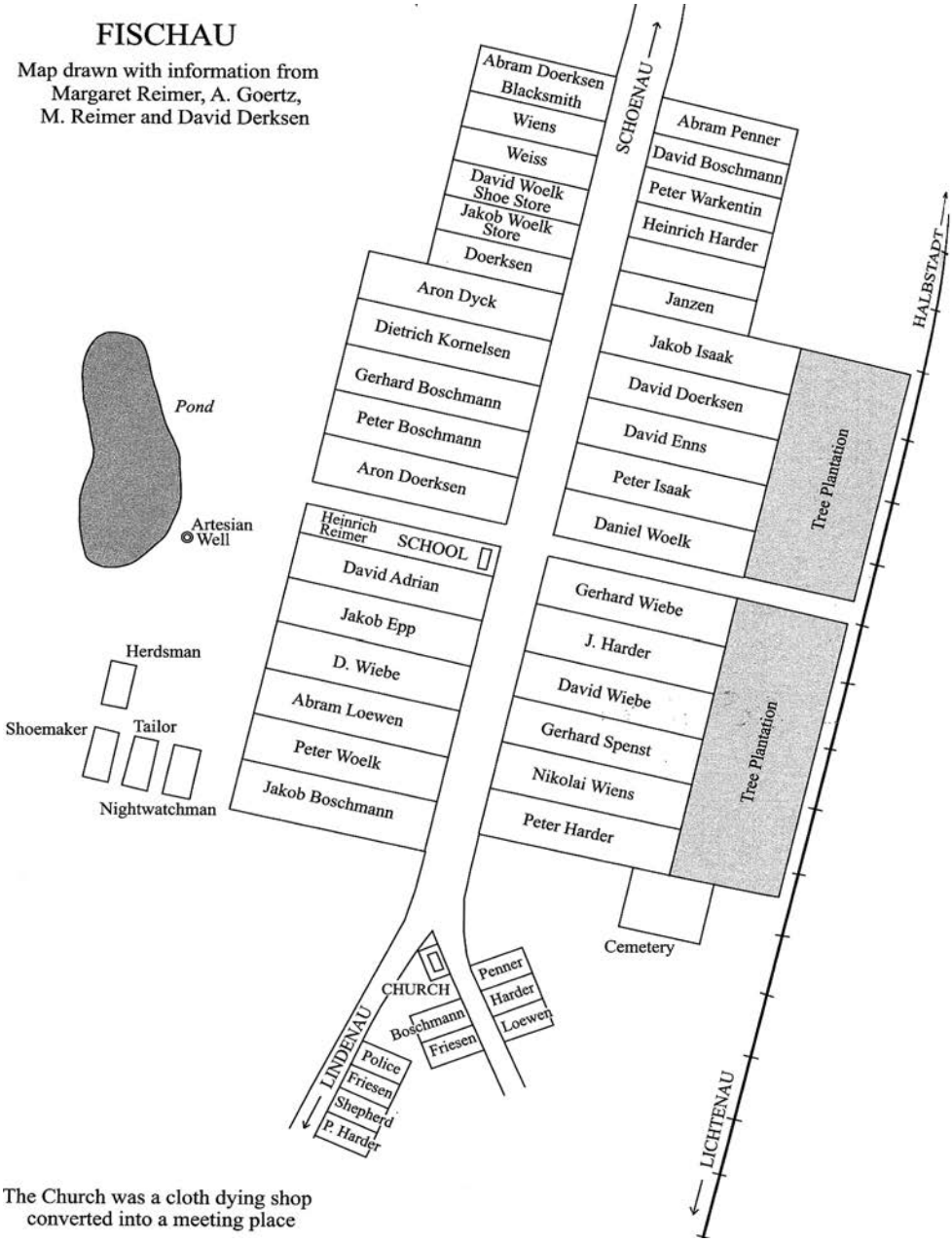
ВЫВОДЫ

«Ментальными картами» мы именуем образ окружающего пространства, объединяющий в себе значимый для «автора» образ территории и связанные с ним эмоции и настроения. «Ментальные карты» формируются в результате «ментального картографирования» — процесса, обусловленного историческими условиями, культурными

[39] *Huebert H.*, *Schroeder W.* Mennonite Historical Atlas. — Winnipeg, Canada, 1996; *Huebert H.T.* Molotchna Historical Atlas. — Winnipeg, Canada, 2003.

императивами и архетипами носителя образа, от которых зависит выбор «изобразительных методов» и идея конечного продукта.

Для «народов в пути» практика конструирования пространства посредством «ментальных карт» выполняла ответственную функцию закрепления и ретрансляции



Карта-схема поселения Фишау (Молочанская группа колоний)

традиций. Ее изначально абстрактная образность, а затем текстовая и, наконец, визуальная символика, выработанные и тщательно сохраняемые конгрегациями, являлись (и остаются) важнейшим средством консолидации сообщества, демонстрацией преданности доктрине и ее «легенде» (ее мифологизированной истории) как важнейшего императива сохранения прежде всего конфессиональной целостности.

Поскольку складывание истории сообщества рассматривалось общинами как социально значимое и богоугодное действие, а каждый сюжет прошлого обретал в сознании сторонников анабаптизма налет сакральности, «ментальные карты» (территории миграций и легенда о событиях, сопровождающих их) тщательно собирались и, приобретая черты архетипа, каталогизировались в единый «ментальный атлас». При этом каждая последующая «карта», составляющая «атлас», ни в коем случае не вытесняла предыдущую, создавая для сообщества единую концепцию пространства и себя в данном пространстве. Каждая страница «атласа» несла в себе скрытые и понятные лишь для сообщества смыслы, содержание и семантику. К тому же, диалектика внутреннего содержания «ментальных карт» отражала степень религиозной лояльности и социального признания конгрегаций в Европе.

Анализ контента ментальных карт позволяет сделать вывод, что чем большим изменениям подвергалось сообщество, тем более оно подтверждало свою традиционность. Не исключая изменений подходов к картографированию (подход — ощущение «себя» в глобальном социуме), сообщество прошло путь от виктимности и полной закрытости до признания собственной значимости для универсального социума в сферах различных социальных практик, далеких от конфессиональной. При этом конгрегации, по понятным причинам, не преодолели чувства если не чужести, то инаковости не только в конфессиональной, но и в культурной сфере в целом. В связи с этим различные версии «ментальных карт», продуцированные сообществом, фокусировались на себе, своей избранности и закрытости, что определило причину некоторой общей индифферентности к пространству за пределами важной для них «ойкумены».

Однако последнее из названных качеств не оставалось статичным, и в ходе исторического развития менялись фокусы и объемы ментального картографирования (степень индифферентности). Динамика фокуса и его масштаб были связаны с политическими, экономическими условиями и возможностями жизни и развития общин на определенном этапе их «пути». В период «скитаний и преследований» в фокусе ментального картографирования запечатлелись не страны, а скорее отдельные города и земли, где разворачивались сюжеты ранней истории анабаптизма. «Ментальная карта» того периода, объединяющая отдельные разрозненные точки на карте Европы с размытыми границами, была наполнена настроениями виктимности и эпичности в описании героических эпизодов страданий за веру. Понятие о границах между государствами и понимание о Европе как конкретной территории (речь идет не о знании географии, а о желании включить отдельные страны в фокус своего внимания, т. е. признать их важными для истории сообщества) появилось на этапе более позднего картографирования. Это прослеживается в тот момент, когда конгрегации, добившиеся экономических успехов и признания в России, впервые ощутили чувство родины и патриотизма.

В дальнейшем, в условиях развития российского националистического дискурса, когда окружающее общество не уставало напоминать общинам об их «иноэтничности», анабаптисты пришли к более четкому пониманию своих конфессиональных и этнических первоистоков, причин миграций, истории Российской империи и проблем ее развития.

«Ментальное картографирование» и маркировка территорий остается важным заданием и для нынешнего поколения конгрегаций. Формируемая старшим поколением «легенда» позволяет актуализировать прошлый опыт, включая его символы в современную традицию и приспосабливая ее для настоящего и во имя будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безносова О.* Гуттеры // Немцы России: Энцикл. В 3 т. — Т. 1: А–И. — М.: ЭРН, 1999. — С. 654–655.
2. *Безносова О.* Меннониты // Немцы Украины: Пилот. сб. / Сост. С. Бобылева. — М., 2002. — С. 134–145. (Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7).
3. *Васильева М.* Гуттеры // Немцы Украины: Пилот. сб. / Сост. С. Бобылева. — М., 2002. — С. 73–78. (Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7).
4. *Венгер Н.В.* Етика підприємництва в релігійній доктрині, світоглядній системі цінностей і реальній практиці менонітів (XVI–XIX стол.) // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. — Днепропетровск: РВВ ДНУ, 2005. — № 13. — С. 88–98.
5. *Венгер Н.В.* Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920): Моногр. — Днепропетровск: ДНУ, 2009. — 696 с.
6. *Венгер Н.В.* Проблеми реформування іноземних колоній та ідея єдності російської нації М.Н. Каткова: біля витоків російського націоналістичного дискурсу // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. — Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2010. — С. 30–50.
7. *Венгер Н.В.* «Німецьке питання» в оцінці І.С. Аксакова та Ю.Ф. Самаріна: діалог з російським суспільством у десятиліття «великих реформ» (1860–1870) // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. — Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2011. — С. 30–52.
8. *Венгер Н.В.* Меннониты и власть в конфликте 1860–1870-х гг.: pros и cons реформ унификации // Гражданская идентичность и внутренний мир рос. немцев в годы Великой Отечественной войны и в ист. памяти потомков. — М.: МСНК-пресс, 2011. — С. 449–467.
9. *Венгер Н.В.* Идея о единой русской нации и немецкий вопрос в мировоззрении П.А. Столыпина // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. — Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2012. — С. 61–91.
10. *Венгер Н.В.* Книжная традиция как проявление интеллектуальных потребностей традиционно-переходного общества // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. — Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. — С. 271–289.
11. *Евпатиевский А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII — нач. XX в.) // Источниковедение отечеств. истории. — М.: Наука, 1986. — С. 34–72.
12. *Ипатов А.Н.* Меннониты: вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. — М.: Мысль, 1978. — 213 с.
13. Колонии меннонитов Таврической губернии // Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2407. Л. 120–121.
14. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2005. — 939, [2] с.
15. Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. — М.: Академ. проект: Гаудеамус, 2004. — 624 с.
16. Менно Симонс и анабаптисты. Сб. / Сост. и ред. С.В. Санников. — Штайнхаген: Samenkorn, 2012. — 448 с.
17. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. — М.: НЛО, 2006. — 248 с.
18. *Новицкий Я.* Твори. В 5 т. — Запоріжжя: АА Тандем, 2007. — Т. 1. — 508 с.; Т. 2. — 507 с.
19. Обзор иностранной колонизации // Журн. Мин-ва гос. имуществ. — 1854. — № 8. — С. 42–68.
20. *Осташева Н.В.* На переломе эпох. Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. — М.: Готика, 1998. — 256 с.

21. Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 / Сост. и ред. О.В. Коновалова. — Одесса: ОКФА; изд-во «ТЭС»,1999. — 282 с.
22. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 26, 28; Собр. 2-е. Т. 46.
23. «О истребовании планов всем колониям…» // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 895.
24. *Черказьянова И.В*. Круг чтения немецких колонистов в конце XX в. // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. Липень 2006 р. (Материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Музей. История. Одесса», посвящ. 50-летию Одес. ист.-краевед. музея, 27–29 апр. 2006 г., Одесса). — Одесса: Астропринт, 2006. — С. 143–145.
25. Яворницкий Д.И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа / Сост. М.М. Олейник-Шубравская. — Ч. 1–2. — Киев: Веселка, 1995.
26. *Downs R.M., Stea D.* Maps in Minds. Reflection on Cognitive Mapping. — New York: Harper & Row, 1977. — 284 p.
27. *Ehrt A.* Das Mennonitentum in Rußland: von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. — Manitoba, Canada: Crossway Publication Inc., 2003. — 162 S.
28. *Epp D.* Die Chortitzer Mennoniten. — Odessa: Schultz, 1889. — 195 S.
29. *Epp D.* Die Memriker Aussiedlung. — Berdyansk: Verlag der Buchh. J. Warkentin, 1910. — 96 S.
30. *Epp D.H.* Johan Cornies. — Winnipeg, Manitoba: CMBC Publications and the Manitoba Mennonite Historical Society, 1995. — 137 p.
31. *Epp D.* Sketches from the pioneer years of the industry in the Mennonite settlements of South Russia // Der Bote. — 1939, July 13. — 80 p.
32. *Epp D.* The Emergence of German Industry in the South Russian Colonies // Mennonite Quarterly Review. — 1981. — № 4. — P. 289–371.
33. *Friesen P.M.* The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1910). — Fresno: Protestant Spiritual Tradition, 1978. — 1065 p.
34. *Huebert H., Schroeder W.* Mennonite Historical Atlas. — Winnipeg, Canada: Springfield Publishers, 1996. — 183 p.
35. *Huebert H.T.* Molotchna Historical Atlas. — Winnipeg, Canada: Springfield publishers, 2003. — 222 p.
36. *Krahn C., Bender H.* Migration // The Mennonite Encyclopedia. In 4 vols. — Hillsboro, Kansas: Mennonite Publication Office; Scottsdale, Pennsylvania: Mennonite Publishing House, 1955–1959. — Vol. 3. — P. 684–686.
37. *Krahn C.* Terek Mennonite Settlement (Republic of Dagestan, Russia) // The Mennonite Encyclopedia. In 4 vols. — Vol. 4. — P. 695–696.
38. *Rempel D.G.* The Mennonite Commonwealth in Russia: A sketch of its Founding and Endurance, 1789–1919 // Mennonite Quarterly Review. — 1973. — № 4. — P. 259–308.
39. *Smith C.* The Story of the Mennonites. — Newton, KS: Mennonite Publication Office, 1950. — 255 p.
40. *Sprunger M.S.* Dutch Mennonites and the golden age economy: The problem of Social disparity in the church // Anabaptist/Mennonite faith and economics. — Lanham; New York; London: University Press of America, Inc., 1994. — P. 19–41.

„Mentale Karten“ der Mennoniten als Manifestierung der Besonderheiten in den Raumvorstellungen einer ethnokonfessionellen Gemeinschaft

N.V. Venger

Der Autor untersucht, wie das Konzept der „mentalen Landkarte“ für das Verständnis der Prozesse der Bildung von räumlichen Darstellungen der mennonitischen Gemeinden des Russischen Reiches verwendet werden kann. Es wird gezeigt, dass im Prozess der Zwangsmigrationen, im Zusammenhang mit dem Wandel des sozialen Status der Mennoniten auf dem Territorium der einzelnen Staaten die Vertreter der Gemeinschaft einen Komplex („Atlas“) „mentaler Landkarten“ bilden, die im Gedächtnis behalten werden und die Bildung der „Legende“ der ethnischen Gruppe und ihr Selbstverständnis beeinflussen.

Schlüsselwörter: Mennoniten, Russisches Reich, „mentale Landkarten“, Legende einer ethnischen Gruppe.

„Mental maps“ of Mennonites This article studies the notion of a „mental map”

N.V. Venger

This article studies the notion of a „mental map“ and serves as a good tool to understand the processes of special mental representations and their formation for the Mennonites communities in the Russian Empire. It is shown how in the process of migration (as a result of the change of social statues on the territories of certain states), Mennonites communities form a complex (atlas) of mental maps which are stored in memory and influence the formation of ethnic group legends as well as their self-identity.

Key words: Mennonites, Russian empire, mental maps, ethnic group’s legends.

УДК 94(71+(47+57)) — 054.62 «18/19»

Е.Е. Ходченко

Эмиграция немцев Поволжья и их ранние поселения в Канаде

Автор статьи исследует особенности формирования ареалов расселения поволжских немцев на Среднем Западе Канады в конце XIX — начале XX в. На основе мемуаров и автобиографий первых поселенцев представлены этапы приживаемости, общественно-культурная и религиозная стороны жизни пионеров. Автор приходит к выводу, что начавшийся процесс модернизации в Российской империи подтолкнул к эмиграции часть немецкого населения, которое вместе с иммигрантами других этнических групп формировало новое общество Канады, внося в него элементы культуры и традиций малой родины.

Ключевые слова: иммиграция, поволжские немцы, Канада, Российская империя.

Начавшийся во второй половине XIX в. процесс модернизации в Российской империи вызвал многие экономические, морально-психологические явления и последствия, в частности, эмиграцию части немецкого населения. Эмоциональный дискомфорт, вызванный нехваткой земли, потерей самоуправления и наследственных прав, политикой русификации, расцениваемой как посягательство на культурные ценности, опасениями притеснений по религиозному признаку[1], перспективой службы в армии, подогревал эмиграционные настроения. Военная служба была неприемлема для баптистов, меннонитов и гуттеритов, которые первыми покинули Россию. Лютеране и католики восприняли необходимость службы как должное, однако, в силу недостаточного знания русского языка, терпели унижения и наказания и поэтому стремились избавиться от нее.

Эмиграция немцев из Поволжья началась в 1874–1875 гг. после возвращения из Америки уполномоченных представителей от колонистского сообщества — Иоганна Кригера и Иоганна Нольде, доложивших свои впечатления о перспективах жизни в США. До начала 1890-х годов тысячи этнических немцев выехали в Америку, в основном в США и Бразилию. Их путь лежал через порт Либавы (Лиепая) в Ливерпуль или через сухопутную границу в порты Гамбурга, Бремена или Антверпена, а оттуда пароходами через Атлантику. Реже использовались порты Одессы или Ханко.

Для получения заграничного паспорта необходимо было получить разрешение на выезд от волостной управы с указанием, что выезжающий не имеет долгов, заплатить в государственное казначейство 15 руб. и подать прошение на имя губернатора. При пересечении германской границы требовалось иметь в наличии определенную сумму денежных средств — 150 руб. на каждого выезжающего взрослого и 75 — на ребенка. Цена билета в Америку составляла из России 50 долларов, а из Гамбурга — 34[2]. Большой поток выезжающих вызывал обеспокоенность российских властей. В силу этого они нередко отказывали в выдаче паспортов, особенно людям призывного воз-

[1] *Плеве И.Р.* Начало эмиграции поволжских немцев в Америку. URL: http://wolgadeutsche.net/pleve/emigration.htm (дата обращения: 4 мая 2016 г.).

[2] Heinrich and Dorothea Döring Family // Norka — a German colony in Russia. URL: http://www.norka-russland.net/heinrich-and-dorothea-doering-family.html (дата обращения: 23 апреля 2016 г.); *Поллак М.* Цісар Америки. Велика втеча з Галичини. — Львов, 2015. — С. 18.

раста. В таком случае из колонии выезжали под предлогом поездки в гости к родственникам, а затем нелегально пересекали границу[3]. Пароходные компании Германии паспортов не требовали, достаточно было приобрести билет[4].

К концу XIX в., когда ресурс дешевой земли в США иссяк, выходцы из России, проживавшие в США и не нашедшие счастья в Южной Америке, наряду с другими переселенцами начали мигрировать на север в сельскохозяйственные области Канады. В России мотивация к эмиграции в начале века только усилилась. Продолжавшееся обезземеливание, вызванное демографическим ростом немецкого населения, засуха 1900–1901 гг. дали новый импульс к решению покинуть обжитые места в обмен на канадские 160 акров земли в прериях. Можно проследить путь многих этих эмигрантов. Например, Георг и Элизабет Шейдеманн из Норки, согласно списку поволжских немцев-колонистов[5], получили заграничные паспорта для поездки в Америку в 1906–1907 гг., отбыли из Бремена 11 апреля 1907 г. на корабле «Кассель», через пару недель прибыли в Галвестон и в том же году в Стони Плейн в провинции Альберта[6].

Вопросы эмиграции поволжских немцев и их жизнь в США неплохо изучены. В России этими вопросами занимались Е.В. Ананян, И.Р. Плеве, Д.Н. Шкаревский, С.О. Терехин[7]. Канада же осталась за пределами внимания исследователей из СНГ. Канадские ученые, изучая немецкую иммиграцию, рассматривали поволжских немцев в общем контексте немецкого присутствия в стране, не выделяя их в отдельную культурную группу, каковой она является по языку (старый гессенский и швабский диалект с большим количеством заимствованных русских слов)[8] и менталитету[9], а поселения не изучались комплексно.

Целью настоящего исследования является выявление ареалов распространения поволжских немцев и установление взаимосвязи между поселениями немцев в Канаде и Поволжье.

ПОСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В МАНИТОБЕ

Виннипег (*Winnipeg*). В середине 1890 — начале 1900-х годов Виннипег представлял собой крупный центр с быстро растущим населением (в 1895 г. — 38 тыс. жителей, в 1906 г. — 92 тыс., в 1907 г. — 115 тыс.)[10] и промышленностью. В городе, по состоянию на 1893 г., сходились 12 железнодорожных линий, связывающих различные направления: побережье Атлантического океана, США, фронтирные районы Канады.

---

[3] Carl Krieger's Journey to Amerika // Norka — a German colony in Russia. URL: http://www.norka-russland.net/carl-kriegers-journey-to-amerika.html (дата обращения: 3 мая 2016 г.); Hills of Hope. — Spruce Grove, Alberta: Carvel Unifarm, 1976. — P. 456.

[4] *Поллак М.* Указ. соч. — С. 92, 96.

[5] *Плеве И.Р.* Список поволжских немцев-колонистов, получивших заграничные паспорта для поездки в Америку за 1886, 1890–1892, 1900, 1906–1909, 1912 гг. URL: http://wolgadeutsche.net/pleve/liste_A_B.htm (дата обращения: 15 апреля 2016 г.).

[6] Bremer Passagierlisten (das Original). URL: http://www.passengerlists.de/ (дата обращения: 16 апреля 2016 г.); 11 Apr. 1907 on the ship „Cassel" from Bremen to Galveston, USA. URL: http://212.227.236.244/passagierlisten/listen.php? ArchivIdent=STAB_4,57/5–24_N&pass=Scheidemann&ID=723896&ankunftshafen=Galveston,%20USA&lang=en (дата обращения: 16 апреля 2016 г.).

[7] *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в страны Америки в 70–80-х гг. XIX в. — Волгоград, 2010; *Плеве И.* Начало эмиграции поволжских немцев в Америку; *Шкаревский Д.Н.* Немецкие общины в США и России во второй половине XVIII — начале XX в. — Сургут, 2006; *Терехин С.О.* Поселения российских немцев. Архитектурная традиция и ее развитие. — М., 2000.

[8] Konrad Miller. URL: http://www.norka-russland.net/konrad-miller.html (дата обращения: 13 апреля 2016 г.); Heinrich and Dorothea Döring Family.

[9] *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. — М., 1997. — С. 377–380.

[10] *Grenke A.* German community in Winnipeg, 1872 to 1919. — New York: AMS Press, 1991. — P. 15.

Сюда поступала вся продукция с осваиваемых территорий, здесь же она, в основном, перерабатывалась. Число занятых в местной промышленности в 1911 г., по сравнению с 1901 г., увеличилось почти в четыре раза и достигло 11,5 тыс. чел. Развивались строительство и городская инфраструктура. Показателем служат расходы на общественные работы, которые выросли с 66,7 тыс. в 1894–1895 гг. до 907,9 тыс. в 1904–1905 гг.[11] Все это давало возможность приезжающим достаточно легко найти работу.

Иммигранты прибывали в Виннипег в основном с мечтой о земле, но часто без средств. А без денег невозможно было приобрести необходимое сельскохозяйственное оборудование, тягловую силу и освоить «свою» землю. В силу этого многие приезжающие иммигранты оставались в городе на несколько лет. Подтверждением этому служит значительный рост численности жителей, в т. ч. немецкой национальности. Так, в 1901 г. здесь проживало 2300 этнических немцев, а в 1911-м — уже 8912[12]. Основным видом занятий немцев было строительство коллекторов для городского муниципалитета, обслуживание и строительство железнодорожных линий и другие малоквалифицированные работы. Большая часть прибывших, заработав необходимые средства, покидала город. Им на смену прибывали новые иммигранты. Со временем в городе сформировались этнические кварталы. Поволжские немцы обосновались по обе стороны главной железнодорожной магистрали Пасифик рейлвей (Pacific Railway). Именно здесь они обычно трудоустраивались, здесь велась торговля на родном языке, имелось несколько церквей, которые одновременно являлись центрами культуры, местом коммуникации и даже клубом. Большинство поволжских немцев проживало в районе Норд-Энд, где находилась лютеранская церковь Христа (на Абердин Авеню), которую чаще всего посещали лютеране из Поволжья[13]. Реформаты были прихожанами реформатской церкви, расположенной на перекрестке улицы Элен, баптисты чаще всего молились в часовне Норд-Энд или в Первой баптистской церкви на улице Монкман, а католики — в Немецкой католической церкви св. Джозефа[14]. При церквях работали приходские школы.

Часть поволжских немцев селилась также на фермах в сельских районах близ Виннипега и в небольших поселениях, например, в *Гладстоне* (*Gladstone*) (Б. Грасмик из Себастьяновки, М. Адольф из Варенбурга, Генрих Отто, Д. Грантен), в *Талберге* (*Thalberg*), где Фердинанд Штефан владел единственной лесопилкой[15], в *Гринвальде* (*Greenwald*) и *Грин Бэй* (*Green Bay*), однако, из-за своей малочисленности, самостоятельных земляческих общин они не сформировали, а влились в другие немецкие сообщества. В первые годы их хозяйствования фермы не приносили достаточного дохода. Поэтому приходилось искать альтернативную работу. Обычно ее находили в Виннипеге. Наиболее значительным поселением с представительством поволжских немцев в Манитобе кроме Виннипега являлся *Лидиятт* (*Lydiatt*), расположенный к югу от г. Брокенхед. Значительную часть окружающей территории занимали торфяники и болота, но в летний период, когда земля просыхала, почва давала хороший урожай[16]. Пионером Лидиятта был Джордж Янг, оформивший свой гомстед в 1897 г. В 1898–1901 гг. сюда прибыли выходцы из Волыни — Кристиан Хубер[17] и Вильгельм Шмуланд, а вслед за ними

[11] *Grenke A.* Op. cit. — P. 16.

[12] Ibid. — P. 18.

[13] A prime on Western Canadian settlement by John Althause. — P. 9. URL: http://www.norka-russland.net/uploads/3/7/7/9/37792067/a_primer_on_western_canadian_settlement_covers_f_and_b.pdf (дата обращения: 2 апреля 2016 г.).

[14] *Grenke A.* Op. cit. — P. 36, 37.

[15] *Kuehn F.* And they built an Altar: the history and heritage of the Brokenhead Lutheran Community. — Brokenhead: The Brokenhead Lutheran Historical Society, 1983. — P. 429.

[16] They stopped at a good place: a history of the Beausejour, Brokenhead, Garson and Tyndall area of Manitoba, 1875–1981. — Beausejour, Manitoba: Beausejour-Brokenhead Historical Committee, 1982. — P. 3.

[17] Известно, что новорожденная Мария Хубер была крещена в Лидиятте в 1899 г. См. подробнее: *Kuehn F.* Op. cit. — P. 76.

немцы с Поволжья, преимущественно из поселений Бангерт и Шталь (Степное)[18], которые совместно и сформировали немецкую лютеранскую общину. Религиозные службы в первые годы пребывания проводил А. Хейнеман. Он же был и первым учителем. В 1909 г., когда была основана лютеранская конгрегация (св. Джона), в общине числились: Петер, Конрад и Вильгельм Лоеб, Вильгельм и Якоб Штайнхауэр, А. Штайнхауэр, М. Штайнхауэр, Кристиан Кунцель, Кристиан Деобальд, Генрих Адольф, М. Адольф, С. Мюллер, Петер Гаммел, В. Вестфал (все из Поволжья), Готлиб Басс, К. Хубер, В. Шмуланд (с Волыни). Общину обслуживали пасторы Д. Герке и П. Кохлмайер[19]. Школьный район Лидиятт был организован в 1902 г. Почтовое отделение открыто в 1908 г.[20]

Строительство железной дороги, которое завершилось в 1907 г., способствовало привлечению новых поселенцев. Помимо фермерства в округе было развито пчеловодство[21].

В провинциях Саскачеван и Альберта поволжские немцы образовали ареалы в составе сельских агломераций: в районе Калгари, западнее Эдмонтона, в районе городов Йорктона, Лидера, в 200 км западнее Саскатуна и к востоку от Ростерна.

ПОСЕЛЕНИЯ В САСКАЧЕВАНЕ

Одним из ранних поселений, основателями которого стали протестанты (в основном баптисты) с Поволжья, стал *Эбенезер* (*Ebenezer*). Первые иммигранты прибыли сюда в 1887 г. Прекрасная земля прерий способствовала получению высоких урожаев. Здесь было достаточно много пастбищ и леса. В 1888 г. первопоселенцы пострадали от сильного пожара в прерии. По свидетельству Августа Похля, были уничтожены многие посевы и дома[22]. Однако в последующие годы все было восстановлено и урожаи были прекрасными. Близлежащий Йорктон (в 18 км) стал удобным и емким рынком сбыта продукции, что определило процветание колонии и быстрое заселение округи, в первую очередь, за счет присоединения других баптистских групп, преимущественно с Поволжья. В 1889 г. здесь уже проживало около 100 семей[23]. В том же году был образован школьный район, а в 1891 г. открыта баптистская церковь (пастор Р. Фенске), которая обслуживала 143 членов общины. В поселении также работала воскресная школа и общество молодежи. Тогда же было открыто почтовое отделение.

В 1898–1899 гг. в непосредственной близости от Эбенезера (в 2–3 км) поселились российские духоборы. Между общинами возникло тесное сотрудничество, в т. ч. в бизнесе, где активную роль играли В. Янцен, С. Деккерт, В. Гульден. Свидетельством добрососедских отношений служит факт дарения лидером духоборов П. Веригиным в 1911 г. участка земли для строительства баптистской церкви в Йорктоне[24]. Другими ближайшими соседями были немцы из колонии Хогенлое.

В 1901 г. в Эбенезере проживало 357 немцев, 177 англо-канадцев и 134 представителя других этноконфессиональных групп[25].

---

[18] They stopped at a good place. — P. 595.

[19] Ibid. — P. 349.

[20] Ibid. — P. 3.

[21] The Northwestern. — 1911. — 1 June. — P. 2.

[22] Reunion ‘80: a time to remember Ebenezer, Saskatchewan. — Ebenezer, Saskatchewan: Celebrate Saskatchewan Committee, 1985. — P. 2–3.

[23] *Lehmann H.* The German Canadians, 1750–1937: Immigration, Settlement, and Culture. — St. John’s, 1986. — P. 228.

[24] *Kolmakoff J.* Doukhobor development in the Ebenezer district. URL: www.doukhobor.org/Ebenezer.html (дата обращения: 25 марта 2016 г.).

[25] German Settlements — The Encyclopedia of Saskatchewan. URL: esask.ureina.ca/entry/ebenezer.html (дата обращения: 27 марта 2016 г.).

Поскольку все земли вокруг поселка были заняты, вновь прибывающие с Поволжья селились в близлежащих поселках: *Горлитц* (*Gorlitz*), *Хэмтон* (*Hamton*), *Спрингсайд* (*Springside*), *Сторновей* (*Stornoway*) и *Рейн* (*Rhein*)[26]. К 1905 г. число прихожан баптистской церкви выросло до 582 чел. В дальнейшем в связи с прибытием многочисленных украинцев процент немецкого населения в округе снизился.

По данным А. Андерсона, в 1971 г. число потомков поволжских немцев[27] в Йорктоне, Эбенезере и окрестных поселениях составило от 22 до 48 %[28].

Поволжские немцы селились также дальше к востоку от Эбенезера и Йорктона в окрестностях *Того* (*Togo*) (основано в 1904 г.), а с 1917 г. в *Раннимейде* (*Runnymede*). Оба поселения обслуживались пастором из Рейна. Известны фамилии некоторых прихожан: Генрих Эберхардт из Экгейма, Бурбах и Фукс из Гуссенбаха, Элзассер из Галки[29].

В 90–100 км к северо-западу от Реджайны, восточнее большого оз. Ласт Маунтин, расположены поселения *Дьюваль* (*Duval*) и *Камрик* (*Cymrik*). Немцы с Поволжья появились в этих местах в первые годы XX в., их целью было уяснение возможности ведения здесь хозяйствования[30]. Местность понравилась. Их привлекало наличие плодородного чернозема (10–30 см), а также большое озеро, где водилось много рыбы и водоплавающей птицы. Однако опасение вызывал климат: продолжительная с обильным снегом зима, морозы с ноября по апрель, заморозки в мае и сентябре, очень жаркое и сухое лето, множество москитов[31].

В 1904 г. сюда прибыли первые девять колонистов[32] (некоторые с семьями). С собой привезли необходимые инструменты и инвентарь. Первое время жили в фургонах. На зиму соорудили временное жилье: землянки или лачуги из дерева. На следующий год построили временные деревянные дома на две-три комнаты и хозяйственные постройки. Земля давала урожаи зерновых (также льна), превышающие потребности поселенцев. Однако в связи с затруднениями сбыта продукции культивировали смешанное хозяйство[33]. Разводили крупный рогатый скот. Фридрих Йоук специализировался на разведении лошадей. Ловили рыбу. В зимний сезон вылавливали коммерческие объемы.

Почти все немецкие поселенцы в районе были лютеранами. Долгое время в качестве церкви использовали обыкновенный фермерский дом. Он располагался между поселениями Дьюваль и Камрик. Здесь по воскресеньям жители собирались для долгих разговоров и воспоминаний о жизни в России. Капитальную церковь возвели только

---

[26] Наибольшее представительство поволжские немцы имели в Рейне, где жили в основном выходцы из Гуссенбаха и Розенберга (баптисты и лютеране). Известны некоторые фамилии: Брол, Бурбах, Пропп, Штиглиц (все из Гуссенбаха), Дамм (из Шиллинга), Элс (из Вальтер), Вайзнер и Штайнфельд (из Гольштейна). См. подробнее: Holstein. URL: www.lowervolga.org/Holstein (дата обращения: 5 апреля 2016 г.). В Сторновейн с 1900 г. проживал Фридрих Либрехт из Брюненнталя (был почтмейстером района). См. подробнее: Fred Liebrecht-Katherine Miller — MyHeritage. URL: https://www.myheritage.com.ua/photo-1000182_23163931_23163931/fred-liebrecht-katherine-miller (дата обращения: 5 апреля 2016 г.).

[27] Вероятно, с учетом баптистов с Волыни.

[28] *Anderson A.* German settlements in Saskatchewan // Roots and Realities Among Eastern and Central Europeans. — Edmonton: Central and East European Studies Association of Canada, 1983. — P. 194.

[29] Immigration to Saskatchewan. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/saskatchewan.cfm (дата обращения: 14 апреля 2016 г.).

[30] Все жили и работали в Виннипеге. Первым на разведку приехал Иоганн Бергер в 1902 г. Ему открытая местность с множеством комаров не понравилась.

[31] Last Mountain echoes: a family and school history of Govan & district. — Govan: Govan & District Local History Association, 1980. — P. 344.

[32] Генрих Гритцфельд, Иоганн Иоукс, Рейнхард Бендер, Фридрих, Кристофер и Дэвид Кельн, Якоб Франк, Дэвид Хильдерман, Георг Эрхард, Готфрид Яук. См. подробнее: Between Long Lake and Last Mountain: Bulyea, Duval, Strasbourg: Vol. 1. — Strasbourg, Saskatchewan: Strasbourg, Bulyea, Duval History Book Committee, 1982.

[33] Ближайший рынок сбыта со станцией железной дороги находился в городе Ламсден в 63 км от Дюваль (два дня пути на волах). См. подробнее: Last Mountain echoes. — P. 345.

в 1918 г.[34] В Камрике (с 1913 г.) проводили службы и в адвентистской церкви. Другим общественно-культурным центром стала школа в Камрике (с 1912 г., учитель — миссис Ньюмен). В школе, по воспоминаниям Готфрида Хильдермана, «собирались в конце рабочего дня, а по воскресеньям приезжали из отдаленных ферм. Во дворе устраивали пикники, танцы, рождественские концерты, играли в карты. Здесь старые и молодые проводили время до поздней ночи»[35]. Еще одним оживленным местом был почтовый офис.

Первопоселенцы агитировали к переезду в этот район своих родственников и друзей из России. Следствием стали многочисленные переселения, особенно в 1910–1915 гг. Все это способствовало развитию поселений, о чем свидетельствует факт, что уже в 1911 г. в Камрике работало четыре элеватора[36].

В 1919 г. в районе Дьюваль — Камрик проживало более 50 семей поволжских немцев. Эти поселения стали своеобразными дочерними колониями российского Гольштейна. Только несколько семей происходили из других селений Поволжья (Унтердорфа, Крафта, Лауве, Авилово, Саратова)[37]. Помимо поволжских немцев в районе проживали англо-канадцы, а также немцы из колонии Страсбург.

Бурстал (*Burstall*), *Лидер* (*Leader*), *Эстуаре* (*Estuare*), *Шмидт* (*Schmidt*), *Мендхэм* (*Mendham*). Немцы, преимущественно из Поволжья и российского Причерноморья (окрестности Одессы, Бессарабии и Крыма), начали заселять эту территорию с 1910 г. Многие переселялись из США, другие из Виннипега. Прибывали переселенцы в окрестность в разное время. В силу этого их фермы были рассеяны по большой территории.

До завершения здесь строительства железной дороги хозяйства не приносили достаточного дохода и поселенцы порой жили впроголодь. Они были вынуждены ездить на заработки в Калгари или в Мэдисон Хэт[38]. Лишь после 1914 г., когда ветка железной дороги достигла поселения Лидер, а затем Эстуаре, и особенно после хорошего урожая 1916 г. в хозяйства пришло благополучие. К 1917–1919 гг. почти каждая семья имела просторный новый дом. Не все поселенцы с Волги продолжили фермерскую традицию. Многие из них занялись перерабатывающим промыслом. Например, Генрих Винтер (из Саратова) стал специалистом в дубильном бизнесе, Густав Бауэр специализировался на производстве колбас[39].

Поселенцы из России объединились в лютеранскую конгрегацию (св. Павла) с центром в Бурстале. Якоб Кох (из Ней-Штрауб) был старостой этой конгрегации и одновременно попечителем школы (открыта в 1914 г.). Здание церкви было выстроено лишь в 1922 г., в Шмидт — в 1915 г. Прихожанами церквей являлись: Готфрид Кельн (из Гольштейна), Конрад Шульц (Шиллинг), Готфрид Сокловски (Саратов), Георг и Генрих Хелмеры[40], Фридрих Элзассер, Георг Кербс (все из Галки)[41], Генрих, Густав и Якоб Бауэры, Генрих Винтер (Саратов), Генрих Виттиг (Побочное). Поволжские немцы в этом районе не образовали отдельной религиозной общины, а вошли в состав общенемецкой лютеранской структуры.

---

[34] Last Mountain echoes. — P. 421.

[35] Ibid. — P. 343.

[36] В 1916 г., когда в июле два сильнейших циклона разрушили многие постройки, а весной 1917 г. произошло наводнение, развитие района замедлилось.

[37] Lower Volga Project. URL: www.lowervolga.org (дата обращения: 10 апреля 2016 г.); Duval, Saskatchewan. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/saskatchewan/duval.cfm (дата обращения: 10 апреля 2016 г.).

[38] Treasured Memories. — Burstall, Saskatchewan: S. n., 1983. — P. 206, 207.

[39] Ibid. — P. 102; 183–184.

[40] Where the Wheatlands Meet the Range. — Claresholm: n. p., 1974. — P. 284.

[41] Plains, Trains and Wagon Wheels. — Medicine Hat, Alberta: Dunmore South History Book Society, 1994. — P. 404.

Лузиленд (*Luseland*). Колония расположена в 200 км от Саскатуна, в долине оз. Грас Лейк в пределах обширной (77 поселений) немецко-католической сельской агломерации св. Джозефа, основанной в 1905 г.

Абсолютно плоская безлесная местность, не требующая клиринга, с плодородной почвой, оказалась идеальной для выращивания пшеницы[42]. Это обстоятельство в 1906–1908 гг. привлекло поселенцев, в том числе поволжских немцев. Первыми были Михаил Шрох (1906) и Янгхайм (1908) из католического села Фольмер Саратовской губернии[43].

В 1908 г. американская компания Дж. Лузе выкупила у канадской железной дороги 400 кв. км земли в этой местности с целью организации колонии для немцев-лютеран из США. Многие были выходцами из Поволжья (Ней-Колония, Кольб и др.). Процесс переселения был хорошо организован. Три специальных поезда доставили переселенцев до станции Скотт. С собой они привезли все свое имущество, в т. ч. продукты питания[44]. Все это на фургонах было перевезено в Лузиленд (60 км). Жилища вновь прибывшие, из-за отсутствия строительного леса, были вынуждены соорудить из дерна. Первые годы были особенно тяжелыми. По воспоминаниям Михаила Буша, под одной крышей в двух комнатах теснились две семьи (21 чел.). Дома отапливали соломой, которой часто не хватало на всю зиму[45]. Все необходимое для жизни: продукты питания, товары для дома, в т. ч. топливо, доставлялось на телегах или санях из Батлфорда или Скотта. Этот путь на волах можно было преодолеть за два-три дня. Зимой, в снегопад и период туманов, такие путешествия были опасны. Поэтому вскоре по пути следования построили приюты из дерна (за ночлег в них брали один доллар с человека)[46].

Первыми поселенцами лютеранского вероисповедания из Поволжья были Михаил Филиппс с сыновьями (из Ней-Колонии), Конрад Шайдт (из Шталь), Гелфрик Рутт (из Кольб)[47], Адам Хук (из Саратова) и др.

Этапы развития хозяйств можно проследить на примере Адама Хука. В 1908 г. в его хозяйстве было две лошади и корова, в 1909 г. он вспахал и засеял 26 акров, в 1910 г. — 65, в 1911 г. — оставшиеся 26 акров посевной земли. В 1911 г. он получил и продал урожай со 100 акров, смог приобрести четыре вола, две коровы, построить дом из бревен, амбар, сарай и приступил к строительству большого дома[48]. Рост благосостояния мог быть еще более весомым, если бы не заморозки 1910–1911 гг., которые уничтожили часть посевов. В годы Первой мировой войны и после нее урожаи были великолепными (по 35–37 бушелей с акра)[49].

Официально как поселение Лузиленд был зарегистрирован в 1910 г. Немцы в нем составляли примерно 50 % населения (в т. ч. выходцы из Ганновера и Вестфалии)[50]. Были также британцы, швейцарцы, поляки, венгры[51]. Первые религиозные собрания, как и у большинства первопоселенцев, проводили в домах прихожан, позже в школе. Немецкая евангелическо-лютеранская церковь была основана в 1910 г. (пастор

---

[42] *Lehmann H.* Op. cit. — P. 212.

[43] Luseland Hub and Spokes: a History of Luseland, Saskatchewan, Canada, 1905–1983. — Vol. 2. — Luseland, Sask.: Luseland Historical Society, 1984. — P. 1010.

[44] *Bell R.* Through the years. — Luseland: Published by Luseland, Salvador and District centennial Committee. — P. 4. URL: http://www.townofluseland.com/luseland%20history%20pdf/through%20the%20years.pdf (дата обращения: 15 апреля 2016 г.).

[45] Luseland Hub and Spokes. — P. 848.

[46] *Bell R.* Op. cit. — P. 6.

[47] Один из первых эмигрантов из России. Выехал в США в 1876 г. См. подробнее: Luseland Hub and Spokes: a History of Luseland, Saskatchewan, Canada, 1905–1983. — Vol. 1. — P. 387.

[48] Luseland Hub and Spokes. — Vol. 2. — P. 553–554.

[49] *Lehmann H.* Op. cit. — P. 212.

[50] Ibid. — P. 233.

[51] Town of Luseland. URL: http://www.townofluseland.com/history.htm (дата обращения: 18 апреля 2016 г.).

В. Мехлстедт в 1913–1915 гг., а затем Б. Мерц). При церкви работала воскресная школа (учителя Генрих Лонглиц и Иоганн Вебер). Общественная школа была открыта в 1911 г. (учителя миссис Вебстер и миссис Армстронг). До открытия школы в Лузиленде дети фермеров посещали школу в Хардс Хилл (открыта в 1909 г.)[52].

В течение следующих десятилетий колония пополнялась немцами непосредственно с Поволжья. Они селились также в соседнем *Салвадоре* (*Salvador*) и *Керроберте* (*Kerrobert*). В середине 1930-х годов в колонии проживало более 100 немецких лютеранских семей[53]. В 1918 г. население колонии сильно пострадало от эпидемии гриппа (испанки).

Гроссвердер (*Grosswerder*). В начале июля 1907 г. семь семей из поволжского села Шукк[54] (Иозефа и Иоганна Шехтелей, Иоганна Колманна, Винсента, Георга и Иоганна Фезеров, Иоганна Крюгера, а также Иоганн Кресс с сыном и Петер Шехтель) прибыли в Батлфорд. На станции их встретил земельный агент Дж. Ланге. Оформив в Земельном управлении заявки на гомстеды, иммигранты на оставшиеся деньги приобрели два фургона, четыре вола, две лошади, плуг, сенокосилку и другие необходимые хозяйственные инструменты. Совместно было принято решение о том, что женщины и дети временно останутся в иммиграционном доме в Батлфорде. Там же останутся необремененные семьями мужчины, для того чтобы заработать деньги для обеспечения прибывших продовольствием на зиму. Решив организационные вопросы, главы семей двинулись на свои участки, с тем чтобы до холодов построить жилища. Путь предстоял неблизкий — около 160 км.

В начале августа, вместе с присоединившимися к группе Иоганном Кохельманном, Алоизом Баером и Иоганном Зибеном, пустились в путь. Агент Ланге снабдил всю группу картой, с обозначенными на ней гомстедами, и компасом. В своем дневнике Иозеф Шехтель так описывает увиденное: «Насколько мог видеть глаз, до горизонта мы видели только прерии. Ни единого деревца или даже кустика. И так на сотни миль. Вокруг была только высокая по грудь трава — обильные, бескрайние пастбища»[55]. Прибыв на место, приступили к постройке жилищ. «Мы начали строить первый дом из дерна на земле Иоганна Шехтеля, потому что там поблизости была вода в небольшом озере. Дерн для стен резали плугом. Второй дом ставили на земле Иоганна Колманна, третий — Винсента Фезера. Все это время косили траву и сушили сено, заготавливали дрова на зиму, для чего ездили к западу на расстояние 16 миль. За длинными стволами для стропил пришлось ехать 30 миль. Мой дом был построен в октябре. После завершения третьего дома мы отправились в Батлфорд за своими семьями»[56]. В поведении этой группы явно прослеживается дух товарищества, приобретенного за годы жизни в России.

В тот же год сюда прибыли Иоганн Гартнер с сыном и братом, Петер Рольгейзер, Иозеф и Михаил Штанг, Иозеф Шрох и Михаил Шиди[57], а также немцы из Причерноморья. В результате обсуждения было принято решение назвать поселок *Гроссвердер* в память о селе в Екатеринославской губернии, а покровителя поволжского села Шукк св. Антония оставить в качестве покровителя нового поселения. Церковь была сложена из дерна с глиняным полом в том же году. Простой крест, маленькая статуя Девы Марии, привезенная Иозефом Шехтелем, и две свечи составляли ее интерьер[58].

---

[52] Luseland Hub and Spokes. — Vol. 1. — P. 117, 346, 778–779.

[53] *Lehmann H.* Op. cit. — P. 233.

[54] Шукк, или Грязноватка — католическое село в Самарской губернии.

[55] Prairie legacy: [Grosswerder and surrounding districts]. — Grosswerder and Districts New Horizons Heritage Group: Unknown, 1980. — P. 562.

[56] Ibid. — P. 625–630, 562.

[57] Pictures and pages on the silver jubilee of St. Joseph's Colony. — Battleford, 1976. — P. 120.

[58] Prairie legacy. — P. 11; Pictures and pages on the silver jubilee of St. Joseph's Colony. — P. 114.

Зима 1907–1908 гг. была непривычно холодной, но дома из дерна, по воспоминаниям Иоганна Гартнера[59], хорошо держали тепло, и никто не болел. В феврале, однако, у жителей закончились запасы продуктов. Остался только картофель. Поэтому поселенцы вынуждены были предпринять поездку в Батлфорд. Вызвались ехать Иозеф Шехтель, Олленбергер и Обровски. Из дневника И. Шехтеля: «Земля была покрыта снегом и никакого признака дороги. Пользовались компасом. Временами туман был настолько густым, что видимость составляла 200 или 300 футов. Мы молились, чтобы св. Иозеф указал нам путь к дому. Наконец, через тринадцать дней мы вернулись. Это было большим облегчением для наших близких. Они уже думали, что мы заблудились и умерли от голода <…> Весной 1908 г. мы разделили остатки еды и все, что было куплено в соответствии с суммой взносов в пул, и каждый из нас стал работать на своей земле, но по-прежнему помогать друг другу в случае необходимости»[60]. Первоочередной, но очень трудоемкой работой стал поиск воды. Так, в своих воспоминаниях И. Штанг пишет: «Если поселенец был удачлив, то находил воду, выкопав колодец лопатой на глубине 30–40 футов (10–13 м). Если нет, то должен был пробовать в другом месте. Некоторые не находили нигде и должны были привозить ее в течение многих лет»[61].

В 1908 г. и в последующие годы много переселенцев, в основном из Шукка и Фольмера, прибыло в Гроссвердер. Все они, как и прибывшие ранее, испытали невзгоды и трудности пионеров. Их воспоминания позволяют уяснить и понять те сложности, с которыми они встретились в самом начале своего пребывания в этой местности: «<…> масса москитов, пожар в прерии» (Иозеф Предиггер, иммигрант 1908 г.)[62]; «<…> мы мчались, а пылающие прерии догоняли нас» (Михаил Холманн, 1908 г.)[63]; «<…> чтобы защитить постройки от пожара, вспахивали вокруг землю» (Иоганн Брост, 1908 г.)[64]; «<…> в двух комнатах 16х16 и 14х16 футов (т. е. по 25 кв. м каждая. — *Е.Х.*) ютилось 24 человека» (Петер Штанг)[65]. Многие отмечали суровые зимы (до –40° С) и сильный ветер. Особенно опасны были зимние поездки на дальние расстояния. Кроме того, первые несколько лет урожаи в хозяйствах были скудными[66]. Рост благосостояния во многом зависел от имеющихся средств и работоспособности приехавших. Например, зажиточная семья Адама Ровейна (в России владела мельницей и маслобойней) быстро подняла ферму и получала хорошие прибыли. В то же время Иоганн Брост только через три года смог купить корову и через шесть лет лошадь и телегу[67]. Нуждающихся было большинство. Потому многие вынуждены были ездить на заработки. В 1909 г. железная дорога наконец подошла к поселению Маклин (22 км от Гроссвердера). Это значительно облегчило сбыт и снабжение колонии всем необходимым. К 1912 г. целина в основном была поднята. Вместо мощных, но медленных волов для вспашки стали использовать лошадей. Все это значительно увеличило эффективность труда. Тракторы появились лишь после 1920-х годов.

Вновь прибывающие иммигранты селились (с 1908 г.) также в *Примате* (*Primate*) (12 км от Гроссвердер) и в *Маклин* (*Macklin*), где сформировались общины поволжских немцев, а также в *Св. Донатусе*. В 1920-е годы, когда уровень жизни повысился, а доставка леса стала дешевле, начали строить большие удобные дома из бревен, во многих случаях в кредит (земля была заложена в качестве обеспечения). Это свидетельствовало

[59] Prairie legacy. — P. 297.
[60] Ibid. — P. 625–630.
[61] *Stang W.J.* Lest We Forget: The Memoires [sic!] of a Prairie Pioneer. — Macklin, Saskatchewan, 1978. — P. 6.
[62] Prairie legacy. — P. 750–751.
[63] Ibid. — P. 308.
[64] Ibid. — P. 733.
[65] Ibid. — P. 324.
[66] Ibid. — P. 99, 119.
[67] Ibid. — P. 733.

о нестабильности доходов от ферм[68]. В некоторых случаях люди, не сумев вовремя погасить кредит, теряли часть земли[69].

Культурно-религиозная жизнь поселенцев концентрировалась вокруг церкви. Первая временная церковь из дерна быстро разрушилась. Постоянную, с колокольней, возвели в 1915 г. Это была центральная церковь всего района. Ее, до постройки церкви в Маклине (1916), в воскресные дни посещали около 180 семей. Обслуживал этот приход, а также близлежащие приходы в Примате, Маклине и Св. Питерсе, отец Пальм. В 1916 г. его заменил Конрад Майер. Почтовое отделение в Гроссвердере было открыто в 1909 г.[70], школа — в 1911 г. (учитель Альфред Махре).

Маклин возник как станция железной дороги в 1910 г. В 1911 г. здесь был организован школьный район Брайтскул (учитель Х. Донноли). Местную школу посещали немецкие дети из близлежащих ферм[71]. Католическая церковь св. Марии была построена в 1916 г. (10 прихожан).

Немецкие поселенцы вокруг Примата, основанного в 1910 г., когда к нему подошла железная дорога, имели свой маленький приход св. Элизабет (с 1916 г.). Само поселение экономически быстро прогрессировало. В 1920-х годах здесь было пять элеваторов, банк, отель[72].

Весьма тяжелыми для колонистов ареала вокруг Гроссвердера стали 1935 и 1936 гг. Урожай был настолько скудным, что правительство в 1935 г. вынуждено было оказать помощь голодающим. В 1936 г. многие из них оставили свои дома и разъехались в поисках работы и средств к существованию[73].

Поселение *Розенгейм* (*Rosenheim*) расположено в 30 км к западу от Гроссвердера на территории провинции Альберта. Как и Гроссвердер, входило в состав сельской агломерации католической колонии св. Джозефа. Первые немецкие поселенцы начали переселяться сюда из США в 1907–1908 гг., когда местность была размечена и открыта для гомстедирования. В 1908 г. приехавшие построили деревянную церковь (приход св. Норбертс)[74]. Примерно в 1911 г. прибыли поволжские немцы, назвавшие колонию в честь своего поселения на Волге. Находясь в одной климатической зоне, Розенгейм развивался подобно Гроссвердеру. В 1930-х годах сообщество насчитывало около 100 семей. В период экономической депрессии большинство из жителей переселилось в Провост.

Флоувинг Велл (*Flowing Well*). Дата прибытия группы поволжских немцев в сельский район между *Гербертом, Морсом* и *Раш Лейк* точно не известна. С учетом информации Музея и культурного центра г. Морс, это могло произойти между 1905–1906 гг. Центр общины находился в Флоувинг Велл, где при содействии пастора-миссионера Георга Герке была образована лютеранская конгрегация Сион[75]. Церковь была основана в мае 1910 г. Ее учредителями были Якоб и Иоганн Штайнхауэры, Фридрих Хоффер и Филипп Кобер. Среди прихожан также значились Михаэль и Иоганн Штайнхауэры, Теодор и Девид Коберы, Готфрид Вунш, Петер Рох, Гордон Хубер, Александр Маурер и др. Всего 30 семей. Из-за редкого посещения общины пасторами-миссионерами[76] немцы часто посещали службы ближайших соседей — российских меннонитов. В 1918 г. в общину

[68] 1920–1922 гг. были неурожайными, а в 1923 г., при хорошем урожае, цена на пшеницу резко снизилась. См. подробнее: Prairie legacy. — P. 629.

[69] *Stang W.J.* Op. cit. — P. 6.

[70] Prairie legacy. — P. 11, 628.

[71] Ibid. — P. 95.

[72] Pictures and pages on the silver jubilee of St. Joseph's Colony. — P. 628.

[73] Prairie legacy. — P. 99.

[74] Early furrows: a story of our early pioneers in Provost, Hayter, Bodo, Alberta and surrounding districts. — Provost, Alberta: Senior Citizens Club of Provost, 1977. — P. 441.

[75] History of the Flowing Well Zion Lutheran Church. URL: http://saskhistoryonline.ca/islandora/object/morse%3A1107 (дата обращения: 28 марта 2016 г.).

[76] Ibid.

был назначен постоянный пастор, который одновременно был учителем в местной школе[77]. В 1919 г. была выстроена новая церковь.

Район *Хофнунгсорт* (*Hoffnungsort*). Поселения поволжских немцев юго-восточнее Ростерна появились во многом благодаря Якобу Герлаху из Варенбурга, эмигрировавшему в 1897 г. Он настойчиво звал в Канаду своих родственников и знакомых. В 1899 г. из Варенбурга прибыли две семьи — Генриха Триппеля и Дэвида Деринга. В том же году их соседями стали пять семей меннонитов. Позже к ним присоединились и немцы из Причерноморья. В 1902–1910 гг. сюда переехали семьи Генриха и Дитриха Фанков, Иоганна Шпански, Вильгельма и Александра Крайтеров, Кристофера Кинцеля, Филиппа Крикау[78] — все уроженцы Варенбурга. Культурное сотрудничество немцев и меннонитов проявилось в общем решении открыть немецкую школу. Первыми ее учителями были Георг Квиринг, Петер и Генрих Деринг. Общественная школа открылась в 1903 г.

В дальнейшем в этот район прибыло еще более десятка немецких семей из Поволжья[79].

Религиозным центром для поселенцев стал Ростерн, где в 1899 г. была организована немецкая лютеранская конгрегация. Лютеранская церковь Святой Троицы[80] была открыта в 1911 г. (пастор Ленц).

Вдоль железной дороги, соединяющей Саскатун с Йорктоном, между озером и рекой Сауз-Саскачеван, расположились три маленьких поселения — *Дафо* (*Dafo*), *Янсен* (*Jansen*) и *Гартенланд* (*Gartenland*). Они были заселены примерно в 1905 г. поволжскими (в Дафо) и волынскими (в Гартенланде) немцами-лютеранами. Пастор, живший в Янсене, обслуживал все три поселения[81]. Общая малая родина и культура объединили людей.

Нью-Норка (*New Norka*). Одно из ранних поселений поволжских немцев. Было основано выходцами из Норки в 1899 г. Колония располагалась в округе Фробишер у городка Эстеван, вблизи границы с США. Однако, просуществовав недолго, община распалась.

ПОСЕЛЕНИЯ В АЛЬБЕРТЕ

Калгари (*Calgary*). Первые поволжские немцы[82] прибыли в район Калгари из США (штат Вашингтон) в 1892 г. Другая группа[83] обосновалась к северо-востоку от города на левом берегу реки Боу. Эти общины положили начало двум поселениям сельского типа — Бриджиленд и Риверсайд[84], которые долгое время развивались автономно от города. Здешние богатые почвы давали хорошие урожаи. Уже через несколько лет Бриджеленд и Риверсайд утопали в садах[85]. Развивалось животноводство, огородничество.

---

[77] Fort Pitt history unfolding, 1829–1985: history of the Hudson Bay Post and the school districts of White Eagle, Harlan, Frenchman Butte, Rock Bottom, Onion Lake, Fort Pitt. — Frenchman Butte, Saskatchewan: Fort Pitt Historical Society, 1985. — P. 606.

[78] Old and new furrows. The story of Rosthern. — Rosthern, Saskatchewan: Rosthern Historical Society, 1977. — P. 112, 462–463, 573–574.

[79] Семьи Фехр, Вайдерспохн, Хартвиг, Кинцель, Моррис, Швайгерт, Гизбрехт, Форсис, Габель, Баун, Вайтц, Рейхардт. См. подробнее: Old and new furrows.

[80] Филипп Крикау являлся членом совета церкви. См. подробнее: Old and new furrows. — P. 462–463.

[81] *Lehmann H.* Op. cit. — P. 231.

[82] Из Ягодной Поляны.

[83] Из Александердорф — села в Терской области Нальчикского района. Основано в 1859 г. 34 лютеранскими семьями из Поволжья. См. подробнее: Немцы России. Населенные пункты и места поселения: Энцикл. слов. / Сост. В. Ф. Дизендорф. — М., 2006. — С. 15.

[84] Первое название — Джермантаун.

[85] Bridgeland — Riverside Community History — Calgary Communities. URL: https://calgaryarea.com/content/communities/bridgeland%20%20riverside/documents/bridgeland_riverside_community_history.pdf (дата обращения: 15 марта 2016 г.).

Емкий рынок сбыта в Калгари приносил хорошие доходы. Последующие иммигранты из Поволжья (из Дрейшпица, Гукка, Норки, Побочного, Мюльберга) селились как в Бриджеленде, Риверсайде, так и в быстро растущем городе, где всегда можно было найти работу. Из анализа автобиографических данных поселенцев следует, что наибольшее количество рабочих мест предоставляли железная дорога, пивоваренный завод и городской муниципалитет. В силу этого некоторые переселенцы прочно связали себя с городом. Так, Иоганн Хельм работал на железной дороге в течение 19 лет[86], Георг Меркель — 17[87], Александр Кромм — на пивоварне 10 лет[88]. Часть переселенцев довольно успешно развивала собственный бизнес[89].

После замены старого деревянного моста через реку Боу железным, по которому в 1912 г. пустили трамвай, связь между промышленным центром и левобережными поселками существенно облегчилась. Еще до этого, в 1907 г., поселение Бриджеленд, а в 1910 г. и Риверсайд были включены в черту города. Это сопровождалось инфраструктурными изменениями. Так, в 1910 г. в Риверсайде была открыта общественная школа, а в Бриджеленде достроена больница на 160 коек. Когда в 1939 г. городской совет принял решение о запрете жителям держать скот, Бриджеленд и Риверсайд окончательно потеряли сельский вид и были интегрированы в городскую систему. Урбанизация пригородов не понравилась многим немцам — потомственным землепашцам. Уже с 1907 г. некоторые из них начали мигрировать, сначала в район Бейсекер, а затем в Акм и другие районы.

Поволжские немцы были людьми глубоко верующими. Первые религиозные собрания после приезда проводили в домашних условиях. Лютеранская община в Калгари оформилась в 1899 г. при участии пастора Эмиля Эберхардта из Стони Плейн. А первая лютеранская церковь (св. Эмануила) была основана в 1902 г. Однако в 1913 г. из-за разногласий в ней произошел раскол. В результате часть прихожан (около 200 чел.) учредила отдельную церковь св. Павла[90]. В городе было еще три лютеранских прихода, обслуживающих поволжских немцев: св. Иоанна (создана в 1909 г., пасторы — Карл Ботке (1909–1913), Генрих Рейнеке (1913–1914), П. Лоске (1914–1915), при ней работала немецкая школа[91]; Сион, синода Огайо (была расформирована в 1918 г. Ее члены перешли в приход св. Иоанна) и приход св. Матвея. Еще одна группа, прибывшая из Саратова, учредила в 1913 г. церковь Эбенезер в Бриджленде (пасторы Фридрих Ангхорн (1913–1916), Генрих Дитрих (1916–1920), Р. Отто (1920–1923)). В 1933 г. она насчитывала 205 прихожан. При проведении служб немецкий язык использовался до 1943 г., после чего была введена двуязычная служба[92]. В 1961 г. церковь была распущена[93].

В 18 км южнее Калгари находится поселение *Де Уинтон* (*De Winton*). Первые поволжские немцы переехали в него из Калгари в начале 1900-х годов. Это были Георг Пфафенрод (родом из Ягодной Поляны, эмигрировавший в Канаду в 1894 г.), Адам, Иоганн и Конрад Герлитцы, Адам Кром и еще несколько семей. Причина их переезда в Де Уинтон окончательно не ясна, возможно, по религиозным причинам. Известно,

[86] *Schissel W.* Beiseker's Golden Heritage. — Beiseker: Beiseker Historical Society, 1977. — P. 219.

[87] *Gratz H.* Footprints on Mi-Chig-Wun: memoirs of Sunnyslope pioneers. — Linden, Alberta: Unknown, 1974. — P. 535.

[88] Sodbusting to subdivision. De Winton. — Alta: De Winton & District Historical Society, 1978. — P. 45.

[89] Prairie Sod to Golden Acres: History of Hoosier District. — Hoosier, Saskatchewan: Hoosier History Book Committee, 2000. — P. 127.

[90] Immanuel Lutheran Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_immanuel_lutheran.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

[91] St. John Lutheran Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_st_john_lutheran.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

[92] United Church in Calgary: activities and events, 1875–1970. — Century Calgary Publications, 1975. — P. 41.

[93] Ebenezer Congregational Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_ebenezer_congregational.cfm (дата обращения: 9 марта 2016 г.).

что в Калгари произошел конфликт между пастором лютеранской церкви и членами прихода, в результате Г. Пфаненрод с группой прихожан в 1902 г. поменяли приход и перешли в церковь Моравских братьев[94]. На новом месте еженедельную воскресную службу проводил Конрад Герлитц.

В ведении хозяйств в этой группе акцент делался на животноводство. Свою продукцию жители раз в неделю реализовывали в Калгари. Ближайшая школа (школьный район Александра) была открыта в 1904 г.[95]

Район *Бейсекер* (*Beiseker*), расположенный в 60 км к северо-востоку от Калгари, начал заселяться немцами с 1908 г., когда вся местность вблизи Калгари уже была занята. Среди первых прибывших были уроженцы Причерноморья и Поволжья[96].

Многие ранее переселившиеся поволжские немцы прибыли сюда из США, а некоторые, например, Георг Аффельман и Иоганн Мораш, из Южной Америки.

Плодородная равнинная степь вокруг Бейсекера привлекала иммигрантов. Прибыльным делом было выращивание зерновых, что способствовало развитию мукомольного производства. Со временем развилось и коневодство.

В своем большинстве поволжские немцы придерживались реформатской веры. Изначально они проводили службы в доме Михаила Барраса. Раз в месяц их посещал пастор из Калгари. Официально конгрегация (Сион) была зарегистрирована в 1914 г., а церковь выстроена в 1918 г. Лютеранскую конгрегацию учредили 12 семей в 1917 г. (пастор Манц)[97]. Большинство причерноморских немцев были католиками. В 1908 г. они построили церковь св. Марии. При обеих церквах работали приходские воскресные школы[98]. В 1910 г. учителями были К. Нойфельд и Кети Рот. Немецкая школа здесь функционировала до 1918 г. (закрыта во время подъема антинемецких настроений). Среди первопоселенцев, в т. ч. и из Поволжья, были адвентисты.

В 50 км к юго-востоку от Ветасквина, вдоль железной дороги, соединяющей Калгари с Эдмонтоном, находится *Башо* (*Bashaw*). Поселение расположено в лесостепной зоне вблизи большого озера Буффало. Климат здесь сухой с относительно мягкими зимами и умеренным снежным покровом (10–50 см). Почва вокруг поселения богата темным суглинком.

Первыми поселенцами в районе Башо были немцы из Ягодной Поляны, обосновавшиеся здесь в 1892–1893 гг.[99] С 1894 г. к ним присоединились единоверцы из Волыни[100]. Несмотря на высокие урожаи, пшеница не стала для поселенцев основной сельскохозяйственной культурой. Они полагали, что надежнее вести многопрофильное хозяйство. В силу этого разводили крупный рогатый скот и свиней. Это нашло отражение в посевах зерновых культур: отдавали предпочтение кормовым — ячменю и овсу. Кроме того, получали также хорошие урожаи корнеплодов всех видов, в т. ч. картофеля. Подспорьем хозяйствам служила охота на водоплавающую птицу и лов рыбы[101].

---

[94] *Elliott T.* A 100th Anniversary History of the Calgary Moravian Church 1902–2002. URL: http://multiculturalcanada.ca/contentdm_results/pager/8/80/ (дата обращения: 11 марта 2016 г.).

[95] Sodbusting to subdivision. — P. 39, 40, 45, 47, 48, 50, 405.

[96] Известны фамилии первопоселенцев, выходцев из Поволжья: Георг Хемпель, Иоганн Мораш, Михаил, Готлиб и Петер Баррас, Иоганн Хельм, Филипп и Иоганн Хикст, Георг Аффельман. См. подробнее: *Schissel W.* Op. cit. — P. 221, 225–226, 299–300, 434–435. Филипп Герлиц, Филипп Коншуг и др. См. подробнее: Sodbusting to subdivision. — P. 45.

[97] *Schissel W.* Op. cit. — P. 63, 69, 70, 75.

[98] Школа при католической церкви называлась «Одесской».

[99] Среди первых поселенцев были Адам Шейерманн и Ланглиц. См. подробнее: St. Peter Lutheran Church Bashaw, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/red_deer/red_deer_st_peter_lutheran.cf (дата обращения: 9 марта 2016 г.).

[100] St. Peter Lutheran Church — The Center for Volga German. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/red_deer/red_deer_st_peter_lutheran.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

[101] Bashaw district, Alberta: a booklet. — Bashaw, Alberta: Bashaw Extension of Settlement Club, 1915. — P. 2.

Существенным импульсом экономического благополучия стала железная дорога, построенная в 1910 г.

Община, как лютеранское сообщество, сформировалась здесь к 1895 г. Именно тогда, в мае 1895 г., в доме Генриетты Фюрст, была проведена первая служба. А уже в 1897 г. зарегистрирована церковь (св. Петра). Первым постоянным пастором (1895–1910) являлся Фридрих Бредлов (в 1903–1905 гг. его замещал Густав Рунге)[102]. Строительство здания церкви продолжалось восемь лет (с 1903 г.), однако по завершении всех работ она сгорела. Вторая церковь была возведена лишь в 1920 г.[103]

Одной из самых крупных агломераций поволжских немцев в Альберте были поселения вокруг *Стони Плейн* (*Stony Plain*). Местность под таким названием расположена в 20–40 км к западу от Эдмонтона. Первыми ее начали обживать немецкие поселенцы из Галичины в 1891 г., основав лютеранскую колонию Хофнунгсау. Поволжские иммигранты (из США) прибыли в этот район в 1897–1898 гг. (Людвиг Йост, Адам Вольф, Иоганн Шпади). В 1900–1901 гг. к ним присоединились немцы непосредственно из России. Они поселились к северу от Хофнунгсау в *Глори Хилс* (*Glory Hills*). Это были преимущественно землепашцы из Норкского колонистского округа[104]. В последующие годы поселенцы из Поволжья продвинулись дальше на юго-запад в район *Мевассин* (*Mevassin*) и *Бартонсвилл* (*Bartonsvill*); на запад — в *Карвел* (*Carvel*) и *Дюффельд* (*Dufield*), а также на восток в *Спрюс-Грув* (*Spruce Grove*). Местность была холмистая, с плодородной землей, густо поросшая лесом (ель, сосна, белый и черный тополь, верба), расчлененная множеством озер и торфяных болот. Леса и озера изобиловали дичью и рыбой[105]. Сложный ландшафт определял особую разреженность фермерских хозяйств. Порой ближайшие фермы отстояли друг от друга на 2–5 миль[106]. Первые жилища строили из дерна. Стены покрывали слоем глины, армированной измельченной соломой. Пол также был глиняным. Каркас крыши набирался из прямых длинных жердей тополя и покрывался дерном. По центру комнаты размещалась печь из глины, обычно размером 3 на 6 футов. Только к 20-м годам XX в. здесь стали строить просторные деревянные или каменные дома. В основном вели натуральное хозяйство. Уголь для обогрева жилищ добывали из выходящих на поверхность залежей на берегу реки Норд Саскачеван. Дорог не было, только тропы. Для грузоперевозок использовали волов. Ближайший врач находился в Стони Плейн, а больница — в Эдмонтоне[107]. Своеобразие местности определило развитие многофункционального хозяйствования (скотоводство, выращивание зерновых культур, огородничество, садоводство). Особенно трудоемкими были работы по осушению болот и корчевке пней. По свидетельству первых поселенцев, приходилось вставать в 3–5 часов утра и работать до глубокой ночи[108]. Первые механические средства производства появились лишь в 1910 г., а первый трактор — в 1919 г.[109] Кроме сельского хозяйства некоторые жители занимались предпринимательством. Так, Георг Шейдеман уже в первые годы пребывания здесь построил паром и перевозил людей и товары через Норд Саскачеван. Это на многие годы стало семейным бизнесом. В 1911 г. он модернизировал паром, снабдив его электроприводом.

---

[102] St. Peter's Lutheran Church through seventy-five years, 1897–1972. — Bashaw, Alberta, 1972.

[103] St. Peter Lutheran Church Bashaw, Alberta URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/red_deer/red_deer_st_peter_lutheran.cf (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

[104] Конрад и Филипп Альбрехт, Готтлиб Фюрштайн, Адам и Георг Гибельхауз, Петер Миллер, Георг Шейдеман, Иоганн Зауер, Иоганн Шнелль, Филипп Швиндт, Людвиг Вебер, Беккер, Бауер, Деринг, Хартвиг, Хенкель, Кайзер, Книсс, Шмидт, Зиннер, Траудт, Вогт, Венцель, Витмар, Циллер, Циглер, Эберхард. См. подробнее: Stony Plain. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/stony_plain.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.); Along the fifth: a history of Stony Plain and district. — Stony Plain, Alberta: Stony Plain Historical Society, 1982. — P. 106.

[105] Hills of Hope. — P. 92; Along the fifth. — P. 48.

[106] Hills of Hope. — P. 402.

[107] Ibid. — P. 342.

[108] Ibid. — P. 457, 458.

[109] Ibid. — P. 93.

Семья Шейдеманов совместно с Питером Хенкелем владела молотилкой (использовали 12 наемных рабочих), обеспечивая обмолот зерна для населения района Мевассин. Филипп Швиндт стал известным поставщиком мясопродуктов, доставляя их даже в Эдмонтон (используя для сохранности лед)[110]. Среди крупных торговцев зерном, кроме Шейдемана, были Петер Миллер и Якоб Беккер. Развитие региона ускорилось с появлением железной дороги (Стони Плейн в 1906 г., Карвел — 1909 г., Даффилд — 1911 г.)[111]. Развивался бизнес и в Глори Хилс (работали кирпичный завод, две кузницы, лесопилка[112]). Первая начальная школа открылась в 1900 г. (учителя К. Прайс, Уэбб). В 1915 г., после введения в эксплуатацию более просторного здания, ее статус был повышен до средней. В Мевассин школу открыли в 1905 г., а в Дюффельде только в 1920 г.[113]

Переселенцы с Поволжья принадлежали к реформатской и баптистской церквям. Были и лютеране. Вначале собирались в домах прихожан поочередно. В 1898 г. под руководством пастора Г. Ф. Веттера образовалась религиозная община, в которую входили реформаты и баптисты. Первую церковь построили в 1900 г. В 1907 г. община разделилась: большинство осталось в реформатской церкви (пастор Рейнхольд Бирк). В 1912 г. в ней числилось 145 прихожан. Другая часть общины образовала отдельную баптистскую церковь (пастор Э. Вульф). На протяжении своего существования (до 1950 г.) она оставалась отдельной и независимой.

Пасторы из Глори Хилс раз в месяц проводили службы в Мевассин, Бартонсвилле, Дюффилде и Карвеле. В Спрус-Грув церковь построили в 1912 г., в Мевассин — в 1925 г. (49 прихожан). Существенный приток немцев из Поволжья произошел в период второй волны иммиграции (1924–1927)[114].

В рассматриваемый период в районе Стони Плейн кроме немцев проживали иммигранты и других национальностей, объединенных под церковным началом: французы, ирландцы, метисы — римско-католическая церковь; британцы — англиканская; немцы из Галиции — лютеранская церковь св. Матвея (645 прихожан в 1904 г.); немцы с Волыни — лютеранская церковь св. Эммануила. В 1930 г. к ним добавились украинцы (Свято-Николаевская католическая и Святого Георгия греко-католическая церкви)[115].

Несмотря на присутствие широко представленных этнических и конфессиональных групп, немцы Поволжья смогли долго сохранять свою самобытность и земляческую солидарность.

Литл Волга (*Little Volga*), ныне *Сандэнс* (*Sundance*), расположена на южном берегу большого, богатого рыбой озера Уобамун в 25 км к западу от Даффилда в лесной зоне. В начале века это была труднодоступная местность. Первыми поселенцами из Европы были братья Данковски. Занимались здесь в основном рыболовством и поставкой леса, переправляя бревна через озеро. Только после 1910 г. местность стала интенсивно заселяться. Известны некоторые фамилии поволжских немцев, поселившихся в этой местности: Альберт Лютц, Франк и Вильгельм Брауны, Хилц, Герке, Класс. Видимо, именно тогда поселение стало называться «Литл Волга». В 1911 г. на земле, принадлежащей Данковски, было обнаружено месторождение угля. Этот участок был продан англо-канадцам, которые открыли там шахту. Появившиеся рабочие места привлекли сюда людей разных национальностей, быстро растворивших небольшую немецкую группу. Почтовое отделение носило название «Литл Волга» до 1923 г.[116]

---

[110] Hills of Hope. — P. 339.

[111] Ibid. — P. 49, 55; Stony Plain, Alberta. URL: http://www.norka-russland.net/stony-plain-alberta.html (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

[112] Along the fifth. — P. 106.

[113] Ibid. — P. 68; Hills of Hope. — P. 173–174.

[114] Along the fifth. — P. 105, 106.

[115] Hills of Hope. — P. 51.

[116] CEMETERY — Sundance Cemetery Index. URL: http://rootsweb.ancestry.com/~abarchiv/parkland-cemetery-sundancelittlevolga.html (дата обращения: 10 марта 2016 г.); Hills of Hope. — P. 103.

Вегревилл (*Vegreville*) находится в 100 км к востоку от Эдмонтона. Первые семьи франко-канадцев стали селиться в области в 1894 г. Уже в 1895 г. было открыто почтовое отделение. Местность представляла собой холмистую прерию с рощами из тополей и ив, с многочисленными ручьями и небольшими озерами. Почва — темный суглинок, верхний слой которого составлял 15–18 см. Примерно 50 % площади занимала степь, 20 % составляли естественные пастбища.

Первые немецкие переселенцы (пять семей из Норки) прибыли сюда в феврале 1899 г. Они поселились к югу от Вегревилла. Вели хозяйства, сочетая хлебопашество со скотоводством. Все они принадлежали к реформатской церкви. Пастор Ф. Грасер (из Иозефбурга) посещал маленькую общину один раз в месяц. Проповеди проходили в домах прихожан и в здании школы. Постепенно община разрослась как за счет иммигрантов с Волги, так и за счет единоверцев из Стони Плейн (семьи Конрада и Иоганна Гиббельхауза, Филиппа Альбрехта, Хенка Вейкера, Алоиза Книсса[117] и др.). В 1910 г. община официально образовала конгрегацию реформатской церкви (Сион).

Поселение Вегревилл было поликультурным. Немцы, наряду с британцами, французами и украинцами, были в числе наиболее представительных групп населения.

Серьезный импульс для развития экономики имела железная дорога (проложена в 1905 г.).[118] В 1920-х годах в поселении уже насчитывалось семь элеваторов, перерабатывающих 500 тыс. бушелей пшеницы, мельница, обслуживающая всю округу, молокоперерабатывающий завод. Промышленность была ориентирована на потребительский рынок Эдмонтона[119].

Процесс эмиграции немцев из Поволжья, начавшийся в 1874 г., имел волнообразный характер, усиливаясь в неурожайные годы и в периоды социально-политических и военных конфликтов. Поток немцев и меннонитов, первоначально направленный в США и Латинскую Америку, к 1900 г. начал меняться в пользу Канады, где возник ряд поселений, продолживших исторический путь и преемственность культурных традиций российских немцев.

Согласно мемуарным и автобиографическим материалам, переселенцы в Канаде проявили высокую миграционную активность. Многие по три-четыре и более раз в течение 10–15 лет меняли место жительства. Их целью, помимо желания иметь по соседству единоверцев, родственников и друзей-односельчан из России, что помогало адаптации в чужой (по законам и языку) стране, являлся поиск плодородной земли в сочетании с близким и емким рынком сбыта продукции (города или станции железной дороги). Только такое сочетание обеспечивало экономическое благополучие. Если место было выбрано неудачно, поселение не имело перспективы развития, как это было в Флаувинг Велл, Нью-Норке, Розенгейме. Переселенческой активности способствовали: широкий выбор территорий, открываемых правительством для гомстедирования; низкая себестоимость временного жилья и построек (из дерна), позволяющая не сожалеть об их утрате; низкая цена земли на вторичном рынке (благодаря антимонопольной политике государства, делавшего ставку на активизацию землепользования за счет среднего производителя — иммигранта); развитая сеть железных дорог, позволяющая недорого и быстро передвигаться на большие расстояния в поисках подходящего места для поселения; отсутствие (в отличие от России) разрешительной системы для смены места жительства.

Наиболее широко поволжские немцы были представлены в Виннипеге. Это переселенцы из Бальцера, Бангерта, Варенбурга, Галки, Гольштейна, Гуссенбаха, Шталя,

---

[117] Книсс владел в Вегревилле компанией «Джон Дир Диллершип».

[118] Town history. URL: http://www.vegreville.com/visiting/town-history (дата обращения: 11 марта 2016 г.); Vegreville, Alberta // http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/vegreville.cfm (дата обращения: 11 марта 2016 г.).

[119] Settlement opportunities on improved and unimproved lands: Vegreville district, Province of Alberta, Canada. — Vegreville, 1920. — P. 5.

Унтердорфа, Розенберга. Распределение по селениям выглядело следующим образом: в Лидиятте — из Шталя, Бальцера; в Гладстоне — из Бальцера, Варенбурга, Севастьяновки (Антон); в Эбенезере, Йорктоне и их окрестностях — из Гуссенбаха, Экгейма, Галки, Шиллинга, Вальтера, Брюнненталя, Розенберга; в районе Дьюваль и Камрик — из Гольштейна; в ареале Бурстала, Лидера — из Галки, Саратова, Шиллинга, Гольштейна; в Лузиленде, Керроберте — из Ней-Колонии Кольба, Шталя, Кратцке, Гукка; в Гроссвердере, Маклине, Примате — из Шукка, Фольмера, Бейдека; в Розенгейме — из Розенгейма (Подстепное); в ареале Флоувинг Велл — из Бангерта; в районе Хофнунгсорт — из Варенбурга; в Калгари — из Ягодной Поляны, Норки, Дрейшпица, Гукка, Мюльберга, Побочного, Саратова, Александердорфа; в Бейсикере — из Гольштейна, Крафта, Саратова; в Де Уинтон и Башо — из Ягодной Поляны; в ареале вокруг Стони Плейн, а также Вегревилле и Нью-Норке — из Норки.

В культурно-религиозном плане Эбенезер стал центром баптистов, Гроссвердер — католиков, Глори Хилл — реформатов.

Этнические общины поволжских немцев в Канаде не были культурно закрытыми, как общины меннонитов, гуттеритов и духоборов. Немцы осознавали необходимость знания государственного языка, приветствовали открытие общественных школ, понимая, что Канада стала страной будущего их детей. Второе поколение немцев-пионеров уже на равных интегрировалось и само формировало, совместно с иммигрантами разных стран, новое канадское общество. Об этом свидетельствует полиэтническая и конфессиональная пестрота в первично немецких поселениях, постепенно заполнявшихся представителями различных этносов, и браки с представителями иных национальностей. Однако первые этнические поселения — это история пионеров, сформировавшая личности многих граждан Канады.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в страны Америки в 70–80-х гг. XIX в.: Монография. — Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2010. — 137 с.
2. *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. — М.: Готика, 1997.
3. Немцы России. Населенные пункты и места поселения: Энцикл. словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф. — М.: ЭРН, 2006. — 472 с.
4. *Поллак М.* Цісар Америки. Велика втеча з Галичини. — Львов: Книги — XXI, 2015. — 272 с.
5. *Плеве И.* Начало эмиграции поволжских немцев в Америку. URL: http://wolgadeutsche.net/pleve/emigration.htm (дата обращения: 4 апреля 2016 г.).
6. *Плеве И.* Список поволжских немцев-колонистов, получивших заграничные паспорта для поездки в Америку за 1886, 1890–1892, 1900, 1906–1909, 1912 гг. URL: http://wolgadeutsche.net/pleve/liste_A_B.htm (дата обращения: 15 апреля 2016 г.).
7. *Терехин С.О.* Поселения российских немцев. Архитектурная традиция и ее развитие: Автореф. дис. … д-ра архитектуры. Специальность 18.00.01 — Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. — М., 2000. — 42 с.
8. *Шкаревский Д.Н.* Немецкие общины в США и России во второй половине XVIII — начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Специальность 07.00.03 — Всеобщая история. — Сургут, 2006. — 14 с.
9. A prime on Western Canadian settlement / by John Althause. URL: http://www.norka-russland.net/uploads/3/7/7/9/37792067/a_primer_on_western_canadian_settlement_covers_f_and_b.pdf (дата обращения: 2 апреля 2016 г.).
10. Along the fifth: a history of Stony Plain and district. — Stony Plain, Alberta: Stony Plain Historical Society, 1982. — 653 p.

11. And they built an Altar: the history and heritage of the Brokenhead Lutheran Community. — Brokenhead: The Brokenhead Lutheran Historical Society, 1983. — 463 p.
12. *Anderson A.* German settlements in Saskatchewan // Roots and Realities Among Eastern and Central Europeans. — Edmonton: Central and East European Studies Association of Canada, 1983. — P. 175–223.
13. Bashaw district, Alberta: a booklet. — Bashaw: Bashaw Extension of Settlement Club, Alberta, 1915. — 35 p.
14. *Bell R.* Through the years. Published by Luseland, Salvador and District centennial Committee. URL: http://www.townofluseland.com/luseland%20history%20pdf/through%20the%20years.pdf (дата обращения: 15 апреля 2016 г.).
15. Between Long Lake and Last Mountain: Bulyea, Duval, Strasbourg. — Vol. 1. — Strasbourg, Saskatchewan: Strasbourg, Bulyea, Duval History Book Committee, 1982. — 376 p.
16. Bremer Passengierlisten. URL: http://www.passengerlists.de/ (дата обращения: 16 апреля 2016 г.).
17. Bridgeland — Riverside Community History — Calgary Communities. URL: https://calgaryarea.com/content/communities/bridgeland%20-%20riverside/documents/bridgeland_riverside_community_history.pdf (дата обращения: 15 марта 2016 г.).
18. Carl Krieger's Journey to Amerika. URL: http://www.norka-russland.net/carl-kriegers-journey-to-amerika.html (дата обращения: 3 мая 2016 г.).
19. CEMETERY — Sundance Cemetery Index. URL: http://rootsweb.ancestry.com/~abarchiv/parkland-cemetery-sundancelittlevolga.html (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
20. Duval. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/saskatchewan/duval.cfm (дата обращения: 11 марта 2016 г.).
21. Early furrows: a story of our early pioneers in Provost, Hayter, Bodo, Alberta and surrounding districts. — Provost, Alberta: Senior Citizens Club of Provost, 1977. — 600 p.
22. Ebenezer Congregational Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_ebenezer_congregational.cfm (дата обращения: 9 марта 2016 г.).
23. *Elliott T.* A 100th Anniversary History of the Calgary Moravian Church 1902–2002. URL: http://multiculturalcanada.ca/contentdm_results/pager/8/80/ (дата обращения: 11 марта 2016 г.).
24. Fort Pitt history unfolding, 1829–1985: history of the Hudson Bay Post and the school districts of White Eagle, Harlan, Frenchman Butte, Rock Bottom, Onion Lake, Fort Pitt. — Frenchman Butte, Saskatchewan: Fort Pitt Historical Society, 1985. — 786 p.
25. Fred Liebrecht-Katherine Miller — My Heritage. URL: https://www.myheritage.com.ua/photo-1000182_23163931_23163931/fred-liebrecht-katherine-miller (дата обращения: 5 апреля 2016 г.).
26. German Settlements — The Encyclopedia of Saskatchewan. URL: esask.ureina.ca/entry/ebenezer.html (дата обращения: 27 марта 2016 г.).
27. *Gratz H.* Footprints on Mi-Chig-Wun: memoirs of Sunnyslope pioneers. — Linden, Alberta: Unknown, 1974. — 608 p.
28. *Grenke A.* German community in Winnipeg, 1872 to 1919. — New York: AMS Press, 1991. — 332 p.
29. Heinrich and Dorothea Döring Family. URL: http://www.norka-russland.net/heinrich-and-dorothea-doering-family.html (дата обращения: 23 апреля 2016 г.).
30. Hills of Hope. — Spruce Grove, Alberta: Carvel Unifarm, 1976. — 548 p.
31. History of the Flowing Well Zion Lutheran Church. URL: http://saskhistoryonline.ca/islandora/object/morse%3A1107 (дата обращения: 28 марта 2016 г.).
32. Holstein. URL: www.lowervolga.org/Holstein (дата обращения: 5 апреля 2016 г.).
33. Immanuel Lutheran Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_immanuel_lutheran.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

34. Immigration to Saskatchewan. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/saskatchewan.cfm (дата обращения: 14 апреля 2016 г.).
35. *Kolmakoff J.* Doukhobor development in the Ebenezer district. URL: www.doukhobor.org/Ebenezer.html (дата обращения: 25 марта 2016 г.).
36. Konrad Miller. URL: http://www.norka-russland.net/konrad-miller.html (дата обращения: 13 марта 2016 г.).
37. Last Mountain echoes: a family and school history of Govan & district. — Govan, Saskatchewan: Govan & District Local History Association, 1980. — 574 p.
38. *Lehmann H.* The German Canadians, 1750–1937: Immigration, Settlement, and Culture. — St. John's, 1986. — 128 p.
39. Lower Volga Project. URL: www.lowervolga.org (дата обращения: 10 апреля 2016 г.).
40. Luseland Hub and Spokes: a History of Luseland, Saskatchewan, Canada, 1905–1983. — Vol. 1. — Luseland, Sask.: Luseland Historical Society, 1984. — 528 p.
41. Luseland Hub and Spokes: a History of Luseland, Saskatchewan, Canada, 1905–1983. — Vol. 2. — Luseland, Sask.: Luseland Historical Society, 1984. — 1072 p.
42. Old and new furrows. The story of Rosthern. — Rosthern, Saskatchewan: Rosthern Historical Society, 1977. — 694 p.
43. Pictures and pages on the silver jubilee of St. Joseph's Colony. — Battleford, 1976. — 169 p.
44. Prairie legacy. Grosswerder and Districts New Horizons. — Grosswerder: Heritage Group: Unknown, 1980. — 839 p.
45. Prairie Sod to Golden Acres: History of Hoosier District. — Hoosier, Saskatchewan: Hoosier History Book Committee, 2000. — 424 p.
46. Reunion '80: a time to remember Ebenezer, Saskatchewan. — Ebenezer, Saskatchewan: Celebrate Saskatchewan Committee, 1985. — 52 p.
47. *Schissel W.* Beiseker's Golden Heritage. — Beiseker: Beiseker Historical Society, 1977. — 525 p.
48. Settlement opportunities on improved and unimproved lands: Vegreville district, Province of Alberta, Canada. — Vegreville, 1923. — 8 p.
49. Sodbusting to subdivision. — De Winton, Alta: De Winton & District Historical Society, 1978. — 587 p.
50. St. John Lutheran Church Calgary, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/Calgary/calgary_st_john_lutheran.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
51. St. Peter Lutheran Church — The Center for Volga German. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/red_deer/red_deer_st_peter_lutheran.cfm (дата обращения: 9 марта 2016 г.).
52. St. Peter Lutheran Church Bashaw, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/red_deer/red_deer_st_peter_lutheran.cf (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
53. St. Peter's Lutheran Church through seventy-five years, 1897–1972. — Bashaw, Alberta, 1972. — 18 p.
54. *Stang W. J.* Lest We Forget: The Memoires [*sic!*] of a Prairie Pioneer. — Macklin, Saskatchewan, 1978. — 126 p.
55. Stony Plain, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/stony_plain.cfm (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
56. The Northwestern. — 1911. — 1 June.
57. They stopped at a good place: a history of the Beausejour, Brokenhead, Garson and Tyndall area of Manitoba, 1875–1981. — Beausejour, Manitoba: Beausejour-Brokenhead Historical Committee, 1982. — 1017 p.
58. Town history. URL: http://www.vegreville.com/visiting/town-history (дата обращения: 11 марта 2016 г.).

59. Town of Luseland. URL: http://www.townofluseland.com/history.htm (дата обращения: 18 апреля 2016 г.).
60. Treasured Memories. — Burstall, Saskatchewan: S. n., 1983. — 469 p.
61. United Church in Calgary: activities and events, 1875–1970. — Century Calgary Publications, 1975. — 71 p.
62. Vegreville, Alberta. URL: http://cvgs.cu-portland.edu/immigration/canada/alberta/vegreville.cfm (дата обращения: 11 марта 2016 г.).
63. Where the Wheatlands Meet the Range. — Claresholm: n. p., 1974. — 549 p.

Emigration der Wolgadeutschen und ihre frühen Ansiedlungen in Kanada

E.E. Chodčenko

Der Verfasser des Artikels untersucht die Besonderheiten der Bildung der Siedlungsgebiete der Wolgadeutschen im Zentrum des westlichen Teils von Kanada Ende des 19. und Anfang des 20. Jh. Ausgehend von Lebenserinnerungen und Autobiographien der ersten Ansiedler werden die Etappen des Einlebens und das gesellschaftskulturelle und religiöse Leben der Pioniere dargestellt. Der Verfasser kommt zum Schluss, dass der im Russischen Reich begonnene Modernisierungsprozess einen Teil der deutschen Bevölkerung auswandern ließ, die zusammen mit den Einwanderern anderer ethnischer Gruppen eine neue Gesellschaft in Kanada bildete und dabei einige Besonderheiten kultureller Traditionen ihrer „alten Heimat“ einbrachte.

Schlüsselwörter: Auswanderung, Wolgadeutsche, Kanada, Russisches Reich.

The emigration of the Volga Germans and their early settlements in Canada

E.E. Khodchenko

The author explores the features of the Volga German areas formation in the Midwest of Canada in the late 19th — early 20th centuries. The basis of memoirs and autobiographies constitutes the first settlers survival ability, socio-cultural and religious life of the pioneers. The author concludes that the ongoing process of modernization in the Russian Empire pushed the German population to emigration, which, together with immigrants of other ethnic groups, has formed a new society in Canada, preserving elements of culture and traditions of the „native land”.

Key words: immigration, Volga Germans, Canada, the Russian Empire.

УДК 94(574.24) “18/19”:277.4

Т.П. Волкова

Трансформация конфессиональной идентичности крестьян-переселенцев и баптизм (конец XIX — начало XX в.)

Аграрные миграции в Акмолинскую область Степного края Российской империи вели к формированию полиэтнического и мультиконфессионального общества. Под воздействием различных факторов часть крестьян-переселенцев перешла из православия в другие конфессии. В статье на основе архивных материалов рассмотрены причины выбора именно баптизма.

Ключевые слова: Акмолинская область, крестьяне-переселенцы, конфессиональная идентичность, православие, баптизм.

Массовые миграции крестьян в Российской империи начались в 1880-е годы и в 1910-х годах достигли своего апогея. Поток переселенцев шел в основном на восточные окраины страны, в частности, в Сибирь, Степной край и далее в Туркестан. В результате уже на рубеже веков на этих территориях возникли районы, население которых представляло пестрый полиэтнический и поликонфессиональный конгломерат. Переселенческое население переживало сложную и многоплановую трансформацию, в т. ч. и смену конфессий. Значительное влияние на этот процесс оказали религиозные учения протестантского толка, в частности, баптизм.

В более широком плане тема конфессиональной принадлежности в среде мигрантов актуальна и в настоящее время.

Отдельные стороны проблемы довольно хорошо раскрыты в исторической литературе. Об аграрных миграциях в России существует обширная историография[1]. Современное исследование о крестьянах-переселенцах из Европейской части России в Казахстан помещено в обобщающем труде «История Казахстана с древнейших времен до наших дней»[2]. Типы миграции немцев в регион выявлены И.В. Ерофеевой[3]; П.П. Вибе исследовал процессы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири[4]. Об изменении религиозной идентичности крестьянства в целом и о переходе части его в баптизм написан ряд трудов. Это, прежде всего, основополагающая работа А.И. Клибанова о религиозном сектантстве в России, включая баптизм[5]. И.В. Ерофеева

[1] См.: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М., 1996.

[2] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. — Т. 3. — Алматы, 2000. — С. 488–494; 594–603.

[3] *Ерофеева И.В.* Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграц. процессы среди рос. немцев: ист. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. — М., 1998. — С. 159–170.

[4] *Вибе П.П.* 1) Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Миграц. процессы среди рос. немцев. — С. 134–144; 2) Переселение немцев-колонистов в Степной край (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Алматы, 9–10 окт. 1997 г. — Алматы, 1998. — С. 19–30.

[5] *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917). — М., 1965.

© Т.П. ВОЛКОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 74–85.

показала конфессиональную структуру немцев-переселенцев в Казахстане[6]. И.В. Черказьянова проанализировала деятельность баптистов и меннонитов в Западной Сибири[7]. О связи между антинемецкими кампаниями царского правительства и его борьбой с баптизмом обстоятельно написала О.В. Безносова[8].

В данной статье поставлена иная цель: выявить причины смены конфессиональной идентичности переселенческого крестьянства в сторону баптизма.

Предварительно была выдвинута гипотеза о том, что сам факт переселения, т. е. перемещения в иную климатическую, географическую, этническую и культурную зону был способен повлиять на трансформацию ментальности, вплоть до кардинального изменения религиозных убеждений — баптизма.

Объектом исследования было выбрано переселенческое крестьянство, субъектом — та часть крестьян, которая официально заявила о смене религии в пользу баптизма. В этот разряд вошли представители разных конфессий, но в силу выбора религиозной принадлежности основной массив составили православные христиане.

Территориальными рамками исследования избрана Акмолинская область Степного генерал-губернаторства[9], которая была одним из основных районов крестьянских миграций. Другой причиной выбора Акмолинской области стало то, что к 1914 г. здесь проживало более 30 тыс. немцев из 63 тыс., живших на территории Казахстана[10]. Таким образом, именно эта территория стала местом наиболее возможных контактов крестьян различных конфессий.

Для исследования была привлечена новая группа архивных документов из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан[11]. В частности, это прошения крестьян в государственные органы о переходе из одной религии в другую, составленные в начале XX в. Надо отметить, что этот вид документов почти не используется исследователями, очевидно, из-за своей специфичности, которая заключается в его сильной формализованности и низкой информативности. Подобную специфику объясняют исторические обстоятельства происхождения источников этого рода. Правительственные указы 1905–1906 гг. о свободе вероисповедания, оберегая господствующую православную религию, требовали от всех выходящих из православия пройти строгую процедуру перехода в другую веру. В итоге Духовная консистория и Областное правление от имени губернатора выдавали (или не выдавали) по запросу официальное разрешение на смену религии. Всего документов в этой цепочке должно было быть шесть: 1) прошение от православного о смене веры на имя губернатора в Областное правление; 2) дальнейшее распоряжение из аппарата губернатора в Духовную консисторию; 3) отписка священника губернатору о проведении пасторского увещевания (беседы); 4) сообщение Областного правления полицмейстеру и уездному начальнику; 5) результаты проверки Духовной консисторией метрических книг и факта крещения по месту рождения и решение об исключении (или неисключении) из православия; 6) окончательное решение Областного правления об исключении из списка православных.

---

[6] *Ерофеева И.В.* Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII — нач. XX вв. // История немцев Центральной Азии. — Алматы, 1998. — С. 52–64.

[7] *Черказьянова И.В.* Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. П.П. Вибе. — Омск, 1997. — С. 79–98.

[8] *Безносова О.В.* «Борьба с немецким засильем» и жизнь религиозных общин Юга Российской империи (1890–1917) // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сент. 2004 г. — М., 2005. — С. 222–229.

[9] Акмолинская область Степного генерал-губернаторства Российской империи с конца XIX в. включала уезды: Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский. В настоящее время это территории РК и южная часть Омской области РФ.

[10] *Кригер В.Э.* Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Алма-Ата, 1991. — С. 14–15.

[11] Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф 369 «Акмолинское областное правление».

Первоначальным документом в этой процедуре было, как видно, прошение о выходе из православия, где требовалось указать побудительные причины смены конфессий. К сожалению, надежды на этот вид документов как источник информации личного характера не оправдались. Удалось найти лишь единичные документы, которые полностью или частично носили признаки индивидуальности.

Почти весь остальной массив представляет собой стандартные и обезличенные документы, составленные по нескольким шаблонам. Основная причина — чуть ли не поголовная неграмотность крестьянства, из-за чего документы заполнял чаще всего посторонний человек, владевший грамотой. К тому же официальная цель подачи прошения требовала определенной формы. Некоторые крупные религиозные общины, например, баптисты и штундисты, даже имели специальные, типографским способом отпечатанные формуляры, куда желавшие перейти в эту конфессию просто вписывали свои имена и фамилии. Для объяснения причин смены религии часто использовалось клише подобного рода: «Желая вследствие перемены религиозных убеждений по свободному влечению ничем и никем не стесняемой совести перейти из господствующей Православной Церкви в вероисповедание <…>» (Далее следовало название новоизбранной конфессии). Конечно, такие формализованные тексты оказались практически непригодны для целей нашего исследования, поэтому пришлось прибегнуть к другим методам извлечения информации из этих же документов.

Основным методом стал фронтальный просмотр и анализ доступных на момент исследования документов из фонда Акмолинского областного правления (ф. 369). Как правило, эти дела довольно легко найти по описям благодаря характерным заголовкам. В них зачастую встречается перекрестная информация об одних и тех же лицах, переходящих из православия в другое вероисповедание. Путем сбора взаимодополняющей информации был собран материал, анализ которого, на наш взгляд, позволяет сделать определенные выводы.

К началу XX в. в России сложилась особая религиозная ситуация. Законодательно первенствующей и господствующей в империи признавалась только православная вера. За совращение из православия в иное вероучение виновный приговаривался к лишению всех прав и преимуществ и подлежал заключению. Отпадение от православия официально не признавалось, тогда как, наоборот, переход в православие сопровождался всевозможными поощрениями и прежде всего освобождением от уплаты всех или некоторых податей[12]. Подобная политика во многих случаях привела подданных Российской империи к сокрытию истинной веры и формальному переходу в господствующую православную религию. Официальная статистика относила к неправославным 30 % населения страны, тогда как неофициальные оценки намного увеличивали этот показатель[13]. События революции 1905 г. привели к изменению религиозной политики царского правительства. Законы 1905–1906 гг. (указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»; манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»; указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин») в целом расширили религиозные свободы.

После 1905 г. в течение нескольких лет шел, можно сказать, реактивный процесс смены конфессий. Люди, ранее скрывавшие свою религиозную принадлежность, теперь решались открыто заявить об этом. С апреля 1905 г. по январь 1909 г., по данным МВД, из православия в иные конфессии, христианские и нехристианские, вышло 306 163 чел., из них в римско-католическое вероисповедание — 232 683; в мусульманство — 49 759; в евангелическо-лютеранское вероисповедание — 12 030;

[12] *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. — СПб., 2001. — С. 20–21.

[13] Там же. — С. 19.

в старообрядчество — 4230, в сектантство — 3024[14]. Конечно, к смене конфессиональной принадлежности в это время приходили и представители иных религий кроме православия.

Анализируя прошения крестьян-переселенцев о переходе из одной религии в другую, правомерно выделить две группы: 1) крестьяне, сменившие конфессиональную принадлежность еще до переезда в Акмолинскую область и фактически восстанавливавшие свое истинное вероисповедание; 2) крестьяне, изменившие свою религиозную принадлежность после переселения под влиянием различных факторов.

Рассматривая первую группу, отметим, что прежде всего это были западные христиане — католики и лютеране, которые, проживая на территории Российской империи, подверглись православизации[15].

Это, например, выходцы из прибалтийских губерний, уже на местах водворения заявившие о желании возвратиться в лютеранство. Некоторые из них были крещены на родине в православии с детства, другие — уже во взрослом возрасте. Их мотивация смены религии предельно ясна, как в случае с Францем Махсом, который в ответ на пастырское увещевание заявил, что «пребывать в православии не желает потому, что воспитан в духе лютеранской церкви»[16]. В листы прошения о переходе из православия в лютеранство часто включали сразу несколько лиц. В некоторых случаях это целые семьи или группа крестьян из одной деревни, как, например, шесть жителей села Лифляндского Акмолинского уезда, выходцы из Лифляндской же губернии: Карл Видинг, Михаил Видинг, Александра Раудсен (Яксон), Андип Липен, Елена Липен (Гельшден), Елена Церник, которые были переведены по их просьбе в лютеранство[17].

Аналогичная ситуация повторилась и с переселенцами из западных губерний Российской империи, исповедовавших когда-то католицизм или же числившихся униатами. Теперь, согласно указу от 17 апреля 1905 г., они вновь могли заявить о своем римско-католическом вероисповедании. Так, Стефан Кукелка, выходец из Люблинской губернии, матерью-униаткой был записан православным, но заявил: «<…> по рождению и по воспитанию своему я принадлежу к католичеству и прошу меня таковым считать»[18].

Значительная часть тех крестьян, которые на местах переселения подавали прошения о выходе из православия, фактически уже давно, еще на своей родине, исповедовали баптизм. Многие из этой группы, в основном выходцы с Украины, прямо указывают в своих документах истинное время обращения к баптизму, датированное еще концом XIX в., несмотря на формальное сохранение православия. Косвенным свидетельством многолетней принадлежности к баптизму служит также наличие в семье некрещеных детей до семи лет, т. е. не крещенных в православии и не записанных в церковных метрических книгах, как заявляли их родители, «по убеждению»[19].

Фактически восстанавливала свое традиционное вероисповедание другая категория крестьян, которая, в отличие от «новых» переселенцев, давно жила в Акмолинской области. К ним относились, например, старообрядцы[20]. В архивных документах среди прошений о переходе в старообрядчество присутствует лишь небольшое количество заявлений от новообращенных. В превалирующей массе в соответствующие органы обращались те, которые когда-то официально были крещены и записаны православными, но теперь заявляли, что тайно соблюдали свою веру и в душе всегда считали

[14] *Дорская А.А.* Указ. соч. — С. 126.

[15] Об этом см.: *Лиценбергер О.А.* Особенности адаптации немцев-лютеран и католиков в иноконфессиональное окружение // Российские немцы в инонациональном окружении. — С. 113.

[16] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2956. Л. 16, 30.

[17] Там же. Л. 1013, 1019, 1022, 1036, 1037, 1138, 1144.

[18] Там же. Л. 980.

[19] Там же. Д. 2957. Л. 148, 188.

[20] К старообрядцам по принятому законодательству относили раскольников всех толков и согласий.

себя старообрядцами[21]. Были и другие крестьяне-старожилы, ставшие православными в силу жизненных обстоятельств и желавшие теперь официально утвердить свое вероисповедание. Александр Грицаев (1888 г. р.) заявил о переходе в католицизм, объясняя, что родился в семье католиков в г. Каркаралинске и был крещен православным священником за неимением другого. В ответ на пастырское увещевание заявил, что «он с детства католик и только крещен по обряду православной церкви, с истинами же православной церкви совершенно не знаком»[22]. Его просьба была удовлетворена.

По архивным документам видно, что возможность смены вероисповедания была дана представителям всех конфессий в разных вариациях. Так, отмечен переход из лютеранства в католичество[23]. Отдельные случаи говорят о глубоких причинах смены религии. Например, Таисия Суставова пишет, что убедилась в истинности учения римско-католической церкви и поэтому выходит из православия, причем одна из всей семьи[24]. Или же Мария Буруцкая, католичка, жила среди мусульман, которые оказали ей «очень много услуг в минуту трудную <…> и духовную поддержку <…>» Она пишет: «Я ныне совершенно сознательно пришла к непреклонному желанию принять магометанство. В настоящее время я считаю невозможным больше оставаться в неопределенном, крайне тягостном положении, т. к., считаясь официально римско-католическим, в действительности нахожусь истинным Мусульманиным» (sic!)[25]. Один из крестьян (фамилия неразборчива) с. Новорыбинского Алексеевской волости Акмолинского уезда заявил, что желает «по личному своему убеждению перейти в магометанство, т. е. принять ислам и перейти на постоянное жительство к одному из аулов Карабулакской волости Акмолинского уезда», добавляя, что его предки никогда не принадлежали к мусульманам[26].

Стоит попутно отметить, что переход в ислам из религий христианского толка был довольно редким. Мусульманство воспринималось как противоположное не только идейно, но и этнически. По документам прослеживается, что переход в мусульманство происходил из прагматических соображений, в основном женщинами-христианками, выходившими замуж за казахов и татар. Кстати говоря, подобное случалось в разной этнической среде. Так, 19-летняя Ефимия Гальстер, немка, из пос. Полуденского Петропавловского уезда Акмолинской области, в 1915 г. подала прошение Акмолинскому губернатору о выходе из лютеранского вероисповедания. Она писала: «По собственному своему желанию и без принуждения других я желаю выйти замуж за киргиза <…> (казаха — *Т.В.*) Джалдаса Акшабаева <…> Покорнейше прошу разрешить мне перейти в магометанство и оградить меня от насилий и угроз отца моего Карла Гальстер, который препятствует моему переходу в магометанство и вступлению в брак с Акшабаевым»[27]. Встречаются и другие отдельные прошения о переходе в ислам в связи с замужеством.

Другая группа крестьян-переселенцев изменила свою конфессиональную идентичность уже после переселения. Характерно, что в качестве альтернативы был избран баптизм. Для анализа причин этого явления выделена группа крестьян, воспринявших сектантские учения уже после переселения в Степной край. Это можно проследить по датам, указанным в прошениях крестьян.

Необходимо уточнить, что в начале XX в. в среду крестьян-переселенцев на территории Акмолинской области стали активно внедряться секты протестантского толка (адвентисты, штундисты, молокане, баптисты). Еще в 60-е годы XIX в. многие православные жители Украины и Южной России под влиянием немецких проповед-

[21] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2957. Л. 730, 734, 942, 948.
[22] Там же. Д. 2956. Л. 53, 57.
[23] Там же. Д. 2957. Л. 259.
[24] Там же. Л. 594.
[25] Там же. Л. 183, 183 об.
[26] Там же. Д. 2956. Л. 109, 118.
[27] Там же. Д. 3251. Л. 1.

ников стали переходить в баптизм. Отмечено, что первые последователи русского баптизма находились в постоянном духовном общении с немецкими баптистами[28]. Затем в ходе крестьянских миграций баптизм проник в Сибирь и Степной край, где стал быстро распространяться. В Акмолинской области в 1893 г. вначале появились молокане, вслед за которыми прибыли адвентисты, штундисты и баптисты[29]. И.В. Черказьянова отмечает, что «влияние немцев на возникновение русского баптизма выражалось не только в крещении новых членов и посвящении в пресвитеры, но и в организационном плане»[30]. Так, Омский уезд Акмолинской области стал центром баптизма в регионе. В 1907 г. был организован Сибирский отдел Русского союза баптистов во главе с Г.И. Мазаевым[31], известным деятелем баптизма, поселившимся в г. Петропавловске. В 1909 г. в Омске была официально зарегистрирована община баптистов Сибири, председателем которой также стал Г.И. Мазаев. В 1910 г. община избрала восемь благовестников для агитации перехода из одного вероисповедания в другое, т. е. в баптизм. Миссионеры получали денежную поддержку от американских и немецких баптистов[32]. В результате в 1911 г. из православия в баптизм перешло уже в два раза больше человек (табл. 1). В целом на 1 января 1911 г. в Акмолинской области было 7533 баптиста, из которых отпали от православия 6881 чел., а 652 — от лютеранства[33].

Местные власти констатировали, что активность баптистских проповедников возросла с 1906 г., после усиления крестьянской миграции в Степной край. Акмолинский губернатор прямо писал, что «пропаганда сектантов производит на православное население неодинаковое впечатление. Коренные сибиряки и казаки относятся к вопросам православной веры довольно ревниво, поэтому усилия баптистов заронить в их душу искру сомнения в православии редко увенчиваются успехом. Главным образом свою деятельность баптисты направляют в переселенческие поселки»[34]. Итак, основным объектом распространения баптизма становится среда новых крестьян-переселенцев.

Важно, что православная религия в условиях переселения, т. е. перемещения в иную, кардинально отличающуюся от привычной, родной, среду, помогала русскому крестьянину обрести чувство защищенности, стабильности, связи с корнями. Но стоит учитывать колоссальные изменения, претерпеваемые отдельной личностью в сложном и многоплановом процессе переселения, который схематично можно разбить на такие этапы, как: уход с родины, где вековечно жили предки; собственно процесс перемещения, которое растягивалось во времени и пространстве на многие месяцы и тысячи километров; обустройство на новом месте, требовавшее значительного изменения привычной хозяйственной деятельности. К этому необходимо добавить такое важное обстоятельство, как выпадение крестьянина из общины, ибо случаи переселения целой деревней или даже части ее в условиях Степного края были редки. Поэтому исследователи рассматривают переселение для крестьян того времени как особо критическую, конфликтную ситуацию[35].

Повышенная социальная мобильность подводила крестьян-переселенцев к готовности к кардинальным переменам в жизни. Обособленность, вычленение из общины способствовали развитию индивидуального мышления у части крестьян-переселенцев (в противовес коллективному) и приводили к таким неординарным личностным поступкам, как смена традиционной конфессии.

---

[28] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2954. Л. 104.

[29] Там же. Д. 3097. Л. 1.

[30] *Черказьянова И.В.* Указ. соч. — С. 82.

[31] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2954. Л. 105.

[32] Там же. Л. 120 об.

[33] Там же.

[34] Там же. Л. 1 об.

[35] *Чуркин М.К.* Внутриличностный конфликт и механика его преодоления в сознании крестьянина-переселенца (вторая половина XIX — начало XX в.). URL: www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/download/churkin_mk.doc (дата обращения: 20 октября 2015 г.).

К тому же, как многократно отмечалось царскими властями, православная церковь из-за большой дисперсности крестьянских сел в Казахстане не могла охватить всех прихожан, что ослабило ее влияние. Крестьяне в переселенческих поселках не имели культовых зданий, годами не видели священников, самостоятельно совершали религиозные обряды в меру своих знаний и возможностей. Местные власти еще с конца XIX в. начали усиленно строить новые приходы и храмы. Однако этого явно было недостаточно. Возникали организационные проблемы, мешала административно-территориальная разобщенность[36]. Препятствием особого рода стала нехватка квалифицированных церковных кадров. Акмолинский губернатор сообщал, что «постоянной горячей мольбой всех новоселов является ходатайство о присылке священника и об открытии хотя бы молитвенного дома»[37]. Чиновники отмечали, что «отсутствие православного духовенства дает сектантам возможность осуществить идею всякого рода беззакония»[38]. Среди имевшихся священников не все имели нужное образование для отправления службы, не говоря уж о грамотной критике сектанства[39]. Курьезом стал переход священника пос. Викторовского Кустанайского уезда Александра Волгина в баптизм[40]. Но и при дефиците церковных кадров сельская паства вынуждена была просить о замене некоторых священнослужителей из-за их нетрезвого образа жизни, грубости и вымогательства[41]. Конечно же, от подобных случаев страдал авторитет православной церкви. В результате в среде крестьян-переселенцев формируется некий слой, который губернские власти определили как «некрепкую в православии часть населения»[42]. Духовный вакуум требовал заполнения, и, как констатировали власти, крестьяне сами шли навстречу баптизму[43].

Из приведенной ниже таблицы видно, что баптизм действительно занял главенствующие позиции среди православных, изменивших свою конфессиональную принадлежность.

Таблица 1. Количество человек, вышедших из православия в Акмолинской области с 1910 по 1916 гг.[44]

Годы	Вышедшие из православия	В т. ч. перешедшие из православия в баптизм	%
1910	140	111	79
1911	170	141	83
1912	189	169	89
1913	168	152	90
1914	230	225	98
1915*	137	137	100
1916	181	178	98
Итого	1215	1113	92

Примечание: * — неполные сведения

[36] *Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Проскурин В.Н.* К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.). — Ташкент, 1998. — С. 17.

[37] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3097. Л. 3 об.

[38] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 355. Л. 1 об.

[39] Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2957. Л. 521.

[40] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 374. Л. 4.

[41] Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3097. Л. 5, 5 об.

[42] Там же. Д. 374. Л. 5.

[43] Там же. Д. 3097. Л. 2об.

[44] Составлена автором по данным: Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3021. Л. 51 об. — 54.

В таблице зафиксировано только число положительно решенных запросов. На деле в архивных документах отложилось большое количество ходатайств о переходе из православия в баптизм, получивших отказ или же отклоненных по разным формальным причинам. Таким образом, желающих перейти в баптизм было гораздо больше.

Сильной стороной баптизма стала его организация: союзы, общины, кружки, — и его методы, отличавшиеся продуманностью, целесообразностью и демократичностью. Очевидцы того времени пишут: «Члены баптистских общин являются инициаторами дела. Они свободно и легко собираются и совещаются. На собрании выслушивается каждая мысль, кому бы она ни принадлежала. Созревшее решение быстро исполняется, исполняется волею тех, кто его обсуждал и постановил. Все это придает баптистским общинам характер живых, подвижных и энергичных миссионерских организаций»[45]. Баптистские общины избирали из своих членов проповедников — «благовестников». В 1913 г. в Омской общине действовали до 50 благовестников, которые особенно стремились в отдаленные переселенческие поселки[46]. Туда, где годами не видели православного священника, добирался баптистский миссионер, активный, контактный, снабженный литературой.

Другой привлекательной чертой баптизма в силу его общинного устройства стала массовость. Именно эта форма была близка сознанию крестьянина, исторически привыкшего к жизни в общине. К уже описанному выше деятельному типу баптистских собраний можно добавить картину других их массовых действий, при которых «главным средством евангелизации являются призывные собрания баптистов, на которых „неверующие“ и „необращенные“ призываются уверовать во Христа»[47]. Одним из примеров успеха такой массовой агитации стал массовый же переход 11 крестьян с. Новоархангельского Петропавловского уезда из православия в баптизм. Баптист В.А. Стоянов совершил над ними обряд водного крещения под открытым небом при громадном стечении народа[48]. Можно также привести другой характерный случай попытки массового крещения 15 чел. на озере Кандыкуль Омского уезда десятью баптистскими проповедниками в присутствии около 300 чел. местного крестьянства[49].

Хорошо известен особо упорный характер религиозной пропаганды баптизма, продиктованный задачей миссионерства для каждого верующего. Современники отмечали, что стоило в селе появиться хоть одной семье баптистов, она становилась опорной базой для распространения и проникновения их учения[50].

В ходе массового обращения в баптизм и крещения были нередки случаи принуждения. Это случалось при обращении в баптизм большой крестьянской семьи, авторитарный глава которой заставлял всех перейти в секту. В то же время отмечается прямая заинтересованность сельчан учением баптистов, ничем не понуждаемая. На молитвенные собрания, где пели псалмы, молились и читали Евангелие и Библию, «заходили и крестьяне на баптистов посмотреть, но они никого не привлекали»[51]. Крестьянка Ряшенцева сообщала, что «раньше часто посещала молитвенный дом баптистов и слушала учение их, которое ей отчасти понравилось. К подаче прошения о переходе к баптистам никто ее не принуждал, а все она делала по своему убеждению, как ей казалось лучше»[52].

Баптисты особое внимание обращали на работу с молодежью, что также привлекало в их ряды новых адептов. В Акмолинской области крайне плохо обстояло дело с народным школьным образованием. Одна школа приходилась на 400 детей школьного

[45] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2954. Л. 107.
[46] Там же. Д. 3097. Л. 3.
[47] Там же. Д. 2954. Л. 106.
[48] Там же. Д. 2982. Л. 127.
[49] Там же. Д. 3097. Л. 2.
[50] Там же. Л. 3 об.
[51] Там же. Д. 2989. Л. 8.
[52] Там же. Д. 2957. Л. 643. Позже Ряшенцева вернулась в православие.

возраста и на 1490 кв. верст, между тем как в народе отмечалась тяга к образованию[53]. Инспектор народных училищ доносил по инстанции, что баптисты и меннониты создали в области ряд воскресных школ, а также училищ, где преподавали закон Божий, русский язык, немецкий язык, краткую историю и географию[54]. Некоторое количество этих школ не было зарегистрировано и не подпадало под контроль органов власти. Молодые баптисты участвовали в работе этих школ, организовывали молодежные кружки, стремясь привлечь как можно больше молодежи[55].

Другим «могущественным средством», по выражению областных чиновников, в распространении идей баптизма стала популярная религиозная литература и журнал «Баптист». На страницах этих изданий помимо прочего развернулась критика догматов государственной религии и православного клира, находившая сторонников среди крестьянства[56]. Перед началом Первой мировой войны власти установили контроль над баптистскими печатными изданиями. Уездным начальникам и полицмейстерам предписывалось «строго следить, чтобы книги и брошюры не распространялись среди населения, и виновных в этом привлекать к ответственности»[57]. Литература, которой пользовались проповедники, также была поставлена под контроль, как было, например, с книгами наставника баптистов Рейнгарда.

Баптисты создали в области благотворительные организации: бесплатные столовые, швейные мастерские и т. п., что прибавляло им популярности.

На фоне общего политического кризиса крестьян привлекала критика баптистами царя, правительства и начальства разного уровня. Так, крестьянин с. Донского Атбасарского уезда рассказывал: «Я сам много слышал от баптистов, что нам не надо Государя, правительства и начальства, это, мол, все на нас надето ярмо»[58].

Баптизм создавал иной, более привлекательный образ жизни. При переходе в баптизм крестьяне переставали употреблять спиртные напитки. «Многие женщины заявляют, что они перешли в баптизм, чтобы иметь трезвых мужей, не придавая значения обрядовой стороне веры <…>»[59].

Возникает вполне резонный вопрос о прочности веры новообращенных. Однозначного ответа, к сожалению, дать невозможно по причине недостатка данных. О дальнейшей судьбе неофитов практически ничего не известно. Анализируя архивные материалы, можно сделать выводы на уровне умозаключений, которые сводятся к тому, что некоторая часть написавших прошения о переходе из православия в баптизм изменила свое решение после пастырского увещевания или же позже, вернувшись в лоно православной церкви. Встречаются немногочисленные прошения женщин, когда-то изменивших веру в связи с замужеством, о возврате в православие после смерти супруга-баптиста. Видимо, баптистская община крепко удерживала свою новую паству.

Успешная деятельность баптистов вела не только к росту их рядов, но и к увеличению числа противников. Выше уже отмечалось, что с самого начала появления баптистов в крае старожильческое крестьянство и казачество встретило их враждебно. Переход части крестьян из православия в баптизм усилил антибаптистские настроения, перешедшие в откровенно агрессивную и хорошо организованную кампанию. В 1912 г. крестьяне с. Сосновка Благодаровской волости Омского уезда устроили избиение баптистов с призывом «всех баптистов надо резать, чтобы они не отпадали от православной веры», а позже жители села признались, что «им урядник приказал бить

[53] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3097. Л. 4 об.
[54] Там же. Д. 2954. Л. 80.
[55] Там же. Л. 106.
[56] Там же. Л. 106 об.
[57] Там же. Д. 3149. Л. 7.
[58] Там же. Д. 2954. Л. 99.
[59] Там же. Д. 3097. Л. 4 об.

и поступать с баптистами самосудом», а сельский староста этому не препятствовал[60]. В этом же году крестьяне с. Беловодского Атбасарского уезда обратились к вышестоящему начальству с просьбой выслать из их села шесть человек баптистов и прислать на их места «христиан». При разборе обращения выяснилось, что оно было составлено «обществом» по наставлению местного священника Василия Копейчикова[61]. О преследованиях баптистов свидетельствуют их жалобы в местные органы[62]. Переселенческие власти пытались расселить православных и баптистов по разным земельным участкам, но этот проект провалился[63].

С началом Первой мировой войны баптисты усилили антивоенную пропаганду. В Омском уезде они в приватных беседах обличали перед слушателями «совершенную бесцельность ведения войны, называя ее бойней, запрещенной Священным писанием»[64]. Начальник Кокчетавского уезда в 1916 г., анализируя ситуацию с баптизмом за прошедшие военные годы, констатировал, что открытая агитационная деятельность баптистов проявилась лишь в первые месяцы мобилизации 1914 г. По его сведениям, в этот период баптисты призывали солдат сдаваться в плен, подтверждая свои слова заповедью «не убий», а гражданское население убеждали, что «германский император все равно завоюет Россию и поэтому лучше заранее переходить в баптисты, а то потом немцы насильно будут заставлять переходить в баптисты»[65]. К наиболее активным агитаторам власти применили насильственные меры, и деятельность баптистов стала более скрытой. В 1916 г. на фоне общего недовольства затяжной войной популярность в народе антимилитаристских высказываний баптистов неизмеримо возросла, причем процесс этот шел масштабно, в пределах всей империи. Собственно, как отмечал в 1916 г. уездный начальник Петропавловского уезда, каких-либо «проявлений явного неуважения, а также выступлений и суждений, и вообще случаев, компрометирующих поведение их (баптистов — *Т.В.*) по отношению к России и переживаемых ею событий, не наблюдалось». Но, как добавлял чиновник в том же документе, «близость по духу с немцами более сплачивает их (баптистов — *Т.В.*) со средой последних и удаляет от русского населения. <…> Вообще, немцы и баптисты ведут обособленный образ жизни от русских, тщательно скрывая от них как свои личные, так и общественные интересы». Мнение уездного начальника склонялось к тому, что «в своей замкнутой среде у них, несомненно, происходят и суждения, и порицания»[66].

Беспокойство государственных органов еще более усилилось, когда баптизм проник и укрепился в действующей армии. Правительственные чиновники с тревогой отмечали, что «под влиянием сектантской пропаганды нижние воинские чины не только принимают все меры к уклонению от службы в частях войск, но когда эти меры не приводят к достижению сделанных целей, то они открыто, несмотря на суровые кары закона, отказываются от исполнения воинского долга»[67]. Подобные случаи были и среди призванных из Акмолинской области, за что они были отданы под суд.

Несмотря на, казалось бы, ужасающую картину распространения баптизма, цифры, выражающие количество его приверженцев к 1916 г., невелики. В 1909 г. общее количество баптистов и штундистов в Акмолинской области составляло примерно 0,65 % от всего населения, а в 1915 г. их стало 0,51 %[68]. На самом деле количество членов общины выросло за эти годы (см. табл. 1), но в процентном соотношении это

[60] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2982. Л. 31, 35.
[61] Там же. Л. 106, 108 об.
[62] Там же. Д. 2954. Л. 322; Д. 2957. Л. 45, 89; Д. 2982. Л. 45.
[63] Там же. Л. 371, 404 об.
[64] Там же. Д. 3021. Л. 79.
[65] Там же. Л. 84.
[66] Там же. Л. 76.
[67] Там же. Л. 71 об.
[68] См. *Черказьянова И.В.* Указ. соч. — С. 86, 87.

дало лишь небольшое изменение. Подавляющее большинство переселенцев состояло в православии.

Но сама тенденция роста сильно беспокоила православную церковь, которая не могла эффективно противоборствовать агитации адептов баптизма и апеллировала к правительственным органам. Отмечалось, что «в религиозном отношении баптисты являются вредным элеменом среди православного населения, стремясь при каждом удобном для них случае порицать православие, склонять к своим вероучениям и вербовать новых членов»[69]. Православная церковь при поддержке правительственных органов повела решительную борьбу с сектанством вообще и с баптизмом в частности. В результате Акмолинское областное правление в 1916 г. закрыло Омскую баптистскую общину[70].

Таким образом, миграции действительно способствовали изменению ментальности крестьянства. Сложный процесс переселения, разрушение общинных связей, слабость позиций православной церкви привели к формированию религиозного вакуума и смене конфессиональной идентичности части переселенцев. Идейно-религиозные искания проходили в основном в сфере западных конфессий, предпочтение из которых было отдано баптизму, прежде всего как организации, ориентированной на переселенцев-новоселов и их насущные нужды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безносова О.В.* «Борьба с немецким засильем» и жизнь религиозных общин Юга Российской империи (1890–1917) // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Под ред. А.А. Германа. — М.: МСНК-пресс, 2005. — С. 222–229.
2. *Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Проскурин В.Н.* К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв). — Ташкент: Узбекистон, 1998. — С. 5–46.
3. *Вибе П.П.* Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Миграц. процессы среди рос. немцев: ист. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. — М.: Готика, 1998. — С. 134–144.
4. *Вибе П.П.* Переселение немцев-колонистов в Степной край (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Алматы, 9–10 окт. 1997 г. / Ред. И. Ерофеева, Ю. Романов. — Алматы: ТОО «Комплекс», 1998. — С. 19–30.
5. *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. — СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001. — 143 с.
6. *Ерофеева И.В.* Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграцион. процессы среди рос. немцев: истор. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. — М.: Готика, 1998. — С. 159–170.
7. *Ерофеева И.В.* Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII — нач. XX вв. // История немцев Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Алматы, 9–10 окт. 1997 г. / Ред. И. Ерофеева, Ю. Романов. — Алматы: ТОО «Комплекс», 1998. — С. 52–64.
8. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. — Т. 3. — Алматы: Атамура, 2000. — 768 с.

[69] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3021. Л. 76.
[70] Там же. Л. 70.

9. *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1965. — 348 с.
10. *Кригер В.Э.* Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Алма-Ата, 1991. — 22 с.
11. *Лиценбергер О.А.* Особенности адаптации немцев-лютеран и католиков в иноконфессиональное окружение // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Под ред. А.А. Германа. — М.: МСНК-пресс, 2005. — С. 103–116.
12. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 688 с.
13. Центральный Государственный архив Республики Казахстан. Ф. 25. Оп. 1. Д. 355, 374; Ф. 369. Оп. 1. Д. 2954, 2956, 2957, 2982, 2989, 3021, 3097, 3149, 3251.
14. *Черказьянова И.В.* Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. П.П. Вибе. — Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997. — С. 79–98.
15. *Чуркин М.К.* Внутриличностный конфликт и механика его преодоления в сознании крестьянина-переселенца (вторая половина XIX — начало XX в.) // URL: www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/download/churkin_mk.doc (дата обращения: 20 октября 2015 г.).

Die Transformation der konfessionellen Identität von Umsiedlungsbauern und Baptismus (Ende des 19. bis Anfang des 20. Jahrhunderts).

T.P. Volkova

Agrarmigrationen in die Steppe des Akmolagebietes des Russischen Reiches hatten die Bildung einer polyethnischen und multikonfessionellen Gesellschaft zur Folge. Unter dem Einfluss verschiedener Faktoren konvertierte ein Teil der Umsiedlerbauer von der Orthodoxie zu anderen Konfessionen.
Aufgrund von Archivunterlagen wurden im Artikel die Ursachen betrachtet, die zur Wahl des Baptismus geführt haben.

Schlüsselwörter: Akmolagebiet, Umsiedlerbauer, konfessionelle Identität, Baptismus, Orthodoxe.

Transformation of Confessional Identity of Peasant-Settlers, and Baptism (in the 19th — early 20th centuries)

T.P. Volkova

Agrarian reforms in Akmola oblast of Stepnoy Kray of the Russian Empire lead towards a development of a polyethnic and multiconfessional community. Under impact of different factors a part of peasant-settlers converted from the Russian orthodoxy into other confessions. This paper is based on archival materials and considers grounds for a particular choice of baptism.

Keywords: Akmola oblast, peasant-settlers, confessional identity, Russian orthodoxy, baptism.

УДК 930.25(084.12)

И.В. Черказьянова

История фотографии: портрет С.Ю. Витте в личном фонде Г.Г. Писаревского

Публикуется подлинник известной в репродукциях фотографии С.Ю. Витте с внуком Львом Нарышкиным, обосновывается датировка снимка, предпринимается попытка объяснить нахождение личной фотографии Витте в архиве Г.Г. Писаревского.

Ключевые слова: Витте Сергей Юльевич, Нарышкин Лев Кириллович, Писаревский Григорий Григорьевич, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фотография, архив.

В 2010 г. в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в личном фонде историка Г.Г. Писаревского[1] нами был обнаружен безымянный снимок, который атрибутирован в настоящее время как портрет Сергея Юльевича Витте с внуком Львом Кирилловичем Нарышкиным, изготовленный летом 1906 г.

Изображение представляет собой черно-белую фотографию на плотном паспарту, выполненную в фотосалоне. На снимке изображен сидящий на стуле пожилой человек в летнем светлом костюме и стоящий рядом с ним на приставной скамейке ребенок в светлом платье. На обороте нет никаких надписей. На лицевой стороне паспарту тиснением на французском языке обозначены владелец фотоателье и место съемки „Desgranges Aix les Bains, Nice“. Сохранность снимка хорошая.

В период работы над биографией Григория Григорьевича Писаревского, изучавшего вопросы иностранной колонизации в России[2], фотография была скопирована. Тогда было выдвинуто предположение, что на ней изображена дочь Писаревского Ольга с другом семьи Писаревских, владельцем золотобойного промысла в Пошехонье А. Князевым. Доказать версию о Князеве и дочери Писаревского не представлялось возможным, поэтому дело легло «под сукно». Но неожиданное продолжение поискам дали наши занятия, связанные с биографией С.Ю. Витте.

---

[1] НИОР РГБ. Ф. 227 (Г.Г. Писаревский). Писаревский Григорий Григорьевич (7.10.1868–11.09.1952), историк, автор работ по истории иностранной колонизации в России, профессор Варшавского университета, работал в Москве, Варшаве, Ростове-на-Дону, Смоленске, Баку.

[2] О Г.Г. Писаревском см.: *Черказьянова И.В.* 1) Писаревский Григорий Григорьевич: известные работы неизвестного историка // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — № 2 (50). — М., 2007. — С. 16–18; 2) Работы Г.Г. Писаревского о колонизации в контексте отечественной историографии конца XIX — начала XX века // Вопр. герм. истории: Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX вв. — Днепропетровск, 2007. — С. 266–287; 3) Дмитрий Владимирович Цветаев и Григорий Григорьевич Писаревский (к вопросу о формировании взглядов на иностранную колонизацию в России) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). — М., 2013. — С. 20–33; *Писаревский Г.Г.* Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России / Подгот. текста, состав., ред., коммент. И.В. Черказьяновой. — М., 2011. — 224 с.; *Рылова Н.Е., Лобова В.В.* Развитие высшего образования на Юге России (на примере деятельности Г.Г. Писаревского) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2012. — № 3 (23). — С. 155–163; *Вагабова Э.Р.Г.* Забытые имена — Григорий Григорьевич Писаревский. К 145-летию со дня рождения // Клио. — 2014. — № 3 (87). — С. 130–134.

© И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 86–95.

Пока остается не выясненным вопрос, почему эта фотография оказалась в документах Писаревского. Попытка объяснить этот факт через историю фонда варшавского профессора в РГБ не дает результата.

В Отдел рукописей РГБ фонд историка поступил в составе архива Варшавского университета в 1938 г. Сам архив попал в Москву, как и университетская библиотека, вероятно, еще в период Первой мировой войны. Из-за приближения фронта Варшавский университет эвакуировался в июне 1915 г., сначала в Москву, а вскоре — в Ростов-на-Дону. Почти все ценное имущество университета было вывезено, кроме университетской библиотеки. Еще в июле–августе 1915 г. решался вопрос о новом месте для университета. Претендовали на это Саратов и Ростов-на-Дону, но выбор пал на последний из них (с 1 июля 1917 г. университет стал называться Донским). Предполагалось возобновить чтение лекций по факультетам с 1 октября 1915 г. В самом тяжелом положении оказался историко-филологический факультет, из-за отсутствия библиотеки планировалось приступить к занятиям лишь с 1 декабря 1915 г.

Находился ли личный архив Г. Писаревского в составе университетского архива или профессор сам сдал на хранение свои документы, находясь в Москве во время эвакуации, неизвестно. Наличие в фонде глубоко личных документов, даже таких, которые негативно характеризуют некоторые стороны жизни профессора, может говорить о том, что архив был оставлен доверенному лицу. Этим человеком мог быть Д. В. Цветаев (1858–1910), учитель, друг и коллега Г. Г. Писаревского. Или это могли быть имевшие отношение к архивному делу коллеги Григория Григорьевича С. А. Белокуров (1852–1918), А. А. Кизеветтер (1866–1933). Можно также предположить, что позже Писаревский считал свой архив пропавшим. Судя по автографам ученого на его книгах, подаренных коллегам, он был в Москве 17 мая 1917 г., а 25 октября 1917 г. в Петрограде. Пытался ли он или мог ли он в этот период забрать свои документы — большой вопрос. В свою очередь, сотрудники Отдела рукописей считали его умершим в 1914 г. Справочник «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (1962) и его электронный аналог в Интернете сообщают, что Писаревский скончался в 1914 г., а о самом исследователе не приводятся какие-либо биографические сведения[3]. Если бы составители справочника обратили внимание на книгу Писаревского «Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I» с дарственной надписью М. К. Любавскому от 17 мая 1917 г., которая хранится в РГБ, то усомнились бы в своем утверждении о смерти ученого накануне войны. Долгие годы все варшавские документы хранились в Ленинской библиотеке незарегистрированными, за это время могли забыться многие детали хранения архива.

Хронологические рамки фонда Писаревского — 1763–1858, 1890–1913 гг. (последняя дата, вероятно, и явилась основанием для установления даты смерти Писаревского). Документы распадаются на две большие группы: научные материалы (лекции, статьи, библиографические списки) и документы личного происхождения. Последние для нас представляли наибольший интерес. Записные книжки, письма от родных, друзей и коллег, различные счета и квитанции, визитные карточки, фотографии — все это дает возможность взглянуть на ученого как на простого человека с его повседневными заботами, проследить родственные отношения, расширить представления о бытовой стороне жизни преподавателя, понять атмосферу, в которой ему приходилось создавать свои ученые труды. Обширная переписка Писаревского позволяет определить научное окружение историка.

Однако среди друзей и коллег Григория Григорьевича практически нет людей, через которых можно было бы установить связь с Витте. Но даже если это было возможно теоретически, то приходится сомневаться в том, что С. Ю. Витте стал бы дарить личный

[3] Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т. 1–2. — М., 1962.

снимок с любимым внуком своим друзьям и коллегам. Если бы фото было подарком, то можно было бы ожидать, что на нем будет дарственная надпись, но таковой не имеется. Писаревский не был человеком того ранга, который имел бы личные контакты с председателем Совета министров. Таким образом, имеющиеся лишь отдельные сведения по истории фонда Писаревского в РГБ не объясняют, почему снимок Витте оказался среди документов Писаревского.

Поиск следов подобной фотографии был продолжен через документы и биографию самого Сергея Юльевича.

Литература о С.В. Витте достаточно обширна[4]. Аналогичный выявленному нами снимку встречается в нескольких изданиях, посвященных Витте[5]. К сожалению, нигде не встретилась фотография в полном формате, вместе с паспарту, а у опубликованных репродукций нет датировки и не указан источник. Подписи к фотографии в книгах скупые: «С.Ю. Витте с внуком» (у Ананьича и Ганелина, 1999), «С.Ю. Витте с внуком Львом Нарышкиным» (у Ильина, 2006, 2012). Опубликованный в книге Ананьича и Ганелина снимок, первый из обнаруженных нами в публикациях, сильно ретуширован, что дает основание предполагать о заимствовании фотографии из какого-то другого печатного издания.

В свое время Б.М. Виттенберг, Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин детально изучали историю архива Витте[6]. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) имеются документы, изъятые из кабинета Витте после его смерти, документы личного происхождения из его особняка в Петербурге и материалы, поступившие из других коллекций (фонд 1622). С 1916 г. документы хранились в императорских библиотеках. Архив Витте с 1925 г. находился в Архиве Октябрьской революции в Особом отделе (Отдел падения царского режима). В 1929–1941 гг. фонд значился в Особом отделе Центрального государственного исторического архива СССР. В 1941 г. в Москве фонд переведен в отдел фондов личного происхождения. В 1961 г. передан в РГИА (тогда ЦГИА СССР в Ленинграде). Как видно, места хранения фондов Писаревского и Витте не пересекаются, тем самым исключена возможность случайного перемещения снимка из одного фонда в другой.

Среди документов РГИА нет личных снимков С.Ю. Витте. Надежда найти хотя бы упоминание об исследуемой фотографии в письмах К.В. Нарышкина[7] не оправдалась. Фотографий с подобным сюжетом не обнаружено в отделе эстампов Российской национальной библиотеки. Библиотека располагает лишь несколькими открытками с портретом Витте. В иконографии С.Ю. Витте, которую приводит Д.Н. Шилов, перечислены лишь парадные снимки[8]. В Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк) хранится коллекция документов

---

[4] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* 1) Витте — мемуарист. — СПб., 1994; 2) Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999; Сергей Юльевич Витте. Хроника. Документы. Воспоминания / Подгот. Л.Е. Шепелев. — СПб., 1999; *Ильин С.В.* Витте. — М., 2006; 2012; *В.К.* Витте (Witte) Сергей Юльевич // Немцы России: Энцикл. — Т. 1: А–И. — М.: ЭРН, 1999. — С. 377–378. Подробнее список публикаций о С.Ю. Витте за 1999–2008 гг. см.: *Крымская А.С., Гаврилова И.*Ю. С.Ю. Витте в отечественной литературе (1999–2008 гг.): библиографический список // На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие рос. государственности. Т. 2: С.Ю. Витте и его современники. — СПб.: Лики России, 2014. — С. 85–110.

[5] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — Вклейка между с. 224 и 225; *Ильин С.В.* Витте. — Вклейка между с. 352 и 353. В Интернете статья Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина «Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.)» (Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 298–374) проиллюстрирована фотографией Витте с внуком. URL: www.prometeus.nsc.ru/biblio/vitte/memcrit6.ssi (дата обращения: 16 июля 2015 г.).

[6] Подробнее см.: *Витенберг Б.М.* К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспом. ист. дисциплины. — Л., 1985. — Т. 17. — С. 248–260; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.*Ш. С.Ю. Витте — мемуарист.

[7] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 977 «Письма Кирилла Нарышкина». 32 л.

[8] *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. — СПб., 2001. — С. 127.

Г.Г. Писаревский (справа) с матерью Ольгой Михайловной и братом Николаем. Москва, 1898 г. Из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки Публикуется впервые

Витте, приобретенная у В.С. Нарышкиной. Фотографии коллекции в основном отражают миссию Витте во время заключения Портсмутского мирного договора[9].

К сожалению, со смертью Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина (оба скончались в 2015 г.) не представляется возможным узнать, откуда они взяли снимок Витте с внуком для своих работ.

Публикация настоящей фотографии — хороший повод вновь обратиться к биографии С.Ю. Витте в той ее части, которая связана с его немецким происхождением и окружением.

Дед Витте по мужской линии — Иоганн-Фридрих-Вильгельм (Фридрих Федорович) Витте, в 1804 г. начал службу землемером в Лифляндской губернии, дослужился до титулярного советника. Умер в 1846 г. Бабушкой была Мария-Елена-Луиза, урожденная Крамер.

Отец Сергея Юльевича Христофор-Генрих-Георг-Юлиус (Юлий Федорович, 1814–1868), лютеранин, принявший православие, окончил Дерптский университет

[9] См. опись коллекции документов С.Ю. Витте на сайте Бахметьевского архива в Колумбийском университете: URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/archival/collections/ldpd_4078286/ (дата обращения: 16 июля 2015 г.).

по естественному отделению, учился в Петербургском Лесном институте, как специалист по сельскому хозяйству был направлен на службу в Новоузенский уезд Саратовской губернии, управлял сельскохозяйственной учебной образцовой фермой Министерства государственных имуществ. В 1844 г. женился на Екатерине Андреевне Фадеевой, дочери саратовского губернатора А.М. Фадеева. Через два года семья уехала на Кавказ, куда был приглашен Фадеев на место управляющего палатой государственных имуществ. В 1849 г. у молодой четы в Тифлисе родился сын Сергей. В 1857 г. Ю.Ф. Витте сменил тестя на посту начальника департамента МГИ. В заслугу Ю.Ф. Витте ставится организация многих полезных фабрично-заводских предприятий в Кавказском наместничестве.

Служба Андрея Михайловича Фадеева (1789–1867) была тесно связана с историей немецких поселений на Юге России и в Поволжье. В 1815–1818 гг. он состоял товарищем Главного судьи Новороссийской конторы, в 1818–1834 гг. — старшим членом Екатеринославской конторы иностранных поселенцев, затем до 1835 г. служил в Одессе членом Попечительного комитета о колонистах Южного края России. Позже был назначен в Астрахань на должность главного попечителя над калмыками, провел ревизию калмыцких улусов, немецких колоний, поселений государственных имуществ. С апреля 1841 г. — губернатор в Саратове.

У С.Ю. Витте, воспитанного в православной семье Фадеевых, как отмечают Ананьич и Ганелин, «вечной занозой сидели и лютеранское прошлое, и родословная его отца»[10]. В своих «Воспоминаниях» Витте подробно рассказывает о предках со стороны Фадеевых и лишь несколько строчек посвятил предкам отца Юлия Федоровича Витте[11], при этом исказил факты о принадлежности отца к лютеранству и дворянству. Сергей Юльевич писал: «Относительно семейства Витте я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянином Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его, голландцы, приехали в балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а лучшем смысле слова — истинно православная, — что, конечно, несмотря на никакую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным»[12]. На некоторые несоответствия обратил внимание еще Л.Е. Шепелев, в частности, на приобретение Витте-старшим потомственного дворянства лишь в 1856 г., а не до рождения сына Сергея[13].

Подвергая критическому анализу мемуары С.Ю. Витте, Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин не обошли стороной «фигуру умолчания» автора о своих предках по мужской линии[14]. «С.Ю. Витте — мемуарист хотел убедить потомков, что он и по отцовской линии происходил не из малоизвестных обрусевших немцев, а родился в семье дворянина, к моменту его рождения принявшего православие и с годами под влиянием семьи Фадеевых сделавшегося „и по духу… вполне православным“»[15].

Псковский краевед Н.Ф. Левин, опираясь на документы Псковского государственного архива (ГАПО. Ф. 110. Д. 163), детально раскрывает факты, связанные с получением дворянского титула семьей Витте и переходом Витте-старшего в православие[16].

---

[10] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — С. 10.

[11] См.: *Витте С.* Воспоминания. Полн. собр. в одном томе. — М., 2010. — С. 9, 15.

[12] Там же. — С. 15.

[13] Сергей Юльевич Витте. Хроника. Документы. Воспоминания. — С. 17.

[14] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — С. 8–10.

[15] Там же. — С. 9.

[16] *Левин Н.Ф.* Граф С.Ю. Витте — дворянин Псковской губернии. URL: http://bibliopskov.ru/vitte.htm (дата обращения: 16 июля 2015 г.). Доклад Н.Ф. Левина опубликован в: Материалы пятых псковских архивных чтений, 15–16 нояб. 2010 г. / Гос. архив. упр. Псков. обл., Гос. архив Псков. обл.; [сост. В.П. Волкова, Е.М. Федорова]. — Псков: Стерх, 2011. — 206, [1] с., ил.

Ходатайство семейства Витте о приобретении дворянства было удовлетворено лишь в 1856 г. «21 декабря 1855 г. состоялось определение о внесении всех братьев Витте вместе с их детьми в 3-ю часть дворянской родословной книги Псковской губернии по заслугам отца на гражданской службе. Указом Сената от 10 апреля 1856 г. оно было утверждено. Тогда, в частности, дворянами нашей губернии были признаны и все три сына Юлия Федоровича: Александр, родившийся в Саратове 22 мая 1846 года, Борис, родившийся в Пятигорске 17 июня 1848 года, и Сергей, родившийся в Тифлисе 17 июля 1849 года», — пишет Левин. Относительно принадлежности к лютеранской церкви Витте-старшего автор далее сообщает: «Юлий Федорович назван лютеранином не только в метрических записях о бракосочетании и о рождении каждого из сыновей, включая Сергея, но и в формулярном списке о службе, составленном 2 июня 1853 года, то есть через девять лет после женитьбы».

Витте был обеспокоен тем, чтобы «правильные» сведения о его дворянском происхождении попали в солидные справочные издания. Все официальные данные о родословной строго совпадали с содержанием «Воспоминаний». По мнению специалистов, этот факт, по-видимому, был связан с участием самого Витте в подготовке статей. Так, в словаре Брокгауза и Ефрона автором статьи был видный экономист Н.Н. Кутлер, давний соратник Витте по Министерству финансов. Отец Кутлера происходил из вюртембергских дворян, с 1803 г. состоял на российской службе. Сам Николай Николаевич был уже православным. В том же томе энциклопедии появилась статья о дворянском роде Витте, в которой утверждалось: «Витте — старинные курляндские дворяне, предки которых первоначально жили в Чехии, Пруссии, Голландии. Предки их, переселившись в Россию, утверждены почти все по личным заслугам».

«Немецкость» в семье Витте, вероятно, специально не поддерживалась. Падчерицу в первом браке Софью, дочь Н.А. Спиридоновой (урож. Иваненко), рано умершей (1890), С.Ю. Витте выдал замуж за вице-директора Особой канцелярии по кредитной части Михаила Федоровича (Фридриховича) Меринга, сына известного киевского врача и богача, профессора университета св. Владимира Ф.Ф. Меринга (1822–1887). Хотя Михаил Меринг и был сыном немца, роль при выборе жениха играло, скорее всего, значительное состояние, нажитое его отцом, и его собственное положение в обществе. Со старшим Мерингом Витте познакомился еще в Одессе, куда Фридрих Фридрихович был приглашен к заболевшему генерал-губернатору графу Коцебу[17]. Витте пишет о Меринге: «Будучи немцем по происхождению, он говорил по-русски с большим акцентом. <…> постепенно Меринг приобрел такую громадную медицинскую практику, что, можно сказать, на юге считался медицинским светилом. Его постоянно приглашали на все консилиумы, и клиника его в Киевском университете считалась отличной. <…> Вообще как профессор и как медик Меринг пользовался большой известностью. Он составил себе очень большое состояние»[18].

Приемную дочь Веру[19], ребенка второй жены Витте Матильды Ивановны (урож. Лисаневич), обучали различным языкам. Она свободно читала на четырех языках (русском, английском, французском и итальянском), но немецкий язык не знала, о чем сама пишет в воспоминаниях. «Девочка не любила эту шумную, богатую, но безвкусную столицу [Берлин — *И.Ч.*]. Языка она не знала»[20]. В 1904 г. Вера Сергеевна стала женой дипломата К.В. Нарышкина. Видимо, исключением является тот факт, что гувернером любимого внука Льва (на 1914 г.) был прибалтийский немец.

---

[17] *Витте С.* Воспоминания. — С. 120.

[18] Там же. — С. 135.

[19] Вера Сергеевна Витте (1883–1962), приемная дочь С.Ю. Витте, дочь второй жены Витте М.И. Лисаневич, в замужестве Нарышкина. В 1917 г. эмигрировала в Финляндию, затем перебралась в Данию, с 1920 г. проживала в Бельгии, Париже.

[20] *Нарышкина-Витте В.* Записки девочки. — [Отпеч. в Лейпциге]: Изд. автора, 1922. — С. 105.

Витте с внуком. Экслебен

Витте один и с семьей во время заграничных поездок неоднократно бывал в Германии, в частности, во Франкфурте-на-Майне и Берлине, незадолго до Первой мировой войны отдыхал на немецком курорте в Бад-Зальцшлирфе недалеко от Фульды, хорошо знал эту страну, однако для жительства они с зятем приобрели виллу в Биаррице (на главной улице Рю де Франс), очень популярном среди русских месте отдыха во Франции.

Но вернемся к истории фотографии и событиям, сопутствовавшим появлению снимка.

Сын В.С. Нарышкиной Лев Кириллович Нарышкин родился 15 февраля 1905 г. в Петербурге, в особняке Витте на Каменноостровском проспекте. Сергей Юльевич в нем души не чаял, внуку были посвящены его воспоминания[21]. В обращении к Николаю II, составленном незадолго до смерти, которое император читал уже после кончины Витте, опальный премьер-министр просил позаботиться о судьбе его семьи, особенно о внуке: «Передайте, всемилостивейший государь, мой графский титул любимейшему внуку моему Льву Кирилловичу Нарышкину: пусть он именуется Нарышкин граф Витте. Я не стану утруждать Вас объяснением семейных моих отношений, я заявляю только, что любил этого моего внука, как только дед может любить своего внука»[22].

О безмерной любви к внуку говорят многие детали биографии Витте. Кормилицей Льва была простая крестьянка из Псковской губернии, которая однажды из заграницы привезла дедушке туфельки внука. Эта трогательная сцена описывается в воспоминаниях Веры Сергеевны. Фото Льва Кирилловича в младенческом возрасте украшало рабочий стол Сергея Юльевича. В воспоминаниях В.С. Нарышкиной, опубликованных в 2005 г., воспроизведен снимок Витте с внуком, в круглой виньетке. Он относится, вероятно, к 1905 г., т. к. мальчик выглядит совсем младенцем. Это поясной портрет Витте, сидящего на стуле, на руках он держит лежащего младенца. Иллюстрация подписана: «Из собрания Н.Л. Нарышкиной»[23]. Возможно, по поводу этого снимка Вера Сергеевна писала в феврале 1906 г.: «Он [Витте — *И.Ч.*] взял со стола единственную украшавшую его фотографию и стал внимательно всматриваться в милые черты»[24].

Известен еще один снимок Витте с внуком Львом с автографом (Сергея Юльевича?) «Два друга». Он помещен в книге воспоминаний С.Ю. Витте, опубликованной за границей в 1923 г.[25] Но эта фотография относится, вероятно, к 1909–1910 гг.

В революционное время Витте находился на должности председателя Кабинета министров, а с октября 1905 по апрель 1906 г. возглавлял реформированный Совет министров. 22 апреля 1906 г. премьер вышел в отставку. Он подвергался критике со всех сторон, его обвиняли во всех бедах России, а подавление революционного движения спровоцировало прямые угрозы жизни Витте и его близких.

В феврале 1906 г. на имя Матильды Ивановны Витте пришла телеграмма с угрозами от русских революционеров из Брюсселя. Дочь Витте Вера Сергеевна писала по этому поводу: «Они требовали безотлагательной отмены приговора террористам, вынесенного военным трибуналом под Иркутском. Если смертная казнь будет приведена в исполнение, они немедленно отомстят, уничтожив дочь и внука премьер-министра, находившихся в Бельгии»[26]. Этот эпизод в воспоминаниях Витте отмечен некоторыми деталями. «Мой зять Нарышкин с женою и моим внуком Львом Кирилловичем Нарышкиным, которому тогда было не более года, служил в миссии в Брюсселе. Когда

[21] См.: *Витте С.Ю.,* граф. Воспоминания. Т. 1: Царствование Николая II. — [Берлин]: Слово, 1923. На титуле стоит посвящение «Любимейшему внуку Льву Нарышкину мои воспоминания».

[22] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — С. 390.

[23] Воспоминания В.С. Нарышкиной-Витте. — М., 2005. — Прил.

[24] Там же. — С. 137.

[25] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). — [Берлин], 1923. URL: http://www.rummuseum.ru/portal/node/855 (дата обращения: 2 июня 2016 г.).

[26] Воспоминания В.С. Нарышкиной-Витте. — С. 137.

Ранненкампф[27] доехал до Читы и несколько вожаков революционеров были осуждены к смертной казни, то моя жена в тот же день получила от русских эмигрантов в Брюсселе депешу, что если сказанные революционеры будут в Чите казнены, то сейчас же моя дочь и внук будут ими убиты. Жена пришла ко мне в слезах с этой телеграммой, и я сказал, что если бы они не стращали, то, может быть, я бы о них ходатайствовал, но теперь этого сделать не могу. Революционеры были казнены»[28].

Тревога за судьбу дочери и внука не оставляла С.Ю. Витте. При первой же возможности в мае 1906 г. Витте отправился в Брюссель. Пробыв там дней десять, выехал в Экс-ле-Бен (Aix les Bains[29]). «Из Брюсселя я с дочерью и зятем должны были неожиданно выехать в Экслебен, где находилось семейство Нарышкиных, т. е. отец и мать моего зятя с некоторыми детьми, так как Василий Львович Нарышкин заболел воспалением легких и там умер[30]. Моя же жена с внуком отправилась в Париж. Из Экслебена моя дочь с зятем поехали в Петербург с гробом Василия Львовича, чтобы похоронить его в Невской Лавре, а я вернулся в Париж и с внуком поехал в Виши»[31]. «Из Виши мы поехали в Экслебен, куда к нам вернулись из Петербурга моя дочь с зятем; затем, пройдя курс лечения в Экслебене, мой зять, дочь и внук уехали в Брюссель»[32]. Почти нет сомнений в том, что именно с этой поездкой и связано появление исследуемой фотографии Витте с внуком. Таким образом, фотографию можно датировать июнем-июлем 1906 г.

Анализ биографических сведений позволил уточнить датировку снимка Витте, но так и не дал ответа на основной вопрос: каким образом фотография оказалась в фонде Писаревского. При разборе архива университета и постановке его на учет в 1938 г. фото могло случайно оказаться в папке Писаревского, поэтому, возможно, оно относится к фонду Варшавского университета либо вообще к совсем другому фонду. Допускаем, что эта история вряд ли будет разгадана. В настоящее время можно утверждать лишь одно: что перед нами редкий экземпляр фотографии выдающегося государственного деятеля России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Витте — мемуарист. — СПб.: РТиФор, 1994. — 95 с.
2. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время / РАН. Ин-т рос. истории. СПб филиал. — СПб.: Дм. Буланин, 1999. — 430 с., ил.
3. *В.К.* Витте (Witte) Сергей Юльевич // Немцы России: Энцикл. — Т. 1: А–И. — М.: ЭРН, 1999. — С. 377–378.
4. *Вагабова Э.Р.Г.* Забытые имена — Григорий Григорьевич Писаревский. К 145-летию со дня рождения // Клио. — 2014. — № 3 (87). — С. 130–134.
5. *Витенберг Б.М.* К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспом. ист. дисциплины. — Л., 1985. — Т. 17. — С. 248–260.
6. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). — [Берлин], 1923. URL: http://www.rummuseum.ru/portal/node/855 (дата обращения: 2 июня 2016 г.).
7. *Витте С.Ю.,* граф. Воспоминания. Т. 1: Царствование Николая II. — [Берлин]: Слово, 1923. — XLVIII, 471 с.
8. *Витте С.* Воспоминания. Полн. собр. в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2010. — 1248 с.
9. Воспоминания В.С. Нарышкиной-Витте. — М.: Рус. эконом. об-во, 2005. — 336 с.

---

[27] Генерал Ранненкампф возглавлял одну из карательных экспедиций на Сибирской железной дороге.
[28] *Витте С.* Воспоминания. — С. 882.
[29] Aix les Bains — Экс-ле-Бен (Экслебен), курортный городок на озере Бурже во Франции.
[30] Василий Львович Нарышкин скончался 25 мая 1906 г. в Экслебене.
[31] *Витте С.* Воспоминания. — С. 1044.
[32] Там же. — С. 1046.

10. *Ильин С.В.* Витте. — М.: Мол. гвардия, 2006. — 512 с., ил. (Сер. ЖЗЛ).
11. *Крымская А.С., Гаврилова И.Ю.* С.Ю. Витте в отечественной литературе (1999–2008 гг.): библиографический список // На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие рос. государственности. Т. 2: С.Ю. Витте и его современники. — СПб.: Лики России, 2014. — С. 85–110.
12. *Левин Н.Ф.* Граф С.Ю. Витте — дворянин Псковской губернии. URL: http://bibliopskov.ru/vitte.htm (дата обращения: 16 июля 2015 г.).
13. *Нарышкина-Витте В.* Записки девочки. — [Отпеч. в Лейпциге]: Изд. автора, 1922. — 142 с.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 227 (Г.Г. Писаревский).
15. *Писаревский Г.Г.* Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России / Подгот. текста, состав., ред., коммент. И.В. Черказьяновой. — М.: МСНК, 2011. — 224 с.
16. *Рылова Н.Е., Лобова В.В.* Развитие высшего образования на Юге России (на примере деятельности Г.Г. Писаревского) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2012. — № 3 (23). — С. 155–163.
17. Сергей Юльевич Витте. Хроника. Документы. Воспоминания / Подгот. Л.Е. Шепелев. — СПб.: Лики России, 1999. — 288 с., ил.
18. *Черказьянова И.В.* Писаревский Григорий Григорьевич: известные работы неизвестного историка // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — № 2 (50). — М., 2007. — С. 16–18.
19. *Черказьянова И.В.* Работы Г.Г. Писаревского о колонизации в контексте отечественной историографии конца XIX — начала XX века // Вопр. герман. истории: Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Днепропетровск, 24–27 сент. 2007 г. / Отв. ред. С.И. Бобылева. — Днепропетровск, 2007. — С. 266–287.
20. *Черказьянова И.В.* Дмитрий Владимирович Цветаев и Григорий Григорьевич Писаревский (к вопросу о формировании взглядов на иностранную колонизацию в России) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24–27 авг. 2012 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2013. — С. 20–33.
21. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: Биобиблиографический справочник. — СПб.: Дм. Буланин, 2001. — 831 с.

Geschichte einer Fotografie: Sergej J. Wittes Porträt im Privatarchiv von Grigory G. Pissarevsky

I.V. Čerkaz'janova

Die Publikation enthält das Original eines durch Reproduktionen bekannten Fotos von S.J. Witte mit seinem Enkel Leo Naryschkin. Die Datierung wird begründet, man versucht zu untersuchen, wie das Privatfoto Wittes ins Archiv von Pissarevsky gekommen ist.

Schlüsselwörter: Witte Sergej Jul'evič, Naryschkin Lev Kirillovič, Pisarevskij Grigorij Grigor'evič, Manuskriptabteilung der Staatlichen Bibliothek Russlands, Fotografie.

History of photography: portrait of S.Y. Vitte in the private fund of G.G. Pisarevsky

I.V. Cherkazianova

The original photo (famous for its numerous copies and reproductions) showing S.Y. Vitte with his grandson Lev Narishkin is published, the dating of the photo is verified, an attempt to explain the circumstances of finding the private photo of Vitte in the G.G. Pisarevsky archive is explained.

Key words: Vitte Sergey Ulyevitch, Narishkin Lev Kirillovitch, Pisarevsky Grigory Grigoryevitch, the Archives Department of the Russian State Library, photographs.

УДК 94 (=112.2) (47). 084.6

А.А. Герман

Октябрьский переворот 1917 г. и российские немцы

Автор рассматривает причины и факторы революционных изменений в России в 1917 г., победы большевиков в Гражданской войне и показывает влияние происходивших в стране изменений на жизнь и судьбу российских немцев. Приводимый пример создания и начального функционирования немецкой автономии красноречиво убеждает, что автономия и самоуправление национальных меньшинств в руках большевиков — прежде всего один из инструментов установления и укрепления своей власти.
В статье делается вывод, что в 1917–1922 гг. естественный процесс развития немецкого населения в России был грубо прерван, по этнической самобытности и традиционному образу жизни различных этнических групп российских немцев был нанесен удар, положивший начало необратимым процессам их разрушения в советское время.

Ключевые слова: Октябрьский переворот, Гражданская война, российские немцы, немцы Поволжья, Поволжский комиссариат по немецким делам, немецкая автономия, Область немцев Поволжья, самоуправление, насилие, агитационно-пропагандистское воздействие, крестьянские восстания, голод.

Почти 100 лет тому назад, в октябре 1917 г., потерпел крах первый фактически полувековой опыт демократического развития России, вызванный к жизни «великими реформами» Александра II. Это было время бурного развития индустриального общества, его острой борьбы с противостоявшими и тормозившими элементами традиционного общества. С осени 1905 г. политическая демократия в России получила реальные очертания. В дальнейшем в борьбе консервативно-державных и либеральных тенденций развития побеждали последние, что вело к быстрому развитию рыночно-экономических процессов, политической демократии, существенному ослаблению государственного вмешательства в жизнь и развитие общества[1].

По переписи 1897 г., в Российской империи проживали 1,8 млн немцев, существовало свыше 2 тыс. немецких поселений. По регионам немцы распределялись так: в Прибалтике — 165,6 тыс. чел.; в Поволжье — 395,8 тыс.; в Царстве Польском — 407,7 тыс.; на Волыни — 171,3 тыс.; на Украине, в Крыму и Бессарабии — свыше 500 тыс.; на Кавказе — 56,7 тыс.; в Петербурге — около 50 тыс.; в Москве — 18,9 тыс.; в Сибири — 5,4 тыс.; в Средней Азии — 8,8 тыс., остальные были рассеяны по Европейской части России. На исходе XIX в. немецкоязычное население составляло 1,42 % от всего населения России и по своей численности занимало восьмое место в империи[2].

---

[1] См. подробнее: История России. XX век: 1894–1939 / Отв. ред. А.Б. Зубов. — М., 2009; *Миронов Б.Н.* Историческая социология России. — СПб., 2009; *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1993; *Осипов Н.* Россия в начале 20 века: прогресс и инерция. URL://http://www. venec. ulstu.ru/lib/go/php?id=28309 (дата обращения: 16 мая 2012 г.) и др.

[2] Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб., 1905.

© А.А. ГЕРМАН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 96–112.

Подавляющее большинство российских немцев являлось потомками колонистов, появившихся в России после 1763 г. Они были выходцами из германских и некоторых других соседних государств, где к тому времени уже вполне сложилась западноевропейская цивилизация с ее такими основополагающими ценностями, как абсолютизация частной собственности, индивидуализм, рационализм, протестантская этика, возвеличивающая мирской профессиональный труд как богоугодное дело, за которое следует божье воздаяние (подавляющее большинство переселенцев, как известно, были протестантами), и т. п. Несмотря на изменившиеся условия жизни, на влияние соседних народов, немцы все же смогли сохранить, пусть даже в деформированном виде, свою европейскую ментальность. Внешне она проявлялась в высокой религиозности, строгом следовании христианским заповедям, организованности, дисциплинированности, большом трудолюбии, любви к порядку, рачительности, развитом чувстве хозяина своей собственности, почтительном отношении к собственности ближнего и т. п.

Именно по этой причине конец XIX — начало XX в. оказались весьма благоприятными для развития немецкого этноса в России, творческого и созидательного проявления многих его ментальных черт. Наблюдается внедрение и преуспевание немцев во многих отраслях экономики, в государственном и местном управлении и самоуправлении, в других сферах общественной жизни. Отношение к власти — лояльное. Немцы активно поддерживают либеральные начинания. В то же время в консервативно-традиционной части российского общества фиксируется постепенное нарастание антинемецких настроений, связанное с усилением немецкого присутствия во всех сферах жизни Российской империи[3].

Незавершенность демократических реформ, сложный и противоречивый характер их внедрения, усилившееся сопротивление консервативной части общества в условиях разразившейся Первой мировой войны обострили все болевые точки в государственном и общественном развитии и привели к стихийной народной революции февраля 1917 г., ликвидировавшей институт монархии в России[4].

Немецкое население России активно поддержало Временное правительство, надеясь в рамках получивших свое дальнейшее развитие демократических правовых норм добиться отмены своей дискриминации по национальному признаку, официально осуществлявшейся в годы войны на основании целого ряда нормативно-правовых актов, отношение к которым в российском обществе

---

[3] Выводы сделаны на основе анализа многочисленных исследований и собственных изысканий. См., например: *Long J. W.* From Privileged to Dispossesed. The Volga Germans 1860–1917. — Lincoln & London, 1988; *Дённингхаус В.* Революция, реформы и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. — Саратов, 2008; *Шульга И. И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. — М., 2008; *Bruhl V.* Die Deutschen in Sibirien. Bd. 1. — Nürnberg, 2003; *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. — Омск, 2007; *Нахтигаль Р.* Донские немцы. 1830–1930. — Аугсбург, 2007; *Зейналова С.* Немцы на Кавказе. — Баку, 2008; *Чернова-Дёке Т.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия. — М., 2008 и др. Оригинальность и уникальность развития немецкого этноса в обозначенный период вызывает большой интерес современных исследователей, что можно проследить на примере тем защищаемых диссертаций. Ежегодно по темам, охватывающим отмеченный период, защищается от 20 до 50 % исследователей, поднимающих проблематику истории и культуры российских немцев. См.: *Черказьянова И. В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960–2009-е гг.). — СПб., 2009.

[4] *Верт Н.* 1917. Россия в революции. — М., 2003; *Чернов В.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ. Е. А. Каца. — М., 2007; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. — М., 2010; *Никонов В.* Крушение России. — М., 2011 и др.

было неоднозначным[5]. Зародилось общественное движение российских немцев, сформировалось три основных центра руководства национальным движением: в Москве, Одессе, Саратове. Первые два вели между собой конкурентную борьбу за право стать центральным органом всероссийского немецкого национального движения[6].

В Саратове в апреле 1917 г. была создана общенациональная организация «Немцы Поволжья», во главе которой стояли авторитетные немцы-саратовцы (предприниматели, учителя, инженеры, священнослужители): Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, А. Бир, Я. Шмидт, И. Шлейнинг и др. Организация развила бурную деятельность в Саратове и колониях и практически в течение всего 1917 г., даже после победы большевиков в центре и Саратове, держала значительную массу поволжских немцев под своим влиянием[7].

События в России в тот год развивались столь стремительно, что национальное движение немецкого населения не успело проявить себя в полной мере и решить свои проблемы в том виде, как это намечалось.

Послефевральская демократия по мере своего развития все больше переходила в охлократию, анархическая стихия разливалась безгранично, как весеннее половодье. Попытка консервативно-умеренных сил в августе 1917 г. остановить разгул стихии («мятеж Корнилова») закончилась их поражением и фактическим уходом с политической арены. В результате практически неизбежным становился приход к власти леворадикальных сил, что и произошло в октябре.

Представляется, что объективными факторами прихода к власти большевиков являлись:

---

[5] Конкретные законодательные акты, направленные против «внутренних немцев», см. в: История российских немцев в документах. — М., 1993. — С. 36–54; Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. — М., 2006. — С. 555–712. О конкретных мероприятиях по реализации антинемецкого законодательства см.: *Баах С.В.* «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. — М., 2005. — С. 230–235; *Чернова Т.Н.* Проблемы лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших отечественных исследований) // Рос. немцы в инонациональном окружении. — М., 2005. — С. 236–245; *Нелипович С.Г.* 1) Репрессии против подданных «центральных держав» // Воен.-ист. журн. — 1996. — № 6. — С. 32–42; 2) Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. — 1997. — № 1. — С. 42–53; 3) Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и соврем. положения. — М., 1996; *Плохотнюк Т.Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915–1917 гг. // Немцы России в контексте отечеств. истории: общие проблемы и региональные особенности. — М., 1999. — С. 223–237; *Вердиева Х.* Ограничение прав подданных враждебных государств в Баку в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы в истории рос. немцев. — М., 2004. — С. 513–521; *Вибе П., Баах С.* 1) Антинемецкие кампании в сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг. — М., 2002. — С. 34–48; 2) Положение немцев Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы в истории рос. немцев. — М., 2004. — С. 291–303; *Воронежцев А.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг. — М., 2002. — С. 71–94; *Савинова Н.В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917: Дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2008 и др.

[6] *Eisfeld A.* 1) Deutschen Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. — Wiesbaden, 1985; 2) Die Deutschen in Russland und in der Sowjetunion. — Wien, 1986; *Fleischhauer I., Pinkus B.* The Soviet Germans. Past and Present. — London, 1986; *Long J.W.* Op. cit.

[7] *Bonwetsch G.* Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. — Stuttgart, 1919; *Schleuning J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. — Berlin, 1919; *Eisfeld A.* Deutschen Kolonien an der Wolga 1917–1919; *Хердт В.* Немецкие колонии в Поволжье в период между революциями 1917 г. // Немцы в контексте отечеств. истории. — М., 1999. — С. 271–283; *Вашкау Н.Э.* Национальное движение немцев Поволжья в 1917 году // История и культура рос. немцев. — Вып. 3. Ч. 1. — Саратов, 1996. — С. 75–82 и др.

– несоответствие силы российского предпринимательства уровню развития капитализма в стране (в силу огромной роли самого государства и иностранного капитала в экономике), а следовательно и слабость либеральных политических сил, которая во многом усиливалась увлеченностью большей части интеллигенции социалистическими идеями и прохладным отношением к либерализму;
– отсутствие широкого слоя частных собственников в деревне (недавно начавшаяся столыпинская аграрная реформа еще не могла кардинально изменить царившие там старые порядки), а потому — сохранение пережитков традиционного общинно-уравнительного сознания и глубокого недоверия народных масс по отношению к «барам» (т. е. высшим и образованным слоям общества). Такая ситуация способствовала быстрому распространению социалистических идей, близких массам своим радикализмом и «коллективистским» духом, колоссальному усилению социалистических партий;
– если весной и летом 1917 г. умеренные социалистические партии, прежде всего эсеры, пользовались безграничным авторитетом у основной массы населения — крестьянства, то к осени в результате действия дестабилизирующих факторов (продолжавшаяся мировая война, нерешенность аграрного вопроса, все более ухудшавшееся экономическое положение, острейший кризис власти, вызванный падением самодержавия и двоевластием) усиливался радикализм масс (особенно у миллионов крестьян в солдатских шинелях), все большее влияние приобретали радикальные социалистические партии — большевики, левые эсеры, анархисты.

Большевики умело использовали свои преимущества: твердую политическую волю, стремление к власти, гибкую, но единую партийную организацию и широчайшую сверхпопулистскую агитацию. Они сумели решительно оседлать революционно-анархическую стихию (которую сами же всемерно поощряли) и использовать слабость Временного правительства, огромный заряд социальной ненависти, нетерпения, жажды уравнительной справедливости масс для захвата — под советскими лозунгами — власти и осуществления своей идеологической доктрины.

Сегодня, спустя столетие после прихода большевиков к власти, неоспорим тот факт, что большевизм как идеология и общественно-политическая практика, как особая форма власти военно-тоталитарной партии, с его основополагающими догмами насильственных революций как «локомотивов истории», классовой борьбы, диктатуры пролетариата, уничтожения частной собственности, отрицания правового государства и гражданского общества, приоритета классовых интересов над национальными, «революционной целесообразности» над правами личности и т. п., наложил глубочайший отпечаток на историю XX в., на все сферы жизни российского общества, в т. ч. и на судьбу российских немцев.

Из всего отмеченного выше несложно понять, что идеологические установки большевиков и ментальные черты российских немцев практически не имели точек соприкосновения. По этой причине сторонников большевистских идей среди немцев было не так уж много. Большевистские идеи разделяли некоторые представители немецкой интеллигенции с дореволюционных времен, в основном, учителя[8]. В годы Первой мировой войны большевизации подверглась заметная часть немцев

[8] Так, например, в Саратове в конце мая 1917 г. прошел учредительный съезд организации «Союз немцев-социалистов Поволжья», который объединил в одну организацию отдельные разрозненные группы, отражавшие взгляды почти всех существовавших в России социалистических партий. Первыми руководителями союза были А. Эмих, Г. Кёниг, Г. Клингер и др. Практически все — выходцы из интеллигентских слоев. Союз пытался конкурировать с организацией «Немцы Поволжья», но безуспешно. Подробнее об этом см.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. — М., 2007. — С. 17–19.

Поволжья, призванных на военную службу и отбывавших ее на российско-турецком фронте[9]. Из этих категорий формировалась политическая элита российских немцев[10]. В момент захвата власти большевиков поддерживало менее четверти взрослого сознательного населения России[11]. Тем не менее большевикам удалось не только удержаться у власти, но и выиграть ожесточенную Гражданскую войну.

Как известно, важнейшими причинами победы большевиков в войне стала их более эффективная военно-организационная деятельность, массированное применение насилия и террора, разрозненность и грубые политические ошибки противостоявших им сил, особенно белого движения.

Представляется необходимым обратить внимание на некоторые существенные факторы, не только способствовавшие победе большевиков в Гражданской войне, но и помогавшие им впоследствии держать основную массу населения страны под своим контролем многие годы:

– большевики активно сочетали насилие с изощренной пропагандой. Массовому сознанию нелегко было «переварить» многочисленные противоречия того времени. Подавляющее большинство населения страны не разбиралось ни в нюансах политической борьбы в столицах, ни в сути теоретических споров представителей различных политических партий. Это становилось удобной почвой для идеологических манипуляций. Во имя достижения своих стратегических целей большевики ловко манипулировали тактическими лозунгами, без тени смущения заимствовали у своих политических противников наиболее привлекательные для масс на данный момент программные установки. Это позволяло им успешно преодолевать даже самые, казалось бы, безнадежные, кризисные ситуации, когда их власть и влияние висели буквально на волоске. Большевистский агитационно-пропагандистский аппарат, имея средства и полномочия, будучи мощным, гибким и наступательным, обеспечивал красным преимущества перед их противниками;
– известную привлекательность в российском обществе имели лозунги классовой борьбы, что особенно сказывалось на фоне резкого падения уровня жизни населения. Идеи социализма к моменту происходивших событий не были новыми для России. С ними рабочих познакомили русские марксисты, а крестьян — сначала народники, а затем — эсеры. О крайней узости трактовки социализма в большевистских догмах из простых людей мало кто догадывался;
– мысли о социальной справедливости не могли не найти благоприятного отклика среди основной массы православного населения, прежде всего крестьянства, веками связанного с общинным и православным мироощущением. Традиции русского православия несли заряд антистяжательства, трудовой морали. Христианский постулат «Легче верблюду пролезть в игольное отверстие, чем богатому попасть в рай» легко можно было увязать с классовыми лозунгами большевиков. Не были чем-то новым для крестьян лозунги приоритета общественных интересов над личными. В сознании крестьян идеи равенства и справедливости ассоциировались с «прорывом в другой мир», с «царством Божиим на земле». Многими коммунизм стал восприниматься как новое вероисповедание (хотя подавляющее большинство населения в то время сохраняло православную веру);
– привлекательной для отдельных слоев населения оказалась и идея «избранничества». Мотивы «избранничества» усиленно внушались большевиками рабочим, бедноте.

[9] Подробнее см.: *Шульга И. И.* Указ. соч. — С. 33–64.

[10] О формировании большевистской политической элиты российских немцев в 1918–1921 гг. см.: *Шумилова Л. Н.* Становление и эволюция политической элиты немцев Поволжья (1917 г. — конец XX в.): Дис. … канд. ист. наук. — Саратов, 2003. — С. 25–65.

[11] Это выяснилось на выборах в Учредительное собрание России. См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. — М., 1997. — С. 363–366.

Рефрен того времени «Кто был ничем, тот станет всем» отражал притягательность потрясений и для представителей социального дна, в т. ч. и криминально-люмпенских элементов. Многие из них увидели возможность попасть в категорию «своих», близких к властям, т. е. «избранных», наделенных особыми правами. Немало нашлось и тех, кто понятие «свобода» трактовал как отказ от традиционных моральных ценностей и с энтузиазмом воспринимал и реализовывал лозунг «Грабь награбленное»;

– значительную часть молодежи, даже из высших слоев общества, привлекала новизна и глобальный всепланетарный размах лозунгов о мировой революции. Они проникались романтикой особой революционной миссии;
– в условиях дискредитации прежних форм государственной власти, вызванной отречением монарха, провалом миссии Временного правительства, общенациональным кризисом накануне октября 1917 г., немалому числу людей большевики представлялись силой, способной восстановить стабильную государственность. Их напор в борьбе за власть трактовался как свидетельство особой исторической роли, а сами большевики казались носителями некоей истины.

Отмеченные факторы не обошли стороной российских немцев.

Большевики-интеллигенты из немцев были достаточно близки к народу и не понаслышке знали о его проблемах. Все они были увлечены социалистическими идеями, но не были абсолютными догматиками, мыслили достаточно разумно, чтобы понимать в каждом конкретном случае, насколько приемлемы те или иные социалистические или коммунистические идеи для российских немцев. Серьезную конкуренцию им составляли люди из социальных низов. Это были большей частью совсем молодые, малограмотные или вообще неграмотные люди, выходцы из рабочих и бедных крестьян, батраков, увидевшие в революции возможность самоопределиться и сделать карьеру, фанатично преданные коммунистическим идеям, всей своей деятельностью жестко и напористо пытавшиеся реализовать их на практике. Их нетерпение и высокая востребованность в годы «военного коммунизма» центральным руководством РКП(б) создавали благоприятную перспективу для их продвижения вверх и успешной конкуренции с частью элиты, вышедшей из интеллигенции[12]. Отдельного внимания заслуживает еще один фактор — фактор заигрывания с национальными меньшинствами. В борьбе за власть большевики не могли игнорировать позицию национальных меньшинств, т. к. нерусские народы составляли больше половины численности населения России.

В теории большевизма национальная идея, чувство национальной идентичности, приверженность национальному интересу рассматривается как главное препятствие на пути социалистического или коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма и тоталитарной государственности. Поэтому установка на постепенное исчезновение национального начала входила неотъемлемым элементом в социальную, социокультурную и политическую программу большевистского режима.

Однако условий для немедленной реализации этой стратегической цели в то время в России не было. Следовательно, надо было привлечь национальные меньшинства на свою сторону. С одной стороны, это обеспечивало бы поддержку большинства населения России, с другой — меньшинства брались под контроль, и с ними легче было работать по реализации стратегических целей[13].

Такая установка стала реализовываться через национально-территориальный тип автономии и федерации, в которых руководящую роль обязательно должны были играть местные коммунисты из националов. В этом случае обеспечивались централизм Коммунистической партии, ее цементирующая роль между всеми этнополитическими

[12] *Шумилова Л.Н.* Указ. соч. — С. 25–65.
[13] См., например: *Константинов Ф.В.* Исторический материализм. — М., 1951. — С. 416–455.

образованиями, возможность осуществления ею властных и управленческих функций в интересах создания всемирного бесклассового общества без государств и без национальных различий. 10 мая 1918 г. И.В. Сталин, тогда нарком по делам национальностей, объяснял делегатам совещания по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, что дать автономию для того, чтобы внутри нее вся власть принадлежала национальной буржуазии, советская власть не может. Она за такую автономию, «где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов»[14].

Произнося эти слова, Сталин опирался уже на первый практический опыт деятельности большевиков в указанном направлении, и этот опыт был связан с немцами Поволжья.

С первых шагов нового режима в Поволжье стала проводиться политика преследования общенациональной организации «Немцы Поволжья», как «буржуазно-националистической», и искусственно усиливалась роль «Союза немцев-социалистов Поволжья» как возможной опоры в работе по привлечению немцев Поволжья на свою сторону[15].

Зимой 1917–1918 гг. в Саратове, уездных городах и крупных немецких селах шла национализация крупной и средней частной собственности поволжских немцев, сложилась ситуация, когда во многих из немецких сел еще не было создано органов новой власти — советов, а потому по инерции продолжала функционировать старая администрация. Однако в уездных и ряде волостных центров (Николаеве, Новоузенске, Камышине, Екатериненштадте (тогда — Екатериноградe) и др.) советская власть была установлена, созданы вооруженные красногвардейские отряды, которые в значительной своей части состояли из военнопленных немцев, австрийцев, венгров. С помощью таких отрядов новая власть пыталась обеспечить свое нормальное функционирование.

Однако довольно часто эти отряды выходили из подчинения и действовали как уголовные банды, отнимая у крестьян продовольствие, скот, прежде всего лошадей, другое имущество. Особую жестокость проявляли военнопленные. Нередки были убийства представителей старой администрации, кулаков и просто тех, кто пытался сопротивляться[16].

Происходивший в селах беспредел признавали даже сами большевики: «В ряды Красной Армии, Красной гвардии и даже некоторых совдепов, по-видимому, проникли разного рода паразиты трудящихся — хулиганствующие и уголовные элементы, которые крайне деморализуют ряды красноармейцев и красногвардейцев, роняют и подрывают их значение в глазах трудящихся масс и терроризируют население.

---

[14] *Сталин И.В.* Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики. 1. Речь при открытии совещания 10 мая // *Сталин И.В.* Сочинения. — Т. 4. — М., 1947. — С. 87.

[15] Такая политика приводит к фактическому прекращению деятельности «Немцев Поволжья» к началу 1918 г. В то же время идет быстрый процесс большевизации «Союза немцев-социалистов Поволжья». Для этого в него, в частности, вливают большевистски настроенные группы немецких, австрийских и венгерских военнопленных. Союз укрепляется организационно. Ячейки немцев-социалистов создаются и в колониях, правда, этот процесс идет с трудом. К началу 1918 г. число ячеек превысило 50, однако они охватывали всего лишь четвертую часть немецких сел. Но и там они были небольшими, объединяя, как правило, не более десяти членов. Подробнее об этом см.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. — С. 18–19.

[16] Вот один из многочисленных фактов, отмеченных Военным отделом Красной Армии Николаевского уездного Совнаркома Самарской губернии: «Отделение Красной гвардии <…> было послано [в колонию Цюрих. — *А. Г.*] для убийства Андрея Андреева Риттер, Иосифа Яковлева Рудер, Александра Иванова Дейслинг и Цюрихского сельского секретаря Теодора Адамова Шумахер, из коих Рудер и Дейслинг убиты зверски помощником начальника отряда Красной Армии военнопленным Австрии <…> Германом Лейнартом». См.: Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее — ГИАНП). Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 3.

Повсеместно в уезде, благодаря, по-видимому, проникновению в ряды красноармейцев и красногвардейцев указанных элементов, творится что-то невероятное, со всех сторон несутся жалобы, при проверке вполне подтверждающиеся, что некоторые красноармейцы, красногвардейцы и даже представители Совдепов устраивают над гражданами различные насилия, произволы, учиняют истязания их плетьми, наносят побои, злоупотребляют оружием и т. д. и даже мародерствуют, самовольно отбирая у населения насильственным путем разное имущество»[17].

Именно описанный выше произвол стал причиной достаточно хорошо известного в историографии поволжских немцев съезда представителей немецких колоний в Варенбурге (24–28 февраля 1918 г.)[18]. Противоречивые решения съезда наглядно характеризуют те колебания, которые испытывали поволжские немцы по отношению к новой власти.

С одной стороны, съезд резко осудил бесчинства в колониях, закрытие немецкой газеты, репрессии против участников национального движения немцев, с другой стороны, опираясь на «Декларацию прав народов России», разработал «Проект национального объединения всех немцев Поволжья в автономную немецкую республику Поволжья в составе Российского федеративного государства». То есть в Варенбурге впервые был поставлен вопрос о национально-территориальной автономии немцев Поволжья. И поставили его, опираясь на большевистскую «Декларацию прав народов России», народные представители немецких поселений Поволжья, многие из которых относились к большевистской власти негативно[19].

Такой парадокс имеет свое объяснение. До Октября в условиях демократического развития России немцы не ставили вопрос о территориальной автономии. Им было достаточно национально-культурной автономии. После Октября в территориальной автономии они увидели возможность сохранить свою самобытность, надеялись таким путем, на основе национального самоуправления, оградить немецкое население от произвола в условиях жесткой большевистской диктатуры. Они тогда еще не понимали, что национально-территориальная автономия в руках большевиков была лишь своеобразным инструментом подчинения национальных меньшинств своей воле.

Для реализации проекта автономии была избрана Временная центральная администрация немецких колоний Поволжья во главе с Административным советом, в который вошли М. Кизнер (председатель), К. Брюггеман, И. Гросс, Д. Ойрих и Д. Тиссен. Совету поручили ходатайствовать перед советским правительством о предоставлении немцам Поволжья автономии, направив с этой целью в Москву делегацию. В состав делегации были избраны М. Кизнер, И. Гросс и социалист А. Эмих. По настоянию А. Эмиха делегацию уполномочили заручиться поддержкой и содействием влиятельных большевистских лидеров саратовского комитета «Союза немцев-социалистов Поволжья»[20].

А. Эмих понимал, что без участия в делегации немцев-большевиков ее шансы на достижение договоренности с центральной большевистской властью не только были практически равны нулю, но делегаты могли быть заподозрены в «буржуазном национализме» и с ними могли бы обойтись так же, как и с представителями общенациональной организации «Немцы Поволжья». Его правоту подтвердили дальнейшие события.

В «Союзе немцев-социалистов Поволжья» мнения в отношении характера варенбургского съезда и возможности участия в его работе разделились. Большевистская часть союза и, в частности, саратовский комитет бойкотировали съезд, объявив его

---

[17] Из приказа Совнаркома Николаевского уезда Самарской губернии. ГИАНП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.

[18] В основном это были депутаты — немцы Новоузенского и Николаевского уездных земских собраний Самарской губернии.

[19] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 8; Der Kolonist. — 1918. — № 22. — С. 1.

[20] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 8; *Хердт В.* Указ соч. — С. 280–281.

контрреволюционным. Теперь же перед ним встала необходимость четко определить свое отношение к проблеме немецкой автономии. Решение принималось непросто, в горячих спорах и дискуссиях. Об этом свидетельствует сохранившийся протокол заседания комитета[21].

Большинство членов комитета стояло на традиционных большевистских позициях и было против автономии, считая, что ее образование будет мешать немецким трудящимся укреплять интернациональные связи с русским пролетариатом и поможет национальной буржуазии сохранить влияние на трудящихся. Но вместе с тем высказывалось опасение: если делегации варенбургского съезда удастся в Москве добиться автономии, то социалисты окажутся в стороне и национальное движение непременно «попадет в руки буржуазии»[22]. В конце концов, было решено включить в состав делегации своих представителей (Г. Клингера и Я. Кельнера[23]) и, в случае положительного решения вопроса об автономии, возглавить всю работу по ее образованию.

10 апреля в Москву выехала делегация, в которой немцы-социалисты имели большинство (трое из пяти членов делегации). В результате переговоров было достигнуто принципиальное соглашение об организации «самоуправления немецких трудящихся масс на советских началах»[24].

К сожалению, подробных записей переговоров в Москве обнаружить не удалось, однако имеющиеся сведения говорят о том, что вопреки опасениям немцев-социалистов идея немецкой автономии на Волге в Наркомнаце была встречена благожелательно, в т. ч. и наркомом по делам национальностей Сталиным, который именно на примере немцев в ходе переговоров увидел замечательную возможность с помощью местных коммунистов сделать из территориальной автономии надежный инструмент подчинения различных национальных меньшинств[25].

Отмеченное выше подтверждает телеграмма Сталина, направленная в Саратов 25 апреля 1918 г. В этот день делегаты были еще в пути, возвращаясь домой. Они прибыли в Саратов 26 апреля. По своему содержанию и тону телеграмма настолько значительна, что заслуживает цитирования в полном объеме и детального анализа.

«Саратов. Комитету немцев-социалистов Саратовской губернии. Копии: Саратовскому и Самарскому совдепам.

По поводу заявления вашей делегации в лице товарищей Клингера, Эмиха и Кельнера, сделанного народному комиссариату национальностей, считаю долгом сообщить, что правительство может радоваться пробуждению немецких трудовых масс, решившихся наконец взять в свои руки дело организации своей народной школы, всего народного самоуправления на советских началах. Правительство верит, что немецкие рабочие и беднейшие крестьяне, организовавшись в совдепы, возьмут власть в свои руки, рука об руку с русскими трудовыми массами двинутся вперед к социализму. Мы не сомневаемся, что ваш комитет приложит все усилия к тому, чтобы заодно с командированными к вам испытанными товарищами Рейтером и Петиным обеспечить в районе вашей деятельности окончательное торжество социализма.

Народный комиссар национальностей И. Сталин»[26].

Из текста телеграммы можно сделать несколько предположений и выводов.

Почему Сталин все же решил опередить делегатов хотя бы на несколько часов и лично сообщить членам саратовского комитета, а также губернским советам Саратова и Самары об итогах переговоров?

---

[21] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10.
[22] Там же.
[23] Я. Кельнер, военнопленный, венгр по национальности.
[24] Там же. Л. 10.
[25] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 444. Л. 15.
[26] ГИАНП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 164. Л. 5.

По всей видимости, в центре придавали очень большое значение быстрейшему установлению советской власти в немецких колониях и созданию там надежной большевистско-советской администрации. Представляется, что от этого во многом зависело благополучие всего большевистского режима в России.

Напомним, что еще в феврале-марте 1918 г. в социально-политическую ситуацию в немецких колониях был привнесен новый важный элемент. 3 марта в Брест-Литовске был подписан мирный договор с Германией. На основании статей 21 и 22 дополнения к мирному договору, в течение десяти лет после его ратификации, российским немцам предоставлялось право реэмиграции в Германию с одновременным переводом туда своих капиталов. Оговаривалось право каждого желавшего переехать в Германию непосредственно обращаться к дипломатическим и консульским представителям этой страны. На основании указанных выше статей германское правительство назначило «Комиссию попечения о германских реэмигрантах», которая должна была контролировать выполнение советскими органами соответствующих статей[27]. Понятно, что установление крепкой советской власти в немецких колониях позволило бы существенно минимизировать возможные неприятные для большевиков последствия, связанные с обязательствами советского правительства по дополнительному договору.

Телеграмма официального лица — наркома по делам национальностей — была направлена не только руководству «Союза немцев-социалистов Поволжья», но и губернским советам, официальным советским региональным органам власти Саратовской и Самарской губерний, на территории которых проживали поволжские немцы. Следовательно, региональные органы власти получали информацию о предоставлении немцам в достаточно близкой перспективе культурной автономии («организация своей „народной школы“») и самоуправления. Форма самоуправления пока еще не обозначена. Видимо, о ней у советского руководства тогда еще не было четкого представления.

«Радость правительства», скорее всего, была искренней, поскольку в лице «немцев-социалистов», а точнее, немцев-коммунистов, предложивших вариант самоуправления поволжских немцев, центральная власть увидела ту универсальную форму работы с национальными меньшинствами, которая могла принести успех.

В телеграмме в форме непререкаемого оптимизма, «веры» и пожеланий указано однозначное, единственное, а следовательно, обязательное направление деятельности немецких большевиков — обеспечение «торжества социализма» на территории проживания поволжских немцев.

Судя по названным Сталиным фамилиям переговорщиков, участники делегации, несоциалисты М. Кизнер и И. Гросс, либо вообще не были допущены к переговорам, либо играли в них роль статистов. Отмеченные выше особенности сталинской телеграммы делают такое предположение весьма реалистичным.

Однако, как видно из телеграммы, советское руководство в лице И.В. Сталина не доверяло не только «буржуазным» членам делегации, но и самим поволжским немцам-коммунистам, которые не нашли в себе сил и упорства «размежеваться» с социалистами — меньшевиками, эсерами и др., а значит, были склонны к «мелкобуржуазным шатаниям». Чтобы этого не произошло, в Саратов направлялись «испытанные коммунисты-интернационалисты» Э. Рейтер и К. Петин. В телеграмме не определяются их конкретные полномочия, однако сам факт посылки «опытных товарищей» говорит о том, что они должны были играть определяющую роль в реализации проекта самоуправления немцев Поволжья.

Возможно, посылка телеграммы за несколько часов до возвращения делегации поволжских немцев из Москвы преследовала и еще одну цель: предварительного

[27] ГИАНП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 164. Л. 30–31; Д. 165. Л. 4–5; Д. 166. Л. 21.

информирования местных большевиков о появлении новых людей, которые будут заниматься судьбой немецких колоний. Тем самым несколько сглаживалась неожиданность их появления в Саратове.

Таким образом, немцы-большевики, до апреля 1918 г. не только не помышлявшие ни о какой немецкой автономии, но и бывшие ее противниками, вдруг неожиданно для самих себя, в результате стечения обстоятельств получив мандат «сверху», стали «автономистами». Те же, кто действительно желал для своего народа автономии как формы защиты от большевистского произвола и предпринял для этого определенные шаги, были оттеснены в сторону и смещены с политической и исторической арены.

К 30 апреля был создан и приступил к работе Поволжский комиссариат по немецким делам. Его возглавил Эрнст Рейтер[28]. Первыми членами комиссариата стали К.Г. Петин, Г.К. Клингер, А.Г. Эмих и А.Ф. Моор[29]. Поволжский комиссариат подчинялся непосредственно Народному комиссариату по делам национальностей РСФСР и являлся его региональной структурой. Его задачи были определены следующим образом: «1) быть идейным центром социалистического движения среди немцев Поволжья; 2) помочь немцам Поволжья организовать у себя самоуправление на советских началах и 3) подготовить съезд Советов рабочих и беднейших крестьян немецких колоний»[30]. Из сформулированных задач видно, что комиссариат должен был в своей деятельности совмещать функции партийно-большевистские (п. 1) и государственные (п. 2, 3).

Опираясь на идею национальной автономии, пользовавшуюся в среде немецких поселенцев популярностью, комиссариату удалось на какое-то время создать среди немецкого населения достаточно благожелательное отношение к своей деятельности. Этому способствовало то, что Поволжский комиссариат взял под свою защиту немецких крестьян, препятствуя самоуправству как местных губернских и уездных органов власти, так и воинских частей (к лету 1918 г. Саратовское Поволжье оказалось прифронтовой зоной)[31].

Вместе с тем, защищая колонистов от произвола, Поволжский комиссариат по немецким делам устанавливал в колониях советскую власть, создавая местные советы, национализировал промышленные и торговые предприятия, банки, реализовал Декрет о земле, проводя кампанию «социализации» земельного фонда, выполнял решения советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, формировал красногвардейские отряды для «борьбы с контрреволюцией». С помощью этих отрядов комиссариат подавлял выступления колонистов, недовольных постоянным грабежом колоний со стороны различных советских и военных органов,

[28] *Рейтер Эрнст (*Reuter Ernst) родился 29 июля 1889 г. в Апенраде (Германия, Северный Шлезвиг, ныне территория Дании). Сын капитана дальнего плавания торгового флота. Получил высшее образование. Преподаватель, профессор, журналист, общественный деятель. В юности увлекся марксизмом. В 1914 г. был мобилизован на фронт, раненым попал в российский плен. С декабря 1917 г. — секретарь революционного комитета военнопленных Московского военного округа, член немецкой секции при ЦК РКП(б). В апреле 1918 г. Наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным назначен в Саратов председателем Поволжского комиссариата по немецким делам. Под его непосредственным руководством осуществлялось установление советской власти в колониях и подготовка к созданию Области немцев Поволжья. По решению исполкома Коминтерна весной 1919 г. вернулся в Германию. В 1921 г., разочаровавшись в большевизме, вышел из компартии и вступил в социал-демократическую партию Германии, ее членом и активным деятелем оставался до самой смерти. Избирался обербургомистром Магдебурга, членом рейхстага. В 1947 г. был избран обербургомистром Берлина, однако из-за вето, наложенного советскими оккупационными властями (по указанию И.В. Сталина), не смог занять эту должность. С 1948 г. обербургомистр, с 1951 г. — правящий бургомистр Западного Берлина. Эту должность занимал до своей кончины 29 сентября 1953 г. Подробнее см.: *Brandt W., Löwenthal R.* Ernst Reuter — Ein Leben für die Freiheit (Eine politische Biographie). — Münich, 1957.

[29] ГИАНП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 166. Л. 6.

[30] Там же.

[31] Там же. Д. 168. Л. 36; Д. 169. Л. 85.

препятствовал эмиграции немецкого населения Поволжья в Германию, которая происходила на основании документов Брестского мира. Такие действия комиссариата положили начало разрушению традиционных устоев жизни немецкого населения, и поэтому по мере деятельности комиссариата отношение к нему со стороны немецкого населения становилось все более противоречивым[32]. Многие открыто заявляли, что «ожидали и понимали под самоуправлением совершенно иное»[33].

Поволжский комиссариат по немецким делам выполнил свои основные задачи — установление советской власти в немецких поволжских колониях и образование немецкой автономии на Волге. Постановлением исполкома образованной Области немцев Поволжья от 31 октября 1918 г. он был упразднен. Его дела перешли к исполкому Области немцев Поволжья, который стал единственным правомочным органом советской власти в автономии[34].

Еще остававшиеся иллюзии поволжских немцев, связанные с созданием осенью 1918 г. своей автономной области, быстро рассеялись, как только началось проведение политики военного коммунизма, вылившейся в откровенный грабеж, насилие, репрессии. Большинство в руководстве немецкой области занимало экстремистскую позицию и слепо выполняло распоряжения центра. Даже когда руководство области и пыталось хоть как-то защитить интересы своего населения, эти попытки, как правило, заканчивались неудачей. Значительная часть руководства области была репрессирована. Более того, в 1920 г. высшее руководство области вследствие своей «мягкотелости» было заменено на русско-украинское (ответственный секретарь обкома партии А. Акимов, председатель облисполкома В. Пакун, областной продкомиссар Б. Володко), и последующие месяцы для немцев оказались самыми трагическими за все время действия политики «военного коммунизма». Хаос Гражданской войны безжалостно разрушал прежнюю жизнь колонистов[35].

Попытки сохранить основные устои своей прежней жизни в годы Гражданской войны выражались в различных формах. Весной 1920 г. ввиду массовых выступлений немецкого крестьянства против продразверстки, Область немцев Поволжья была переведена на военное положение, а для управления ею создан Ревком. Формы сопротивления населения порой были весьма оригинальны. Так, в 1920 г. в Ровненском уезде развернулась широкая кампания за выход Ровненского уезда из автономной области и включение его в состав соседнего Новоузенского уезда Самарской губернии. Основная причина — нормы продразверстки в соседнем уезде были значительно ниже. В немецких селах тайно, минуя советы, составлялись прошения на имя Новоузенского исполкома, под ними собирались подписи крестьян, и эти прошения также тайно доставлялись в Новоузенск. Прошения были направлены большинством сел Ровненского уезда, а села Моргентау и Штрасбург после этого отказались выполнять продразверстку и подчиняться ровненским уездным властям, за что подверглись репрессиям со стороны вооруженных продотрядов[36]. Приведенный пример ярко свидетельствует о том, что уже через два года предоставленная немцам Поволжья автономия в их жизни не имела никакой ценности. Наоборот, она становилась символом насилия и издевательства власти.

В марте-апреле 1921 г. вся Область немцев Поволжья была охвачена крестьянским восстанием. Советская власть сохранялась лишь в городах (Бальцер, Марксштадт) и некоторой части северных колоний. Восстание было жестоко подавлено. Только в селах

---

[32] Подробнее об этом см.: *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. — М., 2000. — С. 38–41.

[33] ГИАНП. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 46. Л. 25.

[34] Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

[35] Подробнее об этом см.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. — С. 15–162.

[36] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 225.

Марксштадтского уезда, принявших участие в восстании, по приговорам военного трибунала было расстреляно 286 чел., в т. ч.: в Мариентале — 74, Крутояровке — 38, Липовке — 29, Раскатах — 34 и т. д. Около 20 расстрелянных не перешагнули 18-летнего рубежа и примерно 30 приговоренным к смерти перевалило за 60, а некоторым из них и за 70 лет. Вряд ли эти люди в силу своего возраста могли быть «ярыми зачинщиками» и «организаторами». Сотни участников восстания были приговорены к заключению в концентрационный лагерь, располагавшийся вблизи Марксштадта (ныне — г. Маркс). Имущество расстрелянных и осужденных конфисковывалось[37].

Еще одним страшным испытанием, во многом изменившим прежние устои жизни поволжских немцев, стал небывалый голод 1921–1922 гг., его жертвами стала почти четверть поволжских немцев. Была полностью дезорганизована экономика. Безысходность и жуткая нищета охватила немецкие колонии. Полностью исчезла какая-либо материальная дифференциация в крестьянской среде. В годы нэпа все крестьянские хозяйства начали свое развитие от некоторой общей нулевой черты[38].

В те же годы советское государство разрушило традиционную немецкую школу, почти до середины 1920-х годов в Области немцев Поволжья школьное обучение практически отсутствовало, затем стала развиваться новая советская школа, несшая немецким детям совершенно иные ценности, в корне отличавшиеся от традиционных. Началась борьба с церковью, шли репрессии против духовенства. Одновременно с этим еще во время Гражданской войны и сразу после ее окончания власть формирует систему постоянного агитационно-пропагандистского воздействия на население немецкой области[39].

Неприятие немцами большевистской идеологии после Гражданской войны настолько бросалось в глаза, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП(б) АССР немцев Поволжья на специальном заседании вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев[40].

Если в Поволжье последствия Октябрьского переворота сказались на немцах практически сразу, и уже весной 1918 г. большевики создали и возглавили необходимую им модель самоуправления поволжских немцев, используя ее для реализации своих целей, то в других регионах России, где более или менее компактно проживали российские немцы (Причерноморье, Крым, Закавказье и др.) большевистская модель победила не сразу, а после победы большевиков в Гражданской войне. В ходе самой войны на территориях, где шли военные действия, немцы большей частью пытались сохранять нейтралитет либо поддерживали старую власть, в результате чего они стали объектом жестоких репрессий как новой власти, так и различных радикальных движений того времени (например, махновцев на Украине)[41].

---

[37] Подробнее см.: *Герман А. А.* Крестьянская война в Области немцев Поволжья // Воен.-ист. исслед. в Поволжье. — Вып. 3. Ч. 2. — Саратов, 1999. — С. 12–27.

[38] Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. — С. 108–137; *Герман А. А., Помогалова О. И.* Как нам помогали выжить: Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья. 1921–1923 гг. — М., 2015.

[39] *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. — С. 67–72, 138–158.

[40] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 675. Л. 4.

[41] См., например: *Безносов А. И.* Защита или нападение: участие причерноморских немцев в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. // Два с половиной века с Россией: актуал. проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии рос. немцев. — М., 2014. — С. 350–361; *Зейналова С.* Немцы на Кавказе; *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). — Томск, 2009; *Кронгардт Г. К.* Немцы в Кыргызстане: 1880–1990 гг. — Бишкек, 1997.

В целом же в местах проживания российских немцев Октябрьский переворот и Гражданская война, утверждение большевизма, как и везде в стране, привели к коренной ломке государственности, общественной жизни, права и морали. Произошли глубинные изменения в социальной структуре российских немцев. Практически были ликвидированы крупное и среднее землевладение, предпринимательство, уничтожены как социальные единицы дореволюционное чиновничество, офицерство старой армии, полиции и т. д.

Террор Гражданской войны, голод, разруха и другие факторы вызвали массовое обнищание, перемещение немецкого населения (беженцы войны и голода), изменившее и демографические характеристики по регионам. В эти же годы был нанесен серьезный удар по церкви и школе. Возникла новая большевистская политическая элита российских немцев, призванная стать инструментом подчинения немцев большевистской власти. На Волге таким инструментом подчинения поволжских немцев стала не только элита, но и предоставленная большевиками в 1918 г. государственность в виде автономной области[42].

Таким образом, в период 1917–1922 гг. естественный процесс развития немецкого населения в России был грубо и насильственно прерван, произошли серьезные изменения важнейших параметров внутреннего содержания и жизнедеятельности немецких этнических групп, уничтожено все их разнообразие и оригинальность, сформировавшиеся в достаточно свободном развитии до 1914 г. Были уничтожены или покинули Россию наиболее талантливые и предприимчивые представители, во многом способствовавшие своей деятельностью прогрессивному характеру развития немцев в дореволюционный период. Попытки защиты старых ценностей различными методами оказались сломленными.

События 1917–1922 гг. стали первым сокрушительным ударом по этнической самобытности и традиционному образу жизни этнических групп российских немцев, положившим начало необратимым процессам их разрушения в советское время.

Как представляется, с победой большевиков в Гражданской войне и образованием СССР завершилось прямое воздействие на российских немцев факторов Октябрьского переворота 1917 г., далее ведущее значение приобретали сформировавшиеся последствия захвата власти большевиками. Последующее развитие страны и национальной политики государства, как в целом, так и по отношению к немцам в частности, определялось большевиками из той ситуации, в которой оказывалась страна после прохождения каждого очередного этапа в своем развитии (нэп, «развернутое наступление социализма по всему фронту», Великая Отечественная война и т. д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баах С.В.* «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2005. — С. 230–235.
2. *Безносов А.И.* Защита или нападение: участие причерноморских немцев в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии рос. немцев: Материалы 14-й междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2014. — С. 350–361.

[42] Подробнее обо всем этом см.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. — С. 12–159; *Шумилова Л.Н.* Указ. соч. — С. 25–65; *Нам И.В.* Указ. соч.; *Brandes D., Savin A.* Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938; *Дённингхаус В.* В тени «Большого брата»; *Ченцов В.В.* Указ соч.

3. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. — М.: РОССПЭН, 2010. — 967 с.
4. *Вашкау Н.Э.* Национальное движение немцев Поволжья в 1917 году // История и культура рос. немцев. Вып. 3. Ч. 1. — Саратов: Изд-во ПАГС, 1996. — С. 75–82.
5. *Вердиева Х.* Ограничение прав подданных враждебных государств в Баку в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы в истории российских немцев: Материалы X междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2004. — С. 513–521.
6. *Верт Н.* 1917. Россия в революции. — М.: АСТ, Астрель, 2003. — 164 с.
7. *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. — Омск: Изд-во ОГИК музея, 2007. — 367 с., ил.
8. *Вибе П., Баах С.* Антинемецкие кампании в сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг.: Материалы 8-й междунар. науч. конф., Москва, 13–16 окт. 2001 г. / Науч. ред. А. Герман. — М.: ЗАО «МДЦ-холдинг», 2002. — С. 34–48.
9. *Вибе П., Баах С.* Положение немцев Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы в истории российских немцев: Материалы X междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2004. — С. 291–303.
10. *Воронежцев А.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг.: Материалы 8-й междунар. науч. конф., Москва, 13–16 окт. 2001 г. / Науч. ред. А. Герман. — М.: ЗАО «МДЦ-холдинг», 2002. — С. 71–94.
11. *Герман А.А.* Крестьянская война в Области немцев Поволжья // Воен.-ист. исслед. в Поволжье. Вып. 3. Ч. 2. — Саратов: Научная книга, 1999. — С. 12–27.
12. *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Готика, 2000. — 270 с.
13. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. — М.: МСНК-пресс, 2007. — 576 с.
14. *Герман А.А., Помогалова О.И.* Как нам помогали выжить: Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья. 1921–1923 гг. — М.: Кучково поле, 2015. — 320 с.
15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 444.
17. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. 728. Оп. 1. Д. 98.
18. *Дённингхаус В.* Революция, реформы и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. — Саратов: Наука, 2008. — 248 с.
19. *Дённингхаус В.* В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2011. — 727 с.
20. *Зейналова С.* Немцы на Кавказе. — Баку: Мутарджим, 2008. — 424 с.
21. Исторический материализм / Под общей ред. проф. Ф.В. Константинова. — М.: Госполитиздат, 1951. — 748 с.
22. История России. XX век: 1894–1939 / Отв. ред. А.Б. Зубов. — М.: АСТ, Астрель, 2009. — 829 с.
23. История российских немцев в документах / Сост. канд. ист. наук В.А. Ауман, д-р ист. наук В.Г. Чеботарева. — М., 1993. — 448 с.
24. *Кронгардт Г.К.* Немцы в Кыргызстане: 1880–1990 гг. — Бишкек: Илим, 1997. — 415 с.
25. *Миронов Б.Н.* Историческая социология России: Учеб. пособие. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2009. — 536 с., ил.

26. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2009. — 500 с.
27. *Нахтигаль Р.* Донские немцы. 1830–1930. — Аугсбург: Woldemar Weber Verlag, 2007. — 244 с.
28. *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Воен.-ист. журн. — 1996. — № 6. — С. 32–42.
29. *Нелипович С.Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. / Ред. И. Плеве. — М.: Готика, 1996. — С. 262–283.
30. *Нелипович С.Г.* Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. — 1997. — № 1. — С. 42–53.
31. Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / Сост. В.Ф. Дизендорф. — М., 2006. — 784 с.
32. *Никонов В.* Крушение России. — М.: АСТ; Астрель, Харвест, 2011. — 932 с.
33. *Осипов Н.* Россия в начале 20 века: прогресс и инерция. URL://http://www.venec.ulstu.ru/lib/go/php?id=28309 (дата обращения: 16 мая 2012 г.).
34. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — 421 с.
35. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 2: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1905. — 334 с.
36. *Плохотнюк Т.Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915–1917 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сент. 1998 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. — М.: Готика, 1999. — С. 223–237.
37. *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. — 362 [5] с., ил.
38. *Савинова Н.В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917: Дис. … канд. ист. наук. — СПб., 2008. — 249 с.
39. *Сталин И.В.* Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики. 1. Речь при открытии совещания 10 мая // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. — М., 1947. — С. 87–89.
40. *Хердт В.* Немецкие колонии в Поволжье в период между революциями 1917 г. // Немцы в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. — М.: Готика, 1999. — С. 271–283.
41. *Ченцов В.В.* Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е гг. — М.: Готика, 1998. — 208 с.
42. *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960–2009-е гг.). — СПб.: Нестор-История, 2009. — 284 с.
43. *Чернов В.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ. Е.А. Каца. — М: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 430 с.
44. *Чернова Т.Н.* Проблемы лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших отечественных исследований) // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2005. — С. 236–245.
45. *Чернова-Дёке Т.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия. — М.: МСНК-пресс, 2008. — 178 с., ил.

46. *Шульга И.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. — М.: МСНК-пресс, 2008. — 176 с.
47. *Шумилова Л.Н.* Становление и эволюция политической элиты немцев Поволжья (1917 г. — конец XX в.): Дис. … канд. ист. наук. — Саратов, 2003. — 270 с.
48. *Bonwetsch G.* Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. — Stuttgart, 1919. — 136 S.
49. *Brandt W., Löwenthal R.* Ernst Reuter — Ein Leben für die Freiheit (Eine politische Biographie). — Münich: Kindler Verlag, 1957. — 118 S.
50. *Brandes D., Savin A.* Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. — Essen: Klartext-Verlag, 2001. — 496 S.
51. *Bruhl V.* Die Deutschen in Sibirien. Bd. 1 / Hrsg. Anton Bosch. — Nürnberg, 2003. — 554 S.
52. *Eisfeld A.* Deutschen Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. — 177 S.
53. *Eisfeld A.* Die Deutschen in Russland und in der Sowjetunion. — Wien, 1986. — 164 S.
54. *Fleischhauer I., Pinkus B.* The Soviet Germans. Past and Present. — London: Palgrave Macmillan, 1986. — 185 p.
55. *Long J.W.* From Privileged to Dispossesed. The Volga Germans 1860–1917. — Lincoln & London, 1988. — 338 p.
56. *Schleuning J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. — Berlin, 1919. — 46 S.

Der Oktoberumsturz 1917 und die Russlanddeutschen

A.A. German

Im Artikel betrachtet der Verfasser die Gründe und die Faktoren der revolutionären Veränderungen in Russland 1917 und der Siege der Bolschewiken im russischen Bürgerkrieg, die einen Einfluss auf das Land, auf das Leben und das Schicksal der russischen Deutschen ausgeübt haben. Das angeführte Beispiel aus der Periode der Bildung und der Frühperiode der deutschen Autonomie zeigt eindeutig, dass die Autonomie und Selbstverwaltung nationaler Minderheiten unter den Bolschewiken nur eines der Instrumente zur Errichtung und Festigung ihrer Macht waren.
In seinem Beitrag kommt der Verfasser zum Schluss, dass der natürliche Prozess der Entwicklung der deutschen Bevölkerung in Russland in den Jahren 1917–1922 grob unterbrochen wurde. Der ethnischen Eigenart und der traditionellen Lebensweise verschiedener ethnischer Gruppen der Russlanddeutschen wurde von der bolschewistischen Macht ein Schlag versetzt, der irreversible Prozesse ihrer Zerstörung in der Sowjetzeit einleitete.

Schlüsselwörter: Oktoberputsch, russischer Bürgerkrieg, Russlanddeutsche, Wolgadeutsche, Kommissariat für deutsche Angelegenheiten im Wolga-Gebiet, deutsche Autonomie, Gebiet der Wolgadeutschen, Selbstverwaltung, Gewalt, propagandistischer Einfluss, Bauernaufstand, Hungersnot.

The October coup d'etat and Russian Germans

A.A. German

The author considers the reasons and factors of revolutionary changes in Russia in 1917 and the victory of the Bolsheviks in Civil War; indicates the changes, which happened in the country and exerted influence on life and destiny of the Russian Germans. The given example of creation and initial functioning of the German autonomy well demonstrates that granting „autonomy" and „self-government" to ethnic minorities was above all an instrument of establishing and strengthening the Bolsheviks' power.
In the conclusion of the article, the author asserts that natural development of the German population in 1917–1922 in Russia was interrupted by a hard blow, which struck the roots of the ethnic identity and a traditional way of life of various Russian Germans ethnic groups causing the beginning of irreversible processes of their destruction during the Soviet period.

Key words: October coup d'etat, Russian Civil War, Russian Germans, Volga Germans, Volga German Central Executive Committee, German autonomy, Volga German Oblast, self-government, violence, propagandistic influence, peasants' uprising, famine.

УДК 351.746.1

В.И. Исаев

Дело консульских агентов и обмен политзаключенными между СССР и Германией в 1926 г.

Исследуются причины и обстоятельства обмена политзаключенными между СССР и Германией, состоявшегося в 1926 г. В историографии советско-германских отношений эта проблема не получила достаточного освещения. В статье впервые показана драматическая судьба консульских агентов Германии в городах закавказских республик СССР, арестованных ОГПУ по обвинению в шпионаже. В действительности консульские агенты стали заложниками в масштабной операции ОГПУ, направленной на освобождение советского военного специалиста В.А. Розе, приговоренного конституционным судом Германии к смертной казни. Источниками для изучения темы стали следственные уголовные дела консульских агентов, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ РФ, а также опубликованные документы МИД Германии.

Ключевые слова: советско-германские отношения, консульские агенты, шпионаж, политзаключенные, ОГПУ, политические судебные процессы.

Несмотря на торжественные заявления о дружественных отношениях между советской Россией и Германией, которые прозвучали при заключении Рапалльского договора 1922 г. и были подтверждены в Московском (1925) и Берлинском (1926) договорах, большевистская партия и подчиненная ей государственная машина СССР, прежде всего ОГПУ, продолжали вести на протяжении 1920-х годов тайную работу по организации пролетарской революции и свержению существовавшего в Германии общественно-политического строя. Одним из последствий этого стали многочисленные случаи арестов немцев на территории СССР.

В статье будут рассмотрены события, связанные с арестами в закавказских республиках СССР нескольких сотрудников консульских учреждений Германии, а также близких к ним немецких и советских граждан. Позднее консульские агенты будут переданы Германии в обмен на советского военного специалиста В.А. Розе (Скоблевского), приговоренного немецким судом к смертной казни. Эти аресты, как выясняется из контекста событий, были в значительной степени и обусловлены развитием переговоров об обмене Скоблевского на граждан Германии, оказавшихся в результате совершенных, а зачастую и мнимых, придуманных ОГПУ преступлений в роли политических заключенных.

Поэтому в связи с делом консульских агентов мы неизбежно должны будем затронуть предшествующие ему конфликтные ситуации в отношениях между СССР и Германией. Во-первых, арест В.А. Розе в связи с делом «германской ЧК», ставшим предметом рассмотрения на процессе Конституционного суда Германии по защите республики в Лейпциге в феврале — апреле 1925 г. Во-вторых, московский показательный процесс в июне-июле 1925 г. против студентов берлинского университета — Киндермана, Вольшта и фон Дитмара.

Говоря об историографии темы, следует отметить, что проблемы советско-германской «странной дружбы» в 1920-х годах достаточно подробно освещены в отечественной

© В.И. ИСАЕВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 113–125.

и зарубежной историографии; в постсоветской литературе особенно подробно рассмотрены вопросы военного сотрудничества двух стран, оказавшихся после Версальского мира изгоями среди других стран Европы[1]. В то же время конфликтные ситуации, связанные с арестами граждан Германии на советской территории, пока остаются слабо изученными. Имеется лишь несколько публикаций о событиях вокруг процессов Скоблевского и немецких студентов, но при этом многие вопросы остаются невыясненными[2].

До настоящего времени арест сотрудников консульств Германии и обстоятельства их освобождения в историографии советско-германских отношений практически не освещались. Поэтому необходимо подробно рассмотреть дело консульских агентов, в особенности ход следствия и внешние обстоятельства дела, в частности, долгую и сложную историю переговоров об освобождении и возвращении в Германию немецких политзаключенных.

Источниками для освещения темы служат материалы по делу консульских агентов, хранящиеся в центральном архиве ФСБ РФ (шесть томов следственных уголовных дел), опубликованные документы МИДа Германии, собранные в многотомном издании „Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (ADAP). 1918–1945“ (Документы внешней политики Германии)[3], а также сведения из мемуарной и научной литературы. О том, что ситуация с обменом политзаключенными занимала в советско-германских отношениях в 1926 г. довольно важное место, говорит тот факт, что в названном собрании документов внешней политики Германии этой теме посвящен специальный раздел под названием «Советский союз: обмен политическими заключенными», включающий обширную коллекцию документов.

После подписания договора в Рапалло для немцев, находившихся в СССР или приезжающих в страну по различным делам, казалось бы, должна была сложиться благоприятная ситуация, позволявшая им выступать в роли посредников в развитии немецко-российских отношений. Однако реальность была далека от благополучной картины. ОГПУ, которое продолжало считать Германию одним из главных врагов СССР, согласно циркулярному письму начальника КРО (контрразведывательного отдела) Артузова от 9 июля 1924 г., разворачивает специальную операцию по противодействию немецкому шпионажу[4]. Для борьбы с немецкими шпионами ОГПУ намечало провести ряд оперативно-разыскных мероприятий, в т. ч. «…поставить на должную высоту контроль передвижения немецких граждан, особенно прибывших из-за границы и связанных с немецкими учреждениями»[5].

В результате интенсивных действий ОГПУ по выявлению шпионов к 1926 г. в СССР было арестовано около двух десятков граждан Германии, которые, как правило, содержались во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. Некоторые из них к моменту описываемых событий были уже осуждены. Консульские агенты стали очередной

---

[1] *Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 гг. — М., 1974; *Горлов С.А.* Совершенно секретно: альянс Москва — Берлин. 1920–1933. — М., 2001; *Трухнов Г.М.* Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.). — Минск, 1982; *Hilger G.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. — Frankfurt a. M., 1955; *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. — Frankfurt a. M., 1989.

[2] *Cecil L.* The Kindermann Wolscht Incident: An Impasse in Russo-German Relations 1924–1926 // Journ. of Central European Affaire. — Vol. 1961/62. — № . 21. — P. 188–199; *Исаев В.И.* 1) ОГПУ и российско-германские отношения в 1920-е гг. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. — 2008. — Т. 7. — Вып. 1: История. — С. 66–80; 2) «Они хотели убить Сталина». ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. — Новосибирск, 2005.

[3] Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (далее — ADAP). 1918–1945. Ser. A, B. — Göttingen, 1956–1995.

[4] *Исаев В.И.* ОГПУ и российско-германские отношения в 1920-е гг. — С. 67.

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 317. Л. 42–44.

крупной добычей чекистов. Уголовное дело против них обещало вырасти в еще один громкий процесс о шпионаже немецких граждан против СССР.

Как уже отмечено, дело консульских агентов невозможно рассматривать в отрыве от упомянутых судебных процессов и в целом весьма сложного контекста отношений между СССР и Германией, сложившихся к середине 1920-х годов. Прежде всего, следует отметить, что само это дело, скорее всего, было продолжением советского ответа на процесс, состоявшийся в Лейпциге в феврале-апреле 1925 г. по делу «германской ЧК». На нем в числе других обвиняемых перед судом предстал и был приговорен к смертной казни советский военный специалист Вольдемар Рудольфович Розе, на процессе он проходил под вымышленной фамилией Скоблевский. После процесса ОГПУ поставило перед собой задачу — любой ценой спасти Розе от казни и вызволить его из немецкой тюрьмы.

Ответным ходом советской стороны стал многодневный показательный процесс над тремя немецкими студентами, состоявшийся в Москве в июне-июле 1925 г., на котором обвиняемые также были приговорены к смертной казни. Как и предполагали многие участники и наблюдатели этих событий, студенты были взяты ОГПУ как заложники, как объект торга с Германией в переговорах об освобождении Розе.

Два этих громких процесса, последовавшее через некоторое время помилование приговоренных в Москве и Лейпциге и отмена смертной казни, а затем обмен заключенными почти заслонили собой дело консульских сотрудников, которое осталось в тени, почти не замеченным широкой общественностью ни в то время, ни позднее. А между тем судьба сотрудников консульств Германии поначалу складывалась не менее трагично, чем судьба трех немецких студентов.

Рассматривая дело консульских агентов, необходимо пояснить, какой статус они имели, что представляли собой эти люди, вовлеченные в большую игру между двумя государствами. Консульские агенты должны были представлять интересы Германии в отдаленных от Москвы местностях, по нормам международного права они обладали в определенной степени статусом дипломатических лиц. Консульские агенты подбирались посольством Германии из тех немецких граждан, которые по каким-либо причинам уже проживали в СССР, или в некоторых случаях даже из числа немцев, являвшихся ранее российскими гражданами. Например, консульский агент Германии в Баку Теофил Экк родился в Петербурге в 1865 г., имел большое поместье на Кавказе, после национализации имущества в ходе революции 1917 г. занимался торговлей в Баку. С 1924 г. Экк по просьбе посольства Германии вынужден был замещать отстраненного от дел, а позднее арестованного ОГПУ бывшего бакинского консула Э. Бёме.

Консульский агент в Поти Александр Шмитц проживал в России с 1913 г., вел торговую деятельность в городах Кавказа, после начала мировой войны в 1914 г. был интернирован в Вятке, после революции вернулся в Поти и продолжал заниматься коммерческой деятельностью. В 1922 г. параллельно со своими основными занятиями стал исполнять обязанности консульского агента Германии в Поти, хотя консульство в Поти не было официально признано советской стороной. Тем не менее в уголовном деле содержится удостоверение консульского агента в Поти на имя Шмитца, выданное 10 мая 1924 г. германским консулом в Тифлисе.

Карл Фогелей, консульский агент в Батуми, бывший капитан германской армии, в 1920 г. остался в России, в 1921 г. переехал в Тифлис, работал в качестве эконома в немецком лазарете, а затем перешел в фирму, открытую в Тифлисе бывшим консулом Дании в Батуми господином Варнике. Обязанности консульского агента в Батуми К. Фогелей выполнял с 1924 г.

Несмотря на доверительные отношения, сложившиеся у наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина с послом Германии графом фон Брокдорф-Ранцау, их совместные попытки избежать в 1925 г. громкого скандала в ходе лейпцигского

и московского процессов потерпели неудачу. Возникла угроза обострения в отношениях между Германией и СССР. Однако после отмены смертной казни в октябре-ноябре 1925 г. для фигурантов обоих процессов открылась перспектива переговоров между Германией и СССР о возможном обмене заключенными. Вместе с тем многие влиятельные лица в правительственных кругах Германии, особенно представители военного и юридического ведомств, категорически высказывались вообще против ведения таких переговоров. Об этой позиции стало известно ОГПУ. Поэтому можно предположить, что арест консульских агентов в декабре 1925 г. явился еще одним средством давления со стороны ОГПУ, вынуждавшего правительство Германии пойти на переговоры об обмене Скоблевского на арестованных в СССР или уже осужденных немцев.

Дело об агентах было представлено ОГПУ как широкомасштабная операция по выявлению и ликвидации шпионской группы, работавшей на разведывательные службы Германии. В конце декабря 1925 г. прошли аресты консульских агентов Германии: в Баку — Т. Экка, в Тифлисе — К. Корнельсена, в Батуми — К. Фогелея, в Поти — А. Шмитца; затем всех их свезли в Тифлис. В декабре 1925 г. грузинские чекисты провели предварительные допросы арестованных, им были предъявлены обвинения в шпионаже. Однако арестованные немцы эти обвинения отрицали.

На помощь грузинским чекистам из Москвы прибыли опытные следователи ОГПУ, в частности, успешно осуществивший следствие по делу немецких студентов М. Розенфельд, ставший к тому времени помощником начальника 8-го отделения КРО ОГПУ. Видимо, благодаря опыту московских чекистов, им удалось склонить к сотрудничеству некоторых из арестованных, в частности, бывшего консула Германии в Баку Эриха Бёме.

Бёме был арестован 6 декабря 1925 г. в Баку, а затем доставлен в Тифлис. 25 декабря 1925 г. в здании грузинской Чека[6] М. Розенфельд провел очную ставку между Э. Бёме и К. Фогелеем[7]. Из протокола очной ставки можно видеть, что к тому времени Бёме был готов повторять все то, что ему подсказывали чекисты. В частности, он заявил, что Фогелей в 1921 г. был прислан в Тифлис именно для ведения разведывательной деятельности. Только для прикрытия он работал в качестве эконома в немецком лазарете, продолжал разведдеятельность, работая и в фирме господина Варнике. Таким образом, следствие по делу консульских агентов с самого начала пошло по отработанному Розенфельдом в деле немецких студентов сценарию: один из подозреваемых оговаривает остальных арестованных, несмотря на отрицание теми своей вины.

В начале 1926 г. арестованные были переданы в Москву, где развернулось длительное следствие. Консульским агентам были предъявлены обвинения в шпионаже против СССР по ст. 66 УК РСФСР, что грозило им высшей мерой наказания — смертной казнью. Обвинение в шпионаже строилось на том очевидном факте, что консульским агентам вменялось в обязанность собирать и отсылать посольству Германии в Москве информацию о состоянии дел в обслуживаемой ими местности, прежде всего об экономическом положении, для оценки возможностей развития торговли и предпринимательства между СССР и Германией. Сбор информации чекисты представили как экономический и военный шпионаж, оставалось только добиться соответствующих признаний от обвиняемых. Кроме того, к делу были искусственно привязаны события, произошедшие в Батуми в феврале-марте 1925 г., когда из квартиры командира воинской части Никанорова были похищены секретные документы. В связи с этим были арестованы несколько советских граждан, которые в свою очередь принимались в семье консульского агента в Батуми К. Фогелея.

---

[6] В закавказских республиках по-прежнему в документах название органов госбезопасности обозначалось как Закавказская Чека.

[7] Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее — ЦА ФСБ). Д. Р-47 404. Т. 3. Л. 29.

Судя по протоколам допросов, чекисты не особенно утруждали себя поиском объективных доказательств шпионской деятельности консульских агентов, предпочитая добиваться собственных признаний обвиняемых. Последние в большинстве отрицали свою вину. Но, используя отработанные уже в деле немецких студентов приемы, Розенфельду удалось склонить к сотрудничеству консульского агента в Поти Александра Шмитца.

Шмитц был арестован 16 декабря 1925 г. Ему было предъявлено обвинение, как и остальным, в шпионаже против СССР. Судя по протоколу его допроса от 16 декабря 1925 г. (формально он еще не был арестован, но, видимо, находился уже в качестве задержанного в камере, ордер на его арест выписан 21 декабря)[8], Шмитц уже на первых допросах испугался и начал давать показания, которые при желании можно было интерпретировать как признание в шпионской деятельности.

В Москве вести допросы Шмитца было поручено Розенфельду, который умел оказывать нужное воздействие на подследственного. В результате Шмитц уже в январе 1926 г. практически согласился с тем, что он являлся германским шпионом. Вместе с тем Шмитц заявлял, что идеологически он порвал с буржуазным правительством Германии и сочувствовал большевистской партии и делу строительства социализма в СССР. Он пытался завоевать доверие Розенфельда рассказами о своей деятельности в пользу СССР. В частности, он сообщил, что получил от консула распоряжение арестовать и переправить в Германию матроса Э. Беккера, кочегара немецкого парохода «Стиннес», который намеревался остаться в Поти. Однако, по словам Шмитца, он не только не арестовал матроса, но и помог ему уехать в Америку, что, по его мнению, следует рассматривать как доказательство его социалистических убеждений и симпатий к СССР.

Говоря о поведении Шмитца, стоит особо подчеркнуть, что пребывание в советских тюрьмах, а тем более в тюрьме ОГПУ на Лубянке, было тяжелым испытанием для немцев, привыкших к чистоплотности и уважительному отношению к личности. О том, как реагировали немцы на условия содержания в советских тюрьмах, можно судить по одному из примеров, ставшему известным в ходе проведенного в 1928 г. знаменитого шахтинского процесса. Арестованный по этому делу немецкий инженер Франц Гольдштейн был посажен в тесную камеру, где кроме него находились семь человек, некоторые из них были больны туберкулезом. Гольдштейна в течение восьми дней после ареста не вызывали на допросы, это была своеобразная чекистская тактика доведения арестованного до кондиции. Позднее, уже после своего освобождения, инженер в беседе с министром иностранных дел Германии Г. Штреземаном заявил, что если бы у него при аресте не отобрали подтяжки, то он, наверное, повесился бы в камере — так велики были его мучения[9].

Людям со слабой нервной системой нахождение в советской тюрьме действительно приносило настолько серьезные мучения, что они готовы были на все, только бы вырваться на свободу. Подтверждением этого как раз и являются поведение на допросах и неординарные поступки Александра Шмитца во время заключения в тюрьме на Лубянке. В короткий срок он оказался морально сломленным и был готов делать все, только бы получить надежду на освобождение. В частности, в томе уголовного дела имеется заявление Шмитца в коллегию ОГПУ, в котором он предлагает завербовать его и послать с заданием в Германию. «Не знаю, — пишет он, — имею ли я право просить после преступлений, совершенных в отношении СССР, но прошу поверить в мою искренность, я откровенно сознался и признал себя виновным, я долго работал в германской разведке и вреда вам принес много. Но с моим опытом я мог бы принести пользу СССР. Если бы меня выпустили на свободу, я в Германии мог бы оказывать вам услуги, раскрыл бы интриги против СССР, выявил бы военную мощь Германии»[10].

---

[8] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 4. Л. 3.

[9] Шахтинский процесс 1928 г.: Подготовка, проведение, итоги. — Кн. 1. — М., 2010. — С. 848.

[10] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 4. Л. 141.

Совершенно очевидно, что такое предложение со стороны арестованного было нехитрой уловкой в надежде вырваться на свободу. Не удивительно, что чекисты оставили его без ответа. О моральной подавленности Шмитца свидетельствуют и следующие пассажи в его заявлении: «Мое пребывание во внутренней тюрьме открыло мне глаза на множество вещей и истинные причины. Я должен сказать, что внутренняя тюрьма это не место заключения, а есть действительная школа, и я понял, что я боролся слепо за несуществующие интересы Германии или, вернее, за колонию Антанты, и лишь только в союзе с СССР можно добиться подлинного освобождения Германии»[11].

Несмотря на готовность Шмитца к сотрудничеству с чекистами, условия заключения для него оставались прежними. 14 мая 1926 г. ему в очередной раз был продлен срок содержания под стражей. Видимо, объявление об этом настолько угнетающе подействовало на Шмитца, что он предпринял в камере попытку самоубийства, перерезав себе вены, но был доставлен в тюремную больницу, а затем вновь оказался в камере.

Карл Киндерман, встретивший Шмитца в тюремной камере на Лубянке 11 сентября 1926 г., во время подготовки партии политзаключенных к отправке в Германию, в своей книге пишет, что Александр производил впечатление крайне измученного человека. Он показал Киндерману шрамы на руках и признался, что хотел свести счеты с жизнью. Состояние Шмитца было удрученным; вполне возможно, он опасался, что о его попытке стать агентом ОГПУ станет известно в Германии[12].

Одним из способов давления на К. Фогелея и А. Шмитца ОГПУ избрало арест их жен, которые опрометчиво приехали в Москву, надеясь с помощью посольства Германии добиться освобождения своих мужей. Кара-Мария Фогелей, приехавшая в январе, остановилась в посольстве Германии и пыталась побудить сотрудников посольства более активно участвовать в защите и освобождении консульских агентов. 21 января 1926 г. К.-М. Фогелей была арестована во время визита на Лубянку, ей было предъявлено обвинение по ст. 66 (шпионаж) и 68 (недонесение о преступлении) УК РСФСР.

Из протоколов допросов видно, что чекисты не прогадали с ее арестом. Кара-Мария была готова пойти на сотрудничество со следствием ради спасения своего мужа. В частности, она подробно рассказала чекистам о том, как реагируют сотрудники посольства Германии в СССР на арест консульских агентов и какова вообще обстановка в посольстве. Интересно, что по ее словам дипломатические сотрудники почти наверняка знали о том, что один из низших чиновников посольства является шпионом ОГПУ. Динстман, один из высших сотрудников посольства, говорил Фогелей, что в здании посольства нельзя в полный голос обсуждать события вокруг ареста консульских агентов, т. к. все это становится известным ОГПУ.

Кроме того, Кара-Мария сообщила, что Динстман запретил ей упоминать в письме Варнике, что дело консульских агентов идет аналогично сценарию по делу немецких студентов. В письме, которое ей не разрешили отослать, Фогелей писала, что германское правительство в деле освобождения консульских агентов действует так же вяло, как и в случае с немецкими студентами[13].

На допросах Кара-Мария Фогелей подтвердила, что ее муж действительно выполнял поручение Варнике, бывшего консула Дании в Батуми, который вел, по ее словам, не совсем легальную торговую деятельность. Но военными вопросами ее муж по поручению Варнике не занимался. Однако для чекистов даже такие сведения уже давали возможность оказывать давление на ее мужа.

Кроме того, Фогелей рассказала чекистам, что ее муж возмущался действиями консульского агента в Тифлисе Корнельсона, который подкупал советских чиновников,

[11] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 4. Л. 141.

[12] *Kindermann K.* Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern. Der Moskauer Studentenprozess und die Arbeitsmethoden der OGPU. — Berlin; Leipzig, 1931. — S. 212.

[13] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 5. Л. 339 об.

давая немалые взятки, чтобы те позволяли ему выезжать на рыбалку в нейтральные воды, близкие к границе Турции. Муж говорил ей, что по приезде в Германию он доложит об этих нечистоплотных действиях Корнельсона. Разумеется, эти сведения были использованы чекистами для обвинений консульского агента в передаче добытых шпионских сведений через Турцию.

Кара-Мария ко времени нахождения на Лубянке была больна, у нее подозревали туберкулез. Даже проводивший ее допросы следователь проникся сочувствием к ней и представил начальству записку о необходимости изменения ей меры пресечения и освобождения под подписку о невыезде. Однако ее оставили в тюрьме, правда в июле 1926 г. все же поместили в тюремную больницу[14].

Жена А. Шмитца Ксения Максимовна (до замужества Георгадзе) была арестована 14 января 1926 г., когда попыталась принести передачу мужу. Ей пообещали свидание с ним, провели внутрь помещения и арестовали. До ареста она (так же как и Кара-Мария Фогелей) находилась в германском посольстве. И ей было предъявлено обвинение по ст. 68 УК РСФСР о недонесении о шпионской деятельности.

Ксения Максимовна, считая себя искренним советским патриотом, пыталась добиться своего освобождения, обратившись непосредственно с письмом к Ф.Э. Дзержинскому. В заявлении она подчеркивает заслуги двух своих братьев перед революцией, а также свои заслуги на ниве народного просвещения (она работала учителем). Одновременно она пытается оправдать мужа, который, по ее словам, не вел никакой враждебной деятельности против СССР и, более того, приносил только пользу советскому строю своим честным трудом[15]. Но все ее доводы не были услышаны, она оставалась в заключении.

Арестованные по делу консульских агентов возлагали большие надежды на помощь со стороны Германии, которая должна была бы решительно вступиться за своих граждан. Однако можно заметить, что, как и в деле немецких студентов, действия Германии были запоздалыми и не очень решительными. Похоже, что судьба консульских агентов не очень волновала германское правительство, хотя оно и предпринимало некоторые шаги по их защите и освобождению. В противовес такому поведению можно отметить, что совершенно иначе реагировала Германия на аресты сотрудников АЕГ в 1928 г., которых ОГПУ арестовало, чтобы продемонстрировать связь обвиненных по шахтинскому делу инженеров с международным капиталом.

О достаточно прохладной реакции посольства Германии в СССР на арест консульских агентов можно судить хотя бы по тому факту, что советник посольства Хильгер, игравший важную роль в налаживании советско-германских отношений, в своих мемуарах, подробно описав события вокруг процесса Киндермана и его товарищей, которые закончились обменом в 1926 г. на Скоблевского и трех немецких граждан, лишь мимоходом упоминает, что вместе со студентами свободу и возвращение в Германию получили и другие немцы, находившиеся к тому времени в руках ОГПУ[16].

К делу консульских агентов был притянут также учитель математики школы немецкой колонии на Кавказе Еленендорф Пауль Лоренц. На момент ареста ему было 38 лет. Он попал в Россию в составе германских войск, после ноябрьской революции 1918 г. остался на Украине, позднее перебрался в Москву. Вина Лоренца для чекистов усугублялась тем, что он с октября 1920 г. по май 1922 г. был личным секретарем советника германского посольства Хильгера, который в то время возглавлял миссию германского Красного Креста. С 1922 г. Лоренц работал учителем математики в Еленендорфе. Арест его после работы у Хильгера был для чекистов само собой разумеющимся. Против него у чекистов не было серьезных доказательств о каком-либо сборе сведений,

[14] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 5. Л. 392.
[15] Там же. Т. 4. Л. 265.
[16] *Hilger G.* Op. cit. — S. 147.

однако, по мнению чекистов, Лоренц несомненно был связан с Бёме, Экком, а также ранее высланным из СССР за шпионаж немецким гражданином Искелем.

В отличие от других арестованных по делу консульских агентов, Лоренц в начале 1926 г. продолжал содержаться в тюрьме грузинской Чека. Видимо потому, что чекисты не смогли найти никаких зацепок, чтобы достаточно уверенно обвинить Лоренца в причастности к шпионажу. Только 19 февраля 1926 г. было принято постановление, утвержденное начальником секретно-оперативного управления Закавказской Чека Л.П. Берией, о переправке Лоренца в Москву на Лубянку и объединении его дела с делом консульских агентов[17]. Однако и московские чекисты не смогли выжать из Лоренца каких-либо признаний в шпионаже, поэтому к моменту достижения положительных результатов в переговорах об обмене политзаключенными следствие по делу Лоренца все еще не было закончено, хотя допросы практически прекратились.

В июле 1926 г. следствие по делу консульских агентов практически завершилось. Полученных от Бёме и Шмитца признаний, по мнению чекистов, было вполне достаточно для передачи дела в суд, несмотря на отрицание своей вины другими подследственными. Как отметил сотрудник посольства Германии в Москве Динстман в беседе с Кара-Марией Фогелей, «нужно отдать должное ГПУ, подготавливать процессы оно блестяще умеет. В ГПУ сидят умные головы, так что, вероятно, и это дело будет также блестяще проведено, как и дело студентов»[18]. Однако передавать дело в суд ОГПУ не спешило, решив использовать угрозу открытия очередного громкого процесса против немецких граждан для давления на Германию в переговорах о выдаче СССР Скоблевского.

Переговоры об обмене политзаключенными между Германией и СССР встали на повестку дня после заключения Берлинского договора от 24 апреля 1926 г. Германский посол в СССР граф Брокдорф-Ранцау 22 мая 1926 г. отправил в МИД Германии секретную телеграмму, в ней он сообщал, что Чичерин упомянул в разговоре с ним о возможности очистить советско-германские отношения от груза прежних недоразумений, освободив всех политических заключенных — граждан другой стороны — и разрешив им выехать на родину[19].

В свою очередь министр иностранных дел Германии Г. Штреземан в телеграмме послу в Москве сообщил, что советский посол Н. Крестинский в беседе с ним также поставил вопрос о помиловании Скоблевского и других политических заключенных в Германии с тем, чтобы обменять их на германских граждан, находившихся в тюрьмах СССР.

МИД Германии передал советскому посольству список из 14 немецких граждан, которых немецкая сторона хотела бы получить в результате обмена. В список были включены следующие лица: арестованные по делу консульских агентов супружеские пары Шмитц и Фогелей, Корнельсен, Экк, а также немецкие студенты Киндерман и Вольшт, находившаяся в ссылке в Сибири Анна Аух, служащий «Юнкерса» Шоль, учитель Лоренц и три коммерсанта, арестованные в Ленинграде: Байер, Арендт и Мюллер[20].

Таким образом, уже в мае 1926 г. между внешнеполитическими ведомствами СССР и Германии было в основном достигнуто взаимопонимание и практически был согласован список лиц, подлежащих обмену. Штреземан заявил, что вместе со Скоблевским Германия будет готова выдать одного из руководителей компартии Германии Маслова. При этом он отметил, что, несмотря на общую постановку советской стороной вопроса о выдаче СССР всех советских граждан, являвшихся политзаключенными, ему не известно о каких-либо арестах или приговорах против других советских граждан, кроме Скоблевского[21].

---

[17] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 5. Л. 241.
[18] Там же. Т. 4. Л. 339–340.
[19] ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 475.
[20] Ibid. S. 476.
[21] Ibid. S. 477.

Однако поначалу переговоры об обмене шли очень трудно. С советской стороны они осложнялись еще и тем, что по делам Шоля и Лоренца продолжалось следствие и не было принято какого-либо решения. Посол Брокдорф-Ранцау 13 июня 1926 г. направил в МИД Германии телеграмму, в которой сообщил, что советская сторона кроме Скоблевского и Маслова требует выдать гражданина Германии Роберта Озоля, арестованного за шпионскую деятельность в пользу СССР. Кроме того, за помилование немецких коммерсантов советская сторона требует выдать с территории Германии восемь советских граждан, совершивших тяжкие преступления против советских законов[22]. Таким образом, первоначальные ожидания немецкой стороны возможного быстрого помилования всех немецких граждан и их освобождения не оправдались. Советская сторона решала выжать из предстоящего обмена все возможное и получить от немецкой стороны максимальную выгоду.

Ранцау предупредил германский МИД, что договоренности с Литвиновым и Чичериным необходимо использовать как можно скорее и соглашаться на помилование и выдачу Скоблевского, Маслова и Озоля, т. к. других средств давления на советское правительство у Германии практически нет. В этой ситуации посол предложил Штреземану обменять в первую очередь политически важных заключенных: Киндермана и Вольшта, а также шесть человек, арестованных по делу консульских агентов. Надеясь на скорое решение вопроса германской стороной, посол даже запросил у своего МИДа приблизительные сроки выдачи Скоблевского, Маслова и Озоля с тем, чтобы своевременно подготовить заключенных в СССР немцев для переправки в Германию[23].

Однако в Берлине не спешили с положительным ответом. 19 июня Ранцау получил из Берлина телеграмму о том, что в германском правительстве идут сложные переговоры по поводу обмена. 2 июля 1926 г. один из высших сотрудников МИДа Германии Вальрот обобщил ситуацию в докладной записке, в которой он по-прежнему включал в список 14 граждан Германии, осужденных или находящихся под следствием в СССР. При этом Вальрот отмечал, что министерство юстиции и верховный прокурор Германии высказывают серьезные возражения против помилования и освобождения Скоблевского[24].

Как пытался доказать посол Брокдорф-Ранцау, кроме выдачи СССР Скоблевского, другого средства освободить немецких граждан просто нет. На все усилия посольства Германии решить вопрос об их помиловании советское правительство отвечало, что у него якобы нет возможности повлиять на решения ОГПУ или советского суда, которые действуют в соответствии с советскими законами и правовыми критериями. Очевидно, что в данном случае с советской стороны проявлялось неприкрытое лукавство, т. к. всем было известно, что прерогатива принятия решения принадлежала Политбюро ЦК ВКП(б).

Таким образом, в переговорах возникла тупиковая ситуация: немецкая сторона не готова была выдать СССР Скоблевского, а с советской стороны обмен казался слишком неравным, поэтому советские власти не хотели отдавать всех арестованных граждан Германии. Однако у Скоблевского были, видимо, довольно высокопоставленные покровители (скорее всего, в этой роли выступал заместитель председателя ОГПУ Й. Уншлихт). По большому счету советская сторона была готова обменять даже одного Скоблевского на десяток граждан Германии. Находившийся в Берлине легион-секретарь германского посольства в Москве Хенке предоставил министру иностранных дел Штреземану докладную записку, в которой подчеркнул: «не подлежит сомнению, что русские готовы отдать за Скоблевского любую цену и будут сильно обозлены, если они его не получат. Господин посол [имеется в виду Ранцау — *В.И.*]

[22] ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 11.
[23] Ibid. S. 12.
[24] Ibid. S. 74–76.

опасается, что мы можем получить еще более худшие условия, если не согласимся на выдачу Скоблевского»[25].

Сам посол Ранцау направил телеграмму в Берлин, которую он предлагал показать кроме министра иностранных дел президенту или канцлеру, где заявил о своем намерении специально приехать в Берлин, чтобы убедить всех несогласных в правительстве в необходимости выдачи Скоблевского[26].

Особенно яростным противником выдачи Скоблевского в правительстве Германии выступал военный министр О. Геслер. На одном из правительственных совещаний он даже заявил, что, если арестованные немцы совершили в России преступление, пусть их там и казнят. Он не даст за их освобождение ни пфеннига, более того, он готов еще и других подобных немцев в Россию отослать[27]. (Правда, такое резкое заявление относилось прежде всего к студентам, поездку которых в СССР многие в Германии расценивали как глупую юношескую авантюру.) Освобождение же Скоблевского, виновного в подготовке государственного переворота, по мнению Геслера, будет компрометировать правительство Германии и поощрять новые попытки коммунистов свергнуть существующий строй.

Почувствовав колебания правительства Германии по поводу помилования и выдачи Скоблевского, советская сторона стала открыто угрожать проведением жестких процессов против консульских агентов и служащего «Юнкерса» Шоля, которые обязательно должны были закончиться смертным приговором[28]. Процесс над Шолем, кроме того, неизбежно вызвал бы огласку данных о секретном военном сотрудничестве между СССР и Германией.

В обзоре, подготовленном Министерством иностранных дел Германии для заседания правительства по поводу выдачи Скоблевского, подчеркивалось, что в случае проведения процесса против консульских агентов, согласно уже известной русской практике, можно с полной уверенностью ожидать смертного приговора для самих агентов и длительных сроков заключения для их жен. В обзорной записке подчеркивалось, что «русские готовы, так же как и в случае Киндермана-Вольшта, использовать полученные под давлением признания третьего лица, так что невозможно будет по формальным причинам опровергнуть предъявленное обвинение»[29].

Возможный выигрыш от обмена заключенными для советско-германских отношений оценивался МИДом Германии очень высоко, т. к. это подчеркивало бы значение Берлинского договора и особого характера советско-германских отношений. Однако в правительстве Германии по-прежнему сильные позиции имели яростные противники обмена, главные их доводы заключались в том, что помилование Скоблевского будет являться поощрением для русских в будущем вновь посылать эмиссаров для организации революции, которых при необходимости можно будет подстраховать произвольными арестами каких-либо немецких граждан. На эти возражения представители МИДа и другие сторонники выдачи Скоблевского отвечали, что советская сторона уже отказалась от экспорта революции и, кроме того, сам Скоблевский никогда уже не вернется в Германию, т. к. в случае появления там его приговор вновь вступит в силу.

Министерство иностранных дел Германии решительно отстаивало в правительстве свою позицию, доказывая необходимость выдачи Скоблевского. «Мы должны прежде всего думать о том, как освободить приговоренных к смерти или длительному лишению свободы немецких граждан. Во-вторых, мы должны заботиться о том, чтобы наши

[25] ADAP. Serie B. Bd. II. 2. S. 112.
[26] Ibid. S. 122.
[27] Ibid. S. 130.
[28] Ibid. S. 110.
[29] Ibid. S. 185.

отношения с Россией не были надолго осложнены этим конфликтом, который грозит поставить под вопрос всю нашу политику в отношении России. И, в-третьих, мы должны избежать международного скандала, который возникнет в случае открытого освещения наших военных связей с Россией и который приведет к опасным последствиям для всей нашей внешней политики»[30].

Под воздействием всех этих аргументов 12 августа правительство Германии наконец приняло окончательное решение о помиловании Скоблевского и его выдаче советской стороне. 20 августа указ о помиловании был подписан президентом Гинденбургом. Также было принято решение о передаче советской стороне трех немецких граждан (супругов Лоссин и Роберта Озоля), осужденных немецким судом за шпионаж в пользу СССР.

Теперь посольства обеих стран получили возможность начать конкретные переговоры об окончательном списке немецких граждан, подлежащих обмену, и о дате обмена. 28 августа 1926 г. статс-секретарь МИДа Германии К. фон Шуберт встретился с заместителем посла СССР С. Бродовским и еще раз перечислил всех немецких заключенных, которых Германия хотела бы получить в обмен на Скоблевского, включая также Шоля и Лоренца. Бродовский попытался возражать, что следствие против Шоля и Лоренца еще не закончено, поэтому они должны будут остаться в СССР. В свою очередь Шуберт выразил недоумение по поводу того, что, несмотря на заявления, что следствие по делу Лоренца все еще продолжается, его, насколько известно немецкому посольству в Москве, уже в течение нескольких недель не вызывают на допрос. Шуберт категорически заявил, что все немецкие граждане должны выехать одновременно. Только в этом случае можно будет считать, что достигнут приемлемый результат всех переговоров.

Бродовский высказал серьезное недовольство советской стороны тем, что газета «Берлинер Тагеблатт» уже опубликовала список 14 немецких граждан, которые должны быть освобождены СССР. При этом было сказано, что все эти люди были арестованы только для того, чтобы вынудить Германию освободить Скоблевского. Бродовский подчеркнул, что эта статья создала советскому правительству большие сложности, поэтому оно надеется, что подобные публикации в немецкой прессе будут остановлены. Шуберт согласился с тем, что шум в прессе в данном случае обеим сторонам ни к чему, и пообещал, что правительство Германии предпримет все действия для того, чтобы предотвратить появление подобных статей в немецкой прессе. В заключение беседы Шуберт попросил Бродовского как можно скорее назвать окончательную дату выезда немецких граждан из СССР[31].

Окончательная дата обмена политзаключенными была определена в течение первой декады сентября 1926 г. 11 сентября М. Литвинов передал немецкому посольству в Москве акты о помиловании и согласие на освобождение всех указанных немецкой стороной 14 граждан Германии. 12 сентября в специальном вагоне, прицепленном к поезду Москва-Ленинград, под охраной чекистов помилованные граждане Германии выехали в Ленинград, где, «погостив» у местных чекистов в «Большом доме», были переданы представителям Германии и доставлены на немецкий корабль «Пруссия». 16 сентября 1926 г. все немецкие политзаключенные были доставлены на родину[32].

Так, относительно удачно для немецких граждан, переживших ужасы советских тюрем, закончилась эта эпопея. Однако последствия этой истории еще долго сказывались на их дальнейшей жизни. Стоит отметить, что всем участникам обмена было запрещено давать какие-либо интервью о происходивших с ними в СССР несчастьях, рассказывать о своем пребывании в тюрьмах ОГПУ. Правительство Германии пыталось

[30] ADAP. Serie B. Bd. II. 2. S. 190–191.
[31] Ibid. S. 241–242.
[32] Op. cit. Serie B. Bd. II. 1. S. 976; *Kindermann K.* Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern. — S. 214.

таким образом избежать обсуждения широкой общественностью факта помилования и выдачи Скоблевского. Также оно старалось выполнить обещания, данные советской стороне, что вся история с обменом не получит широкой огласки. Может быть, еще и по этой причине дело консульских агентов было вскоре благополучно забыто.

В годы перестройки в СССР и в постсоветской России большинство уголовных дел советского периода, в которых содержались политические обвинения в антисоветской, шпионской или вредительской деятельности, были рассмотрены заново. Материалы следствия по делу консульских агентов Германии явно свидетельствовали о том, что обычная для консульских агентов деятельность по сбору информации для посольства Германии была представлена чекистами как шпионаж. 7 сентября 1999 г. генеральной прокуратурой РФ было принято решение о снятии обвинения и реабилитации как всех граждан Германии, проходивших по делу, так и граждан СССР[33]. Факт реабилитации еще раз убедительно подтверждает, что арестованные граждане Германии выполняли роль заложников в руках советских властей в ходе сложной политической игры, разворачивавшейся во взаимоотношениях между двумя государствами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 гг. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 303 с.
2. *Горлов С.А.* Совершенно секретно: альянс Москва — Берлин. 1920–1933. — М.: ОЛМА-пресс, 2001. — 349 с. (Досье).
3. *Исаев В.И.* «Они хотели убить Сталина». ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. / Отв. ред. д-р ист. наук С.А. Красильников. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 172 с.
4. *Исаев В.И.* ОГПУ и российско-германские отношения в 1920-е гг. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. — 2008. — Т. 7. — Вып. 1: История. — С. 66–80.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 317.
6. *Трухнов Г.М.* Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.). — Минск: Изд-во БГУ, 1982. — 215 с.
7. Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Д. Р-47 404. Т. 4, 5.
8. Шахтинский процесс 1928 г.: Подготовка, проведение, итоги / Отв. ред. С.А. Красильников. — Кн. 1. — М.: РОССПЭН, 2010. — 975 с. (Архивы Кремля).
9. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945. Serie A, B. — Göttingen, 1956–1995.
10. *Cecil L.* The Kindermann Wolscht Incident: An Impasse in Russo-German Relations 1924–1926 // Journal of Central European Affaire. — Vol. 1961/62. — № . 21. — P. 188–199.
11. *Hilger G.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. — Frankfurt a. M., 1955. — 322 S.
12. *Kindermann K.* Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern: Der Moskauer Studentenprozess und die Arbeitsmethoden der OGPU. 1. Aufl. — Berlin; Leipzig: Eckart Verlag, 1931. — 231 S.
13. *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. 4. Aufl. — Frankfurt am Main, 1989. — 616 S.

[33] ЦА ФСБ. Д. Р-47 404. Т. 5. Л. 2.

Der Fall der Konsularagenten und der Austausch von politischen Gefangenen zwischen der UdSSR und Deutschland 1926

V.I. Isaev

Es werden die Gründe und Umstände des Austauschs von politischen Häftlingen zwischen der UdSSR und Deutschland im Jahre 1926 untersucht. In der Historiografie der sowjetisch-deutschen Beziehungen ist dieses Problem nicht ausreichend beleuchtet worden. Im Beitrag wird das dramatische Schicksal der Konsularagenten Deutschlands in den Städten der transkaukasischen Republiken der UdSSR, die von der OGPU der Spionage beschuldigt und verhaftet worden sind, zum ersten Mal behandelt. Tatsächlich sind die Konsularagenten einem großangelegten Einsatz der OGPU zu Opfer gefallen, dessen Ziel die Befreiung des vom Verfassungsgericht Deutschlands zum Tode verurteilten sowjetischen Militärfachmanns V.A. Rose war. Als Forschungsquelle zum Thema wurden die Akten der Strafverfahren der Konsularagenten benutzt, die sich im Zentralarchiv des FSB der Russischen Föderation befinden, sowie veröffentlichte Dokumente des deutschen Außenministeriums.

Schlüsselwörter: sowjetisch-deutsche Beziehungen, Konsularagent, Spionage, politische Häftlinge, OGPU, politische Gerichtsverfahren.

The Consul agents and the exchange of political prisoners between the USSR and Germany in 1926

V.I. Isaev

The reasons of causes and circumstances of the exchange of political prisoners between USSR and Germany took place in 1926. In the historiographic sources of the Soviet and German relationships, this problem did not get sufficient coverage. This article reveals the facts of dramatic fate of the German Consulate agents in the cities of the Caucasian republics of the USSR, arrested by the United State Political Administration and sued for espionage. In reality, the Consulate agents became hostages in a massive operation carried out by the United State Political Administration aimed at releasing the Soviet Military specialist V.A. Roze who was convicted to death by the German Constitutional court. The basis of this research are the criminal court cases of the Consulate agents kept in the Central Archive of the Federal Service of Security of the Russian Federation as well as the documents published by the German Ministry of Foreign Affairs.

Key words: Soviet and German relations, consulate agents, espionage, political prisoners, United State Political Administration, political trials

УДК 94(47).6

Л. А. Фалалеева

«Будь готов стать пионером!» Коммунистическое воспитание детей в Республике немцев Поволжья

На основе неопубликованных архивных документов и материалов периодической печати раскрыта особенность государственных практик идеологического воспитания детей в автономии немцев Поволжья, охарактеризована реакция населения на проводимую политику. Сделан вывод о влиянии коммунистического воспитания на подрастающие поколения поволжских немцев. Автором выделены проблемы детской национальной периодической печати. Представленный материал позволит глубже понять социально-политические процессы, происходившие в национальной среде российских немцев, расширить представление о повседневной жизни людей в ранний советский период.

Ключевые слова: немцы Поволжья, идеология, воспитание, пионеры, пионерская газета, внешкольное образование.

В конце XIX — начале XX в. общемировой тенденцией стало развитие социального воспитания молодежи и детей. В дореволюционной России предпринимались попытки реализовать опыт скаутской организации. Принципы скаутинга подразумевали физическое, духовное и умственное развитие подрастающих поколений с целью социальной адаптации и развития патриотических ценностей[1]. Российские немцы видели путь к успешной интеграции в социальную и экономическую систему страны через повышение уровня самообразования и просветительства[2].

Концепция большевиков, направленная на построение коммунизма, также не оставила без внимания воспитание юного поколения граждан — детей младшего возраста и школьников. Движение скаутов, имевшее «буржуазные корни», в связи со сменой власти оказалось под запретом по идеологическим мотивам, приоритет национально-культурных и религиозных ценностей противоречил коммунистическому интернационализму. Новая власть нуждалась в собственной организации, которая могла бы нести коммунистическую идеологию в детскую среду. Таким образом, вопрос воспитания молодого поколения приобрел государственное значение.

Воплощение поставленных задач легло на плечи педагогов посредством школьного и внешкольного образования[3]. В зависимости от региона, отношение к коммунистическому

[1] *Лобанова О.Б.*, *Колокольникова З.У.*, *Соколова Е.В.* Из истории социального воспитания в России первой четверти XX века // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. — 2012. — Вып. 5 (120). — С. 89.

[2] *Черказьянова И.В.* 1) Что читали немецкие колонисты в XIX — начале XX века // Немцы Сибири. Культура: Инф.-метод. бюл. — Омск, 2007. — № 13. — С. 1–5; 2) Внешкольное образование как фактор общего культурного подъема российских немцев в конце XIX — начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. — № 310. Май 2008. — Томск, 2008. — С. 97–99.

[3] См.: *Вашкау Н.Э.* 1) Государственная политика в области национального образования и культуры в 20–30-е гг. в немецком Поволжье // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России: Сб. тез. — Волгоград: Издат. центр музея-заповедника «Старая Сарепта», 1995. — С. 15–17; 2) Немецкая учительская интеллигенция: выбор пути // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. — 2005. — Вып. 10. С. 21–26; *Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). — СПб., 2004. — С. 238–249; *Гартвиг Б.В.* Народное образование в автономии немцев Поволжья (1918–1941 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Самара, 2004. — С. 10–12.

© Л.А. ФАЛАЛЕЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 126–142.

„Proletarier aller Länder, vereinigt euch!"

Halbmonatsschrift der deutschen Pioniere im SSSR.

Sei Bereit

Organ des Gebiets-Komitees des RLKJV und des Geb.-Büros der Jungen Pioniere — der A.S.S.R. der Wolgadeutschen

Bezugspreis: monatlich 5 Kop. — Einzelpreis 3 Kop.
Redaktion:
Gebiets-Komitee des RLKJV, Pokrowsk, Linienstraße 11.

Jahrgang 1 | Pokrowsk, den 1. September 1925. | Nr. 2.

Stärkt die Reihen.

Wie die Arbeiter ihren internationalen Feiertag am 1. Mai, und die Jugend ihren IJT am ersten Sonntag des September hat, so haben auch die proletarischen Kinder der ganzen Welt ihren Feiertag, nämlich: die Internationale Kinderwoche.

In dieser Woche schließen sich die proletarischen Kinder der ganzen Welt zusammen, um gegen die kapitalistischen Ausbeuter zu kämpfen. Die Jungen Pioniere müssen als Avantgarde die Einheitsfront der proletarischen Kinder der ganzen Welt befestigen.

Die Pioniere in unserer Sowetrepublik müssen ihre Blick nach Osten und Westen richten, wo noch Millionen von Kindern um ihre Freiheit kämpfen. Wir müssen mit den Kom. Kindergruppen Deutschlands in Verbindung treten, indem wir ebenso wie die Jugendgenossen das Chefstum über einzelne Bezirksorganisationen des Jungspartakusbundes (Name der deutschen Pionierorganisation) übernehmen. Diese Verbindung muß durch regen Briefwechsel aufrecht gehalten werden. In den Briefen, die den deutschen Pionieren zugeschickt werden sollen, müssen Angaben über alle interessanten Erscheinungen in dem Leben unserer Pioniere gemacht werden. Diese Verbindung ist der erste Schritt zur Verwirklichung der Einheitsfront der proletarischen Kinder der ganzen Welt. Und diesen ersten Schritt sollt ihr Pioniere unserer Wolgarepublik in der Internationalen Kinderwoche machen.

Es lebe die Internationale Kinderwoche!

Wie die Kinder im Auslande leben.

In einer Stadt **Kanadas (Südamerika)**, wo eine der besten amerikanischen Kindergruppen vorhanden ist, brach ein Schulstreik als Protest gegen die schlechte Behandlung vonseiten der Lehrer aus. Zwei Schüler, die Leiter der Kommunistischen Kindergruppe, wurden deshalb aus der Schule ausgeschlossen. Daraufhin traten auch noch andere Schulen in den Streik und der Ausschluß mußte zurückgenommen werden.

Im **Marokko**, wo gegenwärtig der Kampf gegen die französischen Unterdrücker tobt, ist die Lage der Schulkinder eine sehr schlechte. Die marokkanischen Kinder müssen in französische Schulen gehen und dort werden sie zu Sklaven des französischen Kapitals erzogen, damit sie in ihrem späteren Leben sich die Unterdrückungen ruhig gefallen lassen. Die Politik der Franzosen ist dieselbe, wie die des Zarismus im Jahre 1914 bei uns. Ebenso wie wir nur durch die Oktoberrevolution von diesem Joche befreit werden konnten, ebenso können die Marokkaner nur durch einen Sieg über die Franzosen ihre nationalen Rechte zurückerobern. Und das scheint ihnen ja zu gelingen. Die Truppen des französischen Kapitalismus, die die ungeheure Hitze in Marokko nicht gewohnt sind, werden überall geschlagen. Es ist möglich, daß die Marokkaner die Franzosen vertreiben und eine marokkanische Republik gründen werden. Dann werden auch die marokkanischen Kinder in den Schulen ihre eigene Sprache lernen können. Da wir dies wünschen, rufen wir den tapferen marokkanischen Kämpfern zu „Haltet aus im Kampf gegen den französischen Imperialismus."

In **Moskau** wird am 25. September von der KIJ und dem ZK des RLKJV eine Internationale Konferenz der Kommunistischen Kindergruppen stattfinden.

Auf dieser Konferenz werden Vertreter aus 14 Staaten vorhanden sein. Die Konferenz wird besprechen, wie die Kommunistischen Kindergruppen überhaupt zu arbeiten haben, was ihre bevorstehenden Aufgaben sind und wie die Weltlage der Pionierabteilungen ist.

Die Delegierten werden die Pionierabteilungen Moskaus besuchen.

Пионерская газета АССР НП „Sei bereit". 1 сентября 1925 г. Первый год выхода, № 2. Из фондов РГБ

воспитанию детей варьировалось. Тем не менее, в конце 1930-х годов сеть пионерских организаций распространилась в масштабах СССР, охватив своим влиянием юных граждан многонациональной страны. Не остались в стороне и российские немцы.

Историки подробно изучили специфику национального образования, воспитания, традиционного жизненного уклада российских немцев в условиях полиэтнического государства. Интерес представляют исследования А. А. Германа[4], Н. Э. Вашкау[5], Д. Брандеса[6], В. Дённингхауса[7], И. В. Черказьяновой[8], Б. В. Гартвиг[9], М. В. Егоровой[10], О. С. Калининой[11]. Ряд обозначенных авторами вопросов заслуживает дальнейшего изучения. К нему относится проблема применения государственных практик формирования советской идентичности у детей.

Цель исследования — выявить и охарактеризовать государственные практики идеологического воспитания детей в автономии немцев Поволжья, выяснить, как они влияли на подрастающие поколения поволжских немцев. Привлечение новых, ранее не опубликованных источников, позволяет глубже понять социально-политические процессы, происходившие в национальной среде российских немцев, расширить представление о повседневной жизни людей в ранний советский период.

Документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. М-1. Оп. 23 «Документы ЦК ВЛКСМ»), Государственного архива Российской Федерации (Ф. А-296 «Комнац Наркомата просвещения РСФСР») и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (документы кантонных комитетов ВКП(б) АССР НП), Государственного исторического архива немцев Поволжья (фонд Народного комиссариата внутренних дел АССР НП), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (фонд обкома ВКП(б) АССР НП) позволяют выяснить особенности работы административных органов и учреждений, ответственных за коммунистическое воспитание детей, осветить ситуацию в селах, узнать о степени вовлеченности граждан немецкой республики в социокультурные процессы в ранний советский период. Материалы периодической печати, хранящиеся в Российской государственной библиотеке: газета „Sei bereit“ за 1925–1928 гг., газета «Большевик» (г. Энгельс) за 1935–1937 гг., очерчивают вектор государственной политики в отношении детей, расширяют представление о сфере интересов и потребностей юного поколения с точки зрения официальной идеологии.

19 мая 1922 г. решением Второй Всероссийской конференции комсомола была создана пионерская коммунистическая организация для работы со школьниками[12]. Уже в 1923 г. в автономии поволжских немцев появились первые пионерские объединения. Данные, приведенные А. А. Германом, свидетельствуют о темпе развития и массовости общественной организации. Так, в 1928 г. в Республике немцев Поволжья

---

[4] *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. — М., 2007.

[5] *Вашкау Н. Э.* Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. — Волгоград, 1998.

[6] *Брандес Д.* Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930-е гг.) // Репрессии против рос. немцев: Наказанный народ. — М., 1999. — С. 26–34.

[7] *Дённингхаус В.* Борьба за немецкую молодежь: ЦБ немсекций при ЦК ВЛКСМ и религиозные молодежные формирования в СССР (1922–1930 гг.) // Ключевые проблемы истории рос. немцев. — М., 2004. — С. 74–86.

[8] *Черказьянова И. В.* Школьное образование российских немцев.

[9] *Гартвиг Б. В.* Народное образование в автономии немцев Поволжья (1918–1941 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Самара, 2004.

[10] *Егорова М. В.* Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Саратов, 2006.

[11] *Калинина О. С.* Проблема женщин и детей в немецких семьях саратовского правобережья и ее трансформация (середина 1760-х — конец 1920-х гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2012. — Т. 12. № 1. — С. 104–107.

[12] Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ. — М.: Мол. гвардия, 1958. — С. 212.

насчитывалось 4,1 тыс. пионеров и свыше 700 октябрят, объединенных в 128 отрядов[13]. В 1931 г. в пионерии состояли 14,8 тыс. чел., в 1937 г. — 25 тыс. чел. (705 отрядов)[14]. К 1941 г. пионерская организация превысила 40 тыс. чел. Практически каждый младший школьник был пионером или октябренком. Автором отмечено, что к началу войны молодое поколение поволжских немцев и сверстников других национальностей оказалось под полным влиянием коммунистической идеологии и практики[15].

Если сравнивать количественные показатели участия детей немецкой национальности в пионерии за 1920-е годы в АССР НП с другими регионами компактного поселения российских немцев, например, Сибирью, обнаруживается небольшое, относительно других национальностей, число детей-пионеров. В Омской и Алтайской губернии немцы-пионеры появились в 1924 г., их насчитывалось всего 168 чел. Костяк составляли воспитанники детских домов[16]. Для семей поволжских немцев было характерно стремление отстранить подрастающее поколение от влияния коммунистического воспитания.

Родители влияли на детей, запрещая им вступать в ряды пионеров и посещать отряды[17]. Как следствие, в немецком национальном регионе среди юных пионеров преобладали дети русской и украинской национальностей. Это прослеживается по материалам заседания Областного бюро юных пионеров Немреспублики, где представлены данные о составе пионеров и вожатых (см. Таблица 1[18]). Тенденцию подтверждают сведения из кантонов со смешанным национальным населением. В Красно-Кутском кантоне: 11 отрядов (5 — в городе, в деревне — 6 и 4 группы, которые не оформлены из-за недостатка вожатых), или 358 пионеров (173 — в городе и 180 — в селах). Но из приведенных данных только два отряда относились к числу немецких, 20 % общекантонного показателя (примерно 70 чел.)[19]. В Старо-Полтавском кантоне: из 338 пионеров только 25 немцев[20]. Таким образом, количественное соотношение членов детской организации по национальности не совпадало с так называемой «титульной нацией» региона.

Несмотря на увеличение численности пионеров, в 1920-е годы пионерское движение в АССР НП не было массовым явлением. Сопоставив данные за 1924 г. и 1928 г., мы видим прирост за четыре года только около 2 тыс. чел., в масштабах региона это меньше 5 %. Эти факты можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, пионерская организация в советской России, несмотря на опыт скаутинга, стала новой формой работы с детьми, с точки зрения масштабов и направления воспитательной работы. Для нормального функционирования отрядов в селах и национальных регионах не было достаточного количества профессиональных и материальных ресурсов. Активисты на местах не имели опыта и четкого представления о работе отрядов, о чем прямо упоминается в материалах отчетов, отправленных из Немреспублики в ЦК РЛКСМ. Центральное бюро пионеров направляло в села планы работы, не соотносящиеся с реалиями национальных и бытовых условий республики. Так, кампании, запланированные на первое полугодие 1925 г. оказались проваленными,

---

[13] *Герман А.А.* Указ. соч. — С. 216.

[14] Там же. — С. 312.

[15] Там же. — С. 382–383.

[16] *Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев. — С. 238–239.

[17] Доклад о самоуправлении Марксштадтской опытно-показательной школы им. Луначарского на 1926/1927 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 347. Л. 20 об.

[18] Протокол № 14. Заседания Областного бюро юных пионеров Немреспублики от 22 мая 1925 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 466. Л. 79.

[19] Отчет Красно-Кутского кантонного бюро юных пионеров. Октябрь 1925 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 466. Л. 77.

[20] Сводка. О пионердвижении и партруководстве им в Старо-Полтавском кантоне. Октябрь 1926–1927 г. // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1464. Л. 195.

Таблица 1. Состав пионерской организации по АССР НП. 1 декабря 1924 г.

Состав пионерской организации по АССР НП. 1 декабря 1924 г.																	
Пионеры. Всего: 41 отряд, 1926 чел. Из них:																	
По национальности				По социальному положению родителей				Пол		Возраст							
немцы	русские	украинцы	прочие	рабочие	крестьяне	служащие	прочие	Мальчики	Девочки	16 лет	15 лет	14 лет	13 лет	12 лет	11 лет	10 лет	9 лет
598	981	331	16	676	719	348	183	1020	906	21	131	256	362	429	332	311	84

Вожатые. Всего: 41 чел., 4 помощника. Из них:					
По национальности				стаж	
немцы	русские	украинцы	евреи	до 1 года	до 2 лет
17	21	6	1	42	3

пионеры «не влияли на мировоззрение членов семьи», неудачно прошли общественно-политические мероприятия, посвященные Дню международного праздника труда и Дню интернационала. Не вели трудового воспитания и «не сажали пионерских огородов», ибо в практике сельской жизни школьники крестьянских семей и без того были задействованы в своих домашних хозяйствах. К середине 1925 г. коммунистическое воспитание детей младшего школьного возраста отсутствовало, не было ни одного отряда октябрят. Работа в школе осложнялась отказом педагогов понимать необходимость пионерской работы и на уроках уделять ей внимание. Тем не менее, административными рычагами удалось добиться некоторых подвижек — в расписании занятий учащихся выделялся один «клубный день», в который ребята освобождались от учебы и посвящали время работе в образованных кружках и комиссиях[21].

Вторая причина слабого коммунистического воспитания детей в автономии поволжских немцев — традиционный сельский образ жизни, патриархальный семейный уклад и религиозность потомков немецких колонистов. Даже в условиях антирелигиозной политики государства в немецких селах были сильны позиции духовенства. Во время богослужений священники вели беседы о том, как нужно воспитывать молодое поколение в религиозном отношении, подчеркивали необходимость больше уделять внимания религии, чем общеобразовательным наукам. Как следствие, родители запрещали детям выполнять практические задания по естествознанию, разучивать пионерские песни[22]. Авторитет домашнего воспитания, высокая мораль не позволяли ребятам слепо идти на поводу искусственно насаждаемых ценностей. Они предпочитали ослушаться учителя, нежели родителей. Это подтверждает случай, произошедший на уроке в с. Фриденберг. Учительница диктовала ученикам под запись текст «Интернационала». Дойдя до фразы «Ни Бог, ни царь и ни герой», ученики бросили ручки и перестали писать, говоря: «Нам это не нужно, родители не велят этим заниматься». Также ученики отказывались выполнять и другие задания учителя: собирать экспонаты, посещать экскурсии[23].

На другом уровне воспитание школьников проводилось в Москве и даже в населенных пунктах Немреспублики городского типа — Покровске, Марксштадте, Красном Куте. В совместной работе исследователей А.Ю. Ватлина и Н.С. Мусиенко,

[21] Отчет о работе пионерской организации Немреспублики за время с 12 апреля по 1 мая 1925 г. // РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 466. Л. 72–73 об.

[22] Сведения о числе религиозных организаций. 1925 г. // Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее — ГИАНП). Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 61. Л. 272.

[23] Там же.

посвященной истории немецкой школы имени К. Либкнехта в Москве, показано коммунистическое воспитание детей в столице. Авторами отмечен формальный подход к проведению политического воспитания со стороны педагогического состава в первые годы становления пионерии. В то же время сами дети участвовали в революционных праздниках, готовили доклады для выступления, оформили ленинский уголок. В 1925 г. ребята впервые участвовали в демонстрации на Красной площади. В отличие от учителей, школьники проявляли интерес к политическим мотивам в образовательных практиках. Копируя взрослых, вели горячие политдискуссии, выясняя классовую сущность того или иного уклона[24]. С 1922 г. в Марксштадте (в 1923 г. в Энгельсе) открылись образцовые школы, позже, к 1935 г., появились в колониях Галка, Франк и еще одна школа в Энгельсе. Организация социального воспитания детей в показательных школах сравнима с немецкой школой имени К. Либкнехта в Москве.

Доклад о самоуправлении за 1926/27 г. Марксштадтской опытно-показательной школы имени А.В. Луначарского с 9-летним курсом содержит сведения о еженедельных занятиях физкультурных и творческих кружков, общешкольных комиссий с участием пионеров. Школьный кружок юннатов, разделенный на три секции (сельскохозяйственную, метеорологическую и ботаническую), создал сеть в близлежащих школах. Члены политического кружка разбирали вопросы о международном положении, политике партии и советской власти, мировых событиях, делали доклады на праздниках в школе и подшефном селе. В художественном кружке детвора рисовала лозунги и плакаты к праздникам и памятным датам: День урожая, Октябрьская революция, смерть Ленина, 1 мая и др. За год кружок сделал 41 плакат, 43 лозунга, организовал тематические художественные выставки. Редколлегия, состоявшая из семи учащихся, выпустила 25 номеров стенгазет и шесть номеров журналов[25]. Доклад характеризует общественно-политическое воспитание детей под стать статусу учебного заведения — образцово-показательное. Справляясь с поставленными задачами, учителя и ученики вели шефство над школами прилегающих сел, отстающих в организации идеологического воспитания.

Постепенно количество пионеров росло и среди детей немецкой национальности. По мнению А.А. Германа, влияние на детей оказывал характер пионерской работы[26], кроме того, молодежь привлекали такие виды работы, как ликвидация неграмотности, военно-патриотические мероприятия в Немреспублике[27]. Это иллюстрирует любопытный факт, отраженный в отчете Куккусского кантона АССР НП о состоянии комсомольской и пионерской работы. По мнению инспектора, обследовавшего кантон, «работу среди меннонитской молодежи нужно начать с детей, выявилось, что дети меннонитов легче идут на всякую политическую работу, чем взрослые, и таким образом постепенно вовлекать <…> ребят в комсомол»[28]. Так, работа с молодежью давала результат, несмотря на консерватизм и религиозность, присущие менталитету поволжских немцев.

Для решения кадровых и материальных вопросов городские пионерские организации прикреплялись к профсоюзам или предприятиям для финансирования и помощи деревенским пионеротрядам. То же относилось и к инструкторской работе: в отрядах, в отличие от городских, сельским инструкторам не платили (см. Таблица

---

[24] *Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю.* Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938. — М., 2014. — С. 49–50.

[25] Доклад о самоуправлении Марксштадтской опытно-показательной школы им. Луначарского на 1926/1927 г. Л. 14 об.

[26] *Герман А.А.* Указ. соч. — С. 312.

[27] Там же. — С. 216.

[28] Письмо о состоянии комсомольской и пионерской работы в Куккуском кантоне. [Ок. 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 104 об.

1). В городах работа пионерских инструкторов оплачивалась в размере 15–30 руб.[29] Инструктор-организатор физкультурного кружка получал 30 руб. По оценке секретаря Центрального совета физической культуры, этого не хватало[30]. Для сравнения, средняя зарплата учителя в московской школе в 1923/24 г. составляла 25 руб. в месяц, в 1927/28 г. — 44 руб.[31] За труд педагогов, занимавшихся социальным воспитанием детей в 1920-е годы, государство в столице и в провинции платило мало, а в деревнях и вовсе не платило. Для работы с пионерами привлекали комсомольский актив[32]. Члены областного комитета ВЛКСМ в целях экономии объясняли представителям кантонов, что вовсе не следует ставить на оплачиваемые должности вожатых, вместо этого нужно больше инструктировать инициативных комсомольцев[33]. Отсутствие оплаты сказывалось на качестве работы. Поэтому отряды прикрепляли к местным кантонным и сельским бюджетам, но они за неимением необходимых средств задерживали выплаты до нескольких месяцев[34].

Вопреки ресурсно-кадровой напряженности, 1925–1926 гг. стали переломными в организационной работе с детьми, идеологическое воспитание ставилось на поток. Укрепив власть, стабилизировав ситуацию в стране, большевики решили создать детский коммунистический интернационал, авангардом стали дети из национальных регионов СССР. Республике немцев Поволжья отводили роль в контексте международных отношений со странами Запада и прежде всего с Германией[35]. На пионеров Немреспублики возлагалась «двойная надежда», как членов советского общества и как немцев. Школьники из АССР НП вели переписку с учениками из Германии (Берлина и Гамбурга)[36]. Политическое образование детей велось целенаправленно, поэтому ученики в общении со сверстниками из-за границы помимо школьных тем интересовались политическими вопросами. В письмах из Марксштадта к школьникам Гамбурга заграничные учителя это заметили и запретили продолжать переписку. Согласно письму, затронутые политические темы имели влияние на гамбургских детей, что встревожило школьную администрацию. Одно письмо даже прислали обратно как аргумент и поставили ультиматум, что продолжение связи возможно только в том случае, если впредь дети будут писать исключительно о школьной жизни, не затрагивая политику. В результате общение было окончательно прервано. В докладе члена президиума учебного комитета школы Е. Кригера этот факт сопровождался ярким комментарием: «для нас не интересны вопросы о балах, платьях, театрах и гуляньях. У нас совершенно другая идеология, а потому и другие интересы и потребности»[37].

В связи с распространением детского движения и развитием детской печати в СССР с 1925 г. в республике начинает регулярно выпускаться пионерская газета „Sei bereit“ («Будь готов»). Она подчинялась областному комитету РЛКСМ и областному бюро юных пионеров АССР немцев Поволжья. Газета выпускалась на протяжении трех лет: с 1925 г. по 1928 г. В первые полтора года с периодичностью один раз в две

[29] Протокол № 14. Заседания Областного бюро юных пионеров Немреспублики от 22 мая 1925 г. Л. 80.

[30] Тезисы доклада о физкультуре, сделанного на Бюро обкома РЛКСМ АССР НП 14-го октября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 477. Л. 155–155 об.

[31] *Мусиенко Н. С., Ватлин А.* Ю. Указ. соч. — С. 33.

[32] *Герман А. А.* Указ. соч. — С. 311–312.

[33] Протокол № 4. Заседания расширенного пленума областного комитета ВЛКСМ АССР НП от 10, 11 и 12 сентября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 18.

[34] Сводка. О пионердвижении и партруководстве им в Старо-Полтавском кантоне. [Ок. 1926–1927 г.] // ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1464. Л. 195.

[35] См.: *Вашкау Н. Э.* Республика немцев Поволжья. 1920–1930-е годы (по материалам архива МИД ФРГ) // Новая и новейшая история. — 2014. — № 5. — С. 100–113.

[36] Доклад о самоуправлении Марксштадтской опытно-показательной школы им. Луначарского на 1926/1927 г. Л. 14 об.

[37] Там же. Л. 15.

недели, затем еженедельно. Меняющийся тираж поднимался до 1700 экземпляров. Годовая подписка в 1925–1926 гг. стоила 60 коп., с 1927 г. она увеличилась вдвое, розничная цена сохранялась в 3 коп. „Sei bereit“ издавалась на немецком языке для пионеров СССР, обучавшихся в национальных немецких школах, и детей пионерского возраста (9–14 лет), создавалась по образу и подобию партийных газет для взрослых, погружала читателей в череду политических событий, формируя нового советского человека, воспитанного в духе интернациональных идей, преданного строителя коммунизма. По содержанию газета в первую очередь решала задачи партии в отношении молодежной политики в адаптированной для детского понимания форме.

Газета формировала политические взгляды, социальную активность и трудолюбие у детворы, развивала интерес к науке, культуре и спорту. На страницах публиковались познавательные сюжеты о природе. Отвечая на духовные потребности молодежи, газета освещала культурные события республики[38]. Незатейливые эксперименты по физике описывали с расчетом на самостоятельное повторение в домашних условиях[39]. В спортивных и игровых рубриках регулярно делали обзоры спортивных мероприятий, объясняли правила подвижных уличных игр. С 1927 г. на страницах издания проявилась тенденция военного воспитания детей[40]. Серьезное значение редакция уделяла здоровью и гигиене в детской среде. По материалам пионерской газеты можно выявить распространенные факторы, негативно влияющие на здоровье детей. Редакция „Sei Bereit“ в доступной, научно-популярной форме описывала причины заболеваний и необходимые меры профилактики, направленные на их предотвращение[41]. Пользу таких статей трудно переоценить.

Содержание рубрик было выстроено так, что вызывало интерес среди пионеров и неорганизованных девочек и мальчиков, прилежных любознательных школьников и непоседливых хулиганов. Газету вполне можно считать востребованной в кругу детских пионерских организаторов и юных пионеров. „Sei Bereit“ была единственным массовым печатным изданием, ориентированным на ребят немецкой национальности в Поволжье. Именно ее читали детворе в избах-читальнях, школах и на детских площадках. По сведениям из отчетов различного уровня, газету выписывали практически во всех кантонах республики. В Каменском кантоне получали 120 экземпляров[42], работа с пионерами здесь считалась удовлетворительной. В Марксштадтском кантоне „Sei Bereit“ пользовалась популярностью в с. Базель[43]. В Куккуском кантоне практиковали коллективное чтение газеты в пионерском отряде и школе[44]. Пионеры регулярно публиковали свои заметки, в т. ч. с рассказами о том, как популярна „Sei Bereit“ среди них. Писали не только из крупных городов республики Покровска или Марксштадта, но и из удаленных кантонов, что свидетельствует о широком распространении газеты.

Опытные партийные работники настаивали, чтобы сельские ячейки обязательно выписывали газеты для юных читателей коллективно и индивидуально[45]. В селах на этот счет проводилась агитация в среде беспартийных крестьян. В условиях

---

[38] Die Pokrowsker Kunstausstellung // Sei Bereit. — 1927. — № 44. — С. 2.

[39] Rätsel und Aufgaben. Papier, das nicht brennt // Sei Bereit. — 1926. — № 8. — С. 4.

[40] Die militärischen Ecken und Wandzeitungen // Sei Bereit. — 1928. — № 7. — С. 3.

[41] Reinlichkeit. Fort mit den Parasiten! // Sei Bereit. — 1926. — № 23. — С. 4.

[42] Выводы по обследованию Каменской кантонной организации ВЛКСМ от 10–15 июля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 100.

[43] Резолюция по докладу тов. Риб об обследовании Марксштадтской организации ВЛКСМ. 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 101.

[44] Письмо об обследовании организации РЛКСМ Немреспублики. Ок. 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 103–104 об.

[45] Протокол № 1. Первой кантонной конференции РКСМ Медведицкого кантона АССР НП от 22 июня 1924 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. 798. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.

постоянной нехватки литературы на немецком языке, недостатка адаптированного для детской публики информационного материала, газета стала проводником советской культуры в национальную детскую среду. Несмотря на административную поддержку издания, работа редакции осложнялась трудностями. Представители кантонов делали замечания о необходимости глубже отражать культурные запросы, критиковали сложный язык повествования, перебои с доставкой в периферийные кантоны республики и, как следствие, слабое распространение по индивидуальной подписке[46].

На первый взгляд, перечисленные недостатки ставят под сомнение достижение возложенной на „Sei Bereit“ миссии. Но ситуация гораздо сложнее. Газета не приносила прибыль, подписка в лучшем случае покрывала треть затраченных средств[47], но из этого вовсе не следует, что задача провалена. Наоборот, несмотря на трудности, выпуск не прекращался три года, финансирование продолжалось комсомольской организацией, постепенно росли тираж и качество. В первую очередь это говорит о газете как инструменте пропаганды новой идеологии, культурные и духовные интересы подрастающих поколений здесь отходили на второй план. Прибыль и индивидуальная подписка в данном случае играли не главную роль. В пользу „Sei Bereit“ говорят факты распространения среди детских коллективов и общественных организаций. По словам редактора А. Мюллера, нападки на корреспондентов не обоснованы, т. к. работа эта идейная в силу мизерной оплаты, а газета слишком мала, чтобы освещать обширный материал. Несмотря на недостатки, присущие печати этого периода, пионерская газета на немецком языке была массовой, в каждый номер писали до 30 корреспондентов[48].

После прекращения выпуска в 1928 г. газеты „Sei Bereit“ ее место заняла другая еженедельная пионерская газета „Junger Stürmer“ («Юный штурмовик»). Она издавалась с 1931 по 1940 г., в конце 1930-х годов ее тираж достиг 15 тыс. экземпляров с периодичностью шесть раз в месяц[49], что еще раз подтверждает значимость детской периодической печати на национальном языке, как одной из составляющих государственных практик формирования советской идентичности в среде поволжских немцев, в совокупности постепенно влиявших на подрастающее поколение.

Проблемы идеологического воспитания детей обусловлены традиционной отстраненностью немцев Поволжья от участия в общественных и политических процессах в стране. Родители ревностно ограждали ребенка от влияния новой идеологии, стремились сохранять исконные традиции семьи[50]. Но и оставаться за рамками происходящих социальных перемен в условиях утвердившегося советского государства не представлялось возможным.

В 1920-е годы в советском обществе формировался культ В. И. Ленина и Коммунистической партии, распространявшийся затем на партийных и государственных вождей[51]. Тенденция нашла воплощение в государственных практиках идеологического воспитания детей поволжских немцев, задействовался арсенал средств агитации и пропаганды: плакаты, стенгазеты, периодическая печать, пионерская

---

[46] Протокол № 3. Заседания расширенного Пленума Областного комитета ВЛКСМ АССР НП от 8-го и 9-го июля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 556. Л. 8; Протокол № 4. Заседания расширенного пленума областного комитета ВЛКСМ АССР НП от 10, 11 и 12 сентября 1926 г. // Там же. Л. 16.

[47] Статистический отчет редакции газеты «Зай Берайт», издаваемой областным комитетом РЛКСМ в г. Покровске АССР НП. За декабрь 1926 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 591. Л. 37–37 об.

[48] Протокол № 4. Заседания расширенного пленума областного комитета ВЛКСМ АССР НП от 10, 11 и 12 сентября 1926 г.

[49] *Герман А. А.* Указ. соч. — С. 395–396.

[50] См.: *Вашкау Н. Э.* Церковь и школа в Республике немцев Поволжья 1917–1937 гг. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1: Гуманитар. науки. — 2000. — № 2. — С. 152–165.

[51] См.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М.: Академ. проект, 1997.

„Proletarier aller Länder, vereinigt euch“!

Halbmonatsschrift der deutschen Pioniere im SSSR.

Sei Bereit

Organ des Gebiets-Komitees des RKJV und des Geb.-Büros der Jungen Pioniere — der A.S.S.R. der Wolgadeutschen. —

Bezugspreis: monatlich 5 Kop. — Einzelpreis 3 Kop.
Redaktion:
Gebiets-Komitee des RKJV, Pokrowsk, Linienstraße 11

Jahrgang 2. | Pokrowsk, den 31. August 1926. | Nr. 16 (25).

Die internationale Kinderwoche.

Heute ist der erste Tag der Feier der Internationalen Kinderwoche. Zu dieser Woche wurden überall in unserer Sowetunion, wo nur Jugendgruppen sind, fieberhaft Vorbereitungen getroffen. Aber auch im Auslande wurde alles Mögliche für die Kinderwoche getan.

In Deutschland entstand die erste kommunistische Kinderbewegung im Jahre 1920. Etwas früher entstanden sie in Italien und in der Schweiz, nur arbeiteten diese noch schwach und waren nicht genügend organisiert. Deshalb kann man Deutschland den Organisator der Kinderbewegung nennen. In unserer Sowetunion fand die Kinderbewegung erst im Mai 1922 ihren Weg, und ihre Gruppen waren genötigt des nachts, zuerst in Moskau und dann auch in den anderen Städten, unter anderem auch in unserer Republik der Wolgadeutschen, zu organisieren. In der Republik der Wolgadeutschen wurden die ersten Gruppen im Mai 1923 organisiert.

Die Kinderbewegung wuchs schnell an. Anfangs 1923 hatten wir in der Sowetunion gegen 10-tausend, am Ende des Jahres 1924 — 250-tausend Pioniere und gegenwärtig zählt die Sowetunion 1 Million 500-tausend Pioniere.

Deutschland hat 19-tausend,
Finnland — 9-tausend,
Frankreich — 3 tausend,
Norwegen 2-tausend 5-hundert,
die Schweiz — 800,
China — 950,
England und die Vereinigten Staaten Amerikas — 700 Pioniere.

Jedes Jahr führen die Kinder aller Länder eine internationale Kinderwoche durch. Die Bedeutung und die Aufgabe der Kinderwoche sind unsern Lesern bekannt. Die erste Woche wurde in Deutschland im Jahre 1921, und zwar besonders gut, durchgeführt. Die Pioniere der Sowetunion beteiligten sich erst im Jahre 1922 an der Internationalen Kinderwoche, als diese schon allen kommunistischen Gruppen der Welt bekannt waren und eifrig dazu rüsteten. In der Sowetunion wurde die 3. Internationale Kinderwoche fast in allen Städten durchgeführt. In Stadt und Dorf wurden Demonstrationen veranstaltet, Arbeiter und Bauern herangezogen und viele nichtorganisierte Kinder für die Organisation gewonnen.

Die vierte Woche (1924) verlief ebenso erfolgreich wie auch die vorhergegangenen, besonders in England, in der Hauptstadt London, gab es eine starke Demonstration.

In Deutschland ging es wieder nicht ab ohne Zusammenstöße mit der Polizei. Die Polizei hatte verboten Lieder zu singen, rote Fahnen zu tragen usw. Es wurden Pioniere arretiert und verprügelt.

Die fünfte Woche wurde im verflossenen Jahre durchgeführt.

Sie hatte dieselben Aufgaben, wie auch die fünfte, mit Hinzufügung der Festigung der Gesundheitsfrage der Pioniere.

Die sechste Woche wird bei uns in der Sowetunion unter den Losungen durchgeführt:

1. Festigt das Band mit den ausländischen Gruppen!

2. Aufmerksamkeit dem Unterricht.

3. Heranziehung der Kinder zum Unterricht, zur Schule und in die Pionierorganisationen.

4. Einheit der drei Glieder: Partei, Jugendverband und Jungpioniere.

5. Resultate der Fortschritte in der Arbeit, die Gesundung des Verbandes der Jungpioniere. A. W.

Gruß unsern Gästen!

Eine deutsche Pionierdelegation auf Besuch bei unsern Sowetpionieren. Von links nach rechts: **Richard Bartel**, **Willi Herr**, **Fritz Vogtländer** (der Führer), **Erna Müller**.

Первая полоса газеты „Sei bereit“ от 31 августа 1926 г. Из фондов РГБ

Корреспонденты – активисты газеты «Sei bereit» (слева направо):
Ф. Мюллер (Марксштадт), В. Вебер (Марксштадт), Т. Мюллер (Марксштадт), А. Шрайнер (Покровск)

атрибутика и т. п. Личность Ленина позиционировалась не только как вождя и защитника, но и как равного пионерам. История его детства рисовала образ идеального ребенка — любознательного, преодолевающего трудности, спортивно развитого[52]. Тематические сюжеты регулярно публиковались в пионерской газете к годовщинам по случаю дня рождения В. И. Ленина, отражались на плакатах и лозунгах, воспроизводились во время тематических занятий, формируя ценностные ориентиры для подрастающего поколения.

Так постепенно у детей развивали чувство сопричастности к преобразованиям в стране и созвучия с ленинскими идеями. На уроках рисования школьники со старанием и прилежанием рисовали портреты знаменитых политических деятелей — руководителей партии и государства. В материалах отчета показательной школы г. Энгельса содержится папка рисунков учеников начальной школы[53], среди них шесть портретов вождей, выполненные в художественной технике. Историки А. К. Сорокин и А. С. Кочетова на основе детских писем во власть доказывают влияние пропаганды и агитации на формирование «образа власти» у детей. При этом авторы выделяют значение детских рисунков, сопровождавших письма ребят, а именно портреты представителей высшего партийного и государственного руководства, нарисованные в подарок с искренним желанием поделиться своим творчеством[54]. Так посредством детского творчества формировалось и одновременно проявлялось уважение и почитание политических деятелей. Неравнодушное отношение ребят демонстрирует сюжет, зафиксированный во время работы 9-й областной конференции ВЛКСМ АССР НП, в июле 1927 г. Юные пионеры 1-го района г. Покровска преподнесли конференции в подарок сделанный своими руками «Мавзолей Ильича»[55].

Коммунистическое воспитание детей, усилившееся во второй половине 1920-х годов, принесло первые ожидаемые плоды. Об этом красноречиво говорят данные

---

[52] Die Kindheit Wladimir Iljitsch Lenins // Sei Bereit. — 1926. — № 2. — С. 2.

[53] Образцовая средняя школа № 10 г. Энгельса. [Папка сшитых рисунков учеников начальной школы]. 1935 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2126. Л. 90.

[54] *Сорокин А.* Пионеры страны Советов: письма во власть // Родина. — 2013. — № 12. — С. 96–97; *Кочетова А.* «Я нарисовал твой портрет, хотя ни разу тебя не видел…» Образ власти. Письма пионеров партийному руководству. 1925–1940 годы // Родина. — 2013. — № 12. — С. 97–101.

[55] Протокол 9-й областной конференции ВЛКСМ АССР НП. 16–19 июня 1927 г. Покровск // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 710 а. Л. 6 об.

об увеличении численности пионеров по республике: за 1928–1931 гг. в четыре раза, т. е. треть детского населения республики была охвачена деятельностью пионерии. Кроме того, вся система образования подчинялась партийной идеологии[56]. Значение имеют методы достижения цели: чрезмерная агитация и пропаганда, административный пресс, классовая дискриминация в системе образования. Даже полезные для социального развития детей мероприятия в области спорта, творчества, общеобразовательных дисциплин, межличностных отношений несли отпечаток коммунистической идеологии, насаждались бескомпромиссным и чрезвычайным давлением. Из-за этого интенсивность социокультурных перемен входила в разрез с обыденными потребностями населения, вызывая внутренний протест.

В среде поволжских немцев он проявлялся в повседневных практиках сохранения религии[57], попытках уклониться от политических мероприятий[58], приверженности традиционным ценностям[59]. Показателен случай, произошедший в с. Мариенфельд. Мама первоклассника-хулигана, нарушителя школьной дисциплины, вместо должного, по мнению педагогов, воспитания сына, реагировала оскорбительными записками на замечания учителя и отказывалась приходить в школу для беседы. После очередного приглашения она все же пришла на методическое собрание, где ее стали учить, как подобает воспитывать распущенных детей. Но мать резко ответила — сын больше не будет посещать школу, лукаво ссылаясь на нехватку средств и отсутствие одежды. Учителям было известно о материальных возможностях семьи ученика, и они не отступали, однако все попытки призыва к порядку остались тщетными. Женщина стояла на своем: «Вы потише своим колхозом, — кто не верует, тот не может жить. В советской республике мы все ходим в лохмотьях, она только для некоторых. В колхозе работать не желаю и не хочу что-либо приобрести, так как впоследствии все-таки отнимут. <…> Я не только не хочу работать, но и не хочу быть премированной. <…> Была бы я дома во время регистрации школьников, сын мой ныне бы не посещал школу». Эти слова и агитация против мобилизации средств в колхоз послужили поводом для представления к уголовной ответственности А. Грос за контрреволюционные выступления с показательным судебным процессом[60]. Несмотря на интенсивное идеологическое воспитание в школе и во внеучебное время, дети чувствовали обстановку и отношение к подобным мероприятиям в семье.

Ситуация усугублялась репрессивными мерами власти в 1930-е годы, которые через массовые аресты повлекли за собой отстранение мужчин от участия в семейной жизни. Но и в обстановке бурных социальных перемен ребенок по-прежнему принимал родительскую сторону. Показательный сюжет зафиксирован в политдонесении о случае в железнодорожной школе на станции Сарепта. Во время урока немецкого языка один из учеников, достав из парты «Оракула», спросил у одноклассницы: «Что тебе приснилось, скажи? Я тебе дам точный ответ». В ответ девочка написала: «Мне сегодня приснился сон, моя мама убила тов. Сталина, и мы уехали за границу». Мальчик с «Оракулом» истолковал: «Этот сон сулит счастье»[61]. Чтобы укрепить влияние

---

[56] См.: *Вашкау Н. Э.* Немецкая учительская интеллигенция. — С. 21–26; *Гартвиг Б. В.* Народное образование в автономии немцев Поволжья. — С. 9.

[57] См.: *Фалалеева Л. А.* Повседневная практика сохранения религии поволжскими немцами в условиях антирелигиозной политики государства (1930-е гг.) // Ист., филос., политическ. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. — Тамбов, 2016. — № 3(65). Ч. 2. — С. 182–187.

[58] См.: *Морозова Ю. А.* «Или возьмем, наконец, культуру…» Просвещение женщин Немецкой автономии как элемент социальной политики, 1920–30-е годы // Совет. социал. политика 1920-х-1930-х годов: Идеология и повседневность. — М., 2007. — С. 321–347.

[59] См.: *Егле Л. Ю.* Традиции российских немцев как историко-культурный феномен // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — № 3. — С. 16–21.

[60] Материалы Эрленбахского КО НКВД. 1935 г. // ЦДНИВО. Ф. 11 156. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.

[61] Совершенно секретно. Политдонесение. 26.02.1937 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1235. Л. 15.

на сознание подрастающих поколений, государством применялась практика опосредованного влияния на внутрисемейные отношения через социалистическое просвещение и расширение спектра трудовой деятельности женщин[62]. Это влекло за собой сокращение времени, которое мать-хозяйка могла посвящать домочадцам. Как следствие, дети чаще оставались предоставленными самим себе и учреждениям внешкольного образования.

Важной составляющей пионерского воспитания являлось привлечение детей к посильному участию в трудовой и производственной деятельности. В пример ставили трудолюбивых, находчивых ребят, способных добиться успеха без участия родителей. Посредством печати[63] и воспитательно-трудовых занятий выстраивалось представление о чертах характера, которые должен воспитывать в себе пионер. В городах Немреспублики пионеров привлекали к работе на производстве и общественному контролю, участию в отчетно-перевыборных кампаниях. В г. Энгельсе силами юных ленинцев школы № 8 организовали 10 пионерских постов (104 ученика). Во время дежурств ребята обнаружили и сообщили о пяти поврежденных вагонах с жидким грузом, задержали 265 граждан-нарушителей порядка, которых оштрафовали на 752 руб.[64] В обязанности сельских школьников входил уход за домашним скотом, работа в поле и т. п. Они также участвовали в общественном контроле колхозов и МТС. А. А. Герман отмечает, что психологически детский контроль вызывал резкое недовольство взрослых, в результате началась волна избиений и издевательств над пионерами[65]. Обком ВКП(б) АССР НП характеризовал действия колхозников как «классово-враждебные вылазки»[66]. На местах это вылилось в показательные судебные процессы[67]. Тем самым затея партийных функционеров обернулась трагедиями не только для детей, но и для взрослых.

Отклик городской молодежи и детей вызывали физкультура и спорт, сельские жители слабо проявляли инициативу. В сентябре 1925 г. прошел республиканский праздник физической культуры, участвовали коллективы комсомольцев и пионеров. Дух соревнований оживил интерес к спортивной жизни. Для поддержания инициативы требовались квалифицированные инструкторы, спортивные площадки и инвентарь, которых не хватало[68]. Поставленные задачи вновь директивно ложились на плечи комсомольского актива. Несмотря на мизерное финансирование, с местных партийцев и общественников центральное руководство спрашивало строго. Об этом свидетельствуют подробные отчеты о постановке физкультурного дела в регионе. Партийное руководство определяло значение физкультуры и спорта шире, чем оздоровительную программу. Спорт становился образовательной практикой, методом воспитания масс, обеспечивающим сплочение и военную подготовку общества[69]. В 1925/1926 учебном году положение улучшилось за счет роста финансирования, но решения проблемы не произошло, крестьянство по-прежнему мало интересовалось спортом[70]. Пар-

---

[62] См.: *Морозова Ю. А.* Женщины в общественно-политической и экономической жизни немецкой автономии (1918–1941 гг.): Дис. … канд. ист. наук. — Саратов., 2002.

[63] Aus dem Leben der Pioniere in unserer Wolgarepublik // Sei Bereit. — 1926. — № 7. — С. 3.

[64] Паспорт образцовой ж/д полной средней школы № 8. г. Энгельс. 1935 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2126. Л. 44 об.

[65] *Герман А. А.* Указ. соч. — С. 313.

[66] Об издевательствах над активистами-пионерами в Федоровском кантоне. Постановление бюро Областного комитета ВКП(б) АССР НП от 10 января 1935 г. // Большевик. — 1935. — № 11. — С. 2.

[67] Секретно. Протокол № 51 заседания бюро Добринского кантонного комитета ВКП(б). 20 марта 1936 г. // ЦДНИВО. Ф. 10 491. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

[68] Работа в области Физкультуры. 1925 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 466. Л. 81.

[69] Приложение к пункту 1 протокола № 93. Заседания оргбюро ЦК РКПб от 13 июля 1925 г. Задачи партии в области физической культуры // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 477. Л. 2.

[70] Тезисы доклада о физкультуре, сделанного на бюро обкома РЛКСМ АССР НП 14-го октября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 477. Л. 155–156.

тийную инициативу на местах питала массовая агитация и пропаганда через печать, кружки, общественные объединения МОПР и ОСОАВИАХИМа.

В 1930-е годы качество военно-спортивной подготовки вышло на новый уровень[71]. В каждом кантоне создавались советы физкультуры, проводились соревнования. Детвора с азартом занималась футболом, гимнастикой, стрельбой, участвовала в кружках вооруженных сил, противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО)[72]. Страницы газет пестрели сообщениями о соревнованиях и праздниках физкультуры. Теперь уже и деревенские мальчишки с азартом участвовали в кантонных и региональных соревнованиях, бойко отстаивая свои интересы. В немецком с. Гнаденфлюр на соревнованиях по стрельбе ребята, сочтя, что их неправильно судили, молниеносно написали в обком ВЛКСМ о случившейся несправедливости. В ответ комсомольцы разъяснили правила и похвалили за хорошие результаты, призывая привлекать товарищей к занятиям стрельбой[73].

Исследования ученых-педагогов позволяют с уверенностью сказать, что лагеря для пионеров и школьников эффективно противодействовали безнадзорности детей, способствовали их активному включению в систему коммунистического воспитания[74]. В 1930-е годы, когда идеологическая работа с детьми перешла в стадию уверенного развития, широкое распространение в регионах страны получили пионерские лагеря. Они стали одной из ключевых государственных практик, направленных на формирование советской идентичности подрастающего поколения. В Республике немцев Поволжья этот вид учреждений внешкольного образования также получил распространение. Ребята имели возможность провести каникулы в местных кантонных лагерях[75], центрально-республиканских и лагерях общесоюзного значения. Недалеко от г. Энгельса в зеленой зоне располагался пионерский санаторный лагерь ЦК РОКК. В течение лета 1937 г. здесь отдохнули 355 пионеров и октябрят Энгельса и кантонов республики[76]. Поездка в детский лагерь «Артек» — яркое событие в жизни ребят, становилась наградой за трудолюбие, отличную учебу и пионерские достижения. В газете «Большевик» с гордостью поименно сообщалось об отличниках, направлявшихся по путевке на 42 дня в самый лучший лагерь страны[77]. Альтернатива детским лагерям — организованные при поддержке родителей, преподавателей и шефствующих над школами предприятий пришкольные оздоровительные площадки, где прививали детям навыки коллективизма, культуру отдыха и трудовое и социалистическое воспитание[78].

Таким образом, в автономии немцев Поволжья применялся широкий спектр государственных практик идеологического воспитания детей: внедрение коммунистического воспитания в систему школьного образования, создание сети внешкольного образования — организации юных пионеров, выпуск детских газет, беседы, проведение революционных праздников, создание сети оздоровительных лагерей, развитие спорта и физкультуры, организация военно-патриотических мероприятий и т. д. Перечисленные меры социального воспитания характерны не только для АССР НП, но и других

---

[71] *Герман А.А.* Указ. соч. — С. 314–315.

[72] Отчетный доклад о работе Добринского канткома ВКП(б) за период май 1938 г. — февраль 1940 г. // ЦДНИВО. Ф. 10 491. Оп. 1. Д. 13. Л. 29–31.

[73] ОК ВЛКСМ АССРНП г. Энгельс. Учащимся СШ с. Гнаденфлюр И. Кунц, Н. Руди, В. Зенг, А. Диль, А. Руди. 26 апреля 1939. // ГАНИСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1288. Л. 320.

[74] См.: *Дейч Б.А.* Детские лагеря в России как ресурс социального воспитания: становление, развитие, современный потенциал // Вестн. пед. инноваций. — 2016. — № 1. — С. 90–96.

[75] Протокол № 1. Заседания бюро Добринского кантонного комитета. 28 мая 1937 г. // ЦДНИВО. Ф. 10 491. Оп. 1. Д. 12. Л. 67–68 об.

[76] Санаторный пионерский лагерь // Большевик. — 1937. — № 175. — С. 4.

[77] В Артек // Большевик. — 1937. — № 169. — С. 4.

[78] Детские площадки при школах // Большевик. — 1935. — № 119. — С. 3.

регионов страны. Однако реализация идеологического воспитания среди населения поволжских немцев имела характерные особенности: слабая работа среди немецких детей, плохое материальное обеспечение, мизерное количество литературы на немецком языке, низкая квалификация вожатых, применение национального языка в средствах агитации и пропаганды. Реакция родителей демонстрировала сопротивление и намеренное стремление оградить детей от идеологического воспитания. Родительское слово имело высокий авторитет для ребенка, что не позволяло детям идти на поводу навязываемых им тенденций, поэтому в первые годы работы пионерские организации не влияли на жизнь нового поколения, рожденного после 1917 г. Но в условиях становления тоталитарной модели государства, под давлением жестких административных рычагов, коммунистическая работа начала набирать обороты. 1925/1926 учебный год становится переломным в подходе к организации социального воспитания детей: появляется пионерская газета для юного поколения немцев, расширяется сфера активности школьников. Новые подходы вызывают заинтересованность в национальной детской среде, теперь ребята проявляют интерес к участию в проводимых мероприятиях. Организационная работа, проведенная во второй половине 1920-х годов, заложила основу для всплеска пионерского движения в республике в 1930-е годы. Но, несмотря на это, инициатива развития пионерского движения по-прежнему насаждалась сверху. Немецкое население региона не поддерживало усиление коммунистического воспитания юных поколений, т. к. эта деятельность противоречила национально-духовным потребностям людей. Чтобы пресечь недовольство и критику, государство применяло практику показательных судебных процессов. Так на почве воспитания детей поволжских немцев прослеживается столкновение национальных и государственных интересов. Взрослое поколение ревностно старалось отстоять традиции и передать их потомкам. Идеократическое государство стремилось воспитать нового человека. Дети в этой ситуации одновременно становились заложниками традиций и новаций, разделяя взгляды родителей, они не могли игнорировать веяния времени и происходящие социальные перемены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большевик. — 1935. — № 11, 119; 1937. — № 169, 175.
2. *Брандес Д.* Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930-е гг.) // Репрессии против рос. немцев. Наказанный народ: По материалам конф. «Репрессии против рос. немцев в Советском Союзе в контексте совет. нац. политики», провед. Нем. культ. центром им. Гёте в Москве совместно с Обществом «Мемориал», 18–20 нояб. 1998 г. / [Ред.-сост. И.Л. Щербакова; редкол.: А.Б. Рогинский (пред.) и др.]. — М.: Звенья, 1999. — С. 26–34.
3. *Вашкау Н.Э.* Государственная политика в области национального образования и культуры в 20–30-е гг. в немецком Поволжье // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России: Сб. тез. — Волгоград: Издат. центр музея-заповедника «Старая Сарепта», 1995. — С. 15–17.
4. *Вашкау Н.Э.* Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. — 207 с.
5. *Вашкау Н.Э.* Церковь и школа в Республике немцев Поволжья 1917–1937 гг. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1: Гуманитар. науки. — 2000. — № 2. — С. 152–165.
6. *Вашкау Н.Э.* Немецкая учительская интеллигенция: выбор пути // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. — Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. — 2005. — Вып. 10. — С. 21–26.
7. *Вашкау Н.Э.* Республика немцев Поволжья. 1920–1930-е годы (по материалам архива МИД ФРГ) // Новая и новейшая история. — 2014. — № 5. — С. 100–113.

8. *Гартвиг Б.В.* Народное образование в автономии немцев Поволжья (1918–1941 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Самара, 2004. — 16 с.
9. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: МСНК-пресс, 2007. — 576 с.
10. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1464; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1288.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 347; Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2126.
12. Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 61.
13. *Дейч Б.А.* Детские лагеря в России как ресурс социального воспитания: становление, развитие, современный потенциал // Вестн. пед. инноваций. — 2016. — № 1. — С. 90–96.
14. *Дённингхаус В.* Борьба за немецкую молодежь: ЦБ немсекций при ЦК ВЛКСМ и религиозные молодежные формирования в СССР (1922–1930 гг.) // Ключевые проблемы истории рос. немцев: Материалы 10-й междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003. — М.: МСНК-пресс, 2004. — С. 74–86.
15. *Егле Л.Ю.* Традиции российских немцев как историко-культурный феномен // Вестн. Казанск. гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — № 3. — С. 16–21.
16. *Егорова М.В.* Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Саратов, 2006. — 29 с.
17. *Калинина О.С.* Проблема женщин и детей в немецких семьях саратовского правобережья и ее трансформация (середина 1760-х — конец 1920-х гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2012. — Т. 12, № 1. — С. 104–107.
18. *Кочетова А.* «Я нарисовал твой портрет, хотя ни разу тебя не видел…» Образ власти. Письма пионеров партийному руководству. 1925–1940 годы // Родина. — 2013. — № 12. — С. 97–101.
19. Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ / Редкол.: Ю.Н. Верченко и др. — М.: Мол. гвардия, 1958. — 592 с.
20. *Лобанова О.Б., Колокольникова З.У., Соколова Е.В.* Из истории социального воспитания в России первой четверти XX века // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. — 2012. — Вып. 5 (120). — С. 87–90.
21. *Морозова Ю.А.* Женщины в общественно-политической и экономической жизни немецкой автономии (1918–1941 гг.): Дис. … канд. ист. наук. — Саратов, 2002. — 213 с.
22. *Морозова Ю.А.* «Или возьмем, наконец, культуру…» Просвещение женщин Немецкой автономии как элемент социальной политики, 1920–30-е годы // Совет. социал. политика 1920-х-1930-х годов: Идеология и повседневность: Сб. ст. — М.: Вариант, 2007. — С. 321–347.
23. *Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю.* Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938. — М.: Полит. энцикл., 2014. — 240 с.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 466, 477, 556, 591, 710 а, 1235.
25. *Сорокин А.* Пионеры страны Советов: письма во власть // Родина. — 2013. — № 12. — С. 96–97.
26. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М.: Академ. проект, 1997. — 288 с.
27. *Фалалеева Л.А.* Повседневная практика сохранения религии поволжскими немцами в условиях антирелигиозной политики государства (1930-е гг.) // Ист., философ.,

политическ. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 3(65), ч. 2. — С. 182–187.
28. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 798. Оп. 1. Д. 20; Ф. 10 491. Оп. 1. Д. 8, 12, 13; Ф. 11 156. Оп. 1. Д. 14.
29. *Черказьянова И. В.* Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). — СПб.: Изд.-полиграф. центр. СПбГУТД, 2004. — 368 с.
30. *Черказьянова И. В.* Что читали немецкие колонисты в XIX — начале XX века // Немцы Сибири. Культура: Инф.-метод. бюл. — Омск, 2007. — № 13. — С. 1–5.
31. *Черказьянова И. В.* Внешкольное образование как фактор общего культурного подъема российских немцев в конце XIX — начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. — № 310. Май 2008. — Томск, 2008. — С. 97–99.
32. Sei Bereit. — 1926. — № 2, 7, 8, 23; 1927. — № 44; 1928. — № 7.

„Sei bereit, Pionier zu werden!“ Kommunistische Erziehung der Kinder in der Republik der Wolgadeutschen

L.A. Falaleeva

Am Beispiel der Zeitung der Pioniere der ASSR NP „Sei bereit“ verfolgt die Verfasserin den Mechanismus der Realisierung der Mission der Periodika, der Jugend ihre Aufgaben und Verantwortung bei der Errichtung einer „neuen Gesellschaft“ zu erklären. Das Fazit: Die Zeitung war eines der Mittel staatlicher Praxis, um bei den Kindern der Wolgadeutschen eine sowjetische Identität heranzubilden. Die Untersuchung der Arbeitsweise der Zeitung ermöglicht es, die Vorstellungen von der ideologischen Erziehung der Kinder in den 1920er Jahren zu erweitern.

Stichwörter: Wolgadeutsche, ideologische Erziehung, Pioniere, „Sei bereit“, Zeitung der Pioniere, Periodika.

„Be ready to be a pioneer!“

L.A. Falaleeva

The mechanism of realization of the mission entrusted to the periodical press of how to explain to younger generation roles and responsibilities of building a „new society“ is traced in the article with the example of the Pioneer newspaper ASSR NP „Sei bereit“ („Be Ready“). The author concludes that the newspaper was one of the elements of the state practice of forming Soviet identity of the Volga German children. The study of peculiarities of the publication functioning allows to expand an idea of the ideological education of children in the 1920s.

Key words: Volga Germans, ideological education, pioneers, „Sei bereit“, „Be ready“, the Pioneer newspaper, periodical press.

УДК: 271.22=161.1(045) “364” (476.5)

В.В. Горидовец

Работники образования, науки и культуры в деле сохранения религиозных святынь в Витебске (1935–1943)*

В статье рассматривается вопрос об участии представителей интеллигенции различных национальностей в сохранении православных святынь в годы гонений на церковь и период германской оккупации Витебска.

Ключевые слова: мощи святой Евфросинии Полоцкой, православная церковь, антирелигиозный музей, Лев Георгиевич Брандт, Александр Львович Брандт, германская оккупация, Витебск.

Исследование истории мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в период с 1917 по 1944 г. привело к детальному изучению документов фонда № 1947 «Витебский областной краеведческий музей» в Государственном архиве Витебской области. Было очевидно, что в музей мощи попали после 13 мая 1922 г. в результате действий специальной комиссии, созданной Народным комиссариатом юстиции РСФСР «О ликвидации мощей»[1] и решением полоцких трудящихся[2]. История мощей в течение последующих почти двух десятилетий известна только фрагментарно. Изучение архивных документов позволяет назвать местом постоянного пребывания мощей святой Евфросинии находившийся в то время в комплексе бывших семинарских зданий Витебский музей губернского отдела народного образования[3].

Еще 19 июня 1918 г. епархиальный съезд в Витебске согласился с предложением историка-краеведа, военного врача Петра Матвеевича Красавицкого перенести музей церковных древностей Витебского края из архиерейского дома на Соборной площади в Успенский собор[4], разместив его экспонаты в просторной галерее вокруг алтаря[5], что позволяло совместить посещение храма со внебогослужебными лекциями кружка ревнителей религиозно-нравственного просвещения и изучением тематических

* Автор выражает благодарность архивным и библиотечным специалистам Витебска, оказавшим помощь в подготовке данной статьи.

[1] См.: *Горидовец В.В.* Хроника изъятия ценностей у религиозных общин Витебской губернии в 1922 году. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/003.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[2] Известия Витебского губисполкома и губкома РКП. — 1922. — 16 мая. Подробнее см.: *Горидовец В.В.* История мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1922–1960 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/007.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[3] В 1918–1939 гг. название учреждения изменялось семь раз, к 1941 г. — Витебский областной государственный исторический музей.

[4] См.: *Горидовец В.В.* Хроника событий в жизни Полоцко-Витебской епархии в 1917–1918 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/i/par_1917_1918.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[5] См.: *Горидовец В.В.* История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/vs/i/vs.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

© В.В. ГОРИДОВЕЦ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 143–170.

музейных экспозиций[6]. В июле 1918 г., накануне закрытия духовной семинарии, учебное заведение было формально и имущественно объединено с Успенским собором, находившимся рядом с ним[7]. К 1923 г. в здании собора размещались экспонаты историко-археологического музея, в здании семинарии — церковно-археологического музея[8], подчинявшегося пединституту[9].

Возник резонный вопрос: кто лично или какой коллектив единомышленников смог обеспечить не только сохранность святыни, но и ее нахождение в Витебске практически в здании Успенского собора, богослужение в котором продолжалось и в 1930-е годы?

В первую очередь, здесь надо назвать преподавателя семинарии Николая Николаевича Богородского[10], с 1908 г. заведующего церковно-археологическим древлехранилищем, а с 1918 г. совмещавшего преподавание в советских трудовых школах с работой в губернском музее[11]. Это и преподаватель Витебского мужского духовного училища Иван Иванович Щеглов[12], сочетавший в своей жизни профессиональное увлечение историей и работу в музее с преподаванием географии в школе, одновременно он был доцентом в Белорусском ветеринарном институте[13]. Наконец, Валентин Васильевич Добровольский[14], сын преподавателя семинарии, работал в музее до 1931 г., с момента, когда переехал в Ленинград и был принят на работу в книжный фонд Академии наук СССР[15].

Прочная связь Витебска с ленинградскими подразделениями АН СССР проявилась в 1930-е годы, когда закончился период кадровой стабильности в Витебском музее, и в нем появилось много новых работников. В 1935–1936 гг. из Ленинграда в Витебск переехала семья Льва Георгиевича Брандта[16], до 1 сентября 1935 г. работавшего научным сотрудником Музея истории религии АН СССР (далее — МИР) и уволенного в связи с переездом в Витебск и переходом на постоянную работу в Витебский пединститут[17].

---

[6] См.: *Горидовец В.В.* Хроника событий в жизни Полоцко-Витебской епархии.

[7] См.: *Горидовец В.В.* История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии.

[8] До 1924 г. рассматривался вопрос о переносе его экспозиции в здание Благовещенской церкви Витебска.

[9] Подробнее см.: Государственный архив Витебской области (далее — ГАВО). Ф. 1947. Оп. 1. Д. 12.

[10] Н.Н. Богородский в 1904–1918 гг. преподавал в Витебской духовной семинарии, с 1909 г. участвовал в работе Витебской ученой архивной комиссии, в 1910 г. организовал семинарский кружок церковных древностей, с 1914 г. участвовал в издании «Полоцких епархиальных ведомостей», с 1918 г. — школьный учитель, с 1919 г. — член комиссии по охране памятников истории и искусства, занимался обследованием церквей Витебской губ., с 1924 г. возглавлял историко-культурную секцию в Витебском окружном обществе краеведения, в 1927 г. избран членом-корреспондентом Института белорусской культуры, с 1928 г. — зав. отделом древней истории в Витебском культурно-историческом музее.

[11] См.: *Горидовец В.В.* Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам архивных документов. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/mir/i/spravochnik_2012.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[12] И.И. Щеглов в 1903 г. окончил Казанскую духовную академию, затем 15 лет преподавал латынь и географию в Витебском мужском духовном училище, в 1911 г. издал книгу «К столетию Витебского духовного училища. 1810–1910», с 1918 г. — школьный учитель, с 1924 г. — преподаватель латинского языка в Белорусском ветеринарном институте, с 1928 г. работал в Витебском историческом музее.

[13] См.: *Горидовец В.В.* Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины.

[14] В.В. Добровольский родился в 1892 г. в Витебске, в 1907 г. окончил Витебское мужское духовное училище, затем — Варшавский университет, в 1915–1918 гг. — служба в царской армии, в 1918–1919 гг. — учитель в Витебске, в 1919–1923 гг. — служба в РККА, офицер для поручений при Витебском губернском военкоме; в 1923–1931 гг. — сотрудник Витебского музея, с 1931 г. работал в Ленинграде, где скончался в 1932 г.

[15] *Алюнин Г.* Работа на будущее // Народнае слова. — [Витебск], 2015. — 10 сент. URL: http://nspaper.by/2009/04/16/rabota-na-budushhee.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[16] Список научных работ Л.Г. Брандта: 1) Лютеранство и его политическая роль. — Л., 1931; 2) Религия и антирелигиозное движение на Украине // Воинствующий атеизм. — 1931. — № 7–8; 3) Лютеранство и католицизм в царской России и СССР // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. — М., 1932. Кроме того, 12 статей по вопросам истории религии и методики антирелигиозного воспитания в журналах «Антирелигиозник», «Просвещение» и «На фронте коммунистического просвещения».

[17] См.: Информационное письмо СПбФ АРАН № 14111/547.2/236 от 21 сентября 2015 г.

Л.Г. Брандт родился 9 мая (н. ст.) 1889 г. в Петербурге[18], в семье дипломата Георгия Вильгельмовича (Васильевича) Брандта[19]. Архиепископ Нафанаил (Львов) (1906–1986) оставил описание годичного пребывания старшего Брандта представителем Российского правительства при блаженнейшем патриархе Иерусалимском, из которого следует, что около года Брандт жил аскетом-книжником, молясь и посещая все богослужения патриарха, работая с ценнейшими рукописями патриаршей библиотеки в 30 тыс. томов[20]. Это служебное паломничество напоминает в общих чертах описание пребывания в Иерусалиме Полоцкой княжны Евфросинии, о которой, несомненно, знали в семье Г.В. Брандта.

Сын Г.В. Брандта Лев, будучи немцем по национальности, был крещен в православной вере, в 1898–1906 гг. учился в немецкой гимназии Петербурга, а в 1911 г. окончил юридический факультет Петербургского университета и до 1917 г. служил по линии Министерства юстиции[21]. Возможно, путешествовал вместе с отцом и приобрел практическое знание о христианских реликвиях в регионе служения отца, навык работы с древними текстами. В 1918–1929 гг. работал учителем в школах Ленинграда, в 1929–1932 гг. преподавал в пединституте им. А.И. Герцена, в 1930–1931 гг. — в Ленинградском рабочем антирелигиозном университете, в 1932–1935 гг. — в МИРе[22]. В 1934 г. вышла его книга «Лютеранство и его политическая роль». С 1935 г. жил и работал в Витебске.

Довоенная работа Л.Г. Брандта в системе учреждений Академии наук и Комиссии по проведению отделения церкви от государства при подотделе пропаганды Агитпропотдела ЦК РКП(б), в Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), Союзе безбожников СССР предполагала возможность прямого или косвенного общения с такими членами этого союза, как один из организаторов советской военной разведки Е.М. Ярославский, ответственный работник ОГПУ Е.А. Тучков, нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский. Контакты могли касаться разработки философского вопроса о сочетании религии и социализма в деле экспорта революции в другие страны через Отдел международных связей Исполкома Коминтерна (учитывая, что в Бразилии проживал его отец — бывший царский дипломат, а за границей имелись и другие родственники).

Лев Брандт был женат на Александре Николаевне Кутлер, дочери высокопоставленного российского чиновника, члена ЦК партии кадетов, видного экономиста Николая Николаевича Кутлера (1859–1924), ставшего одним из создателей и руководителей Госбанка РСФСР[23]. Александра Николаевна до 1917 г. была свободной художницей, не была чужда миру поэзии. В 1912 г. в Петербурге был издан сборник стихов «Японская лирика», где она выступила составителем и переводчиком японских стихов с немецкого языка на русский, впоследствии на тексты из сборника были написаны циклы романсов и песен Артуром Лурье, Игорем Стравинским, Дмитрием Шостаковичем[24].

---

[18] О семье Брандтов подробнее см.: ГАВО. Ф. 2073-ОАФ (Витебская городская управа). Оп. 1. Д. 59.

[19] Г.В. Брандт в 1882 г. упоминается в списках студентов Учебного отделения в Азиатском департаменте МИДа. В 1896 г. — второй посольский драгоман (переводчик) в Константинополе; в 1899 г. — вице-консул в Бургасе (Вост. Румелия, совр. Болгария); в 1914–1915 гг. — консул в Трапезунде (совр. Трабзон, Турция); с 1916 г. — консул в Рио-де-Жанейро (Бразилия), после 1920 г. оказывал помощь в переселении русских эмигрантов из Европы в страны Латинской Америки.

[20] Подробнее см.: *Нафанаил (Львов), архиепископ*. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. — Мюнхен, 1991–1995. — Т. 4. — С. 154–158. URL: http://www.holyfire.org/svid_p_arhiepNafanail.htm (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[21] В 1914 г. — секретарь 15-го отделения Петербургского окружного суда (проживал на ул. Офицерской, 26); в 1916–1917 гг. — помощник присяжного поверенного (ул. Дегтярная, 33).

[22] См.: Информационное письмо СПбФ АРАН.

[23] *Николаев М.Г.* К 90-летию со дня смерти Н.Н. Кутлера: «красные похороны» царского министра // Деньги и кредит. — 2014. — № 5. — С. 70–76.

[24] *Тимофеичев А.А.* Брандт: перевод на русский. URL: http://www.stihi.ru/2015/03/05/4180 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

В этой творческой семье в 1913 г. родился сын Александр, в 18 лет издавший путеводитель «Антирелигиозная выставка Гатчинского дворца-музея», на протяжении шести лет занимавшийся научно-исследовательской работой в ленинградских музеях, затем окончивший историческое отделение пединститута им. Герцена и к моменту переезда в Витебск около года проработавший в одной из ленинградских школ.

Эта семья поселилась в Витебске на Рыночной улице[25], неподалеку от железнодорожного вокзала, рядом с летним театром, по соседству с квартирой ректора Витебского пединститута А.И. Коляды[26]. Архивных сведений, подтверждающих работу Льва Георгиевича в этом институте, обнаружить не удалось, можно только предположить, что его деятельность могла быть связана с институтской музейной экспозицией. На основании мемуаров можно дополнить его послужной список фактами работы преподавателем в привилегированной 10-й Сталинской школе и музыкальном училище, экспертом в Витебском социально-историческом музее[27], куда был приглашен на работу и его сын Александр на условиях повышенной оплаты, для паспортизации экспонатов и реконструкции отделов[28].

К 1937 г. А. Брандт занимал должности старшего научного сотрудника, заведующего отделением «средней истории», заместителя директора по научной части, временно исполняющего обязанности директора исторического музея. В 1936 г. он изучал историю Белоруссии в Витебском отделении Белорусского центрального архива, получал из НКВД клад серебряных монет, найденный в колхозе «Новое Боровое» Городокского района Витебского округа. Имея соответствующие полномочия, вел переписку по поводу реставрации экспонатов и оформления экспозиций с Эрмитажем, МИР, ленинградским Музеем революции (вел поиск витебского революционного знамени 1905 г.). При разработке методики формирования музейной экспозиции Витебской льнопрядильно-ткацкой фабрики им. Л.М. Кагановича А.Л. Брандт заключает договор с членом Союза белорусских писателей Ю.Н. Витьбичем[29], работавшим начальником научной экспедиции по переписи памятников революции, истории и искусства.

Творческий союз этих двух людей неожиданно положительным образом повлиял на судьбу музейной коллекции церковного происхождения, изначально собранной в специальном «антирелигиозном уголке», где центром экспозиции были мощи святой Евфросинии[30] (к 1936 г. эта экспозиция могла размещаться в Успенском соборе)[31]. В сентябре 1936 г. А. Брандт письменно предупреждает президиум Витебского горсовета и коммунальный отдел о недопустимости задуманного ими сноса здания Успен-

---

[25] Рыночная ул. (быв. Грязная, но возможно, что и Покровская ул., возле Полоцкой площади), д. 9, кв. 1.

[26] Александр Иосифович (Осипович) Коляда (1890–1943), ректор Витебского пединститута им. С.М. Кирова (1936–1941). Его брат — Горин (Коляда) Павел Осипович (1900–1938), ученый секретарь Общества историков-марксистов (1925–1930), президент АН БССР и директор Института истории АН БССР (1931–1936), председатель общества политэмигрантов Западной Белоруссии, с 1936 г. — зам. председателя Ученого комитета при ЦИК СССР, зав. кафедрой истории СССР в МГУ, редактор собрания сочинений В.И. Ленина на белорусском языке.

[27] *Обухова Л.* Витьбичи. Исторические новеллы. — Минск, 1974. — С. 258–262.

[28] ГАВО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 69 «План научно-исследовательской работы музея на 1936 г., переписка с Витебским горсоветом об охране Успенского собора».

[29] Щербаков Серафим Александрович (лит. псевд. — Юрка Витьбич) родился 2 июня 1905 г. в г. Велижа в семье священника местной Никольской церкви (с 1902 г.) Александра Марковича Щербакова, женившегося на Евдокии Поповой — дочери Иоанна Михайловича Попова (1842 г. р.). С 1867 г. служил в церкви, с 1882 г. в этом приходе, в 1900 г. — настоятель Никольской церкви, кандидат богословия, окончил Киевскую духовную академию (1867). В этой церкви в 1889 г. служил псаломщиком дед Ю. Витьбича — Марк Щербаков (1848 г. р.), на церковной службе с 1869 г., в этом приходе с 1886 г.

[30] Подробнее см.: ГАВО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 37 «Постановления Наркомпроса БССР об установлении категорий научным сотрудникам государственных музеев; переписка о наличии антирелигиозного уголка».

[31] По мнению витебского историка И. Абрамовой, с 1924 г. мощи находились в составе антирелигиозной музейной экспозиции, расположенной на втором этаже левого крыла здания бывшей городской думы (совр. областного краеведческого музея).

ского собора без разрешения Комиссии по охране памятников искусства, старины, быта и природы при ЦИК БССР. Затем он пишет официальное письмо уполномоченному по музеям БССР, директору Минского исторического музея С.М. Якубчику, сообщая о взорванной в январе 1936 г. витебской Воскресенской церкви[32] и готовящемся взрыве Успенского собора, а также в категоричной форме просит его напомнить горсовету о существовании уголовной ответственности за уничтожение государственного имущества в виде исторических памятников[33]. Эта переписка не принесла желаемого результата — Успенский собор был все-таки взорван. Но в письмах просматривается логика необходимости размещения «антирелигиозного уголка» в храмовом здании. Такой план был реализован единомышленником А. Брандта — писателем Ю. Витьбичем, при организации Витебского антирелигиозного музея. Дело в том, что в основном здании музея (городской ратуше) не хватало места, т. к. здесь размещались еще и городская библиотека, и телефонная станция, а в июне 1939 г. мощи Евфросинии уже были подготовлены к экспонированию в отделе истории периода реакции 1907–1910 гг.[34] После уничтожения Воскресенской-Рынковой церкви и Успенского собора судьба коллекции церковных экспонатов стала неясной, и обеспечить их сохранность можно было только открытым показом в дополнительном здании, которое можно было получить под новый проект, в реалиях того времени начинающийся только с приставки «анти».

9 декабря 1939 г. постановлением горсовета мединститут, находившийся в неудобном помещении по ул. Володарского, д. 27, получил в свое распоряжение для оборудования клуба и спортивного зала здание костела св. Антония Падуанского. Но буквально накануне, 5 декабря 1939 г., стараниями Витьбича это здание было признано памятником архитектуры и поставлено на соответствующий учет. 17 декабря пустовавший последние год-два костел был обследован комиссией из представителей обкома компартии Белоруссии, облоно, областного отделения Союза воинствующих безбожников, с участием Витьбича, в этом случае весьма рисковавшего своей судьбой[35]. Но риск оправдался: комиссия увидела, что интерьер и убранство храма потерпели ущерб, в самом храме начались перестройки — была оборудована квартира, стены здания прорубались для создания новых окон. Кроме того, в ходе обследования был озвучен тот факт, что по причине нехватки выставочных площадей до 50 % музейных экспонатов находится в кладовых здания ратуши, всего в 50 шагах от костела. В итоге было решено использовать здание костела как наглядное пособие при изучении живописи, архитектуры и строительной техники Средневековья. Но это была не окончательная победа — Витьбичу потребовалось еще несколько месяцев, чтобы убедить местную исполнительную власть в необходимости корректного отношения к культурно-историческому памятнику.

Характерной чертой этой деятельности является использование революционных идейных образов и лексики для достижения фактически церковных целей. Так, в акте очередного осмотра здания костела св. Антония от 21 февраля 1940 г. Витьбич использовал целую россыпь аргументов, чтобы склонить горсовет к музейному использованию церковного здания:

- необходимо разгадать рецепт красок на фресках, что пригодится при строительстве Дворца Советов;
- сохранить здание костела, поскольку оно изображено на картинах Пэна, Шагала, гравюрах Юдовина;

[32] Речь идет о витебской Воскресенской-Рынковой церкви, находившейся рядом со зданием городской ратуши (с 1924 г. — Витебского отделения Белорусского государственного музея). По мысли автора архивного документа, снос церкви стал ответом горсовета на просьбу областного музея о передаче здания для организации отдельного антирелигиозного музея.

[33] ГАВО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 69.

[34] *Горидовец В.В.* История мощей преподобной Евфросинии Полоцкой.

[35] Подробнее о судьбе костела см.: ГАВО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 103 «Документы об образовании антирелигиозного музея в здании бывшего костела св. Антония за 1940 г.»

- ранее переданное мединституту здание Никольской военной церкви (1779 г. постройки) на Шоссейной улице было кардинально перестроено и превращено в анатомический театр;
- поскольку мединститут предполагал переоборудовать здание, закрасив фрески и удалив иконы на нижнем ярусе помещений, то оставшаяся скульптура благословляющего Христа должна была возвышаться над картинами со стахановцами и красноармейцами, что должно было выглядеть двусмысленно и нелепо;
- костел св. Антония только случайно уцелел от преступной деятельности врагов народа, которые, прикрываясь «левыми фразами», взорвали аммоналом памятники искусства;
- в Кремле сам В. И. Ленин самым деятельным образом помогал реставрировать Успенский собор и особо наблюдал за реставрацией храма Василия Блаженного;
- маятник Фуко в витебском антирелигиозном музее сделает его единственным и уникальным в БССР.

Отдельным тезисом советский писатель и сын священника Витьбич оговаривал обязательное условие деятельности антирелигиозного музея — это сохранение и экспонирование скрытых к этому времени из-за нехватки помещений в музейных запасниках мощей Евфросинии Полоцкой. Благое желание сохранить святыню и сделать ее доступной почитателям было, впрочем, прикрыто бессмысленной пропагандистской риторикой: «Соответствующе показанные эти мощи заставят сжаться от ненависти к прошлому кулаки каждого счастливого советского гражданина, которого забитые и обманутые отцы и деды когда-то просили <…> хотя бы немного счастья».

Настойчиво и открыто полемизируя с заместителем председателя Витебского облисполкома, Витьбич утверждал, что «лучше сломать вынесенное раньше постановление и исправить этим случайную ошибку, чем отдать на слом памятник искусства и пойти на нарушение советских законов».

Покровская церковь. Витебск, после июля 1941 г.

В итоге, 19 марта 1940 г. постановлением президиума Витебского городского совета было решено передать здание костела историческому музею для организации антирелигиозного музея к 1 мая 1940 г. Одновременно отменялось решение от 9 декабря 1939 г. о передаче этого здания мединституту.

Вместе с Витьбичем в этом необычном проекте участвовал Иван Игнатович Василевич[36], к декабрю 1939 г. заменивший А.Л. Брандта на должностях старшего научного сотрудника, заведующего отделением «средней истории», и. о. директора Витебского областного исторического музея. 19 февраля 1940 г. он отказался от директорства по состоянию здоровья в пользу нового директора Валентина Карловича Зейлерта[37] и остался в музее старшим научным сотрудником — заместителем директора по научной части.

30 июня 1940 г., по ходатайству заведующего облоно Сергея Ивановича Бекаревича, в Витебске начал работу антирелигиозный музей. При этом одной из причин его открытия была названа «не прекращающаяся, а усиливающаяся деятельность религиозников в Витебской области». Здесь мощи Евфросинии Полоцкой находились до июля

---

[36] И.И. Василевич родился 12 апреля 1890 г. в д. Предтеченка Трокского уезда Виленской губ. в семье старообрядцев. С ноября 1910 г. служил в царской армии: 1910–1914 — писарь в 164-м Закатальском полку (Симбирск); 1914–1917 — чиновник в военно-окружном интендантском управлении в Вильно и Витебске. С августа 1917 г. — зав. агитмассовым отделом в Витебском гарнизонном солдатском клубе; с мая 1918 г. — зав. делопроизводством, зав. канцелярией и начальник снабжения в Витебском губернском и уездном военном комиссариате; с июня 1922 г. — зав. кассой, гл. контролер и ст. бухгалтер в Витебском губернском, уездно-городском и окружном финансовых отделах; с июня 1927 г. — бухгалтер в Витебском окружном земельном отделе; с ноября 1929 г. — ст. научный сотрудник, зав. историческим архивом в Витебском отделении Центрального архивного управления БССР; с мая 1934 г. — ученый консультант, зам. директора Центрального архивного управления при ЦИК БССР (Минск); с апреля 1937 по январь 1938 г. — инспектор-ревизор Витебского городского финансового отдела; с июня 1938 г. — ст. научный сотрудник и зам. по научной части директора Витебского областного исторического музея. В 1918–1922 гг. учился на археографическом факультете Московского археологического института (Витебское отделение), в 1935–1936 гг. — на факультете диалектического материализма Коммунистического университета выходного дня при Профсовете БССР. В 1939–1940 гг. временно исполнял обязанности директора Витебского музея, с февраля 1940 г. — зам. директора и ст. научный сотрудник музея, одновременно с этим — директор Гродненского исторического музея (с сентября 1940). В 1941–1943 гг. — зам. заведующего отделом культуры Витебской городской управы по культурным и научно-исследовательским учреждениям. В 1945 г. — директор Гродненского исторического музея, проживал по ул. Кирпичной, 10–2. В 1945–1954 гг. находился в заключении. С ноября 1954 постоянно проживал в Гродно, увлекался поэзией, сохранилось до тридцати его стихотворений. Скончался в Гродно 25 августа 1964 г., погребен на местном военном кладбище за алтарем церкви во имя преподобной Марфы на ул. Пригородная, д. 1. Об этом см.: ГАВО. Ф. 113. Оп. 1а. Д. 116; *Почобут Н.А., Селицкая М.К.* Иван Игнатович Василевич (страницы архива) // Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навуковых канферэнцый. — Минск, 2013; воспоминания жителей Гродно О.Б. Никифоровой и С.В. Силовой.

[37] В.К. Зейлерт (24.05.1908–23.09.1994) родился в семье витебского землемера Карла Оттовича Зейлерта и его супруги Анны Фердинандовны, с 1916 г. проживал в Витебске. Среднее и начальное художественное образование получил в Витебске, учился у Ю.М. Пена, посещал мастерские М. Шагала и К. Малевича. С 1924 г. учился в Ленинградском художественно-промышленном техникуме на керамическом отделении. До 1932 г. работал землеустроителем в Витебске, геодезистом на Дальнем Востоке. В 1932–1935 гг. — художник на фабрике в Дулево, преподаватель в Гжельском керамическом техникуме; в 1935–1938 гг. — художник, с 1938 г. — научный сотрудник, в 1940–1941 гг. — директор Витебского социально-исторического (областного исторического) музея. Участник заседания Витебского обкома ВКП(б) по организации антифашистского сопротивления. Эвакуирован вместе с сотрудниками Витебской телефонной станции. В 1942–1947 гг. находился в трудармии, проживал в Тавде. В 1947–1954 гг. — директор краеведческого музея в Ирбите. С 1954 г. снова в Витебске: преподаватель методики рисования и черчения в художественно-графическом училище (кафедры педагогики и методики начального образования пединститута); оформитель диарам и экспозиций для Витебского и Полоцкого музеев и Березинского заповедника. Отличник народного образования СССР (1960), Отличник народного образования БССР (1968). Умер в Витебске.

1941 г., рядом с ними помещалась копия акта их вскрытия в 1922 г. для доказательства посетителям механизма церковного одурманивания трудящихся[38]. Несмотря на это, после открытия доступа к мощам поток посетителей музея в 100–500 чел. в день на какое-то время превратился в наплыв паломников — до 2000 чел. в день[39].

Накануне немецкой оккупации Витебска директором антирелигиозного музея работала товарищ Консон. Для эвакуации экспонатов областного музея на восток был выделен один вагон, распоряжением директора В.К. Зейлерта старший научный сотрудник И.И. Василевич 5–7 июля 1941 г. формировал список наиболее ценных экспонатов, организовывал их упаковку и погрузку[40], при этом гробница с мощами в силу ее громоздкости и тяжести была оставлена в помещении антирелигиозного музея[41].

Впоследствии выяснилось, что до 30 % экспонатов исторического музея было утрачено в 1941–1944 гг. Но этого не случилось с мощами святой Евфросинии благодаря заботе кружка православной интеллигенции в лице заведующего церковным подотделом (в июле – сентябре 1941 г.) отдела культуры Витебской горуправы Владимира Николаевича Еленевского[42]. При его участии мощи были перенесены из антирелигиозного музея в Покровскую церковь, и с 3 августа 1941 г. в ней начались богослужения[43].

Местная пресса оккупационного периода не оставила описаний как этих событий, так и религиозной жизни Витебска вплоть до октября 1941 г., когда сменился заведующий церковным подотделом. Вместо Еленевского был назначен еще один представитель кружка витебской интеллигенции — педагог, поэт и бывший староста витебской Спасо-Преображенской церкви Павел Владимирович Пороменский[44], за два последующих года пребывания в этой должности устроивший правильную каноническую сторону административного управления приходами, поддерживавший их хозяйственную и экономическую жизнь[45]. Он был свояком с А.Л. Брандтом, женившимся на дочери учителя Бабиничской школы М.Е. Степанова[46] Галине, за сына М.Е. Степанова Леонида вышла замуж дочь Пороменского Нина. Примечательно, что Степанов начинал свою педагогическую деятельность в Люцинском уезде Витебской губернии (совр. г. Лудза, Латвия), где в 1864 г. Люцинским военным начальником был полковник Карл Иванович Брандт (1-й отдел Временного военного управления Витебской губернии)[47]. Там же одновременно со Степановым находился и священник Петр Петрович Беляев[48], позже в 1941–1943 гг. служивший

---

[38] *Горидовец В.В.* История мощей преподобной Евфросинии Полоцкой.

[39] ГАВО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 103.

[40] Подробнее см.: ГАВО Ф. 391. Оп. 1. Д. 3 «Зейлерт В.К. Автобиография. Т. 3: Эвакуация. Казахстан (1941–1948 гг.)».

[41] *Горидовец В.В.* История мощей преподобной Евфросинии Полоцкой.

[42] В.Н. Еленевский (1874–1954), педагог, юрист, церковный деятель. Прославлен в лике местночтимых святых определением Синода Белорусской Православной Церкви 4 ноября 2007 г.

[43] *Горидовец В.В.* Хроника религиозной жизни на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/017.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[44] П.В. Пороменский (1881–1963) в 1906 г. окончил Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1906–1943 гг. — учитель, в 1941–1943 гг. руководил религиозными учреждениями Витебской обл., проживал в Витебске по ул. Никольская (1-я Ветеринарная), д. 36. Скончался в Даугавпилсе 8 июля 1963 г.

[45] *Горидовец В.В.* Хроника религиозной жизни на территории Полоцко-Витебской епархии.

[46] Степанов Мирон Евстафьевич окончил Полоцкую учительскую семинарию, в 1905 г. — учитель Рунданского народного училища в Люцинском уезде, в 1912 г. — зав. двухклассным министерским училищем в с. Бабиничи Витебского уезда.

[47] Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. — СПб., 1864. — С. 340.

[48] П.П. Беляев родился в 1874 г., в 1897 г. окончил Витебскую духовную семинарию, в 1905–1907 гг. — священник в церкви с. Голышево Люцинского уезда, в 1919–1931 гг. — настоятель витебской Покровской церкви, в 1932–1943 гг. проживал на территории Смоленской обл.

Места пребывания мощей преподобной Ефросинии Полоцкой в 1922–1940 гг.
В центре – Успенский собор, слева – здание семинарии, на правой стороне снимка — здание городской ратуши. Витебск, 1912.
Из Открытого исследовательского проекта «Наследие С. М. Прокудина-Горского»

в Смоленском кафедральном соборе, был вышестоящим начальником для П.В. Пороменского[49].

Документально невозможно подтвердить, кто именно принимал участие в судьбе мощей святой Евфросинии Полоцкой в июле-августе 1941 г., уверенно можно говорить только о трудах В.Н. Еленевского. В городе он много лет имел репутацию

[49] *Горидовец В.В.* Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины.

религиозного, безукоризненно честного и порядочного человека и поэтому был включен в первый состав витебского местного гражданского самоуправления решением начальника Витебской городской управы. Будучи многолетним членом братства преподобной Евфросинии Полоцкой, которое на протяжении трех десятилетий возглавлял его крестный — протоиерей Михаил Иванович Дубровский, Еленевский принял это назначение, в течение двух месяцев возобновил литургическую жизнь в Витебском округе, организовал храмовое почитание святой Евфросинии, а затем покинул этот пост. Для решения перечисленных церковных задач он сумел добиться разрешений со стороны следующих должностных лиц первого состава оккупационной администрации в Витебске:

- начальника отдела культуры городской управы Денисевского Дмитрия Титовича[50];
- начальника городской управы Брандта Льва Георгиевича;
- представителя военного командования или СД, военной комендатуры (вероятно, Брандта Владимира Владимировича).

Данная тема во временных рамках с июля 1941 по июнь 1944 г. практически не поддается изучению с помощью архивных документов, но, используя мемуарную литературу, публиковавшуюся в СССР с середины 1950-х годов на протяжении трех десятилетий, можно составить общее представление об административном аппарате и представителях оккупационной власти в Витебске в данный период.

Такие авторы, как А. Тверской, Л. Обухова, И. Дорба, отличаются высоким художественным элементом своих повествований, а вот В. Лобанок, Ю. Корнилов, И. Борисов, Н. Дорофеенко, Н. Ломагин оказались более близкими к строго документальному жанру, что, впрочем, не исключает конфликт между ними при изложении одних и тех же исторических эпизодов. Информативным для изучения персоналий стал анализ церковной периодики и справочной литературы, издававшихся до 1918 г. отдельно в каждой губернии. Оказались полезными знания по истории Первой и Второй мировых войн, революционного движения, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны 1919–1921 гг., истории ВКП(б) и Белого движения. Оставили воспоминания и некоторые представители русскоязычной эмиграции, участвовавшие в войне 1941–1945 гг. на германской стороне — П.Д. Ильинский, Д.П. Каров, цитирование работ которых широко используют современные российские исследователи. Здесь встречается достаточно подробное описание церковноприходской жизни на территории Витебской области, но история мощей преподобной Евфросинии Полоцкой абсолютно не раскрывается.

Но через реконструкцию биографий участников событий стало возможным получить общее представление о формах религиозно-обрядовой жизни в исследуемый период истории. Здесь необходимо учесть тот факт, что аналогичная работа уже проводилась с середины XX в. выпускниками 10-й средней школы Витебска Александром Тверским и Лидией Обуховой, лично знавших семью витебских Брандтов до начала Великой Отечественной войны. В первую очередь, они подробно описывают свое-

[50] Д.Т. Денисевский родился 16 июня 1900 г. в м. Гайсин (Украина). В 1918–1926 гг. работал учителем в Одессе и Хмельницкой области; в 1925 г. окончил Каменец-Подольский сельхозинститут; с 1929 г. — доцент, с 1930 г. — профессор в сельскохозяйственных учебных заведениях УССР; в 1933–1937 гг. — профессор и зав. кафедрой социалистической реконструкции и организации социалистического сельскохозяйственного строительства в Витебском ветеринарном институте; в 1934–1935 гг. — декан зоофакультета этого института; в 1936–1937 гг. — преподаватель в Витебском ветеринарном техникуме; в 1937–1938 гг. — учитель географии в 8-й и 13-й средних школах; в 1938 г. — завуч и учитель географии в 8-й средней школе; 1 сентября 1938 г. — 1941 г. — кандидат наук, доцент, преподаватель экономической географии в Витебском пединституте; в 1941–1943 гг. — один из руководителей отдела культуры Витебской горуправы, проживал по адресу: Сенная площадь, д. 36, где также размещалось Витебское церковное благочинническое управление и пастырские курсы; в 1943 г. выехал в Винницу.

го учителя истории Александра Львовича Брандта; во вторую очередь, его отца, Льва Георгиевича Брандта; и лишь эпизодически упоминают о супруге и отце Л.Г. Брандта Георгии Васильевиче Брандте.

А. Тверской приводит множество необязательных мелких подробностей и бытовых деталей в описании внешности, одежды, обстановки рабочего кабинета, манеры общения А.Л. Брандта в 1941–1942 гг., тем самым обнаруживая острый интерес к этой личности, одновременно ретушируя повествование минорной эмоционально-нравственной тональностью разочарования в кумире-учителе. Схожей тактики в изложении материала придерживается и Л. Обухова, но действующими лицами своего повествования она выводит достаточно взрослых людей со сложившейся трудовой или партийной карьерой[51], тогда как у уроженца Витебска Тверского основная часть повествования сделана с позиции подростка. Скорее всего, они пользовались одной и той же источниковой базой, в отличие от автора более позднего документального произведения А. Трофимова «Поправка на справедливость», изданного в 1987 г. в сборнике повестей начальника управления КГБ СССР по Свердловской области Ю.И. Корнилова «Горячее сердце»[52]. Цикл рассказов о Брандтах завершает лауреат Литературной премии КГБ СССР И.В. Дорба, в 1973 г. начавший работу по написанию на документальной основе и опубликовавший в 1981–1992 гг. цикл произведений, в которых отражена жизнь Витебска в 1941–1943 гг. Начиная с 2010 г., уже после смерти автора, они стали переиздаваться. Произведения Дорбы неожиданно дополнил, демонстрируя при этом сходство источниковой базы, Н.Е. Хохлов, издавший в 1957 г. документальную повесть «Право на совесть».

После изучения перечисленной литературы вырисовывается следующий образ защитника религиозных святынь в Витебске. А.Л. Брандт не был профессиональным школьным работником, несмотря на полученное педагогическое образование — его педагогический стаж с перерывами не превышал четырех лет. Будучи интеллектуально развитым, он пробовал себя на театральной сцене, увлекался литературой, но сформировался как искусствовед и историк за время работы в Гатчинском музее-дворце, где и открыл свой природный дар рассказчика-декламатора. Это качество привлекало школьников-подростков, особенно когда он стал режиссером драмкружка старшеклассников в городском доме художественного воспитания детей, создав для себя образ романтического мечтателя — «капитана Грандта». Авторитету среди подростков способствовал и школьный период жизни самого Александра Брандта. Через Гатчинский музей, ставший частью аэродрома № 1 РСФСР в 1920-е годы (парашютная вышка была размещена на сторожевой башне музея-дворца, в котором было оборудовано и общежитие для курсантов, а сам аэродром за десятилетие трижды менял название — Гатчина, Троцк, Красногвардейск), он стал непосредственным свидетелем громких событий в жизни советского государства: встречи дирижабля „Norg“ с У. Нобиле, зарождения Полярной авиации, возникновения парашютного и планерного спорта на аэродромах Гатчины и Царского Села, деятельности известных летчиков во главе с В.П. Чкаловым.

Уровень доверия со стороны детей был очень высоким. Но в этой личности яркая творческая индивидуальность сочеталась со склонностью к интриге и властностью:

---

[51] Этот факт можно объяснить тем, что в Витебске Л. Обухова провела не более трех лет и не имела контактов с местной детворой вне школы, постоянно находясь в общежитии детей пограничников в здании морской школы ДОСААФа. Эти дети не могли свободно перемещаться по городу, были под постоянным наблюдением командиров, так что даже строем в сопровождении военнослужащего посещали занятия в 10-й школе.

[52] *Трофимов А.* Поправка на справедливость // Горячее сердце: повести об уральских чекистах / Сост.: *Кондратьев В.П., Корнилов Ю.А., Наумов Г.К.* — Свердловск, 1987. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/_CLASSES/OBS_HUD_DET/_Obs_hud_det_sborniki.html#026 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

формировался кружок почитателей из лично преданных и симпатизирующих ему школьников, которым Александр Львович расчетливо и педагогически неэтично сообщал свое недовольство учителями и директором 10-й школы, настраивал против других учеников, попавших в его немилость. Так он и вошел в войну — неформальным лидером витебской школьной молодежи, заняв должности начальника отдела информации Витебской городской управы и редактора газеты «Новый путь», при этом удерживая около себя в качестве помощников в отделе информации двух школьных выпускников 1941 г. — Бориса Александровича Дыммана (внука священника Владимира Дыммана, витебского обновленческого благочинного) и Александра Михайловича Владиславлева[53] (внука высокопоставленного московского обновленческого священника)[54]. Судя по всему, А.Л. Брандт сохранил часть своего влияния на витебскую молодежь и сохранил привычку ревнивого отношения, переросшего в открытое противостояние другим педагогам, которые (например, бывший директор 10-й школы Тихон Емельянович Видишев) также продолжили работу с подростками как руководители подпольных групп в Витебске.

Пребывание на высоких должностях не сказалось на внешнем облике и укладе жизни Александра Львовича, он не стал стяжателем: одевался скромно в довоенную одежду, не имея собственного жилья, проживал в доме родственников жены, ходил пешком по городским улицам. При этом все его биографы отметили возникшую большую дистанцию с бывшими коллегами, словно он сознательно сокращал круг общения, что выглядело как высокомерие. В этом, по мнению наблюдателей, он был похож на своего отца, Льва Георгиевича, не отвечавшего на уличные приветствия своих довоенных знакомых после назначения сначала на должность переводчика при военной комендатуре, а затем — бургомистром города[55].

---

[53] А.М. Владиславлев позднее вывезен в Литву. Окончил институт инженеров железнодорожного транспорта, работал на железнодорожной станции Вильнюс. В 1949 г. репрессирован и реабилитирован в 1953 г. См. подробнее: *Гинзбург Б.* Мы из 10-й Сталинской. Еврейской? // Мишпоха. — № 23. URL: http://mishpoha.org/n23/23a24.php (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[54] Подробнее см.: ГАВО. Ф. 2073-ОАФ. Оп. 7. Д. 5.

[55] Описание изначальной структуры Витебского городского управления отличается в изложении разных авторов, но можно составить сводную картину из названий отделов и их руководителей:

– общий — А.Л. Брандт (при отделе были созданы издательство и типография);
– жилищный — Л.Г. Брандт;
– продовольственный — Околович;
– культуры и просвещения — учителя Ивацик и Денисевский;
– здравоохранения — М.Л. Мурашко;
– ветеринарный — врач Попов;
– финансов — Стабровский;
– социального обеспечения — Коптелова;
– работы по району — Воронов;
– городского хозяйства — инженер Барщевский;
– транспорта — Рыбаков;
– биржа труда — Маршалков.

Кроме того, Л.Г. Брандт организовал юридический отдел, мировой суд, отдел связи, областной банк, главную финансовую инспекцию, уголовный и политический отделы полиции.

Изначально бургомистром был Л.Г. Брандт, а В.Ф. Родько приехал уполномоченным из Минска на некоторое время для организации местного гражданского самоуправления, но впоследствии оба разделили между собой контроль над разными отделами. В книгах Л. Обуховой и А. Тверского упоминаются активисты антифашистского сопротивления, которым содействовали в устройстве на работу и выдаче паспортов Л.Г. и А.Л. Брандты: работник типографии К. Маслов, А. Белохвостиков, Н. Бобров, Л. Степанов, врачи К.С. Околович и М. Мурашко, педагоги Л.Е. Околович и С. Кулагин. Кроме этого, Л.Г. Брандт лично и под свое поручительство подбирал кадры для первого состава Витебского горуправления. В их числе были и представители учреждений АН СССР и БССР: археолог И.И. Василевич, учительница Лихарева (урож. Кольк, по матери Мирбах) Дагмара Ивановна (1882 г. р., Двинск), многие из которых позже были заподозрены германской стороной в помощи советским партизанам и поплатились за это жизнью.

Директор краеведческого музея В.К. Зейлерт в своих послевоенных мемуарах счел нужным упомянуть о своем разговоре с Л.Г. Брандтом при описании Витебска в первой декаде июля 1941 г. Из описания встречи становится понятным, что Лев и Александр Брандты, хотя и проживали по разным адресам, оставались дружны между собой и не собирались эвакуироваться на восток. Александр Брандт к началу войны был женат на учительнице Г.М. Степановой, в 1940 г. у них родился сын, семья проживала в доме № 14 на Пролетарском бульваре (совр. ул. Богдана Хмельницкого). Лев Брандт встретил войну, проживая на Рыночной улице, вблизи железнодорожного вокзала (район летнего театра (не сохранился) и современного памятника Марку Шагалу), а затем переселился в многоквартирный дом витебской общины фольксдойче — в квартиру № 13 дома № 13 по Гоголевской улице (здание не сохранилось, теперь это нечетная сторона ул. Ленина возле перекрестка с ул. Янки Купалы), что было всего в нескольких сотнях метров от городской ратуши и антирелигиозного музея.

Здесь надо отметить, что многие провинциальные музеи такого рода создавались исключительно в пропагандистских целях, но МИР в Ленинграде, организованный в 1932 г. в рамках Академии наук СССР, был исследовательским и научно-просветительным учреждением, ставил целью комплексное изучение религии как сложного общественно-исторического феномена, что делало его хранилищем памятников религиозной культуры и центром исследовательской работы по их изучению. Представителем научно-философской концепции МИРа в Витебске стал Лев Георгиевич Брандт, что в совокупности с его уникальным домашним религиозным образованием, делает допустимым предположение о его личной заинтересованности, как ученого, в сохранении мощей преподобной Евфросинии Полоцкой и о понимании необходимости их перемещения в действующий храм.

Парадоксальным образом это событие предварило смягчение позиций в религиозной политике советского правительства, что проявилось уже весной 1942 г. изданием книги «Правда о религии в России», адресованной населению на оккупированной советской территории. В ней германская военная агрессия именовалась фашистским крестовым походом, участники церковных разделений и белоэмигранты обличались как пособники Гитлера, а декларируемая свобода религиозного исповедания в России подтверждалась фотографиями сохранившихся великолепных храмов и рассуждениями о неприкосновенности святынь. В то же время в одной из инструкций германского командования группы армий «Центр» говорилось: «Препятствовать богослужению нельзя, но нужно знать, что там происходит»[56], т. е. религиозная тема сразу стала использоваться воюющими сторонами для привлечения на свою сторону мирного населения, и городская управа реализовывала практическую составляющую возрождения религиозной жизни. В тыловых районах вермахта местное самоуправление подчинялось местным комендатурам вермахта (ортскомендатурам), а обер-бургомистр — главной полевой комендатуре (фельдкомендатуре), которая назначала бургомистра и весь руководящий состав управы.

Согласно литературной версии Л. Обуховой, Лев и Александр Брандты сразу вышли навстречу немецким танкам в районе Пролетарского бульвара, на немецком языке вступили в контакт с германскими офицерами, после чего заверили прятавшихся в подвалах местных жителей, что захватчики не причинят им вреда. И. Дорба упоминает о работе Льва Брандта сначала переводчиком при военной комендатуре и только затем о назначении его бургомистром Витебска, говоря при этом о родстве Льва Брандта с еще одним представителем этой семьи — заместителем начальника подразделения

[56] *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. — М., 2011. — С. 516.

германской полевой жандармерии на территории Витебской и Смоленской областей В.В. Брандтом[57].

В 1875 г. в многодетной лютеранской семье купца 2-й гильдии Генриха Вильгельма Брандта и Елены Шарлотты Элеоноры (урож. Форш) из Гапсальского уезда Эстляндской губернии были сыновья Георг Алексис (род. 25 июля 1860 г.) и Вольдемар (1872). К 1878 г. семья переехала в Санкт-Петербург. Георг Алексис в 1882 г. окончил факультет восточных языков (еврейско-персидский-турецко-татарский разряд) Петербургского университета, в 1884 г. — Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИДа, изменил вариант написания имени и отчества с «Георгий Генрихович» на «Георгий Вильгельмович (Васильевич)» и начал дипломатическую карьеру. Пока достоверно можно говорить о двух его детях: дочери Зое и сыне Льве, имевших вторую степень родства с потомством Вольдемара Генриховича Брандта. Лев Георгиевич и Владимир Владимирович Брандты могли быть двоюродными братьями, что отчасти объясняет причину административного возвышения Льва Георгиевича после прихода германских войск.

Оккупационные власти проводили политику национальной селекции на захваченной территории, но обнаруженные природные немцы были уже, как правило, носителями русской культуры. Таких этнических германцев (Volksdeutsche) в Витебске насчитывалось до 500 чел.[58], церковную общину которых возглавил Л.Г. Брандт. (В апреле – сентябре 1943 г. в три приема они были эвакуированы в Познань). С этим

---

[57] Брандт (Бранд, Брант) Владимир Владимирович (род. 17.07.1892). Окончил Николаевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1912). Капитан артиллерии, в 1916–1917 гг. на Южном (Румынском) фронте. В 1918 г. — в составе 2-й (Тульской) бригады 8-й стр. дивизии (67-й и 68-й полки) РККА (полки привлекались для подавления крестьянских восстаний против советской власти в Тульской губ.). Участник восстания на Западном фронте и в Гомеле во главе с уроженцем Тулы, командиром батальона 68-го полка В.В. Стрекопытовым. Член штаба Стрекопытова и командир артдивизиона Повстанческой армии, с 25 марта 1919 г. — подполковник. В мае 1919 г. под Ровно был интернирован польскими военными и помещен в Брест-Литовскую крепость, в июле 1919 г. отправлен в Эстонию. С 20 июня 1919 г. зачислен в Северо-Западную армию (СЗА) генерала Н.Н. Юденича помощником командира 6-го отдельного легкого (самоходного) артдивизиона. После ликвидации СЗА в Эстонии член Тульской рабочей артели по заготовке древесины во главе с Стрекопытовым. Летом 1920 г. вместе с частью быв. Тульского отряда (ок. 400 чел.) уехал в Польшу, где вступил в Русскую народно-демократическую армию Балаховича (до декабря 1920 г. воевал с частями РККА), член Союза защиты Родины и Свободы под руководством Бориса Савинкова, с 1924 г. член Братства русской правды. Участвовал в деятельности литературной группы «Таверна поэтов», в 1932 г. в Варшаве опубликовал поэтический сборник «Стихи». Печатался в эмигрантской газете «За свободу!» и журнале «Грани», участник «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937), сборника «Новь», издатель газеты «Молва», с середины 1930-х годов — редактор еженедельника «Меч», с конца 1920-х годов — член группы «Литературное содружество». С 1935 г. — член НТС, занимал руководящую должность в варшавской разведшколе НТС. В 1941–1942 гг. — зам. начальника подразделения германской полевой жандармерии на территории Витебской и Смоленской областей (по версии И. Дорбы), один из руководителей группы НТС в Смоленске. Умер от тифа 16 марта 1942 г. в Смоленске (по версии Дорбы — убит членами витебской подпольной группы К.С. Околович через инъекцию тифозной сыворотки не ранее августа 1942). Жена и сын погибли в Германии.

Характеристика В.В. Брандта, данная Д.В. Философовым: «<…> приезжал не умный, но Боже, какой славный Бранд, который проявляет недосягаемую для меня моральную высоту. Приехал он после похорон одного нашего давнего (17 лет работал вместе) сотрудника. Осталось после него 7 человек детей и никаких средств. Вчера с Брандом мы поплакали». URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6407.php (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

О В.В. Брандте см. также: *Журавлев Н.* Жили грешно — умерли с честью // Мол. коммунар. — Тула, 2013. — 26 марта; Русская Эстония. Персоналии. URL: http://russianestonia.eu/ (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[58] Как правило, это были представители интеллигенции — аптекари, врачи, переводчики, учителя и т. п. Например, участница антифашистского сопротивления врач Дунке Виктория Генриховна (1922 г. р.); учительница и работник АН СССР Лихарева Дагмара Ивановна (1882 г. р.); учительница Басаргина Эльфрида Александровна (1885 г. р.). Были и представители латышской диаспоры, например, супруга доцента Витебского ветеринарного института К.Ф. Скребнева — Данцит Мария Александровна (1905 г. р.).

культурологическим феноменом германским захватчикам приходилось считаться, поскольку проводимая ими расовая политика учитывала только кровное родство со своей нацией. Действуя в духе создателей древних империй, на первых порах приходилось оставлять захваченным народам право сохранять свою веру и святыни, довольствуясь военными и экономическими выгодами и оставляя культурное перевоспитание на более позднее время. Преподаватель истории Древнего мира Ленинградского рабочего антирелигиозного университета Л.Г. Брандт не только знал эти ветхозаветные повествования и владел необходимой аргументацией — будучи представителем интеллектуального авангарда, он имел возможность подспудно проводить собственную политику в пределах своей компетентности.

Согласно версии И. Дорбы, в оккупированном Витебске единственной подругой супруги Брандта Александры Николаевны была зубной врач Ольга Павловна Околович-Темная[59]. Ее муж Леонид Евгеньевич Околович[60] был двоюродным братом одного из высших руководителей НТС Георгия Сергеевича Околовича[61] и витебского врача Ксении Сергеевны Околович[62]. Впоследствии Ольга и Леонид Околовичи погибли от рук германских оккупантов, но именно их семью часто навещала супруга бургомистра в первые полгода оккупации Витебска.

Безусловно, кружок витебской интеллигенции был потрясен фактом уничтожения населения местного еврейского гетто осенью 1941 г. И. Дорба подробно описывает признаки депрессии Л.Г. Брандта, ставшего свидетелем этого кровавого побоища, отчуждение от него супруги, шокированной его присутствием (пусть и невольным, по приказу) и молчанием во время этой «гекатомбы». Здесь же обличителем нерешительности Л.Г. Брандта в вопросе защиты от истребления еврейского населения неожиданно выступает его коллега по руководству горуправой, ставший членом НТС бывший польский военнослужащий Всеволод Филаретович Родько[63].

---

[59] Околович-Темная Ольга Павловна (1904–1942), врач, супруга Л.Е. Околовича. У них была дочь Зоя (1934). В 1941 г. семья проживала в Витебске на Покровской улице, д. 1 (рядом с довоенной квартирой Л.Г. Брандта).

[60] Околович Леонид Евгеньевич (1899–1942), педагог. В 1914 г. окончил Витебское мужское духовное училище и три класса Витебской духовной семинарии (1917); в 1940 г. — зав. методическим кабинетом Витебского облоно; в 1941 г. — научный сотрудник (директор?) Витебского областного института усовершенствования учителей. Его отец Околович Евгений Семенович (1872–12.04.1917), священник, окончил Витебское мужское духовное училище (1887), Витебскую духовную семинарию (1892, три класса); в 1912–1917 гг. служил в Верховской церкви Лепельского уезда. См.: Полоц. епарх. вед. — 1917. — № 22.

[61] Околович Георгий Сергеевич (1901 г. р.), сын священника, имел многочисленные родственные связи в Витебске. Можно предположить, что какое-то время он воспитывался в семье своего дяди, священника Е.С. Околовича и к 1917 г. учился в третьем классе Витебского мужского духовного училища. Его отец Околович Сергей Семенович (1866–1923, Ейск), сын священника Симеона Околовича (1842 г. р.), настоятеля Придруйской Николаевской церкви Дриссенского уезда (1869) и Вознесенской церкви в с. Стрелки Дриссенского уезда, рядом с местечком Освея (с 1878). Мать — Околович Евгения Ивановна (1873 г. р.), сестра — Околович Ксения Сергеевна.

[62] Околович Ксения Сергеевна (1895–?), зубной врач, находилась в Витебске с 1923–1924 гг., когда приехала из эстонского Аренсбурга (совр. Kuressaare) на острове Сааремаа, рядом с Гапсальским уездом, малой родиной семьи витебских Брандтов. В 1941 г. проживала с матерью Е.И. Околович в Витебске по ул. Энгельса, 4, затем — по ул. 1-я Ветеринарная, 38 (Дом специалистов). В изложении Дорбы, в июле 1941 г. в больнице на территории витебского Маркова монастыря она была призвана в ряды антифашистского сопротивления капитаном НКВД из Витебска, вместе с ним покинула город на несколько дней, вернувшись, была назначена работать в туберкулезную больницу. Марков монастырь связывает все эпизоды ее жизни в оккупации: призвание, предотвращение провала, когда в церкви было услышано устное донесение сторожа больницы представителю полевой комендатуры В.В. Брандту, и уход из города, когда этот сторож был казнен.

[63] Впоследствии германский майор, помощник начальника и преподаватель разведывательно-диверсионной школы в местечке Дальвитц.

В художественном изложении И. Дорбы он напрямую говорит Брандту: «что разрешено немецкому солдату, не дозволяется заместителю бургомистра», напоминает о существовании партизанских отрядов и предъявляет текст присяги белорусского партизана, заканчивающейся словами: «Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру позорной смертью от руки своих товарищей». В ответ Л. Г. Брандт предлагает известный по Первой мировой и Гражданской войнам вариант снижения партизанской активности через подкуп населения и захват заложников: объявить высокую награду за выдачу партизанского командира М. Ф. Шмырева и взять заложниками его детей. Сложно понять, почему речь зашла именно о нем. Возможно, потому, что его партизанская группа первой начала боевые действия около Витебска, или о нем было больше известно через людей и документы (в одном из первых боев был захвачен его дневник[64]), или же это противостояние имело свою давнюю историю. Артиллерист М. Ф. Шмырев[65], в 1917 г. избранный в исполком солдатских депутатов, служил в группировке войск Румынского фронта, где также проходил службу и офицер-артиллерист Владимир Владимирович Брандт. По этим или другим причинам в последней декаде октября 1941 г. дети Шмырева были арестованы, какое-то время содержались в Витебске в ангаре на территории аэродрома[66], а к середине февраля 1942 г. расстреляны[67]. Но Лев Брандт не дожил до этого момента: в ночь с 30 на 31 января вместе со своей женой Александрой Николаевной он погиб от рук неустановленных лиц в своей квартире, в доме колонии фольксдойче. Некролог, подписанный В. Ф. Родько, был опубликован в № 9(60) газеты «Новый путь»[68], но здесь он почему-то был назван Георгием Брандтом.

Бесспорным в этой истории представляется только одно: для наступающих с 22 января в направлении Витебска частей Красной армии было важно войти в город быстро, без позиционных боев, чему наверняка могла способствовать дезорганизация германской стороны, в т. ч. через блокирование деятельности городской управы. Штаб наступающей 4-й ударной армии Калининского фронта на тот момент не имел полных данных о группировке германских войск в Витебске[69], поэтому военным оставалось только сеять хаос и панику во вражеских тылах по направлению своего наступления. В книге Л. Обуховой «Витьбичи» об этой акции говорится как о заранее спланированном мероприятии[70], которое было приурочено к появлению советских войск около Витебска, но их наступление задержалось на трое суток из-за позиционных боев у д. Кресты Велижского района[71], поэтому разработанный план освобождения города от германских оккупантов не осуществился.

Лев Георгиевич Брандт был погребен на витебском Семеновском кладбище, детальные обстоятельства его деятельности и гибели в Витебске остались неизвестными

---

[64] *Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И.* Без линии фронта. — Минск, 1975. URL: http://www.litmir.info/br/?b=276786&p=1 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[65] На военной службе с 1912 г. в 1-й тяжелой артиллерийской бригаде в крепости Двинск, в 1914 г. — канонир. Награжден Георгиевскими медалями 4-й ст. (за бой 16 августа 1914 г.) и 3-й ст. (за отличия в бою 27 августа 1914 г.).

[66] *Тверской А.* Турецкий марш. — М., 1965. — С. 177–182.

[67] *Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И.* Указ. соч.

[68] Новый путь. — (Витебск), 1942. — 6 фев.

[69] *Еременко А. И.* В начале войны. — М., 1965. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/eremenko_ai_1/11.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[70] 27 января 1942 г. два человека в германской офицерской форме прибыли в Витебск на ул. 2-ю Стадионную, в дом руководителя подпольной группы, работника облисполкома и внештатного секретаря Октябрьского райкома комсомола Александра Ефимовича Белохвостикова, который смог убедить давнего приятеля Л. Г. Брандта, музыканта в довоенном театральном оркестре и преподавателя местной музыкальной школы, выступить в роли проводника к его квартире. В изложении Обуховой начало акции привязывается только к планируемому штурму Витебска советскими войсками.

[71] См.: *Еременко А. И.* В начале войны.

для послевоенных мемуаристов, ясно лишь то, что в череде его оспариваемых до настоящего времени дел известно только одно, совершенное накануне смерти и имеющее библейский смысл: это участие в спасении от гибели религиозной святыни — мощей преподобной Евфросинии Полоцкой.

На вопрос «Кто виноват?» пытается ответить, причем библейским языком, только Дорба через слова работника Витебского телефонного узла, члена НТС Георгия Родионовича Кабанова, который «покраснел, приблизился к [члену НТС — *В.Г.*] Родько, потрепав снисходительно по плечу: „И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блуд одеянии своем, ни в воровстве своем“. Помните, Откровение Иоанна, глава десятая, стих двадцать первый[72]? А может быть, нам следует раскаяться?»[73] Тот же Дорба, художественно передавая размышления работника узла связи Кабанова, упоминает о непосредственном исполнителе этой казни, его заместителе, под именем активиста НТС Алексея Гордеевича Денисенко, и, чтобы прекратить преследование германскими военными полицейскими органами членов НТС, Кабанов дозванивается к Георгию Околовичу в Смоленск и Эмилю Вюрглеру в Варшаву, что возымело действие[74].

Здание городской ратуши после германской оккупации. В ратуше какое-то время находились мощи святой, а в годы войны использовалась в качестве германского узла связи. Витебск, [1944]

Найти ответ на вопрос «За что?» в произведениях послевоенных мемуаристов непросто, т. к. А. Тверской, Л. Обухова, Н. Дорофеенко ограничились практически общим описанием нравственного облика, внешности и деятельности Л.Г. Брандта на посту бургомистра, а первые два автора, лично с ним знакомые, сумели через десятилетия после войны передать и свою подростковую скорбь о поведении уважаемого и любимого некогда учителя после прихода германских войск. Кроме этого, Обухова упоминает о разговоре 28 января 1942 г. Брандта с подпольщиками А. Виноградовым, Н. Бобровым и Л. Синкевич, в котором он фактически предупреждает их о том, что стало известно об их вредительской деятельности по отношению к германским оккупантам[75]. Наконец, И. Дорба, представляя убийцу Брандта членом НТС, одновременно связывает его деятельность с узлом связи в здании Витебской городской ратуши, где они получили доступ к германским военным документам[76].

Неожиданно дал результат поиск аналогичных судеб в Смоленске, где был размещен штаб группы германских армий «Центр», которому подчинялись военные оккупационные органы в Витебске. Так, Борис Георгиевич Меньшагин[77] (1902–1984), являясь,

---

[72] В действительности это двадцать первый стих из девятой главы Библии.

[73] *Дорба И.В.* Под опущенным забралом. — М., 1985. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/D/DORBA_Ivan_Vasil'evich/_Dorba_I.V..html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[74] См.: *Дорба И.В.* Указ. соч.

[75] *Обухова Л.* Витьбичи. — С. 277–280.

[76] См.: *Дорба И.В.* Указ. соч.

[77] *Иванов М.В.* Меньшагин Борис Георгиевич // Смоленская область. Энцикл. Т. 1. Персоналии. — Смоленск, СГПУ, 2001. — С. 18. URL: http://old-smolensk.ru/?p=15190 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

как и Л.Г. Брандт, юристом и представителем интеллигенции, был назначен германской комендатурой бургомистром Смоленска и, как бывший церковный староста, сразу добился открытия, ремонта городского Успенского собора, причем сам лично отбирал духовенство для службы[78]; имел германские награды, ездил в Берлин для переговоров с генералом А.А. Власовым и представителями православной церкви и, тем не менее, сохранил свою жизнь. Его заместитель по горуправе, советский астроном, преподаватель Б.В. Базилевский[79], в ведении которого находились отделы просвещения, искусства, городского врача, городского ветеринара и жилищный отдел, с 1944 г. продолжил свою научную карьеру в Новосибирске.

Возобновленное их заботами богослужение в Смоленском кафедральном соборе с начала 1942 г. транслировалось по радио во многих оккупированных районах РСФСР и БССР. Взамен смоленское духовенство со страниц печати призывало население содействовать германским властям, а настоятель собора, в 1946–1963 гг. служивший в Николаевском приходе Вены[80], в серии радиопередач на религиозные темы доказывал, что, изучая церковную историю, можно сделать вывод о том, что «евреи — народ крайне вредный и ненавидимый во всех государствах»[81]. В 1943 г. даже вышло несколько листовок, обращенных к партизанам, за подписью епископа Смоленского Стефана (Севбо), в которых он призывал народных мстителей сложить оружие и перейти на сторону оккупантов. В противном случае, писалось в листовке, «Божья кара, которая скоро вас постигнет, будет страшной». Он же при погребении пятерых русских актеров из германской роты пропаганды, погибших в партизанской засаде, выступил с речью, в которой проклинал партизан и советскую власть, «уничтожающую лучших и образованнейших представителей русского народа»[82]. В день второй годовщины начала войны, 22 июня 1943 г. в Смоленском соборе состоялся торжественный молебен, после которого священник Петр Беляев заявил: «Вот уже два года идет война, в результате которой проливается кровь наших родных и близких. Война принесла нам страдания и муки. Но раньше храмы и верующие подвергались поруганию со стороны большевиков. Теперь же мы можем свободно молиться»[83]. Витебское духовенство, административно подчиняясь Смоленской епископской кафедре в 1941–1943 гг., не оставило документальных свидетельств подобных речей и поступков. Тем не менее, никто из названных лиц не погиб за два года германской оккупации в Смоленске, как это случилось с Л.Г. Брандтом через полгода оккупации Витебска.

Александр Львович Брандт, потеряв отца и мать, какое-то время находился в состоянии глубокой печали, охладел к изданию газеты, брал ее в руки с отвращением и даже перестал ссориться из-за публикаций с представителями отдела культуры горуправы. Но, под влиянием В.Ф. Родько, он несколько воспрял духом, взамен привыкнув к выпивке. После этого возобновил и издательскую активность, переименовав газету в «Новый путь», уволив прежних осторожных авторов и набрав новых, пусть и не таких грамотных, но послушных лично ему[84].

---

[78] Как пишет Б.Н. Ковалев, служба в смоленских церквах могла вестись только с разрешения и по расписанию, ежемесячно утверждаемому германским комендантом города. Кроме этого, комендатура утвердила должность «немецкого представителя при Смоленском соборе», имевшего ключи от всех помещений, и без его присутствия церковная служба не могла начинаться. Ему около храма был выделен просторный дом. См.: *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. — С. 501.

[79] Люди, события, даты. 7 июня. 130 лет со дня рождения Базилевского Бориса Васильевича (1885–1955 гг.) // Официальный сайт Администрации г. Смоленска. URL: http://www.smoladmin.ru/info/data/2015_06.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[80] Настоятели кафедрального собора святителя Николая в Вене. URL: http://www.nikolsobor.org/SITE/index.php/2013–03–18–20–40–12 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[81] *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. — С. 505–506.

[82] Там же. — С. 509.

[83] Там же. — С. 508.

[84] См.: *Трофимов А.* Указ. соч.

Здание городской управы с очередью посетителей (современная улица Толстого). Витебск, 1941–1944 гг.

В конце июля 1942 г., когда прошло полгода со дня кончины родителей, Брандт вместе с женой посетил витебское Семеновское кладбище и обнаружил на могиле записку: «Примите наши соболезнования, Александр Львович. Папина песенка спета, ваша — репетируется». Что же послужило причиной столь грозного анонимного предупреждения человеку, который по вопросам защиты религиозных святынь и культурного наследия если и фрондировал с местной вертикалью исполнительной и партийной власти в Витебске, то от нее же получил и положительную характеристику? «Во всем, что касается довоенной деятельности Брандта, не обнаруживается и намека на его враждебность к [советской — *В.Г.*] власти <...> высокий, узкоплечий, чуть сутулящийся интеллигент за пять лет работы в витебской школе показал себя толковым педагогом, увлеченным организатором художественной самодеятельности. Без ума были от Александра Львовича мальчишки и девчонки, посещавшие литературный кружок, который он вел при Доме пионеров»[85].

Вероятнее всего, причиной тому стал исключительно военный период его деятельности, во время которого А. Брандт более известен как редактор газеты «Новый путь» (прежде «Витебские ведомости»), в действительности же начальник отдела информации и пропаганды городской управы, которому подчинялась и редакция газеты, и типография[86]. Здесь необходимо отметить, что выпуском периодических изданий на оккупированной территории занимались местные военные комендатуры, причем каждой из них полагалось выпускать на подведомственной ей территории как минимум одну собственную газету. Беря во внимание одинаковое название газеты «Новый путь»[87] как для Смоленска, так и для Витебска, можно предположить, что обе газеты имели общее начальство в комендатуре (и влияние литератора В.В. Брандта), равно как методы работы, цели и задачи. Действительно, обе редакции и типографии начали

[85] *Трофимов А.* Указ. соч.

[86] ГАВО. Ф. 2290 (Коллекция печатных материалов периода Великой Отечественной войны). Оп. 1. Д. 6 «„Витебские ведомости“, орган Витебской горуправы, 1941 г.»

[87] В довоенный период сподвижник В.В. Брандта публицист Д.В. Философов редактировал в Варшаве журнал с аналогичным названием «Новый путь».

работу под германским контролем уже в августе 1941 г. и использовали как кадры местной интеллигенции, так и приезжих членов НТС.

Основателем оккупационной смоленской газеты стал член НТС, журналист и библиограф В.С. Гацкевич[88], по свидетельству И. Дорбы, находившийся во Львове в предвоенные годы одновременно с В.В. Брандтом. Все время существования газеты редактором был член Союза писателей СССР с 1934 г., комсомольский поэт и профессиональный журналист, бывший редактор местной газеты «Рабочий путь» К.А. Долгоненков[89], в подчинении у которого было до 200 чел. Их усилиями велась подготовка в Смоленске многих изданий для населения на оккупированных территориях, печатавшихся затем в Минске, Одессе и других городах. Среди них были журналы: сатирический антисоветский «Бич», художественно-публицистический «На переломе», педагогический «Школа и воспитание», детский «Школьник», а также газеты: «Новый путь», «Голос народа», «За свободу», «Колокол». На этой же полиграфической базе печатались листовки, адресованные советским военнослужащим и гражданским лицам. В Витебске издавались в качестве приложений к газете «Новый путь»: «Юношеский листок», «Сельскохозяйственный листок», «Женский листок», «Белорусское слово»[90].

Изначально работа типографий в Витебске и Смоленске контролировалась германскими военными подразделениями пропаганды (для Витебска — рота пропаганды при штабе 3-й танковой армии, шеф — обер-лейтенант Фишер; позднее в дополнение к этому появилась и русская рота пропаганды). Там же печатались и газеты для германских военнослужащих (в Витебске — «Панцерфауст»). Затем типографии официально были переданы от местного гражданского самоуправления на баланс германских военных.

Совершенно очевидно, что по приказанию германского военного командования в эту пропагандистско-издательскую работу были вовлечены сотни людей, но в мемуарной литературе фактически только А.Л. Брандту вменялась вина антисоветских, антисемитских и прогерманских публикаций как причина его гибели поздней осенью 1942 г. Только в 1987 г. увидели свет воспоминания реальных участников этих событий в Витебске в уже упоминавшейся документальной повести Анатолия Трофимова «Поправка на справедливость», опубликованной в юбилейном сборнике повестей

---

[88] Гацкевич Владимир Семенович (1917–1985), секретарь редакции смоленской газеты «Ударная стройка», зав. межобластным абонементом, библиограф в Смоленской центральной библиотеке. В 1936 г. осужден по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР на 3 года. В период оккупации Смоленска — отв. секретарь газеты «Новый путь», диктор на смоленском радиоузле. В 1950–1958 гг. проживал в США, работал диктором радиостанции «Голос Америки». В 1958–1963 гг. вернулся в СССР, проживал в Смоленске, работал методистом в областном Доме народного творчества. 12 января 1963 г. арестован и 3 июня приговорен Смоленским облсудом к 10 годам лишения свободы по ст. 70, ч. 1, 2, ст. 72, 64 «а» УК РСФСР. Определением Верховного суда РСФСР от 18 июля 1963 г. приговор отменен и дело направлено на доследование. 5 сентября 1963 г. определением Верховного суда РСФСР дело 1936 г. прекращено за отсутствием состава преступления, а дело 1963 г. прекращено на основании Указа Президиума ВС СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период ВОВ 1941–1945 гг.». 11 октября 1963 г. вторично приговорен Смоленским облсудом по ст. 70, ч. 1 и ст. 64 «а» к 10 годам лишения свободы. 12 октября 1963 г. определением Верховного суда РСФСР приговор в части обвинения по ст. 64 «а» отменен и дело прекращено на основании Указа от 17 сентября 1955 г., но по ст. 70 ч. 1 признан осужденным к 7 годам лишения свободы, в заключении находился в Дубравлаге, освобожден 12 января 1970 г. Реабилитирован 3 декабря 1993 г. прокуратурой Смоленской обл. См.: Гацкевич Владимир Семенович. URL: http://archive.is/fM6pr#selection-31.0–47.19 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[89] Долгоненков (Доманенко) Константин Акимович (24.12.1895, Рославль Смоленской губ. — 4.04.1980, Мюнхен), детский писатель. В 1941–1943 гг. — редактор газеты «Новый путь» (Смоленск), после войны — в эмиграции. Публиковался в «Русской мысли» (Париж) под псевдонимом К. Акимыч. URL: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?id=4049&Itemid=61&option=com_content&task=view (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[90] См.: *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. — М., 2004. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn02/kovalev_bn02.html#t36 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

о буднях уральских чекистов. Повесть интересна тем, что воспроизводит буквально стенограммы совещаний в подразделениях штаба 4-й ударной армии Калининского фронта, дополняет неизвестными деталями из отчетов участников ранее уже описанные в литературе события. Так, главными разработчиками плана действий в отношении лиц, окружавших А.Л. Брандта, выступают майор К.Е. Яковлев[91] и старший лейтенант Н.Б. Орлов[92]. В обсуждении этого плана участвовали: начальник разведотдела штаба армии, член Военного совета 4-й ударной армии и первый секретарь Витебского подпольного обкома ВКП(б) полковник И.А. Стулов, партизанский командир М.Ф. Шмырев. На совещании не обсуждался вопрос принципиального возмездия редактору оккупационной газеты, речь шла о его личном знакомстве с командующим 201-й германской охранной дивизии, витебским бургомистром, о возможности получения сведений об учебных подразделениях германских проектов типа «Цеппелин», появившихся в Витебске, Полоцке, Городке, д. Добрино Витебского района и др., куда А.Л. Брандт стал выезжать для проведения занятий[93].

В тот момент советское командование интересовал и стратегический вопрос о возможности участия в войне Турции на стороне Германии, в которой много лет проработал дипломатом Георгий Васильевич Брандт, дед А.Л. Брандта. Кроме того, в окружении Брандта был еще один человек, выведенный в произведении И. Дорбы под именем Прохора Савватеевича Мидюшко[94], после 1945 г. также с территории Турции руководивший одним из направлений разведывательной работы против СССР. Интересно, что турецкую тему позже неоднократно использовал в своем творчестве советский писатель А.Д. Тверской, ученик А.Л. Брандта. В 1959 г. первым напечатанным его произведением стала повесть «Песня над Босфором: Рассказы о Назыме Хикмете»[95], рассказывающая о подготовке в СССР и жизни в Турции активиста Интернационала Н. Хикмета[96]. В 1965 г. он выступил переводчиком творчества Хикмета на русский язык[97] и автором упоминавшейся повести «Турецкий марш», в которой излагает историю своего знакомства с учителем А.Л. Брандтом. Автор четко выделяет из общего повествования смелые рассказы Александра Львовича советскому школьнику про своего деда — царского

---

[91] Яковлев Константин Егорович в 1920-е годы служил в Екатеринбургской ЧК; в 1942 г. — ст. оперуполномоченный контрразведки 4-й ударной армии Калининского фронта. 28 апреля 1943 г. попал в засаду, устроенную подразделением германской тайной полевой полиции ГФП-723 в д. Нестерово Могилевской обл., в бессознательном состоянии со множеством ранений попал в плен, от показаний отказался, был расстрелян.

[92] Орлов Николай Борисович, оперуполномоченный контрразведки 4-й ударной армии Калининского фронта, сослуживец майора К.Е. Яковлева, после 1945 г. проходил службу на Урале. Инициатор послевоенного расследования деятельности А.Л. Брандта.

[93] См.: *Трофимов А.* Указ. соч.

[94] Бывший капитан РККА, окончил курсы «Выстрел», в 1942 г. — начальник (комендант) штаба 624-го батальона 7-го добровольческого казачьего полка (доукомплектовывался в Витебске) из состава 201-й германской охранной дивизии, дислоцированного в Полоцком р-не, где на него партизаны организовали покушение (неудачно). Брат Леопольд был белоэмигрантом, длительное время проживал в Трабзоне (Турция), где в свое время работал консулом Георгий Васильевич Брандт. Родная сестра Людмила Савватеевна Сарычева проживала в социалистической Болгарии. После 1945 г. для встречи с ней П.С. Мидюшко прибыл из ФРГ и был задержан советской стороной с участием начальника следственного отдела УКГБ по Свердловской обл. Николая Борисовича Орлова, воевавшего в 1942 г. на территории Суражского р-на Витебской обл. и изучавшего окружение А.Л. Брандта.

Подробнее см.: *Трофимов А.* Указ. соч.

[95] *Тверской А.Д.* Песня над Босфором: Рассказы о Назыме Хикмете. — М., 1959.

[96] Хикмет Ран Назым (15.01.1902, Салоники — 3.06.1963, Москва), турецкий поэт, прозаик, сценарист, драматург и общественный деятель. Основоположник турецкой революционной поэзии и авангардизма. Член коммунистической партии Турции с 1922 г. Прадеды по материнской линии: 1) уроженец Пруссии, османский генерал Мехмет Али-Паша (наст. имя — Людвиг Карл Фридрих Детройт); 2) османский офицер Мустафа Джелаледдин-паша (поляк Константин Божецкий, фамилию которого, как и польское гражданство, взял себе Н. Хикмет в 1951 г.).

[97] *Хикмет Н.* Сказки / Пер. А.Д. Тверского. — М., 1965.

дипломата[98]. Он цитирует устами Брандта в день начала войны отрывок из стихотворения «Рабочий» (1916) не рекомендованного для советского читателя поэта Н. Гумилева, исполненного религиозной лирики, пророчески прозвучавшего для Брандта и выдавшего осознание им личного греха и смертельной опасности для себя в каком-то важном деле:

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

<…>
Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век (курсив наш — *В.Г.*).
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

В этом смысле интересна связь через семью петроградских Брандтов представителей гумилевского «Цеха поэтов» с варшавским объединением «Таверна поэтов», в котором активно участвовал В.В. Брандт[99]: Александра и Владимира Брандтов объединила не только поэзия, но и гибель в 1942 г.

В воспоминаниях уральских чекистов четко обозначено предварительное нежелание И.А. Стулова и М.Ф. Шмырева принимать решение о ликвидации А.Л. Брандта, их общее отношение выражено словами Стулова, сказавшего, что надо «плюнуть на Брандта, все равно никуда не денется»[100]. Далее коммунист Стулов, неожиданно используя религиозную лексику и обращаясь к майору К.Е. Яковлеву, двусмысленно замечает: «Но как вы думаете обратить изменника в прежнюю веру? А если ошибка, что Брандт неофит? Если он и раньше молился тому, чему сейчас молится? Если литературный кружок и прочее — всего лишь маскировка. Личину всякую надеть можно»[101], — подчеркивая отсутствие своего интереса к этому плану.

---

[98] *Хикмет Н.* Указ. соч. — С. 36.

[99] История литературы русского зарубежья (1920-е — начало 1990-х гг.): Учебн. для вузов / Под ред. А.П. Авраменко. — М., 2011. URL: http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1012 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[100] См.: *Трофимов А.* Указ. соч.

[101] Там же.

Но все тщетно — выступает вперед военная необходимость блокировать деятельность германских учебных подразделений «Цеппелин», затем 5 сентября 1942 г. появляется приказ Сталина, которым партизаны обязывались проникать «во все города, большие и малые, широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу <…> беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками <…> Наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу <…> разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам <…> отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей»[102].

По смыслу этого приказа работникам оккупационных учреждений из числа советских граждан ультимативно предлагалось оказывать помощь сражающейся Родине, чтобы получить шанс сохранить свою жизнь. Характерно, что начальник штаба 624-го казачьего карательного батальона Прохор Мидюшко услышал этот ультиматум и неоднократно недвусмысленно повторял своему коллеге Брандту о главной своей задаче — сохранить жизнь, попутно расспрашивая его о планах в прогерманской пропагандистской деятельности. Именно Мидюшко вольно или невольно помог советскому майору К.Е. Яковлеву, договорившись с Александром Львовичем о личной встрече для дружеской беседы и не явившись на нее. Яковлев, действуя в высшей степени профессионально, совершил героический поступок, вступив в рискованные переговоры с Брандтом на Пролетарском бульваре, прямо в центре города, умудрившись при этом обыскать его и отобрать личное оружие. В ходе этой беседы, начавшейся с выражения признания советской властью педагогических заслуг Брандта, от имени советской военной разведки майор Яковлев призвал Александра Львовича честно служить своему народу: «Не глянется — русскому народу, подразумевайте — немецкому народу. Гитлер — не народ», прямо предупредив о смерти в случае отказа от этого предложения[103]. Брандт в ответ предложил компромиссный вариант: он понизит пропагандистский накал газеты «Новый путь», прекратит преподавать в учебных подразделениях «Цеппелин» и расскажет, что ему известно о них, но завязывать перспективные отношения с военной разведкой не сможет, намекнув, что подобный визит к нему с советской стороны уже не первый.

Следующая встреча была назначена через два дня на Пролетарском бульваре, но она не состоялась, поскольку советской стороной заранее было замечено выдвижение германских военнослужащих в этот район, что было воспринято как подготовка к засаде, и майор Яковлев не пришел. Собственно, этот эпизод и стал решающим в дальнейшей судьбе Брандта, который внял опасности и, по совету начальника отдела СД-9 и В.Ф. Родько, получил приглашение бывшего шефа газеты «Новый путь» зондерфюрера доктора Шеффера и отправился в творческую командировку в Германию. Выехал из Витебска 3 октября 1942 г. сначала в Смоленск, а затем, с группой смоленских журналистов проехав по маршруту: Минск-Брест-Бреславль-Берлин-Штутгарт-Кенигсберг-Минск, вернулся в Витебск 1 ноября 1942 г., что по времени совпало с реформированием советской военной разведки, когда ее армейские подразделения утратили право на зафронтовую деятельность.

В такой обстановке возникла иллюзия его личной безопасности, но механизм уничтожения был запущен еще летом: под наблюдением находился его дом, место работы[104],

---

[102] Боевые действия Красной Армии в Великой Отечественной войне. Приказ о задачах партизанского движения № 00189 5 сентября 1942 г. URL: http://bdsa.ru/приказы-нко-за-1942-год/470–355 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[103] *Трофимов А.* Указ. соч.

[104] *Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В.* Витебское подполье. — Минск, 1974. — С. 144.

даже домработница носила фамилию Пудетская — по названию д. Пудоть в Суражском районе, где располагались подпольный обком ВКП(б) и оперативная чекистская группа[105]. С 18 по 22 ноября 1942 г. Брандт опубликовал в газете «Новый путь» две статьи: «Это мы видели сами» и «В саксонской деревне». Затем при встрече с Мидюшко поделился задумками о статье «Учитель снова побеждает», в которой основной темой проходила мысль «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмарка: учитель дает знания, воспитывает юношество, и молодой человек, став солдатом, одерживает победу над врагом. После этой встречи, утром 26 ноября 1942 г., Брандт был застрелен неподалеку от своего дома пограничником М.Г. Стасенко[106]. 27 ноября тело погибшего было перенесено в витебский Белорусский народный дом для проведения гражданской панихиды, затем погребено на Семеновском кладбище рядом с могилой отца, а 1 декабря, после окончания похоронных мероприятий, в «Новом пути» бургомистр В.Ф. Родько опубликовал некролог[107].

Л. Обухова при изложении этих событий придерживалась принципа: «Любое событие, едва оно совершается, уже может быть пересказано по-разному»[108]. Аналогично поступил и А. Тверской, предложив свою версию событий: Родько, желая сосредоточить в своих руках всю власть гражданского самоуправления в Витебске, изготавливает подложные документы на члена NSDAP[109] А.Л. Брандта, в которых он представлен евреем, приемным сыном Л.Г. Брандта. Родько передает документы германским властям вместе с доказательствами того, что Александр Брандт покровительствует знакомым ему бывшим ученику и ученице 10-й витебской школы, взорвавшим при помощи подпольщиков мост через реку Витьба в Витебске; одному из подпольщиков, отцу этой ученицы, предлагает должность заведующего биржей труда в горуправе, а также предъявляет властям свидетельства того, что А. Брандт пытался спасти от гибели своего бывшего ученика — еврейского юношу[110]. В итоге, по версии Родько, Брандт был повешен германскими властями на территории витебского гетто, в присутствии остатков еврейского населения, под исполненную военным оркестром мелодию «Турецкого марша» Моцарта, постоянно звучавшую осенью 1941 г. во время расстрелов на городской окраине обитателей гетто[111].

Эта смерть подводит итог печальной статистики: буквально на глазах германского военного командования в течение 1942 г. погибло три представителя семейства Брандтов: в январе — Лев Георгиевич, в марте (августе[112]) — Владимир Владимирович, в ноябре — Александр Львович. В послевоенных воспоминаниях одного из очевидцев

---

[105] *Трофимов А.* Указ. соч.

[106] Стасенко Михаил Георгиевич (1909 г. р.) срочную военную службу проходил на границе с Турцией, к 1941 г. — работник в витебском областном ОСВОДе. После 26 ноября 1942 г. в партизанском отряде, погиб 19 мая 1943 г.

[107] *Обухова Л.* Витьбичи. — С. 308–309.

[108] Там же. — С. 307–308.

[109] Национал-социалистическая немецкая рабочая партия Германии.

[110] *Тверской А.Д.* Турецкий марш. — С. 214–215.

[111] Там же. — С. 219.

[112] В изложении И.В. Дорбы, группа Ксении Околович смогла заранее узнать о готовящихся арестах и вынужденно покинула Витебск в августе 1942 г., при этом В.В. Брандт, получивший сведения о группе, внезапно заболел тифом и скончался. Главным лицом группы предстает бывший начальник штаба 29-го Литовского территориального стрелкового корпуса полковник П.Н. Тищенко, автор книги «Связь в стрелковом полку при обороне и наступлении» (Киев, 1936), подчиненный командиру корпуса генерал-майору А.Г. Самохину, военному атташе в Белграде в 1940–1941 гг., позже ставшему начальником 2-го Управления Главного разведуправления РККА. Оба одновременно заняли эти должности в мае-июне 1941 г., отступали с остатками корпуса на Великие Луки, но Самохин все-таки вышел к Москве, а Тищенко в августе 1941 г. был тяжело ранен и без сознания попал в плен, в больницу г. Велижа, где его лечила бывший главврач городской больницы А.Д. Савинова. В марте 1942 г. из-за боев в самом Велиже его перевезли в Витебск, он лечился у К. Околович, достаточно свободно перемещался по городу, общался с германским командованием, имевшим определенные планы в его отношении. Утечка информации через сторожа больницы заставила его свернуть деятельность и выйти из города в отряд Д. Райцева. После окончания войны служил на курсах «Выстрел».

событий той поры в Витебске можно увидеть и такое свидетельство: «Характерно, что ни один русский, служащий СД, за это время убит не был»[113].

В 1942 г. в Витебске погибли из-за принадлежности к антифашистскому подполью другие участники этих событий: педагог Л.Е. Околович с супругой О.П. Околович-Темной; Л.М. Степанов, родной брат жены А.Л. Брандта, в 1941 г. работавший техником в кинотеатре и директором восстановленного чугунолитейного завода в Витебске. Его жена Нина была дочерью педагога П.В. Пороменского[114] (в 1941–1943 гг. — заведующий церковным подотделом отдела культуры Витебской горуправы).

Согласно электронной базе данных Министерства обороны России, 23 февраля 1945 г. скончались в германском городе Плауэне Татьяна Бранд (род. в 1913 г. в Москве) и ее сын Владимир Бранд (род. в Варшаве в октябре 1941 г.), предполагаемые члены семьи Владимира Владимировича Брандта. Причина одновременной смерти матери и сына неизвестна, погребены они в одной могиле (ряд 1/46) на главном кладбище г. Плауэн.

30 сентября 1967 г. в Рио-де-Жанейро в возрасте 65 лет скончалась родная сестра Л.Г. Брандта, общественный деятель и благотворитель Зоя Георгиевна Брандт. Как прихожанка местной православной церкви во имя святой мученицы Зинаиды, после отпевания она была погребена на Английском (Englesa) кладбище в Рио-де-Жанейро (сектор 3, № 754)[115].

Прошедшим ужасы войны, потерявшим родных и близких пришлось начинать жизнь сначала. Для Л. Обуховой и А. Тверского это начало стало литературным, причем тесно связанным со школьными впечатлениями, тем детским отрезком радостной жизни, которая запомнилась навсегда. Они продолжили свои литературные упражнения, выбрав жанр исторических хроник, в которых немалое место отводилось Витебску и теме войны.

Член Союза писателей СССР (1956) Обухова в своих фантастических произведениях для детей и подростков смело использует библейские религиозно-философские образы и понятия в талмудической и гностической интерпретациях. У нее творческая семья: муж Владилен Михайлович Травинский, писатель, философ и журналист. В соавторстве с советской разведчицей М.А. Фортус в 1965 г. написал документальную повесть «Поединок с гестапо», в которой продолжает творческую линию супруги: борьба добра и зла, верности и предательства, выбор допустимого оружия в этой борьбе, личностный выбор определенной этической позиции и следование ей на примере биографии Героя Советского Союза лейтенанта Василия Васильевича Порика, оказавшегося в плену, и его антифашистской деятельности вместе с французскими коммунистами[116].

Скорее всего, имелись веские причины для того, чтобы спустя два десятилетия после окончания войны в семье Обуховой продолжалось осмысление военных историй, так похожих на эпизод с витебскими Брандтами, — и поиск в них библейской справедливости давал импульс литературному творчеству. Возможно, что книги Обуховой и Тверского и стали лучшей формой благодарности их литературным учителям.

Интеллигентский кружок Витебска нес потери на протяжении всей германской оккупации, но в нем не переводились люди, сохранившие свою религиозность, несмотря на все ужасы войны. Забота о храмах и святынях носила скорее общинный характер, это соответствовало духу приходской жизни, и в этом своеобразном приходе военного

---

[113] *Каров Д.П.* Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. — СПб., 2011. — С. 425.

[114] Война унесла жизни и других членов семьи П.В. Пороменского: сына Николая (1915 г. р.), погибшего на Ленинградском фронте; мужа дочери Тамары – летчика, майора М.А. Георгиева, одной из внучек – ребенка дочери Нины.

[115] Приход Русской Православной Церкви во имя святой мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро, Бразилия. URL: http://riorussa.cerkov.ru/istoriya-russkogo-xrama-muchenicy-zinaidy-v-rio-de-zhanejro/metriki-krestivshixsya-venchavshixsya-i-umershix/ (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[116] *Травинский В., Фортус М.* Поединок с гестапо. — М., 1965. URL: http://profilib.com/chtenie/88245/v-travinskiy-mir-priklyucheniy-1965-ezhegodnyy-sbornik-fantasticheskikh-i-7.php (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

времени неожиданно подобрались совершенно разные люди, часто противоположных взглядов. Осознанная необходимость в литургической молитве, почитание святой Евфросинии Полоцкой — вот что приводило в церковь и гражданское население, и участников антифашистского сопротивления[117], и даже их преследователей[118].

До конца 1943 г. в Витебске находилось достаточное количество представителей дореволюционного православия, примером своей жизни оказавших сильное влияние на духовное становление неофитов военной поры, и многие из них были опытными местными педагогами: В.Н. Еленевский, П.В. Пороменский, Г.И. Никифоровский, И.И. Щеглов, Л.Д. Никольский и др. В городской управе работали специалисты-музееведы Иван Василевич[119], Серафим Щербаков, имевшие довоенный опыт по сохранению религиозных святынь. Общими усилиями этих достаточно разных людей, в обстановке, когда осенью 1943 г. линия фронта проходила практически через Витебск, было решено спасти мощи преподобной Евфросинии, эвакуировав их в Полоцк, где 21 октября 1943 г. распоряжением оккупационной власти был открыт Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. На перенесение мощей заранее было получено благословение епископа Смоленского и Брянского Стефана (Севбо), который сам хотел участвовать в этом событии, но ему помешала внезапная эвакуация Смоленска. В этот же день Церковное управление Полоцко-Витебской епархии получило разрешение от штандортскомендатуры Витебска на возвращение мощей преподобной в ее Полоцкую обитель.

На следующий день, 22 октября, в Покровской церкви были отслужены литургия и молебен, утром 23 октября гробница с мощами преподобной была перенесена на украшенную живыми цветами машину и перевезена на железнодорожный вокзал Витебска в сопровождении заведующего Церковным управлением Павла Пороменского, благочинного священника Бориса Чикильдина и шести монахинь. Гробница с мощами была помещена в отдельный вагон, который поздно вечером 23 октября прибыл в Полоцк. На Полоцком вокзале мощи встречали монахини Полоцкого монастыря, все местное духовенство, учащиеся пастырских курсов. Гробницу с мощами в сопровождении большого числа молящихся перенесли в Софийский собор. В воскресенье 24 октября в Софийском соборе была отслужена Божественная литургия и молебен перед мощами преподобной Евфросинии, затем при стечении народа крестный ход с мощами святой Евфросинии с пением акафиста преподобной направился в Спасо-Евфросиниевский монастырь, у реки Полота торжественную процессию встретил монастырский крестный ход, мощи преподобной были внесены в древний Спасо-Преображенский храм, где было совершено всенощное бдение, а 25 октября 1943 г. отслужена Божественная литургия.

Мощи были спасены и до настоящего времени пребывают там, где во время своей земной жизни духовно трудилась святая Евфросиния Полоцкая. В этой истории тесно переплелись судьбы разных людей, разной национальности, но так и не забывших, говоря словами поэта Николая Гумилева:

<…> что осияно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

---

[117] В 1970-е годы П.Л. Лебедев, бывший связной партизанской бригады А. Данукалова, в своих мемуарах упомянул эпизод об использовании Покровской церкви для встречи с витебским подпольщиком. См.: *Горидовец В.В.* Хроника религиозной жизни на территории Полоцко-Витебской епархии.

[118] По свидетельству обер-лейтенанта вермахта Д.П. Карова (наст. Кандауров), в это время священники в Витебске «были интеллигентными и народ не обирали, в политику не вмешивались, а занимались своими духовными делами. <…> Я тоже стал посещать главный храм города, куда по большим праздникам приказал ходить и своим агентам, и все мы там говели по очереди». *Каров Д.П.* Указ. соч. — С. 423.

[119] В его биографии наблюдается линия, совпадающая с витебскими Брандтами. Накануне войны работал на той же должности в Витебском областном музее, печатал в местной газете призывы защищать Родину, с июля 1941 г. работал в местном самоуправлении. Главное отличие в их судьбах — остался жив.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алюнин Г.* Работа на будущее // Народнае слова (Витебск). — 2015. — 10 сент. URL: http://nspaper.by/2009/04/16/rabota-na-budushhee.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988.
3. Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навуковых канферэнцый, [20–21 кастрычніка 2011 г., 14–15 лістапада 2012 г. / Рэдкал.: Г.У. Савіцкі і інш. — Мінск: Нац. б-ка Беларусі, 2013. — 283 с. [Витебские древности].
4. *Гинзбург Б.* Мы из 10-й «Сталинской». Еврейской? // Мишпоха. — № 23. URL: http://mishpoha.org/n23/23a24.php (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
5. *Горидовец В.В.* История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/vs/i/vs.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
6. *Горидовец В.В.* История мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1922–1960 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/007.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
7. *Горидовец В.В.* Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам архивных документов. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/mir/i/spravochnik_2012.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
8. *Горидовец В.В.* Хроника изъятия ценностей у религиозных общин Витебской губернии в 1922 году. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/003.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
9. *Горидовец В.В.* Хроника религиозной жизни на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/017.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
10. *Горидовец В.В.* Хроника событий в жизни Полоцко-Витебской епархии в 1917–1918 годах. URL: http://witebsk.orthodoxy.ru/i2/publ/i/par_1917_1918.zip (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
11. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 391. Оп. 1. Д. 3; Ф. 1947. Оп. 1. Д. 12, 37, 69, 103; Ф. 2073-ОАФ. Оп. 1. Д. 3, 59; Оп. 7. Д. 5; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 6.
12. *Дорба И.В.* Под опущенным забралом. — М., 1985. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/D/DORBA_Ivan_Vasil'evich/_Dorba_I.V.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
13. *Еременко А.И.* В начале войны. — М., 1965. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/eremenko_ai_1/11.html (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
14. *Жилянин Я.А., Позняков И.Б., Лузгин В.И.* Без линии фронта. — Минск, 1975. URL: http://www.litmir.info/br/?b=276786&p=1 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
15. *Журавлев Н.* Жили грешно — умерли с честью // Мол. коммунар (Тула). — 2013. — 26 марта.
16. *Иванов М.* В. Меньшагин Борис Георгиевич // Смоленская область. Энцикл. Т. 1: Персоналии. — Смоленск, СГПУ, 2001. http://old-smolensk.ru/?p=15190 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
17. Информационное письмо СПбФ АРАН № 14111/547.2/236 от 21.09.2015.
18. История литературы русского зарубежья (1920-е — начало 1990-х гг.): Учеб. для вузов / Под ред. А.П. Авраменко. — М., 2011. URL: http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1012 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
19. *Каров Д.П.* Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы: Ист.-док. сб. / Сост. К.М. Александров. — СПб.: Скрипториум, 2011. — 608 с.
20. *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. — М., 2004. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn02/kovalev_bn02.html#t36 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

21. *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 619 с., ил.
22. *Нафанаил (Львов), архиепископ*. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. — Т. 4. — Мюнхен, 1991–1995. URL: http://www.holyfire.org/svid_p_arhiepNafanail.htm (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
23. *Николаев М.Г.* К 90-летию со дня смерти Н.Н. Кутлера: «красные похороны» царского министра // Деньги и кредит. — 2014. — № 5. — С. 70–76.
24. *Обухова Л.* Витьбичи. Исторические новеллы. — Минск: Мастацкая літ., 1974. — 400 с.
25. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. — СПб.: Тип. К. Вульфа, 1864. — VIII, 415 с.
26. *Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В.* Витебское подполье. 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Беларусь, 1974. — 223 с., ил.
27. Русская Эстония. Персоналии. URL: http://russianestonia.eu/ (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
28. *Тверской А.Д.* Песня над Босфором: Рассказы о Назыме Хикмете. — М.: Детгиз, 1959. — 295 с.
29. *Тверской А.Д.* Турецкий марш. — М.: Дет. лит., 1965. — 221 с.
30. *Тимофеичев А.А.* Брандт: перевод на русский. URL: http://www.stihi.ru/2015/03/05/4180 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
31. *Травинский В., Фортус М.* Поединок с гестапо. — М., 1965. URL: http://profilib.com/chtenie/88245/v-travinskiy-mir-priklyucheniy-1965-ezhegodnyy-sbornik-fantasticheskikh-i-7.php (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
32. *Трофимов А.* Поправка на справедливость // Горячее сердце: Повести об урал. чекистах / Сост.: Кондратьев В.П., Корнилов Ю.А., Наумов Г.К. — Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1987. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/_CLASSES/OBS_HUD_DET/_Obs_hud_det_sborniki.html#026 (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

Einsatz der Bildungs — und Kulturschaffenden für die Erhaltung der Kultusgegenstände in Witebsk (1935–1943)

V.V. Goridovec

Im Beitrag behandelt man die Frage über die Beteiligung von Intellektuellen verschiedener Nationalitäten an der Erhaltung von Heiligtümern der orthodoxen Kirche in den Jahren ihrer Verfolgung und während der deutschen Besatzung von Witebsk.

Schlüsselwörter: Reliquien der Heiligen Jefrossinia von Polotzk, orthodoxe Kirche, Antireligionsmuseum, Lev Georgijevič Brandt, Alexander L'vovič Brandt, deutsche Besatzung, Witebsk.

Educational, academic and cultural contribution in the process of storing religious sacred objects in Vitebsk (1935–1943)

V.V. Goridovets

The article considers the question of the participation of the representatives of intelligentsia of different nationalities in the process of storing and protecting orthodox sacred objects in the years of persecution of the church and during the period of the German occupation of Vitebsk.

Keywords: holy relics of Evfrosinia Polotzkaya, Russian Orthodox church, anti-religious museum, Lev Georgievitch Brandt, Alexander Lvovitch Brandt, German occupation, Vitebsk.

УДК 811.112.2

А. Я. Минор

Прозвища поволжских немцев в системе антропонимических средств идентификации личности*

В статье проводится детальный анализ прозвищ с диалектными основами, которые широко использовались жителями поволжского немецкого с. Прайс в целях идентификации человека в социуме. Рассматриваются возможности классификации прозвищ по различным критериям.

Ключевые слова: неофициальные антропонимы, прозвища поволжских немцев, функционирование прозвищ в условиях языкового острова, классификация прозвищ.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среди антропонимических средств, образующих совокупность идентификационных средств, которые используются для выделения человека в социуме, принято различать официальные (стандартные) и неофициальные (субстандартные). В официальную антропонимическую (антропонимную) формулу входят фамилии, имена, отчества. Но в бытовой коммуникации, которая составляет сферу неформального общения, занимающую значительное место в повседневной жизни индивидуума, большую роль играют прозвища, т. е. дополнительные, неофициальные именования человека, использующиеся для наиболее точной, личностной, оценочной характеристики называемого и выделяющие его в коллективе[1]. По словам В.К. Чичагова, прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества[2].

Изучение обоих типов антропонимов как одного из специфических ономастических разрядов имен собственных приобретает особую актуальность в условиях функционирования языка в иноязычном и инокультурном окружении, т. е. в так называемых языковых островах. Особый интерес вызывает процесс сохранения старого, принесенного с исторической родины антропонимикона и заимствование новых антропонимов из языка окружения. Кроме того, с точки зрения социолингвистики, интересно также функционирование антропонимических средств в условиях прочной зависимости, с одной стороны, от конфессиональной принадлежности поселенцев, с другой стороны, от стремления к сохранению и передаче по наследству традиционных семейных имен. Оба фактора существенно ограничивают инвентарную базу немецких антропонимов, используемых в колонистском сообществе в связи с ограниченными языковыми контактами с окружающим населением и практическим отсутствием официальных заимствованных имен из антропонимикона окружающей культуры.

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ, «Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения российских немцев в условиях иноязычного окружения». Грант № 14-04-00281.

[1] *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988. — С. 120.

[2] *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств, фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). — М., 1959. — С. 5.

Правила имянаречения в новых местах поселения немецких колонистов сложились как под влиянием общехристианских традиций, так и в зависимости от кодекса и предписаний конкретной конфессии. Однако реестр имен в любом языке относительно ограничен. Что касается немецкой культуры, то в ней отражаются также конфессиональные ограничения при выборе имени новорожденного, т. к. набор имен у католиков немного отличается от соответствующего набора у протестантов. Принятые у католиков имена, как правило, архаичнее и более привязаны к церковному календарю.

Таким образом, в немецких колониях к середине 20-х годов XX в. в каждой колонии сформировался ограниченный конфессиональными требованиями и семейными традициями реестр личных официальных имен. Данные официальные именования поселенцев также имеют свою историю. Отметим здесь, что в процесс функционирования немецких антропонимов на новой родине переселенцев из германских земель зачастую вмешивалось государство, преследуя свои конкретные цели, превращая естественный генезис системы национального имянаречения в политический инструмент[3]. Несмотря на огромное социолингвистическое и этнографическое значение исследования субстандартных антропонимов, способов их формирования и эволюции в условиях иноязычного окружения, данным вопросам до настоящего времени уделяется недостаточно внимания. Так, различные аспекты, связанные с эволюцией имянаречения, в плане изменения идентичности российских немцев в условиях языкового острова, встречаются в работе А.Я. Минора[4]. Наиболее полный перечень личных имен советских немцев из Казахстана содержится в работе А.И. Назарова[5]. Проблему личных имен как проявление исторической памяти российских немцев исследует группа лингвистов из Томска под руководством З.М. Богословской[6]. Косвенно о различных прозвищах персонажей в немецком драматическом тексте речь идет в работе В.Б. Меркурьевой[7]. Прозвища колонистов пока не стали объектом исследования ученых-лингвистов. Одной из причин такого положения вещей является их неофициальный статус, что стало причиной того, что прозвища, как правило, не фиксировались ни в одном официальном документе и, следовательно, не дошли до современного исследователя.

В качестве источников, в которых могут встретиться прозвища, необходимо исследовать тексты художественной литературы, прежде всего шванки, этнографические заметки, воспоминания и аналогичные письменные источники. Одним из способов сбора прозвищ, бытовавших и бытующих среди немецкого населения в России, является анкетирование населения, в том числе и при помощи различных опросов на форумах с целью сбора неофициальных, дополнительных имен-идентификаторов личности.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ

Рассмотрим кратко процесс развития и функционирования антропонимов в среде поволжских немцев с момента их поселения на Волге до времени их депортации в 1941 г.

---

[3] Немецкие фамилии на русской земле. URL: http://wolgadeutsche.ucoz.ru/forum/29–405–1 (дата обращения: 20 мая 2016 г.).

[4] *Minor A.* Identitätswandel unter Sprachinselbedingungen // Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik: Beiträge zur interkulturellen Germanistik. Bd. 5 / Hrsg. von C. Földes. — Tübingen, 2014. — S. 143–157.

[5] *Назаров А.И.* Личные имена советских немцев: Слов.-справ. — Алма-Ата, 1990.

[6] *Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.*В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев // Ежегодн. Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры рос. немцев. — 2015. — № 1. — С. 336–338.

[7] *Меркурьева В.Б.* Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах: отношения комплементарности и изоморфизма // Автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Иркутск, 2005. — 33 с.

До известного указа императора Александра II от 4 июня 1871 г., который отменял все привилегии, дарованные переселенцам Манифестом Екатерины II, все делопроизводство в колониях велось на немецком языке и имена записывались в регистрационных книгах по немецкой традиции. Перевод делопроизводства на русский язык привел к тому, что имена колонистов стали записываться в регистрационные книги так же, как и имена русских крестьян. Таким образом, имя колониста, вернее поселянина-собственника, теперь состояло из трех компонентов; патронимическая часть имени образуется по русскому образцу с суффиксами *–вич* или *–овна/евна*: Например: *Аллерборн Александр Филиппович, Майер Анна Августовна.* При наличии двух имен по достижении взрослого возраста необходимо было выбрать одно, например: *Рамборг Анна-Магдалена Антоновна.*

Следующим моментом, который также внес основательные коррективы в антропонимику поволжских немцев, стало решение партии и правительства СССР о коренизации, т. е. политической и культурной кампании советской власти в национальном вопросе в 20-х и начале 30-х годов XX в., призванной сгладить противоречия между центральной властью и нерусским населением СССР. Коренизация выражалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, создании национально-территориальных автономий, внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство, в образование, поощрении издания СМИ на местных языках. К слову, в конце 1930-х годов коренизация была негласно отменена, многие ее активные участники репрессированы. На смену политики использования национальных языков и национальных кадров пришло повсеместное внедрение русского языка как языка межнационального общения. Тем не менее коренизация привела к созданию значительного слоя образованных специалистов из представителей национальных меньшинств СССР, а также к созданию сети образовательных учреждений с нерусскими языками обучения.

В ходе проведения политики коренизации в АССР НП немецкому языку был придан статус государственного, была принята инструкция о переходе в делопроизводстве на немецкий язык. Постановление «О введении немецкого языка как официального языка в государственных учреждениях Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья» было опубликовано в республиканской газете „Nachrichten“ и русскоязычной газете «Трудовая правда» в августе 1927 г.[8]

Коренизация как особая составная часть национальной политики коснулась также имен собственных и правил перевода немецких имен на обязательное в русской традиции указание имени отца — отчества. В немецкой традиции, как известно, патронимы при именовании человека не применяются. В ходе проводимой политики была отменена система записи немцев в различные реестровые книги на русском языке. При переходе же к немецкому написанию имен поволжских немцев была использована форма имени отца в родительном падеже с артиклем ***des*** без падежного окончания ***— s***. Для сравнения приведем некоторые имена жителей с. Прайс в новой форме, утвержденной в начале 20-х годов:

Haag Johannes des Johann-Peter
Hofsetz Joseph des Peter
Safeuer Alexander des Johannes
Schmidt Johannes des Zacharias
Strewenski Pius des August
Schneider Johannes des Peter[9].

[8] Nachrichten. — 1927. — № 184. — 14 August. — S. 4.
[9] ГИАНП. Ф. Р-1821. Оп. 1. Д. 31. Л. 24 –29.

Официальные документы оформлялись, как правило, на русском и немецком языках. В качестве примера можно привести опубликованный в № 203 республиканской газеты „Nachrichten“ за 29 августа 1941 г. пропитанный кровью комсомольский билет Гейнриха Филипповича Гофмана (Hoffmann Heinrich des Philipp), героически погибшего на фронте.

РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО ОСТРОВА

Исторически антропонимикон поволжских немцев формировался в процессе их культурно-хозяйственной деятельности на новой родине, куда они прибыли из различных германских земель по приглашению российской императрицы Екатерины II в период с 1764 по 1767 г. Направляя переселенцев в колонии по конфессиональному принципу, российские власти стремились избежать трений и разногласий на религиозной почве, помня о религиозных войнах, потрясших Европу в период после реформы церкви в европейских странах, в т. ч. в Германии. Данное решение оказало большое влияние на развитие системы личных имен в колониях, т. к. католики и протестанты имели свои каноны в имянаречении детей.

В новых поселениях колонисты продолжали традиционно называть детей привычными католическими или протестантскими именами. Сохранению данной традиции способствовали в очень сильной мере католические и протестантские священники. Если еще учесть, что колонистам была доступна прежде всего религиозная литература, такая как Библия, катехизис, псалмы и календари, то можно утверждать, что набожные колонисты искали имена именно в данных источниках. Следующим шагом стало наследование традиционных семейных имен, о чем свидетельствуют переписи населения, проводившиеся в немецких колониях на Волге. Кроме того, жители колоний практически не покидали ее пределы, и браки заключались в основном между односельчанами, и со временем возникло много новых семей с одинаковыми фамилиями.

Факт тотального совпадения фамилий и личных имен, имен отцов и дедов, а также довольно часто и имен матерей и бабушек описан в этнографическом исследовании пастора Эдуарда Сайба из колонии Варенбург.

В начале учебного года к учителю подходят два мальчика и просят внести их в список школьников. Оказывается, что у них одинаковые фамилии и имена. Учитель пытается найти хоть какое-то различие. Проверяются имена отцов, дедушек, матерей. Все напрасно — полное совпадение, и лишь дойдя до девичьей фамилии бабушки, учитель, наконец, находит тот признак, по которому можно различить ребят: *Heinrich-Franz Lipps,* у бабушки которого девичья фамилия ***Ziege*** и *Heinrich-Franz Lipps,* внук урожденной ***Geis.*** «Ну, наконец-то», — восклицает учитель. Обращаясь к мальчикам, он говорит: «Тебя буду называть **Geisa-Lipps**, а тебя — **Ziega-Lipps**».

„Schulmaaster, schreibt uns uff!“

„Wie schreibst du dich?“, wendet sich der Angeredete zu einem von zwei vor ihm stehenden Knaben und will damit seinen Familiennamen erfahren.

„Lipps.“

„Und du?“, fragt er den anderen.

„Lipps.“

„Wie heißt du mit Vornamen?“

„Heinrich Franz.“

„Und du?“ zum zweiten gewandt.

„Heinrich Franz.“

Sind nun in der Abteilung noch keine Lipps mit diesen Namen, so sagt der Schulmeister zum ersten: „Du wirst Heinrich Lipps aufgerufen“, und zum zweiten: „Und du Franz Lipps“.

Sind diese Namen aber schon vertreten, so geht das Examen weiter wie folgt:
„Wie heißt dein Vater?“
„Heinrich Franz.“
„Und deiner?“
„Heinrich Franz.“
„Wie heißt deine Mutter?“
„Marie Katharina.“
„Und deine?“
„Maria Katharina.“
„Was für eine geborene ist deine Mutter?“
„´ ne Radisen.“
„Und deine?“
„´ ne Radisen.“
„Wie heißt dein Großvater?“
„Heinrich Franz.“
„Und deiner?“
„Heinrich Franz.“
„Wie heißt deine Großmutter?“
„Marie Katharina.“
„Und deine?“
„Marie Katharina.“
„Wie schreibt sich deine Großmutter?“
„Geis.“
„Und deine?“
„Zieg.“
Na endlich! „Also du“, wendet er sich zum ersten, „wirst Geisa-Lipps aufgerufen und du Ziega-Lipps“[10].

Согласно предварительным данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в с. Прайс проживало 2726 чел., которым принадлежало 551 хозяйство[11]. В ходе проведения этнографической экспедиции 1926 г. А. П. Дульзон записал прозвища 240 чел., в основном это были главы семей и крестьянских хозяйств с. Прайс[12].

Из приведенных 240 чел. самую распространенную фамилию — Safeuer — имели 16 семей, Kreismann — 14, Jungblut — 12, Minor — 10, Denk — 9, Holzmann — 8.

По 7 семей носили фамилии Brendel, Karp, Kreis, Schmidt. Фамилии Krug и Weiß имели 6 семей. Wild, Strack, Schneider, Ramburger, Becker, Decker, Glock были представлены 5 семьями, Dulson, Hailand, Kunz, Peitsch, Rollhäuser, Redel, Strewenski, Schiffelbein — 4, Schröffer, Lindner, Nich, Haag, Hofsetz, Butwil, Degel — 3, а Bigart (Bickard), Eberling, Fritz, Fuchs, Kreter, Müller, Prediger, Philipp, Schön, Safenreiter — 2.

Не имели однофамильцев семьи Weißel, Wagner, Useldinger, Scholl, Schank, Scharf, Meier, Manus, Leßler, Kester, Keßler, Klein, Dietrich, Berger, Böm, Bierwerth, Baumtrog, Braun и Allerborn.

Таким образом, менее чем на половину жителей с. Прайс, а это приблизительно 1300 чел., приходится всего 64 фамилии. Некоторые семьи, например, Сафойер, имели 16 семей-однофамильцев, Крайсман — 14, и т. д. Однофамильцев с количеством семей от 16 до 5 в селе насчитывается 177 семей, и всего 63 семьи имели от четырех до двух

---

[10] *Seib E.* Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1967/68 / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — [Stuttgart, 1968]. — S. 154.

[11] Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по АССР Немцев Поволжья. — Покровск, 1927 // Geschichte der Wolgadeutschen. URL: http://wolgadeutsche.net/history/perepis1926.htm (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

[12] ГИАНП. Ф. Р-1821. Оп. 1. Д. 31. Л. 24–29.

однофамильцев. Простой подсчет подсказывает, что проблемы с однозначной идентификацией жителей села были неизбежны.

Данный материал имеет огромную историческую и этнолингвистическую, прежде всего ономастическую ценность, т. к. представляет уникальную возможность восстановить картину возникновения прозвищ и их функционирование в замкнутой сельской общине в условиях языкового острова. Прозвища активно использовались в ходе коммуникации особенно с ростом населения, когда личное имя уже не может индивидуализировать того или иного представителя коллектива и односельчане начинают использовать дополнительный индивидуализирующий знак — прозвища.

При первом взгляде на бытовавшие в Прайсе прозвища бросается в глаза их нейтральность, иначе говоря отсутствие в семантике большинства прозвищ иронично-сти, возвеличивания, восхваления, уничижения и тому подобных коннотаций. Создается впечатление, что прозвища действительно создавались с одной-единственной целью — однозначно идентифицировать человека. Например:

Wild Johannes des Heinrich — wildəhenəsahanəs — dem Wild Heinrich sein Johannes.

Kreis Wilhelm des Johannes — kraizəhaniglsa wiləm — dem Kreis Johannes sein Wilhelm.

Таким образом, большинство дополнительных имен (прозвищ) практически уточняют, о каком человеке идет речь, в целях языковой экономии используется самое первое и надежное средство, т. е. имя отца. Собеседник называет фамилию и имя человека, а затем добавляет, чей он сын. В первом примере человек идентифицируется как Иоганн, сын Генриха Вильда, во втором примере: Вильгельм, сын Иоганна Крайза. Социолингвистическая ситуация в таких случаях подсказывает, что необходимо указать имя отца человека, об идентификации которого идет речь. Русский язык в таких случаях пользовался формой Петр (сын) Иванов Петров. Однако среди прозвищ жителей с. Прайс можно встретить также модели с другим идентифицирующим компонентом. В частности, какой-либо физический признак человека, какой-либо жизненный эпизод, оставшийся в памяти односельчан и ставший тем единственным индивидуализирующим признаком, признанным всеми членами сельского сообщества, и некоторые другие аспекты, на которых остановимся подробнее при создании классификации неофициальных имен жителей с. Прайс.

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ АНТРОПОНИМОВ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ

Вся совокупность прозвищ поддается классификации по основным моделям и структурам. В основе каждой модели лежит какой-либо признак, присущий носителю прозвища.

По физическому признаку, присущему обозначаемому лицу

Safeur Johannes des Johannes-Peter — dr šebə: der Schiefe — *косолапый.* Фонетическое явление — не передвинутое p→f, при этом *p* озвончается в интервокальной позиции.

Safeur Heinrich des Konrad — dr laŋəšwardzə — der Lange-Schwarze — *высокого роста, черноволосый.*

Safeur Peter des Johannes — Peter — dr laŋnazəpeidr — der Lange-Nase-Peter — *Петр-Длинный нос.*

Rollhäuser Johannes des Konstantin — m louməsahanəs — dem Lahmen sein Hannes — *Ганнес, сын Хромого.*

Lindner Jakob des Wilhelm — gowəzəšwardzə — dem Gowe (Jakowe) sein Schwarzer — *черноволосый (сын) Якова.*

Weiß Johannes des Johannes-Peter — s routāɤə — das Rotauge — *Красный глаз.*

Holzmann Alexander des Alexander — buklijəsandr — der Buckelige Sander – *Горбатый Сандер (Александр).*

Glock Johannes-Peter des Johannes-Peter — klogədigə — der dicke Glock — *толстяк Глок.*

Redel Georg des Georg — faitsšebə — Faits Schebe (Schiefe) — *косолапый Файта.*

Hofsetz Ferdinand des Jakob — begrjāpsgšournə — Beckers Jakob, der Geschorene — *Яков Бекер, постриженный.*

По какому-либо жизненному эпизоду

Holzmann Eduard des Heinrich — m holtsmansaldāt sa eidwart — dem Holzmann-Soldat sein Erward — *Эдвард, сын Гольцмана-солдата* — солдатское прошлое именуемого.

Baumtrog Johannes des Heinrich — dr galoš — der Galosch — видимо, первым купил и стал носить калоши.

Haag Johannes des Johannes-Peter — karmans ūlə — Ule vom Karaman — очевидно, прежде жил на реке Караман; компонент Уле не выводится из официального имени, скорее всего это наследственное прозвище от предыдущего поколения.

Jungblut Peter des Johannes — saltskruk — der Salzkrug — видимо, по какому-то эпизоду с солью.

Kreis Adam des Johann — kalać — der Kalatsch — эпизод с калачом или калачами, возможно, был пекарем.

Schneider Heinrich des Johannes — šnoiglsrus — der Schnoigls (Schneuz) Russe — видимо, знал русский язык, характерной особенностью было шмыгание носом.

Kreismann Michael des Michael — fridriçdiŋəmišgə (hat bei Friedrich Denk (daiclenz) als Tochtermann geheiratet) — Мишка (зять) Фридриха Денка, женился на дочери Денка и стал жить у тестя, отсюда прозвище.

Использование русского варианта имени

Schneider Michael des Johannes — šnoiglsmišgə — Schnoigls (Schneuz) Mischke — *Мишка, шмыгающий носом.*

Peitsch Alexander des Johannes — baidźəsašgə — Beitsch-Saschke — *Сашка Пайч.*

Kreis Alexander des Alexander — dr kraizəsašgə — Крайс Сашка.

Useldinger Andrei des Andrei — uzəldingršandrušge — Узельдингер Андрюшка.

Denk Thomas des Peter — stariksdomas — Томас (сын) Старика.

Holzmann Johannes des Heinrich — štebgəshanəs — Stepkes Hannes — *Степкин Ганнес.*

Дети по старшинству

Meier Anna des August — m mājərškląnə sa doxdr — dem Meier dem Kleinen seine Tochter — *младшая (дочь) младшего Майера.*

Dietrich Anna Maria — dītriçskrouzə — Dietrichs Große — *старшая (дочь) Дитриха.*

Glock Leo des Peter — m kunrātsklānə sa leo — dem Kunrad dem Kleinen sein Leo — *Лев (сын) младшего Кунрада.*

Degel Elisabeth des Johannes — di klāndeiɤlizn — die kleine Degel Lise — *младшая (дочь) Дегеля Лиза.*

По роду занятий, профессии

Decker Peter des Jakob — dr šustrdegr — der Schuster-Decker — *сапожник Декер/Дегер.*

Dulson Adolf des Johannes-Peter — m duwaksdulszansa ādolf — dem Tabaksdulson sein Adolf — *Адольф (сын) Дульзона-табачника.*

Holzmann Georg des Johannes — kawagəholtsmansjorç — Kein-Wagen-Holzmann-Georg — *Гольцман Георг, бестележный.*

Denk Heinrich des W. — šulmāstrshainriçj — Schulmeisters Heinrich — *Генрих, сын шульмейстера.*

Denk Alexander des Friedrich — m šulmāstršfrants sa aleksandr — Александр (сын) шульмейстера Франца.

Safeur Katharina des Josef — muzekandəsafra — dem Musikanten seine Frau — *жена музыканта.*

Hailand Johannes-Peter des H. — dr faulə hailant — der Faule-Hailand — *Ленивый Хайланд.*

Унаследованные прозвища, т. е. прозвища, этимология которых невыводима из их отдельных компонентов

Manus Johannes des Michael — štrowlshanəs — Struwwel-Hannes — Struwwelpeter (по аналогии со Степкой-растрепкой).

Haag Hannes des Peter — s ūljə — das Ulchen —?

Haag Johann des Andreas — ūləswanə — Ules Wanje — *Ваня (сын) Уле* (передача имени на русском языке).

Jungblut Johann des Johannes — belrman — Bellermann?

Ramborg A. — Marg. des Ant. — s reizəaməkreidjə — das Reise Anne-Margarettchen des Anton — первый компонент прозвища нельзя вывести из прозвища, видимо, ее девичья фамилия была Райс.

Eberling Katharine des Andreas — bidlšmegrn — видимо, по девичьей фамилии.

Schmidt Katharina des J. — di hubupsn — видимо, по девичьей фамилии.

Weiß Elis. des G. — hambaltsišlis — Hambaltsisch Lise — Lise Hambalt, суффикс *sch* используется и сегодня для указания на принадлежность человека, как правило, женщины к какой-то семье, например: die Hambaltsisch, die Bäckersch(en).

Следующие два человека, видимо, двоюродные братья; в качестве антропоосновы взят компонент Битцке, скорее всего, это девичья фамилия матери или бабушки, и имя:

Hailant Jos. des H.-Fr. — bitsgəsjouźəp — Bitskes Josep и *Hailant Adam des Jos — bitsgəsādam* — Bitskes Adam.

Прозвища женщин по имени или прозвищу мужа или отца

Braun Helena des Adam — m praunsoskəsa fra — dem Braun Joske seine Frau — *жена Брауна Оськи.*

Becker Barbara des Adolf — fridriçdiŋəbärwl — Bärbel die Tochter von Friedrich Dinge — *дочь Фридриха Динге.*

Dulson Maria des Johannes — pepsmarī — die Peps Marie — видимо, по девичьей фамилии Марии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в условиях изоляции от основного языка в диалектах поволжских немцев продолжали действовать законы развития и изменения языка, в том числе в области культурно-языковой прагматики. Носители диалекта с. Прайс находили весьма четкие и однозначные языковые средства для идентификации отдельной личности в замкнутом сельском сообществе, используя все доступные им языковые средства.

Архивный материал, подвергнутый анализу с точки зрения потенциала языковых средств, находящихся в распоряжении носителей диалекта с. Прайс, может служить моделью формирования и функционирования прозвищ в других немецких колониях Поволжья и показать механизм наречения прозвищем какого-либо члена сельского сообщества с целью его однозначной идентификации.

Исследование корпуса прозвищ с. Прайс показывает также, что среди антропонимических средств неофициальные антропонимы играют важную роль в процессе бытовой коммуникации, особенно на фоне многократно повторяющихся одинаковых фамилий и имен.

Лексико-семантический анализ антропооснов и способов номинации в неофициальной сфере с. Прайс позволил выделить семь ключевых моделей прозвищ, выявляющих особенности быта, культуры и ведения хозяйств в колонии Прайс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.В.* Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев // Ежегодн. Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры рос. немцев. — 2015. — № 1. — С. 336–338.
2. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. Р-1821. Оп. 1. Д. 31.
3. *Меркурьева В.Б.* Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах: отношения комплементарности и изоморфизма // Автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Иркутск, 2005. — 33 с.
4. *Назаров А.И.* Личные имена советских немцев: Слов.-справ. / АН КазССР, Ин-т философии и права. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 118 с.
5. Немецкие фамилии на русской земле. URL: http://wolgadeutsche.ucoz.ru/forum/29–405–1 (дата обращения: 20 мая 2016 г.).
6. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
7. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по АССР Немцев Поволжья. Покровск, 1927. URL: http: // Geschichte der Wolgadeutschen (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
8. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств, фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). — М.: Госпедгиз, 1959. — 128 с.
9. *Minor A.* Identitätswandel unter Sprachinselbedingungen // Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik: Beiträge zur interkulturellen Germanistik. Bd. 5 / Hrsg. von C. Földes. — Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH +Co. KG, 2014. — S. 143–157.
10. Nachrichten. — 1927. — № 184. — 14. August. — S. 4.
11. *Seib E.* Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1967/68 / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — [Stuttgart, 1968]. — S. 145–209.

Beinamen der Wolgadeutschen im System anthroponymischer Mittel der Personenidentifizierung

A.Ja. Minor

Im Beitrag analysiert der Verfasser eingehend die dialektal gefärbten Beinamen der Bewohner des wolgadeutschen Dorfes Preis, die eine Person in der Gemeinschaft kennzeichnen sollten. Es werden die Möglichkeiten der Klassifikation der Beinamen nach verschiedenen Kriterien betrachtet.

Schlüsselwörter: Informelle Anthroponyme, Beinamen der Wolgadeutschen, Funktionieren der Beinamen in deutschen Sprachinselgebieten, Klassifikation der Beinamen.

Nicknames of Volga Germans in the system of anthropological means of identification

A.J. Minor

This article is devoted to the detailed analysis of dialect based nicknames which were widely used by the residents of the German village of Preis in the Volga region for the purpose of a social participant identification in the society. The possibilities of classification of nicknames according to various criteria are considered.

Key words: unofficial anthroponyms, nicknames of Volga Germans, the functioning of nicknames on linguistic Islands, classification of nicknames.

УДК 811.112.2′276(571.51)+ 811.112.2′36

В.А. Дятлова

Сравнительная характеристика морфологических особенностей островных верхненемецких говоров Сибири

В статье дается краткий обзор морфологических особенностей немецких диалектов в России: склонение имен существительных, прилагательных и местоимений; категория числа существительных; спряжение глаголов и образование их временных форм. Для морфологического строя характерно углубление аналитических тенденций.

Ключевые слова: морфология немецких диалектов в России, категория падежа и числа, унификация падежей, развитие единого субъектно-объектного падежа, спряжение глагола, временные формы глагола, редукция падежных и личных окончаний, тенденция к аналитизму.

Немцы образовали в Сибири (как и в других местах своего компактного проживания) новое языковое сообщество с его уникальной субструктурой, не имеющее аналогов на исторической родине, поскольку сообщество прошло иной путь, обусловленный специфическими социальными и языковыми условиями. Уникальность и гетерогенность языка российских немцев необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения своеобразия смешения диалектов в иноязычном окружении в каждом конкретном случае.

Внимание лингвистов привлекают в этом случае своеобразный характер смешения говоров в условиях значительной удаленности от первоначальной локализации, многообразие форм их существования. Неоднородная языковая картина немецких говоров обнаруживает много вариантов, как фонетических, лексических, так и морфологических. Особый интерес вызывает также наличие определенной корреляции языкового варьирования в соотношении с социально-демографическими (преимущественно возрастными) характеристиками носителей говоров.

Исследованием языковых изменений в области морфологии занимались многие диалектологи, в основном в качестве общей характеристики того или иного диалекта[1]. В последнее время стали чаще говорить не о чисто морфологических особенностях, а о морфосинтаксических, что связано, в первую очередь, с развитием аналитизма в диалектах. Тенденция к развитию аналитического строя наблюдается

[1] *Москалюк Л.И.* Современное состояние островных немецких диалектов. — Барнаул, 2002; *Дятлова В.А.* Тенденции развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения: Дис. … канд. филол. наук. — Омск, 1988; *Ермякина Н.А.* Структурно-семантические особенности простого предложения в островных западносредненемецких говорах Красноярского края: Дис. … канд. филол. наук. — Красноярск, 2006; *Александров О.А., Богословская З.М.* Немецкий «островной» говор Томской области. Моногр. — Томск, 2008; *Смоля М.С.* Реализация грамматических категорий имени прилагательного в островном немецком говоре: Дис. … канд. филол. наук. — Барнаул, 2011.

© В.А. ДЯТЛОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 180–192.

в большинстве языков флективного типа[2]. Причину этого явления обычно усматривают в фонетической редукции окончаний.

При описании диалектов используются различные методы: сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, описательный, структурно-типологический. Многие исследователи отмечают, что фактов спонтанной речи для систематического изучения языка совершенно недостаточно; в полевой работе должен преобладать метод целенаправленного интервьюирования по определенной программе, а в области грамматики и лексики нужны специально разработанные анкеты в зависимости от цели исследования[3].

В данной статье представлен краткий обзор развития грамматического строя немецких диалектов в Сибири.

Морфологическая структура верхненемецких говоров обнаруживает заметные изменения в сторону упрощения всей системы грамматических категорий. Причины упрощения усматриваются как в собственно языковых законах развития, так и в воздействии внешних факторов на адаптирующуюся систему языка, к важнейшим из которых относятся влияние окружающей среды, влияние другого этноса.

Еще в свое время С.А. Миронов, занимавшийся проблемами смешения диалектов, отмечал, что в диалектах наблюдается более «последовательная и решительная», чем в письменной языковой норме, тенденция к анализу и отмиранию флексии. Это обусловлено, по его мнению, прежде всего «особенностями развития диалектов как живых народных говоров, не связанных с письменной традицией, заключающей языковой строй в малоподвижные нормативные рамки, не отражающие интенсивного хода развития живой устной речи»[4]. Особый упор ученый делает на факт самостоятельного развития диалектов, независимо от литературного языка и его воздействия, отмечая, что диалект ушел значительно дальше литературного языка в более последовательном проведении анализа.

В начале XX в., исследуя поволжский диалект с. Пройс (Preuss), А.П. Дульзон отмечает наличие следующих морфологических особенностей:

1. Потеря личного окончания у глаголов в презенсе 1-го л. ед. ч;
2. Отсутствие преломления во 2 и 3-м л. ед. ч. в презенсе сильных глаголов;
3. Потеря окончания-n во мн. ч. в презенсе глаголов;
4. Замена простых флективных времен сложными аналитическими;
5. Потеря окончания-е во мн. ч. имен существительных женского рода;
6. Потеря окончания-n во мн. ч. имен существительных.

При этом на вопрос, что исчезает в первую очередь, а что сохраняется и почему, А. Дульзон не дает ответа: „Es ist ein eingehendes Studium der konkreten historischen Verhältnisse notwendig, die sich aus dem Zusammenwirken der besprochenen Faktoren ergeben“[5]. Однако указывается на необходимость внимательного рассмотрения и тщательного анализа следующих факторов: количество говорящих на том или ином диалекте, их контакты, наличие диалектов в одном селе (местности) — чем больше диалектов вступает в контакт, чем разнообразнее их различия, тем быстрее происходит процесс смешения, тем ярче проявляется тенденция к аналитизму (синкретизм в падежной системе имен существительных, аналитические формы двойного перфекта и плюсквамперфекта, распад системы сослагательного наклонения, исчезновение

[2] *Жирмунский В.М.* Развитие строя немецкого языка // Общее и герман. языкознание. — Л., 1976. — С. 334–385.

[3] *Кибрик А.Е.* Как стать полевым лингвистом? (Из личного опыта на ОСиПЛе, филфак МГУ) // Полевая лингвистика / Отв. ред. М.Е. Алексеев. — М.; Махачкала, 2007. — С. 99–124.

[4] *Миронов С.А.* Общие тенденции развития грамматического строя немецких диалектов // Учен. зап. ЛГУ. — Сер. филол. наук. — Вып. 5. — Л., 1941. — С. 292–314.

[5] Цит. по: *Berend N., Jedig G.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. — Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. — S. 94.

претерита и др.). С другой стороны, возникает много особенностей, вариантов фонем, словообразований и т. д. В первую очередь исчезают так называемые первичные признаки двух контактирующих диалектов.

Для немецких диалектов, как и для германских языков в целом, присущ в значительной мере аналитический характер именной морфологии, характерно не полное устранение флективных падежей, а лишь упрощение и сокращение *падежной системы*. Средненемецкие диалекты в большей степени склонны к двухпадежной системе, в которой именительный падеж часто противопоставлен «падежу дополнения», т. е. объединенному дательно-винительному падежу, обычно выступающему в форме винительного падежа. Кроме этого, падежные отношения выражаются за счет артиклей и (или) предлогов. Причем артикли, как правило, употребляются в беспредложных, чисто падежных конструкциях, а предлоги — главным образом для выражения пространственных и временных отношений.

Основным отличием современных немецких диалектов от литературного языка является отсутствие родительного падежа как особой грамматической категории. Родительный падеж раньше других падежей подвергся вытеснению и замене описательными и предложными конструкциями. Причины этого явления сводятся в основном к следующим: фонетической редукции, полифункциональности генитива, пестроте форм родительного падежа, тенденции немецкого языка к аналитизму, конкуренции других грамматических средств, полный отказ от именного склонения и то обстоятельство, что с точки зрения своей морфологии определенный артикль остался в сфере местоимения[6]. Исчезновение генитива из активного употребления в немецких диалектах приводит к замене его притяжательной конструкцией — датив + притяжательное местоимение: n noxpr soin hunt „dem Nachbar sein Hund“ или аблативной конструкцией: предлог von + дат.: der Briaf vom a Doktar[7].

При определении типов склонения имен существительных в диалектах во внимание берется грамматический род, а не традиционное деление на сильное, слабое и женское склонения. Это связано с тем, что в исследуемых говорах произошла полная редукция падежных флексий. Исходя из этого, различаются три типа склонения имен существительных: склонение существительных мужского, среднего и женского родов.

Парадигма склонения существительных в исследуемых говорах[8]

Верхнегессенский говор

	Единственное число			Множественное число		
Род	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.
Муж. род	der	dem	den	di	dr (dęne, di)	di
Средн. род	des	dem	des	di	dr (dęne, di)	di
Жен. род	di	dr (dęre)	di	di	di (dęne)	di

Смешанный говор

	Единственное число			Множественное число		
Род	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.
Муж. род	der	den	den	di	di (dęne)	di
Средн. род	des	des	des	di	di (dęne)	di
Жен. род	di	di	di	di	di (dęne)	di

[6] *Канакин И. А.* Об одной из причин утраты родительного падежа в немецких диалектах // Вопр. герман. и роман. филологии. Науч. тр. — Вып. 49. — Новосибирск, 1969. — С. 108–112.

[7] *Миронов С. А.* Указ. соч. — С. 295.

[8] *Дятлова В. А.* Указ. соч. — С. 49–50.

Отсутствие окончаний у имен существительных и недостаточно четкая дифференцированность форм лексико-грамматических уточнителей (артикля, атрибутивного местоимения) привели к созданию своеобразной падежной системы в исследуемых говорах.

- В женском и среднем роде единственного числа у информантов смешанных говоров все падежи формально совпали в одном субъектно-объектном падеже (смешение датива с аккузативом с победой в женском и среднем роде формы аккузатива): di fra:, mit di fra:, fir di fra: „die Frau, mit der Frau, für die Frau“, di vaivr, mit di vaivr, fir di vaivr „die Frauen, mit den Frauen, für die Frauen“, uf di tize „auf den Tischen“ . Т. е. здесь наблюдаем полную победу предложной конструкции над падежными оборотами.
- У представителей верхнегессенского в женском и среднем роде единственного и множественного чисел и, очевидно, под их влиянием в женском и среднем роде множественного числа в смешанном говоре еще прослеживаются формы дательного падежа.
- Но в смешанных говорах можно наблюдать функционирование параллельных форм: di mamə, mit dr (di) mamə, fer di mamə „die Mutter, mit der Mutter, für die Mutter“, mit dr (dęnə, di) mutrs „mit den Müttern“.
- В мужском роде единственного и множественного чисел у представителей верхнегессенского зафиксированы все три падежа — именительный, дательный и винительный: der man, met m man, fer n man „der Mann, mit dem Mann, für den Mann“.
- Во множественном числе существительные мужского рода в смешанном говоре имеют параллельные формы: uf di (dęnə) tizə, mit di (dęnə) męnr „auf den Tischen, mit den Männern“.

Как видно, в восточносредненемецком и смешанном говорах наблюдается тенденция к двухпадежной системе склонения имен существительных, а именно: именительному и винительному падежам. Верхнегессенский сохраняет достаточно сильные позиции дательного единственного и множественного числа.

Таким образом, в развитии системы склонения существительных исследуемого диалектного ареала можно отметить следующие особенности:

1) создание единого общего субъектно-объектного падежа для существительных женского и среднего рода единственного числа в восточносредненемецком и смешанном говорах;
2) в отношении существительных мужского рода единственного числа наблюдается тенденция к двухпадежной системе: прямому и косвенному падежам. По мнению С.А. Миронова, «унификация падежей на женский род распространяется позже, т. к. в мужском роде смешение dem//den облегчено фонетически»[9];
3) третий контактирующий говор — верхнегессенский — сохраняет трехпадежность в единственном и множественном числе с дублетными вариантами дательного множественного dr, denə, di. Дательный падеж множественного смешанного говора, видимо, под влиянием верхнегессенского, имеет варианты di, denə с большей употребительностью формы di;
4) в связи с исчезновением падежных окончаний имен существительных возрастает роль лексико-грамматического уточнителя (в частности, определенного артикля);
5) в связи с унификацией падежей в артикле центр тяжести выражения синтаксических отношений полностью переносится на предложное склонение, т. е. наблюдается широкое употребление предложных конструкций.

[9] *Миронов С.А.* Указ. соч. — С. 301.

Стремление к двухпадежности наблюдается также в других верхне- и нижненемецких говорах на территории бывшего СССР. Основной причиной, по мнению Г.Г. Едига, приведшей к перестройке падежной системы немецких диалектов, «следует считать дальнейшее ослабление акцента на окончаниях имен существительных и их лексико-грамматических уточнителях, перемещение его на корневой слог и действие закона аналогии»[10].

Исследования Л.И. Москалюк, проведенные в Алтайском крае, подтверждают, что категория падежа имен существительных претерпела наибольшие изменения со времени средневерхненемецкого периода[11]. По ее мнению, наиболее значимыми являются два фактора, влияющие на развитие системы склонения: редукция неударных окончаний и процесс грамматической аналогии. В результате утрачены все падежные флексии, а функцию различения падежей приняли на себя падежные флексии артикля, атрибутивного местоимения и прилагательного сильного склонения. С исчезновением родительного падежа в верхненемецких говорах Алтайского края зафиксированы варианты трехчленной и двучленной парадигм склонения. «При этом свертывание падежей происходит в разных падежах по-разному: в одних говорах вытесняется датив, в других — аккузатив»[12]. Причины данного явления пока еще не нашли достаточного объяснения, т. е. почему верхнегессенские диалекты сохраняют дательный падеж, а например, в других верхненемецких диалектах нет маркировки дательного падежа. Кроме того, необходимо отметить, что падежные различия выражаются непоследовательно. В наибольшей степени падежную систему сохраняют говоры, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал, а в средненемецких диалектах она, наоборот, подверглась сильному разрушению[13].

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве говоров именное склонение оформляется по нескольким типам в зависимости от рода и числа имени, частично от определенной или неопределенной формы артикля. В рамках одного и того же диалекта не исключено существование двух подсистем именного склонения.

Морфологически наиболее ярко и четко у имени существительного выражена и представлена только оппозиция единственное число — множественное число, т. е. категория числа.

Категория числа в немецких диалектах России как таковая не являлась предметом специального диссертационного исследования (исключая научный труд В.М. Жирмунского)[14]. Она рассматривалась как составная часть изучения морфологии в кандидатской диссертации В.А. Дятловой (1988)[15], в монографии Л.И. Москалюк (2002)[16], в ряде научных статей[17].

Первая попытка типологического описания способов выражения множественного числа в немецких диалектах принадлежит И.А. Канакину[18]. Сравнивая средства выражения множественного числа в литературном языке, он определяет в нем восемь типов его образования:

---

[10] *Едиг Г.Г.* Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. — Омск, 1969. — С. 88.

[11] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 67.

[12] Там же. — С. 68.

[13] Там же. — С. 72.

[14] *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. — М.; Л., 1956. — С. 382–399.

[15] *Дятлова В.А.* Указ. соч. — С. 53–67.

[16] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 72–86.

[17] *Миронов С.А.* Указ. соч. — С. 292–314; *Авдеев И.Е.* Образование множественного числа имен существительных в нижненемецких говорах Алтайского края // Лингвист. сб. Учен. зап. НГПИ. — № 19. — 1963. — С. 67–72; *Канакин И.А.* 1) О морфологии именного комплекса в немецких диалектах // Вопр. герман. и роман. филологии. Науч. тр. — Вып. 57. — Новосибирск, 1970. — С. 202–210; 2) Способы выражения множественного числа в немецком говоре села Цветнополье Новосибирской области // Герман. и роман. языки. Науч. тр. — Вып. 25. — Новосибирск, 1968. — С. 12–18.

[18] *Канакин И.А.* Способы выражения… — С. 12–18.

Тип	Атрибут	Суффикс	Умлаут	Примеры
1	+	+	+	Der Fuchs-die Füchse, das Dach-die Dächer
2	+	+	–	Der Tag-die Tage, das Auge-die Augen, das Auto-die Autos
3	+	–	+	Der Garten-die Gärten
4	+	–	–	Der Balken-die Balken
5	–	+	+	Die Hand-die Hände
6	–	+	–	Die Kenntnis-die Kenntnisse, die Straße-die Straßen
7	–	–	+	Die Mutter-die Mütter
8	–	–	–	Die Kokos-die Kokos

Используя данные типы при исследовании множественного числа имен существительных в диалекте с. Цветнополье Новосибирской области, И.А. Канакин приходит к выводам:

1. В говоре наблюдается ярко выраженная тенденция к четкой морфологической дифференциации множественного числа существительных с помощью внешней и частично внутренней флексии.
2. В говоре для выражения множественного числа используются те же средства, что и в литературном языке.
3. Внутренняя флексия, как правило, не выступает в сочетании с внешней (исключение — тип 1: А+, С -er, У+).
4. Тип 5 (А-, С+, У+) не отмечен в говоре (ср. лит. die Hand — die Hände). В целом внутренняя флексия как способ образования множественного числа для говора непродуктивна.
5. Продуктивными типами являются внешнефлективные типы 2 (А+, С+, У-) и 6 (А-, С+, У-) с суффиксами -e, -es. Следует отметить чрезвычайно широкую сферу использования суффикса -es, представляющего своеобразную особенность говора.
6. Суффикс -es оформляет и заимствования (около 35 % от общего количества исследованных существительных): di dojarke — di dojarkes, di vnutške — di vnutškes. Закрепление данного суффикса Канакин объясняет его большей «фонетической стойкостью» и свободой «от других функциональных нагрузок».
7. Существительные, заимствованные из русского языка, образуют множественное число и по типам 2, 6: dr tšup — di tšube.

При этом Канакин указывает на незавершенность характера процессов морфологического выравнивания в говоре, о чем свидетельствует наличие большого количества дублетных форм, частые случаи колебаний, незаконченность процессов выравнивания по аналогии в смешанном говоре[19]. Также подчеркивается тот факт, что способ образования множественного числа в говоре «не мотивируется ни семантически, ни морфологически»[20]. Интересно, что С.А. Миронов, напротив, говорит «о примате семантической редукции над фонетической» и в качестве доказательства приводит тот факт, что «на фоне общего процесса отмирания флексии в диалектах наблюдается ее сохранение и даже развитие в качестве преобладающего способа выражения мн. ч. имен существительных»[21]. И далее: «В тех случаях, когда флексия поддерживается семантикой, когда она не обессмыслена и служит выражением живой грамматической категории, фонетической редукции не наступает. <...> здесь мы имеем обратный падению падежных

[19] *Канакин И.А.* Способы выражения... — С. 16.
[20] Там же. — С. 18.
[21] *Миронов С.А.* Указ. соч. — С. 310.

и личных окончаний процесс — не только сохранения, но и расцвета флексии, даже несмотря на наличие дифференцирующего артикля»[22].

Спустя 30 лет после выводов И.А. Канакина подобное исследование в диалектах проводит на территории Алтайского края Л.И. Москалюк. Полученные результаты свидетельствуют о следующем: усиливается дифференциация категории единственного и множественного чисел; категория числа сохраняет флективные средства; происходит сближение форм образования множественного числа существительных мужского и женского рода[23].

По результатам исследования В.А. Дятловой[24], общая картина маркирования множественного числа говора в Омской области с учетом возрастных особенностей может быть представлена следующим образом:

Средний род		Мужской род		Женский род	
Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
-r	-r	умл.	умл.	-e	-en
-e	-e	умл. + e	умл. + e	умл.	умл.
-e	-en	умл.	умл. + e	-s	-s
умл. + r	умл. + r	умл.	умл. + n	нуль	нуль
-s	-s	умл. + r	умл. + r		
нуль	нуль	-e	-en		
		-e	-e		
		-r	-r		
		-s	-s		
		нуль	нуль		

В говорах, таким образом, сохраняется морфологическая дифференциация категории числа. Определенные суффиксы и способы образования множественного числа закреплены за существительными того или иного грамматического рода, а именно: у существительных мужского рода господствующим способом образования множественного числа является суффикс -e без умлаута или с умлаутом корневого гласного; у существительных среднего рода главным морфологическим средством маркирования множественного числа служит суффикс -r; типичным для существительных женского рода является суффикс множественного числа -en.

По мнению А.П. Зеленецкого, в немецком и русском языках категориальное значение числа достаточно четко определимо: оно «реализуется в противопоставлении двух сем, которые соответственно могут быть названы единичностью и множественностью»[25]. При этом основное различие между немецким и русским языком в отношении категории числа, как утверждает К.Г. Крушельницкая, заключается в том, что «в русском языке формы числа и падежа образуются синтетически и составляют парадигму склонения; в современном немецком языке форма множественного числа не входит непосредственно в систему склонения»[26].

---

[22] *Миронов С.А.* Указ. соч. — С. 311.

[23] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 72–86.

[24] *Дятлова В.А.* Указ. соч. — С. 66.

[25] *Зеленецкий А.П., Монахов П.Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. — М., 1988. — С. 113.

[26] *Крушельницкая К.Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / Предисл. М.Н. Попова. — Изд. 2-е, стереотип. — М., 2006. — С. 21–22.

Сравнительная таблица средств образования множественного числа

Средства образования мн. ч. в немецком диалекте	Средства образования мн. ч. в русском языке	Средства образования мн. ч. в литературном немецком языке
Ударение: Необходимо дополнительное изучение, нет данных	Ударение: стена — стены доктор — доктора	Ударение: Traktor — Traktoren Doktor — Doktoren
Чередование согласных: tach — taʏə „Tag — Tage“ hunt — hundə „Hund — Hunde“	Чередование согласных: друг — друзья	Чередование согласных в произношении, но не в правописании (т. наз. колеблющаяся звонкость согласных) „Tag — Tage“ (ср. tac — tages)
Необходимо дополнительное изучение, нет данных	Соотношение полной и нулевой огласовки: сон — сны	Нет
Агглютинативный характер формы мн. ч.: waip — waipslait mon — monslait	Нет	Агглютинативный характер формы мн. ч.: Schmuck — Schmucksachen
Умлаут: bux — biʏr „Buch — Bücher“, dorf — dervr „Dorf — Dörfer“	Нет	Умлаут: Buch — Bücher Dorf — Dörfer
Суффиксы: haus — haizr „Haus — Häuser“	Суффиксы	Суффиксы: Haus — Häuser
Артикль	Нет	Артикль
Именной комплекс (местоимение, числительное): fi: l lebedej (точный эквивалент)	Именной комплекс и суффиксы: много лебедей	Именной комплекс (местоимение, числительное)

Глагол. Система глагола верхненемецких говоров Сибири сохраняет общий флективно-аналитический характер, свойственный и немецкому литературному языку, но вместе с тем в говорах имеется ряд особенностей как в образовании, так и в употреблении временных форм глагола.

Презенс. В оформлении личных окончаний заметны специфические черты: апокопирование личного окончания 1-го л. ед. ч. (в современном языке подобная тенденция наблюдается в обиходно-разговорной форме), 1-го и 3-го л. мн. ч. К особенностям глагольных окончаний говора относится также инверсивное энклитическое употребление личных местоимений: humr „haben wir“. Особенностями спряжения являются кроме того устранение умлаута и преломления во 2-м и 3-м л. ед. ч.: fa: rst „fährst“, est „isst“.

Однако, Л.И. Москалюк говорит о частичном сохранении умлаута и преломления в формах сильных глаголов, в частности, приводит пример камышинской группы говоров, сохранивших умлаут в ситуации, когда «средневерхненемецкому *a* в говоре соответствует долгий или краткий гласный *o*», например, ед. ч. 1-е л. fal/fol, 2-е л. fɛlst, 3-е л. fɛlt[27]. Что касается преломления, то здесь также зафиксированы варианты, например, в ямбургском говоре унификация произошла по корневому гласному -i-: esn „essen“ — ед. ч. 1-е л. i: s, 2-е л. ist, 3-е л. ist[28]. У глаголов sehen, lesen, nehmen выравнивание гласного в формах единственного числа произошло по парадигме множественного числа:

[27] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 122.
[28] Там же. — С. 123.

le: sn, lesnst, lesnt. Камышинская группа говоров сохранила преломление сильных глаголов с корневым гласным -e-: frezə „fressen“: ед. ч. fres, frist, frist[29].

В верхненемецких говорах широко распространена аналитическая форма презенса, образованная от инфинитива основного глагола и настоящего времени глагола tun (настоящее перифрастическое), например: di kazakə tuə zə nɛt bənutsə „Die Kasachen benutzen sie nicht“. По мнению Н.Г. Беренд и Н.М. Гриневой, употребление перифрастического презенса является результатом аналитических тенденций, проявляющихся в структуре немецких говоров, контактирующих с другими языками, т. к. заимствованные глаголы легче входят в иноязычную систему в форме инфинитива[30].

Основной спецификой развития системы глагольного формообразования в островных верхненемецких говорах считается почти полное исчезновение синтетической формы прошедшего — *претерита*. Потеря претерита в разной степени характерна для всех островных верхненемецких говоров Сибири. Основная причина данного явления — совпадение форм презенса и претерита слабых глаголов при отпадении конечных безударных гласных. Претерит в исследуемых говорах сохранился лишь у некоторых полнозначных глаголов, например, kommen, gehen; у вспомогательных глаголов haben, sein и претерито-презентных глаголов.

Образование *перфекта* и *плюсквамперфекта* осуществляется по тем же правилам, что и в немецком литературном языке. Однако в говоре обнаружены различия в употреблении вспомогательных глаголов haben и sein, например, hat kštorve „ist gestorben“, dr doktr var dɛs avr niç əkloupt „Der Doktor hatte diesem aber nicht geglaubt“. Это явление отметил в свое время В.М. Жирмунский[31].

По признаку наличия/отсутствия плюсквамперфекта Москалюк различает три группы говоров[32]:

1. Сохранившие плюсквамперфект — все нижне- и верхненемецкие говоры;
2. Полностью утратившие плюсквамперфект и заменившие его двойным перфектом — ямбургский говор (вспомогательный глагол стоит в перфекте) (Алтайский край);
3. Сохранившие плюсквамперфект частично — говоры, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал — елизаветградская и красноармейская группы Алтайского края.

Наряду с формами двойного перфекта зарегистрированы и формы т. н. ультраплюсквамперфекта, в которых вспомогательные глаголы употребляются в плюсквамперфекте: kestərt in terə tsait hat iç kro: t kəšlo: və khat „Gestern hatte ich gerade in der Zeit geschlafen gehabt“.

Футурум I встречается в рассматриваемых говорах в том случае, когда действие имеет ярко выраженную сему будущего: a: vr bal vert šon s ent sai. „Aber bald wird schon das Ende sein“. Но в целом конструкция werden + инфинитив не получила в говорах широкого распространения. Для выражения действий, относящихся к будущему, носители говора используют либо футуральный презенс, либо конструкции с модальными глаголами: morje fa: rə mr nax omskə „Morgen fahren wir nach Omsk“; in nɛçstə jo: r sol zə di šu: l ɛndiɣə „Im nächsten Jahr wird (soll) sie die Schule beenden“.

В верхненемецких говорах функционируют три *наклонения,* соответствующие литературной норме: изъявительное, повелительное и сослагательное. В повелительном

---

[29] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 124.

[30] *Беренд Н.Г.* Морфологические особенности и семантический потенциал глагольных категорий в южнонемецком языковом ареале: Дис. … канд. филол. наук. — Омск, 1980. — С. 8; *Гринева Н.М.* Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Дис. … канд. филол. наук. — Л., 1979. — С. 79.

[31] *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. — С. 532.

[32] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 132–133.

наклонении зафиксирована форма с khomt vɛlə, которая соответствует русскому «давайте!»[33]. Эта форма служит для выражения призыва, приглашения к совместному действию, например, khomt vɛlə uns ailə! „Beeilen wir uns!“ khomt vɛlə s bux lezə! „Lesen wir das Buch!“ Каких-либо значительных различий в функционировании форм наклонения не зафиксировано.

Залоговая система говора представлена теми же разрядами, что и в литературном языке, т. е. действительным, страдательным и статальным. Страдательный и статальный залоги являются аналитическими глагольными формами: du vɛrst kəlopt „du wirst gelobt“; dɛr is varm kəkla: t „Er ist warm gekleidet“. Пассив представлен лишь одночленными и двучленными конструкциями. Трехчленный пассив с предлогами von и durch отсутствует, очевидно, под влиянием русского языка. В говоре функционирует преимущественное употребление статива по сравнению с пассивом.

В целом можно сделать вывод, что в верхненемецких говорах наблюдается тенденция к упрощению и унификации глагольных форм, к расширению элементов аналитизма.

Имя прилагательное. В рассматриваемых говорах принятое разграничение сильного и слабого типов склонения имен прилагательных прослеживается лишь частично, т. к. основной тенденцией развития категории падежа имени прилагательного является устранение различий между дифференцированными падежными окончаниями, частичная или более полная унификация падежных форм, отчасти в результате фонетической редукции и смешения, отчасти — в результате действия грамматической аналогии. Сильное окончание наиболее прочно утвердилось в именительном падеже мужского рода единственного числа при отсутствии артикля: ha: zer thɛi „heißer Tee“, li: ver mɛnš „lieber Mensch“. В верхненемецких говорах наблюдается также наличие явления, получившего название «рейнского винительного» („rheinischer Accusativ“), т. е. замена винительного падежа именительным на -r. Наиболее полно оно проявляется в случае, если в словосочетании нет артикля или местоимения: fri: žer kɛis ɛz iç gɛn. „Frischen Käse esse ich gern“. Dɛr hot kałder šnaps kətruŋə. „Er hat kalten Schnaps getrunken“. В женском и среднем роде различия, существовавшие в местоименном склонении, полностью унифицированы. В данном случае можно говорить о нулевой падежной флексии в единственном числе, например, ж. р., им., ед.: dɛs iz gu: t si: s miliç. „Das ist gute süße Milch“. Ж. р., дат., ед.: dɛr šraipt mit švaRts thində. „Er schreibt mit schwarzer Tinte“. Средн. р., им., ед.: khałt vazr is fir miç unksunt. „Kaltes Wasser ist für mich ungesund“. Средн. р., дат., ед.: ba sou khałt vɛdr gɛit mr nɛt naus. „Bei so einem kalten Wetter geht man nicht hinaus“. Средн. р., вин., ед.: mr hɛn ko varm vazr. „Wir haben kein warmes Wasser“.

Во множественном числе процесс унификации сильного склонения прилагательных всех трех родов завершен. Принятая дифференциация сильного и слабого типов склонения имен прилагательных здесь не наблюдается, т. к. окончание прилагательных нейтрализовано в редуцированное -ə: им., мн.: dɛs sin štargə khe: lə. „Das sind starke Kerle“; дат. мн.: vas vilst də mit doi dunklə saitnə kla: dr? „Was willst du mit deinen dunklen seidenen Kleidern?“

В склонении имен прилагательных наблюдается явная тенденция к унификации. Сильное склонение характеризуется: в мужском роде — тяготением к единому окончанию -er; в среднем и женском роде господствует краткая форма; во множественном числе — нейтральное окончание -ə.

Слабое склонение имен прилагательных имеет: в мужском и среднем роде нейтральное -ə; в женском роде — краткую форму; во множественном числе — нейтральное окончание -ə.

Как правило, выделяется несколько вариантных соответствий грамматической формы прилагательного для одного и того же грамматического значения (например,

[33] *Дятлова В.А.* Указ. соч. — С. 130.

для одного и того же грамматического значения рода, числа и падежа)[34]. Однако все инновации переживают длительный период параллельного синонимического сосуществования со старыми формами и отношениями.

Местоимение. Для выражения категорий лица, числа и рода не используются аналитические средства. Система форм личных местоимений подверглась наименьшим разрушениям. В средневерхненемецких говорах личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа полностью вытеснены указательными местоимениями der, die, das, die[35]. В.М. Жирмунский[36] рассматривает эту особенность как типичную для верхненемецких диалектов. В южно- и нижненемецких диалектах эти варианты являются конкурирующими формами.

В целом морфология местоимений характеризуется значительной неоднородностью:

- Личные местоимения сохранили двухпадежную систему (Nom., Akk.).
- Личные местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. выступают в форме указательных местоимений.
- Указательные и вопросительные местоимения стремятся также к двухпадежной системе (Nom., Akk.).
- У притяжательных местоимений в смешанных говорах господствует нейтральное окончание.

Фактологический материал еще раз доказывает, что развитие местоимений представляет «очень пеструю картину» частично из-за фонетических процессов, ослабляющих окончания, частично из-за влияния грамматической унификации по аналогии. В смешанном говоре происходит интенсивный процесс унификации падежных склонений и развития общего падежа: vɛr hot mr moin khorp mit fla: sch kštoulə? „Wer hat mir meinen Korb mit Fleisch gestohlen?“, Der hat tsam mit soi toxtr kvaunt „Er hat zusammen mit seiner Tochter gewohnt“. Младшее поколение чаще переходит на использование в речи форм смешанного диалекта, тяготеющего в большей степени к элементам аналитизма.

Система склонения личных местоимений (по результатам исследования Канакина)[37]

Падеж	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
Именительный	A	A	A	A
Дательный	B	B	B	A
Винительный	B	A	C	A

- Тип 1: маркированной является форма именительного падежа, например, им. wir, дат., вин. uns;
- Тип 2: маркирована форма дательного падежа, например, им., вин. sie, дат. ihr;
- Тип 3: различаются все три формы, например, им. er, дат. ihm, вин. ihn;
- Тип 4: ни одна из форм не является маркированной, данный тип известен преимущественно в качестве модели во множественном числе, например, им. di hent, дат. (mit) di hent, вин. di hent.

Итак, следует сделать вывод, что процесс выравнивания смешанных говоров в условиях иноязычного окружения происходит быстрее, когда идет смешение нескольких разнодиалектных групп говоров. К особенностям функционирования изолированных от прародины, от места проживания на Волге, диалектов относится

[34] *Смоля М.С.* Реализация грамматических категорий имени прилагательного в островном немецком говоре. — С. 153.

[35] *Москалюк Л.И.* Указ. соч. — С. 88.

[36] *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. — С. 437.

[37] *Канакин И.А.* О системе именного склонения … — С. 8–11.

продолжение и углубление аналитических тенденций их развития. Эти же тенденции зафиксированы и при исследовании немецких говоров Свердловской области[38]. Большое влияние на развитие морфологии в верхненемецких диалектах оказывает русский язык.

Необходимо подчеркнуть, что диалекты относятся к так называемым варьирующим языковым формам, поэтому диалектологи, по мнению О.И. Бродович, должны активизировать свою деятельность по сбору материала, позволяющему «а) выявить возможно большее число факторов, влияющих на выбор того или иного из конкурирующих вариантов, составляющих языковую переменную (термин У. Лабова); б) получить возможно более исчерпывающий список этих вариантов; в) произвести статистическую обработку полученных данных»[39], при этом желательно рассмотреть пять видов вариантов, конкурирующих между собой: ситуативные, возрастные, полоразличительные, индивидуальные, факультативные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев И.Е.* Образование множественного числа имен существительных в нижненемецких говорах Алтайского края // Лингвист. сб. Учен. зап. НГПИ. — № 19. — 1963. — С. 67–72.
2. *Александров О.А., Богословская З.М.* Немецкий «островной» говор Томской области: Моногр. — Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2008. — 182 с.
3. *Беренд Н.Г.* Морфологические особенности и семантический потенциал глагольных категорий в южнонемецком языковом ареале: Дис. … канд. филол. наук. — Омск, 1980. —172 с.
4. *Бродович О.И.* Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 193 с.
5. *Гринева Н.М.* Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Дис. … канд. филол. наук. — Л., 1979. — 208 с.
6. *Дятлова В.А.* Тенденции развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения: Дис. … канд. филол. наук. — Омск, 1988. — 186 с.
7. *Едиг Г.Г.* Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. — Омск, 1969. — 200 с.
8. *Ермякина Н.А.* Структурно-семантические особенности простого предложения в островных западносредненемецких говорах Красноярского края: Дис. … канд. филол. наук. — Красноярск, 2006. — 170 с.
9. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 636 с.
10. *Жирмунский В.М.* Развитие строя немецкого языка // Общее и герман. языкознание. — Л.: Наука, 1976. — С. 334–385.
11. *Зеленецкий А.П., Монахов П.Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1988. — 240 с.
12. *Канакин И.А.* Способы выражения множественного числа в немецком говоре села Цветнополье Новосибирской области // Герман. и роман. языки. Науч. тр. — Вып. 25. — Новосибирск, 1968. — С. 12–18.
13. *Канакин И.А.* О системе именного склонения в немецком говоре села Ямбург Алтайского края // Герман. и роман. языки. Науч. тр. — Вып. 25. — Новосибирск, 1968. — С. 8–11.

[38] *Labuda O.* Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural. Morphosyntaktische Phänomene. — IDS, Amadeus, Bd. 34. — Mannheim, 2009. — 290 S.

[39] *Бродович О.И.* Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. — Л., 1988. — С. 30.

14. *Канакин И.А.* Об одной из причин утраты родительного падежа в немецких диалектах // Вопр. герман. и роман. филологии. Науч. тр. — Вып. 49. — Новосибирск, 1969. — С. 108–112.
15. *Канакин И.А.* О морфологии именного комплекса в немецких диалектах // Вопр. герман. и роман. филологии. Науч. тр. — Вып. 57. — Новосибирск, 1970. — С. 202–210.
16. *Канакин И.А.* О морфологических категориях существительного и «общем падеже» в немецких диалектах // Вопр. герман. и роман. филологии. Науч. тр. — Вып. 75. — Новосибирск, 1972. — С. 47–57.
17. *Кибрик А.Е.* Как стать полевым лингвистом? (Из личного опыта на ОСиПЛе, филфак МГУ) // Полевая лингвистика / Ин-т языкознания РАН / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М.; Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. — С. 99–124.
18. *Крушельницкая К.Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / Предисл. М.Н. Попова. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: КомКнига, 2006. — 265 с.
19. *Миронов С.А.* Общие тенденции развития грамматического строя немецких диалектов // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. — Вып. 5. — Л., 1941. — С. 292–314.
20. *Москалюк Л.И.* Современное состояние островных немецких диалектов. Моногр. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. — 292 с.
21. *Смоля М.С.* Реализация грамматических категорий имени прилагательного в островном немецком говоре: Дис. … канд. филол. наук. — Барнаул, 2011. — 201 с.
22. *Berend N., Jedig G.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. — Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. — 253 S.
23. *Labuda O.* Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural. Morphosyntaktische Phänomene. — IDS, Amadeus, Bd. 34. — Mannheim, 2009. — 290 S.

Vergleichende Charakteristik von morphologischen Besonderheiten der oberdeutschen Inselmundarten Sibiriens

V.A. Djatlova

Der Artikel gibt einen kurzen Überblick über die morphologischen Besonderheiten der hochdeutschen Sprachinseldialekte in Russland: Deklination der Substantive, Adjektive und Pronomen; Kategorie des Numerus der Substantive; Konjugation der Verben und Bildung der Zeitformen von Verben. Für den morphologischen Bau ist die Vertiefung der analytischen Tendenzen kennzeichnend.

Schlüsselwörter: Morphologie der deutschen Dialekte in Russland, Kategorie des Kasus und des Numerus, Unifizierung der Kasusformen, Entwicklung des einheitlichen Subjekt-Objekt-Kasus, Verbkonjugation, Zeitformen des Verbs, Reduktion der Kasus — und Personalendungen, Tendenz zur analytischen Betrachtung.

The comparative characteristics of the morphological peculiarities of the island Upper German dialects in Siberia

V.A. Di͡atlova

The article gives a brief overview of the morphological features of German dialects in Russia: declination of nouns, adjectives and pronouns; the category of number of nouns; conjugation of the verb and the formation of its tense forms. The key feature, which characterizes the morphological structure, is the development of the analytical tendencies.

Key words: morphology of German dialects in Russia, the category of number and the category of case, the unification of cases, the development of a single subject-object case, verb conjugations, verb tenses, the reduction of case and personal endings, the general tendency towards analytical forms.

УДК 81.26–81.282.8

В.Б. Меркурьева

Воспоминания крымских немцев (лингвокультурологические наблюдения)

В воспоминаниях крымских немцев описывается языковая ситуация на полуострове до момента их депортации в 1941 г. Авторы воспоминаний уделяют особое внимание вопросам семантизации русских лексем, снабжают их немецкими эквивалентами, а немецкие лексемы — русскими. Таким же образом представляются татарские выражения в процессе изложения воспоминаний. В статье приводятся некоторые интересные моменты, характеризующие крымских татар с культурологического ракурса. Язык воспоминаний анализируется и с точки зрения стилистики. Авторы воспоминаний достаточно изобретательны в этом плане, они пользуются приемами персонификации, используют лейтмотивы, аллюзии и т. д. Воспоминания крымских немцев написаны талантливо, их язык является примером художественного творчества.

Ключевые слова: языковая ситуация, диалект, немецкий литературный язык, русский язык, татарский язык, метаязыковой подход, эквиваленты, семантизация, культурологические моменты, стилистические особенности.

В статье анализируются воспоминания Теодора Айзербрауна (он родом из с. Булатчи в степном Крыму, 7 км от железнодорожной станции Биюк-Онлар), опубликованные в 1960 г. (9[1]) и 1966 г. (10) в ФРГ в журнале „Heimatbuch der Deutschen aus Rußland“. Последние воспоминания он не успел закончить, они обработаны Гертрудой Браун, которая сохранила слова и стилистику магнитофонных записей и рукописей автора. Также изучению были подвергнуты воспоминания самой Гертруды Браун (8).

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

В начале XIX в. потомки Т. Айзербрауна прибыли в Подолье (совр. Польша). Пробыв там непродолжительное время, двинулись к конечной цели своего путешествия — в Крым.

Поселившиеся в Крыму немцы хорошо общались с татарами, и скоро татары стали их батраками (Knechte). Уже второе поколение немцев (как мужчины, так и женщины) отлично говорило на татарском, а татары овладевали швабским диалектом. Айзербраун отмечает, что нигде в Крыму не наблюдалось смешанных браков с татарами, это обстоятельство он объясняет низким культурным уровнем татар. „Dem niedrigen Kulturstand der Tataren war es wohl zu verdanken, dass es mit ihnen zu einer ehelichen Vermischung nirgends gekommen ist“ (9:6).

Приведем пример употребления швабского диалекта, применяемого немцами в ситуациях повседневного общения:

„Was solle mer mit soviel Land mache, des könne mer jo gar net bearbeite“ (9:6). На диалекте выражена реакция немцев на изначально запланированное распределение

[1] Здесь и далее в скобках указан порядковый номер исследуемых и часто цитируемых текстов из списка использованной литературы и номера страниц.

земли — по 100 дес. на семью. Крестьяне не знали, что им делать с таким количеством земли, они не могли бы ее всю обработать. Позже они получили по 26 дес.

Автор воспоминаний очень подробно описывает первую сделку с покупкой земли в селе Булатчи. Оба крестьянина: немецкий (Кристиан) и татарский (Курт-Амет) ведут переговоры на немецком диалекте:

„Un was willsch Du dort?“

„Was ich dort will, des will ich Dir sage, awer du musch es net überall verzähle <…>“ (9:13). „<…> Übermorge reit ich noch Kogenli und kehr zur Nacht beim Elemie ein, do kann ich alles erfahre. Awer du waisch doch, daβ ich a was davor han muβ“.

„‚Dös wais ich’, sagte Christian lachend, ‚mach awer bei Sach gut’“ (9:14).

Примечательно, что Т. Айзенбраун скрупулезно фиксирует эквиваленты всех татарских приветствий на немецком литературном языке, демонстрируя верность своих утверждений о коммуникации на разных языках:

„Nach der langen tatarischen Begrüβung: Wachtenges kairosen Schorpaschi! (guten Tag Hausvater) Koschkeldi Kongsche! (Willkommen Nachbar) Amansen? (Bist Du gesund?) Schukur, Alla rosusen. (Bin gesund, Gott sei Dank). Amansen? (Bist Du auch gesund?) Schukur (Bin auch gesund) “ (9:14).

Суть разговора вновь передана в диалоге на диалекте.

„‚Na, was hasch erfahre?’ fragte Christian ungeduldig. Darauf erwiderte Kurt-Amet: ‚Die Sach könnte sich mache. Die Beiler, des sin die Eigentümer, die wellt ihre 1500 Deβjatin verkaufe. Darunter isch aber ein kleiner Teil Waisenland, auf des gleich kei Kaufbrief abgeschlosse werden kann, es sin so bei 62–63 Deβjatin. Aber die könnt ihr später a kaufe’“ (9:14).

Татарские приветствия в предыдущем примере даются путем транслитерации на латинице[2]. Аналогичным образом, т. е. аутентично, передается речь человека, который рыл колодец: „Taschtschite!“ (Тащите!) Прямая речь указывает на то, что он был русским, кроме этого приводится и немецкий эквивалент русского слова *тащите* — zieht:

„In seiner Angst schrie nun der Brunnengräber aus vollem Halse: ‚Taschtschite! Taschtschite!)’, d. h zieht“ (9:16).

После работы немецкие крестьяне приготовили угощение. Немцы прекрасно владели и русским языком, они употребляли в речи достаточно специфичное слово «магарыч».

„Jetzt kommt zu mir, mir müβt dene Brunnengräber a ei gute Magaritsch (Schmaus) gewe un haltet a selber mit“ (9:16).

Einen Schmaus geben — устроить угощение, задать пир.

Приведем еще одно свидетельство о языковой ситуации в Крыму перед началом Отечественной войны. Например, в городе Карасубазар, который Айзербраун называет «настоящим гнездом татар», обиходным языком был татарский. В этом городе российские немцы даже русским языком пользовались редко, а женщины им не владели вообще.

„Ich lebte damals — nachdem ich 1934 aus sibirischen Haft entlassen worden war — in dem Städtchen Karassubazar, einem richtigen Tatarennest. Hier war das Tatarische noch wie Umgangssprache. Zwar sprachen die meisten Männer auch russisch, aber die Frauen beherrschten das Russische nur sehr schlecht“ (10:24).

Полиязыковая коммуникация в тексте воспоминаний является бесценным языковым свидетельством довоенного времени (до 1941 г.) проживания крымских немцев на полуострове.

---

[2] С X в. по 1927 г. существовала письменность на основе арабской графики, с 1928 по 1936 г. использовалась латинская графика (яналиф), с 1936 г. вплоть до настоящего времени используется письменность на кириллической графической основе. Существуют планы перевода татарской письменности на латиницу. Татары. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B (дата обращения: 15 марта 2016 г.).

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ПОДХОД

Метаязык — это язык о языке, «язык второго или более высокого порядка» („Sprache zweiter oder höherer Ordnung“[3]). Родной язык используется среди прочего, согласно Т. Левандовски, для описания иностранного или второго языка „die Muttersprache bei der Erklärung einer Fremd-oder Zweitsprache“[4]. Как было установлено в результате анализа, для авторов воспоминаний типичен метаязыковой подход.

Российские немцы скрупулезно фиксируют русские реалии, вошедшие в их немецкий язык, которыми они привыкли оперировать:

„*Deßjatine* war das frühere russische Landmaβ, und zwar ist eine *Deßjatine* etwas gröβer als ein Hektar oder 4 Morgen“ (9:6).

В данном случае семантизируется слово из сельскохозяйственной области — Deβjatine.

Крестьянское название русской сельхозмашины (Haspelmaschine — мотальная машина) — «лобогрейка» — засвидетельствовано в воспоминаниях, при этом указывается и немецкий эквивалент — Stirnwärmer. „Die Haspelmaschine bei uns ‚Lobogrejka’ — Stirnwärmer genannt, hat sich besonders gut bewährt“ (9:19).

Для автора важно уточнение, какое слово употреблено в русском языке в данном контексте, т. е. ему важны как немецкие, так и русские обозначения предметов, административных объединений и т. д. „Das Gebietsamt (russisch *Wolost*), zu dem unsere deutschen Kolonieen gehörten, befand sich in einem Russendorf (Suja)“ (9:7).

Примечательно, что немецкий вариант Gebietsamt является русизмом, в качестве административной единицы в немецком языке слово Gebiet (это определенная территория) не употребительно, узуальным вариантом в данной ситуации является Landesamt.

Подобный пример мы встретили у этого же автора шесть лет спустя. „Wenn jemand vom Zug zurückbleiben sollte, dann soll er wissen, daβ wir nach dem Nordkaukasus fahren, in den *Kreis* Ordshenokidse“ (10:25).

В названии населенного пункта допущены две орфографические ошибки: правильный вариант — Ordsh*oni*kidse. Кроме этого, выбрано неверное слово *Kreis,* скорее всего, автор перевел с русского языка — *в районе Орджоникидзе*, в немецком варианте в данном контексте правильным было бы — in die Gegend oder Umgebung von Ordshonikidse, поскольку лексема *Kreis* предполагает административную единицу, а здесь имеется в виду местность.

Лингвистическое толкование русских слов авторами воспоминаний бывает иногда ошибочным: „Diese Privilegien wurden von der Kaiserin Katharina II. Im Jahre 1762 proklamiert und im russischen Text soll die Zeitdauer mit dem Wort ‚*Wek*’ angegeben sein. In deutscher Sprache bedeutet dieses Wort ‚Ewigkeit’, aber in der russischen Sprache werden auch 100 Jahre damit bezeichnet“ (9:7).

Двойная семантизация русского слова «век», которому Айзербраун приписывает значение „Ewigkeit“, является ошибочной, этому значению соответствует сходное по звучанию русское слово «вечность». Второе значение 100 Jahre определено верно, оно является первичным в данном контексте и единственным.

Количество примеров по семантизации русских лексем достаточно велико:

1. Exploitator (Ausbeuter) (9:28). В пример вновь вкралась ошибка в написании слова латиницей (правильным был бы вариант Expluatator).
2. „Vor Ankunft des Zuges halten sich die beiden Jungen aus der *Kasjonka* (Schnapshandlung) eine *Sorokowka* (Viertelquart=1/2 l) und tranken sich Mut zu“ (10:24). В данном примере приводится устаревшая обиходно-разговорная форма названия

[3] *Lewandowski Th*. Metasprache // Linguistisches Wörterbuch 1. — Heidelberg, Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1994. — S. 709.

[4] Ibid.

алкогольной продукции Sorokowka (сороковка), уточняется ее емкость (0,5 л). Сороковка — русская мера объема жидкостей = 1/40 ведра = 21/2 чарки = 0,31 л[5]. Объем обозначен не совсем верно, 0,5 л указаны в воспоминаниях и 0,31 л — в словарной статье.

Kasjonka: в скобках дается объяснение Schnapshandlung, которое позволяет выявить устарелое (второе) значение слова *казенка* — государственная винная лавка для продажи казенки [казенкаI][6].

3. „Kulaki“ (einst wohlhabende Bauern) (9:28), и на этой же странице дается в качестве синонима адаптированное в немецкую систему при помощи немецкого суффикса -en слово: zum Kulaken erklärt (9:28).
4. Kascha (Hirsebrei) (9:29) — русское *каша* является в данном случае гиперонимом, в немецком же варианте употреблен гипоним — *пшенная каша*. И т. д.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы употребляют в воспоминаниях имеющие идеологическую направленность лексемы. Для описания процесса выселения крымских немцев из Крыма Айзенбраун использовал словосочетание sog. „freiwillige“ Umsiedlung и „freiwillige Umsiedler“ (свободные переселенцы) (10:24). Он осознавал манипуляторный характер словоупотребления, беря в кавычки обозначения процесса переселения и вводя сокращенное уточнение sog. (sogenannte — так называемые).

Г. Браун при описании этого же процесса пользуется нейтральной лексемой Evakuierung: „Einen zweiten Aufsatz über die *Evakuierung* der Deutschen aus der Krim im August 1941 hat er leider nicht mehr endgültig fertigstellen können“ (10:24).

В одном из предложений воспоминаний слово Politruk взято в кавычки, а Kollektiv употреблено совершенно нейтрально. „In jedem Betrieb, wie in jedem *Kollektiv,* war ja ein politischer Führer, genannt ‚Politruk’“ (10:25).

Слова Kollektiv, Kolchosbauer, Kollektivverwaltung не воспринимались российскими (в данном случае крымскими) немцами идеологически маркированными, поскольку присутствовали в ежедневном узусе, были неотделимы от реалий повседневной жизни, поэтому ощущались как норма.

„Es konnte auch von deutschen Gemeinden nicht mehr die Rede sein, denn alle *Kollektive* waren international, d. h. eine Zusammensetzung deutscher, russischer und tatarischer *Kolchosarbeiter*“ (10:24).

„So ähnlich wurde es auch in den *Kollektivverwaltungen* erzählt“ (10:25).

С одной стороны, крымские немцы, описывая свои воспоминания, называют лагеря в Сибири концентрационными, демонстрируя свое непримиримое отношение к советской власти, сравнивают их с фашистскими лагерями. „Ein groβer Teil war — als Kulaken gestempelt *in den sibirischen Konzentrationslagern*…“ (10:24).

С другой стороны, крымские немцы не воспринимают идеологически окрашенную лексику, типичную для реалий советского времени, как неприемлемую для них. Влияние советской идеологии было велико, настолько вошло в языковой узус, что даже по прошествии времени, в 1960-е годы, к немцам, уже уехавшим из Советского Союза, еще не пришло осознание этого процесса.

Но, как известно, нет правил без исключений:

„Der Pastor war ‚Agitator’ gegen das Sowjetsystem“ (9:28).

Взятое в кавычки иностранное слово „Agitator“, распространенное в русском языке того времени, подчеркивает иронию употребления политически маркированной

[5] Сороковка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1035982 (дата обращения:11 июня 2016 г.).

[6] Сегодня более известно первое значение этого слова: хлебная водка, продажа которой в Российском государстве до 1917 г. составляла монополию государства. Казенка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172731/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 11 июня 2016 г.).

лексемы по отношению к представителю церкви — пастору. Это сочетание неуместно не только в идеологическом плане, но и чисто языковом, т. к. глагол agitieren, от которого образовано существительное Agitator, имеет помету в словаре Дудена „abwertend“ (пейоративно, неодобрительно)[7].

В заключение приведем предложение, в котором обращение звучит очень современно: Leser und Leserinnen (к читателям и читательницам).

„Ehe ich aber zu dem angekündigten trauigen Kapitel übergehe, lade ich *Leser und Leserinnen* zu einem Spaziergang durch die Steppendörfer in unserem einstigen Gebiet (russisch Wolost) ein …“ (9:13).

Известно, что в современном немецком языке можно образовать форму женского рода от названий почти всех профессий и социальных ролей. Как замечают А.В. Павлова и Н.Д. Светозарова, русский язык свободы подобных образований не допускает, обозначений каких-либо социальных или политических ролей в женском роде в этом языке считанные единицы, причем некоторые из них стилистически окрашены как разговорные или сниженно-пренебрежительные[8]. Этот пример в очередной раз свидетельствует о том, что российские немцы всегда были восприимчивы к языковым моментам и уже в 1960 г. их язык перенял современные тенденции немецкого языка ФРГ.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ

В данном разделе речь пойдет о духовной культуре народа, о тенденциях взаимодействия культуры и общества. О дву- и трехъязычии крымских немцев мы уже упоминали в предыдущих разделах. Интересны свидетельства об учебном процессе, существовавшем до 1914 г. в Крыму, и учителях, задействованных в нем.

„Da in unseren Dorfschulen auβer Religion und deutscher Sprache der Unterricht in allen übrigen Fächern in russischer Sprache erteilt werden muβte, brauchten wir auch Lehrer, die beide Sprachen in Wort und Schrift beherrschten. Wir brauchten Lehrer, die speziell für unsere Verhältnisse vorbereitet waren. Weder die deutschen Lehrerseminare noch die russischen Realschulen oder Gymnasien kamen für uns in Frage, wir brauchten unsere eigene Fortbildungsschule, und das waren die sogenannten Zentralschulen“ (9:11).

В деревенских школах Крыма все преподавание, кроме уроков немецкого языка и занятий по религии, осуществлялось на русском языке. Необходимы были учителя, которых бы готовили специально для таких школ. Для этих целей не подходили ни немецкие курсы учителей, ни русские реальные училища или даже гимназии. Нужны были собственные школы повышения квалификации, так называемые центральные училища. Такая школа построена в 1876 г. в лютеранской колонии Нейзаце. Для меннонитов с 1906 г. существовало свое центральное училище в Карасане.

Среди крымских крестьян немецкого происхождения не встречалось в то время неграмотных, моральным долгом родителей было обучать детей с 7 до 15 лет в сельских школах. Некоторые из их детей становились даже врачами, адвокатами и инженерами с университетским образованием:

„Bei den Deutschen bestand die moralische Pflicht, dass die Eltern ihre Kinder vom 7. bis zum 15. Lebensjahr in die Dorfschule schicken muβten. Unter den Deutschen in der Krim gab es auch keine Analphabeten, dagegen brachten es manche Bauernsöhne zum Arzt oder Rechtsanwalt mit Universitätsbildung, auch Ingenieure, die ihre Ausbildung in Mittweida erhielten, waren anzutreffen“ (9:12).

К одним из самых ярких культурологических моментов отнесем размышления рассказчика о немецком слове (слово, которое давал российский немец в качестве

[7] Agitieren. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/agitieren (дата обращения: 11 июня 2016 г.).

[8] *Павлова А.В., Светозарова Н.Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: Справ. — СПб., 2012. — С. 24–25.

поручительства). Трудолюбие, честность, открытость, верность сказанному слову крымских немцев были известны всем жителям полуострова: грекам, армянам, евреям. Во время торговых сделок при сумме более 1000 руб. выписывался вексель, при более низких суммах немецкое слово считалось гарантией.

„*Der deutsche Name* und ein deutsches Wort hatten einen guten Klang. Nur bei größeren Summen über 1000 Rubel wurde ein Wechsel ausgestellt, bei kleineren Summen genügte bei den angeführten Kaufleuten *das deutsche Wort*“ (9:9).

Крымские немцы считали Крым своей родиной. Рассказчик приводит стихотворение, которое он сочинил во время ночного дежурства, говоря его словами, в «сибирском концентрационном лагере» — „im sibirischen Konzentrationslager“. Приведем некоторые строки из него:

Fragt man mich nun im fremden Land
Nach Heimat und nach Bürgerstand,
So antwort ich mit lauter Stimm:
Ich bin ein Bauer aus der Krim.
<…>
Das Weizenfeld wogt hin und her,
Gleich *unserm weiten, schwarzen Meer*.
Die Ähren küssen sich ganz leis
Und reden von des Bauern Fleiβ. (9:9).

Стихотворение состоит из семи строф, мы процитировали первую и последнюю строфу, в первой присутствует прямое упоминание о лирическом герое — „Ich bin ein Bauer aus der Krim” (я крестьянин из Крыма). В последнем называется реалия „schwarzes Meer” (Черное море), снабженная притяжательным местоимением во множественном числе unserm и оценочным эпитетом с положительной коннотацией weit (широкое).

Процитируем еще одно свидетельство о родине крымских немцев: „Wer noch nie eine mondhelle Sommernacht auf dem frischgemähten Getreide dort in der *Krimer Steppengegend* zugebracht hat, der kann auch nicht begreifen, warum wir unsere ö*de Heimat* doch so lieb gewonnen haben“ (9:19). Автор признается в любви к крымской степи, в которой он проводил светлые летние ночи после жатвы, свою родину он называет глухоманью — öde Heimat.

В воспоминаниях присутствует информация о дружеских взаимоотношениях русских и немцев. После того, как русские вырыли немцам колодец, они их хорошо угостили. Угощение было щедрым, повествователь подчеркивает баварское гостеприимство. Немецкие крестьяне благодарили русских за проделанную работу, русские — за угощение: хорошее вино и колбасу. Повествование об этом эпизоде заканчивается лирично: „Noch spät am Abend wechselten russische Volkslieder mit deutschen Jagd — und Volksliedern und belebten die stille Krimer Nacht“ (9:16).

Совместный труд и отдых, а также совместное пение народных песен красноречиво свидетельствуют о добрососедских отношениях.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Повествователь не просто рассказывает о событиях, но и пытается это делать интересно в языковом плане. Например, он включает в свой рассказ элементы несобственно-прямой речи. Сначала персонажи слышат сообщение о том, в каком направлении нужно двигаться, если случайно отстанешь от поезда. Затем следует внутренняя речь персонажа, являющегося одновременно и повествователем: „Zurückbleiben? O das wollten wir gerne. Aber wie wäre das zu bewerkstelligen? — Unruhig schlief ich die ganze

Nacht“ (10:26). Непроизнесенные вопросы теснятся в голове рассказчика, а тире отделяет несобственно-прямую от персональной авторской речи.

Для передачи своего эмоционального состояния Т. Айзербраун обращается к образу Бога, он использует в своих воспоминаниях лейтмотив. В качестве лейтмотива на одной странице пятикратно употреблено слово Gott. Во время эвакуации российских немцев из Крыма на поезде начался его обстрел. „Mir war, als ob *Gott* gesprochen hätte: ‚Bis hierher und nicht weiter!’“ (10:27).

Автору воспоминаний показалось, что Бог ему сказал, чтобы они дальше не двигались. Они всей семьей спустились из вагонов, а через 10 метров на движущийся поезд в предыдущий вагон от того, где они сидели, упал снаряд. Итак, первый раз Бог предостерег рассказчика. Далее следует описание их ожиданий и поисков жилья. Проходящий мимо русский предложил им поселиться в его пустующем доме. Он употребил слово *хата*, которое рассказчик тоже фиксирует, семантизирует его как Hütte (лачуга), сообразуясь, по-видимому, со своими представлениями о доме. Википедия также использует слово Hütte для объяснения понятия *хата*[9]. И вновь (уже второй раз) упоминается Бог — Gott: „Da kam ein Russe vorbei. Ein Mann in den Fünfzigern. ‚Wo wollt ihr denn hin?’ Ein Wort gab das andere, bis er zuletzt sagte: ‚Dort ganz in der Nähe steht meine *Chata* (Hütte) ganz leer. Meine Frau ist ins Dorg geflüchtet. Wenn ihr wollt, könnt ihr dort übernachten’. Jetzt sage mir noch einer, es gäbe keinen *fürsorglichen Gott!*“ (10:27).

Сослагательное наклонение маркирует несобственно-прямую речь, в которой Gott комбинируется с эпитетом fürsorglich, имеющим мелиоративную (положительную) оценочность. Второй раз Бог проявляет заботу в облике русского, предоставившего немецкой семье жилье.

Схематично описывая дальнейшую судьбу российских немцев, повествователь называет их покинутыми Богом „von Gott verlassene Menschen“, пишет о большой смертности, в т. ч. и детской, среди немцев: „Bei den armen, *von Gott* verlassenen Menschen trat ein groβes Sterben ein. Paarweise wurden die Toten in einem Grabe verscharrt. Groβ war die Kindersterblichkeit. In ihrer Not schrieen die deutschen Menschen zum Himmel, aber *der liebe Gott* schwieg…“ (10:27).

Немцы взывали к Богу, но он молчал. Словосочетание der liebe Gott является несколько ироничным. Таким образом повествователь выражает свое отношение к бесполезным с его точки зрения мольбам к Богу.

И, наконец, в конце воспоминаний подводится своего рода итог и вновь упоминается лексема Gott.

„So wird das Deutschtum in Ruβland zu Grabe getragen, wenn nicht *der liebe Herrgott* sein Machtwort noch vor ihrem Untergange sprechen wird“ (10:27). Заметим, что словарь Duden следующим образом определяет слово Herrgott — (familiär) Gott[10]. Иронический модус высказывания сохраняется, как и сохраняется эпитет lieb, а слово становится сложным Herrgott и является фамильярным. «Если дорогой Бог не скажет своего последнего слова перед гибелью всего немецкого в России, то немецкость здесь будет погребена» — так сформулирована мысль абзаца. Хотя в формулировке и присутствует отрицание, но условное предложение выражено таким образом, что читатель не сомневается, что будет именно так. Обращение к Господу оказывается лишь формальным.

---

[9] «Хата (от др.-венг. формы современного венг. *Ház* «дом» или от др.-иранского; ср. также нем. *Hütte*) — традиционный дом украинцев, белорусов, южных русских, части поляков, с печью, как правило, с четырехскатной соломенной или камышовой кровлей. Часто хата делилась на две части: жилую и хозяйственную, разделенную между собой сенями. Бывает срубной, плетневой, глинобитной и пр. На Украине и юге России строили хаты-мазанки, которые снаружи и внутри обмазывали глиной и белили». — (Хата. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 11 июня 2016 г.)).

[10] Herrgott. URL: // http://www.duden.de/rechtschreibung/Herrgott (дата обращения: 11 июня 2016 г.).

С одной стороны, выбор лейтмотива подчеркивает религиозность российских немцев, с другой стороны, ироничное отношение к Богу показывает отчаяние повествователя, надеющегося на помощь Бога в безвыходных и несправедливых ситуациях. По всей вероятности, пребывание долгие годы в атеистической среде также сказалось на немцах и при восприятии Бога. Заметим, что в годы существования Немецкой автономии на Волге исследователи также отмечают «активный атеизм» российских немцев[11].

В воспоминаниях Г. Браун „Nach 24 Jahren in der alten Heimat“ нет указания на дату. Старой родиной называется Крым. Упоминаются реалии — Cherson, Perekop, Bijuk Onlar, Byten. Приехавшая в Крым женщина сталкивалась только с русскими: „Auf unsere deutschen Fragen erfolgt nur ein Achselzucken und ein verständnisloses ‚*ne ponimaju*'. Russen, nur Russen im Dorf!“ (8:38).

Русское «не понимаю» написано латиницей и маркирует локальный колорит.

Первой деталью, помогающей установить описываемый исторический период, является предложение: „Wir werden an eine im Dorf stationierte deutsche Einheit verwiesen“ (8:38).

Таким завуалированным способом повествователь доносит до читателя мысль, что речь идет о немецких войсках в Крыму. Читатель определяет время действия: июнь 1942–1944 гг., т. е. в период оккупации Крыма фашистами. Автор воспоминаний — женщина, эмигрировавшая, по всей вероятности, ребенком в Германию в 1918 г. или чуть позже, приезжает на свою родину, с которой у нее связаны детские воспоминания. Воспоминания представляют собой описание чувств при встрече с Крымом.

Повествователь олицетворяет все: татарскую траву (das Tatarische Kraut), которая встречает (empfängt), словно человек, церковь, которая стоит без башни, сравнивается с человеком — словно обезглавленная (wie enthauptet), серые стены домов соотносятся с усталыми старыми лицами (wie müde, alte Gesichter) (8:38).

Женщина узнает родные места, запахи: „Das Tatarische Kraut steht noch in Blüte und empfängt mich heimatlich vertraut mit seinem herben Geruch“ (8:38).

Встречу со зданием церкви она переживает глубоко, словно личную трагедию, потому что раньше здание церкви было ее «второй родиной» (ich stürze hinaus aus dem Haus, das mir *zweite Heimat* einst war). Еще одно метафорическое сравнение употребляет Г. Браун относительно трещины на здании церкви „Wie eine häβliche Narbe im Gesicht eines Verwundeten“ (как ужасный шрам на лице раненого). Она испытывает боль на физическом уровне от картины разрушения и опустошения (она должна стиснуть зубы, чтобы громко не закричать). Повторы эпитета leer и существительного с тем же корнем Leere усиливают это впечатление: словно пустые глазницы, окна «уставились» на повествователя:

„Und nun das Pfarrhaus. Da muβ ich die Zähne zusammenbeiβen, um nicht laut aufzuschreien. ‚In den *leeren* Fensterhöhlen wohnt das Grauen…' Die Räume, die einst so viel warmes, frohes, sprudelndes Leben umspannten, *starren* mich mit ihrer *Leere* <…> *an*“ (8:39).

Обратимся к закавыченному предложению, являющемуся аллюзией к предложению „In den öden Fensterhöhlen wohnt das Grauen“, из песни Шиллера „Das Lied von der Glocke“:

*Leer*gebrannt
Ist die Stätte,
Wilder Stürme rauhes Bette,
In den öden *Fensterhöhlen*
Wohnt das Grauen,
Und des Himmels Wolken schauen
Hoch hinein[12].

---

[11] Диалект Екатериненштадта: истоки и развитие / Под ред. А. Я. Минора, С. И. Замогильного, Л. И. Тетюева. — [Саратов]: Саратов. источник, 2014. — С. 165.

[12] *Schiller F.* Das Lied von der Glocke. URL: // http://gutenberg.spiegel.de/buch/friedrich-schiller-gedichte-3352/32 (дата обращения: 15 марта 2016 г.).

У Г. Браун возникает ассоциация с приведенным стихотворением Ф. Шиллера, описывающим в поэтической форме ситуацию разрухи.

Словно к живым людям, Браун обращается к стенам церкви: „Redet, redet, ihr Wände!“ (8:39). Но стены молчат. — „Die Wände bleiben stumm“ (8:38).

„Auch das Buch schweigt“ (8:39). Речь идет в данном случае о Библии, которая тоже молчит. Все предметы окружающего мира персонифицированы и передают сложное эмоциональное состояние женщины, раздираемой вопросами.

Эмоционально-трогательным является и описание стула из церкви, который автор также персонифицирует (ein Bekannter, einsam):

„Da, vor einem der alten Häuser steht *ein Bekannter* <…>: *ein Stuhl!* <…> Der hat einmal im Pfarrhaus gestanden, im ‚Saal’, der guten Stube. <…> Nun steht er da *einsam*, alt und wakkelig“ (8:39).

Итак, языковая ситуация в Крыму до 1941 г. характеризовалась трехъязычием — немецкий, русский и татарский, а если учесть и частое применение немецкого диалекта, то мы имеем дело с четырехъязычием. В этой связи сошлемся на мнение лингвиста из ФРГ Ольгу Рёш, считающую возможным классифицировать диалект российских немцев как самостоятельный язык. Она заметила, что немцы в Германии, употребляющие диалект, обладают и знаниями этого языкового стандарта (Sprachstandard), и пониманием того, что это разновидность немецкого языка (eine der Varietäten des Deutschen), а для российских немцев диалект — это и есть немецкий язык[13].

Воспоминания крымских немцев, как и других российских немцев, содержат много моментов, интересных с лингвистической точки зрения. С одной стороны, это фиксация деталей языковой ситуации, внимание к этимологии слов, проведение языковых параллелей, с другой стороны — это отсутствие восприятия идеологической маркированности слов, которая, безусловно, является приметой времени и места их употребления (Советский Союз, где они проживали раньше).

Обозначение немецких понятий их русскими эквивалентами и семантизация немецких понятий русскими лексемами свидетельствуют о желании российских немцев сохранить свое языковое прошлое. У крымских немцев в этом процессе участвует и татарский язык, несущий также идентифицирующую функцию. Они позиционируют себя не просто российскими немцами, а жившими именно в Крыму, знавшими татарский язык — т. е. крымскими немцами. Кроме этого в воспоминаниях встречаются и русизмы. Заметим, что при написании латиницей русских лексем в тексты воспоминаний вклиниваются орфографические ошибки, они наблюдаются в географических названиях, в заимствованных словах и т. д. Влияние русского языка велико, но на расстоянии оно ослабевает, что является естественным, т. к. в ФРГ, где теперь проживают авторы воспоминаний, усиливается влияние немецкого литературного языка.

Воспоминания носят различный характер — детализированное описание артефактов, а также отображение собственных чувств и эмоций при встрече с родиной. Особенно это ярко выражено на примере женской прозы Гертруды Браун. В последнем случае воспоминания не лишены художественности, что свидетельствует о таланте российских немцев, распространяющемся и на область их художественного творчества, к которому, безусловно, можно отнести и изученные воспоминания.

---

[13] Während für einen Dialektsprecher in Deutschland der Sprachstandard zu seinem Sprachwissen gehört und der Dialekt nur eine der der Varietäten des Deutschen bleibt, ist für einen Ruβlanddeutschen sein Dialekt zumeist die deutsche Sprache. — *Rösch O.* Deutsch-Deutsch-Deutsches. Ruβlanddeutsche in Berlin // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: aktuelle Sprachprobleme in Europa / Hrsg. Jürgen Scharnhorst. Mit einem Geleitw. Von Erika Ising. — Frankfurt am Main; Berlin; New York; Paris; Wien: Lang, 1995. — S. 241.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалект Екатериненштадта: истоки и развитие / Под ред. А. Я. Минора, С. И. Замогильного, Л. И. Тетюева. — [Саратов]: Саратов. источник, 2014. — 190 с.
2. Казенка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172731/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 11 июня 2016 г.).
3. *Павлова А. В., Светозарова Н. Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: Справ. — СПб.: Антология, 2012. — 480 с.
4. Сороковка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1035982 (дата обращения: 11 июня 2016 г.).
5. Татары. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B (дата обращения: 15 марта 2016 г.).
6. Хата. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 11 июня 2016 г.).
7. Agitieren. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/agitieren (дата обращения: 11 июня 2016 г.).
8. *Braun G.* Nach 24 Jahren in der alten Heimat… // Heimatbuch der Deutschen aus Ruβland / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — [Stuttgart, 1960]. — S. 38–39.
9. *Eisenbraun Th*. Ausschnitte über die Ansiedlung, sowie die wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung und der Untergang der deutschen Siedlungen in der Krim // Heimatbuch der Deutschen aus Ruβland / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — [Stuttgart, 1960]. — S. 5–31.
10. *Eisenbraun Th*. Die Aussiedlung der Krimdeutschen 1941. Nach Berichten von Theodor Eisenbraun. Überarbeitet von Gertrud Braun // Heimatbuch der Deutschen aus Ruβland / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — [Stuttgart, 1966]. — S. 24–27.
11. Herrgott. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/Herrgott (дата обращения: 11 июня 2016 г.).
12. *Lewandowski Th.* Metasprache // Linguistisches Wörterbuch 1. — Heidelberg; Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1994. — S. 709–711.
13. *Rösch O.* Deutsch-Deutsch-Deutsches. Ruβlanddeutsche in Berlin // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: aktuelle Sprachprobleme in Europa / Hrsg. Jürgen Scharnhorst. Mit einem Geleitw. Von Erika Ising. — Frankfurt am Main; Berlin; New York; Paris; Wien: Lang, 1995. — S. 227–250.
14. *Schiller F.* Das Lied von der Glocke // URL: http://gutenberg.spiegel.de/buch/friedrich-schiller-gedichte-3352/32 (дата обращения: 15 марта 2016 г.).

Erinnerungen der Krimdeutschen: Sprachliche und kulturologische Beobachtungen

V.B. Merkur'eva

In Erinnerungen von Krimdeutschen wird die Sprachsituation der Deutschen auf der Halbinsel bis zu ihrer Deportation im Jahre 1941 beschrieben. Die Verfasser widmen den Fragen der Semantisierung der russischen Lexeme ihre besondere Aufmerksamkeit. Sie versehen sie mit den deutschen Äquivalenten und diese mit den russischen. Auf die gleiche Weise werden während der Darlegung der Erinnerungen die tatarischen Ausdrücke behandelt. Darin werden einige interessante, die Krimtataren aus kulturologischer Sicht charakterisierende Momente angeführt. Die Sprache der Erinnerungen wird auch aus stilistischer Sicht analysiert. Die Verfasser der Erinnerungen gehen dabei sehr einfallsreich vor und benutzen Personifizierungen, Leitmotive, Allusionen usw. Die Erinnerungen der Krimtataren sind talentiert geschrieben, ihre Sprache ist ein Beispiel für künstlerisches Schaffen.

Schlüsselwörter: Sprachsituation, Dialekt, Hochdeutsch, Russisch, Tatarisch, metasprachliches Herangehen, Äquivalente, Semantisierung, kulturologische Momente, stilistische Besonderheiten.

The Recollections of the Crimea Germans (linguistic and cultural observations)

V.B. Merkuryeva

In recollection written by the Crimean Germans one finds the description of the linguistic situation on the peninsula until their deportation in 1941. The authors pay special attention to the Russian lexeme semantization, provide the German equivalents for the Russian lexemes and the Russian equivalents for the German ones. The article presents interesting discoveries characterizing the Crimea Germans from the culturological point of view. The language of the recollections is also analyzed from the point of view of stylistic peculiarities. The authors of the recollections are resourceful; they use personifications, leitmotifs, allusions, etc. The recollections of the Crimean Germans are written eloquently, their language is an example of artistic creativity.

Key words: linguistic situation, dialect, Standard German, the Russian language, the Tatar language, metalinguistic approach, equivalents, semantization, culturological moments, stylistic peculiarities.

УДК 81'33

Л.Н. Пузейкина

„Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“ — мотив свадьбы в песнях немецких колонистов под Петербургом

В статье рассматриваются традиционные песни немецких колонистов, записанные в начале XX в. В.М. Жирмунским под Ленинградом (Санкт-Петербургом). Особое внимание уделено песням со свадебными мотивами, в т. ч. старинной балладе „Die untreue Braut“ и песне, созданной уже в России, „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“, приводятся новые переводы последней на русский язык. Помимо этого, рассматриваются некоторые свадебные обычаи и традиции, типичные для Германии и сохранившиеся в среде российских немцев, например, особый обычай приглашения на свадьбу и чтения речитативов, называемых также Gstanzl.

Ключевые слова: песни российских немцев, баллада „Die untreue Braut“, Виктор Максимович Жирмунский, песня „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“, свадебные песни, Архив немецкой народной песни в Ленинграде, изучение народных песен.

Свадьба в немецкой деревне всегда была общественным, а не сугубо семейным или тем более личным событием, и представляла собой яркий и волнительный праздник, наполненный песнями и танцами. Песни, к которым мы сейчас обратимся, зафиксированы в различных немецких поселениях под Петербургом во второй декаде XX в. известным филологом-германистом В.М. Жирмунским, который расширил границы собирательской и исследовательской деятельности[1], начатой за десятилетие до этого в поволжских колониях И. Эрбесом и П. Зиннером[2] и продолженной там же Г. Дингесом[3]. Начав в 1924 г. работу по комплексному исследованию немецких колоний с родного ему Ленинграда, Жирмунский продолжил ее в ходе последующего десятилетия в самых различных регионах компактного проживания немецкого населения, направляя экспедиции в разные районы Украины, в Крым и Закавказье[4]. Работы отчасти субсидировались Наркоматами просвещения РСФСР и Украины и проводились при содействии Государственного института истории искусств (ГИИИ), с которым в то время

[1] Более подробно об истории исследования немецкой народной песни в России до 1941 г. см. *Пузейкина Л.Н.* Мы пели, мы жили, мы были… Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России. — СПб., 2015. — С. 12–39.

[2] Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien, gesammelt und mit einem Anhang von Rätzeln zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien herausgegeben von J. E. u. P. S. — Saratow, 1914.

[3] *Dinges G.* Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Bilder von Paul Rau. — Berlin; Leipzig, 1932. (Landschaftliche Volkslieder mit Bildern und Weisen, 25). Исследование наследия Г. Дингеса продолжается в Областном государственном учреждении «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУ ГИАНП), где в 1997 г. была завершена работа по созданию фонда Дингеса-Дульзона («Объединенный фонд ученых Г.Г. Дингеса и А.П. Дульзона» (ОАФ-Р-1821)).

[4] Подробнее об экспедициях В.М. Жирмунского в немецкие колонии СССР и о созданном им в Ленинграде центре по их изучению см.: *Светозарова Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Рус. германистика. Ежегодн. рос. союза германистов. — М., 2006. — Т. 2. — С. 137–147; *Смирницкая С.В.* В.М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России: Рус.-нем. науч. и культур. связи: Сб. ст. / Отв. ред. Г.И. Смагина. — СПб., 2000. — С. 61–70.

© Л.Н. ПУЗЕЙКИНА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 204–220.

активно сотрудничал В.М. Жирмунский. Ученый инициировал основание в институте отделения истории словесных искусств и стал его председателем, создал «Архив немецкой народной песни» при крестьянской секции ГИИИ, и руководил Кабинетом искусства народов СССР до перехода в Институт речевой культуры (ИРК) в 1930 г.

Жирмунский и его ученики составили коллекцию народных песен, около 4 тыс. текстов, частично их нотировок и записей на фоновалики или восковые пластинки. В тех случаях, когда текст сопровождался мелодией, озвучивалась, как правило, либо одна первая, либо две первые строфы песни. Собранные материалы были каталогизированы и систематизированы В.М. Жирмунским, его коллегами и учениками, благодаря чему мы сегодня имеем возможность обратиться отдельно к песням, собранным в среде немецких колонистов Ленинградской области. Основным, наиболее полным и информативным источником данного материала являются два дела архива В.М. Жирмунского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, №№ 340 и 341[5]. Оба дела представляют собой две объемные папки (307 и 296 листов соответственно) с текстами немецких народных песен, отпечатанными на машинке. Состав этих двух дел отчасти дублируется. На данный момент Ульрикой Бишоф (Университет Галле-Виттенберг, Галле, Германия) составлена подробная опись дела № 341[6]. Данная опись включает полную информацию о составе указанного дела — номера страниц и их оборотов, названия песен, количество строф, колонию, имя исполнителя или указание на источник текста (как правило, песенник), год записи, имя собирателя и его комментарий (если такой присутствует), а также комментарий составителя описи.

Среди всего многообразия жанров и сюжетов в данных делах представлено несколько песен с мотивом свадьбы, однако не все они могут быть отнесены к собственно свадебным песням. Наиболее ранние записи относятся к 1924 г. Они были записаны Жирмунским в колонии Янино[7].

Первая песня из пяти строф записана от г-жи Бауэр (50 лет) и называется „Es war eine Bauermannstochter“[8]. Она рассказывает о крестьянской девушке, у которой два жениха. Она никак не может решить, кого выбрать — столяра или крестьянина. Отец,

---

[5] Перечень избранных дел архива В.М. Жирмунского в СПФ АРАН, касающихся вопросов фольклора и немецкой народной песни см.: *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. — С. 174–177.

[6] Опись составлена У. Бишоф в 2015 г. под руководством автора статьи и по поручению А.А. Немковой в ходе прохождения практики в Русско-немецком Центре встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге (РНЦВ).

[7] Колония Янино была основана в 1859 г. в числе других дочерних колоний под Петербургом как следствие малоземелья и роста численности населения в материнских колониях. Колония относилась к Ново-Саратовскому церковному округу, в ней был организован молитвенный дом при школе.

[8] Вторая запись со свадебным мотивом из этой же колонии была сделана В.М. Жирмунским от группы школьников. Она напоминает детскую считалку:

Wir treten auf die Kette.
Das die Kette klingt.
Wir haben einen Vogel,
Der so klare singt.
Singt so klar,
Wie ein Star.
Hat gesungen sieben Jahr.
Sieben Jahr ist rumditum,
Fräulein Katja dreht sich um.
Fräulein Katja umgedreht,
Bräutchen hat den Kranz geschenkt.
Tschuheira — tschuheira –
Von lauter grüner Seide.
O, wie wird der Bräutgam lachen,
Wenn die Braut wird Hochzeit machen!
/: Plitsch-platsch Hände,
Die Hochzeit ist zu Ende!:/

Wendischer Hochzeitsbitter.
Мейсен, Саксония.
Фарфор. Худ. Н. Шпилер.
Около 1924 г.

будучи сам крестьянином, советует ей второго. Далее сюжетная линия песни представляется в данном исполнительском варианте несколько спутанной:

1. Es war eine Bauermannstochter,
   Die hatte zwei Bräutigam:
   Der eine war ein Tischler,
   Der andre ein Bauermannssohn.
2. — Ich werde den Vater wohl fragen
   Wen ich nur heiraten soll:
   — Nimm du den Bauermannssohnen,
   Lass fahren den Tischlersohn:
3. — Gib mir her mein goldnes Ringelein,
   Gib mir deine goldene Treu:
   Der Teufel soll dich holen
   Auf deinem Hochzeittag:
4. Es kamen drei närrische Männer
   Und setzten sich neben der Braut.
   — Wir wollen uns selber einschenken
   Und tanzen wohl mit der Braut:

5. — Wir werden wohl singen, juheirasasa:
Zum Fensterlein heraus:
Der eine war darunter,
Der ihr Herzliebster war.

Как мы видим из приведенного текста, в третьей строфе остается неясным, кому принадлежит фраза с пожеланием того, чтобы невесту черт унес в день ее свадьбы, в четвертой строфе неожиданно появляются трое то ли переодетых, то ли глупо выглядящих или странно себя ведущих мужчин (а скорее всего, три представителя потустороннего мира), выражающих намерение не только угоститься на свадьбе, но и потанцевать с невестой, а из пятой строфы выясняется, что один из них является возлюбленным девушки. Однако если обратиться к более ранним вариантам данной песни, записанным в Германии в середине XIX в., то сюжетная линия текста, его мораль и дидактическая направленность становятся более понятными. Так, в наиболее раннем сборнике, в котором зафиксирована данная песня с началом, близким к приведенному выше, „Die Volkslieder der Deutschen“ Фридриха-Карла фон Эрлаха[9] (1835), она называется „Strafe der Falschheit“: „Es war einmal ein Mädchen // zwei Knaben hatt’ sie lieb <...>“.

Песня состоит из восьми строф, в ней повествуется о девушке, которой нравились два молодых человека, но ей советуют выбрать одного из них, она выбирает того, который подарил ей дорогое кольцо; в ответ на это покинутый юноша ее проклинает и желает ей, чтобы черт унес ее в день свадьбы. Наступает день свадьбы, девушка горда и весела, но когда приходит пора угощений, внезапно появляется незнакомец, который отвергает предложенное вино и говорит, что он сам себя может угостить, после чего выражает желание потанцевать с невестой. Гость танцует с молодой, в три круга продвигается с ней к окну, выходит с ней через него, уносит в поле и убивает, остается от невесты только ее венок. Похожие ранние варианты в восемь строф зафиксированы у Ф.В. фон Дитфурта[10] („Bestrafte Falschheit“, № 14) и у Л. Эрка и Ф.М. Бёме[11] („Die untreue Braut“, № 211).

Однако и эти популярные варианты не проясняют до конца мотива неверности невесты и причин ее наказания, поскольку она заранее выбрала одного из претендентов на свою руку. Объяснение находится в более полной и наиболее ранней версии в десять строф, которая приводится в первом издании сборника „Des Knaben Wunderhorn“ Ахима фон Арнима и Клеменса Брентано (1808)[12] и называется „Reit du und der Teufel“, в первых пяти строфах которой повествуется о моряке, вернувшемся из плавания и спешащем к дому своей возлюбленной, поступь его, однако, тяжела, т. к. его гнетут тяжелые предчувствия, как будто его любимая умерла или стала невестой другого. Подойдя к дому, он находит свою возлюбленную в добром здравии и спрашивает ее, хранила ли она ему верность, раз согласилась стать его женой, так же, как он ей, но она отвечает, что знает о его верности и о его деньгах, но ее заберет некий всадник. В последующих строфах сюжетная линия баллады схожа с указанной выше: через три дня на свадьбе появляется всадник и в танце за три оборота выводит девушку к двери, они оказываются в далекой стране, у девушки сломана шея и потеряна душа. Всадник, названный в тексте Reiter, представляет собой аллюзию на одного из библейских всадников Апокалипсиса: „Und ich sah, und siehe, ein fahles Pferd. Und der darauf saß, des

[9] Die Volkslieder der Deutschen, eine Sammlung deutscher Volkslieder von der Mitte des 15. bis in die erste Hälfte des 19. Jh. / Hrsg. Erlach Fr. — K. Freiherr von. — Mannheim: H. Hoff. — Bd. 4. — 1835. — № 85.

[10] Fränkische Volkslieder: mit ihren zweistimmigen Weisen, wie sie vom Volke gesungen werden / Hrsg. Ditfurth von F.W. — Leipzig, 1855. — № A 52a.

[11] Deutscher Liederhort / Hrsg. Erk L., Böhme Fr. M. Bd. 2. — Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1893. — № A 57–1.

[12] Des Knaben Wunderhorn / Hrsg. Arnim A. von, Brentano Cl. — Bd. 3. — Heidelberg, 1808.

Name hieß Tod, und die Hölle folgte ihm nach. Und ihnen ward Macht gegeben, zu töten das vierte Teil auf der Erde mit dem Schwert und Hunger und mit dem Tod und durch die Tiere auf Erden“[13], единственный из всадников, названный по имени — Смерть, по-немецки der Tod, мужского рода. Таким образом, баллада изначально повествует о трагически сложившейся судьбе двух возлюбленных, где девушка не смогла дождаться своего жениха и умерла. Мотив свадьбы со смертью является архаическим и часто отражается в фольклоре, где свадьба трактуется как высший момент перерождения, обращения к новому жизненному этапу, умирания в одном роде и переходе в другой.

Наиболее полная из ранних версий, в 11 строф, приводится также у Эрка и Бёме[14]. Она наиболее близка к версии из «Волшебного рога мальчика», но в ней уже появляется второй возлюбленный, названный, правда, несколько необычно — *Bänderknab*. При сравнении с самой ранней версией выясняется, что это слово трансформировалось из *Bänderstab* в пятой строфе «Ich hab mir lassen sagen // du nähmst den Bänderstab // So gieb du mir die Treuheit // die ich dir geben hab», где *Bänderstab* означает посох с привязанными к нему лентами, который был в руках у приглашающего на свадьбу. В результате переосмысления одного слова меняется вся сюжетная линия песни, которая получает название «Неверная невеста». Кроме того, добавляется последняя строфа с моралью, где девушкам дается совет не брать денег от второго жениха, а оставаться верными первому.

Die untreue Braut

1. |: Ihr Herren laßt[15] euch singen
   ein wunderschönes Lied:|
   |: ein Mägdlein von achtzehn Jahren
   das hatte zwei Knaben lieb.:|
2. Der Eine war ein Schiffmann
   der Andr ein Bändersknab.
   Das Mägdlein thät sich nit schämen
   es nahm den Bändersknab.
3. Das ward der Schiffmann gewahre
   der auf dem Wasser fuhr;
   er fährt sein Schiff zu Lande
   bis daß er die Jungfrau fand.
4. Er fand sie auf ihrem Schlafkämmerlein,
   da sie aufbund ihr Haar:
   „Gott grüß dich, o mein Engelein,
5. mein herzallerliebster Schatz!“
6. „Ich hab mir lassen sagen
   du nähmst den Bändersknab;
   so gieb du mir die Treuheit,
   die ich dir geben hab!“
7. „‚Ich weiß von keiner Treuheit
   ich weiß von keinem Geld;
   der Reiter soll mich holen,
   wenn ich von Treuheit weiß!’“

[13] Bibel. Text. Offenbarung. Kapitel 6. Vers 7. URL: http://www.bibel-online.net/buch/luther_1912/offenbarung/6/ (дата обращения: 10 июня 2016 г.).

[14] Всего в данном сборнике приводится четыре варианта данной песни: Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Hrsg. Erk L. — Berlin, 1856. — № 38–38 с. Здесь приводится текст № 38а.

[15] Сохранена орфография оригинала.

8. Das steht bis an den dritten Tag,
als da die Hochzeit war,
da kam ein stolzer Reiter,
der setzt sich obenan.
9. „Nun eßt und trinkt ihr Jungfern
ich kann nicht fröhlich sein“.
Trompeten und Schalmeien
die gehen insgemein.
10. Das Erste das er thäte,
den Tanz wol mit der Braut;
er schwenkt sie dreimal rumme,
damit zur Thür hinaus.
11. Sie kamen über ein Heide,
ein Land, es war wol breit.
Der Hals war ihr zerbrochen,
die Seel war eigen sein.
12. Nun hört, ihr Jungfern stolze,
nehmt ihr von Zwein kein Geld!
Den Ersten thut behalten,
den Zweiten schickt ins Feld.

К собственно песням свадебного цикла, представленным в исследуемом материале, можно отнести два текста приглашения на свадьбу. Это песня „Wir sind eingetreten“, записанная Э. Иогансон[16] весной 1928 г. в колонии Ной-Луцке[17] от Анны Неренц[18] (род. 1854 г.). Под другим названием — „Hochzeitsbittlied“ — этот же сюжет был записан в колонии Порхово[19] от Георга Шефера. Песня представляет собой приглашение на свадьбу и выстроена как речитатив, в котором приглашающие расхваливают предстоящие удовольствия и напоминают гостям, чтобы они не забыли подарки (еду, напитки, немного денег). Форма речитатива типична для свадебных приглашений, которые исполнялись в районах компактного поселения немцев в разной форме, но проходили по схожему сценарию. Т. Б. Смирнова так описывает церемонию типичного свадебного приглашения: «За неделю до свадьбы приглашали гостей. Приглашение устраивалось шумное и веселое. Центральной фигурой становились специальные распорядители свадебного торжества (Hochzeitsbitter, Hochzeitsvater, Brautdiener, Hochzeitslader). Они несли специальный свадебный жезл или посох, украшенный сверху цветами (Freierstock, Perstock). Каждый, кого приглашали на свадьбу, должен был завязать цветную ленту на посохе. Потом по количеству лент считали приглашенных гостей»[20].

[16] Эллинор (Элеонора Генриховна) Иогансон Гегель (Ellinor Johannson) была одной из самых активных участниц экспедиций В.М. Жирмунского. О жизни и творчестве Э. Иогансон см. *Светозарова Н.Д.* 1) Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст. — СПб., 2010. — Ч. 1. — С. 223–231; 2) Архивный фонд Э.Г. Иогансон в Российской национальной библиотеке // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — М., 2013. — № 1. — С. 8–14.

[17] Дочерняя колония от колонии Луцк, основанной вместе колониями Порхов и Франкфурт в окрестностях Ямбурга, на берегу реки Луги в юго-западной части Санкт-Петербургской губернии во второй половине XVIII в.

[18] Именной указатель исполнителей песен, записанных под Петербургом и хранящихся в архиве В.М. Жирмунского, см.: *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. — С. 178–188.

[19] В колонии Порхово Жирмунским была также записана небольшая песенка из двух строф от г-жи Закман, поварихи на деревенских свадьбах — „Geh du nach Lindenau“, которая расхваливает Линденау, где очень выгодно справлять свадьбы.

[20] *Смирнова Т.Б.* Этнография немцев Сибири. — М., 2012. — С. 220.

Дёлер В. Крестьянская свадьба.
Резьба по дереву.
Около 1950 г.

***

Wir sind eingetreten,
Euch auf die Hochzeit zu beten,
Ein Gruss von Braut und Bräutigam
Und von beiden Seiten der Eltern,
Und dass ihr möchtet so gut sein
Und zu uns zu der Hochzeit kommen.
/Familienangehörigen — Vater, Bruder u. s.w./
So lange der Schornstein raucht,
Und die Köchin nicht entlauft,
Und die Saiten klingen,
So wollen wir lustig sein, tanzen und singen.
Und meine Bitte ist dies:
Ein Apfel und ein Glas Bier,
Ein Gläschen kühler Wein
Oder ein Rubelschein,
Das wird uns noch viel angenehmer sein.

Anna Nerenz, geb. 1854,
Neu-Lutzke.

E. Johannson.
Frühling, 1928

Hochzeitsbittlied

Wir sind eingetreten
Euch zur Hochzeit einzubeten.
Ein Gruß von Braut und Bräutigam,
Von alle Seite beide Eltern,
Dass sie so gut möchten sein,
Möchten am Sonntag um 5 Uhr auf die
Hochzeit kommen.
So lang das Bierfass lauft,
Und die Köchin nicht verlauft,
Und die Saiten klingen
Wollen wir hopsen, tanzen und springen.

<u>Hochzeitsläder:</u>
Meine Bitte ist die,
Ein Apfel und ein Glas Bier,
Das ist das Hochzeitslädermanier.
Ein Gläschen kühler Wein
Und ein schönes Bändelein
Und ein alter Rubelschein,
Das wird dann noch viel lieber sein.

Georg Scheffer,
Porchow.

E. Johannson.
Frühling, 1928

Обе записи сделаны Э. Иоганнсон во время ее поездки в ямбургские колонии весной 1928 г. От Анны Неренц, которой на момент записи было 74 года, было записано несколько песен, в т. ч. девять звуковых фрагментов, где исполнительница поет первые строки песен. Ее варианту свойственны некоторые общие черты местного диалекта, такие, например, как отсутствие умлаута корневых гласных сильных глаголов в презенсе (die Köchin entlauft), но в целом запись сделана на литературном немецком, о российской специфике говорит разве что упоминание местной денежной единицы (ein Rubelschein). Запись от Георга Шефера отличается несколько более смелым выбором лексики, вместо дыма из трубы показателем все еще длящегося праздника выступает разливное пиво из бочки. Кроме того, данный исполнитель не забывает о важнейшем атрибуте распорядителя свадьбы — ленте, повязанной на его посох.

Сегодня традиция приглашения на свадьбу продолжает существовать, особенно в южных землях Германии. Распорядитель свадьбы исполняет обязанности по приглашению гостей, ведет свадебное застолье, разбавляя его рифмованными шутками, которые он пропевает речитативом в высоком регистре. Его отличительной чертой является длинный свадебный жезл с загнутым верхом, украшенный разноцветными лентами, иногда еще и букетиком цветов, к шляпе распорядителя нередко прикрепляется ветка розмарина или мирта.

Речитативы, которые исполняются на свадьбах, называются в южных землях *Gstanzl*, а мастера по их исполнению *Gstanzlsänger* или *Gstanzler*. Их исполнение распространено, правда, гораздо шире, чем только на свадьбах, певцов приглашают на национальные праздники, иногда *Gstanzl* (которые во многом похожи на русские частушки)

Свадьба Христиана Валлизера и Христины Рейх. Колония Веселый Поселок, Петроградская губ., 1914 г. Из семейного архива Т.Г. Риттер

исполняются со сцены, основным инструментом сопровождения является аккордеон, реже скрипка. Настоящие мастера обладают большим запасом шуток и могут их варьировать и добавлять импровизации в зависимости от предпочтений аудитории. Иногда исполнение этих шутливых речитативов может продолжаться достаточно долго, более часа. Мелодический рисунок всех речитативов отчасти схож, но может значительно варьироваться, в зависимости от музыкальных способностей исполнителя он может становиться более тонким, изящным и разнообразным (например, как у Хуберта Миттермайера, более известного под псевдонимом Erdäpfekraut) или оставаться практически неизменным на протяжении всего выступления. Речитативы исполняются почти исключительно на местном диалекте, их текст часто бывает достаточно забористым, допускается использование лексики сниженной коннотации. Чаще всего певцы выступают соло, в сопровождении одного аккомпаниатора, реже — вдвоем, тогда шутки как бы перебрасываются, как мяч, от одного исполнителя к другому, когда один начинает тему, а другой ее подхватывает и развивает, или завершает. Иногда устраиваются соревнования между певцами, в процессе которых происходит обоюдное «выпевание», называемое *Aussingen*, по аналогии с высмеиванием, *Auslachen*. Иногда устраивают и так называемые более современные «батлы», т. е. битвы, между различными исполнителями речитативов разных стилей, например, *Gstanzl* и рэп. Чаще всего исполнителями являются мужчины, что соответствует традиции, но есть сегодня и популярные женщины-исполнительницы, например, непобедимая Ренате Майер, известная своими импровизациями.

Особый интерес среди собственно свадебных песен, записанных под Ленинградом, вызывает „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein“, записанная Надеждой Яхонтовой, студенткой В.М. Жирмунского, в колонии Овцыно[21], в марте 1929 г. Песня «Сегодня в деревне будет свадьба» является авторским сочинением, известна только одна редакция. Ее автором и исполнителем была 18-летняя Елизавета Финк[22], сочинившая песню по случаю одной из свадеб, состоявшихся в колонии Овцыно.

1. Heut wird im Dorfe Hochzeit sein,
   Da wird’s wohl lustig sein.
   Man führt ein Paar zum Traualtar
   Drum soll’n sich alle freuen.
   Spielt heller Musikanten
   Unserm Hochzeitspaar.
   Hoch soll unser Brautpaar leben
   Lange, lange Jahr!
2. Zur Kirche geht man mit Musik,
   Dort werden sie getraut.
   Dann werden beide gratuliert,

[21] Колония Овцыно относится к числу дочерних колоний, основанных колонистами по мере разрастания первых материнских колоний на купленной или арендованной земле. Овцыно была наиболее значительной колонией, основанной в Шлиссельбургском уезде, стояла выше Новосаратовки по р. Неве. Она постепенно росла, начиная с 1832 г., на месте бывшей финской деревни, принадлежавшей помещице Фрязиной, постепенно распродававшей свои земли. К концу 1840-х годов в данной колонии землей владели 24 семейства, семь из которых жили здесь постоянно. Подробнее о данной колонии: *Сысоева Н.* Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): Биограф. аспект. — Вып. 3. — СПб., 2005. — С. 289–308.

[22] Выражаем благодарность Марине Мелиной, занимающейся вопросами генеалогии петербургских колонистов, за помощь в установлении личности автора и исполнительницы песни. Благодаря проведенной ею работе мы можем предположить, что автор песни, Елизавета Финк, родилась в 1910 г., была внучкой Георга Якоба Финка (1844 г. р., кол. Овцыно) и Елизабет Софии Грауле (1849 г. р.), дочерью Христиана Финка (30.06.1869) и Катарины Штро (1877 г. р.).

Der Bräutigam und die Braut.
Spielt heller u. s. w.
3. Und wenn dasnun vorüber ist,
So kehren all zurück.
Dann kommen alle Küchenleut
Und wünschen dem Brautpaar Glück. u. s. w.
4. Dann setzt man sich nun an den Tisch
Und ladet ord'ntlich ein.
Da gibt es viele schöne Speisen
Und auch roten Wein. u. s. w.
5. Man giesset ein und trinket aus,
Ruft «горька» auch dabei.
Dann küsset sich das junge Paar
Und trinkt den roten Wein.
Spielt den Tusch ihr Musikanten. u. s. w.
6. Und wenn nun abgegessen ist,
Räumt man die Tische weg.
Dann kommen alle Leuterjung aus
Und tragen sie hinweg. u. s.w.
7. Dann laden nun die Jungens ein
Die Mädchen zum Langsee.
Und wenn der Tanz zu Ende ist,
So geht man trinken Tee. u. s. w.
8. Doch unsre liebe Kücheleut
Die haben viel zu tun.
Sie müssen den ganzen Abend laufen
Dürfen gar nicht ruhn. u. s. w.
9. Die Brautstupfer müssen auch
Recht brav und fleissig sein,
Und auch das ganze Köchebäsle
Muss immer beim Kochen sein. u. s. w.
10. Die Spielmagd muss die ganze Nacht
Nur waschen das Geschirr,
Und wenn sie etwas da verbricht
Da kommt sie Schimp dafür. u. s. w.
11. Es wird gegessen und getanzt
Die ganze liebe Nacht.
Es wird geplaudert und gelacht
Und lustig sich gemacht. u. s. w.
12. Und wenn die Sonn am Himmel steht
Fährt man das Paar nach Haus
Begleit' von allen Hochzeitsgäst'n.
Dann ist die Hochzeit aus. u. s. w[23].

Песня Елизаветы Финк интересна с этнографической точки зрения, она достаточно подробно представляет ход праздника, хотя и затрагивает только обряды, происходящие непосредственно в день свадьбы. При этом опускаются все подготовительные обряды и основное внимание уделяется пиршеству, лишь первые две строфы посвящены

[23] Кол. Овцыно, Ленинградский окр., март 1929 г., запись Надежды Яхонтовой из песенника Шарлотты Шефф, 59 л. // ИРЛИ. Рукописный отдел. Ф. 104. Д. 21. Л. 204.

пути в церковь и венчанию[24]. Песня начинается с того момента, когда невесту и жениха вся деревня сопровождает по дороге к церкви. Шествие начиналось после того, как жених успешно выкупил невесту и прошел обряд узнавания. Невеста шла в светлом, не обязательно белом платье с высоким венком из цветов и фатой на голове, у жениха в петлице тоже красовался маленький цветочный букетик.

Т.Б. Смирнова так описывает свадебное шествие у немцев Сибири. «Когда молодые выходили из дома, начиналась стрельба из ружей. Всю дорогу до церкви молодых сопровождали музыка, песни, игра на гармошке, стрельба. Впереди несли свадебный жезл, украшенный цветами и лентами. Дорогу до церкви перегораживали в основном дети, которые брали выкуп конфетами, печеньем, мелкими деньгами. Перегораживать дорогу можно было только до венчания, так как перегородить дорогу (или даже перейти ее) после регистрации брака означало чинить препятствия новой семье»[25].

Во второй строфе упоминается обряд бракосочетания, который несколько отличался в немецких поселениях в России, но обладал рядом общих черт. Так, он включал в себя, как правило, проповедь, псалмы, выражение согласия на вступление в брак и поздравления со стороны приглашенных гостей. После торжественного выхода из церкви и осыпания молодых зерном или деньгами с пожеланиями многодетности и богатства вся процессия отправлялась в тот дом, где готовилось угоще-

Свадьба Александра Эйдемиллера и Екатерины Мусс.
Колпинская колония, Петроградская губ., 19 января 1919 г.
Из семейного архива Е.Я. Арсеньевой

[24] О немецких свадебных традициях см. подробнее: *Schroeder L. von*. Die Hochzeitsbräuche der Esten und einiger anderer finnisch-ugrischer Völkerschaften in Vergleichung mit denen der indogermanischen Völker: Ein Beitrag zur Kenntniss der ältesten Beziehungen der finnisch-ugrischen und der indogermanischen Völkerfamilie. — Berlin: A. Asher & Company, 1888; *Höhn H.* Hochzeitsbräuche. — 2. Bd. — Stuttgart, 1910–1912; Geburt, Hochzeit und Tod // Beiträge zur vergleichenden Volkskunde / Hrsg. E. Samter. — Leipzig; Berlin: B.G. Teubner, 1911; *Смирнова Т.Б.* Указ. соч. — С. 208–244; *Шишкина Е.М.* Немецкая свадьба. Deutsche Hochzeit. — М., 2008.

[25] *Смирнова Т.Б.* Указ. соч. — С. 229–230.

ние для гостей. Как правило, празднование происходило в доме жениха, где молодые жили еще примерно два года до полного отделения. Лишь у волынских немцев было принято праздновать и жить до отделения в доме родителей невесты. По тексту песни не очень понятно, где именно подготовлено угощение, т. к. молодые возвращаются «назад» — возможно, имеется в виду дом невесты или же просто дорога обратно из церкви. В последней строфе указано, что после праздника молодую пару везут домой, так что праздник проходил, видимо, не в том доме, где молодые собирались провести первую брачную ночь. Молодые могли провести ее либо в специально приготовленной для этого комнате, либо в доме кого-либо из родственников. С третьей по 11-ю строфы в песне описывается застолье немецких колонистов на свадьбах — с песнями и танцами. Свадебный стол был, как правило, богато накрыт, с большим разнообразием блюд. К традиционным свадебным обрядовым кушаньям в Германии до сих пор относятся хлеб и соль, различные изделия из сдобного теста. Раньше на свадебном столе обязательно присутствовала каша из местных сортов зерновых, чаще пшеничная или ячменная, которая символизировала зарождение новой жизни, пожелание семье благополучия и многодетности (как и осыпание зерном при выходе из церкви). Обязательно ели различные блюда из мяса, что говорило о достатке семьи, и, конечно, капусту, без которой не обходится ни одно традиционное немецкое застолье.

В песне упоминается также один русский обычай, заимствованный колонистами у соседей и не встречающийся на традиционных немецких свадьбах, — кричать молодоженам «горько!» с требованием «подсластить» поцелуем еду гостей. Правда, на русских свадьбах «горчит», как правило, водка, вместо которой в песне упоминается красное вино.

Застолье на свадьбе традиционно перемежалось танцами. Н.Н. Везнер отмечает: «На свадьбе танцы исполняются с определенной смысловой нагрузкой. Так, до 1930-х годов сохранялись танцы, исполнявшиеся в первый день до начала праздничной трапезы, это так называемые Голодный танец („Hungertanz“) и Капустный танец („Krauttanz“). После них начинался Почетный танец, в котором шафер с невестой танцевали три тура (композиции). Перед каждым туром шафер декламировал стихотворение, в котором воспевались светлые и темные стороны брака. Часто Почетный танец продолжался до получаса <...> Второй день свадьбы проходит с большим количеством танцев, которые сопровождались различными выкриками, в которых желали веселой свадьбы: „Хохцайт, хохцайт“ (Hochzeit, Hochzeit!), или просто различные подголоски в такт музыкальному сопровождению: «Йоооооохуууу», «Трррриии-хи» и др.»[26] В песне упоминается также танец „Langsee“, под которым подразумевается, как предполагает И. Бертлеф[27], популярный в первой половине века танец лансье. Думается, что предположение Бертлеф справедливо, поскольку известно большое количество вариантов названий данного танца — ланцы, ланце, ландзи, лансе, лансея, ланчик, и вследствие народной этимологии вполне мог возникнуть вариант *Langsee*. Ланцы — это разновидность русской кадрили, произошедшая в конце XIX в. от англо-французского бального танца. Важно, что данный танец исполняется в паре с плавным продвижением по кругу. Круговое построение танца является традиционным для бытовых и обрядовых танцев различных народов. Традиция круговых обходов существует издревле и была изначально связана с процессами осмысления и освоения пространства,

[26] *Везнер Н.Н.* Народные танцы российских немцев в свадебной обрядности // Исследования нем. диалектов в России: прошлое, настоящее и будущее отечеств. островной диалектологии рос. немцев. — М., 2011. — С. 135–136.

[27] *Bertleff I.* Heut wird im Dorfe Hochzeit sein (2008) // Populäre und traditionelle Lieder. Historisch-kritisches Liederlexikon. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/heut_wird_im_dorfe_hochzeit_sein/ (дата обращения: 2 декабря 2014 г.).

потом вошла в обряды солярного культа[28]. Круг как символ солнца имел основное значение в ритуалах культов плодородия, всеобщего благополучия. Движения производились вокруг сакрального, позже — символического центра, откуда начинается рождение нового мира. Неслучайно во многих традиционных обрядовых свадебных танцах в центр круга встает молодая пара или только невеста. Круговое движение гостей символизирует пожелание молодым благополучия и большого количества детей в семье.

Большое значение уделяется в песне воспеванию людей, обслуживающих свадьбу и помогающих молодым. Это и повара, и подружки невесты, и, конечно, музыканты. Без них не обходилась и не обходится ни одна свадьба. Они сопровождают весь процесс от начала и до конца — и когда процессия во главе с женихом идет утром в дом невесты, и когда молодая пара уходит в отведенную для нее комнату, а гости продолжают пир до зари. Как отмечает Смирнова, «музыкантов на свадьбе очень уважали. Состоятельные люди старались пригласить на свадьбу целый оркестр. Люди попроще в дополнение к гармошке использовали самодельные музыкальные инструменты: играли на ложках, стиральной доске, бутылках. Иногда встречались гитара, губная гармошка. Гармонист обычно располагался на возвышении, на стуле, который ставили на стол»[29].

Свадьба Александра Валлизера и Елизаветы Финк. Петроградская губ., 11 апреля 1923 г. Из семейного архива Т.Г. Риттер

[28] Круговой танец: Природа — Человек — Космос: Коллектив. моногр. / Под ред. А.Г. Лукиной. — Якутск: Офсет, 2014.

[29] *Смирнова Т.Б.* Указ. соч. — С. 231.

Последняя строфа песни «Сегодня в деревне будет свадьба» посвящена завершению свадебного праздника. Интересно, что в песне говорится, что лишь на заре все расходятся одновременно, когда все гости сопровождают молодую пару по пути домой. Поскольку песня написана по случаю конкретной свадьбы, то, возможно, что так и было или планировалось, хотя традиционно молодые покидали гостей значительно раньше, после полуночи, когда с невесты под пение песни „Schön ist die Jugend“ снимали венок и молодая проходила обряд «очепления», т. е. на нее надевали традиционный головной убор замужней женщины — чепец. После этого молодые покидали гостей, которые продолжали гулять до зари.

На сегодняшний день существует два перевода данной песни на русский язык. Перевод Л.В. Якимовой был сделан специально для книги «Мы пели, мы жили, мы были»[30], он отличается близостью текста к оригиналу и стремлением сохранить авторские выражения и этноспецифические особенности текста. Перевод Н.П. Краубнер был написан позже, его отличает эквиритмичность и легкость изложения, он идеально ложится на мелодию песни.

«Свадьба сегодня в деревне у нас...»

Свадьба сегодня в деревне у нас.
Мы готовы дружно в пляс.
Пару к алтарю ведут,
Радоваться будем тут.
Припев:
Эй, музыкант, играй веселей
Жениху с невестой!
Пусть они живут сто лет,
Не зная горести и бед!

В церковь с музыкой шагают,
И влюбленных там венчают.
Все, конечно, поздравляют,
Паре радости желают.
Эй, музыкант, играй веселей...

Закончилось венчание,
Идут назад все в дом.
А там хлопочут повара:
Добра невесте с женихом!! И т. д.

За стол садится дружный круг,
Им радость разделить дано.
Здесь очень много вкусных блюд
И даже красное вино. И т. д.

Пьют вино и наливают,
«Горько» слышится вокруг,
Жених невесту обнимает –
В уста целует милый друг.
Эй, музыкант, сыграй-ка туш
Невесте с женихом.

Сегодня свадьба на дворе

Сегодня свадьба на дворе:
Веселье без забот.
Жених с невестой — впереди,
За ними — весь народ.
Припев:
Заиграли музыканты
Нашим молодым.
Долгих лет счастливой жизни
Пожелаем им.

Предстали перед алтарем,
И в церкви шепот стих.
Венчает пастор молодых,
Все поздравляют их.
Заиграли музыканты...

Из церкви с музыкой идут
Назад, домой скорей.
Там повара, поздравив их,
К столу зовут гостей.

Теперь за праздничным столом
Расселись гости в ряд.
Отведать разных вкусных блюд
И выпить каждый рад.

Вином наполнили бокал:
Ах, горько все вино, —
И целоваться молодым
Весь вечер суждено.
Заиграли музыканты
Нашим молодым.

[30] *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. — С. 150–152.

Пусть им весело живется
Много лет вдвоем.

Ну а когда столы пусты
И прибраны они,
Гулять выходит молодежь –
Выносят те столы.
Эй, музыкант, играй веселей…

И парни девушек зовут
Лангзее потанцевать.
А после танцев стол накрыт, —
Пить чай, нельзя же спать!

А повара все в суете,
Спины не разогнуть.
Они весь вечер в беготне,
Не смеют отдохнуть. И т. д.

Помощникам невесты нужно
Усердие все ж проявить,
А всей кухарне нынче должно
Побольше печь, тушить, варить. И т. д.

Всю ночь служанка воду льет:
Посуду мыть должна,
А если что-то разобьет,
Обругана она. И т. д.

Всю ночь танцуют и едят,
Никто не отдохнет!
Болтают громко все подряд.
Ликует весь народ. И т. д.

Когда солнце вновь сияет,
Пара возвращается.
Домой их гости провожают,
И свадьба тут кончается!

Перевод Людмилы Васильевны Якимовой
в редакции В.Б. Меркурьевой
и Л.Н. Пузейкиной.

Долгих лет счастливой жизни
Пожелаем им.

Наелись гости, напились,
Встают из-за стола.
Тут молодежь веселый круг
На танец созвала.
Заиграли музыканты …

Вот парни девушек кружат,
Прижавшись невзначай,
Но кончен танец, смолк оркестр.
И все идут пить чай.

А как там наши повара?
Работы — через край!
Сготовь, поставь и прибери.
Про отдых не мечтай.

Распорядитель проследит,
Чтоб все сварили в срок
И чтоб поставили на стол
И мусс, и пирожок.

Посудомойка до утра
Всю ночь тарелки трет,
А если что-то разобьет,
Ей точно попадет.

Веселье длится до утра,
Болтают, пьют, едят.
Лишь музыки заслышав звук,
Танцуют всё подряд.

Но с первым солнечным лучом
Утихнет шум и гам.
И молодым и всем гостям
Пора в путь — по домам.

Перевод Натальи Петровны Краубнер,
публикуется впервые.

Как видно из предложенного краткого обзора, среди фольклорных текстов, записанных В.М. Жирмунским и его коллегами под Петербургом, не так много собственно свадебных песен. Сложно сказать, с чем это связано, возможно, с влиянием столицы и постепенным вымиранием традиций, когда старинные обрядовые песни знакомы уже только отчасти старшему поколению. Ученый оставил описание песенных традиций в немецких колониях: «Поют, по преимуществу, хором, в два голоса <…> Во время свадьбы поют и пожилые: существуют особые свадебные песни, а за столом поют-

ся при этом комические шванки и песни шутливого содержания <...> Четверостишия, сопровождающие пляску (своего рода частушки — Vierzeiler) в старину были известны повсюду, но и сейчас они в ходу у волжских колонистов»[31]. Ученый установил, что народные песни российских немцев являются часто более старинными, чем песни, исполнявшиеся в Германии. В районе Ленинграда в песнях проявлялись наиболее древние черты, но они исполнялись уже только людьми старшего поколения. Молодежь при этом пела уже исключительно русские и современные песни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Везнер Н.Н.* Народные танцы российских немцев в свадебной обрядности // Исследования нем. диалектов в России: прошлое, настоящее и будущее отечеств. островной диалектологии рос. немцев: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–29 июня 2011 г. — М.: МСНК-пресс, 2011. — С. 135–138.
2. *Жирмунский В.М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Сов. этнография. — 1933. — № 2. — С. 82–112.
3. Институт русской литературы РАН. Рукописный отдел. Ф. 104. Д. 21.
4. *Пузейкина Л.Н.* Мы пели, мы жили, мы были... Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 192 с.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 340, 341.
6. *Светозарова Н.Д.* Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И.И. Земцовского. — СПб., 2010. — Ч. 1. — С. 223–231.
7. *Смирнова Т.Б.* Этнография немцев Сибири. — М.: МСНК-Пресс, 2012. — 316 с.
8. *Сысоева Н.М.* Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): Биографический аспект / Отв. ред. Т.А. Шрадер. — СПб., 2005. — Вып. 3. — С. 289–308.
9. *Шишкина Е.М.* Немецкая свадьба. Deutsche Hochzeit. — М.: МСНК, 2008. — 320 с.
10. *Bertleff I.* Heut wird im Dorfe Hochzeit sein (2008) // Populäre und traditionelle Lieder. Historisch-kritisches Liederlexikon. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/heut_wird_im_dorfe_hochzeit_sein/ (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
11. Bibel-online. Offenbarung 6: 7. URL: http://www.bibel-online.net/buch/luther_1912/offenbarung/6/ (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
12. Des Knaben Wunderhorn / Hrsg. Arnim A. von, Brentano Cl. — Bd. 3. — Heidelberg, 1808. — 103 S.
13. Deutsche Siedler um St. Petersburg: Historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog = Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: Кат. выставки / Ред.-сост. И.В. Черказьянова. — St. Petersburg, 2015. — 380 с., ил.
14. Deutscher Liederhort. Auswahl der vozüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Hrsg. Erk L. — Berlin: Enslin, 1856. — 416 S.
15. Die Volkslieder der Deutschen, eine Sammlung deutscher Volkslieder von der Mitte des 15. bis in die erste Hälfte des 19. Jh. / Hrsg. Erlach Fr.-K. Freiherr von. — Mannheim: H. Hoff. — Bd. 4. — 1835. — 623 S.
16. *Dinges G.* Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Bilder von Paul Rau. Berlin; Leipzig, 1932 (Landschaftliche Volkslieder mit Bildern und Weisen, 25). — 73 S.
17. Fränkische Volkslieder: mit ihren zweistimmigen Weisen, wie sie vom Volke gesungen werden / Hrsg. Ditfurth von F.W. — Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1855. — 304 S.

[31] *Жирмунский В.М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Сов. этнография. — 1933. — № 2. — С. 101.

18. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien, gesammelt und mit einem Anhang von Rätzeln zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien herausgegeben von J. E. u. P. S. [*Erbes J., Sinner P.*]. — Saratow, 1914. — 457 S.

„Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“: Zum Hochzeitsmotiv in den Liedern deutscher Kolonisten bei St. Petersburg

L.N. Puzejkina

Im Artikel werden die traditionellen Lieder der deutschen Kolonisten in Russland untersucht, die Anfang des 20. Jh. von Viktor M. Shirmunski bei Leningrad (St. Petersburg) aufgeschrieben wurden. Besondere Aufmerksamkeit wird den Liedern mit Hochzeitsmotiven geschenkt, darunter der alten Ballade „Die untreue Braut“ und das Lied „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“, das schon in Russland entstand; es werden zwei neue Übersetzungen dieses Liedes ins Russische angeführt. Außerdem werden einige Hochzeitsbräuche und — traditionen beschrieben, die für Deutschland typisch sind und im Milieu der Russlanddeutschen erhalten geblieben sind, z.B. die Einladung zur Hochzeit durch Hochzeitslieder, das sogenannte Gstanzlsingen.

Schlüsselwörter: Lieder der Russlanddeutschen, Ballade „Die untreue Braut“, Viktor Maksimivič Shirmunskij, Lied „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“, Hochzeitslieder, „Deutsches Volksliedarchiv Leningrad“, Volksliedforschung.

„Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“ — wedding theme in German colonists songs near St. Petersburg

L.N. Puzeikina

The article deals with traditional songs of German colonists, recorded at the beginning of the 20th century by Viktor M. Zhirmunsky near Leningrad (St. Petersburg). The article gives special attention to the wedding theme songs including the ballad „Die untreue Braut“ and another song that was written already in Russia, „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“. Two new translations of this song are provided. A few wedding customs and traditions that were typical for Germany and were preserved among Russian Germans are also covered including a custom to invite to the wedding people who read special recitatives called Gstanzl.

Key words: songs of the Russian Germans, ballad „Die untreue Braut“, Viktor Zhirmunsky, song „Heut wird im Dorfe Hochzeit sein…“, wedding songs, „Archives of the German folk songs in Leningrad“, songs of the colonists, research of the folk songs.

УДК 821.161.1

Н.Ю. Данилова

Немецкие образы в творчестве Н.С. Лескова

В статье рассматриваются произведения Н.С. Лескова «Островитяне», «Железная воля» и «Колыванский муж», главные герои которых — представители немецкой культуры. Анализ повествовательной структуры текстов, а также интертекстуальных связей произведений Лескова с текстами русской и зарубежной литературы и философии раскрывает диалогическую природу рассматриваемых произведений, присутствие в них, помимо идеологической и этической проблематики, философского и металитературного пласта содержания.

Ключевые слова: Лесков Николай Семенович, произведения Лескова, образы немцев, этнокультурные стереотипы, культурные мифы, структура повествования, диалог, философская проблематика, металитература.

В повестях Н.С. Лескова «Островитяне» (1866) и «Железная воля» (1876) и в рассказе «Колыванский муж» (1888) центральными персонажами художественного мира оказываются представители немецкой культуры. Немногочисленные попытки анализа этих произведений Лескова приводят исследователей к прямо противоположным и часто односторонним выводам. Т.А. Дрожжина считает, что в повести «Железная воля» Лесков совершил «ошибку», «он слишком односторонне изобразил немецкий национальный характер в лице Пекторалиса»[1]. Позже, по мнению Дрожжиной, Лесков эту «ошибку» исправил, написав рассказ «Колыванский муж»[2]. В диссертационной работе З.Р. Саитовой «Проблема национального характера в прозе Н.С. Лескова» выражено противоположное мнение о «Железной воле»: автор утверждает, что «немецкий мир в творчестве писателя предстает, прежде всего, как совокупность эмоционально выдержанных, сильных духом и целеустремленных людей, действия которых рациональны и логичны»[3]. Однако текст повести «Железная воля» не дает возможности согласиться с таким выводом: очевидно, в действиях главного героя повести, отдавшего все деньги русскому пьянице и умершего от переедания блинов на его поминках, очень мало «рационального и логичного». По мнению А.В. Кузьмина, в повести «Железная воля» «Лесков с самого начала акцентирует внимание читателей на общественной дискуссии по „немецкому вопросу“», поэтому рассказ «должен прочитываться как завуалированный ответ писателя ее участникам»[4]. Однако анализ идеологической и этической проблематики, проведенный автором, явно недостаточен для интерпретации художественного текста. Исследователь не учитывает диалогичности текстов Лескова, их сказовой и интертекстуальной природы и интерпретирует их как прямое отражение действительности. Такой анализ, в применении к художественному

[1] *Дрожжина Т.А.* Особенности изображения немецкого национального характера в повестях Н.С. Лескова «Железная воля» и «Колыванский муж» // Юбил. междунар. конф. по гуманитар. наукам, посвящ. 70-летию Орлов. гос. ун-та: Материалы. — Орел, 2001. — Вып. 1: Н.С. Лесков. — С. 56.

[2] Там же.

[3] *Саитова З.Р.* Проблема национального характера в прозе Н.С. Лескова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2007. — С. 13.

[4] *Кузьмин А.В.* Инородец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки. — СПб., 2003. — С. 58.

© Н.Ю. ДАНИЛОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 221–233.

тексту, неизбежно оказывается односторонним. В особенности это относится к творчеству Лескова, где идея автора выражается в сложно организованной повествовательной структуре текста, где автор «скрывается» за диалогом повествователя, рассказчика и персонажа и приблизиться к авторской художественной идее можно лишь путем анализа поэтики текста, учитывая композицию, мотивную структуру и интертекстуальные связи произведения.

Цель настоящей работы — проанализировать собственно художественные особенности повестей и рассказов Лескова о немцах. Для преодоления односторонних оценок необходимо выявить специфику изображения персонажей-немцев в произведениях Лескова, определить связанные с ними мотивы и образы, а также показать возможность не только идеологической, но и философско-культурологической интерпретации рассматриваемых художественных текстов.

Первая повесть Лескова о немцах — «Островитяне» (1866) — была невысоко оценена критикой XIX — начала XX в. Писателя упрекали в подражательности[5], в повторении романтических штампов[6]. Эта повесть казалась слабой, написанной, в сравнении с другими произведениями Лескова, на более низком художественном уровне[7], а ее сюжет — недостаточно глубоким и недостаточно мотивированным[8]. Главные герои повести «Островитяне» — петербургские немцы, жители Васильевского острова. Наиболее распространена трактовка изображения немцев в повести как «своеобразного „этнографического очерка“»[9], считается, что Лесковым здесь «дана картина нравов петербургских немцев»[10], в произведении отмечается «этнографическая точность»[11]. Однако современник Лескова критик Н.И. Соловьев упрекал автора в незнании жизни петербургских немцев: «<…> тот род жизни, до которого он здесь касается, по-видимому, даже мало знаком ему»[12]. В целом эта повесть оценивалась критиком как «комедия или вместе с тем мечта над жизнью»[13]. Мнение Соловьева не лишено оснований, и в повести Лескова не нужно искать этнографически точного изображения особого петербургского типа. В этой «мечте над жизнью» можно увидеть и нечто иное — художественный эксперимент автора, занятого поиском своего героя и способов его изображения.

Герои повести — петербургские немцы — показаны как персонажи, которые испытывают влияние двух культур, русской и немецкой. Среди «островитян» автором выделены два персонажа, в судьбе и характере которых сказывается влияние русской культуры. Это Фридрих Шульц и Маничка Норк.

Маничка Норк проходит в повести путь полного вхождения в русскую культуру. В начале повести она показана как героиня, напоминающая персонажей немецкой литературы. Повествователь все черты ее внешности объединяет в одном слове: «миньонная»[14], что, вместе с упоминанием имени Гёте в повести, служит отсылкой к образу Миньоны из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Подобно героиням немецкой романтической литературы, Маничка Норк наделена болезненной впечатлительностью и подвержена неким странным «влияниям». Однако по мере развития сюжета в Маничке все более отчетливо проступают черты героини русской ли-

---

[5] *Измайлов А.А.* Лесков и его время // РО ИРЛИ. Архив А.А. Измайлова. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–39.

[6] *Соловьев Н.И.* Два романиста // Всемирный труд. — 1867. — № 12, дек. — С. 62.

[7] *Волынский А.Л.* Н.С. Лесков. — Пг.: Эпоха, 1923. — С. 190, 192–194.

[8] *Маркадэ Ж.-К.* Творчество Н.С. Лескова: Романы и хроники / Пер. с фр. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. — СПб., 2006. — С. 307–308.

[9] *Серман И.З.* Примечания // *Лесков Н.* С. Собр. соч.: В 11 т. — Т. 3. — М., 1957. — С. 585.

[10] Там же.

[11] *Шелаева А.А.* Примечания // *Лесков Н.* С. Собр. соч.: В 12 т. — Т. 3. — М., 1989. — С. 458.

[12] *Соловьев Н.И.* Указ. соч. — С. 62.

[13] Там же.

[14] *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. — Т. 3. — М., 1957. — С. 17. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера тома (римскими цифрами) и страницы.

тературы. Истомин представляет Маню на картине в образе русалки и рассказывает об этом изображении цитатами из драмы Пушкина «Русалка». Но очевидно, больше всего сходства в Маничке Норк с Татьяной Лариной. Автором выстроена целая система аллюзий, связывающих судьбу Манички Норк с героиней романа Пушкина[15]. Жизненный путь Манички до определенного момента полностью совпадает с судьбой Татьяны Лариной, героиня Лескова называет ее судьбу «самой лучшей долей», потому что «для бедной Тани все были жребии равны» (III, 144). Другая цитата из романа «Евгений Онегин» в «Островитянах» — «сама не зная почему» (III, 139) — вызывает в памяти пушкинскую строку, предшествующую процитированной: «Татьяна, русская душою». Русская душа живет и в Маничке Норк. Героиня повести почти полностью утрачивает немецкие черты, в Германии все ее считают «русской».

Образ Татьяны Лариной, ставший основой представления об идеальной русской женщине, подвергается в «Островитянах» переосмыслению. Вот как сам Лесков позже, в 1882 г., в подготовленной им для Ученого комитета Министерства народного просвещения рецензии на книгу «Памяти Пушкина» В.П. Острогорского (СПб., 1880) охарактеризовал этот культурный миф: «„Татьяна“ — это для нас, так сказать, то самое, что для германской литературы „Гретхен“, — в типе Татьяны мы чувствуем лучшие национальные черты нашей русской женщины и чтим их не по предрассудку, а потому, что они гармоничны, стройны и возвышенны»[16], «она нам дорога и, можно сказать, даже *священна*»[17]. Но в повести 1866 г. «Татьяна», русский идеал, обнаруживает в себе немецкие корни — внутри нее скрывается «Гретхен»: Маничка Норк, русская душою, все-таки была немкой. Вторая героиня русской литературы — Русалка А.С. Пушкина, — благодаря сближению с образом Мани Норк, также показывает свою «немецкую суть». Истомин, представленный как талантливый художник, долго искавший натурщицу для своей картины, почувствовал, что пушкинская героиня может иметь только такое лицо — лицо василеостровской немки. Как в других случаях рассказчик, так здесь герой-художник призван выразить близкую Лескову, но при этом достаточно «крамольную» идею, разрушающую сложившийся культурный миф.

Другой центральный персонаж повести — Фридрих Шульц — показан читателю как настоящий немец. Черты характера Шульца складываются в тот узнаваемый типаж, который был одним из самых распространенных типажей персонажей-немцев в русской литературе 1820–1840-х годов — типаж «доброго немца»[18]. Шульц практичен, аккуратен и пунктуален, честен и трудолюбив, курит дорогие сигары и высоко ценит свое достоинство. Однако Шульц интересен автору прежде всего тем, что этот герой, соединение всех традиционно приписываемых немцам качеств, предпринимает попытку освоения русской культуры. Он подражает русским в бытовых привычках и обрядах: будучи лютеранином, приглашает православного священника на новоселье и просит у него благословения; как русский хлебосольный хозяин, усердно угощает гостей вином, заставляя их выпивать все до конца из откупоренной бутылки, так как «открытую бутылку нельзя оставлять в хозяйстве» (III, 47). Последнее объясняется и практическим расчетом, и русским суеверием: «Это, во-первых, значит, зло оставлять, а потом от этого, наконец, прислуга балуется» (III, 47). Стремление подражать русским обычаям доводит Шульца до таких «выходок», которые повествователю кажутся нарушающими правила приличия: на балу Шульц заставляет свою жену после танца с русским

[15] См. анализ перекличек повести «Островитяне» и романа Пушкина «Евгений Онегин» в работах И.В. Столяровой, например: *Столярова И.В.* «Островитяне» // *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 6. — М., 1999. — С. 627–634.

[16] Журнал Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Д. 45. Л. 316.

[17] Там же.

[18] *Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М.* Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х — начало 1840-х гг.) // Нов. лит. обозрение. — 1998. — № 34. — С. 37–54.

художником поцеловать Истомина, объясняя это русским обычаем «кто с кем танцует, тот того и целует» (III, 57).

Немец Шульц стремится подражать и русской речи. Забавные примеры русских фраз в устах немца приводит повествователь: «Проходите, батюшка, к моей бабе, а я тут с людишками поразверстаюсь», «Без соли, без хлеба — худая беседа. Наш брат, русский человек, любит почавкать» (III, 29–30).

Образ Шульца, как и образы других персонажей-немцев, раскрывается через литературные аналогии. Немец начинает, по замечанию повествователя, «хлестаковствовать» (III, 67) и произносит длинный монолог о том, что он со знаменитым певцом Петровым «на короткой ноге»: «Петров <…> — это наш брат простопор; это душа! Я, бывало, говорю ему в Коломягах летом: „Ну что, брат Осип Афанасьевич?“ — „Так, говорит, все, брат Шульц, помаленьку“. — „Спой“, — прошу, — ну, другой раз споет, а другой раз говорит: „Сам себе спой“. Простопор!» (III, 68). А в конце повести Шульц отчетливо соотносится с героем пьес Островского, а именно с типом самодура. Шульц «в театры ездит, только когда дают Островского» и признается: «Ужасно люблю этих канальев-самодуров» (III, 190) и соглашается с мнением, что он и сам похож на таких героев.

Образ немца, стремящегося во всем «русить», интересен Лескову-художнику. Этот образ дает писателю возможность показать оригинальный язык такого персонажа. Соединение в одном герое традиционных немецких и традиционных русских черт создает возможности для скрытой полемики. Меценатство Строганова, некоторые русские обычаи хлебосольства и гостеприимства, типы Хлестакова и самодуров Островского — все это настолько близко василеостровскому немцу, что перестает казаться истинно русским.

Соединение стереотипов «своего» и «чужого» в образе Шульца, с одной стороны, разрушает эти самые стереотипы в отдельности (традиционный типажный немец не может хлестаковствовать и быть самодуром, русский тип самодура и Хлестакова, согласно сложившимся представлениям, не имеет в себе ничего немецкого), с другой же стороны, демонстрирует диалогическое взаимодействие «своего» и «чужого», поскольку и «свое» и «чужое» оказываются художественно одинаково интересными в неожиданном взаимоотражении.

Повесть «Железная воля» (1876) — малоизученный текст в современном лесковедении. Существующие интерпретации этого произведения требуют существенных дополнений. Наиболее популярна трактовка «Железной воли» как сатирической повести о заносчивом немце, приехавшем покорить Россию и русских[19]. Однако трактовка повести как сатиры, назидания заносчивым немцам представляется слишком односторонней. Л.А. Аннинский отмечает, что для такой трактовки повести издателям 1942–1945 гг. приходилось сокращать текст, например, убирать все сцены с пьянством Сафроныча или отказываться от заключительной фразы повествователя[20].

Согласно другой трактовке, повесть Лескова — это художественный анализ особенностей русского и немецкого национального характера[21]. Но очевидно, что содержание повести богаче и не ограничено только национальной проблематикой. По справедливому мнению Д.Б. Гудкова, в повести Лескова «Железная воля» изображен не типич-

---

[19] Такая точка зрения выражена в работах: *Другов Б.М.* «Железная воля» Н.С. Лескова. Послесловие // *Лесков Н.С.* Железная воля. — М.; Л.: Гослитиздат, 1946. — С. 189–198; *Усольцева Т.* Особенности сатиры в повести Н.С. Лескова «Железная воля» // Satyra w literaturach wschodnioslowianskich. — III. — Bialystok, 1999. — С. 69–73; *Лесков А.Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 327; *Гроссман Л.П.* Н.С. Лесков. — М.: Гослитиздат, 1945. — С. 185–186.

[20] *Аннинский Л.А.* Сотворение легенд // *Лесков Н.* С. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1993. — Т. 5. — С. 67.

[21] *Карпов И.П.* Национальный характер. «Железная воля» Н.С. Лескова — «Мартын и Кинга» И.С. Шмелева (Материалы к уроку внекл. чтения) // *Карпов И.П.* Шмелев в школе: Кн. для учителя. — М., 2004. — С. 139–172; *Гачев Г.Д.* Германский мир и ум глазами русского: (По рассказу Н.С. Лескова «Железная воля») // Вопр. литературы. — 1997. — Вып. 6. — С. 66–85; *Аннинский Л.А.* Указ. соч. — С. 69.

ный немец, а «стереотип немца, существующий у русских»[22], однако и эта точка зрения не лишена односторонности: исследователь упускает из виду, что в восприятии немца рассказчиком и читателем присутствует определенная динамика, образ Гуго Пекторалиса не статичен, а значит, и не безусловно совпадает со «стереотипом немца, существующим у русских».

Как отмечают историки, неприятие немцев в русском обществе стало особенно заметным после Франко-прусской войны (1866) и совершившегося объединения Германии (1871)[23]. П.П. Пекарский так выразил это отношение: «Никто из немцев не любим русскими: немца легко обольстить, когда им хотят воспользоваться, но потом его так же скоро попирают ногами, а внутренне всегда ненавидят и презирают»[24]. Негативное отношение к немцам было психологически близким читателю Лескова, эта особенность современных Лескову общественных настроений отразилась в повести.

Центральный герой произведения, немец Гуго Пекторалис, воспринимается рассказчиком и персонажами сквозь призму устойчивых отрицательных стереотипов, к которым относятся представления о скупости немцев, расчетливости, которая равносильна глупости, хитрости. Негативное эмоциональное отношение к Пекторалису проявляется в неожиданных резко отрицательных оценках, использовании бранных слов и сравнений с неодушевленными предметами и животными или прямом описании эмоций, указывающих на неприятие Пекторалиса окружающими. Судьба немца ни у кого не вызывает участия. Удача, успех немца вызывают у рассказчика желание сделать ему что-нибудь неприятное: «Так счастлив был разбойник, что даже глядеть на него неприятно и хотелось ему хоть какую-нибудь щетинку всучить, чтобы ему немножко больно стало» (VI, 20), а вид душевного страдания немца вызывает у рассказчика чувство удовольствия: «… хотя нехорошо и грешно радоваться чужому несчастью, но, откровенно <…> признаюсь, я был немножко доволен, что мой самонадеянный немец <…> получил такой неожиданный урок своему самомнению» (VI, 43).

Особое неприятие вызывает качество, которое развивает в себе Пекторалис. Железную волю рассказчик негативно оценивает или замещает другими, отрицательными обозначениями. Железная воля в представлении рассказчика — это «упрямство» (VI, 10), «самомнение» (VI, 43), «самолюбивое самочинство» (VI, 23). Немотивированную отрицательную эмоцию вызывает рассказ о железной воле у собеседника Сафроныча. В понимании Сафроныча железная воля — качество всех немцев: «— У них ведь это уже такое положение, что сказал, то чтобы непременно и сдействовать. — Ишь ты, какие сволочи», — отвечает ему собеседник (VI, 68).

Для приказного Жиги железная воля немца — это гордыня, и потому «петля смертная» (VI, 55). Гуго Пекторалис повторяет в его представлении путь сатаны: «Ныне я немца на такую пружину взял, что сатана скорее со своей цепи сорвется, чем он соскочит. <…> ангел на этом коне поехал, и тот обрушился, а уж немцу ли не обрушиться» (VI, 55).

Все персонажи объединены осмеянием немца, не составляют исключения и англичане, и отец Флавиан, и дьякон Савва, и умерший Сафроныч, и даже праведники в раю (VI, 84–85). С точки зрения рассказчика, ничего антигуманного в таком отношении к Пекторалису нет. В истории, которую рассказывает Федор Афанасьевич, немец наделен захватническими планами, он приехал в Россию, чтобы себе «все подчинять» (VI, 15) и «произвести в России большие захваты при содействии своей железной воли» (VI, 18).

---

[22] *Гудков Д.Б.* К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н.С. Лескова «Железная воля») // Функционал. исслед.: Сб. ст. по лингвистике / Ред. А.И. Изотов, В.А. Татаринов. — М., 1997. — Вып. 4. — С. 67.

[23] *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Культур.-антропол. история сегодня: [Сб. ст.] / Отв. ред. А.Я Гуревич. — М., 1991. — С. 177–179.

[24] *Пекарский П.П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. — СПб., 1869. — С. 78. (Цит. по: *Стенник Ю.В.* Православие и масонство в России XVIII века: (К постановке проблемы) // Рус. литература. — 1995. — № 1. — С. 90.

Однако отождествлять позицию рассказчика с точкой зрения автора не позволяют некоторые существенные особенности текста. Во-первых, в рассказе Федора Афанасьевича возникает сочувственное отношение к Пекторалису. В восьмой главе само слово рассказчика начинает выражать настроение Пекторалиса и тем делает его фигуру более близкой читателю. В описании реакции немца на вынесенный ему приговор отдать последние десять рублей Сафронычу в качестве штрафа за «укоризну» слышится голос самого Пекторалиса (VI, 65). Финальные строки повести прямо указывают на проявляемое рассказчиком сочувствие к умершему Пекторалису.

Изменяется и образ главного героя. В первых главах повести рассказчик лишь вскользь мог отметить в Пекторалисе не только немецкие, но свойственные всем людям черты (VI, 23). В завершающих же главах текста появляются неожиданные литературные сравнения и цитаты, которые расширяют образ немца. Первое такое сравнение — сравнение Пекторалиса с Гамлетом и цитата из знаменитого монолога Гамлета о самоубийстве (из III акта, сцены 1, в переводе Н.А. Полевого 1837 г.): «Пекторалис был некоторым образом в гамлетовском положении, в нем теперь боролись два желания и две воли — и, как человек, уже значительно разбитый, он никак не мог решить, „что доблестнее для души“ — наложить ли на себя с железною волею руку, или же с железною же волею продолжать влачить свое бедственнейшее состояние?» (VI, 65). Сравнение с Гамлетом не только поднимает фигуру Пекторалиса на высоту трагического героя, но и разрушает его жесткую национальную прикрепленность — в фигуре немца проступают черты, которые можно отнести к каждому человеку.

Можно сказать, что текст дает возможность читателю самому почувствовать себя Пекторалисом. Отдельные эпизоды показаны в «Железной воле» с точки зрения Пекторалиса: читателю становится известным только то, что видит и слышит немец (эпизод с покупкой слепой лошади, беседа с приказным Жигой, суд, отчасти «турнир» по поглощению блинов на поминках Сафроныча). Точка зрения читателя совпадает с точкой зрения Пекторалиса, читатель смотрит на Россию глазами немца.

Если сравнить образ «настоящего русского человека» (VI, 43) в «Железной воле» с другими образами русских в произведениях Лескова (например, с Левшой, образами праведников), то становится очевидным, что образ Сафроныча — результат критического взгляда извне. «Настоящий русский человек» в «Железной воле» глуп, ленив, упрям, труслив и почти постоянно пьян.

В целом изображение Сафроныча и других русских персонажей в «Железной воле» имеет источником западные (немецкие) стереотипные представления о русских. Так, в немецкой энциклопедии 1866 г. о русских сказано: «В характере простого народа доминируют такие черты, как веселость, беззаботность, нетребовательность, но также обжорство и неумеренность, а иногда и жестокость, лукавство и коварство. Преобладает склонность к воровству <…>»[25]. В более поздних словарях отмечается, что русские чистосердечны и гостеприимны, но также неряшливы, ленивы, склонны к пьянству, обману, воровству и взяточничеству. Эти стереотипные представления немцев о русских и отражены в повести: в образах Сафроныча (беззаботность, нетребовательность, пьянство, лень), Марьи Матвеевны (гостеприимство), Жиги (лукавство и коварство), в карикатурных образах служителей церкви, прежде всего отца Флавиана (обжорство).

Таким образом, в тексте «Железной воли» представлены разнонаправленные гетерокультурные представления. Противоположно направленные гетеростереотипы отменяют категоричность и однозначность друг друга. Таким образом, в тексте создается интеркультуральное пространство, das Zwischen, по теории Б. Вальденфельса[26], где

[25] Цит. по: *Ветте В.* Образы России у немцев в XX в. // Россия и Германия: [Сб. ст.]. — М., 1998. — Вып. 1. — С. 226.

[26] *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. — Минск, 1999.

не совпадающие три точки зрения взаимно отражают друг друга. Эта тональность незавершенного диалога существенна для философского плана содержания повести.

На позицию автора «Железной воли» оказали определенное влияние идеи популярного в те годы в Европе и в России немецкого философа А. Шопенгауэра. Лесковедам известно об увлечении Лескова Шопенгауэром в более поздние годы — в его библиотеке были книги немецкого философа[27], в письмах 1890-х годов к Л.Н. Толстому содержится восторженный отклик Лескова на второй том «Мира как воли и представления»[28]. Но, возможно, начало увлечения философией Шопенгауэра относится ко времени написания «Железной воли». Подробный анализ философских взглядов Шопенгауэра был предложен в 1874 г. В.С. Соловьевым в его диссертации «Кризис западной философии», текст которой был опубликован[29], вызвал множество откликов в печати и, по выражению авторов монографии о Шопенгауэре, «положил начало взрывоподобному распространению философии Шопенгауэра в России»[30].

В повести можно отметить несколько «шопенгауэровских» мотивов. Самый очевидный — это представление о воле (в человеке и в мире) как основе, сущности жизни. В повести Лескова воля изображена не просто как основное качество героя, но этим словом обозначаются всевозможные качества и проявления человека (упрямство, самонадеянность, настойчивость, выносливость, честность, верность, совесть и вера). Можно сказать, что «железная воля» существует также и автономно от Пекторалиса, воля — главный герой произведения. Другие «шопенгауэровские» мотивы в повести — связь воли и страдания, слепота воли, всеобщая несправедливость мира. Шопенгауэр считал отказ от воли единственным условием спасения человека. О том, что Лескову эта идея Шопенгауэра была близка, свидетельствует его более позднее письмо Л.Н. Толстому, где он пишет о выходе второго тома «Мира как воли и представления»: «2-й том, по-моему, интереснее 1-го, и главы об „отречении от воли жить“ просто упоительны по своей силе, глубине, ясности и неотразимой серьезности <…>»[31]. Необходимость отказа от воли, которая составляет сущность каждого человека, подвергается в тексте «Железной воли» художественному анализу.

Понятие «воля» в повести шире, чем в работах Шопенгауэра, в тексте актуализированы три основных значения этого слова (с различными оттенками и коннотациями). В начале повести на первый план выступает воля как способность добиваться осуществления поставленных целей. Воля Пекторалиса — это настойчивость в достижении цели, упорство, непреклонность, выносливость, выдержка. Далее текст раскрывает и другое значение слова «воля», которое имел в виду А. Шопенгауэр, — это хотение, желание; предмет желания воли (хотения) — это она сама, ее собственное существование, это воля к жизни. Воля как хотение (часто слепое хотение, ведущее к страданиям) управляет многими поступками Пекторалиса (постройкой экипажа, изучением осиного гнезда, участием в «турнире» на поминках Сафроныча, желанием все делать по-своему, утвердить свою волю). Рассказчик называет это «капризами» (VI, 63), в рассказах обывателей об «аспидском характере» Пекторалиса немец предстает типичным самодуром («с ним решительно жить невозможно: что себе зарядит в голову, непременно чтобы по его и делалось») (VI, 64). Наконец, в тексте актуализируется и третье значение слова «воля», отсутствующее в немецком языке: воля — это свобода.

---

[27] См.: *Афонин Л.Н.* Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С. Тургенева // Лит. наследство. Т. 87: Из истории рус. литературы и обществ. мысли, 1860–1890 гг. — М., 1977. — С. 150–151.

[28] *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 6 т. — Т. 3. — М., 1993. — С. 383–384.

[29] *Соловьев В.С.* Кризис западной философии. По поводу «философии бессознательного» Гартмана // Православ. обозрение. — 1874. — № 1, янв. — С. 28–66; № 3, март. — С. 277–302; № 5, май. — С. 529–541; № 9, сент. — С. 319–340; № 10, окт. — С. 424–452.

[30] *Гулыга А.В., Андреева И.С.* Шопенгауэр. — М., 2003. — С. 341.

[31] *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 6 т. — Т. 3. — М., 1993. — С. 383.

Пекторалис в повести лишается воли, понимаемой по-разному. Во-первых, он показан лишенным воли как упорства, настойчивости в достижении цели, поскольку перед ним, как и перед Гамлетом, возникло две цели, и он не знал, к какой из них нужно стремиться «с железною волею» (VI, 65). Мотив самоубийства, введенный в текст цитатой из трагедии Шекспира, говорит об отказе от воли как хотения, об отказе от воли к жизни. Наконец, с отказом от воли как настойчивости и воли как хотения происходит и отказ от воли как свободы.

Мотив несвободы разворачивается в тексте постепенно. Сначала о несвободе Пекторалиса рассказчик говорит как о типичном состоянии всех людей: «Как все люди, желающие во что бы то ни стало поступать во всем по-своему, сами того не замечают, как становятся рабами чужого мнения, — так вышло и с Пекторалисом» (VI, 23). Затем несвобода Пекторалиса гиперболизируется — проделка Жиги с Пекторалисом сравнивается с закрепощением крестьян: «Это он просто вас себе в крепость забрал», — говорят Пекторалису (VI, 61). И, наконец, фантастическое завершение мотив несвободы получает с введением цитаты из «Гамлета» и дальнейшим развертыванием сюжета. Если прежде Пекторалис выполнял свои собственные обещания, стремился быть верным своему собственному слову, то в конце повести он в точности исполняет волю Жиги и Сафроныча. Сам немец обещал лишь прийти есть блины на поминках Сафроныча, но умереть на поминальном обеде, подавившись блинами, ему желали Жига и Сафроныч. В момент смерти Пекторалис предстает полностью лишенным личной свободы. Его смерть показана как нечто недостойное человека, «трагикомическое», это смерть марионетки, над которой свершилось в точности предсказание русского пьяницы.

Таким образом, необходимость и возможность отрицания воли подвергается Лесковым сомнению. Незавершенный диалог несовпадающих точек зрения (русских и немцев) в сознании рассказчика соответствует на уровне автора незавершенному философско-религиозному диалогу двух мыслителей (Шопенгауэра и Лескова) — представителей двух различных европейских культур.

Рассказ «Колыванский муж» обычно анализируют в аспекте актуальной общественной проблематики («Остзейского вопроса») или с точки зрения особенностей изображения немецкого и русского национального характера[32], определяя при этом отношение автора к персонажам-немкам как негативное[33] или, наоборот, положительное[34]. Однако в этом многослойном произведении можно увидеть и иной план содержания: в рассказе Лескова представлена модель взаимодействия культур — и влияние этого взаимодействия на судьбу человека, оказавшегося в межкультурном пространстве, и на художественное творчество.

Ключевой мотив рассказа «Колыванский муж» можно определить как перепутывание, замену одного другим. Основное направление таких замен — превращение русского в немецкое и наоборот.

Прежде всего, отметим такое перепутывание, которое, используя слова Лескова, можно обозначить как «подмен виновных»[35]. В рассказе описан довольно запутанный

---

[32] *Кузьмин А.В.* Указ. соч. — С. 66–75. Подробно разбирая рассказ «Колыванский муж», автор предлагает несколько «контекстов» рассмотрения рассказа, однако невнимание к металитературному плану содержания приводит А.В. Кузьмина к признанию в непонимании существенных художественных особенностей произведения: «В центр своего рассказа Лесков помещает серьезную проблему, которая имела как бытовой, так и общественно-политический аспект. Строго говоря, это материал для публицистики. Тем не менее писатель строит на нем беллетристический текст и насыщает его *ироническим* (не сатирическим) звучанием. Иронию нельзя понять до конца, и мы не можем точно сказать, почему автор представляет жизненную драму Сипачева в ироническом свете» (Там же. С. 75).

[33] *Лесков А.Н.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 326.

[34] *Дрожжина Т.А.* Указ. соч. — С. 56.

[35] *Лесков Н.С.* Подмен виновных: Случай из остзейской юрисдикции // *Лесков Н.С.* Иродова работа: Рус. картины, наблюдения, опыты и заметки: Ист.-публ. очерки по Прибалт. вопросу, 1882–1885. — СПб., 2010. — С. 222–243.

с юридической точки зрения случай неисполнения остзейскими немцами общероссийского закона, согласно которому дети от смешанных браков должны быть крещены в православие. Герой-рассказчик мог бы написать «донос» (VIII, 430), но отказывается это делать. Однако именно он становится виновным в возникшем из-за этого нарушения скандале. Другой тип замен (в противоположность «подмену виновных») можно обозначить как „qui pro quo“ (этот термин часто использовал Лесков для обозначения комических недоразумений, ошибок и перепутываний[36]). Наиболее очевидно эта разновидность мотива перепутывания выступает в замене собственных имен. Так, баронесса Генриетта становится Венигретой (VIII, 406), предполагавшиеся имена детей (Никита и Марфа) видоизменяются дважды — при крещении (Готфрид и Освальд) и в речи рассказчика (Роберт и Бертрам) (VIII, 439). Кроме того, персонажи рассказа превращаются в героев других литературных произведений. Так, баронесса, ее дочь и Аврора во сне героя становятся «ткачихой с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой» (VIII, 428), а сам Иван Сипачев в письме баронессы превращается в «молодого Вертера» (VIII, 407). Перепутывания или перестановки касаются также священных текстов: «хлеб насущный» превращается в «хлеб надсущный» благодаря изысканиям лютеранского пастора, который «одну ночь разговаривает по-гречески, а другую — по-еврейски» (VIII, 433). Рассказ завершается указанием на последнее превращение русского в немецкое: «Иван Никитич <…> как бычок, окончательно отмахнул головою и от Москвы, и от Калуги, и кончил свой курс немцем» (VIII, 449).

Ироническое начало в таких перепутываниях, как и довольно большое их количество, создает необходимое остранение для проявления металитературного плана рассказа. Наиболее очевидные интертекстуальные связи с произведением Лескова имеет роман Тургенева «Дворянское гнездо». Наряду с цитатами из этого произведения (VIII, 421), рассказ содержит целый комплекс сюжетных и фабульных перекличек с романом Тургенева. Так, изображение Авроры в повести соотносится с образом Лизы Калитиной. Как и Лиза, Аврора представлена музыкантшей. В исполнительском мастерстве обеих подчеркнута старательность и упрямство. Аврора, как и Лиза, — это и возлюбленная (у Лескова впоследствии — жена главного героя), и инстанция, которой принадлежит высший нравственный суд над героем и которой он подчиняется. Совпадают и нравственные требования, предъявляемые Лизой и Авророй к герою: примириться с семьей, признать свою вину, покориться судьбе и попытаться заслужить прощение. Однако если в романе Тургенева этот нравственный суд представлен в освещении русской религиозной традиции, то в устах немки Авроры те же требования изображены как несправедливые, поскольку в их основе находится «подмен виновных».

Переклички рассказа Лескова с романом Тургенева дают возможность интерпретировать рассказ Лескова как переосмысление писателем идейной основы «Дворянского гнезда». Согласно мнению критиков, в романе Тургенева показано глубокое «знание русской жизни»[37], а образ Лизы «представляется наиболее русским, наиболее соответствующим <…> идеалу русской женщины»[38]. В рассказе «Колыванский муж» исконность, принадлежность идейной основы романа русскому национальному сознанию подвергается сомнению. Такое направление мысли задается двумя цитатами в тексте. Вспоминая «Литературные и житейские воспоминания» Тургенева, рассказчик «привел <…> шутя слова Тургенева, что „нашей русской сути из нас ничем не выкуришь“. А отец поморщился:

— Твой Тургенев-то, — говорит, — сам, братец, западник. Он уж и сознался, что с тех пор, как окунулся в немецкое море, так своей сути и лишился» (VIII, 410).

---

[36] См., например, его употребление в повести «Железная воля» (VI, 10).

[37] *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. — М., 2000. — Т. 1. — С. 305.

[38] *Буренин В.П.* Литературная деятельность Тургенева. — СПб., 1884. — С. 115.

Иронические отзывы о «Дворянском гнезде» встречаются в нескольких работах Лескова — в рапсодии «Юдоль» (1892) (IX, 281) и в одном из очерков «Русских общественных заметок» 1869 г., где «самой русской жизни» противопоставлены «заклеклые морали „дворянского гнезда“»[39]. Как видно, уже в 1869 г. Лесков противопоставлял идею романа «Дворянское гнездо» «самой русской жизни». В рассказе 1888 г. он раскрыл это литературное qui pro quo — то, что в «Дворянском гнезде» Тургенева выдавалось за «русскую суть», на самом деле оказывается сутью немецкой.

И другие включенные в текст рассказа цитаты указывают на подобную подмену в произведениях, которые, в отличие от романа Тургенева, были известными литературными мистификациями. Первое из таких произведений — сборник подделок под старочешскую поэзию «Зеленогорская рукопись», в состав которой входил цитируемый в рассказе Лескова «Любушин суд» (VIII, 409–410). Подложность этой подделки под древнюю самобытную поэзию была доказана именно в 1880-х годах, этому открытию были посвящены многочисленные публикации в русских журналах[40]. Вторая мистификация, упоминаемая в рассказе, — «немецкий перевод из Гафиза» «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель». Стихи А.К. Толстого ошибочно связаны здесь с переводами Фетом стихотворений немецкого поэта Г.Ф. Даумера, которые тот выдавал за переведенные им на немецкий язык стихи персидского поэта XIV в. Хафиза. Ко времени появления рассказа Лескова неаутентичность «переводов» Даумера — Фета была известным фактом[41]. Третье литературное произведение в этом ряду мистификаций — «Сказка о царе Салтане» Пушкина. Уже Афанасьевым для русской фольклорной сказки о царе Салтане были указаны сходные немецкие сюжеты[42]. В рассказе Лескова, в ряду других литературных qui pro quo, проясняется инокультурная основа сказки о царе Салтане, персонажи которой являются во сне герою как «ткачиха с поварихой с сватьей бабой Бабарихой», в действительности же оказываются тремя немками.

Таким образом, на металитературном уровне рассказа мотив перепутывания объединяет такие литературные произведения, которые возникли в результате работы мистификаторов или были созданы под влиянием литературной традиции иной культуры (Зеленогорская рукопись, немецкие переводы из Гафиза, сказки Пушкина).

Реализация мотива перепутывания в двух планах — как «подмен виновных» и комическое qui pro quo — задает двойственность оценки произведений, возникших в результате межкультурного диалога. Вопрос о том, к чему приводит взаимообмен между культурными традициями разных народов, остается без однозначного ответа: это взаимообогащение или духовная смерть, результаты этого общения — веселая комедия положений, где все перепутано (qui pro quo), или это обман, подлог, требующий разоблачения?

Таким образом, металитературный план содержания рассмотренных произведений связан с проблемой возможности отражения в литературе (и шире — в сознании

---

[39] *Лесков Н.С.* Русские общественные заметки // *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 8. — М., 2004. — С. 322.

[40] *Лаптева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было: Подделки в области славян. фольклора. — М., 2002. — С. 57–119.

[41] Allgemeine deutsche Biographie. — Bd. 4. — Leipzig, 1876. — S. 774. Ср. также отзыв Л.Н. Толстого о переводах Фета (в письме 1859 г.): «<…> его гафизство мне не нравится по сообщенным мне образчикам — всеобщей большой мысли нет, а цвета персидской — или там какой поэзии за двумя переводами не слыхать» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. — М., 1992. — Т. 60. — С. 319).

[42] *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 4 кн. — 2-е изд. — Кн. 4: Примеч. — М., 1873. — С. 377–388. Это издание сказок Афанасьева хранится в Орле в собрании книг из библиотеки Лескова. См.: *Дмитрюхина Л.В., Мазина Е.В.* Из истории формирования фонда № 2 «Н.С. Лесков» в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева // Н.С. Лесков в пространстве соврем. филолог. мысли. — М., 2010. — С. 255.

любого человека) только национальной культуры. Присутствующие в произведениях Лескова интертекстуальные переклички указывают на связь лучших произведений русской литературы XIX в., создавших основу для возникновения культурного мифа о русском национальном характере (об идеале русской женщины), с инонациональными источниками. Фольклор и литература неизбежно выходят за границы русской ментальности, невозможны вне диалога с другими культурами.

Образы персонажей-немцев в рассмотренных произведениях Лескова интересны прежде всего своим положением на границе двух культур, взаимоотражение которых позволяет автору представить новый, неожиданный для читателя взгляд как на русский, так и на немецкий мир. В произведении сталкиваются разнонаправленные этнокультурные гетеростереотипы, которые отменяют категоричность и однозначность друг друга. В тексте создается пространство незавершенного диалога, где не совпадающие точки зрения взаимно отражают друг друга, подвергаются переосмыслению сложившиеся культурные мифы, сопоставляются сложившиеся в русской и немецкой культурах философские представления. Металитературный план содержания повестей и рассказов Лескова о немцах демонстрирует неизбежность диалога культур в процессе создания художественного произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннинский Л.А.* Сотворение легенд // *Лесков Н.С.* Собрание соч.: В 6 т. — М.: АО «Экран», 1993. — Т. 5. — С. 5–108.
2. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 4 кн. — 2-е изд., вновь пересмотр. — Кн. 4: Примеч. — М.: К. Солдатенков, 1873. — 570 с.
3. *Афонин Л.Н.* Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С. Тургенева // Литератур. наследство. Т. 87: Из истории рус. литературы и обществен. мысли, 1860–1890 гг. — М.: Наука, 1977. — С. 130–158.
4. *Буренин В.П.* Литературная деятельность Тургенева. — СПб.: А.С. Суворин, 1884. — 264 с.
5. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. — Минск: Пропилеи, 1999. — 175 с.
6. *Ветте В.* Образы России у немцев в XX в. // Россия и Германия: [Сб. ст.]. — Вып. 1. / Отв. ред. д-р ист. наук Б.М. Туполев. — М.: Наука, 1998. — С. 225–243.
7. *Волынский А.Л.* Н.С. Лесков. — Пг.: Эпоха, 1923. — 220 с.
8. *Гачев Г.Д.* Германский мир и ум глазами русского: (По рассказу Н.С. Лескова «Железная воля») // Вопр. литературы. — 1997. — Вып. 6. — С. 66–85.
9. *Гроссман Л.П.* Н.С. Лесков. М.: Гослитиздат, 1945. — 320 с.
10. *Гудков Д.Б.* К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н.С. Лескова «Железная воля») // Функционал. исслед.: Сб. ст. по лингвистике / Ред. А.И. Изотов, В.А. Татаринов. — М.: Москов. лицей, 1997. — Вып. 4. — С. 67–77.
11. *Гулыга А.В., Андреева И.С.* Шопенгауэр. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 366 с.
12. *Дмитрюхина Л.В., Мазина Е.В.* Из истории формирования фонда № 2 «Н.С. Лесков» в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева // Н.С. Лесков в пространстве соврем. филолог. мысли: (к 175-летию со дня рождения): [Сб. ст.]. — М.: ИМЛИ, 2010. — С. 224–365.
13. *Дрожжина Т.А.* Особенности изображения немецкого национального характера в повестях Н.С. Лескова «Железная воля» и «Колыванский муж» // Юбил. междунар. конф. по гуманитар. наукам, посвящ. 70-летию Орлов. гос. ун-та: Материалы. — Орел: ОГУ, 2001. — Вып. 1: Н.С. Лесков. — С. 53–56.
14. *Другов Б.М.* «Железная воля» Н.С. Лескова. Послесловие // *Лесков Н.С.* Железная воля. — М.; Л.: Гослитиздат, 1946. — С. 189–198.

15. *Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М.* Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х — начало 1840-х гг.) // Нов. лит. обозрение. — 1998. — № 34. — С. 37–54.
16. *Измайлов А.А.* Лесков и его время // РО ИРЛИ. Архив А.А. Измайлова. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–39.
17. *Карпов И.П.* Национальный характер. «Железная воля» Н.С. Лескова — «Мартын и Кинга» И.С. Шмелева (Материалы к уроку внекл. чтения) // *Карпов И.П.* Шмелев в школе: Кн. для учителя. — М.: Дрофа, 2004. — С. 139–172.
18. *Кузьмин А.В.* Инородец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки. — СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2003. — 124 с.
19. *Лаптева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было: Подделки в области славян. фольклора. — М.: Ладомир, 2002. — С. 57–119.
20. *Лесков Н.С.* Железная воля // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. — Т. 6. — М.: Гослитиздат, 1956. — С. 5–87.
21. *Лесков Н.С.* Островитяне // *Лесков Н.*С. Собр. соч.: В 11 т. — Т. 3. — М.: Гослитиздат, 1957. — С. 5–192.
22. *Лесков Н.С.* Колыванский муж // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. — Т. 8. — М.: Гослитиздат, 1958. — С. 390–449.
23. *Лесков А.Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — Т. 1 / [Вступ. ст., подгот., коммент. А.А. Горелова]. — М.: Худож. лит-ра, 1984. — 479 с., 9 л. ил.
24. *Лесков Н.С.* Переписка Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым // *Лесков Н.*С. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 3. — М.: АО «Экран», 1993. — С. 334–415.
25. *Лесков Н.С.* Русские общественные заметки // *Лесков Н.*С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 8. — М.: Терра, 2004. — С. 318–326.
26. *Лесков Н.С.* Подмен виновных: Случай из остзейской юрисдикции // *Лесков Н.*С. Иродова работа: Рус. картины, наблюдения, опыты и заметки: Ист.-публ. очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882–1885 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева. — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 222–243.
27. *Маркадэ Ж.-К.* Творчество Н.С. Лескова: Романы и хроники / Пер. с фр. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. — СПб.: Академ. проект, 2006. — 477 с.
28. *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Культ.-антрополог. история сегодня: [Сб. ст.] / Отв. ред. А.Я. Гуревич. — М.: Наука, 1991. — С. 160–185 (Одиссей: Человек в истории).
29. *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. — Т. 1: Статьи и рецензии, 1858–1859. — М.: Наука, 2000. — 510 с., [1] с., ил., портр.
30. *Саитова З.Р.* Проблема национального характера в прозе Н.С. Лескова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. — Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т, 2007. — 19 с.
31. *Серман И.З.* Примечания // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. — Т. 3. — М.: Гослитиздат, 1957. — С. 583–584.
32. *Соловьев В.С.* Кризис западной философии. По поводу «философии бессознательного» Гартмана // Православ. обозрение. — 1874. — № 1, янв. — С. 28–66; № 3, март. — С. 277–302; № 5, май. — С. 529–541; № 9, сент. — С. 319–340; № 10, окт. — С. 424–452.
33. *Соловьев Н.И.* Два романиста // Всемирный труд. — 1867. — № 12, дек. — С. 35–66.
34. *Стенник Ю.В.* Православие и масонство в России XVIII века: (К постановке проблемы) // Рус. литература. — 1995. — № 1. — С. 76–92.
35. *Столярова И.В.* «Островитяне» // *Лесков Н.*С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 6. — М.: Терра, 1999. — С. 627–634.
36. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. — М.: Терра, 1992. — Т. 60: Письма, 1856–1862 / Подгот. текста и коммент. М.А. Цявловского и др.; предисл. С. Бычкова, с. 5–42. — 1992. — 557, [2] с., [2] л. портр., факс.

37. *Усольцева Т.* Особенности сатиры в повести Н.С. Лескова «Железная воля» // Satyra w literaturach wschodnioslowianskich. — III. — Bialystok, 1999. — С. 69–73.
38. *Шелаева А.А.* Примечания // *Лесков Н.* С. Собр. соч.: В 12 т. — Т. 3. — М.: Правда, 1989. — С. 450–463.
39. Allgemeine deutsche Biografie. — Bd. 4. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1876.

Deutsche Gestalten im Schaffen Nikolaj S. Leskows

N.Ju. Danilova

Dieser Artikel behandelt die Werke von N.S. Leskow „Insulaner“, „Eiserner Wille“ und „Kolyvaner Ehemann“, deren Haupthelden Vertreter der deutschen Kultur sind. Die Analyse der narrativen Strukturen der Texte sowie der intertextuellen Beziehungen der Werke Leskows zu den Texten der russischen und ausländischen Literatur und Philosophie zeigt die dialogische Natur der betrachteten Werke sowie neben einer ideologischen und ethischen Problematik das Vorhandensein eines philosophischen und metaliterarischen Aspekts im Inhalt.

Schlüsselwörter: Nikolaj Sem’enovič Leskov, Werke von Leskov, Darstellung der Deutschen, ethno-kulturelle Stereotypen, kulturelle Mythen, Struktur der Erzählung, Dialog, philosophische Problematik, Metaliteratur.

The German characters in the works by N.S. Leskov

N.J. Danilova

The article considers the works by N.S. Leskov „Islanders“, „Iron will“ and „Kolyvan husband“, the protagonists of which are the representatives of the German cultural heritage. An analysis of the narrative structure of texts and intertextual relationships of works by Leskov with texts of Russian and foreign literature and philosophy reveals the dialogical nature of the considered works, the presence of philosophical and metaliterature contents, in addition to ideological and ethical range of other problems considered.

Key words: Leskov Nicolai Semenovitch, works by Leskov, German characters, ethnic stereotypes, cultural myths, narrative structure, dialogue, philosophical range of problems, metaliterature.

УДК 94(470):39(=112,2)(063)

В.М. Кириллов

Историография и методология изучения проблем истории политических репрессий в СССР

Задачи публикации — анализ основных тенденций развития и проблем историографии политических репрессий. Цель — поиск путей выхода из методологического кризиса исследователей истории российских немцев. В работе применены методы историографии и методологии. Выявлено шесть периодов в развитии историографии, с 1920-х годов по настоящее время. Установлено, что наиболее популярными и «долгоживущими» теоретическими моделями стали формационный, цивилизационный, модернизационный подходы, а в исследовании проблем политических репрессий — концепции тоталитаризма и модернизации. Относительно недавно к ним добавилась концепция мобилизационной экономики. Рассмотрены концепции «позитивной дискриминации», «политики населения». Констатируется методологический кризис отечественной и российско-немецкой историографии. Намечены варианты его преодоления: за счет расширения контекста исследований; ориентации на «концепцию интеграции»; обновления методологических средств.

Ключевые слова: историография, методология, политические репрессии, формационный, цивилизационный, модернизационный подходы, ревизионизм, социальная история, неосталинизм, тоталитаризм, мобилизационная экономика, «позитивная дискриминация», «политика населения», интеграция, «народ-жертва».

За последние десятилетия, благодаря активному освоению ранее недоступного корпуса источников и использованию методологических достижений зарубежных историков, совершен настоящий прорыв в концептуальном развитии отечественной исторической науки. Изучение проблем политических репрессий, в т. ч. истории репрессированных народов, является частью проблемного поля советского прошлого. Особенно быстро в этом важном историографическом сегменте развиваются исследования истории и культуры российских немцев. Не подвергая сомнению прогрессивный процесс развития «этнической» историографии, мы вынуждены констатировать ее автаркичность от основных трендов современной исторической науки. Кризисное положение фиксируется представителями данного направления. Например, В. Дённигхаус отмечает «состояние определенной методологической растерянности среди исследователей и институций, занимающихся историей российских немцев», выражающейся «в мелкотемье, использовании определенных шаблонов при выборе новых тем исследований и заимствованиях, в лучшем случае — развитии проблематики предшественников», в применении устаревших подходов и методов, описательном характере работ[1].

В связи со сложившейся ситуацией мы избрали главной целью настоящей публикации проанализировать основные тенденции развития и некоторые методологические проблемы историографии политических репрессий в целом. Надеемся, что проведен-

[1] Подробнее см.: *Дённингхаус В.* Исследования истории российских немцев: кризис и перспективы развития // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществ. движению. — М., 2015. — С. 352.

© В.М. КИРИЛЛОВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 234–253.

ная нами работа поможет преодолению определенной замкнутости сложившейся корпорации исследователей истории и культуры российских немцев, проявляющейся в ограниченном арсенале методологических средств.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РЕПРЕССИЙ

Историография истории репрессий прошла ряд этапов в своем развитии. Первые отклики на деяния большевиков появились в ходе революции, гражданской войны и через несколько лет после ее завершения. Первый этап развития историографии — **1920-е — начало 1930-х годов**. С анализом большевистской доктрины и практики выступили ученые-философы, историки, экономисты, социологи, общественные деятели, оказавшиеся в эмиграции: А.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.П. Мельгунов, И.А. Покровский, П.Э. Струве, С.Л. Франк, С.А. Котляревский и др[2]. Наряду с западноевропейскими учеными, изучавшими фашистский режим в Италии (Г. Амендола, Л. Вассо, Ф. Турати, Г. Хеллер), они сделали вклад в формирование *концепции тоталитаризма*. Именно тогда в европейскую науку и вошло понятие тоталитаризма.

Следующий этап в развитии историографии по истории и практике репрессий в СССР совпадает с эпохой массового террора **1930 — конца 1940-х годов**. С утверждением авторитарно-тоталитарных режимов в Италии, Германии, СССР, Испании расширяется круг гуманитариев, изучающих это новое явление. Продолжили свои исследования Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве. Особенно большое значение имеет труд Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», который получил всемирную известность. Именно он стал первым российским автором теории тоталитаризма. Зарубежные обществоведы Л. Мизес, Ф. Хайек, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Кон, С. Нойман, писатели Д. Оруэлл, А. Кестлер и другие делают вывод об однотипности власти большевиков, фашистов, национал-социалистов[3]. Исследователи доказали, что тоталитаризм отличается от традиционной автократии и является особенностью цивилизации XX в. Именно на этом этапе были «заложены прочные основы теории и истории тоталитаризма»[4].

С середины 1930-х годов формируется *оппозиционная точка зрения в ВКП(б)* (Л. Троцкий, Н. Бухарин, Ф. Раскольников), согласно которой репрессии второй половины 30-х годов объяснялись личной непорядочностью, коварством Сталина и его попытками расправиться с верными ленинцами. При этом совершенно не подвергалась сомнению необходимость террора в ходе революции, гражданской войны, практика лишения гражданства и избирательных прав в 1920-е годы.

Третий этап историографии датируется началом **1950 — серединой 1980-х годов**. За рубежом растет поток литературы о репрессиях, постепенно расширяется проблематика исследований, начинаются первые научные дискуссии[5]. Изучаются такие вопросы, как труд и производительность в советских концлагерях, основы пенитенциарной политики, методы управления государством, советский суд и карательная политика. На основе десятков свидетельств бежавших узников сделана первая попытка

---

[2] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. — М., 2012; *Покровский И.* А. Перуново заклятье. — М., 2008. URL: http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7301 (дата обращения: 10 мая 2016 г.); *Булгаков С.Н.* На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги // Из глубины: Сб. ст. о рус. революции. — М., 1990; *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. — Берлин, 1924; *Струве П.Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства. — Берлин, 1921, и др.

[3] *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. 1. Генезис. — Екатеринбург, 1996. — С. 22.

[4] Там же. — С. 26.

[5] *Borkenau F.* Socialism National or International. — London, 1942; *Cranshow E.* Russia by Daylight. — London, 1951; *Dallin D., Nicolaevsky B.* Forced Labor in Soviet Russia. — New Haven, 1947; *Марченко В.* Тренд численности населения. 1926–1939. — Нью-Йорк, 1953. — № 35. — С. 15–20.

картографирования ИТЛ СССР[6]. Появились первые оценки численности заключенных в СССР, описаны условия жизни в ИТЛ. В рамках концепции тоталитаризма пишут свои работы зарубежные ученые: Х. Арендт, Р. Арон, З. Бжезинский, М. Джилас, Р. Конквест, К. Фридрих, представители второй и третьей волны российской эмиграции: А. Авторханов, М. Восленский, А. Некрич, Б. Яковлев и др[7]. На третьем этапе *окончательно оформилась теория тоталитаризма* и с помощью ее методологического аппарата проведен сравнительный анализ диктатур в Италии, Германии, СССР, Испании, Португалии. Первым ученым, поднявшим тему «Большого террора» в историографии, стал Р. Конквест[8].

Следует отметить, что заметный негативный отпечаток на работы этого периода наложила *советология*, как политически ангажированная дисциплина периода холодной войны. Начиная с 1970-х годов в рамках советологии, наряду с концепцией тоталитаризма, появилось так называемое *«ревизионистское» направление*.

Уже в 1960-е годы тоталитарная модель была поставлена под сомнение историками-ревизионистами (Л. Хаимсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик): они оспорили роль партии в качестве демиурга, выступив за историю «снизу», т. е. историю индивидов, социальных групп и противоречий между ними. Основываясь на малом количестве доступных источников, применяя *методологию социальной истории*, они попытались понять социальные основы советского режима и прогнозировать изменения, которым он мог подвергнуться. Ревизионисты хотели «деидеологизировать» историю СССР, прекратив переоценивать значение сферы политической власти и обратившись в большей мере к изучению ее социально-экономических институтов. Тоталитаристы и ревизионисты поспорили вничью, «запутавшись в собственной системе доказательств»[9].

В 1979 г. американский историк А. Гетти впервые сделал вывод о том, что *«скорее региональные власти играли важнейшую роль в терроре 1937 г.»*[10]. Такое приуменьшение роли Сталина в организации «Большого террора» было своеобразным вызовом сторонникам концепции тоталитаризма.

Однако отечественная историография осталась в стороне от этих исследований и новаций. Переломное значение для нее сыграл доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Первым российским историком, который осветил проблему массовых репрессий, считают Р. Медведева[11]. Его работа базировалась на оценках XX и XXII съездов КПСС.

После XX съезда партии официальная *советская историография*, сообразуясь с партийными установками, *связала репрессии с борьбой против оппортунистов,*

---

[6] *Семенов Н.* Советский суд и карательная политика. Мюнхен, 1952; *Jashy N.* Labor and Output in Soviet Camps // Journal of Political Economy. — 1951. — № 59, Oct. — P. 405–519; *Rousset D.* Police-State methods in the Soviet Union. — Boston, 1953; GULAG: The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia. — New York, 1951.

[7] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М., 1996; *Бжезинский З., Фридрих К.* Тоталитарная диктатура и автократия. — М., 1993; *Авторханов А.* 1) Происхождение партократии. — Франкфурт-на-Майне, 1973; 2) Технология власти. — Франкфурт-на-Майне, 1976; *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991; *Яковлев Б., Бурцов А.* Концентрационные лагери СССР. — Мюнхен, 1955; *Barton P.* L'institution concentrationnaire in Russia (1930–1957). — Paris, 1969; *Conquest R.* 1) The Great Terror: Stalin's Purges in the 1930s. — London, 1968; 2) The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. — London, 1970; *Heller M.* The World of Concentration Blips and Soviet Literature. — London, 1979; *Nekrich A.* The Punished Peoples. — New York, 1978; *Wolfe B.* Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. — Boston, 1961; *Wolin S., Slusser R.* The Soviet Secret Police. — New York, 1957. Подробную библиографию см.: *Zorin L.* Soviet Prisons and Concentration Camps. An Annoted Bibliography 1917–1980. — Newtonville, Mass., 1980.

[8] *Conquest R.* The Great Terror. — London, 1968; *Конквест Р.* Большой террор. — Рига, 1991.

[9] Как мы пишем историю? — М., 2013. — С. 239–241; Словарь историка. — М., 2011. — С. 184, 185.

[10] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. — М., 2009. — С. 14.

[11] *Medvedev R.* Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. — London, 1971; *Медведев Р.* К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. — New York, 1974.

в ходе которой пострадали и невиновные. Хотя специальных работ по теме репрессий в нашем отечестве не вышло, эта версия имела хождение в авторских коллективах М.П. Кима, Н.Н. Маслова, Б.Н. Пономарева, Ю.А. Полякова, Н.Н. Федосеева и др. Смерть «вождя всех народов» активизировала самиздатскую литературу в СССР и западную историографию.

Исследователи затронули фактически весь круг проблем истории и практики репрессий в СССР от концептуального понимания сущности советского строя до описания этапов карательной политики.

Принципиально важным для отечественной историографии стало появление нового подхода к теме, выражением которого стала логика построения публицистического исследования «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына[12]. Здесь *осуждена государственная политика советской власти начиная с 1917 г., обличен во лжи и насилии как Ленин, так и его последователи.* Однако массовое советское сознание 1950 — конца 1980-х годов в лучшем случае осуждало «перегибы» времен культа личности Сталина, чему способствовал поворот к официальному неосталинизму на рубеже 1960–1970-х годов.

Реставрация идеологии сталинизма незамедлительно отозвалась в исторической науке. Произошло *возвращение к политике «умолчания» о репрессиях и потерях.* Утвердилась на долгие годы *партийная формула,* которая стала обязательной для советских историков: «Нарушение ленинских норм партийной и государственной жизни нанесло вред делу строительства социализма, но не могло изменить природу социалистического общества, теоретических, политических и организационных основ деятельности коммунистической партии»[13].

Четвертый период в развитии историографии — **вторая половина 1980 — начало 1990-х годов**. Общественно-политическая ситуация данного времени в СССР определялась правящей коммунистической партией и была порождена инициативой с ее стороны («перестройка», «гласность», отмена ст. 6 Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС).

Во второй половине 1980-х годов в работах И.В. Бестужева-Лады, Ю.С. Борисова, Г.А. Бордюгова, В.А. Козлова, А.П. Бутенко оформилась *концепция, сходная с оппозиционной точкой зрения 1930-х годов.* Репрессии сталинизма были в основном описаны, и установлена прямая связь между раскулачиванием, «спецеедством» и политическими процессами 1930-х годов. Следующий шаг был сделан в результате *дискуссии*, возникшей *вокруг двух основных точек зрения*. Согласно одной из них, *репрессии — это отступление от ленинизма, деформация социализма под воздействием И. Сталина* (А.П. Бутенко, Д.А. Волкогонов, Р.А. Медведев, В.З. Роговин и др.). Фактически эта группа исследователей повторила теоретические установки Л. Троцкого о причинах событий 1930-х годов. Другой взгляд заключался в том, что *репрессии — итог построения социализма в соответствии с доктриной марксизма-ленинизма* (А.С. Ципко, И.Л. Бунич и др.). Массовое историческое сознание под воздействием разоблачений эпохи гласности склонилось к осуждению опыта построения социализма.

Отечественная историография по истории репрессий сделала лишь первые шаги и была нацелена на выявление и публикацию источникового материала. Освоение темы началось после январского Пленума ЦК КПСС 1989 г., который позволил обнародовать материалы засекреченных архивов. Первые публикации источников появляются в журнале «Известия ЦК КПСС» и затрагивают в основном «громкие» процессы 1930-х годов. Так, в одном из официальных сборников обобщены материалы по 11 процессам[14]. Благодаря работам В.Н. Земскова и Н.Ф. Бугая становятся широко

---

[12] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. В 7 т. — Париж, 1973–1975.

[13] История КПСС. — Т. 4. Кн. 2. — М., 1971. — С. 510.

[14] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. — М., 1991.

известными факты о деятельности ГУЛАГа, численности его контингентов, спецссылке, раскулачивании и депортации народов СССР[15].

В своих работах В.Н. Земсков анализирует уникальные материалы о «кулацкой ссылке» с 1930 г. по конец 1950-х годов, раскрывает документальную основу развития спецссылки в СССР, показывает географию спецпоселений; описывает историю ГУЛАГа, впервые приводит официальные данные о численности заключенных различных категорий, раскрывает вопрос о репатриации советских граждан и рождении «второй эмиграции». Н.Ф. Бугай занимается изучением истории репрессий против народов СССР.

В пределах бывшего СССР к середине 1990-х годов сложился ряд научно-исследовательских центров по изучению истории репрессий. В Москве на базе НИЦ Международного Мемориала ведется разработка целого ряда исследовательских проектов: «История диссидентства», «Остарбайтеры», «Поляки, репрессированные в СССР», «История ИТЛ СССР (1929–1961)»; вышел целый ряд интересных публикаций[16].

Кроме москвичей активно занимаются изучением темы репрессий в Санкт-Петербурге, Харькове, Донецке, Перми, Екатеринбурге, Тобольске, Новосибирске, Омске, Томске, Кемерово[17], Магадане[18], Петрозаводске[19], Воркуте, Сыктывкаре, Рязани[20], Калуге, Элисте, Владивостоке, Казани, Алматы, Воронеже, Краснодаре, Ярославле, Кургане, Нижнем Тагиле[21], Челябинске и др.

---

[15] *Земсков В.Н.* 1) К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 годы // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 26–41; 2) Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных. 1954–1960 гг. // Социолог. исслед. — 1991. — № 1. — С. 5–26; 3) Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Там же. — 1991. — № 2. — С. 79–81; 4) Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. — 1991. — № 5. — С. 151–155; 5) ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социолог. исслед. — 1991. — № 6. — С. 10–27; 1991. — № 7. — С. 3–17; 6) «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Там же. — 1991. — № 10. — С. 3–21; 7) Спецпоселенцы // Там же. — 1991. — № 11. — С. 5–27; 8) ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 69–70; 9) «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социолог. исслед. — 1992. — № 2. — С. 3–26; 10) Репатриация советских граждан и их судьба // Там же. — 1995. — № 5, 6; *Бугай Н.Ф.* 1) Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений… Л. Берия — И. Сталину // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 143–165; 2) 20–50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечеств. история. — 1993. — № 4. — С. 175–185; Депортации народов СССР. Ч. 1. — М., 1992.

[16] Например, см.: Звенья: Ист. альм. — Вып. 1, 2. — М.: Прогресс, Atheneum-Феникс, 1991; Мемориал-аспект: Инф. бюл. Московского Мемориала. 1991–.

[17] Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40 и начале 50-х годов. Т. 3. — Томск, 1992; *Рудин В.* Сопротивление произволу // Разыскания. — Кемерово, 1992. — Вып. 2. — С. 15–26; *Пайчадзе С.А.* Издания БАМЛага ОГПУ-НКВД // Втор. Макушинск. чтения. — Томск, 1991. — С. 127–152.

[18] *Козлов А.Г.* Из истории колымских лагерей (1932–1937): Краевед. зап. — Вып. 17. — Магадан, 1991. — С. 117–143; *Широков А.М., Этлис М.М.* Советский период Северо-Востока России (Историография и нов. архив. данные). — Магадан, 1993.

[19] Карлаг в 40-х годах // Сов. архивы. — 1991. — № 6. — С. 30–46; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х гг. / Сост. Цыганов А.М. — Петрозаводск, 1992; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1935 гг. Док. и материалы. — Петрозаводск, 1991.

[20] В Рязани «мемориальцами» издается журнал «Карта», непосредственно посвященный теме репрессий.

[21] Из бездны небытия: Кн. памяти репрессированных калужан. Т. 2 / Сост. Ю.И. Калиниченко и др. — Калуга, 1994; Книга памяти ссылки калмыцкого народа / Ред. совет.: К.Н. Максимов и др. — Элиста, 1993; *Пашков А.М.* Боль и память. — Южно-Сахалинск, 1990; *Султанбеков Б.С.* С грифом «Совершенно секретно». Драматические страницы истории Татарстана. — Казань, 1993; *Михалков В.Ф.* Хроника Великого Джута: Док. повествование. — Алма-Ата, 1990; *Лаппо Д.Д.* В Красно-белом отсвете трагедии. Воронежская губерния. 1917–1920. — Воронеж, 1993; *Кропачев С.* Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30–40-х гг. — Краснодар, 1993; Не предать забвению. Т. 1. — Ярославль, 1993; *Плотников И.Е.* Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечеств. история. — 1993. — № 4. — С. 159–167; Книга Памяти. Посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917–1980-х гг. — Екатеринбург, 1994; Тагильский краевед. — Н. Тагил, 1992; *Базаров А.А.* Кулак и Агрогулаг. — Челябинск, 1991; Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода. 1942–1945 / Публ. подг. Турова Е.П. // Отечеств. архивы. — 1992. — № 2. — С. 72–83.

Уникальная ситуация с изучением истории репрессий сложилась на Украине. Здесь в 1992 г. Указом Верховного Совета и решением Кабинета министров принято постановление о создании «Книги памяти» репрессированных граждан республики. В результате во всех областях Украины созданы штатные группы по сбору материалов и подготовке их к публикации.

В России такая работа является уделом энтузиастов. Наибольших результатов в исследовании истории репрессий достигли научно-исследовательские центры и отдельные исследователи из отделений «Мемориала», сумевшие создать общие периодические органы (информационный бюллетень «Мемориал-аспект», журнал «Карта»), положившие начало разработке международных программ. Однако к середине 1990-х годов складывается иная ситуация — представители «Мемориала» активно сотрудничают с учеными-историками, а профессионалы-исследователи из академической науки углубляются в изучение рассматриваемой темы.

Глубокая разработка темы репрессий ведется не только в центре, но и в региональных масштабах. Например, в Екатеринбурге роль объединяющего начала в изучении проблемы играет Уральский госуниверситет. Здесь принята исследовательская программа «Региональный банк данных: Урал XX в.» и формируются компьютерные базы данных по широкому спектру проблем: Концлагеря Урала в 1920-е — начале 1930-х годов; Судьба церкви и священнослужителей в 1920-е годы; Контрреволюционные выступления населения Урала в 1918 — начале 1930-х годов; Кулацкая ссылка на Урале в 1930-е годы; Принципы формирования образа врага народа в 1920–1930 гг.; Социально-экономические и психологические последствия репрессивной политики и др[22].

В рассматриваемый нами период зародилась историография проблем политических репрессий против российских немцев: в печати появились воспоминания трудармейцев, состоялись первые научные конференции[23].

Прокатившаяся после 1987 г. волна публицистики на тему репрессий, последовавшие за ней многочисленные научные публикации постепенно подвели исследователей к качественно иному уровню понимания проблемы репрессий. Изучение большинства вопросов данной темы стало глубже и объективней. Это касается проблем коллективизации-раскулачивания, депортации народов, террора середины 1930-х годов, отчасти репрессий в 1920-е годы и в годы Великой Отечественной войны. У некоторых исследователей даже сложилось мнение, что «тема репрессий из самостоятельной превращается во вспомогательный частный сюжет проблемы советского тоталитаризма»[24].

Наиболее радикальные изменения внесли в развитие историографии события 1991 г.: распад СССР, образование Российской Федерации, выход в свет указов «О реабилитации жертв политических репрессий», «О реабилитации репрессированных народов». В соответствии с Указом Президента РФ от 23 июня 1992 г. с материалов, связанных с политическими репрессиями, сняты ограничительные грифы. В 1992–1993 гг. начинается «архивная революция» — теперь в секретные архивы попадают рядовые исследователи, рассекречиваются архивы ФСБ и МВД. Одновременно с потоком разоблачительных публицистических работ появляются первые серьезные научные исследования. Отечественным гуманитариям стали доступны достижения мировой исторической науки, многие книги зарубежных авторов переведены на русский язык, установлены контакты между учеными и исследовательскими центрами.

---

[22] См.: *Славко Т.И.* Региональный банк данных: Урал XX в. // Инф. бюл. Ассоциации «История и компьютер». — № 13, март 1995. — М., 1995. — С. 118–119.

[23] Подробнее см.: *Кириллов В.М.* Историография проблем репрессивной политики против российских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуал. проблемы и дискус. вопр. истории и историографии рос. немцев. — М., 2014. — С. 122–165.

[24] *Камынин В.Д., Заболотский Е.Б.* Тема репрессий 20-х — начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы сов. власти. — Екатеринбург, 1994. — С. 41–44.

К обозначенному времени в отечественной историографии и правовой практике достаточно четко обозначился круг основных проблем темы «Репрессивная политика и ее жертвы в СССР (1917–1991)»: причины и сущность революционного переворота 1917 г.; формирование и специфика правовой системы советского государства; понимание таких терминов и понятий, как «репрессии», «репрессивная система и репрессивные органы», «виды репрессий и категории репрессированных», «система и структура мест отбытия наказания/заключения/ссылки», «кассационный пересмотр дела, прекращение дела, амнистия, реабилитация», «юридические основания репрессий и реабилитации», «типы источников и виды архивных документов по истории репрессий».

Теоретической основой разработки основных проблем темы стали: *концепции тоталитаризма и авторитаризма, международный билль о правах человека, положения законодательных актов о реабилитации* конца 1980 — начала 1990-х годов, *Конституции РФ*. Профессор МГУ Г.Х. Попов, опираясь на роман А. Бека «Новое назначение», *сформулировал концепцию административно-командной системы*, функционировавшей во времена Сталина[25].

Большое внимание историков привлекла синергетика. Широкое распространение получил метод моделирования исторических процессов. Возник интерес к информационной парадигме объяснения исторического процесса, к цивилизационному подходу. Под влиянием школы «Анналов» развивается «новая социальная история», «глобальная история», микроанализ. Начинается «антропологический поворот», исследуется социальная психология, ментальность, история повседневности, гендерная история.

В 1988 г. реабилитировано «новое направление» в отечественной историографии, с идеями которого ассоциировались ставшие теперь модными теории «эшелонов капиталистического развития», «догоняющего развития». Однако изучение пока шло на материалах буржуазной модернизации дореволюционной России.

По мнению А.А. Чернобаева, сложилось три группы ученых: советские традиционалисты; сторонники очищения марксизма от наследия сталинизма; воинствующие антикоммунисты, оценивавшие советский период с позиций концепции *тоталитаризма*. Применительно к сталинскому социализму теперь применяли термины «государственный», «казарменный», «азиатский», «феодальный»[26].

За короткий период времени российская историография сделала огромный шаг вперед. Целый ряд публикаций позволил не только сравняться с зарубежной гуманитаристикой, но и опередить ее по ряду направлений. Вполне очевидно, что глубокое исследование темы репрессий отечественными историками еще только начиналось, и перед ними стоял целый ряд проблем. Значительным было отставание в области методологии: вслед за зарубежными историками стало модным использование тоталитарной модели при объяснении истории СССР. Между тем за рубежом данный подход стал лишь одним из направлений в научных исследованиях.

В 1991 г. начался второй период в развитии историографии политических репрессий против российских немцев. Немецкое национальное движение обрело организационную структуру и сформировало свои исследовательские центры. Произошло становление нового направления в отечественной историографии, связанное с изучением практики депортации, трудовой мобилизации, спецпоселения, истории и культуры российских немцев.

---

[25] *Попов Г.* Х. С точки зрения экономиста // Знамя. — 1986. — № 10, 11, 1986. URL: http://modernlib.ru/books/popov_g/s_tochki_zreniya_ekonomista_o_romane_aleksandra_beka_novoe_naznachenie/read_1/ (дата обращения: 9 июля 2016 г.).

[26] Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. — М., 2014. — С. 435, 448–450, 455.

В первой половине 1990-х годов состояние отечественной исторической науки оценивалось как кризис: одни трактовали его как кризис всей мировой исторической науки, другие — как кризис отечественной. Но отсталость последней была очевидна. Поэтому произошли три своеобразных революции: образовательная, архивная, методологическая.

Школьные учебники писались с позиций цивилизационного подхода, советская история через призму концепции «советского тоталитаризма». Сложилась концепция многоконцептуального изучения истории[27]. Влияние постмодернизма сказалось в активном использовании антропологического, социологического подходов. История повседневности изучалась и на материалах советского общества.

Однако, по замечанию А.А. Чернобаева, «смысл „методологической революции" нередко сводился к замене одной универсальной теории, в качестве которой выступал в советское время марксизм, на другую, не менее универсальную теорию»[28]. Многие пользовались концепцией особой евразийской цивилизации применительно к России, другие представляли ее самобытной цивилизацией, третьи — как «расколотую», «кочующую» и т. п.

Получает распространение модернизационный подход. В 1993 г. состоялось обсуждение особенностей российской модернизации. Одна часть интерпретировала модернизацию в рамках формационного подхода, другая — цивилизационного. Большинство приверженцев второго подхода пользовались концепцией тоталитаризма. Теорию модернизации видели более «идеологически нейтральной»[29].

Источниковедческая основа проводимых исследований заключалась в применении традиционных и новейших методик в изучении массовых источников советского периода, связанных с деятельностью карательных органов: развивается историческая информатика, создаются базы данных по проблемам репрессий. Однако процесс этот идет хаотично, что чрезвычайно затрудняет обобщение результатов работы десятков ученых.

Исследователи имеют возможность получать информацию для составления именных и биографических справочников из фонда прекращенных дел архивов ФСБ, из фондов лишенных избирательных прав и административно-ссыльных МВД, а также других государственных архивов. Основанием для получения информации является реабилитация жертв политических репрессий согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Выходит целая серия «прорывных» публикаций источников[30]. Историки главное внимание уделяют именно публикации документов в ущерб их исследованию, интуитивно ожидая недолгого продолжения процесса «архивной революции».

Начало **пятому периоду** в развитии историографии обозначенной нами проблемы было положено во второй половине 1990-х годов. Условными хронологическими рамками этого периода можно считать **середину 1990-х — 2004–2006 гг**. Основанием для выделения такой датировки периода можно считать защиты первых докторских и кандидатских диссертаций по проблемам политических репрессий, оформление исследовательских центров и переход от публицистического уровня освоения

---

[27] Историография истории России. — С. 458–461; История России. Теории изучения / Личман Б.В. и др. Кн. 1–2. — Екатеринбург, 2001.

[28] Историография истории России. — С. 464.

[29] Там же. — С. 465, 472, 476.

[30] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. / Сост О.В. Хлевнюк и др. — М., 1995; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Док. и материалы. Т. 1. 1918–1922. — М., 1998; Т. 2. 1923–1929. — М., 2000; Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. — М., 2003; Спецпереселенцы в Западной Сибири. — Новосибирск, 1992–1994; Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). — М., 2001–2004; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 — первая половина 1950-х годов. Сб. док. В 7 т. — М., 2004–2007.

темы к научному. Например, в исследование проблем политических репрессий против российских немцев вовлекаются десятки ученых и молодых исследователей (только в рамках Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев насчитывается их более 90). Завершением этого периода можно считать издание третьего тома энциклопедии «Немцы России» и выход в свет учебного пособия по истории российских немцев[31].

Некогда сформированная в зарубежной историографии концепция тоталитаризма была полностью освоена и творчески применена отечественными историками. Примером тому может служить монография А.В. Бакунина[32].

О.В. Хлевнюк выработал *новую концепцию массовых репрессий*, доказав «что *репрессии были результатом спланированной Политбюро ЦК ВКП(б) акции по ликвидации потенциальной „пятой колонны“ в преддверии возможной войны, „генеральной чистки“ советского общества*»[33].

В изучении механизма «большого террора» одним из наиболее значимых является исследование Н. Петрова и М. Янсена о наркоме внутренних дел Н. Ежове. Оно стало определяющим в понимании того, как Сталин намечал, «а его „питомец“ Ежов реализовывал установки по „генеральной чистке“ страны»[34].

Согласно историографической оценке В. Хаустова и Л. Самуэльсона, «*проблема конкретного участия Сталина в развертывании массовых репрессий, охвативших страну в 1937–1938 гг., до настоящего времени не получила достаточного освещения*»[35]. Но именно она является основной в общественных и научных дискуссиях, как личностный фактор, повлиявший на общую политику государства[36].

Важное место в отечественной историографии репрессий 1930-х годов занимают публикации о масштабах и жертвах террора. В начале 2000-х годов вышло несколько серьезных трудов по демографической истории России первой половины XX в.[37] В *них названы близкие к истине масштабы массовых политических репрессий середины 1930-х годов*. Сформировалось впечатление о том, что «публикациями 2000–2005 гг. была поставлена точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы репрессий… Сейчас принято считать, что в результате карательной политики Советского государства страна потеряла более 1 млн человек погибшими»[38]. Однако, по нашему мнению, вопрос по сию пору остается дискуссионным.

Есть основания и для выделения **нового этапа** историографии по теме политических репрессий: **с 2004–2006 гг. — по настоящее время**. На этом этапе государство фактически свернуло работу по реабилитации граждан, произошло ужесточение архивной политики, окончательно исчез из повестки дня план восстановления государственности российских немцев. В 2004 г. вступил в силу новый Закон об архивном деле в Российской Федерации, а в 2006 г. последовал совместный приказ Министерства культуры,

---

[31] *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. В 3-х кн. — Кн. 1: Учеб. пособие; кн. 2: Хрестоматия; кн. 3: Метод. материалы. — М., 2005.

[32] *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. 1–2. — Екатеринбург, 1996–1997.

[33] Цит. по: *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. — С. 13; *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Ист. наука и образование на рубеже веков. — М., 2004. — С. 433.

[34] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Нарком Ежов. — М., 2007 (цит. по: *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. — С. 23.)

[35] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. — С. 25.

[36] *Борисенко Е.А.* Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае. URL: http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Borisenko.htm (дата обращения: 15 февраля 2016 г.).

[37] Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. — М., 2000; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М., 2001; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Ист.-демограф. очерки. — Новосибирск, 2000.

[38] *Борисенко Е.А.* Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае. URL: http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Borisenko.htm (дата обращения: 15 февраля 2016 г.).

МВД и ФСБ о порядке доступа к делам репрессированных. Эти акты наложили запрет исследователям на доступ к личным делам репрессированных на срок 75 лет[39].

В 2009 г. началось «архангельское дело», возбужденное против создателей книг памяти по российским немцам профессора Поморского университета М.Н. Супруна и полковника МВД А.В. Дударева[40]. Таким образом, завершился период «архивной революции» и значительно осложнилась работа исследователей по проблеме политических репрессий. Эти обстоятельства, несомненно, напрямую негативно повлияли на работу профессиональных историков.

Последовательное продвижение общества от разоблачения преступлений сталинского режима, критики советской модели государственного устройства, выявления в качестве основ тоталитарного государства институтов политических репрессий и принудительного труда, восстановления памяти о жертвах репрессий, анализа карательной системы ГУЛАГа на уровне ИТЛ и спецпоселения, изучения отдельных категорий репрессированных к анализу спецконтингента в целом, его роли в мобилизационной модели экономики — таков путь, пройденный исторической наукой России за короткий период времени.

Постепенно в ходе развития отечественной и зарубежной историографии истории политических репрессий выявились основные узловые моменты репрессивной политики в СССР и определена специфика репрессий в отношении российских немцев. Применительно к этническому меньшинству были выделены следующие проблемы: репрессии времен Гражданской войны и «военного коммунизма», восстание в Поволжье 1921 г.; борьба с эмигрантским влиянием в 1920-х годах и немецкой эмиграцией в 1928–1929 гг.; раскулачивание и спецпереселение конца 1920 — начала 1930-х годов; антинемецкая кампания 1933–1935 гг.; «большой террор» и «немецкая операция» 1937–1938 гг.; депортация 1940-х годов; трудовая мобилизация 1940-х годов; спецпоселение (1941–1955 гг.); реабилитация (1955–2000-е годы).

Библиография литературы о советском обществе и проблеме репрессий насчитывает тысячи наименований. Историографическое «освоение» этого массива началось уже в 1990-х годах и продолжается по настоящее время.

В условиях новой волны ресталинизации, сужения читательской базы объективных научных исследований, примитивной «интернетизации» разноречивой, зачастую фальсифицированной информации пока невозможно говорить о рационализации исторического сознания. Как подчеркивает Л. Гудков, «проблема преодоления сталинского мифа заключается не в том, что люди не знают о преступлениях Сталина, а в том, что они не могут считать преступной саму советскую систему»[41]. Смирение с традицией принудительной модернизации, глубоко связанной с историей России, приводит к уходу от подлинного осмысления истории.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Из проведенного историографического анализа следует, что наиболее популярными и «долгоживущими» теоретическими моделями при изучении советского периода отечественной истории стали *формационный*, *цивилизационный*, *модернизационный подходы*, а в исследовании проблем политических репрессий *концепции тоталитаризма и модернизации*.

---

[39] См.: Закон об архивном деле. — М., 2004. URL: http://www. rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.Html (дата обращения: 15 февраля 2016 г.).

[40] См.: *Дударев А.В.* «Этапы большого дела историков». URL: http://www.memo.ru/2010/11/18/dudarev.htm (дата обращения: 15 февраля 2016 г.).

[41] *Гудков Л.Д.* Амнезия или стерилизация больного прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социал. аспекты репрессий. — М., 2013. — С. 20.

В своем введении к сравнительному исследованию сталинизма и нацизма М. Гейер и Ш. Фицпатрик констатируют, что *концепция тоталитаризма* по-разному воспринимается авторами, но при этом все равно является частью исследовательского метода при изучении двух режимов[42]. Они напоминают, что в рамках советологии, одетой в «невыносимо тесную смирительную рубашку» концепции тоталитаризма, на самом деле велась интересная работа. Таков «известный Гарвардский проект во главе с А. Инкелесом, Р.А. Бауэром, К. Клакхоном, в котором объединились политологи, социологи, антропологи и даже психологи (конец 1950-х годов). Их интересовала тоталитарная модель как метод понимания политических структур и процессов… Но их интересовала и повседневная жизнь, которую они рассматривали сквозь призму теории модернизации»[43], поэтому советология 1960-х годов использовала обе теоретических модели.

В 1960-е годы левые ревизионисты попытались примерить тоталитарную модель даже к США, но в 1970-е годы ей был брошен вызов советологами-ревизионистами нового поколения и ранняя советская история «вписалась в контекст модернизации»[44]. Л. Хаимсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик выступили за историю «снизу», т. е. историю индивидов, социальных групп и противоречий между ними. Применяя *методологию социальной истории*, они попытались понять социальные основы советского режима.

К концу холодной войны зарубежные историки считали, «что тоталитарная модель, описывающая монолитное, идущее к намеченной цели государство и догматичную, воздействующую на сознание идеологию, не отражает и тем более не объясняет историческую реальность, представляя собой слишком механистическую модель, навязанную им политологами»[45].

Современные последователи школы советологов-ревизионистов делали акцент на том, что отсталая политическая культура масс воспроизводит режим. В то же время в 1990-х годах под воздействием «архивной революции» монолитность сталинского режима оказалась подвергнута сильному сомнению и сделан акцент не на норме, а на отклонениях в «манипулируемом» обществе. По мнению Н. Верта, «открытие отклонений помогло обновить тот образ советского государства, который был представлен в некоторых работах времен холодной войны <…> Поэтому исследование поведения сокращается до изучения антиномий: присоединение–сопротивление, активное участие–пассивность и др. <…> можно весьма обогатить знание о сталинской эпохе, если осознать всю важность случайного стечения обстоятельств, недетерминированности и плюрализма <…> Более перспективен тонкий анализ социальных практик (подчас в русле истории повседневности)»[46] и подлинная социальная история политических явлений.

В отечественной историографии табу на использование тоталитарной модели было преодолено в 1989 г., когда вышел сборник «Тоталитаризм как исторический феномен»[47]. С этого момента в публицистических и научных работах термин «тоталитаризм» получил «тотальное» распространение.

Под воздействием парадигмы постмодернизма *зарубежное* научное сообщество в конце XX — начале XXI в. оставалось «по большей части посттеоретическим и посттоталитарным»[48], однако к концу первого десятилетия XXI в. вновь проявился интерес к концепции тоталитаризма, был обнаружен ее неисчерпанный творческий потенциал.

---

[42] За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. — М., 2011. — С. 7.

[43] Там же. — С. 13.

[44] Там же. — С. 14.

[45] Там же. — С. 14, 15.

[46] Теория и методология исторической науки. Терминолог. слов. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М., 2014. — С. 184, 185.

[47] Тоталитаризм как исторический феномен. — М., 1989.

[48] Теория и методология исторической науки. — С. 17, 18, 22.

Это стало своеобразной реакцией на «господствующее социологическое объяснение нацизма и сталинизма». По наблюдениям исследователей, «наибольшую известность получил новый подход к „идеологии“ и ее оценка как ключевого компонента нацизма (и сталинизма). Рост интереса к идеологии сопровождался спорами о политической религии или религиозной политике, а в целом — движением к политической теологии»[49]. Происходит возврат к *теории политической теологии* и главному отправному пункту — возрожденной *«концепции интеграции»*, т. е. к рассмотрению истории европейских стран в контексте всеобщей истории. Эта концепция «предполагает исследование повседневной практики режимов и вместе с тем ставит в повестку дня тему крайнего насилия в обоих обществах как исследовательскую проблему»[50].

В настоящее время многие отечественные историки оценивают послеоктябрьский период через призму концепции тоталитаризма. Одни считают, что контроль тоталитарного государства над обществом был полным, и сравнивают с другими подобными тоталитарными режимами в Европе. Другие полагают, что тоталитарный характер носило советское государство, но не советское общество, т. к. идеология не имела всеобъемлющего характера. Потому тоталитарное государство так быстро рухнуло под напором гласности[51].

Не менее интересна *эволюция исторической теории модернизации как историософской парадигмы*, которая предстает на самом деле как целый набор теоретических моделей и концепций. Как отмечает О.В. Ким, «появившаяся во второй половине XX в. теория модернизации была связана с формирующимися доктринами индустриализма, традиционализма, транзитного общества и переходной эпохи»[52]. Концепции модернизации исходят из представлений о нелинейном, плюралистическом характере исторического процесса. Выделяется концепция двух генеральных типов модернизации: «органичной (эндогенной) и неорганичной (экзогенной) »[53]. В 1950–1960-х годах преобладали линеарные, европоцентристские теории модернизации, которые рассматривали ее как революционный процесс, была сформирована концепция «догоняющего развития». В 1970–1980-е годы наступил период критической ревизии, историзации и социологизации теории, когда сложились представления о «фрагментированной, парциальной модернизации»[54] и приобрела популярность теория «военной революции». В 1980–2000 гг. теория модернизации стала компонентом многофакторных моделей исторического процесса (мир-системная парадигма). В результате социологизации теории признана большая роль «социальных акторов (коллективов, индивидов, элит)»[55] в процессе модернизации. Таким образом, модернизация сегодня понимается по-разному. Следует особо подчеркнуть, что за редким исключением понятие модернизации связано с рыночным обществом. С. Хантингтон возражал против перенесения этой парадигмы на чужую цивилизационную почву[56].

На рубеже XX–XXI вв. в отечественном научном сообществе появился термин *«социалистическая модернизация»*, которая преследовала те же цели, что и модернизации начала XX в., имела догоняющий характер развития[57].

Лишь относительно недавно в отечественной историографии стала использоваться *концепция мобилизационной экономики*, хотя этот термин вошел в научный оборот из работ экономиста-кейнсианца С. Харриса в СССР еще в конце 1950-х годов.

---

[49] Теория и методология исторической науки. — С. 18, 22.
[50] Там же. — С. 22.
[51] Историография истории России. — С. 492.
[52] Теория и методология исторической науки. — С. 301.
[53] Там же. — С. 299.
[54] Там же. — С. 305.
[55] Там же. — С. 306.
[56] Там же. — С. 305.
[57] Историография истории России. — С. 493.

Эта концепция связана, как правило, с механизмом мобилизации экономики в годы войны[58]. В современной отечественной историографии она используется в паре с концепцией «догоняющего развития» первого поколения теорий модернизации. По проблеме мобилизационной экономики прошли две всероссийских конференции в Челябинске, в 2009 и 2012 гг. Их участники не нашли общего мнения относительно механизмов действия этой модели в разные периоды развития советского общества и актуальности этого опыта для современной экономической политики России[59].

Исследователи солидарны в оценке российской цивилизации как цивилизации мобилизационного типа. С.А. Красильников подчеркивает, что в рамках «мирового цивилизационного движения мобилизационный тренд не является исчерпывающим, всепоглощающим и безальтернативным»[60]. Следовательно, и современная Россия не обречена на повторение принудительной модернизации. Он сторонник точки зрения о кризисной природе сталинизма, когда «социальная мобилизация из „управляемого действия“ переходит в статус „перманентного состояния“ во взаимодействии власти и общества, становится имманентной, сущностной характеристикой тоталитарного режима, универсальным механизмом для решения стоявших перед ним задач любого уровня»[61].

В 1990-х годах в России произошел историографический прорыв в изучении проблем национальной и, в частности, депортационной политики советской власти. Приобрели актуальность теоретические подходы, разработанные в зарубежной исторической науке.

Особое внимание на решение национального вопроса в СССР обратили советологи еще в 1950-х годах. Р. Пайпс в работе «Образование Советского Союза» выдвинул тезис о том, что «в революции шла борьба коммунизма с национализмом, и победа большевиков была военной победой русских над подлинно национальными и сепаратистскими стремлениями нерусских»[62].

Гарвардские коллеги Пайпса «подписались под господствующей в то время теорией модернизации, согласно которой индустриализация и современная наука <…> в корне одинаково трансформировали традиционные общества, — такова тенденция поступиться „этнической“ или „племенной“ идентичностью в пользу общегражданской национальной идентичности»[63].

До середины 1970-х годов советологи были сосредоточены на проблемах «большой» политики и экономического роста, а исследования национальностей занимали периферийное место. В то же время «научные исследования советской национальной политики первых лет советской власти и конкретных национальностей подготовили почву для „сдвига парадигмы“ — от картины циничной манипуляции и подавления и уничтожения национальности путем русификации и модернизации в сторону диалектического нарратива о сохранении и изменении, которые как создавали нацию, так и разрушали ее»[64].

В 1980-х годах появился огромный поток литературы по проблемам национализма, и возобладало представление о нации как общественно-политической и идеологической конструкции, при создании которой национализм порождает нацию.

---

[58] *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизац. модель экономики: ист. опыт России XX века: Сб. материалов Всерос. науч. конф. — Челябинск, 2009. — С. 7–8.

[59] Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сб. материалов II Всерос. науч. конф. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск, 2012.

[60] Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920–1930-е гг.). — Новосибирск, 2013. — С. 19.

[61] Там же.

[62] Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. — М., 2011. — С. 9.

[63] Там же. — С. 10.

[64] Там же. — С. 8, 11.

С введением в научный оборот фактического материала после «архивной революции» 1990-х годов и принятием законодательных актов о реабилитации в России быстрыми темпами развивается отечественная историография по проблемам национальной политики. Наряду с примордиалистским подходом к изучению этносов, народов и наций начинают применяться и другие, в т. ч. признающие нацию идеологическим конструктом.

Следует отметить, что и в зарубежной, и в отечественной традиции преобладала позитивная трактовка национальной политики большевиков 1920-х годов, периода «карнавала национальностей» «с его стремлением расселить все этносы по своим „квартирам“, начиная от союзных республик и заканчивая национальными районами и сельсоветами, с его национальной „коренизацией“ административного аппарата в форме всевозможных „украинизаций“, „белорусизаций“, „татаризаций“ и т. д., с его национальной прессой, школой, театром и т. п.»[65].

Т. Мартин назвал СССР «*империей позитивной дискриминации*» (Affirmative Action Empire), которая целенаправленно способствовала развитию своих этносов и их культур. М. Мазовер воспринимает СССР как «наследника политики национально-культурной автономии империи Габсбургов»[66]. По мнению исследователей, на Ленина и Сталина произвел большое впечатление крах Австро-Венгерской империи. Поэтому они «вполне сознательно попытались создать антиимперское государство, или, по словам Мартина, „империю положительной деятельности“[67], что означало поддержку советским государством национальных территорий, языков, элит и идентичностей этнических групп.

В 2006 г. была защищена докторская диссертация В. Дённингхауса по проблеме западных национальных меньшинств в СССР, а в 2011 г. на ее основе выпущена монография[68]. В. Дённингхаус критически подходит к теории «позитивной дискриминации» Т. Мартина применительно к нэповской национальной политике и точке зрения М. Мазовера. Он полагает, что после революции в национальное строительство была заложена идея Ленина о строго централизованной иерархической советской федерации, где каждая национальность занимала свое место. Автор делает вывод: «Расцвет национальных культур никогда не являлся приоритетной целью советской национальной политики. Ее главной утилитарной задачей была советизация жизни многочисленных этносов, прежде всего — насаждение качественно нового „советского“ образа жизни и усвоение „советских“ ценностей»[69].

Исследователь считает, что власть не справилась с задачей советизации национальных меньшинств и к началу 1930-х годов пришла, в частности, к заключению о нелояльности «всего немецкого населения страны»[70]. Сталин проникся идеей существования «вражеских наций», а западные меньшинства идеально подходили на роль внутреннего врага. Автор пишет: «В обстановке постоянной подозрительности, шпиономании и активной подготовки к предстоящей войне западные национальные меньшинства были обречены на роль потенциальных „врагов советского строя, шпионов и вредителей“. Поэтому уже во время „большого террора“ социально-классовый статус отступил на второй план по сравнению с национальным, поправ провозглашенные большевиками лозунги пролетарского интернационализма и классовой солидарности»[71].

---

[65] *Дённингхаус В.* Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп // Сов. нации и нац. политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. — М., 2014. — С. 115–116.

[66] *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. — Ithaca, 2001; см.: *Дённингхаус В.* Советская национальная политика. — С. 115.

[67] Государство наций. — С. 14.

[68] *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). — М., 2011.

[69] *Дённингхаус В.* Советская национальная политика. — С. 125.

[70] Там же. — С. 642.

[71] *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата». — С. 645, 646.

Продуктивной теорией в изучении проблем национальной политики является *концепция «политики населения»*. Автор этой концепции П. Холквист показывает, как в Европе XIX в. государственные чиновники и прочие профессионалы начали подумывать о гражданском населении, состоящем из совокупности народов, которое можно было измерить и сосчитать, обеспечивая государству «научное вторжение», позволяющее формировать и «лепить» население. Развитие военной статистики в России и по всей Европе — центральный момент в появлении «политики населения». Он делает вывод, что «насилие, которое почти всем наблюдателям казалось преимущественно большевистским, следует рассматривать шире и видеть в нем продукт новых форм представлений об обществе и новых техник государственной интервенции» (имея в виду и практику депортаций в годы Второй мировой войны). Язык «большого террора» («изъятие», «антисоветские», «контрреволюционные» «социально-чуждые элементы») очень напоминал язык военной статистики. Холквист констатирует, что поскольку депортации конца 1930-х — 1940-х годов не затронули русских и государство теперь идентифицировало себя с коренной русской национальностью, «депортации воспринимались их жертвами как национальная репрессия, осуществленная имперской русской властью»[72].

Компаративный анализ отечественной и зарубежной историографии и методологии показывает, что в российской исторической науке в целом сохраняется значительное отставание в теоретико-методологической сфере. Определенная часть отечественных историков использует современные теории и концепции, развивают их на российском материале, применяет новейшие междисциплинарные методы исследований. Однако, на наш взгляд, им просто не хватает практического опыта в использовании новейших методологических средств. Невелик и срок преподавания методологических курсов в высшей школе, которые вошли в Государственный образовательный стандарт (ГОС) в 2000 г., а учебные пособия появились и того позже. Только сегодня становится возможным широкое участие отечественных гуманитариев в международных изданиях и базах цитирования.

Особенно заметно зафиксированное нами отставание в исследовании отдельных проблем советской истории, в частности, истории репрессий против российских немцев. Большинство историков, объединенных под эгидой МАИИКРН, например, базовым тезисом в своих работах избрали формулу «народ-жертва», опираясь на который, трактуют национальную политику большевиков как преимущественно антинемецкую уже с середины 1920-х годов. Другая их часть, опираясь на теорию «позитивной дискриминации» как основы развития национальной культуры 1920–1930-х годов, считает неким парадоксом нарушение Сталиным принципа интернационализма в годы «большого террора», до и после него. Примером ангажированности тезисом «народ-жертва» является перманентная дискуссия о геноциде советской власти немецкого народа[73]. Не отрицая определенной специфики репрессивной политики против немецкого народа, хочется подчеркнуть объективную опасность изолированности «немецкой» историографии от методологических достижений как отечественной, так и мировой исторической науки.

Во-первых, проблема репрессий против советских немцев должна быть более определенно вписана в историю всей национальной политики советской власти, в контекст истории развития общества и государственного строительства России.

Во-вторых, следуя возрожденной «концепции интеграции», более продуктивно изучать историю отдельных стран в контексте всеобщей истории. Повсеместная распро-

---

[72] Государство наций. — С. 21–23.

[73] О дискуссии см.: *Кириллов В.М.* Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация проблемы // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществен. движению. — М., 2015. — С. 368–376.

страненность авторитарно-тоталитарных государственных систем в Европе приводит нас к осознанию общих тенденций развития человеческих сообществ в XX в. Трудно и невозможно отрицать тот факт, что гитлеризм нанес неизмеримо больший ущерб немецкому народу в целом, чем даже сталинизм в эпоху его расцвета.

Принципиально важно, чтобы методологическая основа исследований, наряду с хорошо зарекомендовавшими себя теориями, концепциями, методами классического позитивизма, была расширена и качественно модернизирована в русле современной неклассической и постнеклассической методологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авторханов А.* Происхождение партократии. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. — 511 с.
2. *Авторханов А.* Технология власти. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. — 809 с.
3. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М.: ЦентрКом, 1996. — 672 с.
4. *Базаров А.* А. Кулак и Агрогулаг. — Челябинск: Южн.-Урал. книж. изд.-во, 1991. — 318 с.
5. *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма: В 2 кн. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1996–1997.
6. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. — 624 с.
7. *Бжезинский З., Фридрих К.* Тоталитарная диктатура и автократия. — М.: ИНИОН, 1993. — 415 с.
8. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40 и начале 50-х годов. Т. 3. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. — 465 с.
9. *Борисенко Е.А.* Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае. URL: http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Borisenko.htm (дата обращения: 15 февраля 2016 г.).
10. *Бугай Н.Ф.* Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия — И. Сталину // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 143–165.
11. *Бугай Н.Ф.* 20–50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечеств. история. — 1993. — № 4. — С. 175–185.
12. *Булгаков С.Н.* На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги // Из глубины: Сб. ст. о рус. революции. — М.: Астрель, 1990. — 119 с.
13. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: Изд-во «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991. — 624 с.
14. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: В 3 кн. — М.: МСНК-пресс, 2005. — Кн. 1: Учеб. пособие. — 546 с.; кн. 2: Хрестоматия. — 414 с.; кн. 3: Метод. материалы. — 240 с.
15. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — 376 с.
16. *Гудков Л.Д.* Амнезия или стерилизация больного прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Материалы междунар. науч. конф. С.-Петербург, 18–20 окт. 2012 г. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013. — С. 6–20.
17. Депортации народов СССР: (1930-е — 1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР / Сост. Милова О.Л.; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1992. — 353 с.
18. *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — 727 с.

19. *Дённингхаус В.* Исследования истории российских немцев: кризис и перспективы развития // Рос. немцы: 50 лет послевоенному обществен. движению: От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к соврем. системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 фев. 2015 г. / Сост., науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2015. — С. 348–354.
20. *Дённингхаус В.* Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп // Сов. нации и нац. политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф., Киев, 10–12 окт. 2013 г. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. — С. 115–116.
21. *Дударев А.В.* «Этапы большого дела историков». URL: http://www.memo.ru/2010/11/18/dudarev.htm (дата обращения: 16 февраля 2016 г.).
22. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М.: РОССПЭН, 2001. — 280 с.
23. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — 679 с.
24. Закон об архивном деле. URL: http://www. rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok. html (дата обращения: 15 января 2016 г.).
25. Звенья: Ист. альм. Вып. 1–2. — М.: Прогресс, Atheneum-Феникс, 1991–1992.
26. *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 26–41.
27. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социолог. исслед. — 1991. — № 10. — С. 3–21.
28. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 69–70.
29. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социолог. исслед. — 1991. — № 6. — С. 10–27; 1991. — № 7. — С. 3–17.
30. *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. — 1991. — № 5. — С. 151–155.
31. *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных. 1954–1960 гг. // Социолог. исслед. — 1991. — № 1. — С. 5–26.
32. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы // Социолог. исслед. — 1991. — № 11. — С. 5–27.
33. *Земсков В.Н.* Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социолог. исслед. — 1991. — № 2. — С. 79–81.
34. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социолог. исслед. — 1992. — № 2. — С. 3–26.
35. *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их судьба // Социолог. исслед. — 1995. — № 5–6. — С. 3–13.
36. Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 2 / Сост. Ю.И. Калиниченко и др. — Калуга: Б. и., 1994. — 455 с.
37. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1935 гг. Док. и материалы. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1991. — 296 с.
38. Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2014. — 552 с., 32 с. ил.
39. История КПСС. Т. 4. Кн. 2. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971. — 784 с.
40. История России. Теории изучения: В 2 кн. / Личман Б.В. и др. — Екатеринбург: СВ-96, 2001.
41. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 — первая половина 1950-х годов. Сб. док.: В 7 т. — М.: РОССПЭН, 2004–2007.
42. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Ист.-демограф. очерки. — Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. — 244 с.
43. Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х гг. / Сост. Цыганов А.М. — Петрозаводск: Б. и., 1992. — 334 с.

44. Как мы пишем историю? — М.: РОССПЭН, 2013. — 456 с.
45. *Камынин В.Д., Заболотский Е.Б.* Тема репрессий 20-х — начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы сов. власти. — Екатеринбург, 1994. — С. 41–44.
46. Карлаг в 40-х годах // Сов. архивы. — 1991. — № 6. — С. 30–46.
47. *Кириллов В.М.* Историография проблем репрессивной политики против российских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуал. проблемы и дискус. вопросы истории и историографии рос. немцев. — М.: МСНК-пресс, 2014. — С. 122–165.
48. *Кириллов В.М.* Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация проблемы // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществен. движению. — М.: МСНК-пресс, 2015. — С. 368–376.
49. Книга памяти ссылки калмыцкого народа / Ред. совет: К.Н. Максимов и др. — Элиста: Калмыц. книж. изд-во, 1993. — Т. 1. — 262 с.; Т. 2. — 238 с.
50. Книга Памяти. Посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917–1980-х гг. — Екатеринбург: Наука, 1994. — 335, [64] с., [16] л. ил.
51. *Конквест Р.* Большой террор. — Рига: Ракстниекс,1991. — 416 с.
52. *Кропачев С.* Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30–40-х гг. — Краснодар: Б. и., 1993. — 116 с.
53. *Лаппо Д.Д.* В красно-белом отсвете трагедии. Воронежская губерния. 1917–1920. — Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 1993. — 252 с.
54. *Марченко В.* Тренд численности населения 1926–1939. — Нью-Йорк, 1953. — № 35. — С. 15–20. (Сер.: Программа изучения СССР).
55. *Медведев Р.* К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. — New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1974. — 1136 с.
56. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. — Берлин: Ватага, 1924. — 209 с.
57. Мемориал-аспект: инф. бюл. Московского Мемориала. 1991.
58. *Михалков В.Ф.* Хроника Великого Джута: Док. повествование. — Алма-Ата: Интербук, 1990. — 205 с.
59. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сб. материалов II Всерос. науч. конф. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск: Энциклопедия, 2012. — 662 с.
60. Население России в XX веке: В 3 т. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2000. — 436 с.
61. Не предать забвению. Т. 1. — Ярославль: Верх.-Волж. книж. изд-во, 1993. — 430 с., ил.
62. *Пашков А.М.* Боль и память. — Южно-Сахалинск: АН СССР ДВО, Ин-т мор. геологии и геофизики; Сахалин. обл. краевед. музей, 1990. — 140 с.
63. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Нарком Ежов. — М.: РОССПЭН, 2007. — 447 с.
64. *Плотников И.Е.* Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечеств. история. — 1993. — № 4. — С. 159–167.
65. *Покровский И.А.* Перуново заклятье. — М.: Директ-Медиа, 2008. URL: http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7301 (дата обращения: 10 мая 2016 г.).
66. *Попов Г.Х.* С точки зрения экономиста // Знамя. — № 10, 11. — 1986. URL: http://modernlib.ru/books/popov_g/s_tochki_zreniya_ekonomista_o_romane_aleksandra_beka_novoe_naznachenie/read_1/ (дата обращения: 9 июля 2016 г.).
67. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. — М.: Политиздат, 1991. — 462 с., ил.
68. *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизац. модель экономики: ист. опыт России XX века: Сб. материалов Всерос. науч. конф., Челябинск, 28–29 нояб. 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — С. 7–15.

69. *Семенов Н.* Советский суд и карательная политика. — Мюнхен: Ин-т по изучению истории и культуры СССР, 1952. — 145 с.
70. *Славко Т.И.* Региональный банк данных: Урал XX в. // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». — № 13. — 1995. — М.: Мосгорархив, 1995. — С. 118–119.
71. Словарь историка / Отв. ред. Н. Оффенштадт. — М.: РОССПЭН, 2011. — 222 с.
72. Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). — М.: МФД, 2001–2004.
73. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Док. и материалы. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 1998–2003.
74. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. В 7 т. — Париж: YMCA press, 1973–1975.
75. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920–1930-е гг.): Коллектив. монограф. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. — 419 с.
76. Спецпереселенцы в Западной Сибири [1930–1938] / Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. — Новосибирск, 1992–1994.
77. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. / Сост О.В. Хлевнюк и др. — М.: АИРО-XX, 1995. — 339 с.
78. *Струве П.Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства. — Берлин: Слово, 1921. — 31 с.
79. *Султанбеков Б.С.* С грифом «Совершенно секретно». Драматические страницы истории Татарстана. — Казань: Б. и., 1993. — 47 с.
80. Тагильский краевед: альм. — Н. Тагил: Б. и., 1992. — 128 с.
81. Теория и методология исторической науки: Терминолог. слов. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
82. Тоталитаризм как исторический феномен. — М.: Философ. об-во СССР, 1989. — 396 с.
83. Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода. 1942–1945 / Публ. подг. Турова Е.П. // Отечеств. архивы. — 1992. — № 2. — С. 72–83.
84. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. — 432 с.
85. *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Ист. наука и образование на рубеже веков. — М.: Собрание, 2004. — С. 433–451.
86. *Широков А.М., Этлис М.М.* Советский период Северо-Востока России (Историография и нов. архив. данные). — Магадан: Междунар. пед. ун-т, 1993. — 23 с.
87. *Яковлев Б., Бурцов А.* Концентрационные лагери СССР. — Мюнхен: Ин-т по изучению истории и культуры СССР, 1955. — 224 с.
88. *Barton P.* L'institution concentrationnaire in Russia (1930–1957). — Paris, 1969. — 286 p.
89. *Borkenau F.* Socialism National or International. — London: G. Routledge & sons, ltd., 1942. — 172 p.
90. *Conquest R.* The Great Terror. — London: Oxford University Press, 1968. — 487 p.
91. *Conquest R.* The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. — London, 1970. — 320 p.
92. *Cranshow E.* Russia by Daylight. — London, 1951. — 520 p.
93. *Dallin D., Nicolaevsky B.* Forced Labor in Soviet Russia. — New Haven: Octagon Books, 1947. — 420 p.
94. GULAG: The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia. — New York, 1951. — 482 p.
95. *Heller M.* The World of Concentration Blips and Soviet Literature. — London, 1979. — 306 p.
96. *Jashy N.* Labor and Output in Soviet Camps // Journal of Political Economy. — 1951. — № 59, Oct. — P. 405–519.
97. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. — Ithaca: Cornell University Press, 2001. — 528 p.

98. *Medvedev R.* Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. — New York: Alfred A. Knopf, 1972. — 891 p.
99. *Nekrich A*. The Punished Peoples. — New York, 1978. — 202 p.
100. *Rousset D*. Police-State methods in the Soviet Union. — Boston, 1953. — 364 p.
101. *Wolfe B.D*. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. — Boston: Beacon Press, 1961. — XX, 328 p.
102. *Wolin S.B., Slusser R*. The Soviet Secret Police. — New York, 1957. — 342 p.
103. *Zorin L.* Soviet Prisons and Concentration Camps. An Annoted Bibliography 1917–1980. — Newtonville, Mass., 1980. — 280 p.

Probleme der Geschichte politischer Repressionen in der UdSSR: Geschichtsschreibung und Forschungsmethodologie

V.M. Kirillov

Die Aufgabe der Publikation besteht darin, die Haupttendenzen der Entwicklung und die historiographischen Probleme der politischen Repressalien zu analysieren. Ihr Ziel ist es, Wege der Überwindung der methodologischen Krise bei der Untersuchung der Geschichte der Russlanddeutschen zu finden. Im Beitrag werden historiographische und methodologische Methoden angewandt. Es werden sechs Perioden in der Entwicklung der Historiographie festgestellt. Der Verfasser kommt zum Schluss, dass zu den beliebtesten und „langlebigen“ theoretischen Modellen die Formations-, Zivilisations — und Modernisierungsansätze und in der Erforschung der Probleme der politischen Repressalien die Konzeptionen des Totalitarismus und der Modernisierung geworden sind. Verhältnismäßig neu ist die Konzeption der Mobilisationswirtschaft. Den Konzeptionen der „positiven Diskrimination“ und der „Bevölkerungspolitik“ wird Aufmerksamkeit geschenkt. Es zeigt sich, dass in der russischen und russisch-deutschen Historiographie eine methodologische Krise bemerkbar ist. Der Verfasser zeichnet die Möglichkeiten für deren Überwindung auf dem Wege der Erweiterung des Forschungsgebietes, der Orientierung auf die „Integrationskonzeption“ und der Erneuerung der methodologischen Mittel auf.

Schlüsselwörter: Historiographie, Methodologie, politische Repressalien, Formations-, Zivilisations-, Modernisierungsansatz, Revisionismus, Sozialgeschichte, Neostalinismus, Totalitarismus, Mobilisationswirtschaft, „positive Diskrimination“, „Bevölkerungspolitik“, Integration, „Opfervolk“.

Historiography and Methodology of studying the problems and the history of political repression in the USSR

V.M. Kirillov

The main aim of this article is publishing the results of the analysis of major trends and issues of historiography of political repression. The main aim of the study is to search for ways out of the crisis in methodological research of the history of Russian Germans. This paper uses the methods of historiography and methodology. There are six periods of the historiography in the period from the 1920-s up to the present that are revealed. The results show that the most popular and „long-lived“ theoretical models are formational, civilization, modernization approaches; concerning the study of political repression problems it was the concept of totalitarianism and modernization. Relatively recently the concept of mobilization economy was added to them. We also consider the concept of positive discrimination and „population policy“. The article also aims at studying the methodological crisis of Russian and Russian-German historiography. The options how to overcome it are outlined with a proposed solution of expanding the context of research, ensuring orientation to the „the concept of integration“, updating methodological tools.

Key words: historiography, methodology, political repression, formational, civilization, modernization approaches, revisionism, social history, Neo-Stalinism, the concept of totalitarianism, mobilization economy, „positive discrimination“, „population policy“, integration, „people-sacrifice“.

УДК 94(470)(112.2):930.25

Н.М. Маркдорф, А.А. Долголюк

Методика поиска архивной информации о судьбах российских немцев

В статье анализируются основные источники, комплексное использование которых дает возможность изучать историю российских немцев; раскрываются принципы организации работы граждан в российских архивах, а также основные этапы поиска исторической информации в этих учреждениях.

Ключевые слова: российские немцы, исторические источники, структура архивных фондов, методы и этапы поиска документов в архивах.

История государств, административно-территориальных образований, городов, отдельных народов и социальных групп занимает центральное место в научных исследованиях представителей различных гуманитарных наук. В немалой степени их интересуют и крупные государственные деятели, известные ученые, яркие представители культуры и искусства. Внимание ученых и краеведов обращено и на исследование судеб простых людей. Через наблюдение, изучение и описание большого количества «человеческих» историй отдельных личностей часто удается ощутить «дух времени», понять механизм развития многих процессов, взаимосвязь отдельных явлений в исторической динамике, появляется возможность более детально реконструировать события, имевшие место в прошлом.

Источниковедение как вспомогательная часть исторической науки обосновывает необходимость использования при изучении явления или события совокупности различных источников. При этом основное внимание уделяется архивным материалам, раскрывается методология их поиска. Эти идеи проводились в очень многих работах, в т. ч. и в публикациях таких авторов, как Н.Г. Георгиева, А.Г. Голиков, И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, Т.А. Круглова, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, Е.Н. Суслова, К.Б. Умбрашко, О.А. Харченко, Т.И. Хорхордина, вышедших в основном уже в постсоветское время[1].

В настоящей статье из огромного многообразия источников рассматриваются лишь те, которые позволяют всесторонне охарактеризовать жизнь российских немцев и их отдельных представителей в различные исторические периоды истории, в т. ч. и советской, нахождение немцев на спецпоселении в военные и послевоенные годы. Кроме того, поставлена задача осветить процесс поиска исторической информации и методику работы с архивными документами. Такая информация может оказаться полезной

[1] *Суслова Е.Н.* Поиск архивных документов. — Л., 1987; *Хорхордина Т.И.* История и архивы. — М., 1994; *Медушевская О.М.* Источниковедение: Теория. История. Метод / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. — М., 1996; *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. — М., 2000; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М., 2000; *Умбрашко К.Б.* Источниковедение отечественной истории: Учеб.-метод. пособие. — Новосибирск, 2006; *Харченко О.А.* Государственные и ведомственные архивы: Учеб. пособие. — Астрахань, 2012; *Толстова Н.Н.* Архивная эвристика: методические рекомендации: Учеб.-метод. пособие. — Н. Новгород, 2015; *Георгиева Н.Г.* Источниковедение: теоретические проблемы. — М., 2016.

© Н.М. МАРКДОРФ, А.А. ДОЛГОЛЮК. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 254–270.

для всех интересующихся судьбами своих родственников, знакомых, интересных людей, а также краеведов и историков.

Среди источников, отложившихся в архивах, содержится информация о судьбах отдельных людей, имеется как делопроизводственная документация, так и документы личного происхождения.

Первичные задокументированные сведения о человеке, как правило, свидетельствуют о дате и месте рождения, о его родителях. Со временем объем информации о каждой конкретной личности накапливается и находит отражение в официальных документах. С 1720 г. перечень признаков, по которым должна была выявляться и фиксироваться информация о конкретном человеке, родившемся и проживавшем в России, регулировался «Генеральным регламентом».

В соответствии с ним официальные записи актов гражданского состояния (рождений, браков и смертей) делались в *метрических книгах*. В Российской империи до 1917 г. они составлялись в церковных приходах представителями духовенства или особыми гражданскими чиновниками. Структура метрических книг на протяжении XVIII–XX вв. подчинялась строго установленной форме, она рассчитывалась на год и состояла из трех частей: а) «о рождающихся» (с указанием даты рождения и крещения, места жительства, сословной принадлежности, имени и фамилии матери и отца, а также пола новорожденного и данного ему имени, крестных родителей, а иногда и имени крестившего ребенка священника и места совершения обряда, например, в доме прихожанина или в церкви); б) «о бракосочетающихся» (в разделе указывались возраст вступления в брак, полные имена и отчества родителей, их место жительства, сословная и конфессиональная принадлежность); в) «о умирающих» (раздел содержал сведения о месте жительства умершего, его сословном положении, имени и фамилии, возрасте и причине смерти). Во всех разделах подводились итоги за год[2].

В зависимости от конфессиональной принадлежности объемы сведений, содержащихся в церковных книгах, могли несколько различаться между собой. Для изучения истории российских немцев и их отдельных представителей большое значение имеют «*Метрические книги записей лютеранской церкви*», «*Посемейные списки*». Они велись при приходских евангелическо-лютеранских церквях в российских городах и селах[3]. Все записи велись на немецком языке — официальном языке делопроизводства лютеранской церкви в России.

Существовали метрические «выписки», которые делались по требованию. Они были нужны, например, для оформления формулярного списка при поступлении на государственную службу, поэтому такие выписки могут храниться в личных делах государственных служащих. Документы подобного рода имеются во многих семейных архивах.

Ценность метрических книг для изучения судеб отдельных людей несомненна. Высокую оценку этому виду документации дает профессор Т. Н. Плохотнюк: «Информационный потенциал метрических книг позволяет расширить проблематику и пополнить своеобразную палитру исторического исследования, так как содержат информацию о браке и семье, естественном движении, воздействии демографических процессов на социальное, экономическое, политическое и культурное развитие и об обратном воздействии»[4].

---

[2] Документы и делопроизводство: Справ. пособие. — М., 1991.

[3] Например, в Томском государственном областном архиве (ГАТО) содержатся метрические книги, незначительное их число сохранилось и в архиве Новосибирской области (ГАНО). Большой корпус метрических книг хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

[4] *Плохотнюк Т. Н.* Метрические книги как источник по исследованию демографических процессов среди немецкого населения Ставрополья // Предметное поле новой локальной истории — источниковедческая методология ист. познания: опыт и перспективы взаимодействия. URL: www.newlocalhistory.com (дата обращения: 2 июня 2016 г.).

Более подробное описание метрических книг и справочных изданий о лютеранских приходах бывшей Российской империи проведено в статьях и справочных изданиях Е.Е Князевой и Г.Ф. Соловьевой[5], а также в их диссертациях, специально посвященных исследованию данных источников[6]. В справочниках, подготовленных этими авторами, дается представление о структуре приходов, подчинявшихся Санкт-Петербургскому консисториальному округу, перечисляются населенные пункты, входившие в приход, описывается материальная база того или иного прихода, приводится список служивших в нем пасторов. В целом издание позволяет исследователю сориентироваться в документах Российского государственного исторического архива (РГИА), материалах тех фондов, в которых отложились сведения по истории лютеранских приходов Российской империи (Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская консистория и др.).

Наряду с метрическими книгами и исповедными росписями, незаменимыми источниками для составления родословных являются *ревизские сказки.* Информация, полученная на основе исследования ревизий населения, — ценнейший источник как для воссоздания истории конкретных семей, так и истории Российского государства. Ревизские сказки отражали результаты проведенного учета податного населения империи в XVIII — первой половине XIX в. и проводились с целью подушного налогового обложения населения. Это были поименные списки, в которых указывались имя, отчество и фамилия (при ее наличии) владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. В ревизские сказки (кроме 1, 2 и 6 ревизий) включались лица мужского и женского пола, но в сводных таблицах женский пол никогда не фигурировал. В городах учетные документы составлялись представителями городского управления, в селениях государственных крестьян — старостами, в частных владениях — помещиками или их управляющими.

В промежутках между ревизиями полученные материалы уточнялись. Производилась запись наличия или отсутствия лица на момент текущего учета, причем в случае отсутствия указывалась причина (умер, в бегах, отселен, в солдатах и т. п.). Общим ревизиям подлежали и жители немецких колоний. Помимо этого все жители колоний строго фиксировались в период основания и в последующие годы. В списки колонистов, которые регулярно составляло Министерство государственных имуществ, включался перечень их имущества, т. к. это важно было при обложении налогами[7].

Средством административного, общегражданского учета населения городов Российской империи в XVIII — начале XX в. были *домовые книги*, которые составлялись частными приставами в городских полицейских частях. На каждое частное городское домовладение, доходный дом законом была предусмотрена отдельная прошнурован-

---

[5] *Князева Е.Е.* 1) Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев // Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. — М., 1998. — С. 63–72; 2) Лютеранские церкви и приходы на Украине XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 2. — СПб.: Литера, 2003; 3) Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказье и Средней Азии. XVII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 3. — СПб.: Литера, 2006; *Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф.* Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 1. — СПб.: Литера, 2001.

[6] *Князева Е.Е.* Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVII — нач. XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — СПб., 2005; *Соловьева Г.Ф.* Материалы Российского государственного исторического архива о лютеранских приходах Северо-Запада XVIII — нач. XX вв. как исторический источник: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — СПб., 2008.

[7] В ГАТО имеется фонд волостных правлений, содержащий несколько десятков единиц хранения, в котором немало исторических документов, характеризующих формы налогообложения, в т. ч. решения сельских сходов, касающихся выплаты налогов. В ГАНО также представлен фонд Д-78 «Волостные правления Томской губернии с 1785 по 1920 гг.», в котором имеются немногочисленные ревизские сказки.

ная книга. Она содержала следующие сведения: откуда и когда прибыл регистрируемый человек, его полное имя, фамилия, сословие, семейное положение, возраст, конфессиональная принадлежность (вероисповедание). Также указывались сведения о месте и дате выдачи вида на жительство, род занятий (или у кого на иждивении находится), номер квартиры, паспортные данные, дата регистрации и, в дальнейшем, дата убытия (указывалось, куда именно выехал человек). По информативности дореволюционные домовые книги — это ценный исторический, демографический, генеалогический материал.

В годы советской власти в домовых книгах, являвшихся обязательным атрибутом регистрации граждан по месту прописки и жительства, как правило, фиксировались аналогичные, как и до 1917 г., данные, за исключением графы «вероисповедование», которую сменил раздел «национальность». С 1920-х годов в домовые книги вносились следующие сведения: полное имя, год и место рождения, место работы, должность, семейное положение, размер занимаемых комнат, отношение к воинской обязанности и членство в профсоюзе. Эти сведения представляют собой ценнейший источник по истории повседневности, позволяют исследователям получить уникальный материал по истории, бытовым условиям региона, демографии, национальной принадлежности населения. Зная адрес местожительства того или иного лица, возможно проследить его перемещения по стране. Данные о проживании жильцов в определенный период вносились в *Книги регистрации паспортов (рассыльные книги)*.

Частично домовые книги сохранились в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, а также во многих региональных архивах. Так, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) сохранилась коллекция домовых книг (ф. 1026, 1846–1923 гг.). Домовые книги Ленинграда за 1917–1932 гг. имеются в Центральном государственной архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), это документы жилищно-арендных кооперативных товариществ (ЖАКТ).

К справочным архивным документам примыкают *опубликованные ежегодные издания*: адрес-календари, памятные книжки, алфавитные списки жителей, телефонные справочники.

«Адрес-календари» Российской империи[8], издававшиеся с 1765 по 1917 г., содержали информацию о государственном аппарате, списки чиновников различных ведомств, сведения о которых собирались независимо от других форм учета чиновничества. Этот источник важен и для изучения истории российских немцев, поскольку их представители с давних пор составляли немалую часть государственных служащих. Некоторые немцы входили в состав правительств, возглавляли центральные и местные учреждения.

С середины XIX в. в губерниях и губернских городах стали издаваться *памятные книжки, адресные и справочные книги*[9]. В них публиковались кроме сведений о чиновниках губернии данные о географическом положении губернии, разнообразные статистические сведения о промышленных предприятиях, землевладении и т. д. Так, например, «Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год», изданная Саратовским губернским статистическим комитетом, содержала справочную информацию о губернских и уездных учреждениях. В заключительном разделе издания приводится указатель адресов и алфавитный перечень фамилий, помещенных в книжке. В отдельные

[8] Адрес-календари издавались под разными названиями, в т. ч. и как «Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи». Последнее название — «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи». Коллекция оцифрованных общероссийских адрес-календарей представлена на сайте Государственной публичной исторической библиотеки. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/9504 (дата обращения: 12 октября 2015 г.).

[9] В электронных ресурсах Российской национальной библиотеки представлена обширная коллекция памятных книг губерний Российской империи, а также справочники «Весь Петербург» за 1894–1917 гг.

годы к памятным книжкам издавались отдельные приложения — «Статистические материалы, составленные из ведомостей однодневного исчисления жителей».

Широкой известностью пользуются справочные издания «Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва»[10]. Эти объемные публикации имеют оглавления, которые существенно упрощают работу с книгами. В качестве характеристики издания указывалось, что «Вся Москва» дает сведения о личном составе правительственных, общественных и частных учреждений г. Москвы; список фабрик и заводов города, а также пофамильные списки купцов, ремесленников и торговых фирм; распределение по производствам и предметам торговли; алфавитный список жителей Москвы с их адресами; список практикующих в Москве врачей, акушеров, массажистов и массажисток; присяжных поверенных и их помощников, присяжных стряпчих, частных поверенных, архитекторов и художников; список домов и домовладельцев по улицам, с указанием, какому мировому и полицейскому участку дом принадлежит, и обозначением полицейских и городских (крепостных №№ домов. Сверх сего в книге помещены: «Железные дороги», «Список телеграфных, почтово-телеграфных и почтовых учреждений Российской империи» и «Городские электрические трамваи»[11]. В приложении был приведен план Москвы.

Выпуск адрес-календарей по отдельным городам и областям продолжался в первые годы советской власти, но не с такой регулярностью, как это было до революции. Так, например, в 1923–1937 гг. Госиздатом и другими московскими издательствами печаталась «Вся Москва». В справочник включались сведения о центральных правительственных и партийных учреждениях, советских учреждениях Москвы и Московской области, профсоюзах, обществах, культурно-просветительских организациях, учебных заведениях, театрах, музеях, библиотеках, а также данные о промышленности, торговле, городском транспорте. До 1930 г. (включительно) существовал отдел «Адреса и телефоны лиц, упомянутых в справочнике». Для удобства пользования помещались оглавления, которые существенно упрощают работу с книгами. В конце каждой части публиковались «Алфавитные указатели фамилий»[12].

Историкам-краеведам памятные книжки и адрес-календари могут помочь уточнить род занятий представителей дворянского, мещанского и купеческого сословий того или иного уезда, место их жительства. Для потомков петербургских колоний важным источником подобного рода могут служить справочники «Весь Петербург». Поскольку такие колонии, как Новосаратовская, Новоалександровская, Фарфоровая и другие, были пригородами столицы, то данные об их жителях включались в общий алфавит жителей города.

В советский период количество делопроизводственных документов значительно увеличивается. В них находит отражение деятельность как государства, так и общества. Действующие в СССР нормативные правовые акты представляли собой единую целостную систему, характерной чертой которой было ее иерархическое строение. В соответствии с ней каждый акт занимал определенную ступень в зависимости от своей юридической силы. Данный принцип предопределил классификацию нормативных правовых документов по порядку принятия и юридической силе, субъектам, их издающим, видам, предмету регулирования, действию актов во времени и в пространстве.

В 1918 г. после принятия «Кодекса законов об актах гражданского состояния» ведение метрических книг прекратилось, они были заменены *на актовые (или реестровые) книги в органах ЗАГСа*. Сами книги первоначально хранились в этих заведениях, а впоследствии были переданы в региональные архивы. Эти документы важны для демографов, а также для получения информации о конкретном человеке. В них фиксировались сведения о рождении и смерти человека, о его состоянии в браке, смене фамилии.

---

[10] Например: Вся Москва на 1915 год. Адресная и справочная книга гор. Москвы (XXII год издания). — М.: Изд. Т-ва А. С. Суворова «Новое время», 1915. — 1667 с.

[11] Вся Москва на 1915 год. — С. 27.

[12] *Воробьев Г. Г.* Документ. Информационный анализ. — М., 1973.

На каждого гражданина, вступившего в трудовую жизнь, на государственном предприятии или в учреждении заводились *личные учетные карточки* рабочих и служащих. Такая учетная документация важна для изучения биографии каждого отдельного человека. В них заносились сведения о поле и возрасте, месте рождения, национальности, социальном положении до поступления на работу, месте прежней работы в отраслевом и территориальном разрезах, указывалось образование, форма приема на предприятие, общий стаж работы, разряд. При этом все текущие изменения по некоторым из этих признаков фиксировались в карточках.

На практике личные учетные карточки чаще использовались для изучения истории формирования и развития отдельных трудовых коллективов, динамики изменения их состава, выявления взаимосвязи и взаимозависимости различных признаков. Главными достоинствами данного источника являлись его непрерывное воспроизводство на одной и той же структурной основе, что обеспечивало сопоставимость показателей учетных карточек, относящихся к разным историческим периодам. Содержащиеся в нем сведения отличались объективной достоверностью данных, поскольку их истинность кадровые служащие могли легко установить совокупностью документов, представленных работником. Личные учетные карточки работников действующих предприятий можно обнаружить в существующих при них архивах, а тех, которые прекратили свое существование — в местных государственных архивах.

Для реконструкции биографии ученых, преподавателей вузов немецкого происхождения несомненную пользу принесут справочные издания 1920–1930-х годов, предпринятые Комитетом учета научных работников и научных сил Академии наук (КУИНС, 1916–1934)[13]. Это ежегодные справочники *«Наука в России»,* «Наука и научные работники СССР». Первичные документы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 155), фонд содержит анкетные сведения о более чем 120 тыс. ученых, фотографии и другие сведения.

В группу документов официального происхождения могут быть включены *документы партийного учета* Коммунистической партии Советского Союза (личные дела, учетные карточки, регистрационный бланк члена КПСС, партийные билеты). Из них можно извлечь информацию, прежде всего с целью составления или уточнения разного рода данных об исторических деятелях, местных руководителях советского периода. Среди партийных руководителей было немало и немцев, особенно в довоенные годы, а также в 1960–1980-е годы, особенно среди руководителей промышленных предприятий, строек, совхозов и колхозов. В «карточки» заносилась такая информация: год и место рождения, сведения об образовании, послужной список, включая все этапы трудовой биографии, службу в рядах Советской (Красной) Армии, род занятий (профессия) коммуниста, его награды. Составлялась карточка первичной партийной организацией по месту работы члена партии, например, парткомом завода или фабрики. Кроме того, составлялась карточка учета члена КПСС, которая хранилась в районном комитете. Она включала 24 пункта на двух страницах. В карточке указывался номер партбилета, вехи трудового пути коммуниста, сведения о его наградах и иные данные, в том числе партийные взыскания или наказания. В настоящее время этот массив документальных материалов включен в фонды бывших обкомов (крайкомов), горкомов и райкомов партии. Документы хранятся в федеральных и областных, городских[14] архивах

[13] *Соболев В.С.* Из истории социологии науки в Российской академии наук в 1920-е годы // Социология науки и технологий. — 2011. — Т. 2. № 1. — С. 9–24.

[14] Например, Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) имеет следующие фонды, в которых есть сведения о российских немцах, а также документы партийных организаций: фонд Сибревкома (Р-1), фонд Исполкома Новосибирской области (Р-1020), фонд Исполкома Западносибирского краевого Совета депутатов (Р-47) и другие. Фонды бывших партийных архивов в основном включены в состав областных и краевых государственных архивов.

социально-политической истории и в центрах новейшей истории, в частности, в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)[15].

Для изучения истории российских немцев огромную ценность представляют *документы, связанные с различными видами репрессий*, охватывающие в основном 1940–1950-е годы. Среди них следует, прежде всего, обратить внимание на документы, связанные с уголовными репрессиями (архивно-следственные, надзорные дела, арестные списки, протоколы заседаний внесудебных органов, акты о расстрелах); на источники, связанные с отбыванием срока заключения в лагерях и тюрьмах (дела заключенных, картотеки, списки), с проверочно-фильтрационными процедурами, которым подвергались военнопленные и лица, вернувшиеся с принудительных работ в Германии после Второй мировой войны (фильтрационные дела, картотеки, списки). Но, пожалуй, самой массовой группой документов подобного характера стали те, которые связаны с административными выселениями, депортациями, принудительными мобилизациями, преследованием членов семей репрессированных, со спецпоселением (личные дела, картотеки, списки)[16].

Обширный пласт документов, хранящихся в информационных центрах областных (краевых, республиканских) управлений внутренних дел Российской Федерации, к настоящему времени до конца не изучен. Допуск исследователей к этим делам был через относительно короткое время почти полностью прекращен.

Личные дела на немцев-выселенцев (спецпоселенцев) оформлялись и велись городскими и районными отделами (отделениями) НКВД-МВД и ОСП МВД-УМВД и непосредственно подчиненными им комендатурами. Как правило, в личное дело спецпоселенца включались: справка об основании к выселению и содержании на спецпоселении (на типовом бланке); анкета с фотографией; типовые расписки об объявлении спецпоселенцу постановления СНК СССР за № 35 от 8 января 1945 г. и уголовной ответственности в случае побега; выписка из постановления Особого совещания МВД или МГБ СССР о выселении; постановления органов МГБ или МВД, санкционированные прокуратурой; «приговоры» и протоколы собраний колхозников; проверочно-фильтрационные материалы направленных на поселение; постановления о наложенных взысканиях, штрафах и арестах; справки по агентурным донесениям и иные компрометирующие материалы; заявления спецпоселенца о произошедших изменениях в составе семьи (рождение, смерть, брак и др.) и ходатайства на изменение места жительства; материалы о привлечении к уголовной ответственности (копии обвинительного заключения, приговора или выписки решения Особого совещания) и справка о местонахождении заключения (ИТЛ, ИТК). Изъятые документы (паспорта, свидетельства о браке, рождении) приобщались к личным делам[17]. Редкий документ, имевшийся не во всех личных делах, — *удостоверение спецпоселенца*. На титульном листе личного дела кроме фамилии, имени, отчества в обязательном порядке указывалась категория («окраска») спецпоселенца[18].

Эти персонифицированные источники представляют широкие возможности для изучения различных категорий перемещенного населения. Данные материалы, нахо-

---

[15] Развитие советского документоведения (1917–1987). — М., 1983.

[16] *Кириллов В.М., Хвостенко В.И.* Проект «Возвращенные имена»: разработка унифицированной программы ввода информации в локальные базы данных // Красноярский мемориал. URL: http://www.memorial.krsk.ru/ (дата обращения: 31 мая 2016 г.).

[17] ИЦ ГУВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14 308.

[18] *Герман А.А.* Документы ГКО СССР и НКВД о репатриации советских граждан // К 65-летию Великой Победы: взгляд из XXI века: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.М. Маркдорф. — Новокузнецк, 2010. — С. 56–63; *Маркдорф Н.М.* Специфика персонального фильтрационно-учетного делопроизводства на немцев в Кузбассе // Два с половиной века с Россией: актуал. проблемы и дискус. вопросы истории и историографии рос. немцев. — М., 2014. — С. 481–488.

дившиеся на хранении в областных управлениях ФСБ РФ, были частично переданы в 1990-е годы в виде особых фильтрационных фондов в региональные государственные архивы, а в ряде случаев — в государственные архивы административных органов. Значительный массив личных дел немцев-спецпоселенцев также содержится в региональных архивах МВД (региональных информационных центрах ГУВД). Часть дел была передана по окончании режима спецпоселения в 1950-х годах по месту жительства граждан или сосредоточена в архивах ФСБ.

Разбросанность материалов по архивам Российской Федерации создает для исследователей определенные трудности в сборе необходимой информации по региональной истории, усложняет подсчет количественных данных о численности контингента и его различных категорий. Несмотря на то, что большинство этих документов рассекречено, т. к. делопроизводство по ним прекращено, исследователям приходится сталкиваться с ограничениями в доступе и использовании. Доступ исследователей к прекращенным личным делам осуществляется на основании приказа МВД, ФСБ и Министерства культуры и массовых коммуникаций за № 375/584/352 от 25 июля 2006 г. Более доступными для историков и краеведов они станут лишь после окончания установленного законом времени.

Для изучения судеб отдельных представителей немецкого населения очень важны *документы личного происхождения*. Их ценность и уникальность для истории определяется содержанием. Так, личная корреспонденция (в т. ч. открытки, а порою даже коротенькие записки) и поденные записи в дневниках зачастую становятся замечательным источником генеалогической и биографической информации, а источники личного происхождения, составляемые на основе личных впечатлений, являются подлинными документами, зафиксировавшими мнение конкретных очевидцев и участников исторических событий.

К источникам личного происхождения могут относиться мемуары, дневники, письма. На этих документах лежит эмоциональный отпечаток общественно-политической атмосферы изучаемой эпохи или времени. Мемуары обычно создаются спустя длительный промежуток времени и содержат ретроспективный взгляд на излагаемые события. Они представляют собой жизнеописание автора, его рассказ об отдельном событии или лице.

На содержание, стиль и форму изложения, акцентирование на описываемых фактах и событиях, их репрезентативность оказывают большое влияние наблюдательность автора, его настроение, моральные и этические установки и, в конечном счете, мировоззрение в целом[19]. Ценность этого вида источников состоит в том, что в текстах зачастую находят отражение мельчайшие детали и нюансы, ускользающие от внимания «большой истории». Воспроизводя наиболее важные с его точки зрения стороны действительности, мемуарист стремится определить свое место в происшедшем, дать ему оценку. Это делает мемуары необходимым источником при исследовании психологических и бытовых аспектов развития общества и отдельной личности при определении взаимосвязи между событиями прошлого, при расшифровке неполных, неточных или намеренно искаженных сведений других источников. Воспоминания и дневники объединяют одним термином — записки.

В дневниках, регулярных (зачастую поденных) записях впечатлений, наблюдений и мыслей авторы фиксируют наиболее значимые факты из своей жизни и из жизни своих близких, события, происходившие в обществе в этот период. Дневник передает настроение и эмоции, отражает мировосприятие своего хозяина, запечатлевает определенные детали своего времени. Содержание дневниковых записей самым непосредственным образом зависит от рода занятий и круга интересов их владельца.

[19] *Шаталов Д.Н.* Источники личного происхождения: методика изучения и публикации: Учеб. пособие. — Екатеринбург, 2006.

Ценность этого вида источника состоит в том, что эти записи помогают восстановить родословную семьи, поскольку человек, ведущий дневник, записывал в него и дни рождения своих детей, даты бракосочетаний многочисленной родни, а иногда и даты смерти представителей старших поколений. Интерес к мемуарам и дневникам у историков отмечался в годы советской власти. Он сохранился до настоящего времени.

Письменный обмен впечатлениями и мыслями о значимых событиях своей и общественной жизни содержит переписка. В отличие от дневников, письма, телеграммы, почтовые карточки и открытки до недавнего времени были привычным предметом практически в каждом доме. Здесь и пространные заметки, и поздравления с праздниками, и многое другое. А у кого-то до сих пор хранятся и пожелтевшие от времени треугольники корреспонденции военного времени.

В почтовых отправлениях можно найти много ценнейшей информации генеалогического и биографического характера (о рождении новых членов семьи, о смерти престарелых родственников, о браке, переезде в другой город, новой работе), что может послужить источником для составления родословной. В частной переписке для современного исследователя-краеведа есть действительно много уникальной, единственной в своем роде информации, поэтому следует хранить и внимательно изучать всю переписку, которую оставили для нас представители предыдущих поколений, поскольку это дополнительный ресурс весьма ценной информации по истории семьи, рода, национальной истории и культуре. На сегодняшний день почтовая корреспонденция утратила свое значение, т. к. была заменена электронной перепиской. Поэтому не в каждом семейном архиве на сегодняшний день эти источники присутствуют, что только увеличивает их ценность как памятника прошедших эпох.

Визуальные источники (кино-фото-изобразительные материалы: семейные фотографии; фильмы, фотоальбомы) представляют собой социально-культурный феномен, уникальный по своему характеру источник, являющийся свидетельством прошлого, ярко характеризующий повседневность. Посредством этих визуальных свидетельств, своеобразных «писем» из прошлого происходит обращение к «малым жизненным мирам» отдельного человека, семьи или группы людей с их повседневными интересами и занятиями, мыслями и чувствами. В визуальном источнике могут быть интересны такие детали, как жесты, взгляды, выражение лица, поза и т. д., позволяющие ближе познакомиться с исторической реальностью. Так же как и любой другой изобразительный источник, фотографии — это не прямое отражение реального события, а его интерпретация автором.

Например, *фотографии* — это не только следы деятельности человека (визуальный образ, документ), воспринимаемые им и подлежащие анализу, но и характер видения, сформированный новым визуальным опытом, то есть тем, как человек воспринимает мир и свое место в нем. Можно обозначить и практическую значимость такого рода документов, как ценного источника для истории семьи, создания семейного архива, позволяющих получить новые биографические сведения.

Источники личного происхождения несут на себе ярко выраженную функцию социокультурного общения (переписка, мемуары), сохранения и передачи социокорпоративных и семейных ценностей последующим поколениям (мемуары и дневники). Мемуарная литература, дневники и переписка являются очень ценным и в то же время сложным источником по характеру восприятия и отражения действительности их авторами.

Для изучения жизни и деятельности отдельных представителей российских немцев немалое значение имеют и *социологические источники*: материалы опросов, анкет, публицистика. Они позволяют получить от человека такие сведения, которых не найдешь ни в каком государственном или личном архиве. Исследователь сам формирует план опроса, который может быть уточнен в процессе беседы или интервьюирования. Его может интересовать все: история быта (влияние различных факторов на повседневный быт людей) и взаимоотношений с представителями иных этнических групп,

людей различного социального статуса, история личных переживаний и межличностных отношений, поведение людей в специфических социально-политических, экономических условиях. Повседневные поведенческие нормы — нечто большее, чем обычное описание обыденности, т. к. они помогают понять суть региональных исторических процессов, осознать тесную взаимосвязь частной жизни людей с их ментальным складом, позволяют более детально реконструировать картины прошлого. Нет сомнений, что микроисторическое наблюдение может изменять традиционный взгляд на историческое целое, а исторические реконструкции и интерпретации дают качественное расширение возможностей исторического познания.

Для любого человека, заинтересованного в поиске сведений о конкретных людях, либо об историческом событии, конечно же, очень важно знать об источниках этой информации. Однако этого бывает недостаточно для того, чтобы найти нужные документы. Поиск исторической информации — важный, а зачастую долговременный процесс, затрудненный неумением или незнанием методики работы как в самом архиве, так и с архивными документами. С такими проблемами приходится сталкиваться многим, не имеющим специального исторического образования, в т. ч. и части краеведов. В то же время работники музеев, другие заинтересованные лица часто вынуждены обращаться к архивным документам, когда необходимо восполнить знания о каком-либо историческом процессе или явлении, найти сведения о своих родственниках, получить данные о великих людях, внесших вклад в историю своего края, региона. Умение работать с архивными справочниками и другим научно-справочным архивным аппаратом, непосредственно с самими архивными документами, критически оценивать полученную информацию и использовать ее в своей работе играет важную роль для любого исследователя.

Огромная масса документов, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое или культурное значение, хранится в различных архивах. Документы отражают материальную и духовную жизнь многочисленных народов нашей страны. В совокупности они составляют Архивный фонд Российской Федерации. В его состав входят архивные фонды и архивные документы независимо от источника их образования и вида носителя, места хранения и формы собственности.

Отнесение документов к составу Архивного Фонда РФ производится на основании экспертизы их ценности в порядке, устанавливаемом Государственной архивной службой России. Его государственную часть составляют архивные фонды и архивные документы, являющиеся федеральной собственностью, а также собственностью республик в составе России, краев, областей, автономных областей и округов, Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальной собственностью. Негосударственную часть Архивного фонда составляют архивные фонды и архивные документы, находящиеся в собственности общественных объединений и организаций, а также с момента отделения церкви от государства в собственности религиозных объединений и организаций, действующих на территории РФ, или в частной собственности и представляющие собой историческую, научную, социальную, экономическую, политическую или культурную ценность[20].

В России существуют различные виды архивов. В первую очередь, это государственный (федеральный) архив, являющийся федеральным государственным учреждением или государственным учреждением субъекта Российской Федерации, и муниципальный архив — структурное подразделение органа местного самоуправления муниципального района, городского округа или муниципальное учреждение, создаваемое муниципальным районом, городским округом. Они осуществляют хранение, комплектование, учет и использование документов Архивного фонда Российской Федерации, а также других архивных документов[21]. Ведомственный архив, находящийся в непосредственном подчинении ведомства, хранящий до передачи в госархив

[20] Федеральный закон «Об Архивном деле в Российской Федерации». № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г.
[21] Там же.

ведомственные архивные документы. Кроме того, подобные архивы регионального уровня объединяют архивы республиканских министерств, архивы документов по личному составу, архивы информационных центров областей и краев России.

Как федеральные, так и региональные архивы решают задачи комплектования (поиск, сбор, пополнение, систематизация), учета, обеспечения сохранности, проведения экспертизы ценности и создания справочного аппарата документов, каталогов фондов и описей (в том числе и электронных), публикации архивных коллекций из архивных фондов. Одной из важнейших функций архива является организация использования документов и доступа к работе с ними исследователей.

Для выполнения поисковых задач в архивах необходимо: знание структуры современного Архивного фонда РФ, умение организовать поисковую работу в архивах Российской Федерации, ориентироваться в системе учетного и справочного аппарата федеральных, региональных и ведомственных архивов. Таким образом, всем, кто работает в архиве, необходимо знание методики поиска информации.

В архивах Российской Федерации все документы фондируются, т. е. объединяются в фонды. Архивный фонд представляет собой совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой. Каждый фонд подразделяется на описи, которые представляют собой архивный справочник, содержащий систематизированный перечень единиц хранения архивного фонда, коллекций и предназначенный для их учета и раскрытия содержания. Описи составляются отдельно на дела постоянного хранения; дела временного (свыше 10 лет) хранения; дела по личному составу; дела, состоящие из документов, характерных только для данной организации (судебные, следственные дела, научные отчеты по темам). Выдаются описи пользователям специалистами читального зала, либо они имеются в сканированном виде на сайтах архивов (например, в РГИА). Опись состоит из описательных статей, итоговой записи, листа-заверителя и справочного аппарата. Описательная статья включает в себя: порядковый номер, делопроизводственный индекс дела в организации, в которой дело было сформировано, заголовок дела, крайние даты, количество листов в деле. На обложке описи проставляются: полное название архивного учреждения; полное название учреждения-фондообразователя, сдавшего документы; номер фонда; номер описи; крайние даты документов, входящих в опись.

Наименьшей классификационной единицей в пределах архивного фонда является единица хранения (дело), т. е. совокупность документов, относящихся к определенному типу. Объем единицы хранения варьируется от одного листа до нескольких сотен. В «дела» документы объединяются на основании следующих признаков (заведения дела): номинальный признак (все документы в деле — одного вида), предметный признак (все документы в деле касаются одного вопроса); авторский (автором всех документов является одно лицо или учреждение), корреспондентский признак (все документы дела адресованы одному лицу или учреждению), географический признак (документы сгруппированы по единству территории, с которой связаны авторы, корреспонденты или содержание документов), хронологический признак (документы сгруппированы по периоду времени, к которому относятся). Чаще всего дела заводятся по нескольким признакам, комплексно[22].

Система научно-справочного аппарата к документам архива включает комплекс взаимосвязанных архивных справочников и автоматизированных информационно-поисковых систем о составе и содержании документов, создаваемый на единых научно-методических основах для поиска архивных документов и архивной информации в целях их эффективного использования. Архивные справочники предназначены для поиска информации об архивных фондах и архивных документах. Архивные справочники могут

[22] *Малышева С. Ю.* Указ. соч. — С. 11.

быть обязательными (опись, каталог) и дополнительными (указатели, обзоры). Основой научно-справочного аппарата является архивная опись документов. Архивные справочники подразделяются на учетно-контрольные и информационно-поисковые[23].

Основные этапы поиска документов в архиве состоят в следующем. Прежде всего, необходимо определиться, в каком архиве, музее, библиотеке может содержаться интересующая исследователя информация. Затем в архиве устанавливаются или уточняются названия, номера фондов, коллекций, описей, в которых отложились нужные документы. Сделать это позволяют справочники и путеводители по фондам и описям. Поиск на уровне фонда потребует установления номера единицы хранения (дела). Если к данному фонду составлено несколько описей, то следует установить, какая именно опись, часть или том описи нужны, определить номер и название описи, а затем отобрать необходимые дела. В заполняемом исследователем требовании на выдачу дел обязательно должен быть проставлен архивный шифр. Выдача дел производится в читальном зале. Если необходимо разыскивать какой-либо документ в делопроизводстве организации, для этого используются регистрационно-контрольные картотеки или журналы, номенклатуры дел (или заменяющие их автоматизированные системы делопроизводства), классификаторы вопросов деятельности учреждения.

Доступ исследователей к архивным документам — это возможность работать с архивными документами, предоставляемая законодательством Российской Федерации. Доступ к документам Архивного фонда Российской Федерации предусмотрен нормативно-законодательными актами РФ, в основу которых положены правовые нормы Конституции РФ, где предусмотрено право граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (Конституция РФ, ст. 29).

Федеральный закон «Об Архивном деле в Российской Федерации» (№ 125-ФЗ от 22 октября 2004 г.)[24] предусматривает принцип свободного доступа к документам любого юридического и физического лица. При работе с делами, архивными документами пользователи несут ответственность за их сохранность.

Основные принципы организации работы в архивах российских граждан и иностранцев были изложены в Положении об Архивном фонде РФ[25] и в Положении о Федеральной архивной службе России[26]. Доступ к архивным документам обеспечивается путем предоставления пользователю архивных документов, справочно-поисковых средств (информации об этих средствах, в т. ч. в форме электронного документа), подлинников и (или) копий необходимых ему документов (в т. ч. в форме электронных документов). Если речь идет о частном архиве, то условия доступа к документам определяет сам архив, но в соответствии с федеральным законодательством.

В настоящее время доступ граждан к большинству архивных источников является свободным, кроме тех случаев, когда документы отнесены к категории секретных[27]. Это могут быть особо ценные документы или уникальные подлинники, либо находящиеся

---

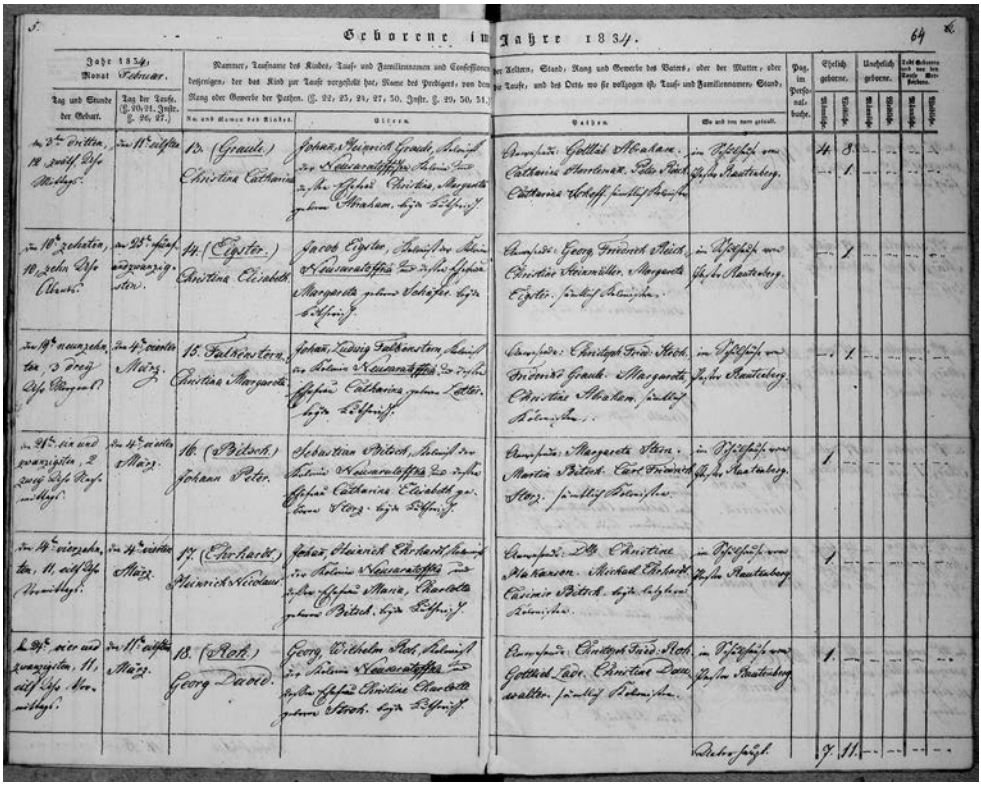
[23] *Тельчаров А.Д.* Архивоведение. Конспект лекций. — 2004. URL: http: // knigi.link/bibliotekovedenie–delo–bibliotechnoe/arhivovedenie–konspekt–lektsiy.html (дата обращения: 13 октября 2015 г.).

[24] В редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. за № 227-ФЗ.

[25] Утверждено Указом Президента РФ от 17 марта 1994 г. № 552, изложено в редакции от 1 декабря 1998 г.

[26] Утверждено Указом Президента РФ от 28 декабря 1998 г. № 1562, изложено в редакции от 22 июля 2003 г.

[27] Ограничения в доступе к документам производятся на основании: Федерального закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485–1 (в редакции от 30 июня 2003 г.); Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (в редакции от 10 января 2003 г.); Временного положения «О порядке доступа к архивным документам и правилам их использования», утвержденного решением Коллегии комитета по делам архивов при Правительстве РФ от 29 мая 1992 г., а также Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденного Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ от 25 июля 2006 г. за № 375/584/352.



Страница церковной книги Новосаратовского прихода за 1834 г.

в плохой сохранности. Также доступ ограничивается и к архивным документам независимо от их форм собственности, содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну. Ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов. С письменного разрешения гражданина, а после его смерти с письменного разрешения его наследников ограничение на доступ к архивным документам может быть снято.

Новое Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, было утверждено в 2006 г. Над ним работали и утвердили совместным приказом три ведомства: Министерство культуры и массовых коммуникаций, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности. Действие настоящего положения распространяется: на прекращенные уголовные и административные дела в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, и реабилитированных лиц (в т. ч. материалы кассационного, надзорного и реабилитационного производств, если таковые приложены к делам); на групповые уголовные дела; на фильтрационно-проверочные дела, заведенные на российских (советских) граждан, попавших в плен и окружение, оказавшихся на временно оккупированной территории, угнанных на принудительные работы в Германию, другие страны Европы и репатриированных в период Второй мировой войны, послевоенный период, а также реэмигрантов; на фильтрационно-проверочные дела иностранных граждан, лиц без гражданства, попавших в плен и окружение, ока-

завшихся на временно оккупированной территории, угнанных на принудительные работы в Германию, другие страны Европы и репатриированных в период Второй мировой войны, послевоенный период, а также реэмигрантов[28].

В положении под административными делами понимаются дела: о направлении лиц в административном порядке в ссылку, высылку, на спецпоселение, о привлечении к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в т. ч. в «рабочих колоннах НКВД», а также об ограничении других прав и свобод личности; личные, учетные, контрольно-наблюдательные дела спецпоселенцев, ссыльных и высланных. Все из перечисленного очень важно для изучения истории российских немцев и их отдельных представителей. Этот документ устанавливает порядок доступа реабилитированных (или фигурантов дела) лиц, их родственников и наследников, а также других пользователей (исследователей) к материалам, указанным в положении.

Во-первых, право доступа к такого рода документам имеют сами фигуранты дела, которые могут ознакомиться с делом, получить копии документов из него по заявлению на имя администрации архива, а также родственники, наследники или представители реабилитированных (или обратившихся за реабилитацией лиц), которые могут это родство подтвердить и предъявить соответствующие документы (доверенность, заверенная нотариально). Во-вторых, представители органов государственной власти — на основании мотивированных обращений заинтересованных государственных структур в пределах предоставленных им полномочий. В-третьих, исследователи могут быть допущены к материалам дел до истечения 75 лет с момента создания документов или с письменного согласия реабилитированных лиц или лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, а после их смерти — наследников, на основании соответствующего заявления или ходатайства, при предъявлении документов, удостоверяющих личность, а также доверенности, оформленной в установленном законом порядке, от реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам или их наследников. В-четвертых, работники архивов в пределах возложенных на них служебных обязанностей также обладают правом доступа к соответствующим архивным делам.

Право на доступ к материалам прекращенных уголовных и административных дел, а также фильтрационно-проверочных дел, означает предоставление возможности исследователю знакомиться с находящимися в делах документами, получать с них копии и использовать полученную при ознакомлении информацию в некоммерческих целях.

Исследователь обязан соблюдать режим конфиденциальности в отношении ставшей ему известной информации личного характера, использование и распространение которой ограничивается согласно законодательству Российской Федерации.

Одним из интересных направлений в исторической и краеведческой деятельности, в котором велика роль прежде всего архивного документа, генеалогической и биографической информации, является составление семейного родословия. Чтобы решить эту задачу, потребуется проделать большую работу по поиску документов в архивах ЗАГСов, в библиотеках при просмотре справочной литературы.

В настоящее время многие государственные и негосударственные архивы идут по пути оцифровывания архивных коллекций и отдельных документов и размещения их в Интернете. Существуют и специальные тематические сайты, электронные архивы и библиотеки, на которых выставляются крупные массивы информации, цифровые базы данных. Кроме этого, сами поисковики иногда обмениваются полученной

[28] Это положение разработано в соответствии с Конституцией РФ, ч. III Гражданского кодекса РФ, ФЗ РФ от 18 октября 1991 г. за № 1761–1 «О реабилитации жертв политических репрессий», ФЗ РФ от 21 июля 1993 г. за № 5485–1 «О государственной тайне», ФЗ от 20 февраля 1995 г. за № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», ФЗ от 12 сентября 1995 г. за № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и ФЗ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в РФ».

в ходе исследований информацией на специализированных на какой-либо теме сайтах[29]. Применительно к российским немцам в Интернете действует внушительное число таких сайтов. Так, судьбы представителей этноса, ранее проживавших в Поволжье, библиотека, фотоархив, базы данных немцев-спецпоселенцев представлены на сайте «История немцев Поволжья»[30].

Например, электронная библиотека и архив «Одесса» посвящены культурной и семейной истории миллионов немцев, переселившихся в Россию начиная с XIX в. Кроме них этот ресурс охватил и потомков мигрантов, многие из которых позднее оказались разбросанными по всему миру. В коллекцию сайта включены оцифрованные книги, разного рода документы, микрофильмы и исследования, посвященные как индивидуальным, так и семейным перемещениям и традициям[31].

Таким образом, историк, краевед, другой заинтересованный человек может получить информацию о судьбах российских немцев из различных источников: метрических и домовых книг, справочных изданий, реестровых книг ЗАГСов, личных учетных карточек рабочих и служащих, карточек партийного учета, из документов, связанных с репрессиями, а также из материалов личного происхождения. Большая их часть хранится в архивах. Для того, чтобы успешно отыскивать нужную информацию, следует иметь представление о структуре и основных принципах организации архивов, знать, как ориентироваться в сложной системе поисковой работы в этих учреждениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Георгиева Н.Г.* Источниковедение: теоретические проблемы. — М.: Проспект, 2016. — 248 с.
2. *Герман А.А.* Документы ГКО СССР и НКВД о репатриации советских граждан // К 65-летию Великой Победы: Взгляд из XXI века: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.М. Маркдорф. — Новокузнецк, 2010. — С. 56–63.
3. *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. — М.: РОССПЭН, 2000. — 440 с.
4. *Воробьев Г.Г.* Документ. Информационный анализ. — М.: Наука, 1973. — 255 с.
5. Документы и делопроизводство. Справ. пособие. — М.: Экономика, 1991. — 271 с.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М.: РГГУ, 2004. — 702 с.

[29] Например, на сайте отсканированы и выложены в свободном доступе метрические книги евангелическо-лютеранских приходов (церквей) различных губерний Российской империи с 1830-х по 1880-е годы (URL: http://search.labs.familysearc...wsable; w=0 (дата обращения: 12 октября 2015 г.). Документы отсканированы мормонами в РГИА в Санкт-Петербурге (фонд 828 — «Евангелическо-лютеранская церковь Российской империи»). В РГИА хранится фонд Генеральной евангелическо-лютеранской консистории, которая была учреждена высочайшим указом от 28 декабря 1832 г. для управления духовными делами лютеранского и евангелическо-реформатского исповедания на территории Российской империи. Примерно с этого времени и до революции там была собрана коллекция метрических книг — о крестившихся, брачующихся и умерших немцах-лютеранах. Список немцев, эмигрировавших в США, многие из которых были выходцами с Поволжья, представлен на сайте по адресу: URL: http://www.ahsgr.org/gedlist.htm (дата обращения: 14 ноября 2015 г.), списки первых немецких поселенцев-колонистов можно посмотреть на сайте: URL: http://www.ahsgr.org/GO/goA.htm (дата обращения: 15 декабря 2015 г.). Сайт, посвященный немецким меннонитским колониям Хортицы, где есть генеалогическая информация, с указателем фамилий, картами и т. д., находится по адресу: URL: http://chortiza.heim.at/kolonie.htm. (дата обращения: 16 января 2016 г.). Информация получена на сайте «Этнические немцы». URL: http: // ethnischedeutsche.blogspot.ru /2012 /06 /genealogie–die–listen–von.html (дата обращения: 15 июня 2016 г.).

[30] См.: URL: http://wolgadeutsche.net/ (дата обращения: 12 марта 2016 г.).

[31] См.: URL: http://odessa3.org/search.html (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

7. *Кириллов В.М., Хвостенко В.И.* Проект «Возвращенные имена»: разработка унифицированной программы ввода информации в локальные базы данных // Красноярский мемориал. URL: http://www.memorial.krsk.ru/ (дата обращения: 31 мая 2016 г.).
8. *Князева Е.Е.* Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев // Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. — М., 1998. — С. 63–72.
9. *Князева Е.Е.* Лютеранские церкви и приходы на Украине XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 2. — СПб.: Литера, 2003. — 342 с., ил.
10. *Князева Е.Е.* Лютеранские церкви и приходы на Украине XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 2. — СПб.: Литера, 2003. — 200 с.
11. *Князева Е.Е.* Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVII — нач. XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — СПб., 2005. — 26 с.
12. *Князева Е.Е.* Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказье и Средней Азии. XVII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 3. — СПб.: Литера, 2006. — 198 с., ил.
13. *Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф.* Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 1. — СПб.: Литера, 2001. — 294 с., ил.
14. *Кузин А.А.* Кинофотофоноархивы: Учеб. пособие. — М.: МГИАИ, 1960. — 264 с.
15. *Маркдорф Н.М.* Специфика персонального фильтрационно-учетного делопроизводства на немцев в Кузбассе // Два с половиной века с Россией: актуал. проблемы и дискус. вопросы истории и историографии рос. немцев: Материалы 14-й Междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. — М.: МСНК-пресс, 2014. — С. 481–488.
16. *Малышева С.Ю.* Основы архивоведения: Учеб. пособие. — Казань: Татар. республ. изд-во «Хэтер», 2002. — 170 с.
17. *Медушевская О.М.* Источниковедение: Теория. История. Метод / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. — М.: РГГУ, 1996. — 80 с.
18. *Плохотнюк Т.Н.* Метрические книги как источник по исследованию демографических процессов среди немецкого населения Ставрополья // Предметное поле новой локальной истории — источниковедческая методология ист. познания: опыт и перспективы взаимодействия. URL: www.newlocalhistory.com (Сер.: Новая локальная история) (дата обращения: 2 июня 2016 г.).
19. *Полянская Л.И.* Архивные справочники. — М.: ГАУ СССР, 1961. — 48 с.
20. Развитие советского документоведения (1917–1987). — М.: Главархив, 1983. — 211 с.
21. *Соболев В.С.* Из истории социологии науки в Российской академии наук в 1920-е годы // Социология науки и технологий. — 2011. — Т. 2. № 1. — С. 9–24.
22. *Соловьева Г.Ф.* Материалы Российского государственного исторического архива о лютеранских приходах Северо-Запада XVIII — нач. XX вв. как исторический источник: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — СПб., 2008. — 24 с.
23. *Суслова Е.Н.* Поиск архивных документов. — Л.: Лениздат, 1987. — 78 с.
24. *Тельчаров А.Д.* Архивоведение. Конспект лекций. — 2004. URL: http://knigi.link/bibliotekovedenie-delo-bibliotechnoe/arhivovedenie-konspekt-lektsiy.html (дата обращения: 12 октября 2015 г.).
25. *Толстова Н.Н.* Архивная эвристика: методические рекомендации: Учеб.-метод. пособие. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2015. — 75 с.
26. *Умбрашко К.Б.* Источниковедение отечественной истории: Учеб.-метод. пособие. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. — 315 с.
27. Федеральные архивы и их научно-справочный аппарат / Сост. О.Ю. Нежданова; ред. В.П. Козлов. — М.: Росархив, 1994. — 115 с.
28. *Харченко О.А.* Государственные и ведомственные архивы: Учеб. пособие. — Астрахань: Астрахан. ун-т, 2012. — 119 с.

29. *Хорхордина Т.И.* История и архивы. — М: РГГУ, 1994. — 360 с.
30. *Шаталов Д.Н.* Источники личного происхождения: методика изучения и публикации: Учеб. пособие. — Екатеринбург: [Б. и.], 2006. — 10 с.
31. *Шепелев Л.И.* Работа исследователя с архивными документами. — М.; Л.: Наука, 1966. — 127 с.
32. Экспертиза и научно-техническая обработка личных архивных фондов. Метод. рекомендации / Сост. Н.В. Зефман, В.И. Лосев, А.Н. Маханов. — М.: ГБЛ, 1990. — 109 с.

Suchmethodik für Archivinformationen über die Schicksale der Russlanddeutschen

N.M. Markdorf, A.A. Dolgoljuk

Im Beitrag werden die wichtigsten historischen Quellen analysiert, deren komplexer Gebrauch es ermöglicht, die Geschichte der Russlanddeutschen zu erforschen; es werden Arbeitsmethoden für die in den Archiven der Russischen Föderation Tätigen sowie die wichtigsten Etappen auf der Suche nach historischen Informationen in diesen Einrichtungen angegeben.

Schlüsselwörter: Russlanddeutsche, historische Quellen, Struktur der Archivfonds, Methoden und Etappen auf der Suche nach Dokumenten in Archiven.

The search methods archival information of Russian Germans' fates

N.M. Markdorf, A.A. Dolgolyuk

This article analyzes the main sources, the integrated use of which makes it possible to study the history of Russian Germans. The authors examine the principles of the organization of the functioning of the Russian archives. Moreover, the basic stages of the search for historical information in these institutions have been described.

Key words: Russian Germans, historical sources, the structure of archives, methods and stages of archive documents search.

УДК 94:390(477)-054.62

В.К. Клец

Этнографические исследования немецкого и меннонитского населения Приднепровья

В статье рассказывается об историко-этнографических экспедициях в бывших немецких и меннонитских поселениях Приднепровья, проведенных исследователями Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Особое внимание уделяется разработке и апробации методики исследования, а также наиболее важным результатам экспедиций.

Ключевые слова: историко-этнографическая экспедиция, немцы, меннониты, Приднепровье, методика исследования.

В 1998–2003 гг. сотрудниками кафедры всемирной истории и Института украинско-германских исторических исследований Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара был проведен ряд историко-этнографических экспедиций по бывшим немецким и меннонитским поселениям Приднепровья. Участниками этого проекта были канд. ист. наук, проф. С.И. Бобылева, канд. ист. наук А.И. Безносов, канд. ист. наук В.К. Клец. Существенную поддержку в проведении экспедиций оказывали Институт германских и восточноевропейских исследований (Гёттинген, Германия) (проект «Малая родина») и Центр меннонитских исследований университета Торонто (Канада) (проект «Примирение»).

Экспедиции проводились на территории Днепропетровского, Синельниковского, Васильковского, Солонянского, Софиевского, Магдалиновского, Никопольского, Покровского районов Днепропетровской области и Запорожского, Вольнянского, Ново-Николаевского районов Запорожской области. Всего было обследовано почти 90 населенных пунктов. Среди них большие сельские поселения (например, Хортица, Нижняя Хортица, Широкое Запорожского района, Ямбург Днепропетровского района и др.) и маленькие (например, Приют Магдалиновского района, Землеробы Синельниковского района), бывшие немецкие хутора (Ратта, Шумахера, Фаста Васильковского района, Маяры Магдалиновского района). Был обследован ряд материнских колоний (Йозефсталь, Ямбург, Фишердорф), первые меннонитские поселения в Российской империи в районе Хортицы. Некоторые населенные пункты на сегодняшний день не существуют (Йозефсталь Днепропетровского района, Капустянка Запорожского района, Розенфельд Никопольского района, Романовка Синельниковского района и др.), но на их местах сохранилась планировка, сады, некоторые объекты материальной культуры, кладбища. Среди обследованных поселений — бывшие лютеранские, католические и меннонитские колонии. Для воссоздания истории населенных пунктов неоднократно приходилось обращаться к жителям соседних украинских сел.

В ходе полевых работ постепенно разрабатывалась и уточнялась методика исследований. При подготовке первой экспедиции в 1998 г. практически все было сделано по наитию. Нам было известно, что подобные экспедиции к этому времени проводились в Поволжье, Западной Сибири, Одесской, Николаевской, Херсонской областях,

но нам не были известны ни методика их проведения, ни особенности сбора и обработки информации, а также многие другие компоненты профессионального этнографического исследования. Правда, определенную помощь в проведении самых первых исследований нам оказал тогдашний исполнительный директор Гёттингенского института д-р А. Айсфельд, который участвовал в экспедициях в указанных регионах.

Конечно, мы, как все студенты-историки, изучали в рамках университетского курса этнографию, но это было изучение характеристик народов различных регионов нашей планеты. Учебными планами предусматривалось также прохождение студентами археолого-этнографической практики, но в связи с тем, что в нашем университете была и есть довольно сильная группа археологов, эта практика носила и носит почти полностью характер археологической, а не этнографической. Таким образом, методика проведения исследования нами разрабатывалась и апробировалась в ходе самих экспедиций.

В самом начале мы поставили перед собой необходимость решения нескольких задач: 1) определение региона исследований, предварительное изучение его административного подчинения и истории переподчинений, выяснение порядка и времени переименований населенных пунктов; 2) изучение картографических материалов; 3) поиск и обработка архивных материалов, касающихся района обследования. Забегая вперед, отмечу, что были изучены документы государственных архивов Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областей, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Центрального государственного архива общественных организаций Украины); 4) изучение литературы по истории обследуемых поселений; 5) определение необходимого оборудования и его приобретение, поиск транспорта и разработка маршрута; 6) составление перечня интересующих нас вопросов по истории поселений (анкета, опросник). В анкету были включены несколько блоков вопросов, при этом учитывалось, что интервьюерами будут преимущественно не немцы, а их бывшие соседи.

Первый блок касался времени основания и устройства колоний. Вопросы выясняли места расположения исчезнувших поселков, их планировку (у многих она со временем сильно изменилась), расположение домов и подворий. Фиксировалось наличие административных, школьных и культовых сооружений, изменения, которые происходили с этими сооружениями в период советской власти. Ставились вопросы относительно планировки усадеб и особенностей их внешнего и внутреннего обустройства, материала, который использовался при строительстве. Велось описание кладбищ и надгробных памятников.

Второй блок относился к духовной жизни колонистов, к конфессиональным особенностям населения (наличие церквей, молитвенных домов, ведение службы), особенностям школьной жизни (наличие школ, язык преподавания).

Третий блок выяснял черты экономической жизни: основные занятия колонистов, особенности землепользования как в дореволюционный, так и в советский период, наличие либо отсутствие социального расслоения, наличие промышленных предприятий (мельниц, маслобоек, кирпично-черепичных заводов, предприятий по изготовлению хозяйственного инвентаря и домашней утвари, в т. ч. мебели), влияние на хозяйственную жизнь коллективизации.

Четвертый блок касался межнациональных отношений. Нас интересовали: браки немцев с окружающим населением, наличие или отсутствие конфликтов на национальной почве, изменились ли отношения в период оккупации в годы Великой Отечественной войны, проведение совместного досуга, характер отношений между немцами-хозяевами и их работниками, которые представляли другие национальные группы.

Вопросы *пятого блока* были направлены на выяснение судеб немецкого населения в свете переломных и значимых событий XX в.: революций 1917 г., Гражданской вой-

ны, нэпа, коллективизации и деятельности колхозов, голода 1932–1933 гг., репрессий, событий периода Великой Отечественной войны, возвращения в родные места в конце 50-х годов.

И последний, *шестой блок* включал вопросы, связанные с обычаями, традициями и культурой немецкого населения: религиозные праздники, свадебный и похоронный обряды, обряды крещения и конфирмации, особенности немецкой кухни, одежды, пословицы и поговорки. Отдельным вопросом стояла история отдельных немецких семей и наиболее известных жителей.

Уже по ходу экспедиции опросник каждый раз корректировался, то ли в сторону игнорирования отдельных его пунктов, то ли в сторону их расширения, что объяснялось характером воспоминаний и изложением событий интервьюерами. Как правило, они что-то очень подробно помнили или слышали об одних процессах и событиях и ничего не знали о других. Это объяснимо, т. к. человеческая память избирательна, она также и ассоциативна.

В ходе работы мы опирались на традиционные методы этнографического исследования: интервьюирование, включенное наблюдение, фото- и видеофиксация объектов изучения, изготовление эскизов сооружений, на основе которых впоследствии профессиональным архитектором были сделаны схемы данных объектов, а также планов поселений и бывших немецких подворий.

Иногда приходилось сталкиваться с тем, что элементарные, на первый взгляд, действия требуют особого подхода. Так, в самом начале нашей первой экспедиции поиск интервьюеров проходил по простой, вроде бы, схеме: заезжали в село и расспрашивали местных жителей о тех, кто давно здесь живет и что-то помнит. Подобный поиск порой был продолжительным. Но проблема оказалась даже не в этом. На третий день нашей поездки в одном из сел в тот момент, когда мы беседовали с местными жителями, подъехала машина с председателем сельсовета, которому сообщили о том, что ходят какие-то люди и что-то выспрашивают. А незадолго до этого по ряду сел прошлись какие-то мошенники, которые собирали у жителей деньги якобы на приобретение сахара, в результате и деньги ушли, и сахар не появился. Встреча с представителями власти подтолкнула нас к мысли, что надо бы начинать обследование поселений с посещения местных органов власти. К тому же и поиск старожилов, местных краеведов, учителей истории, всех тех, кто мог бы дать полезную информацию по интересующим нас вопросам, при помощи сельсоветов был бы облегчен.

В дальнейшем к обработке полученных материалов (записи интервью, фотоматериалы, материальные находки) привлекались студенты и аспиранты.

Были в первой нашей экспедиции положительные моменты: интересные материальные находки (черепица и кирпич от разных производителей, самовар из немецкого дома, шкаф и набор столярных инструментов, принадлежавшие ранее меннонитской семье, и многое другое). Впервые мы увидели немецкие жилые постройки не в книге, а наяву, увидели собственными глазами бывшие немецкие поселения, их планировку, собрали очень интересные сведения и рассказы интервьюеров. Но говорят, что первый блин комом. И был этот ком. Внешне он не просматривался, но он стал нам понятен через некоторое время после написания и сдачи отчета. Навыков и опыта не было, и отчет мы делали опять-таки исходя из наших представлений об этом документе. Даже сегодня можно сказать, что он был не таким уж и плохим, но с точки зрения профессионального этнографического отчета это был, наверное, «первый класс». Мы построили отчет по темам, т. е. обобщили все то, что нам удалось узнать, и представили весь этот материал по проблемно-хронологическому принципу.

И только через некоторое время стало понятно, что подобное обобщение неправильно. К следующей экспедиции, которая была проведена через три года, нам стало понятно, как правильнее организовывать работу и, самое главное, как необходимо

представлять полученный материал. К тому времени мы смогли уже познакомиться с методическими материалами, изданными омскими исследователями, с рядом статей, в которых представлялись результаты работы подобных экспедиций и исследований в Саратовской, Херсонской, Омской областях и ряде других регионов[1], т. е. мы стали более «подкованными». Отчеты теперь делались по каждому конкретному населенному пункту. В него включались все сведения по истории поселения, об изменении численности, национального и конфессионального состава, о количестве дворов, изменениях в хозяйственной жизни, все известные фамилии жителей, представителей администрации, руководителей предприятий, религиозных общин, данные о всех находках материальной культуры, схемы отдельных сооружений (жилых домов, школ, церквей, хозяйственных построек и т. п.). К каждому отчету прилагались все фотографии и интервью.

За все время проведения экспедиций нами было обследовано, как уже было сказано, почти 90 населенных пунктов. К числу самых интересных находок можно отнести как материальные объекты, так и сведения информантов.

Несмотря на то, что практически все немецкое население из района исследования было выселено в годы Великой Отечественной войны, а сами селения оказались в зоне боевых действий, в бывших немецких поселениях сохранилось немало жилых и хозяйственных построек. Они оказались нужными как соседнему местному населению, так и переселенцам после окончания войны. Многие из домов были перестроены, пришли в негодность, но немало из них сохранились и в хорошем состоянии. Во многом это зависело от отношения к ним хозяев и от того, из какого материала они были построены.

Например, в с. Ручаевка (быв. Шенхорст) Запорожского района сохранилась практически вся улица с немецкими постройками, которые и сегодня используются жителями села в качестве жилья. Почти полностью сохранилась улица в с. Приют Магдалиновского района, правда все дома еще в 1950-е годы были переделаны в коровники. Во многих населенных пунктах бывшие жилые дома были превращены в склады, амбары, другие хозяйственные помещения.

При внешней похожести жилых домов (планировка, внутреннее устройство) в разных поселениях они имели свои особенности. Одной из них был строительный материал. В основном мы столкнулись с двумя его разновидностями: саман и кирпич. В с. Нижняя Хортица Запорожского района был обнаружен единственный фахверковый дом (по свидетельству его хозяев, это одна из первых построек в селе). По утверждению Т.Б. Смирновой, дома подобного типа являются большой редкостью[2].

---

[1] *Гнесь І.* Житлова забудова німецьких колоністів Львівщини // Німецькі колонії в Галичині. Історія — Архітектура — Культура. Міжнарод. науков. семінар. Матеріали: Доповіді та повідомлення. — Львів, 1996. — С. 354–367; *Пархунь Л.* Особливості ландшафтної організації німецьких колоній у Сколівських Бескидах // Там же. — С. 280–291; *Горобцова Е.А., Малова Н.А.* Историко-этнографическая экспедиция в Поволжье // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 17–18; *Плохотнюк Т.Н.* Полевые исследования Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве в бывших немецких колониях Северного Кавказа // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 14–16; *Рублевская С., Савранина Т.* Этнографическая экспедиция в Алтайском крае // Там же. — С. 18–20; *Эйхельберг Е.* Экспедиция Тюменского музея // Там же. — 1996. — № 3. — С. 20; *Рублевская С.А., Смирнова Т.Б.* Традиционная обрядность немцев Сибири. — Омск, 1998; *Миклашевская Е.П.* О научно-изыскательских работах на Введенском (Немецком) кладбище Москвы // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2000. — № 4 (24). — С. 15–16; *Рублевская С.А.* Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX — XX вв. — М., 2000; *Малова Н.А.* Депортация и «Трудармия» в судьбах поволжских немцев (по материалам ист.-этнограф. экспедиций в Поволжье 1995–1998 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоен. десятилетие: 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф., Москва, 19–22 окт. 2000 г. — М., 2001. — С. 178–186; *Смирнова Т.Б.* Программа сбора материалов по материальной и духовной культуре немецкого населения Западной Сибири: Учеб. пособие / Н.А. Томилов (отв. ред.). — Омск, 2001; *Гончарова О.С.* Дорогами судеб… // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2002. — № 3 (31). — С. 19–21; *Смирнова Т.Б.* Этносоциологические исследования в Западной Сибири // Там же. — 2003. — № 3 (35). — С. 9–11.

[2] *Смирнова Т.Б.* Этнография российских немцев. — М., 2012. — С. 115.

Важным фактором, определявшим особенности жилья, было вероисповедание жителей. Как правило, католические колонии выглядели беднее, и жилые дома в них строились из самана, сами строения были меньших размеров. Меннонитские колонии были более богатыми, дома в них отличались бóльшими размерами, чаще всего были кирпичными, до сегодняшнего дня они и сохранились лучше (ил. 1, 2). Лютеранские колонии занимали промежуточное положение, там дома были больше, чем в католических колониях, но в качестве материала нам чаще встречался саман, а не кирпич.

Ил. 1. Жилой дом в бывшем меннонитском поселении.
Село Долинское (быв. Кронсталь) Запорожского р-на Запорожской области. 2002 г. Фото В.К. Клеца

Ил. 2. Жилой дом в бывшем меннонитском поселении.
Село Марьино (быв. Гейбоден) Никопольского р-на Днепропетровской обл. 2003 г. Фото В.К. Клеца

Строительные материалы производились, как правило, в тех же селах или по соседству. В ходе экспедиций нам удалось собрать немалую коллекцию образцов кирпича, черепицы, произведенных на местных заводиках или мастерских. Единственным исключением была черепица из Марселя, обнаруженная в с. Землеробы (Майерсхоф) Синельниковского района.

Сходство жилых построек определяется, по мнению многих исследователей, природными условиями и контактами с другими народами. Кроме того, тип своих построек немцы и меннониты «брали с собой» при переселении в другие регионы страны, в частности в Сибирь[3]. Кроме того, стоит учитывать, что застройки колоний не были произвольными. Хотя строительством занимались колонисты, но существовали инструкции по устройству колоний[4], а общественные здания (школы, церкви) проектировали архитекторы. Но при всем при этом главным фактором, который определял многофункциональность немецких построек, который мы условно назовем „all inclusive“ («все включено»), был природный фактор. При подобной организации усадеб все необходимое: жилая и хозяйственная части, помещение для скота, вход в погреб, колодец и все остальное, — все собиралось под одной крышей. Жилье подобного типа встречалось и у украинских крестьян, в казачьих зимовниках. Подобную схему расположения построек мы встречали в татарских и мордовских селах Самарской области в ходе экспедиции 2015 г. И в то же время при сходстве климатических явлений поселения волынских немцев имели совершенно иной вид и планировку, о чем, в частности, писал в 1942 г. по результатам их обследования К. Штумпп[5]. Можно констатировать, что многофункциональность диктовалась не только степной зоной с ее ветрами, снежными заносами, были и иные факторы.

Во многих поселениях нами были обнаружены промышленные объекты, многие из которых работают до сегодняшнего дня. В основном это были предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции (мельницы, маслобойни). Крупные мельницы работают в с. Маринополь (Фельзенбах) Никопольского района (ил. 3), мельница

Ил. 3. Мельница. Село Маринополь (быв. Фельзенбах) Никопольского р-на Днепропетровской обл. 2003 г. Фото В.К. Клеца

[3] *Смирнова Т.Б.* Программа сбора материалов. — С. 23.

[4] *Смирнова Т.Б.* Этнография российских немцев. — С. 115.

[5] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 4. Л. 4.

Фаста в районе Письменного (Кильмансталь) Синельниковского района. Но кроме подобных промышленных объектов попадались и крупные предприятия по производству сельскохозяйственной техники — заводы в Павловке (Ной-Остервике) Запорожского района (ил. 4), Хортице. Эти поселения расположены недалеко от Запорожья, что, возможно, и определяло специфику предприятий.

Ил. 4. Бывший завод сельскохозяйственных машин Шульца. Село Павловка (быв. Ной-Остервик) Запорожского р-на Запорожской обл. Сейчас – хозяйственный двор. 2002 г. Фото В.К. Клеца

Значительный интерес представляют сооружения культовых и образовательных учреждений. Известно, что церковь и школа были первыми зданиями, которые возводили немцы и меннониты на новом месте жительства. Место отводилось, как правило, в центре поселений, строительство велось из прочного и качественного материала. Именно поэтому многие подобные сооружения сохранились до настоящего времени. За долгие годы они не раз меняли свое предназначение, в годы советской власти многие из них использовались в качестве амбаров, складов, клубов, для других целей. Сейчас некоторые из них восстанавливают свое изначальное назначение.

В основном культовые сооружения были не очень большими, рассчитанными только на жителей конкретного поселения, например, здание молитвенного дома в с. Малашевка (Нойенбург) Запорожского района. Но встречались и довольно внушительные церкви и молитвенные дома. Это касается, например, меннонитской церкви в Николайполье (Николайталь) Запорожского района (ил. 5). Сейчас это спортзал сельской школы, о храме напоминает только форма заделанных окон. Большими размерами отличаются лютеранские церкви в с. Шевченково (Айгенгрунд) Никопольского района (ил. 6) и с. Терсянка (Фриденфельд) Ново-Николаевского района.

В ходе экспедиций встретились несколько очень интересных школьных зданий. Почти в каждой колонии были школы, в основном начальные, — небольшие, рассчитанные на местных жителей и детей из ближайших населенных пунктов, т. е. в них было 2–4 комнаты для занятий. Например, школы в с. Морозово (Хохфельд) Запорожского района, с. Приют Магдалиновского района. Но были среди них и самые

Ил. 5.
Здание бывшей меннонитской церкви.
Село Николайполе (быв. Николайталь) Запорожского р-на Запорожской обл.
Сейчас — спортзал местной школы.
2002 г.
Фото В.К. Клеца

Ил. 6.
Здание бывшей лютеранской церкви.
Село Шевченково (быв. Айгенгрунд) Никопольского р-на Днепропетровской обл. 2003 г.
Фото В.К. Клеца

настоящие памятники архитектуры, например, школа в Павловке (Ной-Остервик) (ил. 7), Николайполье (Николайталь) Запорожского района, здание бывшей женской высшей школы в Хортице, которая была открыта в 1904 г. (ил. 8). Все эти здания и сейчас используются в учебных целях. Современный первый корпус средней школы № 81 г. Запорожья — это бывшая женская школа, второй корпус — здание бывшего Хортицкого немецкого педагогического техникума, который был открыт в 1913 г. как учительская школа.

Одним из наиболее информативных для нас объектов стали места захоронений. Они дают возможность не только познакомиться с традициями, обычаями, техникой изготовления могильных памятников и надгробий, но и узнать имена бывших жителей поселений, проследить родственные связи, иногда узнать о материальном положении похороненных. По некоторым деталям можно узнать о знаковых событиях. Например, в эпитафии на памятнике на могиле молодой девушки в с. Александровка (Блюменхоф) Никопольского района говорится о том, что она погибла от удара молнии. В с. Ново-Петровка (Айхенфельд) Запорожского района и Ульяновка (Эбенфельд) Никопольского района установлены мемориальные плиты в память о погибших от рук

Ил. 7. Школа в с. Павловка (быв. Ной-Остервик). Запорожский р-н Запорожской обл. 2002 г. Фото В.К. Клеца

Ил. 8. Бывшая женская школа в Хортице. Г. Запорожье. Сейчас — корпус № 1 Запорожской средней школы № 81. 2002 г. Фото В.К. Клеца

махновцев жителях сел. Только в отдельных поселениях кладбища не сохранились. В подавляющем же большинстве они и сегодня остаются действующими (ил. 9). Кое-где и сел уже нет, а кладбища остались (например, кладбище бывшего с. Капустянка (Блюменгарт) Запорожского района, с. Розенфельд Никопольского района и др.).

Ил. 9. Кладбище. Село Бабурка (быв. Бурвальде) Запорожского р-на Запорожской обл. На переднем плане видны старые меннонитские надгробные памятники. 2002 г. Фото В.К. Клеца

Ил. 10. Меннонитский надгробный памятник на кладбище в с. Бабурка. 2002 г. Фото В.К. Клеца

Конфессиональная принадлежность жителей предопределяла особенности кладбищ и надгробных памятников. На меннонитских могилах установлены надгробные каменные плиты из известняка, гранита, мрамора (очень редко). На них почти всегда выбит один из меннонитских символов — якорь (ил. 10). На лютеранских и католических погребениях встречаются преимущественно металлические кресты, хотя кое-где встречались удивительные надгробные сооружения. Например, в одной из католических колоний Дудниково (Георгсбург) Вольнянского района были обнаружены остатки разрушенного склепа. На кладбище с. Александровка (Блюменхоф) Никопольского района, в котором проживали как меннониты (большинство населения), так и лютеране, был обнаружен странный памятник: металлический крест, пересеченный посередине крестом, якорем и сердцем, т. е. здесь присутствует свойственный для лютеран и католиков металлический крест и меннонитский символ (якорь). На кладбище довольно бедного католического села Марьинка Синельниковского района были обнаружены два обтесанных гранитных креста. Это говорит о том, что, вероятно, не все жители колонии были бедны. Ценной находкой

можно считать также обнаружение памятника с могилы известного деятеля Самуила Христиановича Контениуса (ок. 1748–1830), который долгое время пытались обнаружить, а в последний раз его видели в период оккупации в годы Великой Отечественной войны. Он был обнаружен в прибрежной части р. Кильчень, в том месте, где рыбаки обычно ловили рыбу. Сейчас надгробие находится в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого.

Кроме того, что кладбища являются очень информативными источниками, они одновременно являются и самыми печальными источниками. И это связано не столько с их предназначением, а сколько с отношением людей к местам захоронений. За долгие годы, прошедшие после выселения немцев, могильные надгробия использовались самым разным способом. Мы их встречали и в фундаментах жилых построек, и в качестве мостика через ручей (надпись на меннонитской плите была видна снизу, а сверху люди спокойно переходили по этой плите через ручей и ни о чем не задумывались). Из двух крестов в с. Марьинка, о которых речь уже шла, при повторном посещении через полтора месяца был обнаружен только один, а когда мы там оказались еще через два года, то в зарослях удалось обнаружить только осколки этих крестов.

В ходе экспедиций было обнаружено очень много предметов домашнего обихода: посуда, самая разнообразная мебель (в меннонитских поселениях, например, мы встречали как минимум хотя бы один деревянный меннонитский диван, который используется до сегодняшнего дня) (ил. 11), одежда, кухонная утварь (самовары, кофемолки, солонки), орудия производства (каменные катки, столярные, кузнечные и другие инструменты, крупорушки, плуги). Среди находок можно также выделить картину, нарисованную жителем меннонитского села Малышевка (Нойенбург) Запорожского района, которую он подарил своим соседям-украинцам перед выездом в Германию в 1943 г., и библию старушки-немки из с. Тургеневка Синельниковского района, которую она получила из рук своей матери. Книга прошла вместе с ней и депортацию, и трудармию, и спецпоселение, и возвращение на Украину. Кое-где нам удавалось обнаружить старые фотографии с видами поселений либо с их жителями. Большую ценность представляют отдельные элементы зданий, например, двери, замки, наличники, окна, кузнечные изделия и т. п. Все это, в конечном счете, дает немало сведений для реконструкции прошлого немецкого и меннонитского населения Украины. Значительная часть находок, в т. ч. и отдельные предметы мебели, были сданы в Днепропетровский исторический музей.

Ил. 11. Шкаф для одежды. Село Письменное (быв. Кильмансталь) Васильковского р-на Днепропетровской обл. Владельцы — семья Барановых (потомки местного жителя А. Фризена). 1998 г. Фото В.К. Клеца

Но все же самыми ценными находками были встречи с людьми и их рассказы о прошлом поселений. Хотя колонии в прошлом все были немецкими и меннонитскими, собственно немцев и меннонитов нам удалось найти немного (около 20 чел.). Объяснялось это ограничениями по возвращению в родные места после снятия режима спецпоселения. Некоторых немцев мы встречали не в своих родных селах, а в соседних. Основную же информацию мы получали от украинцев. Многие из них дружили в детстве с немцами, ходили вместе в школу, некоторые сами либо их родители работали в немецких хозяйствах, некоторые просто жили по соседству, были и представители смешанных украинско-немецких семей и т. п. Всего было опрошено около 400 чел., записи бесед с ними заняли около 140 аудиокассет.

Из этих бесед были получены уникальные сведения об истории поселений, о быте, труде, занятиях, поведении немцев и меннонитов в разные периоды истории, их обычаях, традициях, межнациональных отношениях, о переломных событиях в жизни страны (революция, Гражданская война, коллективизация, голод, репрессии, Великая Отечественная война, депортация, административное переселение в Германию и т. д.), о деятельности школ, церквей, клубов. Было названо много имен учителей, священников, председателей колхозов, бригадиров, ремесленников. Всех интервьюеров невозможно назвать, но особенно хотелось бы выделить рассказы жителя и потомка уроженцев с. Нижняя Хортица Запорожского района, руководителя меннонитской общины г. Запорожье Бориса Давидовича Леткемана (это при его помощи был транспортирован в музей памятник С.Х. Контениусу). Ценные сведения сообщили: жительница и уроженка того же села Фрида Давидовна Поливода (ур. Леткеман), Прасковья Федоровна Воробьева из с. Половицы (Кронсгартен) Днепропетровского района, Софья Потаповна Белименко из с. Ручаевка (Шенхорст) Запорожского района. Впоследствии материалы экспедиций активно использовались при написании научных работ, среди которых две монографии[6], многочисленные статьи, а также при подготовке выступлений на научных конференциях[7].

В целом подобные экспедиции значительно дополняют традиционные источники исторического исследования (архивные, опубликованные документы, воспоминания), т. к. они дают картинку изнутри происходящих событий, высвечивая незначительные на первый взгляд факты, своеобразные изюминки, которые в своей совокупности позволяют рассмотреть то или иное событие совершенно в другом ключе. Именно в этом и заключается ценность историко-этнографических экспедиций в бывшие немецкие и меннонитские поселения. А они хранят еще много интересных и удивительных вещей, о чем свидетельствует хотя бы недавняя находка крымских историков, которая была обнаружена, обработана и представлена широкой публике в рамках проекта «Маковка»[8].

---

[6] Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII — первая половина XIX в.) / Под ред. С.И. Бобылевой. — Днепропетровск, 1999; Живи и помни… История меннонитских колоний Екатеринославщины / Под ред. С.И. Бобылевой. — Днепропетровск, 2006.

[7] См., например, *Безносов А.И., Бобылева С.И., Клец В.К.* Общественная и социально-экономическая жизнь немецких колоний Украины в первой половине XX в. (по материалам ист.-этнограф. экспедиции) // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії: Матеріали Всеукраїн. науков. конф., Луганськ, 8–9 лютого 2001 р. — Луганськ, 2001. — С. 180–183; *Клец В.К.* Исследование памятников материальной культуры в бывших регионах компактного проживания немецкого населения // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществ. движению: От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к соврем. системе Самоорганизации (1964–2014 гг.). — М., 2015. — С. 426–432; *Клец В.К., Венгер Н.В.* Хортица, меннонитское поселение // Нов. иллюстр. электрон. энцикл. «Немцы России». URL: http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/5767 (дата обращения: 5.09.2016).

[8] *Шишкин Н.П.* Этнографический проект «Маковка» // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2011. — № 4 (68). — С. 9–10.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безносов А.И., Бобылева С.И., Клец В.К.* Общественная и социально-экономическая жизнь немецких колоний Украины в первой половине XX в. (по материалам ист.-этнограф. экспедиции) // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії: Матеріали Всеукраїн. науков. конф., Луганськ, 8–9 лютого 2001 р. — Луганськ, 2001. — С. 180–183.
2. *Гнесь І.* Житлова забудова німецьких колоністів Львівщини // Німецькі колонії в Галичині. Історія — Архітектура — Культура. Міжнарод. науков. семінар: Матеріали: Доповіді та повідомлення / Впорядкування та загальна ред. Г. Петришин. — Львів: Манускрипт, 1996. — С. 354–367.
3. *Гончарова О.С.* Дорогами судеб… // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2002. — № 3 (31). — С. 19–21.
4. *Горобцова Е.А., Малова Н.А.* Историко-этнографическая экспедиция в Поволжье // Wissenschaftliches Informationsbulletin = Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 17–18.
5. Живи и помни… История меннонитских колоний Екатеринославщины / С.И. Бобылева, А.И. Безносов, Н.В. Венгер, О.Н. Каковкина, В.К. Клец, И.В. Толстых, Т.Л. Петрова; под ред. С.И. Бобылевой. — Днепропетровск, 2006. — 378 с.
6. *Клец В.К.* Исследование памятников материальной культуры в бывших регионах компактного проживания немецкого населения // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществен. движению: От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к соврем. системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 фев. 2015 г. / Сост., науч. ред. А.А. Герман. — М.: МСНК-пресс, 2015. — С. 426–432.
7. *Клец В.К., Венгер Н.В.* Хортица, меннонитское поселение // Нов. иллюстр. электрон. энцикл. «Немцы России». URL: http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/5767 (дата обращения: 5 сентября 2016 г.).
8. *Малова Н.А.* Депортация и «Трудармия» в судьбах поволжских немцев (по материалам ист.-этнограф. экспедиций в Поволжье 1995–1998 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоен. десятилетие: 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф., Москва, 19–22 окт. 2000 г. — М.: Готика, 2001. — С. 178–186.
9. *Миклашевская Е.П.* О научно-изыскательских работах на Введенском (Немецком) кладбище Москвы // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2000. — № 4 (24). — С. 15–16.
10. Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII — первая половина XIX в.) / С.И. Бобылева, Н.В. Бочарова, О.В. Безносова, Л.С. Тутик, Н.В. Осташева, С.В. Атаманенко; под ред. С.И. Бобылевой. — Днепропетровск: Арт-Пресс, 1999. — 232 с.
11. *Пархунь Л.* Особливості ландшафтної організації німецьких колоній у Сколівських Бескидах // Німецькі колонії в Галичині. Історія — Архітектура — Культура. Міжнарод. науков. семінар. Матеріали: Доповіді та повідомлення. — Львів, 1996. — С. 280–291.
12. *Плохотнюк Т.Н.* Полевые исследования Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве в бывших немецких колониях Северного Кавказа // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 14–16.
13. *Рублевская С.А.* Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. — М.: Готика, 2000. — 136 с.
14. *Рублевская С., Савранина Т.* Этнографическая экспедиция в Алтайском крае // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 18–20.
15. *Рублевская С.А., Смирнова Т.Б.* Традиционная обрядность немцев Сибири. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — 154 с.

16. *Смирнова Т.Б.* Программа сбора материалов по материальной и духовной культуре немецкого населения Западной Сибири: Учеб. пособие / Н.А. Томилов (отв. ред.). — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. — 80 с.
17. *Смирнова Т.Б.* Этносоциологические исследования в Западной Сибири // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2003. — № 3 (35). — С. 9–11.
18. *Смирнова Т.Б.* Этнография российских немцев. — М.: МСНК-пресс, 2012. — С. 115.
19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. — Ф. 3676. Оп. 4. Д. 4.
20. *Шишкин Н.П.* Этнографический проект «Маковка» // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 2011. — № 4 (68). — С. 9–10.
21. *Эйхельберг Е.* Экспедиция Тюменского музея // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. — 1996. — № 3. — С. 20.

Ethnografische Forschungen der deutschen und mennonitischen Bevölkerung der Dnepr-Ukraine

V.K. Klec

Im Beitrag wird über historisch-ethnographische Expeditionen in die ehemaligen deutschen und mennonitischen Ansiedlungen am Dnepr berichtet, die von Forschern der Dnepropetrovsker Nationalen Oles-Gontschar-Universität organisiert wurden. Besondere Aufmerksamkeit wird der Ausarbeitung und Erprobung der Forschungsmethodik sowie den wichtigsten Ergebnissen der Expedition geschenkt.

Schlüsselwörter: historisch-ethnographische Expedition, Deutsche, Mennoniten, Dnepr-Gebiet, Forschungsmethodik.

Ethnographical research of German and Mennonite population of Pridneprovie

V.K. Klets

This article describes the historical and ethnographical expeditions in the former German and Mennonite settlements of Pridneprovie conducted by researchers of the Dnepropetrovsk National University named after Oles Gonchar. Particular attention is paid to the development and testing of investigational methods, as well as to the most important results of the expeditions.

Key words: historical and ethnographical expedition, the Germans, the Mennonites, the Pridneprovie, the methodology of the study.

Ю.Г. Попов

Друг небесных странников. Карагандинский орнитолог Виктор Ленхольд

Очерк посвящен казахстанскому орнитологу-любителю, инженеру-химику по образованию Виктору Александровичу Ленхольду (1896–1991).

Ключевые слова: В.А. Ленхольд, орнитология, Казахстан, Карагандинская область.

В среде орнитологов многих стран инженер-химик Виктор Александрович Ленхольд (1896–1991) прославлен и почитаем как неповторимый знаток — любитель мира пернатых. Свои наблюдения за небесными странниками в карагандинских степях он вел в течение сорока лет (1943–1982). Подобный «трудовой стаж» — редкость среди исследователей и друзей птичьего мира.

Для лучшего понимания неординарной судьбы Виктора Александровича предлагаю краткие выписки. Они извлечены из фондов Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб) и Государственного архива по научно-технической документации Карагандинской области (далее — ГА НТДКА).

В шахтерском городе личное дело Ленхольда открывается заявлением на имя директора Карагандинской обувной фабрики. Инженер химик-органик В.А. Ленхольд просит принять его на работу. Дата — 9 июля 1945 г. Оформлен инженером фабричной лаборатории. Автобиография и личный листок полны конкретных, тщательно выверенных фактов. На пенсию по старости уволен в 81 год по приказу от 1 сентября 1977 г.[1]

В документах архива Санкт-Петербурга Виктор Александрович носит фамилию Ленгольд. Как и почему произошло искажение генеалогического корня с заменой, правда, только одной буквы, выявить не удалось. Ряд обстоятельств позволяет предполагать дату изменения фамилии около 1920 г.

Дед Виктора Александровича — Карл-Александр Егорович Ленгольд (?–1882), лютеранин, провизор частной аптеки в Пензе с 1872 по 1875 г., потом состоял на государственной службе в Управлении казенных железных дорог, коллежский регистратор. Бабушка Вера Александровна, православная. Супруги имели сына Александра, родившегося 13 июля 1866 г. После окончания Сызранского реального училища 11 сентября 1887 г. он был зачислен в Лесной институт в Санкт-Петербурге[2]. Одно время жил в Ораниенбауме на улице Владимирская, 3. Учеба растянулась на 16 лет. Александр Александрович Ленгольд в перерывах между годами обучения приобрел определенный жизненный опыт. Отслужил в армии и произведен в прапорщики, пытался обосноваться в Варшавском политехническом институте им. Николая II. Находился на службе в Управлении казенных железных дорог[3], одновременно состоял регентом церковного хора. Успешно закончил «частным образом» Санкт-Петербургскую консерваторию Императорского Русского музыкального общества. Его обучением «по классу

[1] ГА НТДКА. Фонд обувной фабрики. Листок учета кадров В.А. Ленхольда.

[2] ЦГИА СПБ. Ф. 994. Оп. 4. Д. 703 «О Ленгольде Александре Карловиче» (1888–1903). 77 л.

[3] Весь Петербург на 1896 год: Адресная и справочная книга. — СПб., 1896. — С. 181; то же на 1897 год. — СПб., 1897. — С. 231.

Александр Александрович Ленгольд.
Тула, начало XX в.
Из фондов ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 703

обязательного фортепьяно» руководил известнейший в музыкальных кругах профессор Н. Ф. Соловьев (1846–1916)[4].

21 сентября 1903 г. Александр Александрович Ленгольд был удостоен звания «ученого лесовода первого разряда». Ему вручили диплом под номером 2662. Перед этим проходил практику в системе Тульско-Калужского управления государственных имуществ. Работал в Крапивенском лесничестве Тульской губернии. Сюда же получил и направление на постоянное место службы в качестве помощника лесничего. Ленгольд и его семья переехали в город Крапивна. С 1910 г. они живут в г. Богородицке. Здесь А. А. Ленгольд известен как лесничий Богородицкого лесничества и преподаватель среднего сельскохозяйственного училища, проводит занятия по лесоводству, математической географии и геодезии, заведует питомником лесных пород и плодовых деревьев[5].

Александр Александрович находил время и для изучения природы со своим сыном Виктором, который родился 5 августа 1896 г. Как вспоминал впоследствии Виктор Александрович, свои внимательные наблюдения над птицами он начал с 6–7 лет под руководством отца. «Птичьим букварем» послужила книга профессора Лесного института Н. А. Холодковского (1858–1921) и ученого лесовода, зоолога А. А. Силантьева (1868–1918) «Птицы Европы. Практическая орнитология с атласом европейских птиц» с набором цветных картинок. Она была издана в 1901 г. и стала первым в России пособием для начинающих орнитологов. Вес солидного издания превысил 3 кг. К 1914 г. В. А. Ленгольд в тульских засеках выявил около ста видов птиц, собрал значительную коллекцию гнезд с кладкой яиц.

Виктор Ленгольд учился в частном Калужском реальном училище Ф. М. Шахмагонова с 1908 по 1914 г. Занятия вели А. Я. Кропачев, А. В. Фалеев, М. И. Толстова. Уроки естествознания вел сам Ф. М. Шахмагонов (1874–1940)[6]. Он приглашал на беседы с учениками К. Э. Циолковского. Здесь же занимался и будущий выдающийся ученый, основоположник космического естествознания А. Л. Чижевский (1897–1964). Можно предположить, что бывшие калужане встретились вновь в Караганде, где Ленхольд и Чижевский находились на поселении в пятидесятые годы прошлого столетия. В сентябре 1914 г. В. А. Ленгольд стал студентом металлургического отделения (электрохимический подотдел) Петроградского политехнического института императора Петра Первого.

Первая мировая война внесла коррективы в судьбу всей семьи Ленгольдов. Официальный источник сообщает, что «надворный советник А. А. Ленгольд по мобилизации

[4] ЦГИА СПБ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2328 «Ленгольд Александр» (1891). 6 л.
[5] Памятная книжка Тульской губернии на 1910 год. — Тула, 1910. — С. 45.
[6] Памятная книжка Калужской губернии на 1912 год. — Калуга, 1912. — С. 25.

призван на действительную военную службу»[7]. Он отбыл на Румынский фронт, стал командиром батареи. Сын Виктор сразу присоединился к отцу в июне 1916 г., оставив учебу на третьем курсе, он был зачислен канониром легкой батареи Дунайского отряда. Отсюда Виктор командирован в Константиновское артиллерийское училище, которое окончил 1 июля 1917 г. в чине прапорщика для службы в частях легкой полевой артиллерии. Затем продолжил службу на Румынском фронте. В феврале 1918 г. демобилизован, но скоро призван уже в Красную Армию. Служил в частях связи в Калуге, Нижнем Новгороде, Туле. По окончании войны с Польшей в феврале 1921 г. поступил на химический факультет Московского высшего технического училища. 5 марта 1924 г. получил удостоверение № 1386 на имя Виктора Александровича Ленхольда об окончании учебы и направлен в город Кинешму на химический завод «Анилинтреста» (Кинешемский химзавод им. Фрунзе). Трудился начальником цеха, начальником отдела технического контроля, начальником научно-исследовательской лаборатории.

Не удалось проследить судьбу отца Александра Александровича Ленгольда в послереволюционный период. А вот брат отца Анатолий Карлович (Александрович) Ленхольд (Ленгольд) без внимания не оставлен. Как лесничий Лозвинского лесничества указан в «Памятной книжке и адресе-календаре Пермской губернии на 1916 год». Впоследствии жил в Калуге, работал таксатором на железной дороге, техническим руководителем слесарной мастерской артели инвалидов. В 1929 г. лишен избирательных прав как бывший офицер Белой армии. За помощью обращался к Е.П. Пешковой[8]. 20 февраля 1933 г. ПП ОГПУ по Московской области осужден на 5 лет ИТЛ. Под подозрение попал и его племянник Виктор Александрович

Между тем талант практика и теоретика В.А. Ленхольда в части ароматических и лакокрасочных соединений был замечен в научных кругах. Его научные статьи (всего их 14) публикуются в солидных журналах химической промышленности («Химическая промышленность», «Анилинокрасочная промышленность»)[9]. Судя по ссылкам в статьях на научную литературу, автор хорошо владел немецким языком, использовал труды немецких и английских химиков. Совместно с академиком А.Е. Чичебабиным в 1928 г. опубликовал работу в престижном французском журнале «Бюллетень химического общества». Но лагерная биография дяди перечеркнула многие задумки.

В личном листке Виктор Александрович пишет: «Первого марта 1938 года я арестован. После ареста до 21 сентября 1939 г. был под следствием, затем освобожден из-за отсутствия состава преступления. Поступил на Калужский электромеханический завод. Первого октября 1941 г. в административном порядке со своей семьей выслан в Казахстан. До ноября 1942 г. пробыли в Кургальджинском районе Акмолинской области. Затем Караганда. Трудармия. Работал на шахте „6-я Новая“ и номер 12 треста „Кировуголь“, как спецпереселенец»[10].

Сегодня я почти уверен, что Виктор Александрович выбрал местом работы обувную фабрику, которая находилась в Большой Михайловке, совершенно осознанно. Во-первых, квартировал с женой Анастасией Дмитриевной (1901 г. р.) совсем рядом по адресу: улица Крылова, 69. Во-вторых, фабрика соседствовала с территориями «Зелентреста», Ботаническим садом Академии наук Казахской ССР, Михайловским прудом и поймой реки Букпа. Из этого «штаба» он после работы совершал осторожные ежедневные «птичьи» обходы лесных массивов. Срабатывала давно испытанная методика:

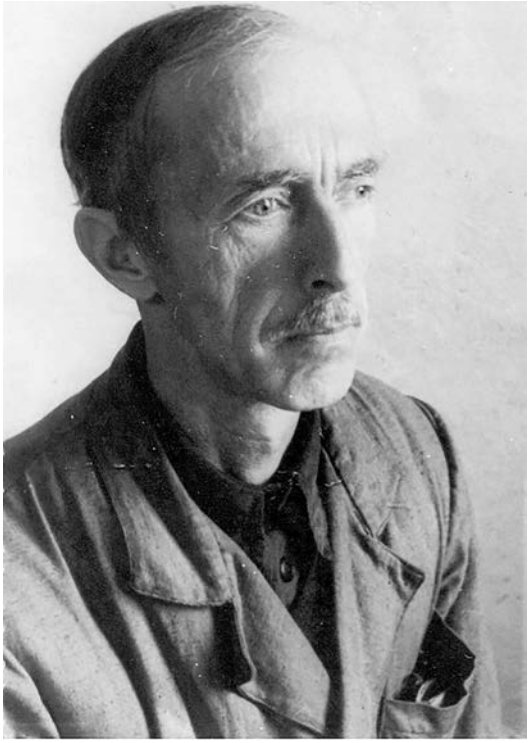
---

[7] Памятная книжка Тульской губернии на 1917 год. — Тула, 1917. — С. 58.

[8] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 324. Л. 44–46.

[9] См., например, *Ленхольд [В.А.], Штамм [А.К.]* Получение пара-аминоазобензола // Анилинокрасочная промышленность (далее — АП). — 1932. — № 2. — С. 13–20; *Ленхольд В.* 1) Выделение бета-нитронафталина из технического нитронафталина // АП. — 1932. — № 3. — С. 16–17; 2) Метод количественного разделения смеси альфа-нафтиламина и нафтилендиалина 1–5 // АП. — 1932. — № 5–6. — С. 10–12; 3) Нафтионат // АП. — 1932. — № 8–9. — С. 19–23, и др.

[10] ГА НТД по Карагандинской области. Фонд обувной фабрики. Автобиография В.А. Ленхольда.



Виктор Александрович Ленхольд (1896–1991). Караганда, 1960 г. Публикуется впервые.
Из фондов ГА НТД по Карагандинской области (личное дело В.А. Ленхольда)

регистрировать прилет и отлет каждого вида птиц, поведение пернатых в городской среде, гнездование и кормовые ресурсы. К 1988 г. все результаты были объединены в машинописную 700-страничную рукопись. В ней мы находим перечень всех постоянных и случайно залетевших карагандинских птиц.

Единственный раз — а это был 1988 г. — пробыл я у Виктора Александровича несколько часов, узнать и записать сумел многое. Услышал ласковые слова о повадках кобчика, щура, чеглока, завирушки, чернолобого сорокопуда, стрижа, фламинго и других небесных соседей человека. Сознаюсь, что наш разговор был для меня первой серьезной попыткой познакомиться с удивительным миром вольных птиц. Ленхольд в своих суждениях был настоящим профессионалом.

— Многие уверены, что наш край соловьиный. Действительно, красивое пение здесь не редко. Но это старается варакушка, лучший певец Сарыарки. Я слышал соловья один раз в Каркаралинском лесном нагорье, в районе старинного имения Эдмунда Адольфовича Линдэ.

— Если рано прилетают на озера лебеди, а они у нас обычны на Сассыкколе близ Шахтинска, то год ожидается засушливый, малоурожайный. Климатические нравы и удары природы птичьи племена понимают лучше людей.

— Беркут редок — залетная птица. Внесен в Красную книгу. Питается сурками. Видел этого гиганта несколько раз, в т. ч. и молодого, с характерным белым надхвостьем. Но гнездовий гордой птицы в Центральном Казахстане мало, наверное, с десяток. Места охоты беркута приняли под свое покровительство другие хищные птицы, такие как сарыч и канюк-курганник.

— Иногда слышу, что каркаралинские леса поражают безмолвием, птичьи голоса здесь в редкость. Но так думают только несведущие люди. Надо знать, что пернатые поют обычно до конца июня. Они выводят сердечные пылкие рулады для привлечения самок, когда в хорошем настроении и только в отсутствие человека с транзистором или магнитофоном. В этом я убедился в июне 1958 г., когда бродил, как очарованный странник, вдоль русла спокойной Каркаралинки. Отметил большую синицу, синицу-московку, щегла, садовую овсянку, желчную овсянку, обыкновенную чечевицу.

— До революции Каркаралинск был единственным оседлым центром в степи. Местные кустари-умельцы занимались изготовлением чучел. Экспонаты отправлялись в центр по заявкам омских или семипалатинских властей. Каркаралинский лесничий Я.П. Бернацкий уверял меня, что в двадцатые годы препарированием пернатых занимался врач С.И. Кропанин. В 1932 г. здесь вел исследовательскую

работу знаток орнитофауны Казахстана В.А. Селевин. Попробуйте, как краевед, определить судьбу таких коллекций.

— Когда-то в центре Караганды, на Больше-Михайловском озере останавливались во время пролета утки и другие водяные птицы. Теперь их здесь почти нет. Они как бы рассредоточились по многочисленным искусственным водоемам, образовавшимся от провалов горных работ всех 20 шахт бассейна.

— Охотники на плавающую дичь предпочитают крякву. Среди утиных она выделяется приличным весом в полтора–два килограмма. Ее места обитания — речные долины. В степных гнездах всегда около десятка яиц.

Виктор Александрович Ленхольд насчитал в окрестностях Караганды с радиусом в 50 км более двухсот видов птиц. Все они нашли свое место в его записях. Долгое время следил за изменением видового состава. В Алма-Ате познакомился с основателем школы казахстанских орнитологов Игорем Александровичем Долгушиным (1908–1966), которому в письмах направлял свои наблюдения за распорядком дня пернатых. Сотрудничал и с Э.И. Гавриловым. В Караганде ценил знания природоведов и краеведов В.И. Капитонова, Л.Ф. Семенова, П.И. Калякиной. В Каркаралах пользовался советами сосланного в Казахстан поляка, ученого агронома Б.И. Ясинецкого (1873–1968), описавшего 47 видов птиц[11].

Караганда. Вид на бульвар Мира. Около 1980 г.
Из архива д-ра техн. наук Ю.М. Бирюкова (Калининград)

[11] *Попов Ю.Г., Куприянов А.Н.* Под небом Каркаралы. — Кемерово, 2009. — С. 110–111.

Караганда. Вид на парк им. 30-летия ВЛКСМ и пруд. Около 1980 г.
Из архива д-ра техн. наук Ю.М. Бирюкова (Калининград)

В те уже далекие времена значительную часть Карагандинской области занимали отделения Карлага. В среде заключенных сложился особый научный коллектив натуралистов из 15 профессоров и 36 кандидатов наук. Природу Сарыарки изучали Б.К. Фортунатов, И.К. Фортунатов, В.А. Буланже, В.С. Пустовойт, А.С. Архангельский и другие[12]. Среди «чистых» орнитологов на первом месте стоит имя выпускника МГУ, профессора Льва Борисовича Бёме (1895–1954). В Долинке и Батыке он провел шесть лет, с 1940 по 1946 г. Данные о 40 видах птиц изложены им в научной публикации «Некоторые особенности биологии птиц Центрального Казахстана» (1950). Впоследствии свои наблюдения над природой края обобщил в научно-популярной книге «Рассказы натуралиста» (1955). В.А. Ленхольд указывал, что был знаком и с другой книгой коллеги «Певчие птицы» (1978).

Со временем В.А. Ленхольд в Караганде сблизился с другим наблюдателем за птицами степной зоны Казахстана, Евгением Александровичем Степановым (1912–1994). Немец с русской фамилией прославился как энтузиаст сельскохозяйственного дела на шахте им. В.И. Ленина в Шахтинске. Степанов посвятил орнитофауне Сарыарки семь чисто научных работ на страницах московских и алма-атинских изданий[13]. К сожалению, большая часть его практических сборов остается пока неопубликованной.

---

[12] Подробнее см.: *Христенко А.Ф.* Сельское хозяйство в сухостепной зоне Казахстана. — Караганда, 2002.

[13] *Степанов Е.А.* Материалы по экологии и практическому значению розового скворца в Карагандинской области // Орнитология. — Вып. 3. — М., 1960. — С. 292–297.

Статьи по орнитологии самого В.А. Ленхольда стали появляться в специализированных сборниках с 1956 г. Имеются в виду публикации: «Сроки пролета птиц в Караганде и ее окрестностях», «Изменения в фауне птиц Караганды за последние 20 лет», «О гнездовании погоныша в г. Караганде» и другие. Многие наблюдения и выводы В.А. Ленхольда использованы в пятитомном издании «Птицы Казахстана». (Пятитомник подготовили ученые института зоологии Академии наук Казахстана, в 1978 г. он был удостоен Государственной премии Казахской ССР).

Виктор Александрович Ленхольд дружил и переписывался со многими коллегами. Однако монографию по орнитофауне Караганды ему при жизни издать не удалось. Только недавно профессор Анатолий Федорович Ковшарь опубликовал ее в сокращенном варианте «Птицы города Караганды и его окрестностей». Работа с перечнем 211 видов пернатых появилась в «Орнитологическом вестнике Казахстана и Средней Азии»[14]. 30 июня 2015 г. я получил от А.Ф. Ковшаря подарок — электронную версию этой публикации, выполненную с собой тщательностью и с большой любовью.

В предисловии В.А. Ленхольд сообщает: «В настоящую работу включены только те виды, которые встречались и наблюдались лично автором. Может быть, слишком строго решался вопрос о гнездовании птиц в изучаемой области, но тут мы педантично и скрупулезно следовали требованиям И.А. Долгушина — не поддаваться соблазнам увеличить процент гнездящихся птиц без твердых доказательств, которыми служат находки жилых гнезд или встречи слабо летающих птенцов»[15].

В заключение надо поблагодарить алма-атинских орнитологов, которые через указанную публикацию возродили память о Викторе Александровиче Ленхольде, человеке с трудной, неповторимой и яркой судьбой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анилинокрасочная промышленность. — 1932. — № 1–12.
2. Весь Петербург на [1896, 1897] год: Адресная и справочная книга. — СПб., 1896–1897.
3. Государственный архив по научно-технической документации Карагандинской области (ГА НТДКА). Фонд обувной фабрики.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 324.
5. *Ленхольд В.А.* Птицы города Караганды и его окрестностей // Орнитолог. вестн. Казахстана и Ср. Азии. — 2013. — № 2. — С. 3–63.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1912 год / Под ред. секр. ком. Ф.Ф. Кадобнова. — Калуга: Типо-литогр. губ. правл., 1912. — XVII, [3], 135, 189 с.
7. Памятная книжка Тульской губернии на [1910, 1917] год. — Тула, 1910, 1917.
8. *Попов Ю.Г., Куприянов А.*Н. Под небом Каркаралы. — Кемерово: КРЭОО «Ирбис», 2009. — 176 с.
9. *Степанов Е.*А. Материалы по экологии и практическому значению розового скворца в Карагандинской области // Орнитология. — Вып. 3. — М., 1960. — С. 292–297.
10. *Христенко А.*Ф. Сельское хозяйство в сухостепной зоне Казахстана. — Караганда, 2002. — 265 с.
11. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 361. Оп. 1. Д. 2328 «Ленгольд Александр» (1891). 6 л.; Ф. 994. Оп. 4. Д. 703 «О Ленгольде Александре Карловиче» (1888–1903). 77 л.

[14] *Ленхольд В.А.* Птицы города Караганды и его окрестностей // Орнитолог. вестн. Казахстана и Ср. Азии. — 2013. — № 2. — С. 3–63.

[15] Там же. — С. 3.

Э.Г. Князева

Русский немец Константин Фрешер — герой-подводник АПЛ «К-8»

19 марта 2016 г. отмечалась 110-я годовщина создания Подводных сил России. К этой дате приурочена статья о трагической истории атомной подводной лодки «К-8», на которой служил Константин Фрешер, единственный немец в многонациональном экипаже субмарины.

Предки российских немцев переселялись в Россию в разное время и из разных земель Германии. Приток иностранцев особенно усилился при Петре I и его преемниках. На благо России служили многие поколения немцев — военных, инженеров, ученых, врачей, архитекторов, скульпторов.

Петр I строил Петербург как европейский город, как морскую гавань. За выход к морю шла длительная Северная война со Швецией. Город и сегодня является ярким свидетельством влияния многих специалистов из старой Европы. Одним из сподвижников Петра Великого был вице-адмирал русской службы Корнелиус Крюйс, первый командующий Балтийским флотом. При нем завершилось строительство крепости и гавани в Кронштадте. В летопись Российского флота вошли имена таких выдающихся мореплавателей немецкого происхождения, как И.Ф. Крузенштерн, Ф.Ф. Беллинсгаузен, Ф.П. Литке, Ф.П. Врангель. Всемирную известность приобрела династия астрономов Струве. История отечественной науки немыслима без таких ученых, как Г. Миллер, Л. Эйлер, Б. Якоби, Я. Грот, Б. Раушенбах и многих других.

Основная масса немецких колонистов появилась в России в период правления Екатерины II. В годы ее царствования на Волге, под Петербургом, а потом и на территории современной Украины появились первые немецкие сельские поселения — колонии. География расселения немцев значительно расширилась при Александре I — новые колонии возникли на юге Украины, в Бессарабии, Крыму, на Кавказе.

Предки Константина Фрешера оказались в том же потоке переселенцев, ехавших в Россию в поисках лучшей судьбы. В 1809 г. прибыл первый Фрешер — кузнец, лютеранин Вильгельм (родился 20 сентября 1780 г. в деревне Гард (Gard) возле города Франкфурт-на-Одере, Королевство Пруссия), предок всех российских Фрешеров. С ним были жена и две дочери. Направлялись под Одессу, но в связи с угрозой войны с Турцией группа переселенцев была оставлена властями в Запорожье.

В ревизской сказке 1811 г. имеются сведения о семье Фрешера (Fröscher) из колонии Розенталь: Вильгельм (31 год), жена Анна (28), дети: Доротея (7), Анна (4), Карл (2), Кристина (6 мес.). В хозяйстве числились 9 коров, 1 свинья, плуг, борона, телега, прялка и ткацкий станок. В последующие годы родились Вильгельмина (1814), Вильгельм (181?), Август (1819) и Анна Мария (1826). Вероятно, при рождении дочери умерла в апреле 1826 г. жена кузнеца, и он вновь женился на молодой Еве Маргарите Митцель (1803) родом из Цуценхаузена (Zuzenhausen, Baden). Готтлиб (1826), Луиза (1834), Фридрих (1838–1839), Христиан (1840) и Михаил (184?) — дети Вильгельма от второй жены. Сохранилась также запись в церковной книге о смерти кузнеца: умер 20 марта 1847 г. в колонии Розенталь в возрасте 66 лет 6 месяцев.

Все последующие поколения Фрешеров вплоть до 1917 г. жили в Розентале или поблизости от него, славились как мастеровые люди, семьи были многодетными (имели по 9–11 детей).

© Э.Г. КНЯЗЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 292–300.

Фрешер Константин, моряк-подводник Северного флота

Один из Фрешеров, Евгений Эдуардович (17 октября 1890, Розенталь/Школьное — 1938) еще в начале 1900-х годов оказался на Волге, работал грузчиком, рядовым участвовал в Первой мировой войне. При советской власти стал видным партийным и государственным деятелем — первым (ответственным) секретарем областного комитета АССР Немцев Поволжья (1932–1934, 1935–1936, 1937). В 1937 г. был арестован по сфабрикованному делу о националистической фашистской организации, якобы существовавшей в Немецкой республике. Практически все действовавшие и бывшие первые лица республики были арестованы как «руководители подпольной организации» и были расстреляны. Е. Э. Фрешер погиб в 1938 г.

Дед Константина Фрешера Эдгар (1892–1967) родился в колонии Шенталь, работал бухгалтером. Бабушка Берта Гехт (Hecht, 1904–1968) была родом из Водяного. Они и их дети проживали на Украине, пока их не депортировали в сентябре 1941 г. В то время Эдгар находился на оборонительных работах, а когда вернулся, застал пустой дом — Берту с семью детьми (Гильда (17), Густав (15), Вольдемар (13), Эмилия (10), Зельма (7), Рейнгольд (3), Лидия (4 мес.)) отправили в Казахстан.

В Сибирь из Поволжья была выслана и семья Вебер — родители, четыре дочери, зять и две внучки. Среди них была будущая мать Константина — младшая дочь Амалия. Два сына Вебер пропали без вести на финской войне. Дочь Нина отстала от поезда и потерялась, так и не нашли ее следов. Семья попала в Омскую область.

В 1942 г. Густав Фрешер, ставший поневоле главным кормильцем семьи, и его старшая сестра Гильда были мобилизованы в трудармию. Густав попал в Кузбасс, на угольные шахты. В это время без его помощи семья страдала от голода, вскоре умерли сестренки Зельма и Лидия.

Разобщенной оказалась и семья Вебер. Внучки остались с дедушкой и бабушкой в Омской области, а их родители направлены на Север, средняя сестра Катя — в Челябинск, младшая Амалия — в Кузбасс. Ей было 16 лет.

В Киселевске Кемеровской области трудармейцы жили за колючей проволокой, в так называемом общежитии (дощатый барак), спали на двухъярусных нарах, отдохнуть, прилечь на них в неурочное время было нельзя, можно было только спать ночью. Баня — один раз в неделю. На работу и обратно — под конвоем. Все, и девушки тоже, работали в шахте, по 12 часов через 12, без выходных.

Туда и попала Амалия Вебер. Она и ее подруги по несчастью проплакали всю ночь, когда им сказали, что завтра все пойдут работать в шахту. «Мы думали, что там — ад», — говорила Амалия. Там и в самом деле был ад.

Победа не принесла свободу, на смену трудармейским лагерям пришло спецпоселение с унизительными явками в комендатуру для отметок вплоть до 1956 г.

В 1947 г. рано повзрослевшие Амалия Вебер и Густав Фрешер поженились, вскоре родился первый сын Володя. Всего за время спецучета родились четыре ребенка, Костя был вторым сыном.

Появился на свет он дома, роды принимала соседка бабушка-повитуха, которая велела назвать мальчика Михаилом, так как был Михайлов день — 21 ноября 1949 г. Но когда отец пошел регистрировать ребенка, то с чиновником произошел такой разговор. «Как зовут?» На что отец, подумав, что спрашивают его имя, сказал: «Костя» (Густав — Кустав — Костя, так по-русски стали его называть в Кузбассе). В результате

в метриках появилось имя Константин. В просьбе поменять имя было отказано — бланки строгой отчетности нельзя было портить. Бабушка потом ругалась, сказала, что отобрали у ребенка счастье, лишили его небесного покровителя.

Вскоре родители построили первый небольшой домик с двумя комнатками. Со временем появился патефон, баян, радиола с пластинками, завели корову, очень ценился свой собственный колодец и небольшой огород. А потом был первый Москвич-401! Родители были очень трудолюбивы, семья была непьющая. Отец работал в шахте в четыре смены.

В 1957 г., через 16 лет, дед Эдгар нашел семью. В депортацию он не попал, а при отступлении немецкой армии был вывезен в Германию, как и все немецкое население, оказавшееся на оккупированной территории. Он очутился в западной части Германии, в Нидде, на земле предков, поэтому избежал репатриации. В Германии в 1946 г. у него родилась девочка Гильда в гражданском браке. Назвал он ее так же, как свою первую дочь. Долгие годы обе стороны считали друг друга погибшими. Спустя время у знакомых Эдгара обнаружились живые родные в Казахстане. Тогда дед стал вкладывать в чужие письма и свой листочек со своим адресом и именами детей и жены с просьбой передать послание кому-либо из этого списка. И однажды бабушке передали такой листочек.

Завязалась переписка. Письма от деда получали в НКВД. Бабушка хотя и была неграмотна, велела прекратить всем детям переписку с отцом — боялась за детей и внуков. Сама же до самой смерти писала деду через дочь Эмилию, у которой одной тогда еще не было детей. Встретиться старикам не было суждено. После смерти деда Эдгара переписка продолжилась с его дочерью Гильдой.

Семья Фрешер прибавлялась. Домик стал мал, поэтому продали все имущество и купили хороший, большой дом. Вскоре детей стало уже шестеро. Отец говорил матери: «Смотри, каждый следующий ребенок лучше предыдущего». Густав был большим любителем разных новинок. Первый телевизор на улице был в его семье, и мотоцикл тоже. В 1957 г., не сумев уговорить соседей, он в одиночку прокопал от водопроводного колодца на соседней улице до дома траншею длиной 75 м и глубиной 2,5 м — в доме появился водопровод.

Отец Константина всегда любил спорт, занимался вместе с будущим олимпийским чемпионом Рудольфом Плюкфельдером. Но, видимо, из-за того, что дед Эдгар жил в Германии, Густава не выпускали на большие соревнования. Он хорошо играл на баяне, и Костя тоже сам научился игре на инструменте. Позже и другие братья освоили и баян, и гитару.

В 1962 г. после приобретения автомобиля «Волга» шахтер Густав Фрешер подвергся настоящей травле со стороны парткома шахты. В результате у него случился инфаркт. После этого Густав получил инвалидность, ему было запрещено работать под землей. Старшие сыновья Володя и Костя ушли из дневной школы в вечернюю, чтобы работать и помогать семье. Видеть, как начинает бедствовать семья, было невыносимо, поэтому через некоторое время отец выбросил удостоверение инвалида и вернулся в свою бригаду. И стал работать по-прежнему. По выходным вставал на лыжи и всех остальных к этому приучил. Сыновья росли очень спортивные. В доме были велосипеды, лыжи, коньки, две пудовых гири, которые Костя связывал и вешал себе на шею, а еще брал на руки младших Олю и Валеру и «качался», как сейчас бы сказали.

Костя всегда был хорошо одет: наутюженные стрелки на брюках-дудочках, в выходные надевал модную тогда белую нейлоновую рубашку с галстуком-селедкой и запонками и остроносые туфли-«корочки». Очень любил технику. Сначала у него был мопед, потом мотоцикл. А позже отец ему первому из братьев дал доверенность на машину. Он был заботливым братом, поэтому возил младших в школу. Но и под машиной в яме приходилось лежать, разбираться в устройстве сложного механизма. В результате с техникой он был на «ты».

Когда в 1968 г. Косте пришла повестка на службу в армию, провожали его весело, как и всех других. Маме в тот день соседка сказала: «Что же ты даже не заплачешь?» На что та ответила: «А что, на войну, что ли, его провожаем?» С дороги Костя прислал восторженную телеграмму: «Ура! Я буду служить на флоте!» В пути на Север он отметил свой день рождения — ему исполнилось 19 лет.

Вначале был учебный отряд в Северодвинске. Совсем непросто было заниматься много часов подряд, изучать сложные схемы устройства субмарины, до автоматизма отрабатывать разные ситуации, которые могут произойти на глубине в лодке, выходить через тесный торпедный аппарат в воду на глубине. Вместо отдыха — занятия рукопашным боем. Ведь подводники — это элита флота, и они в любой ситуации должны быть на высоте. Отбор по здоровью был жесткий, поэтому некоторых матросов переводили на другое место службы.

После окончания учебного отряда Константина зачислили в экипаж АПЛ «К-8» в военно-морскую базу Гремиха Мурманской области (Островной). Гремиха (первоначально Йоканьга) была самая удаленная база Северного флота. Еще в 1822 г. адмирал Ф.П. Литке, изучая берега Баренцева моря, приметил это место. В 1894 г. по указанию Николая II здесь был С.Ю. Витте, искал место для устройства порта. Только после Великой Отечественной войны в Йоканьге началась большая стройка военно-морской базы.

Подводники прозвали Гремиху «Осиным гнездом». На базе были лодки разных проектов, в т. ч. и новейшие атомные. АПЛ «К-8» была всего лишь третьей из первого поколения атомных подводных лодок проекта 627А «Кит».

Представители 11 национальностей входили в состав экипажа АПЛ «К-8», а Константин Фрешер был единственным немцем. Он был веселым, коммуникабельным, спортивным парнем. Товарищи вспоминали, что он всегда был в центре событий. Участвовал в самодеятельности, любил пародировать. В экипаже он сразу пришелся ко двору, дружил и со старослужащими, и с новичками. По-прежнему много занимался спортом, члены экипажа бегали на лыжах, «тягали» штангу, «кидали» гирьки, боксировали.

Командир АПЛ «К-8», капитан 2-го ранга Всеволод Борисович Бессонов пользовался безусловным авторитетом среди офицеров флота, а экипаж его просто боготворил. В 23 года он стал кавалером ордена Боевого Красного Знамени за первые удачные стрельбы ядерной торпедой на полигоне Новой Земли. Командир знал лично каждого матроса. На нескольких свадьбах сверхсрочников Бессонов был свидетелем. Узнав, что немец Фрешер не очень хорошо знает немецкий язык, в свободное время стал заниматься с ним. Сам он в детстве пережил немецкую оккупацию в Курской области и знал этот язык хорошо.

АПЛ «К-8» выполняла в море различные задачи, но весь экипаж и его командир мечтали совершить большой поход на боевую службу. Шла холодная война. В феврале 1970 г. на АПЛ «К-8» началась подготовка к походу. Пришло письмо от Константина: «Не переживайте, что долго писем не будет. Зато в мае я приду в отпуск. Ждите!»

В ночь на 17 февраля «восьмерка» ушла в свою первую автономку. Из Гремихи атомоход попал через несколько дней в Средиземное море. Через Гибралтарский пролив, оборудованный гидроакустическими системами наблюдения вероятного противника, «К-8» незаметно прошла под днищем большого ракетного корабля «Неуловимый», чтобы не обнаружить себя. В Средиземном море стоял 6-й американский флот. Цель боевой службы — слежение за авианосцами «Мидуэй» и «Саратога». Началось боевое патрулирование, изнурительное и опасное.

Первого апреля пришел долгожданный приказ следовать в Гремиху. Гибралтар форсировали, прикрываясь шумами ракетного корабля «Бойкий». Незадолго до этого с «Бойкого» на «К-8» догрузили регенерацию, продовольствие, воду. По плану лодка должна была вернуться в базу 10 апреля. Но первоапрельский приказ оказался «шуткой».

Константин Фрешер (справа) в учебном отряде с товарищами по службе. Северодвинск, 1968 г.

6 апреля 1970 г. был получен новый приказ — следовать в северо-восточную часть Атлантического океана для участия в маневрах «Океан», крупнейших за всю историю советского военно-морского флота.

8 апреля в Бискайском заливе при всплытии с глубины 140 м под перископ для сеанса радиосвязи в 22 часа 31 минуту возник пожар, сразу в двух отсеках: третьем (центральном) и седьмом (электротехническом, где размещался пульт управления главной энергетической установкой). На вахте — третья боевая смена. Константин, электрик в этой смене, заступил на боевой пост в седьмом отсеке.

Электрики — самая многочисленная группа специалистов на подлодке. Да и не мудрено. Лодка просто напичкана сложным электрооборудованием. Нужно было много знать и разбираться в хитросплетениях многочисленных проводов. Костя еще до службы работал на шахте подземным электрослесарем, и азы профессии были ему знакомы. В свидетельстве, выданном после окончания учебного отряда, стоят одни пятерки.

Оставшиеся в живых подводники вспоминают, что раздался хлопок, а затем последовал взрыв, задымление. В седьмом отсеке была складирована та самая излишняя регенерация в банках, которую незадолго до этого загрузили. Штатных мест для хранения большого количества банок не хватило, и их рассовали во все более-менее свободные места. Регенерация — это, по сути, концентрированный кислород. Вот она-то и воспламенилась, а при ее горении температура достигает 3000°. Потушить ее нельзя, т. к. она горит даже под водой. В сложившейся ситуации командир подлодки отдал приказ на всплытие.

Вскоре за сигналом тревоги поступил приказ оставить седьмой отсек, т. к. бороться с огнем здесь было невозможно. Не успев надеть на себя и включиться в индивидуальные дыхательные аппараты (ИДА), товарищи по отсеку в считанные секунды выскочили в соседний, восьмой отсек.

Главную опасность представляли два ядерных реактора, их нужно было заглушить во что бы то ни стало. Пламя из горящего отсека могло ворваться в пост управления реакторами. Но лодка была еще на глубине, поэтому офицеры первой смены поста

управления наглухо задраили переборку, понимая, что выхода наружу уже не будет. Капитан 3-го ранга В. Хаславский, капитан-лейтенант А. Чудинов и старшие лейтенанты Г. Шостаковский и Г. Чугунов погибли мученической смертью, выполнив главную задачу — заглушили реакторы, не допустили возможности теплового взрыва. Позднее оставшиеся в живых в этой страшной аварии вспоминали, что последние слова, которые услышали от них по внутренней связи, были: «Нечем дышать. Кончается кислород. Прощайте, ребята, не поминайте нас лихом».

Лодка всплыла в надводное положение. Восьмой отсек был жилой. Здесь же был камбуз и лазарет. Кроме того, здесь был спасительный люк наверх. Сигнал тревоги застал там многих подводников. К ним добавились те, кто покинул седьмой отсек. Половина моряков в восьмом отсеке оказались без дыхательных аппаратов. ИДА в то время были достаточно громоздки и находились только на боевых постах.

От быстрого всплытия и разницы давления заклинило люк восьмого отсека. На лодке была полная тьма. Те, кто был в состоянии, до последнего пытались открыть выход изнутри. От чрезмерных усилий сломали кремальеру, били кувалдой, люк не поддавался. Через переборки из горящего седьмого отсека вскоре стал проникать угарный газ и ядовитые продукты горения. Подводники из восьмого разделили дыхательные аппараты со своими товарищами. Когда люк через несколько часов удалось все-таки открыть с помощью лома сверху, под ним внизу лежала груда тел тех членов экипажа, кто по очереди пытался открыть затвор и, обессилев, падал вниз.

Товарищи немедленно стали поднимать их на верхнюю палубу. Константина поднял старшина 1-й статьи сверхсрочной службы Иван Гайдук. «Ваня, как хочется жить», — успел еще сказать Костя. На палубе всех укрывали одеялами, тормошили, делали искусственное дыхание, но все было напрасно — 16 человек погибли. Выжили тогда всего четверо из 20. Один из выживших, старшина 1-й статьи Ю.В. Ильченко, за несколько дней до этого прооперированный, лежал в лазарете. Доктор А.М. Соловей надел на него свой ИДА, а сам погиб.

Уцелевшие моряки из шестого отсека могли выйти наверх только через полностью загазованный центральный пост. В сплошном дыму и темноте этот путь до трапа смогли преодолеть всего трое, включенные в ИДА. Утром выяснилось, что из 125 30 человек погибли. Часть людей осталась в горящих отсеках. Попытка запустить дизель-генераторы не удалась. Последняя надежда командира дать энергию на аварийный корабль пропала…

Пожар попытались затушить путем герметизации горящих отсеков. Лодка была без хода, без связи. К полудню погода стала портиться, кормовые отсеки пришлось задраить. Только в двух носовых отсеках пока еще можно было находиться. Днем на горизонте показался корабль. Был подан сигнал пятью красными ракетами. Судно оказалось канадским сухогрузом „Clyv de Ore“. Корабль подошел к поврежденной лодке, не подавая сигнала, развернулся на прежний курс и удалился. Следом появились самолеты-разведчики НАТО, которые сбрасывали буи вокруг субмарины и фотографировали ее.

На третий день аварии субмарину заметил болгарский сухогруз «Авиор» с советским капитаном-наставником Р.Г. Смирновым. Экипаж «Авиора» оказал помощь подводникам. Была передана радиограмма через Варну в Москву, сняли 43 человека с подлодки. Наконец в Главном штабе ВМФ стало известно об аварии, и по приказу из центра к терпящей бедствие подводной лодке были направлены находившиеся рядом советские корабли и суда. 11 апреля в район аварии подошли «Комсомолец Литвы», «Саша Ковалев», теплоход «Касимов», а в ночь на 12 апреля — гидрографическое судно «Харитон Лаптев». Главком ВМФ требовал в радиограмме: «Главное — удержаться на плаву, любой ценой спасать лодку…» В условиях шторма попытки взять АПЛ на буксир не удались. Толстые канаты рвались, как нитки. Решено было переждать до утра.

Вечером 11 апреля командир распорядился снять с лодки еще 30 моряков, оставив в ограждении рубки аварийную команду. Кроме рубки, уже негде было находиться. Среди моряков, определенных для второй эвакуации, был и старшина 1-й статьи, комсорг АПЛ, делегат XVI съезда ВЛКСМ от Мурманской области Л. Чекмарев. Но он предложил командиру отправить вместо себя старшего матроса Б. Кириченко, друга и земляка, т. к. у того дома были жена и маленький сын. Предложение было принято. С огромным трудом, шлюпками на теплоход «Касимов» переправили 30 моряков. На АПЛ остались 22 человека.

В ночь на 12 апреля АПЛ «К-8» опрокинулась на корму и затонула. Бушевал восьмибалльный шторм, никого спасти не смогли.

Позже правительственная комиссия проанализировала происшествие. В акте указывалось, что гибель «К-8» произошла вследствие опрокидывания, вызванного потерей продольной остойчивости, вследствие накопления воды в кормовых отсеках прочного корпуса, проникающей туда через выгоревшие сальники. Действия личного состава были названы правильными.

Закрытым указом Президиума ВС СССР командир АПЛ В.Б. Бессонов был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Всех погибших моряков и оставшихся в живых офицеров и мичманов наградили орденом Красной Звезды, оставшихся в живых матросов — медалью Ушакова.

Экипаж «К-8» совершил подвиг: все оставались на своих боевых постах, до конца исполняя воинский долг. Подводники защищали свой корабль, интересы своей страны. Вероятность ядерного заражения у берегов Европы была предотвращена. Радиационный фон и сегодня остается в норме.

КИСЕЛЕВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

5 мая 1970 г.
№ 271
г. Киселевск Кемеровской области

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын старшин матрос ФРЕШЕР Константин Густафович, 1949 года рождения. Уроженец гор. Киселёвск, Кемеровской области, находясь в море 10 апреля 1970 года погиб при исполнении служебных обязанностей.

Похоронен: с отданием воинских почестей 12 апреля 1970 года в море.

КИСЕЛЕВСКИЙ ГОРВОЕНКОМ
ПОДПОЛКОВНИК КОЛОКОЛО

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛЕНИЯ
ПОДПОЛКОВНИК ВОТЯКОВ

Извещение о гибели К.Г. Фрешера.
5 мая 1970 г.

Трагедия произошла 12 апреля, в День космонавтики, в преддверии 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. На историю с «К-8» наложили гриф «Совершенно секретно» на долгие годы. Только на XVI съезде ВЛКСМ (26–30 мая 1970 г.) была объявлена минута молчания по поводу гибели делегата от Мурманской области старшины 1-й статьи Л.В. Чекмарева, причину гибели не назвали.

5 мая семья Константина Фрешера получила извещение: «Ваш сын, находясь в море, погиб при исполнении служебных обязанностей». Через несколько дней его маму пригласили в военкомат. Она принесла… 100 рублей. Вскоре пришло известие о награждении Константина Фрешера орденом Красной Звезды.

В 1974 г. в Гремихе появился памятник подводникам, погибшим в океане. Но ни спасенных членов экипажа «К-8», ни родных погибших командование не пригласило, хотя и обещало. «Секретный монумент» — так назывался документальный фильм о погибшей подлодке, снятый в 2000 г. На памятнике экипажу не было даже названия подводной лодки.

О случившемся в море семья ничего не знала. В 1978 г. Амалия Фрешер добилась пропуска в Гремиху. Постояла у памятника, положила венок, горсточку родной земли. Так ничего и не узнав, вернулась домой.

Единственный орден, полученный семьей погибшего моряка с АПЛ «К-8», на всех 52 погибших товарищей, — это орден Константина Фрешера. И только благодаря матери, Амалии Федоровне, которая ходила в военкомат 23 года подряд. Получала отказы, нелепые отговорки. Менялись военкомы, а она шла, и просила, и требовала снова и снова. Когда в 1993 г. ей вручили орденскую книжку и орден, то сказали: «Мать, ты сама можешь этот орден носить». В 2010 г. Амалии Федоровны не стало.

Через год пришло письмо из Санкт-Петербурга. Сообщалось, что группа курсантов ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова «Морская вахта памяти» под руководством доцента факультета «Навигации и связи» М.А. Русиной начала поисковую работу. Необходимо было восстановить историческую справедливость по отношению к памяти экипажа АПЛ «К-8». По просьбе ветеранов-подводников 7-й дивизии Северного флота и Университета морского и речного флота им. С.О. Макарова был сделан забор воды в точке гибели «К-8», подготовлены 52 именные капсулы. Поисковая группа собрала архивные материалы, помогающие восстановить картину подвига АПЛ «К-8». Были отправлены письма во многие регионы России и ближнего зарубежья по собранным данным.

Первое захоронение именной капсулы старшего матроса АПЛ «К-8» Ю.Ф. Печерских прошло 8 апреля 2012 г. в Курганской области, в селе Жуково. Город Киселевск был вторым местом захоронения капсулы с морской водой для члена экипажа — Константина Фрешера. Единственный из родителей погибших подводников, к тому времени оставшихся в живых, отец Кости Густав Эдуардович все еще проживал в том же доме, из которого проводили сына в 1968 г. Он немного не дожил до своего 90-летия — скончался в мае 2016 г.

25 октября 2012 г. в Киселевске состоялся День памяти К.Г. Фрешера. Была открыта мемориальная доска на стене горного техникума, в котором Константин учился. С воинскими почестями захоронена капсула рядом с могилой матери на местном кладбище. В марте 2013 г. в Киселевском краеведческом музее открыта экспозиция, посвященная Константину Фрешеру.

В настоящее время память о героях-подводниках АПЛ «К-8» увековечена в нескольких местах, в разных формах. В Мурманске это «Книга памяти» в Мемориальном маяке, в которой перечислены имена всех военных и гражданских моряков, погибших в мирное время. В Никольском соборе Петербурга появилась мемориальная доска «К-8», сооружен мемориальный комплекс в Сестрорецке.

За время поиска был создан Совет родственников погибших членов экипажа. Более половины семей погибших подводников уже найдены. Пока увековечены 23 имени.

Экспозиция, посвященная К.Г. Фрешеру, в Киселевском краеведческом музее

«Морская вахта памяти» продолжает работу в новом составе — первый закончил обучение в вузе. Поисковую работу курсантов поддержал Морской совет Санкт-Петербурга, Международная ассоциация подводников. Работа по восстановлению исторической справедливости продолжается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быстров С.* Пожар в глубине океана // Труд. — 1993. — 26–28 авг.
2. *Модин А.* Костей Фрешером гордится подводный флот // Телевизион. вестн. — 2012. — 31 окт.
3. *Сергеева А.* Память о моряке-подводнике Константине Фрешере // В бой за уголь. — 2012. — 27 окт.
4. *Фалеев О.* М. Трагедия в океане // Перископ. — 2004. — № 2; 2006. — № 3.
5. *Чернавин В.* Н. Флот в судьбе России. — М.: Андреевский флаг, 1993.
6. *Шигин В.* Обреченная подлодка медленно тонула // Труд. — 1993. — 26 нояб.
7. Воспоминания ветеранов-подводников АПЛ «К-8», участников аварии: И.И. Филимонова, М.В. Маклачкова, Н.К. Кострюкова, В.А. Перевозчикова, И.В. Олейника, В.Н. Пронузы.
8. Семейный архив Фрешер.
9. Материалы Интернета.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Научная жизнь: хроника событий

16 февраля, Москва. В Институте этнологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН состоялась защита диссертации Кауганoвым Евгением Леонидовичем по теме «Содержание и динамика немецкой национальной идентичности после Второй мировой войны (1945–2000-е гг.)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность: 07.00.07). Научный руководитель: директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований д-р ист. наук, проф. М.Ю. Мартынова; официальные оппоненты: главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН д-р ист. наук, проф. А.М. Филитов, старший научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН канд. ист. наук Ю.В. Бучатская. Ведущая организация: кафедра этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

17–19 марта, Хёнинген (Höningen, Германия). Проведен исторический семинар «Духовное пробуждение и жизнь общин в нашей истории». Встречи с историками под эгидой издательства «Заменкорн» (Samenkorn, Steinhagen) проходят регулярно на протяжении 10 лет.

30 марта — 2 апреля, Москва. Работала IV Международная научно-практическая языковая конференция: «Немцы России: стратегии развития языковой работы. 5 лет ответственности». Организаторами мероприятия выступили Международный союз немецкой культуры и «Институт этнокультурного образования — BIZ» при поддержке МВД Германии.

7 апреля, Санкт-Петербург. В Президентской библиотеке им. Ельцина состоялась конференция «200 лет консульского присутствия Швейцарии в Санкт-Петербурге».

Мероприятие было организовано Генеральным консульством Швейцарии в Санкт-Петербурге, при поддержке Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, офиса по туризму Швейцарии в Москве и бизнес-школы управления в индустрии сервиса «Swissam Санкт-Петербург». С приветствием участникам конференции выступил Мишель Файетта, Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге. Гостей приветствовали Игорь Лонский, первый заместитель председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, Ватаняр Ягья, советник председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга по международным вопросам, и Владимир Запевалов, представитель МИД России в Санкт-Петербурге, чрезвычайный и полномочный посланник.

Профессор Лозаннского университета Д. Тосато-Риго представил слушателям общую историческую картину дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. С докладом «Современные дипломатические отношения между Россией и Швейцарией» выступил Генеральный консул М. Файетта.

Во второй части конференции в группах обсуждались вопросы, касающиеся роли Швейцарии в международном контексте: двусторонние отношения между Швейцарией и Россией; роль Швейцарии как страны, принимающей международные конференции, а также экономическое, научное и культурное сотрудничество между двумя странами.

7–8 апреля, Санкт-Петербург. В 18-й раз прошла научная конференция «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект», организованная Музеем

антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) совместно с Фондом «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге». Руководителем оргкомитета на протяжении всех лет существования конференции является канд. ист. наук Татьяна Алексеевна Шрадер (Кунсткамера). По традиции доклады были разбиты на четыре блока: XVIII, XIX, XX вв. и «История немецких родов и семей в Санкт-Петербурге».

23 апреля, Санкт-Петербург. В главном здании Российской национальной библиотеки (РНБ) работала Четвертая ежегодная российско-германская научная конференция «Российские роды немецкого происхождения», организованная Центром генеалогии РНБ совместно с Русским генеалогическим обществом и Генеральным консульством Германии. С докладами выступили сотрудники Центра генеалогии и члены Российского географического общества (РГО): канд. географ. наук, руководитель Центра генеалогии И.В. Сахаров («Место немецкой общины в этнически гетерогенной среде дореволюционного Санкт-Петербурга» и «Российские фон Рутцены»), главный библиограф Центра генеалогии, вице-президент РГО А.В. Краско («Битепажи»), Н.М. Светлова («Новое о российских Брунсах»), Е.Ю. Бударин («Семья придворных садовников Боде в Павловске»), А.Л. Патракова («Шульманы — генералы Российской армии»), Л.А. Димитриева («Вейнеры — пивовары, дипломаты, искусствоведы»).

13 мая, Алма-Ата (Казахстан). В Казахстанско-Немецком университете прошла презентация сборника материалов международной научно-практической конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином», состоявшейся в октябре 2015 г. в Астане.

25 мая, Алма-Ата (Казахстан). В библиотеке Казахстанско-Немецкого университета открылась выставка книг о немцах Казахстана, приуроченная ко Дню памяти жертв политических репрессий, который отмечается в республике 31 мая.

16 июня, Герне (Herne, Германия). В Мартин-Опиц-библиотеке (*Martin-Opitz-Bibliothek*) д-р Екатерина Нейфельд, руководитель Музея российских немцев в Детмольде, представила передвижную выставку «Немецкие поселенцы под Петербургом: историко-культурный ландшафт» („Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft“), подготовленную Фондом «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге» к 250-летию основания петербургских колоний (открыта в Детмольде в октябре 2014 г.).

Июль, Москва. На портале Rusdeutsch открылся новый ресурс: «Электронная книга памяти российских немцев». Он стал результатом реализации проекта «Объединенный электронный банк данных. Репрессивная политика против российских немцев в XX веке». Материалы сайта содержат сведения о 100 тыс. персоналиях с автоматизированной анкетой-выборкой и поисковой системой, фотогалерею, карты ИТЛ и спецпоселений, перечень некрополей и памятных знаков, библиографию и исследования по теме. Значительный объем контента, содержащий публикации, источники, электронные ресурсы и электронные книги, еще предстоит открыть после заключения договоров с издательствами и авторами. Руководитель проекта — д-р ист. наук, проф. В.М. Кириллов. Осуществление проекта стало возможным в результате многолетней работы лаборатории «Историческая информатика» Нижнетагильского государственного социально-педагогического института над проектом «Gedenkbuch», начатой в 2000 г.

28 августа, Волгоград. В помещении Сарептской лютеранской кирхи состоялась презентация сборника документов «Списки депортированных российских немцев

с территорий бывшей Республики Немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области» (в двух томах). Материалы сборника документов содержат списки российских немцев, депортированных в сентябре 1941 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР из 64 районных центров, сел и деревень кантонов бывшей Республики Немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области. Это результат многолетней работы сотрудников Волгоградского центра германских исторических исследований под руководством проф. Н. Э. Вашкау. Составители сборника: д-р ист. наук, проф. Н. Э. Вашкау; канд. ист. наук Е. Л. Фурман; Л. А. Фалалеева.

6 сентября — 7 октября, Санкт-Петербург. В Научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки РАН работала выставка, посвященная 275-летию со дня рождения академика Петра Симона Палласа (1741–1811), выдающегося российского и немецкого ученого, естествоиспытателя, географа, путешественника, основателя отечественной зоологии. Фонд редкой книги БАН насчитывает более 70 книг П. С. Палласа на русском и иностранных языках, некоторые из которых были частью частных владельческих коллекций или библиотек. Были представлены 11 книг из 70 произведений Палласа, хранящихся в БАН.

9–10 сентября, Фульда, Висбаден (Гессен, Германия). В Фульде состоялся совместный российско-германский культурно-исторический семинар, посвященный актуальным проблемам истории и культуры российских немцев. В работе приняли участие профессора, аспиранты и студенты двух государств. Всего — 37 чел. Цель семинара — приобщить молодых и талантливых ученых к исследованию вопросов истории и культуры российских немцев, способствовать избранию ими для своей дальнейшей работы малоизученных проблем, имеющих важное историческое и практическое значение.

Семинар открылся тремя общими докладами. Заместитель председателя Международного союза немецкой культуры О. К. Мартенс выступила по теме «МСНК — основа самоорганизации российских немцев: структура и система взаимодействия». Председатель Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, д-р ист. наук, проф. А. А. Герман осветил вопрос «Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев — организация-партнер МСНК и ее роль в системе самоорганизации российских немцев». С сообщением «Проекты МСНК, направленные на сохранение и популяризацию истории и культуры российских немцев» обратилась к участникам канд. филол. наук Ольга Силантьева.

В дальнейшем, в течение 9 и 10 сентября, работало шесть секций, на которых выступали со своими докладами молодые ученые. Вели секции и давали рекомендации молодым исследователям опытные ученые России и Германии — исследователи проблем истории и культуры российских немцев. Тематика секций:

1. Общественно-политическая жизнь немцев России XIX–XXI вв. (ведущие — д-р, проф. Виктор Дённингхаус и зам. председателя МСНК Ольга Мартенс);
2. История религии и церкви российских немцев в контексте 500-летнего юбилея Реформации (ведущие — д-р ист. наук, проф. Ольга Лиценбергер, д-р Иоганнес Дик);
3. Литература российских немцев (ведущие — д-р филол. наук, проф. Елена Зейферт, д-р, проф. Аннелоре Энгель-Брауншмидт);
4. Этнография и музееведение российских немцев (ведущие — д-р. ист. наук, проф. Татьяна Смирнова, д-р Катарина Нейфельд);
5. Язык и диалекты немцев России (ведущие — канд. филол. наук, доц. Валентина Дятлова и д-р, проф. Нина Беренд).

Важным элементом семинара стал круглый стол по актуальным проблемам истории и культуры российских немцев (ведущий — д-р ист. наук, проф. Аркадий Герман). Для молодых исследователей, особенно для аспирантов, выходящих на защиту,

участие в семинаре было полезно. В частности, были прояснены вопросы терминологии, методологические подходы к исследованию тех или иных проблем истории, культуры российских немцев, немецкого языка и его диалектов.

В рамках семинара прошла презентация трех «черных книг» о депортации, трудовой армии и спецпоселении российских немцев[1] (провели О. Силантьева и А. Герман), а также был организован творческий вечер писателя и журналиста Александра Фитца, представлявшего свою новую книгу «Немецкие тайны».

10 сентября участники семинара посетили г. Висбаден, где приняли участие в мемориальных мероприятиях 3-го Гессенского Дня памяти жертв изгнания и депортации.

17 сентября, Санкт-Петербург. В Петрикирхе прошла научная конференция «Влияние Реформации в России: актуальные исследования ученых Петербурга», приуроченная к 500-летию Реформации. Организаторами выступила Евангелическо-лютеранская община св. Анны и св. Петра при содействии Санкт-Петербургского государственного университета и Общества по истории церкви в Померании. Руководители конференции: д-р ист. наук А. Прокофьев, проф., д-р В. Бухольц, д-р К. Эрихт.

18–19 октября, Новосибирск. Состоялся второй региональный научно-практический семинар «Репрессированная сибирская провинция». Мероприятие проходило в рамках реализации положений «Концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий», утвержденной правительством РФ 15 августа 2015 г. Организаторами выступили Новосибирское областное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» совместно с Новосибирской городской общественной организацией реабилитированных граждан «Колокол», Томским областным историко-просветительским, правозащитным и благотворительным обществом «Мемориал», Новосибирской государственной областной научной библиотекой, при поддержке правительства Новосибирской области и мэрии города Новосибирска. В выступлениях нашли отражение вопросы истории российских немцев.

19 октября, Великий Новгород. В Государственном архиве Новгородской области состоялась презентация выставки «Немецкие колонии Новгородской земли», которая является частью проекта по изучению немецкого населения на Новгородщине с XIX в. до 1941 г. Конечной целью проекта является издание сборника документов о немцах, хранящихся в архивах Великого Новгорода. Инициатива подготовки проекта принадлежит Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и Русско-немецкому Центру встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге. Работа ведется в сотрудничестве с Государственным архивом Новгородской области и Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого.

Участников приветствовали почетные гости: Снытко Оксана Васильевна (директор ГАНО), г-н Николай Стоиков (сотрудник отдела культуры и прессы Генерального Консульства Германии в Санкт-Петербурге) и Арина Александровна Немкова (директор РНЦВ). С сообщениями выступили: д-р ист. наук Ирина Васильевна Черказьянова («История в документах: опыт сохранения памяти о прошлом российских немцев»), канд. ист. наук Николай Вячеславович Салоников («Обзор документов Государственного архива Новгородской области по истории немецких колоний Новгородской губернии. XIX — первая половина XX в.»), канд. ист. наук Наталья Сергеевна Федорук («„Полезный пример…“ Образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX — первой половине XX в.»).

[1] Три книги (сборники научных статей и воспоминаний очевидцев), выпущенные в издательстве МСНК-пресс под редакцией А.А. Германа и О.Ю. Силантьевой: «Выселить с треском» (М., 2011); «… В рабочие колонны на все время войны». (М., 2012); «Навечно, без права возврата» (М., 2015). — *(Прим. ред.)*

Презентация проекта «Немецкие колонии в Новгородской губернии». Выступает Н.В. Салоников Великий Новгород, 19 октября 2016 г. Фото И.В. Черказьяновой

28–30 октября, Москва. Состоялась XVI Международная научная конференция «Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.) ». Организаторами выступили: Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев, Центр изучения истории и культуры немцев России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Международный союз немецкой культуры, Институт этнокультурного образования — BiZ, Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург). На форум собрались ученые России, Казахстана и Германии.

В докладах были освещены такие темы, как служба немцев в органах государственной власти в дореволюционной России (И.А. Королева, Саратов; И.В. Черказьянова, Санкт-Петербург; Т.Н. Чернова-Дёке, Берлин) и Советском Союзе (Н.Ю. Пивоваров, Москва), а также роль партийно-советской элиты в противодействии восстановлению немецкой республики на Волге (А.П. Мякшев, В.В. Хасин, Саратов). Тема влияния внутри- и внешнеполитических факторов, включая военно-политические события, на жизнь российских немцев в разные периоды звучала в выступлениях А.А. Германа (Саратов), А. Айсфельда (Гёттинген), С.В. Кретинина (Воронеж), Л.В. Малиновского (Барнаул). Об участии немцев в общественно-политической жизни Советского Союза в целом и Казахстана в частности были сделаны доклады Т.С. Иларионовой (Москва), Т.Н. Плохотнюк (Ставрополь), Т.П. Волковой (Алма-Ата), М.А. Алексеенко (Костанай), А.С. Мусагалиевой (Астана), Р.М. Мусабековой (Астана). Часть докладов группировалась вокруг темы религиозной жизни немецкого населения, антирелигиозной борьбы и участия в ней немцев, а также протестных действий немцев против воинствующего атеизма (Н.О. Евсеев, Саратов; Ж.В. Яковлева, Саратов; О. Айсфельд, Гёттинген; Й. Дик, Бонн; В. Дённингхаус, Люнебург; Л.А. Бургарт, Усть-Каменогорск). Влияние Второй мировой войны на положение российских немцев, их язык и культуру проследили Н.М. Маркдорф (Новосибирск) и Ж.А. Сержанова (Красноярск). Этнокультурная работа общественных организаций российских немцев в настоящее время получила отражение в докладах Т.Б. Смирновой (Омск) и А.Н. Блиновой (Омск). Взаимодействие культур немцев и их соседей, восприятие немцев окружающим социумом — эти проблемы стояли в центре внимания в выступлениях Л.Н. Сарбаш (Чебоксары), Т.В. Сахань (Ейск), А.Ю. Охотникова (Новосибирск). Роль отдельных личностей немецкого происхождения в истории страны и отдельных регионов, эпистолярное наследие деятелей немецкого движения были проанализированы в докладах Т.Г. Поповой (Северодвинск), И.В. Нам (Томск), В.М. Кириллова (Нижний Тагил), Т.С. Киссер (Екатеринбург), Г.С. Жугенбаевой (Алма-Ата). По материалам конференции будет издан сборник статей.

23 ноября, Санкт-Петербург. В Русско-немецком Центре встреч прошла презентация альбома «Мир немецкой колонии. Фотографии из фольклорно-диалектологических экспедиций В.М. Жирмунского (1926–1930)» (СПб.: Нестор-История, 2016). Книга издана по инициативе наследников академика Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971). Составители — Александра Викторовна Жирмунская и М.Л. Старец, в подготовке приняли участие д-р филол. наук, проф. Наталия Дмитриевна Светозарова (Санкт-Петербург) и канд. филол. наук Л.Э. Найдич (Иерусалим). Издание содержит уникальные, ранее не публиковавшиеся снимки немецких колоний Украины, Молдавии, Крыма, Грузии, Азербайджана, сделанные в период экспедиций В.М. Жирмунского в конце 1920-х годов. Публикуется около 100 снимков, отражающих пейзаж, архитектуру, интерьеры, быт и портреты колонистов. Фотоархив хранился в семье академика Жирмунского, обнаружен дочерьми в начале 2000-х годов.

6 декабря, Барнаул. На заседании Диссертационного совета Д 212.005.08 при Алтайском государственном университете прошла защита докторской диссертации Владимиром Николаевичем Шайдуровым на тему «Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX — начала XX в.» (специальность 07.00.02 — Отечественная история). Работа выполнена на кафедре истории в Санкт-Петербургском горном университете. Официальные оппоненты: д-р ист. наук Л.В. Кальмина, д-р ист. наук И.В. Нам, д-р ист. наук И.Н. Никулина, ведущая организация: Омский государственный педагогический университет.

21 декабря, Саратов. В Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского на заседании Диссертационного совета Д 212.243.03 состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Евсеевым Николаем Олеговичем «Меннониты в Саратовском Заволжье (1854–1941 гг.» (специальность 07.00.02 — Отечественная история). Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. Официальные оппоненты: д-р ист. наук, проф. О.А. Лиценбергер, канд. ист. наук О.С. Белухина, ведущая организация: Институт истории СО РАН (Новосибирск).

Альбом фотографий В.М. Жирмунского «Мир немецкой деревни» представляет А.В. Жирмунская Санкт-Петербург, 24 ноября 2016 г.
Фото С.А. Шмидта

И.Л. Тихонов

Немецкие связи Санкт-Петербургского университета: три века истории

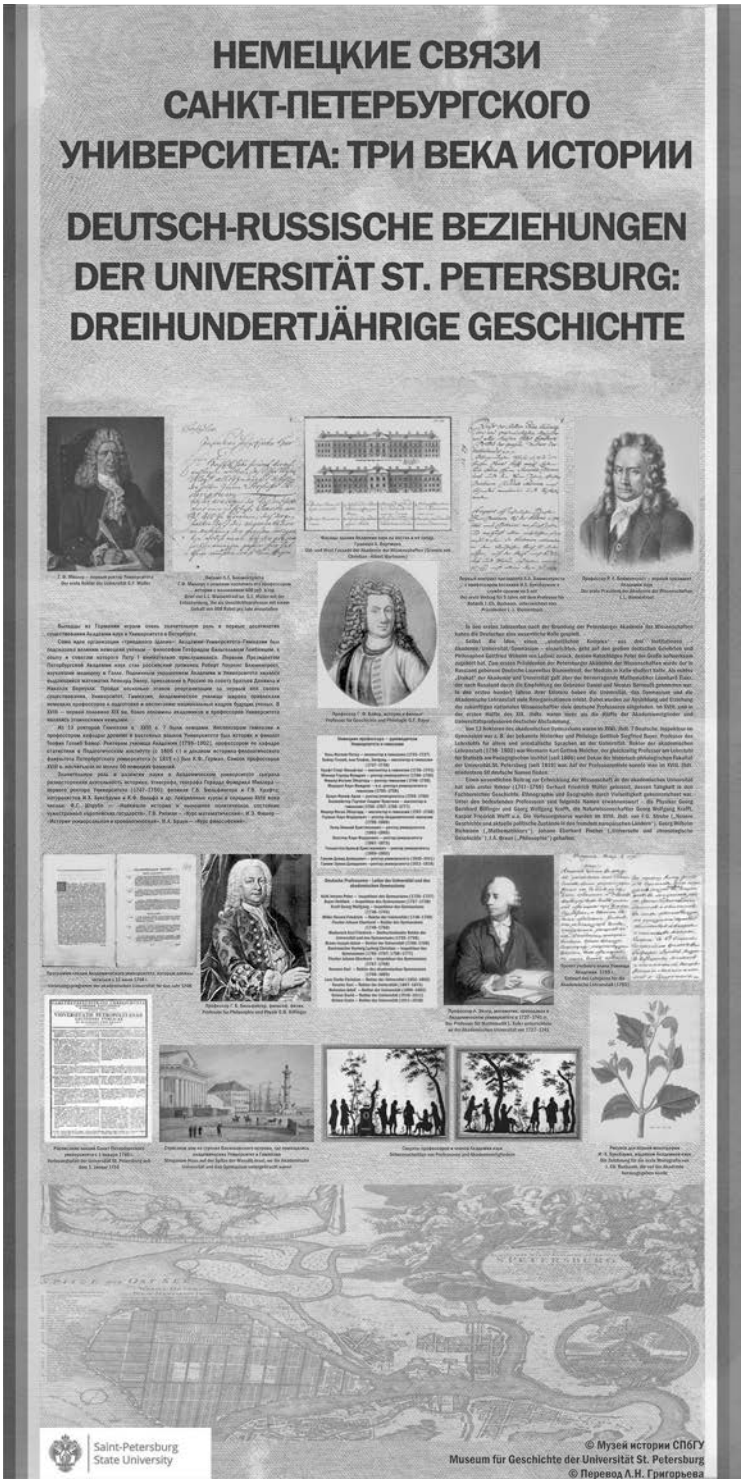
Россию и Германию, несмотря на все сложности взаимоотношений в XX в., вылившиеся в две мировые войны, на протяжении длительного времени связывали очень тесные контакты в различных сферах. Особенно тесными и многогранными они были в области науки и образования. Не будет преувеличением сказать, что ни одна другая страна не оказала такого влияния на Россию в этих областях. Наиболее ярко эти связи проявлялись в Санкт-Петербурге — петровском «окне в Европу», и его научных и образовательных учреждениях.

В 2013 г., перекрестном году Германии в России и России в Германии, сотрудниками Музея Санкт-Петербургского государственного университета была подготовлена выставка «Немецкие связи Санкт-Петербургского университета: три века истории», посвященная связям университета с Германией и немецкими учеными. Проблема научных отношений была и сегодня остается привлекательной для исследователей, несмотря на огромный массив публикаций на эту тему. Знакомство с историей связей двух государств в области науки является важной темой для вновь поступающих в университет студентов, посещающих музей в рамках знакомства с их Alma mater. Петербургские Академия наук и Университет на протяжении многих десятилетий оставались основными точками приложения своих знаний и опыта для немецких профессоров из Германии и российских немцев. Современный университет продолжает давние традиции русско-немецких научных связей.

Выходцы из германоязычных государств Северной и Средней Европы играли значительную роль, особенно в первые десятилетия существования Академии наук и университета в Петербурге, составляя их основной штатный костяк.

Сама идея организации «триединого здания»: Академии-Университета-Гимназии была подсказана великим немецкий ученым — философом, основателем Берлинской Академии наук Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716), к опыту и советам которого Петр I внимательно прислушивался. Первым президентом Петербургской Академии наук стал немец, родившийся в Москве, Роберт Лоуренс Блюментрост (1692–1755), изучавший медицину в Галле. Большинство первых профессоров были приглашены из германских государств. Для некоторых из них Россия стала новой Родиной, с которой они связали всю свою дальнейшую жизнь. Подлинным украшением Академии наук и Академического университета являлся выдающийся математик Леонард Эйлер (1707–1783), приехавший в Россию по совету математиков, братьев Бернулли. Пройдя несколько этапов реорганизации за первый век своего существования, университет, гимназия и академическое училище широко привлекали немецких профессоров к подготовке и воспитанию национальных кадров будущих ученых. В XVIII — первой половине XIX в. более половины академиков и профессоров университета являлись немцами.

Из 13 ректоров Академической гимназии в XVIII в. семь были немцами. Инспектором гимназии и профессором кафедры древних и восточных языков университета был историк и филолог Теофил Готлиб Байер (1694–1738). Ректором (1798–1802) училища



Постер выставки «Немецкие связи Санкт-Петербургского университета: три века истории». Из фондов Музея истории СПбГУ

Академии наук, профессором (с 1806 г.) по кафедре статистики в Педагогическом институте и деканом историко-филологического факультета Петербургского университета (с 1819 г.) был российский академик К.Ф. Герман (1767–1838). Петербургский список профессоров XVIII в. насчитывал не менее 50 немецких фамилий.

Значительную роль в развитии науки в Академическом университете сыграла разносторонняя деятельность академика Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), первого ректора университета (1747–1750), историка, этнографа, географа. Заметный след в университетской истории оставили физики Г.Б. Бюльфингер и Г.В. Крафт, натуралисты И.Х. Буксбаум и К.Ф. Вольф. Лекционные курсы в середине XVIII в. читали: Ф.Г. Штрубе («Новейшая история и нынешнее политическое состояние чужестранных европейских государств»), Г.В. Рихман («Курс математический»), И.Э. Фишер («История универсальная и хронологическая»), И.А. Браун («Курс философский»).

В XVIII–XIX вв. была широко распространена практика завершения образования за границей, преимущественно в немецких университетах. В XVIII в. выбирались именно те университеты, дух которых наиболее соответствовал идеям Просвещения, — Гёттингенский и Лейпцигский. В среднем продолжительность стажировки составляла четыре года. В течение XVIII в. за границей обучались 23 студента Петербургской Академии наук, из них 9 чел. — в Гёттингене (П.Б. Иноходцев, И. Юдин, В. Венедиктов, В. Светов — в 1765–1767 гг.; В.М. Севергин, Я.Д. Захаров, А.К. Кононов, Г. Павлов — в 1785 г.).

Только три русских студента — М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер — были направлены стажироваться в Марбургский университет на профессорскую кафедру известного математика и физика Христиана Вольфа. Впоследствии вместе с еще семью студентами они обучались во Фрайберге горному делу. Инициатива отправки туда русских студентов принадлежит немецкому ученому Иоганну Фридриху Генкелю (1679–1744) — учителю М.В. Ломоносова. В 1762 г. семь русских студентов, обучавшихся в Кёнигсбергском университете, были проэкзаменованы профессорами Петербургского университета.

Наряду с Гёттингенским университетом все большую популярность приобретает Берлинский университет, а также университеты южной и центральной Германии (Гейдельберг, Гиссен, Мюнхен). Будущие русские профессора заимствовали в Германии передовые научные методы и само понимание университетской науки в «классическом немецком университете». Так, например, химик А.А. Воскресенский (1809–1880) — «дедушка русской химии», будущий ректор Петербургского университета, перенял в лаборатории профессора Ю. Либиха в Гиссене методику обучения студентов химии через практические занятия и лабораторные работы, которую всячески стал насаждать в России.

В XIX в. модель немецкого (Гумбольдтовского) университета получает общеевропейское распространение и также приживается в России. Фундаментальные принципы университета Гумбольдта — это академическая свобода и единство исследования и преподавания. Такая модель университета стремилась к всестороннему компромиссу: с одной стороны, академическая свобода («республика ученых») при одновременной ответственности перед потребностями государства и общества; с другой стороны, объединение задач образования с заботами науки, не связанной какими-либо прагматическими целями. Правительство, выделяя значительные средства на развитие университета, получало возможность назначать профессоров, но во внутренние дела университета не вмешивалось. Профессора из членов средневековых автономных корпораций становились правительственными чиновниками. Немецкий университет XIX в. породил систему научных дисциплин в том виде, в каком она существует до наших дней, — в виде современных кафедр и факультетов.

Из числа петербургских университантов в XIX в. продолжали обучение в немецких университетах историк В.В. Бауэр, филолог Р.Ф. Брандт, юристы Д.Д. Гримм,

С.И. и Я.И. Баршевы, А.А. Благовещенский, А.В. Куницын, К.А. Неволин, статистик А.И. Чивилев, естествоиспытатель В.И. Вернадский и др.

Особую роль связующего звена с немецкой университетской наукой играл Дерптский университет, находившейся с XVIII в. на территории России. До 1890-х годов преподавание там шло на немецком языке, а основной контингент студентов состоял из прибалтийских немцев. В 1828 г. на его базе был создан особый «Профессорский институт», куда направлялись лучшие выпускники российских университетов для подготовки к профессорской деятельности. Именно там совершенствовали свои знания историки Т.И. Грановский и М.С. Куторга, правовед П.Д. Калмыков, зоолог С.С. Куторга и др.

С середины XIX в. профессорская корпорация Петербургского университета состояла по большей части из российских подданных, в т. ч. и этнических немцев. Из них самую большую группу составляли петербургские немцы не первого поколения, предки которых давно вступили в российскую службу и постоянно жили в Санкт-Петербурге. Ко второй группе можно отнести прибалтийских немцев, которые обучались в немецких университетах, но профессиональную карьеру делали в России. К третьей группе немцев-профессоров относятся непосредственно приглашенные из-за границы обладатели ученых степеней.

В 1819 г. на работу в университет приглашается большая группа немецких ученых: филолог Ф.Б. Грефе, ботаник Г.П. Бонгард, в т. ч. и уроженцы Эстляндской и Лифляндской губерний: юрист В.В. Шнейдер, минералог А.Ф. Постельс, натуралист Э.К. Гофман. К концу XIX в. приглашенных из Германии профессоров были единицы, но зато среди профессорского состава Петербургского университета было много обрусевших петербургских или остзейских немцев.

На физико-математическом факультете в 30–40-е годы XIX в. физик Э.Х. Ленц провел важные теоретические исследования в области электрических машин и стал создателем физической школы Петербургского университета.

Президиум VIII форума «Петербургский диалог». Актовый зал Санкт-Петербургского университета, 30 августа 2008 г. Фото С. Ушака. Из фондов Музея истории СПбГУ.
Слева направо: Лотар де Мезьер, В.И. Матвиенко, Н.М. Кропачев, В.П. Сердюков, Л.А. Вербицкая

Среди наиболее известных имен немецких профессоров второй половины XIX — начала XX в. были историк Э.Д. Гримм; филологи Ф.А. Браун, К.Я. Грот, В.К. и П.В. Ернштедт, О.Ф. Милле; востоковеды В.В. Бартольд, К.Г. Залеман, Н.В. Кюнер, П.И. Лерх, В.Р. Розен; юристы А.Х. Гольмстен, Д.Д. Гримм; экономисты Э.Р. Вреден, А.А Кауфман; философы Э.Л. Радлов, Э.Б. Раупах; химики Ф.Ф. Бейльштейн, Е.Е. Вагнер, Г.И. Гесс; биологи Г.П. Бонгард, В.А. Догель, К.Ф. Кесслер; астроном С.П. Глазенап, математик Л.В. Келлер, физик Р.Э. Ленц. Уже названные Э.Х. Ленц, К.Ф. Кесслер, Ф.Х. Гольмстен также являлись и ректорами университета во второй половине XIX в., а братья Давид и Эрвин Гримм возглавляли университет с 1910 по 1918 г. Германист, исследователь германо-славянских связей со времен готов — Ф.А. Браун с 1906 по 1908 г. был проректором университета, а затем несколько раз избирался деканом историко-филологического факультета.

Наглядные пособия и физические приборы, которыми широко пользовались студенты университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, почти все были изготовлены немецкими фирмами, работающими в Петербурге, или привезены из Германии.

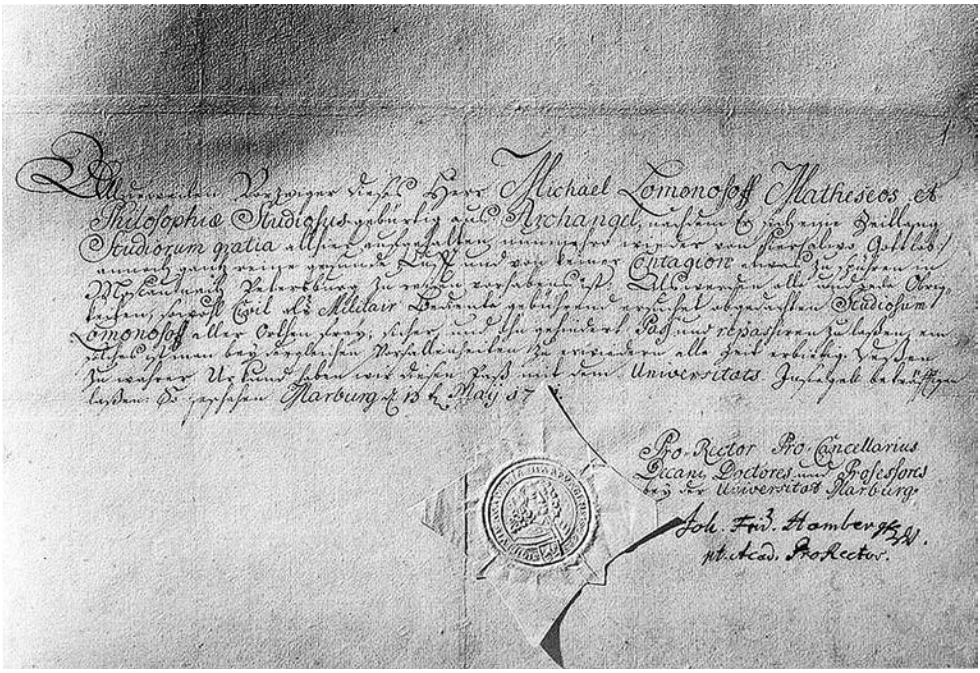
Активным контактам с германскими коллегами помешала Первая мировая война и последовавшая за ней революция. В 1914 г. правительство потребовало от всех научных учреждений исключить из своих рядов «подданных враждебных государств», в т. ч. и почетных членов. Петербургский университет, сохраняя верность «идеям чистой науки», под всевозможными предлогами фактически проигнорировал это требование, ограничившись только исключением профессора Берлинского университета Франца фон Листа, подписавшего пресловутое воззвание немецких ученых «К культурному миру».

После революции 1917 г. количество немецких профессоров заметно сократилось. Многие окончательно «обрусели», сменив традиционные два-три имени на русское имя и отчество, иные, как Ф.А. Браун и М.Р. Фасмер, уехали на историческую родину, где продолжили научную деятельность. Но и в это время в Ленинградском университете преподавали выходцы из немецких фамилий, такие как физики академик В.А. Фок, С.Э. Фриш, историк искусства О.Ф. Вальдгауэр; востоковеды академик В.В. Струве, Д.А. Ольдерогге; геологи академик А.Е. Ферсман и С.С. Шульц; географы В.Ю. Визе, П.В. Виттенбург.

В послевоенный период научное сотрудничество в основном развивалось с Восточной Германией. Филологи академики В.М. Жирмундский и М.П. Алексеев были избраны докторами Берлинского (1956) и Ростокского университета (1959), физик академик В.А. Фок — доктором Лейпцигского университета (1972). Членами Академии наук в Берлине являлись астрофизик В.А. Абарцумян, филолог В.В. Виноградов, математик И.М. Виноградов, физик С.Э. Фриш, биохимик В.А. Энгельгардт. Многие ученые Ленинградского университета были избраны членами Академии естественных наук в Галле «Леопольдина». Тем не менее, даже в условиях холодной войны с Западом, существовали научные связи и с Западной Германией (ФРГ). Археолог и востоковед академик Б.Б. Пиотровский в 1968 г. был избран членом Баварской Академии наук, годом ранее физик О.А. Ладыженская стала почетным доктором Боннского университета. В 1973 г. биолог Ю.И. Полянский был награжден Паразитологическим обществом ФРГ медалью Г.Ф.Р. Лейкарта, а в 1988 г. филолог академик Д.С. Лихачев избран членом-корреспондентом Гёттингенской Академии наук.

В 1990-е годы сотрудничество Санкт-Петербургского университета с университетами и другими научными и учебными учреждениями объединенной Германии вышло на новый этап. С этого времени более 20 известных немецких ученых были избраны почетными докторами СПбГУ.

В 2001 г. по инициативе президента Российской Федерации Владимира Путина и Федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера на базе Петербургского университета



Паспорт М.В. Ломоносова, выданный Марбургским университетом 13 мая 1741 г.
Из фондов СПбФ АРАН

был создан форум гражданских обществ России и Германии «Петербургский диалог». Он является открытым форумом для обсуждения актуальных общественных вопросов, а также вопросов германо-российских отношений и проводится под патронажем президента Российской Федерации и Федерального канцлера ФРГ. Основная задача форума — развитие двустороннего сотрудничества между представителями всех сфер общественной жизни России и Германии. Реальное участие в его работе принимает Санкт-Петербургский университет. В российский Координационный комитет входят семь сотрудников университета. Ректор Санкт-Петербургского государственного университета Н.М. Кропачев является заместителем Председателя российского Координационного комитета. Университет представляют такие выдающиеся люди, как В.А. Гергиев — художественный руководитель, директор Академического Мариинского театра оперы и балета, декан факультета искусств; М.Б. Пиотровский — директор Государственного Эрмитажа, декан восточного факультета; Л.А. Вербицкая — президент СПбГУ и декан филологического факультета. Уже дважды в помещениях университета, в 2001 и 2008 гг., проводилась работа форума.

Для студентов обеих стран в Санкт-Петербургском университете действуют долгосрочные проекты: реализуются около 30 соглашений о студенческом обмене между СПбГУ и вузами Германии, совместная стипендиальная программа СПбГУ и DAAD «Дмитрий Менделеев». Работают научно-инновационный междисциплинарный центр „German-Russian Interdisciplinary Science Center“ (G–RISC); Российско-германская лаборатория на источнике синхронного излучения BESSY II Центра им. Гельмгольца (Берлин); Центр изучения Германии и Европы (ЦИГЕ); Научно-образовательный центр «Прикладная и вычислительная физика» (ACOPhys), Российско-германский центр журналистики.

Число немецких студентов, приехавших на обучение по обмену в СПбГУ, с 2012-го по 2016 г. выросло почти втрое — с 30 до 81 чел. С 2010 по 2015 г. удвоилось и число немецких студентов основных образовательных программ, получающих магистерские степени по таким направлениям, как «Международная журналистика», «Международные отношения» и «Экономика». Студенты СПбГУ тоже активно используют возможность отправиться в Германию по программе обмена. За четыре года (2012–2015) включенное обучение в немецких вузах прошли 429 студентов и аспирантов. За это же время вузы Германии посетили 169 сотрудников СПбГУ, а 164 немецких специалиста приехали в Петербургский университет. Существует несколько совместных с университетами Германии магистерских программ. В 2016 г. СПбГУ и Университет Гамбурга запустили сразу две новые совместные программы: «Комплексное изучение окружающей среды полярных регионов (CORELIS)» и «Европейское право и международное экономическое право». С 2015 г. реализуется Программа поддержки совместных проектов СПбГУ и Свободного университета Берлина. Она предусматривает проведение конкурса на финансовую поддержку начальных этапов научно-исследовательских и образовательных проектов ученых двух стран.

На постоянной основе в СПбГУ работает пять специалистов — граждан Германии. В 2014 г. в рамках правительственной программы мегагрантов в СПбГУ были созданы две научные лаборатории, возглавляемые немецкими учеными с мировыми именами: профессор Йорн Тиде руководит научной лабораторией геоморфологических и палеогеографических исследований полярных регионов и Мирового океана, а профессор Университета Лейбница Детлеф Банеманн возглавил лабораторию «Фотоактивные и нанокомпозитные материалы».

Факты последних лет свидетельствуют, что именно полтора первых десятилетия XXI в. стали важнейшим этапом развития русско-немецких университетских связей.

О.В. Безносова

Исторический семинар в Хёнингене «Духовное пробуждение и жизнь общин в нашей истории»

Ежегодные исторические семинары под эгидой издательства «Заменкорн» (Samenkorn, Steinhagen) проводятся в Германии и параллельно в Казахстане уже более 10 лет. Их инициатором является рабочая группа по изучению истории евангельских общин меннонитов и баптистов в Российской империи и Советском Союзе.

Целью рабочей группы является:

- собрать соответствующие (релевантные) исторические материалы среди немцев-переселенцев из Советского Союза и в существующих общинах в постсоветских странах;
- помочь исследователям в собрании и обработке этих материалов;
- публикация статей и книг по этой тематике и их распространение в среде евангельских общин.

Исследовательская и издательская работа ведется на немецком и русском языках. Рабочая группа за последние 15 лет опубликовала ряд объемных трудов, много брошюр и статей на различные темы, прежде всего касающиеся азиатской части бывшего Советского Союза.

17–19 марта 2016 г. прошел исторический семинар «Духовное пробуждение и жизнь общин в нашей истории» в Хёнингене (Höningen, Rheinland Pfalz, Германия). В его работе приняли участие представители меннонитских общин из разных земель Германии, гости из Голландии, Швейцарии, России, Канады. Академическую науку представляли проф. Виктор Дённингхаус (Dönninghaus, Lüneburg, Германия), д-р Питер Леткеманн (Letkemann, Виннипег, Канада), канд. ист. наук Оксана Безносова (Москва, Россия), директор Меннонитского исследовательского центра Вейерхоф Гэри Валтнер (Waltner, Weierhof, Германия), д-р Хорст Герлах (Gerlach, Weierhof, Германия) и Йоханнес Дик (Dyck, Oerlinghausen, Германия), директор Института богословия и истории Боннской Библейской семинарии.

Заседания шли в пленарном режиме, где каждая сессия имела свою основную тему, хотя основной фокус программы касался истории меннонитов и баптистов, проживавших на территории Российской империи и СССР. По основным жанрам и тематике представленные доклады можно определить как рефераты о теоретических проблемах, доклады по истории отдельных меннонитских поселений или локальных меннонитских/баптистских общин, сообщения об истории отдельных семей или о жизни и деятельности замечательных людей.

Состоялись анонсы будущих публикаций по данным вопросам, презентации новых книг. Значительное место и время было уделено тем изданиям и рукописям, которые появились в библиотеке и архиве издательства «Заменкорн». Их подробный обзор по разным рубрикам и ситуации с комплектацией и принципами работы библиотеки произвел библиотекарь и архивариус Вольдемар Дайкер (Daiker, Bielefeld). Кроме того, Виктор Фаст (Fast, Frankenthal) представил анонс выставки, которая готовится в честь грядущего 500-летнего юбилея Реформации, приглашая всех принять в этой работе посильное участие.

© О.В. БЕЗНОСОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 314–318.

Первая сессия (17 марта) была посвящена эпохе Реформации XVI в. и возникновению движения крещенцев в Европе. Ее открыл Иоганнес Фризен (Friesen, Frankenthal) докладом о страсбургском реформаторе Мартине Буцере. Докладчик подробно изложил биографию Буцера и сделал анализ его вклада в реформаторское движение. Как совершенно справедливо отметил И. Фризен, хотя М. Буцер в памяти потомков оказался «затемненным» такими фигурами, как Ж. Кальвин, Т. Беза, У. Цвингли, среди современников он пользовался заслуженным авторитетом. Он имел многочисленные контакты и диспуты с крещенцами, и через него ряд крещенских принципов влиял на других реформаторов.

Тему о выдающихся деятелях реформационной эпохи продолжил Флориан Кинцле (Kienzle, Frankenthal), который представил издательский проект книги об авторе «Шляйтхаймского исповедания» Михаэле Заттлере, как личности, чей вклад в развитие европейского крещенского движения оказался столь значительным. Так как в биографии этого деятеля до сих пор существует множество неясностей, то ее изучение послужит важным толчком для развития интереса к истории движения и наследия крещенцев той эпохи для новых поколений. Это, как подчеркнул Ф. Кинцле, является особенно важным, ибо именем М. Заттлера названа начальная школа, для которой в настоящее время Меннонитская братская община Франкенталь строит учебный комплекс.

Другой немаловажный издательский проект представил Тобиас Вибе (Wiebe, Frankenthal), который рассказал о планах переиздания знаменитой тысячестраничной мемориальной книги крещенцев «Зерцало мучеников» (Тилеман ван Брахта, 1660, на нидерландском языке; немецкий перевод был сделан в 1740-х годах) уже на современном немецком языке. Целью рабочей группы является исправление парадоксальной ситуации, которая сложилась с изданием этой классической книги: есть ее издания на голландском, английском, старом немецком готическим шрифтом, но нет издания на современном немецком языке, что существенно снижает ее доступность для современной аудитории.

Кроме тем об отдельных персоналиях были представлены доклады по теоретическим вопросам, в которых прозвучали не только интересные, но порой даже парадоксальные, хотя весьма перспективные с точки зрения дальнейшей разработки обозначенной проблематики мысли.

Огюст Муссо (Moussault, Besenbach) рассказал об этапах разработки исповеданий веры меннонитами XVII в. Особое внимание он уделил знаменитому исповеданию «Оливковая ветвь», ставшему важным объединительным звеном разбросанных по просторам Европы меннонитских общин. Вместе с тем референт обратил внимание аудитории на то, что появление изложений веры в ту эпоху часто способствовало не только объединительным процессам, а новым виткам споров о вероисповедании.

Целую серию теоретических докладов представил Иоганнес Дик (Dyck, Oerlinghausen), который провел перспективу от зарождения баптизма в Амстердаме в 1608–1609 гг. до меннонитов в России в первой половине XX в. При этом референт специально отметил роль и влияние нидерландских меннонитов на убеждения известной английской общины Дж. Смита, где впервые зародился баптизм как конфессия. Своеобразным продолжением данной темы, для которой предыдущая и последующая дали богатый фактологический материал, стала презентация интересной теоретической гипотезы автора относительно механизма формирования групповой идентичности (религиозной, национальной). Хотя темой второго доклада стали вышедшие евангельские христиане в России разных национальностей, а третьего — проживавшие на территории Российской империи и СССР до Второй мировой войны меннониты, пожалуй, наибольший интерес представляет собой вывод И. Дика о том, что наиболее важным интегрирующим и формирующим фактором является история группы (общины религиозной и этнической), а своеобразным «распределителем» и «фильтром» данной

информации является школа. Поэтому нарушения или изменения работы этого «фильтра» оказывают прямое воздействие на идентичность группы (евангельских христиан, меннонитов и др.), на взаимосвязь между отцами и детьми. В качестве примера изменения идентичности на протяжении столетий он привел возникновение феномена «культурных меннонитов» (меннонитов по происхождению) и «меннонитов по вере» (среди которых к началу XX в. были уже не только потомки переселенцев, но и люди других национальностей) в конце XIX — начале XX в. в Российской империи.

Следующие сессии были посвящены жизни меннонитов в царской России, Советском Союзе, а также некоторых современных странах. Главными темами были история меннонитских общин в отдельных регионах, ключевые и поворотные моменты истории, а также жизнь и биографии замечательных людей и истории семей верующих.

Региональная история имела довольно значительный охват территории исследований. Оксана Безносова (Москва, Россия) сделала анализ взаимодействия религии и образа жизни меннонитов с православным населением Российской империи, указав на то обстоятельство, что именно Екатеринославская губерния (Днепропетровская, Донецкая, Луганская и Запорожская области современной Украины) была местом, где эти процессы взаимодействия и взаимовлияния были наиболее глубоки. Свои аргументы она подкрепляла материалом из своей книги о евангельском движении в данном регионе (2015) и сборника документов (2006), которые были изданы издательством «Заменкорн».

История этого региона нашла свое отражение и в докладе Виктора Петкау (Petkau, Dortmund) о проповедниках и церковноучителях в меннонитском поселении Борисово (Бахмутского уезда — ныне Донецкая обл.). Автор, в тесном взаимодействии с местными краеведами из Донецкой области, собрал много важной информации о жизни и истории этого дочернего меннонитского поселения.

Петер Леткеманн (Виннипег, Канада) представил исследование истории дочерних меннонитских колоний Централь в Воронежской губ. и Аркадак в Саратовской губ., в которой он показал не только историю данных конкретных поселений, а сам механизм основания дочерних поселений меннонитами на отдаленных землях, организацию и налаживания в них привычного им образа жизни. В 2016 г. выйдет его книга по этой теме.

Своеобразную финальную черту под описанием жизни меннонитов в Царской России и их надежд на сохранение привычного образа жизни в первые годы советской власти подвел доклад Виктора Дённингхауса (Lüneburg) об истории массовой эмиграции немцев-меннонитов из СССР осенью 1929 г. На основе архивных источников из российских и германских архивов он не только описал известные перипетии этой последней отчаянной попытки побега меннонитов от советской власти, но и раскрыл механизмы противодействия этому со стороны советских органов.

Большое внимание участники конференции уделили такой важной составляющей церковной жизни меннонитов в последний период истории царской России и начала советского времени, как миссионерская деятельность.

Первым ее поднял Йоган Шнайдер (Schneider, Nümbrecht), рассказавший о деятельности книгонош разных библейских обществ в России во второй половине XIX — начале XX в. Причем он сумел существенно расширить источниковую базу этой малоисследованной темы путем привлечения материалов журнала братских меннонитов «Фриденсштимме», который до сих пор недостаточно используется в исследовательских работах. На их основе он существенно дополнил биографии известных деятелей (Петра и Иоганна Перков и др.), а также представил целый ряд незаслуженно забытых скромных тружеников миссионерских полей.

О развитии миссии на Алтае (в Славгородском меннонитском поселении) в контексте церковной и повседневной жизни его жителей в ранние советские годы предста-

вила доклад Маргарита Пазыч (Gummersbach). Продолжением этой темы стал ее второй доклад о миссионерской деятельности группы под руководством Иоганна Петерса в Нарыме (1923–1930). Хотя об этой группе в целом и ее руководителе довольно много уже известно и написано, Пазыч обратила внимание аудитории на тех, кто ранее оставался в тени своего руководителя — других членов миссии и добровольных помощников-энтузиастов из числа алтайских меннонитов, посильно поддерживавших деятельность этой группы на суровых просторах Крайнего Севера.

Хотя в 1930–1950-е годы в Советском Союзе миссионерская деятельность была запрещена, но уничтожить этот порыв годы репрессий так и не смогли. Своеобразным ответом и свидетельством несгибаемого духа евангельских верующих стал доклад Якова Пеннера (Penner, Harsewinkel) о жизни проповедников в Советском Союзе (Казахстане и Сибири) в 70–80 годы XX в.

Заседание семинара. Выступает Яков Пеннер.
Хёнинген, 19 марта 2016 г.
Фото В. Дайкера. Из архива О.В. Безносовой

Не менее важным предметом представленных докладов стали исследования биографий и деятельности известных личностей, отдельных семей как отражение картины жизни тех лет.

Матиас Цильке (Zielke, Emmendingen) рассказал об уникальном архиве семьи Клюдт, которая представлена несколькими поколениями реформатско-пиетистских священников и членами их семьи. Эти потомки бессарабских немецких колонистов служили пасторами в приходах Юга России (Херсонской и Екатеринославской губерниях), пережили Первую мировую войну, революцию, репрессии советской власти, оказались в ссылке на Урале, были реабилитированы. На протяжении почти 150 лет члены семьи Клюдт вели дневники, в которых подробно описывали свою жизнь и наблюдаемые события. В настоящее время этот архив, представляющий собой очень ценный источник по истории немецкого населения в Российской империи и СССР, хранится в архиве Deutsches Tagebucharchiv (Emmendingen).

Владимир Степанов (Санкт-Петербург, Россия) представил презентации об известных деятелях евангельского движения в Российской империи И.В. Каргеле и Г. Фасте. Если к биографии первого он сделал существенные дополнения и уточнения, то фигура второго (Фаста) едва ли не впервые нашла свое столь существенное освещение, несмотря на то, что Фаст в свое время был не менее известен, чем Каргель или И. Проханов.

Яркий эскиз жизни и мотивов деятельности прибывшего из Голландии в Советский Союз в 1922 г. меннонита Рейна Виллинка, который возглавил деятельность организации «Голландская меннонитская помощь» во время голода на Молочной, Хортице

и Таврии, сделал Ад ван де Стаай (Ad van Staaij, Голландия). Он показал на этом ярком примере, как много может сделать и отдельная личность, сумевшая организовать усилия многих для спасения жизней нуждающихся.

Продолжила тему способов выживания в новых тяжких условиях советских меннонитов на Молочной Елена Берген (Bergen, Weißenthurm), которая рассказала о жизни семьи Германна Хамма из села Лихтенау, которым посчастливилось в 1929 г. уехать в Канаду.

С докладом о жизни в Канаде и Парагвае бывших российских меннонитов на примере биографии Отто Классена, много сделавшего для сохранения культурного наследия российских меннонитов в Америке, выступил Петер Леткеманн, выпустивший в 2013 г. книгу об этом замечательном человеке.

Особое оживление аудитории вызвали два доклада о жизни региональных общин в последние десятилетия советской эпохи и в настоящее время, несмотря на то, что и первый и второй состоялись в самом конце очень продолжительных рабочих дней (17 марта в 21.00–21.45 П. Изаака и 18 марта в 22.00–22.45 Г. Виллемса). Петр Изаак (Isaak) из Славгорода (Россия) рассказал о жизни братской меннонитской и баптистской общины на Алтае в советское время и об ее современном положении. Герхард Вильмс (Willems, Leopoldshöne) представил презентацию о жизни общины евангельских христиан-баптистов смешанного национального состава в Канте (Киргизия) в 1960–1980-х годах. Оба доклада сопровождались многочисленным фотографическим материалом и живыми воспоминаниями докладчиков — очевидцев событий, особенно много — из эпохи преследований за веру.

Завершило конференцию обсуждение исследовательских и издательских планов рабочей группы по изучению истории евангельских общин меннонитов и баптистов в Российской империи и Советском Союзе. В нем самое активное участие приняли все присутствующие на семинаре. Поэтому члены рабочей группы определили кураторов по направлениям, которым желающие принять участие в проектах могут присылать свои вопросы и собранные материалы.

Завершая краткий обзор этих наполненных рабочих дней исторического семинара в Хёнингене, хочется отметить неизменную чрезвычайно высокую заинтересованность аудитории, несмотря на то, что рабочие заседания начинались в 9.00 и, с небольшими перерывами, продолжались до 22–23 часов. Если считать, что интерес к собственной истории — это забота о судьбе последующих поколений, то можно констатировать, что будущее у меннонитов в Германии и других странах, несомненно, есть.

Группа участников семинара.
Хёнинген, 19 марта 2016 г.
Фото В. Дайкера. Из архива О.В. Безносовой

Т.П. Волкова

Презентация книги в Астане

«НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА: МОСТ МЕЖДУ АСТАНОЙ И БЕРЛИНОМ. МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (Г. АСТАНА, 5–7 ОКТЯБРЯ 2015 Г.)» — АЛМА-АТА: АООНК «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 2015. — 560 С.

13 мая 2016 г. в Казахстанско-Немецком университете (КНУ) г. Алма-Ата прошла презентация сборника материалов международной научно-практической конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином», состоявшейся в октябре 2015 г. в Астане.

Новое издание представили члены редколлегии: председатель АООНК «Возрождение» А.Ф. Дедерер, д-р ист. наук Б.К. Султанов, д-р филос. наук В.Д. Курганская, канд. ист. наук Т.П. Волкова, канд. ист. наук Ю.И. Подопригора, а также одни из ведущих авторов сборника — д-р соц. наук, президент КНУ Маркус Кайзер и д-р философ. наук Михаэль Шёнхут.

Недаром право первого знакомства с книгой получили студенты КНУ. Университет видит свою миссию в развитии дальнейшего сотрудничества между Казахстаном и Германией в области культуры и образования. Именно поэтому на конференции

Студенты факультета социальных и политических наук КНУ на презентации сборника материалов. Фото: Julia Boxler, ifa-Redakteurin, Deutsche Allgemeine Zeitung (DAZ)

© Т.П. ВОЛКОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 319–320.

Во время презентации сложилась непринужденная атмосфера.
Слева направо: д-р ист. наук Б.К. Султанов, директор Института международного и регионального сотрудничества при КНУ; д-р соц. наук Маркус Кайзер, президент КНУ; А.Ф. Дедерер, председатель АООНК «Возрождение»; д-р философии Михаэль Шёнхут (Университет Трир, ФРГ).
Фото: Julia Boxler, ifa-Redakteurin, Deutsche Allgemeine Zeitung (DAZ)

в Астане присутствовала группа студентов и выпускников университета, а некоторые из них приняли участие в работе секций, выступили с докладами и сообщениями.

Участники презентации отметили важность издания, в которое вошли разносторонние исследования об этнических немцах Казахстана, живущих в республике или эмигрировавших в ФРГ, об их роли в казахстанско-германских связях и, более широко, в отношениях с Европейским Союзом, о проблемах сохранения немецкого языка; о значении Ассамблеи народа Казахстана как инструмента по формированию и сохранению общественного согласия и единства. Сборник, как и сама научно-практическая конференция, стал уникальным явлением после многолетнего перерыва в изучении немцев в Казахстане. Совершенно очевидно, что по этой причине многие доклады носят проблемный, постановочный характер, нацеленный на продолжение научных изысканий. Выступавшие выразили надежду, что идеи и инициативы, высказанные на страницах книги, овладеют умами молодежи и получат новое реальное воплощение как в научно-исследовательской, так и практической деятельности.

А.В. Черных

Защита кандидатской диссертации Д.И. Вайманом

15 декабря 2015 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при Удмуртском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Дмитрием Игоревичем Вайманом на тему «Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX — начале XXI в.» по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология (научный руководитель — д-р ист. наук, проф. РАН А.В. Черных). Работа выполнена в секторе этноистории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург). Официальными оппонентами выступили: проф. кафедры археологии и этнологии ФГАОУ ВПО Казанского (Приволжского) федерального университета, д-р ист. наук Т.А. Титова; директор Ижевского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», канд. ист. наук А.А. Шепталин. Отзыв ведущей организации ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» был подготовлен д-ром ист. наук Т.Б. Смирновой.

На автореферат поступило четыре отзыва: зав. отделом народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Белоруссии, д-ра ист. наук, доц. А.В. Гурко; зав. отделом европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН канд. ист. наук, доц. А.А. Новика; доц. кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, канд. ист. наук С.Р. Курмановой; научного сотрудника сектора этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, канд. ист. наук А.Ю. Охотникова.

Д.И. Вайман впервые предпринял попытку всестороннего исследования календарной обрядности немецкого населения Урала. В научный оборот введен обширный этнографический материал, полученный в ходе многолетних полевых исследований в Пермском крае, Республике Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областях. На основе уральских материалов рассмотрена структура и содержание календарной обрядности немцев, особенности ее функционирования в широком контексте немецкой традиционной культуры, со своей региональной, локальной и конфессиональной спецификой. Путем сравнения исходных и переселенческих традиций выявлены особенности и анализируются механизмы адаптации календарной обрядности, степени сохранения традиций, их эволюции и инноваций. Календарная обрядность немцев Урала рассматривается в тесной связи с историей заселения региона и межэтнического взаимодействия.

Основные выводы диссертационной работы заключались в следующем.

- Немцы Урала не представляли собой единую консолидированную группу. Позднее формирование немецкого сельского населения в регионе (в конце XIX — начале XX в.), участие в миграции разных групп российских немцев с западных губерний России привели к формированию на Урале разных локальных групп, традиционная культура которых имела существенные отличия друг от друга. В календарной обрядности также проявляется мозаичность обрядовых комплексов при общей

основе. В данном ключе региональная группа немцев Урала существенно отличается от других ареалов расселения немцев в Европейской России, сформировавшихся ранее и приобретших устойчивые особенности обрядовых комплексов, таких как немцы Поволжья, Южной Украины, Волыни. В этом отношении региональную совокупность календарной обрядности немцев Урала можно охарактеризовать как комплекс смешанного типа, что сближает его с обрядностью другой региональной группы — немцев Сибири. В то же время существенной особенностью традиционной культуры немцев Урала, в отличие от сибирских, является отсутствие немецко-поволжского этнокультурного компонента, т. к. немцы Поволжья не принимали участия в переселении на Урал, но в то же время активно осваивали районы Сибири.

- Многообразие и вариативность календарной обрядности немцев Урала были определены не только перенесением на Урал традиций немцев из разных районов западной части Российской империи: Волыни и Южной Украины, — но и сложным конфессиональным составом группы (католики, лютеране, меннониты). Несмотря на общую основу христианского календаря, обрядовые комплексы существенно отличались друг от друга в разных этноконфессиональных группах.
- Среди причин, повлиявших на развитие календарной обрядности немцев на Урале, находится взаимодействие с иноэтническим окружением: русскими, татарами, башкирами и другими народами. Как целостный комплекс календарная обрядность немцев Урала продолжала бытовать вплоть до середины XX в. В дальнейшем происходят существенные трансформационные процессы — разрушение целостной системы народного календаря. Наиболее интенсивно они протекают в тех районах, в которых разрушается компактность расселения немцев, формируются этнически смешанные поселения. В ареалах компактного расселения трансформационные процессы происходят при сохранении этнической основы календарной обрядности.
- Во второй половине XX в. развитие календарной обрядности шло, с одной стороны, по пути упрощения обрядовых комплексов, исчезновения отдельных элементов обрядности. С другой стороны, применимо к этому периоду справедливо говорить об усложнении структуры народного календаря, включении в него праздников гражданского советского календаря. В-третьих, в условиях значительных эмиграционных процессов, увеличивается интенсивность иноэтнических заимствований.
- Для современного периода развития народного календаря является характерным сохранение некоторых традиционных элементов календарной обрядности; активизация церковной жизни, которая приводит к восстановлению комплекса праздничного календаря; деятельность общественных институтов по «возрождению» праздников и обрядов, увеличение и интенсивность иноэтнических заимствований.

Таким образом, календарная обрядность немцев Урала, развиваясь в течение более чем столетия, стала частью культурного и исторического наследия российских немцев. Сегодня ее сохранение и воспроизводство является одной из важных составляющих развития идентичности российских немцев.

На основании всех представленных диссертантом материалов и итогов публичного выступления диссертационный совет принял решение, что исследование Ваймана Дмитрия Игоревича написано на высоком научно-теоретическом и научно-практическом уровне, диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Составитель И.В. Черказьянова

Библиография

Августин, архимандрит (Никитин Д.Е.). Храмы Невского проспекта: Из истории инославной и православной общин Петербурга. — М.: Центрполиграф; СПб.: Рус. тройка. — СПб., 2015. — 511 с.

Авдашкин А.А. «Кто мы и где наша Heimat?: этническая идентичность российских немцев на рубеже XX–XXI вв. (на материалах Челябинск. обл.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2015. — № 1 (28). — С. 115–124.

Агасиев И.К. Кавказские немцы в годы Первой мировой войны: социально-экономическое и общественно-политическое положение (1914–1917 гг.) // Вестн. Майкоп. гос. технолог. ун-та. — 2010. — № 2. — С. 29–38.

Акчурин Т.Ф. Политико-правовой анализ депортаций народов советскими властями (1930–1940-е гг.) // Россия и мир: Вестн. Дипломат. академии МИД России. — 2014. — № 1. — С. 127–133.

Александров А.П. Длиною смертной тени: евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. / Бирск. фил. Башкир. гос. ун-та. — Бирск, 2014. — 214 с.

Александров О.А. Языковая биография немецких диалектоносителей с. Кожевниково Томской области // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. — 2011. — № 4. — С. 208–213.

Александров О.А. Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // Вестн. науки Сибири. — Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2015. — № 15. — С. 266–274.

Александров О.А. Языковая ситуация этнических немцев Колпашевского района Томской области // Актуал. вопр. филолог. наук: Материалы III Междунар. науч. конф., Казань, окт., 2015. — Казань: Бук, 2015. — С. 5–9.

Александров О.А., Рихтер С.О. Немецкая перцептуальная диалектология // Филолог. науки: Вопр. теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 8 (1). — С. 13–17.

Александров О.А., Рихтер С.О. Лексический состав диалектной речи немцев Томской области // Вестн. науки Сибири. — Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2014. — № 3 (13). — С. 72–77.

Александров О.А., Рихтер С.О. Метаязыковое лексическое поле: анализ речи российских немцев Томской области // Филолог. науки: Вопр. теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 1 (31). — С. 16–20.

Алишина Г.Н. Немцы Томска в конце XIX — начале XX в.: «немецкий след» в пространстве города // Вестн. Томск. ун-та. История. — 2015. — № 5 (37). — С. 86–90.

Алишина Г.Н. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «центре» и на «местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. — 2016. — № 2. — С. 14–23.

Арент И.В. Деятельность национально-культурных автономий немцев Сибири на современном этапе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2009. — № 119. — С. 20–26.

Арзамаскин Ю.Н. Репатриация или насильственная репатриация? К вопросу о репатриации граждан в 1944–1953 гг. // Безопасность Евразии. — М., 2015. — № 1 (49). — С. 426–431.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. — М.: Вече, 2015. — 351 с. (Сер.: Военные тайны XX века).

Артамонова Л.М. К.К. Грот и открытие первого женского приходского училища в Самаре // Гротовские чтения: Материалы III межрегион. науч.-практ. конф. / Ред. О.В. Клипикова. — Самара: Офорт, 2013. — С. 46–59.

Баринов Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 — Отечественная история / С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб., 2015. — 23 с.

Безносова О. Екатеринославская губерния — Terra Incognita евангельского движения в Российской империи (середина XVIII в. — 1917 г.): Монограф. / Под общ. ред. В. Фаста. — Steinhagen: Samenkorn, 2014. — 544 с.

Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — Казань, 2014. — Т. 156, кн. 3. — С. 55–64.

Белухина О.С. Становление и развитие школьного образования у немецкого населения Саратовского Правобережья (1870–1920-е гг.) // Вестн. Саратов. обл. ин-та развития образования. — 2015. — № 1. — С. 147–152.

Белухина О.С., Шрамкова О.В. К вопросу об особенностях образования национальных меньшинств города Саратова. XIX — начало XX в. // Вестн. Саратов. обл. ин-та развития образования. — 2016. — № 2 (6). — С. 133–142.

Борзенко И.Л. Социально-политические и педагогические условия становления национальной школы на Алтае в 1920-е годы // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 4 (35). — С. 249–254.

Бургарт Л.А. Моноконфессиональная колония как ключевое понятие истории немцев России // Этнодемограф. процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф., Усть-Каменогорск, 15–16 окт. 2015 г. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2015. — С. 64–73.

Буслаева Л.В. Особенности литературы поволжских немцев в 20–30-е годы XX века // Изв. Самар. науч. центра РАН. — 2011. — Т. 13, № 2. — С. 397–399.

Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках / Мин-во культуры Омск. обл.; Омск. гос. ист.-краевед. музей; Омск. регион. отдел. СКР. — Омск: Омскбланкиздат, 2015. —790 с., ил. (Сер.: Антология омского краеведения. Т. 2).

Книга включает в себя избранные труды П.П. Вибе, изданные за период с 1989 г. по 2015 г., в т. ч. работы, посвященные немецкой колонизации в Сибири, деятелям немецкого происхождения.

Виноградская М.В. Социолингвистический аспект становления русско-немецкого двуязычия российских немцев-переселенцев в условиях естественного билингвизма // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2009. — № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskiy-aspekt-stanovleniya-russko-nemetskogo-dvuyazychiya-rossiyskih-nemtsev-pereselentsev-v-usloviyah (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Висленко А.Л. Сравнительный анализ состояния социокультурных систем на примере российско-германских отношений // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. — 2015. — Т. 2. № 1. — С. 129–139.

Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранные предприниматели в Нарвской части Санкт-Петербурга (конец 1850-х — начало 1880-х гг.) // Вестн. Вятск. гос. гуман. ун-та. — 2013. — № 1. — С. 31–40.

Войлокова Т.Н. Русские в Германии — пример успешной интеграции? // Мониторинг обществ. мнения. — 2011. — № 21 (102). — С. 47–58.

Волжин С.В. Последнее издание сочинений Мартина Лютера на русском языке // 500 лет Реформации и нового времени, 1517–2017: Сб. материалов конф., 16–17 апр. 2015 г. — СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2015. — Вып. 1 (2015). — С. 205–209.

Воронов Н.А. Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / Подгот.: А.И. Раздорский, Н.С. Чернышева, Д.Н. Шилов; науч. ред.: Ю.Н. Смирнов; Рос. нац. б-ка, Рос. библ. ассоц., Рус.

геогр. об-во, Самар. гос. ун-т. — СПб.: Рос. нац. б-ка, 2015. — 118 с.

Книга включает описание немецких колоний.

Выходцы из Германии и их российские потомки. Сб. материалов конф. 2012 г. / Науч. ред. И.В. Сахаров. — СПб.: Президент. б-ка, 2015. — 450 с.

Сборник материалов конференции «Выходцы из Германии и их российские потомки», состоявшейся 13–14 ноября 2012 г. и посвященной памяти профессора Э. Амбургера. Конференция была проведена Российской национальной библиотекой, Президентской библиотекой, Русским генеалогическим обществом и Генеральным консульством ФРГ в Санкт-Петербурге.

Гальперина Ю.С. Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушки (Пфейфер) // Изв. Саратов. ун-та. Н.С. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2013. — Т. 14. № 4. — С. 88–93.

Гальперина Ю.С. Хозяйственное развитие немецких колоний на Волге во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Изв. Саратов. ун-та. Н.С. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2014. — Т. 14, вып. 3. — С. 98–102.

Генералова Н.П. Религиозная жизнь как фактор сохранения национальной идентичности и родного языка первых поволжских немцев-колонистов // Science Time. — 2014. — № 9. — С. 67–71.

Герман А.А. Политика советского государства в отношении немецкого меньшинства в первое послевоенное десятилетие (1945–1955) // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. — № 14. — Одесса, 2015. — С. 11–16.

Герман А.[А.] Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Немцы Сибири: Культура. — Омск, 2015. — № 1 (28). — С. 1–10.

Главацкая Е.М. Лютеране Среднего Урала в XVIII — второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. — 2015. — Т. 139, № 2. — С. 122–199.

Глушаев А., Клюева В. «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессионального сообщества в 1940–1960-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — М., 2014. — № 4 (32). — С. 295–313.

Глушков А.В. Враг внешний — враг внутренний: Первая мировая война и русский национализм // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. — 2012. — № 3. — С. 180–183.

Гринченко Н.А. Книготорговая фирма В. Греффа — Э.В. Гетца: из истории иностранной книжной торговли в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та культуры и искусств. — 2012. — № 1 (10). — С. 84–88.

Грот Я.К. Екатерина II и Густав III. — 2-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — II, 116 с.

Давыдова М.Ю. Протестантская и католическая конфессии в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Вестн. архивиста. — 2015. — № 1. — С. 177–192.

Дамбуев И.А. П.С. Паллас как исследователь топонимии Байкальского региона // Вестн. Бурят. гос. ун-та: Филология. — Улан-Удэ, 2014. — № 10 (2). — С. 10–14.

Деннингхаус В. Первая мировая война и немецкие «хлебные короли» Поволжья // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. — 2014. — № 1 (1). — С. 28–35.

Диалект Екатериненштадта: истоки и развитие / Под ред. А.Я. Минора, С.И. Замогильного, Л.И. Тетюева. — Саратов: Саратов. источник, 2014. — 190 с.

Дмитриев А. Этническое и сословное происхождение офицеров-иностранцев на военной службе в Сибири середины XVIII в. (1750-е гг.) // Немцы Сибири: Культура. — Омск, 2015. — № 1 (28). — С. 47–48.

Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943–1950 гг.): ист. исследование и док. материалы. В 2-х ч. / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.

В монографии прослеживается история пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в Сибири в 1943–1950 гг., раскрывается общая картина формирования лагерей ГУПВИ, организация быта, питания, медицинского обслуживания; исследуются основные аспекты трудового использования подневольных

контингентов, оценивается их вклад в социально-экономическое развитие крупнейшего региона страны; характеризуются различные этапы репатриации иностранцев на родину. В каждом разделе публикуются документы, иллюстрирующие и дополняющие их содержание. Издание адресовано широкому кругу читателей — историкам, краеведам, преподавателям вузов и студентам, а также всем интересующимся историей России и ее отдельных регионов.

Евсеев Н.О. Деятельность Класса Эппа по переселению меннонитов в Поволжье (1850–1854 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Н.С. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2014. — Т. 14, № 3. — С. 103–108.

Егле Л.Ю. Факторы формирования духовных песнопений немцев в России // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 6 (49). — С. 520–523.

Ерохина О.В. «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // Вестн. Москов. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: История и политология. — Вып. 1. — 2014. — С. 69–81.

Жалменова О.П. Судьба востоковеда (В.В. Бартольд) // Вехи минувшего. Учен. зап. ист. фак-та. — Липецк, 2014. — Вып. 8. — С. 36–46.

Об академике Василии Владимировиче Бартольде (1869–1930).

Жарких Е.В. Формирование национальных образов Германии в русском обществе в конце XIX — начале XX веков // Вестн. Брянск. ун-та. — 2012. — № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-natsionalnyh-obrazov-germanii-v-russkom-obschestve-vkontse-xix-nachale-xx-vekov (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Жарова А.С. Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии (конец XIX — начало XX века) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2009. — № 38. — С. 114–117.

Жарова А.С. Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии // Омск. науч. вестн. — 2011. — № 2 (96). — С. 34–36.

Желновакова М.Ф. Причины появления протестантизма в Иркутской губернии // Изв. Алтайск. гос. ун-та. — 2010. — № 3–4. — С. 73–77.

Заболотская Е.Д. К вопросу об истории немецкого кулинарного рецепта // Традицион. культура в соврем. мире. История еды и традиция питания народов мира. — М., 2015. — С. 115–122.

Ивлева Т.В. Законодательство российского государства в отношении российских немцев // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. — 2012. — № 5. — С. 464–470.

Казаков Е.Э. Немцы в Новониколаевске — Новосибирске // Интерэкспо Гео — Сибирь. — 2012. — Т. 1, № 6. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nemtsy-v-novonikolaevske-novosibirske (дата обращения 5 марта 2016 г.).

Казиев С.Ш. Стратегия адаптации «наказанных» народов и местное население в Казахстане (1941–1953 гг.) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. — 2015. — Т. 1. № 4 (88). — С. 133–137.

Карсанова Н.В. Экономическая история российских немцев под углом зрения слоев экономической культуры // Соврем. исслед. социал. проблем. — 2012. — № 3. URL: www.sosp.nkras.ru (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Касаткин П.И., Курске В.С., Валиев И.А. Роль немецкой диаспоры в российско-германских отношениях // Вестн. МГИМО. — 2012. — № 5 (26). — С. 86–96.

Кастил Дж.Е. Русские немцы и немецкое национальное воображение в межвоенный период (пер. с англ. А. Голубковой под ред. А. Скидана) // Нов. литер. обозрение. — 2014. — № 3. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/18k-pr.html#_ftn61 (дата обращения 5 марта 2016 г.).

Кириллов В.М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. — 2015. — № 2 (29). — С. 88–97.

Князева Т.В. Я.К. Грот — писатель и ученый // Гротовские чтения: Материалы III межрегион. науч.-практ. конф. / Ред. О.В. Клипикова. — Самара: Офорт, 2013. — С. 131–152.

Коровушкин Д.Г. Национальная школа в районах аграрного переселения Западной Сибири конца XIX — первой трети XX в. в контексте этнической самоидентификации переселенцев // Гуманитар.

науки и образование в Сибири. — 2015. — № 3 (21). — С. 164–177.

Костин А.А., Костина Т.В. Иностранные профессора Казанского университета 1830–1850-х гг. // Гасырлар авазы. — Казань, 2014. — № 3–4. — С. 108–117.

(Ф.Ф. Болензен, И.А. Больцани, О.Ф. Готвальд, А.К. Казембек, Ф.И. Фатер, Г.Л. Фогель).

Костомаров И.П. Компоненты языкового портрета личности российского немца // Вестн. науки Сибири. Сер.: Филология. Педагогика. — 2012. — № 1. — С. 302–306.

Котов Б.С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Изв. Самар. науч. центра РАН. — 2011. — № 3. — С. 391–398.

Котов Б.С. Положение немцев в земледельческих колониях Юга России в оценке российской прессы // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2011. — Вып. 1 (5). — С. 42–49.

Крамер В. Социокультурная адаптация и аддикция у русскоязычных переселенцев в Германии // Изв. Южн. федер. ун-та. Тех. науки. — 2010. — Т. 111. № 10. — С. 181–186.

Кратц Г. Артур Лютер и его русские псевдонимы // Псевдонимы рус. зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. — М.: Нов. лит. обозрение, 2016. — С. 190–206.

Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 23 (238). История. Вып. 47. — С. 100–103.

Крюкова Н.В. Некоторые аспекты взаимосвязи общественного труда и национально-этнических особенностей на примере деятельности немецких переселенцев в Крыму (XVIII–XX вв.) // Science Time. — 2015. — № 7 (1а). — С. 163–167.

Крюкова Н.В., Макаренко Г.И. Отдельные аспекты развития системы общественной самоорганизации немцев Крыма // Регионология. — 2016. — № 2 (95). — С. 126–136.

Лиджиева И.В., Оконова Л.В. Реконструкция истории депортации народов по воспоминаниям немцев Калмыкии // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2014. — № 7–8. — С. 29–32.

Малышкина Е.В. Начальный этап переселения немцев в Россию: трудности адаптации и определение ареала расселения // Науч. проблемы гуманитар. исслед. — Вып. 7. — 2011. — С. 47–55.

Маскарова Т.А. Влияние школьного образования на процесс формирования единого языка общения поволжских немцев-колонистов // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспектива исследований: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И.Б. Гецкина. — Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2014. — С. 130–135.

Маскарова Т.А. Роль школьного образования в процессе формирования единого языка общения в колониях немцев Поволжья // Филол. наук. Вопр. теории и практики. — 2015. — № 1–3 (43). — С. 142–146.

Миловская Н.Д. Юмор немецкого этноса: Языковой бытовой анекдот / Иванов. гос. ун-т. — Иваново, 2014. — 192 с.

Мишарина В.А. Жизнь в закрытом поселке Одъю (по воспоминаниям немцев-спецпоселенцев с. Нившера) // Ист. исследования. Материалы III Междунар. науч. конф., Казань, 20–23 мая 2015 г. / Отв. ред. Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. — Казань: Бук, 2015. — С. 85–88. (Сер.: Молодой ученый).

Морозова Н.В. Борьба с немецким языком в системе образования в годы Первой мировой войны (по материалам печати) // Primo Aspecta. — 2014. — Т. 19. № 24 (151). — С. 12–15.

Морозова Н.В., Назарова Т.П. Помощь немецких колонистов фронту в годы Первой мировой войны (по материалам Гос. архива Волгоград. обл.) // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер.: Исслед. молод. ученых. — 2014. — № 12. — С. 30–33.

Москалюк Л.И. Процессы сохранения / утраты родного языка российских немцев // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 5. — С. 275–277.

Москалюк Л.И., Москвина Т.Н., Трубавина Н.В. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края:

основные направления и результаты исследований / Алт. гос. пед. акад. — Барнаул, 2014. — 198 с.

Москалюк Л.И., Трубавина Н.В. Островная немецкая диалектология: Учеб. пособие / Алт. гос. пед. акад. — Барнаул, 2014. — 144 с.

Москвина Т.Н. Методология исследований и описания лексики островных немецких говоров // Преподаватель XXI века. — 2016. — Т. 2. № 2. — С. 310–320.

Мунчаев Р.М. Выдающийся российский археолог Николай Яковлевич Мерперт: К 90-летию со дня рождения // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта. — М.: Ин-т археологии РАН, 2014. — С. 19–24.

Н.Я. Мерперт (1922–2012), выдающийся археолог, специалист по эпохе бронзы и средневековой археологии.

Мютель Э. Я помню. Из Петрограда в Петербург через Поволжье и Сибирь — судьба дочери пастора. — СПб.: Перо, 2015. — 213 с., [6] л., ил., портр.

Мякшев А.П. Национальные движения депортированных народов как один из факторов распада Союза ССР // Изв. Саратов. ун-та. — Н.С. Сер.: История. Междунар. отношения. — Саратов, 2014. — Т. 14. Вып. 4. — С. 40–46.

На службе Отечеству: немцы в истории Ярославского края: Сб. статей по итогам Третьей ист.-краевед. конф. / Редкол.: И.А. Бахерт, д-р ист. наук, проф. В.М. Марасанова (отв. ред.). — Ярославль: ЯГТУ, 2015. — 122 с., ил.

Найдич Л.Д. Научное наследие академика В.М. Жирмунского. Новые публикации и проекты // Magister Dixit. — 2013. — № 3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-akademika-v-m-zhirmunskogo-novye-publikatsii-i-proekty (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Нам И.В. Иоганн Локкенберг — последний томский пастор // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 3 (30). — С. 154–160.

Наумова С.И. «Немецкий след» в культурном прошлом Саратова и его место в туристических маршрутах // Актуал. вопросы обществен. наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 35. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-sled-v-kulturnom-proshlom-saratova-i-ego-mesto-v-turisticheskih-marshrutah (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Немецкие пословицы и поговорки: Сб. / Моск. ин-т лингвистики; авт.-сост. А.А. Лапин. — М.: НОУ ВПО «МИЛ», 2015. — 104 с. (нем., рус.)

Немцы в России. Немецкий мир Санкт-Петербурга: Сб. ст. / Отв. ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. — СПб.: Росток, 2015. — 688 с., ил.

Содержание

Предисловие 10

Просвещенный благотворитель принц П.Г. Ольденбургский (к 200-летию со дня рождения)

Смагина Г.И. (Санкт-Петербург). Слово о принце Петре Георгиевиче Ольденбургском 17

Анненкова Э.А. (Санкт-Петербург). Детский приют имени Принца П.Г. Ольденбургского. 12-я рота Измайловского полка, 36 (ныне Морской пер., 4) 24

Еськина М.Н., Хохлова С.Н. (Санкт-Петербург). Ольденбургская школа (по материалам музея «История школы» лицея № 344) 37

Вениаминова Г.Н., Инденбом С.П. (Санкт-Петербург). Российские немцы — сотрудники Детской больницы Принца П.Г. Ольденбургского (ДГБ № 19 им. К.А. Раухфуса) 49

Волкова Н.Е. (Тверь). Принц Георг Ольденбургский — генерал-губернатор Тверской, Новгородской и Ярославской губерний..... 62

Анненкова Э.А. (Санкт-Петербург). Милосердная сестра русского народа — великая княгиня Александра Петровна Романова, принцесса Ольденбургская 83

Персианов И.А. (Санкт-Петербург). Гимназия принцессы Е.М. Ольденбургской ..97

Замалеева Т.М. (Санкт-Петербург). Листая страницы истории... Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской 134

Вклад в развитие науки и образования

Малышев И.И. (Санкт-Петербург). Морской корпус и немецкие архитекторы

конца XVIII в. (по материалам РГА ВМФ и Государственного музея истории Санкт-Петербурга).....153

Самыловская Е.А. (Санкт-Петербург). Немцы в католической общине Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в.....163

Николаева В.В., Захаров А.С. (Санкт-Петербург). Якоб Штелин или Якоб Штеллинг: имя на портрете 173

Мельникова С.И. (Санкт-Петербург). К истории Немецкого театра в Санкт-Петербурге: издание подневного репертуара за 1799 г. 183

Кравчун П.Н. (Москва). Орга́ны лютеранской церкви Св. Петра в Санкт-Петербурге: очерк истории.....192

Ковалевский А.В. (Санкт-Петербург). Петербургские немцы — врачи Мариинской больницы — участники войны 1812–1815 гг. 218

Богдан В.-И.Т. (Санкт-Петербург). Фридрих Брюлло — профессор Императорской Академии художеств 232

Бекжанова Н.В. (Санкт-Петербург). Педагогическая деятельность В.А. Эртеля — одного из воспитателей цесаревича Александра Николаевича.....239

Кусбер Я. (Майнц). Идентичность и лояльность в России XIX в.: Федор Петрович Литке (1797–1882).....250

Ермасов Е.В. (Москва). А.Г. Брикнер — историк «европеизации» России.....263

Русанова Е.Е. (Гамбург, Лейпциг). Санкт-петербургский химик Фридрих Конрад Бейльштейн..... 272

Градобоева Н.В. (Санкт-Петербург). Под девизом «INTER FOLIA FRUCTUS» (книги из коллекции Отто Янав Санкт-Петербургской консерватории) 301

Гринченко Н.А. (Санкт-Петербург). «Санкт-Петербургская хроника» Рудольфа Минцлова.....313

Российско-немецкий диалог

Бондаренко А.Ф. (Москва). Немецкие колокола и колокололитейные мастера на Руси в XI–XVII вв. 323

Сытин А.К. (Санкт-Петербург). Самуэль Готлиб Гмелин — профессор ботаники Петербургской Академии наук.....344

Сомов В.А. (Санкт-Петербург). Россия на страницах французских эмигрантских журналов конца XVIII в. (Гамбург, Брауншвейг, Санкт-Петербург) 371

Карпова Е.В. (Санкт-Петербург). Мюнхенский скульптор Иоганн фон Гальбиг (1814–1882): материалы к творческой биографии.....385

Костина Т.В. (Санкт-Петербург). Европейский быт в губернском городе (Немецкие профессора в Казани в первой четверти XIX в.) 400

Пфреппер Р., Пфреппер Г. (Лейпциг). Густав фон Бунге (1844–1920). Развитие физиологической химии и социальной гигиены в Дерпте и Базеле.....411

Кестнер И., Вонторра М. (Лейпциг). Российские гости в лаборатории Вильгельма Вундта в Лейпциге. Первые результаты проекта «Переписка Вильгельма Вундта» 424

Красникова О.А. (Санкт-Петербург). Н.Н. Торнау (1848–1928?) и отечественная география.....433

Хексельшнейдер Э. (Лейпциг). Лейпциг в восприятии Россией и российскими людьми.....447

Винклер Р.-Л. (Берлин). Германо-советская / российская научная школа В. Штейница в области хантоведения в переменах XX в. 472

Хексельшнейдер Э. (Лейпциг). В поисках русских следов в немецких городах. Библиографический обзор (с 1990-х гг. по 2011 г.) 487

Зюсс В. (Дортмунд). Русско-немецкий диалог в области воспитания трудных подростков 501

Люди и судьбы

Ипполитова Г.А. (Санкт-Петербург). Жизнь и быт немецких колонистов в России 509

Бер-Глинка А.И. (Москва). Рижский род Беров: от немецких купцов до российских дворян 529

Кульматова Т.В. (Санкт-Петербург). Великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская. К истории «Карловского проекта» освобождения крестьян («Karloffka-Album» из собрания БАН) 551

Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. (Санкт-Петербург). Бароны Будберги и Кнорринги на дипломатической и придворной службе во второй половине XIX — начале XX в. 567

Смагина Г.И. (Санкт-Петербург). Арно Плантенер (1909–1938) — переводчик А.С. Пушкина, М. Горького, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского 580

Брокманн (Плантерен) С.А. (Любек). Письма моего отца 590

Рецензии

Кацкова Т.А. Helmut Glück und Yvonne Pörzen: Deutsch lernen in Russland und in den Baltischen Ländern vom 17. Jahrhundert bis 1941. — Harrossowitz Verlag, Wiesbaden, 2009. — 399 S. 627

Смагина Г.И. Фафурин Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. — СПб.: Петерб. Лингвист. об-во, 2010. — 376 с. 639

Соколова И.Б. Хексельшнейдер Э. Дрезден — сокровище в табакерке. Впечатления российских деятелей культуры / Пер. с нем. Феликса Нефедова. — СПб.: Лики России 2011. — 255 с.; Русский мир Лейпцига / Под ред. Елизаветы Тумим и Эрхарда Хексельшнейдера. — Лейпциг, 2011. — 307 с. 649

Именной указатель 656

Сведения об авторах 685

Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. Т.А. Шрадер. — Вып. 9. — СПб.: Кунсткамера, 2015. — 390 с.

Содержание

Богданов В.И., Малова Т.И. Атанасиус Кирхер и эволюция представлений о проницаемости кристаллической земной коры 7

Архимандрит Августин (Никитин). Немецкая средневековая книжность на берегах Невы 21

Сафонов М.М. Презентация образа Петра III на страницах «Записок Екатерины II» 35

Фафурин Г.А. Академик Иосиф Адам Браун (1712–1768) как читатель и покупатель книг в книжной лавке Петербургской Академии наук 77

Лупанова Е.М. Директор на пять дней. Почему Иоганн Бакмейстер не стал во главе Кунсткамеры?..... 98

Мошник Ю.И., Ефимов М.В. «Сотворение Монрепо»: принц Фридрих Вюртембергский в Выборге в 1784–1786 гг. 105

Макаров Б.С. Иоганн Каспер Фокт ...116

Самысловская Е.А. Немецкие мастера и архитекторы в римско-католической общине Санкт-Петербурга в первой трети XVIII в. 146

Головнин П.А. Дворяне Вульф в России 153

Иодко О.В. Фридрих Людвиг Шардиус — архивариус архива Конференции императорской Академии наук 176

Валиев М.Т., Заднепровская А.Ю. Вагнеры — от аптечной стойки до генерала флота 193

Головнин П.А. Бароны фон Дервиз: промышленники и меценаты.....212

Удалова Е.Г. Евгений Карлович Альбрехт — инспектор императорских театров 237

Хвостова Г.А. Материалы к биографии художника Иоганна Конрада Дорнера ..246

Лаврентьева Л.С. Немецкие корни в женском профессиональном образовании России (конец XIX — начало XX в.) 253

Валиев М.Т. Эрнест Карлович Пецольд — автор лучшего учебника немецкого языка в дореволюционной России ...264

Фассман Е.В. Александр Константинович Ержемский — первый фотограф Русского музея императора Александра III 278

Мазинг А.Ю. Пастор Карл Мазинг (1811–1877) и его сыновья 290

Шевчук С.В. Эмилий Бретшнейдер (1833–1901) — врач, китаевед, ботаник .. 302

Друкарев Е.Г. Сергей Павлович Гернет (1859–1918), его предки и потомки в Петербурге.....309

Депп А. фон, Иванова Н.И. Фамилия фон Депп в Санкт-Петербурге 323

Груздева Е.Н. Историк и преподаватель немецкого языка Маргарита Эмильевна Либтал 329

Шаронова В.Г. Хозяин русского замка в Шанхае.....339

Шкаровский М.В. Настоятель Петрикирхе пастор Гельмут Ганзен.....343

Половникова И.А. «Потомкам, которых у меня нет...» (Судьба русского аристократа в Советской России).....349

Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Петроградской — Ленинградской губернии в 1920-е годы 362

Список сокращений 371

Именной указатель 373

Сведения об авторах 385

Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Астана, 5–7 октября 2015 г.). — Алма-ата: АООНК «Возрождение», 2015. — 560 с. (рус., нем.)

Содержание

Дедерер А.Ф., Курганская В.Д. Предисловие 3

Херц Г. Приветственное слово посла Федеративной Республики Германия в Республике Казахстан 8

Кошик Х. Приветственное слово для сборника материалов конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином»..... 9

Доклады на пленарном заседании

Калашникова Н.П. Ассамблея народа Казахстана: развитие общественных институтов, формирующих идентичность и единство..... 12

Султанов Б.К. Немцы Казахстана — важнейший фактор углубления сотрудничества РК и ФРГ в условиях меняющейся архитектуры мира 15

Кайзер М., Шёнхут М. Стратегии транснационализации и возвращения поздних переселенцев: в Германию и обратно..... 26

Вайц В. Бизнес-сообщество казахстанских немцев как мост между Астаной и Берлином 39

Франц И.С. Язык как важная составляющая моста между Астаной и Берлином 42

Дедерер А.Ф., Курганская В.Д., Думлер А.Ф. Модернизация принципов партнерства в реализации Государственной программы поддержки этнических немцев через структуры общественной самоорганизации 45

Герман А.А. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев: 20 лет деятельности.....57

Секция 1. Немцы Казахстана: история и культура

Волкова Т.П. Немецкая тематика в казахстанской историографии..... 77

Алексеенко М.А. Документы о немцах Казахстана в Государственном архиве Костанайской области 87

Таштемханова Р.М., Баймулдина А.У. Немецкий этнос: история в лицах 94

Кириллов В.М. Объединенный банк данных «История репрессивной политики против советских немцев в XX веке» — одна из основ национального самосознания 101

Вольф Э.Л., Беллер А.В. О некоторых аспектах парадоксальности, проявляющихся в общественном сознании немцев бывшего Союза 108

Ананьева С.В. Синтез мировых культур в творческом наследии Герольда Бельгера 117

Кожахметова А.С. Национально-культурный компонент в обучении немецкому языку 126

Байманова Л.С. Немецкий язык в Акмолинской области: история, современное состояние и перспективы 132

Нагих М.В. Состояние преподавания немецкого языка в Карагандинской области ..137

Сураганова З.К., Курманова С.Р. Немцы Новодолинки. Жизнь в условиях монохронности 147

Маркдорф Н.М. Культурная, личная, социально-психологическая стигматизация немцев-спецпоселенцев 153

Зандерс Р. «Мы всегда были трудолюбивыми». Культурная память и идентичность немцев в Казахстане 161

Секция 2. Немцы Казахстана в экономическом и социокультурном пространстве двух стран

Подопригора Ю.И. Вопросы современного этносоциального развития немцев Казахстана.....171

Райт С. Назад в Казахстан. Взгляд с точки зрения этнографического исследователя 182

Дорш Д. Мосты человеческих отношений.....195

Риммер А.В. Роль переселенцев из Казахстана в Германию в казахстанско-германских отношениях 202

Зекрист Э.А. Немцы Казахстана: мост между Костанаем и Берлином 213

Аупенова А.У. «…Звучит казахская струна…» 216

Коростелева Н.А., Храпченкова Н.И. Опыт работы Карагандинского университета «Болашак» по формированию межэтнической толерантности школьников 226

Милаева И.И. Воспитание толерантности у молодежи 230

Тасбулатова Д.Ж. Международные программы обмена школьников — живой мост народной дипломатии 235

Ауман В.А. Некоторые проблемы современного состояния и перспективы немецкого этноса на пространстве бывшего СССР 241

Долголюк А.А. Сохранение памяти об участниках и жертвах Великой Отечественной войны в России, Казахстане и Германии 249

Кнаус А.А., Милаева И.И. Медицинские аспекты миграции немцев в Германию ..260

Резолюция международной научно-практической конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином»..... 263

Сведения об авторах статей 267

Inhalt

Dederer A.F., Kurganskaja W.D. Vorwort . 287

Herz G. Grußwort des Deutschen Botschafters in Astana.....292

Koschyk H. Grußwort für den Tagungsband zur Konferenz „Ethnisch Deutsche Kasachstans: eine Brücke zwischen Astana und Berlin“ (Astana, 5–7 Oktober 2015) 293

Plenarvorträge

Kalaschnikowa N.P. Versammlung des Volkes Kasachstans: Entwicklung von gesellschaftlichen Institutionen, die Identität und Einheit schaffen können 296

Sultanow B.K. Deutsche Kasachstans als wichtiger Faktor zur Vertiefung der Zusammenarbeit zwischen der RK und der BRD in einer sich verändernden Welt.....300

Kaiser M., Schönhuth M. Transnationalisierungs — und Umkehrstrategien von Spätaussiedlern: einmal Deutschland und wieder zurück 311

Weiz W. Business-Gemeinschaft der Kasachstandeutschen als eine Brücke zwischen Astana und Berlin.....323

Franz I.S. Sprache als wichtiges Bindeglied zwischen Astana und Berlin 326

Dederer A.F., Kurganskaja W.D., Dumler A.F. Modernisierung von Grundsätzen der Partnerschaft bei der Realisierung des staatlichen Programms zur Förderung der deutschen Minderheit durch die gesellschaftlichen Strukturen der Selbstorganisation..... 329

Hermann A.A. Die Internationale Assoziation der Forscher für Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen: 20 Jahre Entwicklung.. 341

Expertengremium 1. Ethnisch Deutsche Kasachstans: Geschichte und Kultur

Wolkowa T.P. Deutsches Thema in der kasachischen Historiographie.....361

Alexejenko M.A. Dokumente über die Kasachstandeutschen im Staatsarchiv des Gebiets Kostanai.....371

Taschtemchanowa R.M., Bajmuldina A.U. Deutsche Minderheit in Kasachstan: Die Geschichte in den menschlichen Leben 379

Kirillow W.M. Einheitliche Datenbank „Geschichte der Repressalienpolitik gegenüber den Sowjetdeutschen im 20. Jahrhundert“ als eine der Grundlagen der nationalen Selbstidentität.....386

Wolf E.L., Beller A.W. Ethnisch Deutsche Kasachstans: Konsensbildung zwischen der Identität als Russlanddeutsche und der Bürgeridentität 393

Ananjewa S.V. Die Synthese der Weltkulturen im literarischen Erbe von Herold Berger 402

Koshachmetowa A.S. National-kulturelle Komponente im Deutschunterricht.....413

Bajmanowa L.S. Der Deutschunterricht im Gebiet Akmola: Stand und Perspektiven 419

Nagich M.W. Stand des Deutschunterrichtes im Gebiet Karaganda 424

Suraganowa Z.K., Kurmanowa S.R. Die ethnisch Deutschen von Nowodolinka. Das Leben unter den monochronen Bedingungen 434

Markdorf N.M. Institutionelle, kulturelle, sozialpsychologische Stigmatisierung der Deutschen-Sonderansiedler 440

Sanders R. „Wir waren immer fleissig“. Kulturelles Gedächtnis und Identität von Deutschen in Kasachstan 448

Expertengremium 2. Ethnisch Deutsche Kasachstans im wirtschaftlichen und soziokulturellen Raum beider Länder

Podoprigora Ju.I. Ethnisch Deutsche Kasachstans: moderne ethnosoziale Prozesse.....457

Reith S. Zurück nach Kasachstan. Einblicke in eine ethnographische Feldforschung..... 468

Dorsch D. Brücken von menschlichen Beziehungen 480

Rimmer A.W. Die Rolle der Aussiedler in den deutsch — kasachischen Beziehung ...488

Zekrist E.A. Ethnische Deutsche Kasachstans: eine Brücke zwischen Kostanai und Berlin.....499

Aupenowa A.U. „…Es klingt eine kasachische Saite…“.....502

Korostelyowa N.A., Khraptschenkowa N.I. Aus der Erfahrung der Universität „Bolaschak“ Karaganda zur Entwicklung der interethnischen Toleranz bei den Schülern.....512

Milajewa I.I. Erziehung der Toleranz bei den Jugendlichen 516

Tasbulatowa D.Zh. Internationale Schüleraustauschprogramme — eine lebendige Brücke der Volksdiplomatie 521

Aumann W.A. Zu einigen Problemen der aktuellen Lage und der Perspektiven der deut-

schen Minderheit auf dem Territorium der ehemaligen UdSSR 527
Dolgoljuk A.A. Das Gedächtnis über die Kämpfer und die Opfer des Grossen Vaterländischen Krieges in Russland, Kasachstan und Deutschland 535
Knaus A.A., Milajewa I.I. Medizinische Aspekte der Migration der Kasachstandeutschen nach Deutschland 546

Beschluss über die internationale wissenschaftlich-praxisorientierte Konferenz „Ethnisch Deutsche Kasachstans: eine Brücke zwischen Astana und Berlin“.....549
Autorenverzeichnis.....553

Нефедов Д.В. Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию в конце XX — начале XXI в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 13. — С. 99–108.

Носков В.А. Религиозные общины немецких колонистов как организующая структура местного самоуправления на рубеже XIX–XX вв. (на примере лютеран, меннонитов, баптистов и католиков Акмолинской области Степного края) // Омск. науч. вестн. — 2010. — № 1 (85). — С. 41–44.

Нурбаев Ж.Е. Лютеране Степного края: история распространения, численность и территория размещения // Лютеране в России: к 300-летию распространения лютеранства в Сибири: Сб. докл. Междунар. науч. конф., Омск, 9–10 окт. 2014 г. / Гл. ред. Дмитриева Л.М., Томилов Н.А. — Омск, 2014. — С. 100–102.

Нурмагамбетова С.А., Игнатьев Ю.В. Этнокультурная идентичность как объект психиатрического исследования (на материале немецкого этноса в Республике Казахстан) // Вестн. психиатрии и психологии Чувашии. — 2007. — № 3. — С. 89–100.

Овсянникова В.В., Чернышев Ю.Г. О причинах реэмиграции российских немцев из Германии в Россию в конце XX — начале XXI в. (на материалах Алтайского края) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. — 2013. — Т. 2. № 4 (80). — С. 188–192.

Плеве И.Р., Лобачева Г.В., Парфенов В.Н. «Вина» немцев Поволжья как политический миф // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. — 2011. — Т. 4. Вып. 2. — С. 251–254.

Плеская Э.Г. Репрессии против немецкого населения в 1920–1941 гг. // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. — № 14. — Одесса, 2015. — С. 4–10.

Поздерова Г.Ф. Сравнительный анализ порядка слов в ряде немецких островных диалектов // Вестн. Башкир. ун-та. — 2013. — Т. 18. № 4. — С. 1184–1192.

Поздерова Г.Ф. Об альтернациях в немецком словорасположении и их ареальной дистрибуции // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. — 2014. — Т. 1. № 3. — С. 142–151.

Полунин Е.С. Участие представителей правопорядка, революционных и военных формирований в выселении этнических немцев из Восточной Европы после Второй мировой войны // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. — 2014. — Т. 4. № 3. — С. 144–152.

Полякова В.А. Некоторые аспекты эмиграционного законодательства в дореволюционной России // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2011. — № 2 (15). — С. 238–241.

Полякова В.А. Законодательное регулирование миграционных процессов в дореволюционной России (вторая половина XVII — начало XX в.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. — Н. Новгород, 2013. — 32 с.

Полякова М.А. Реформа церкви и начало регламентации всеобщего народного образования в немецких землях // Религиоведение. — М.; Благовещенск, 2014. — № 3. — С. 12–19.

Прудникова А.Е. Рихард Зорге. Кто он на самом деле? — М.: Алгоритм, 2015. — 271 с.

Путятова Э.Г. Колонии российских немцев в Южной Америке в конце XIX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — № 84. — 2008. — С. 72–78.

Путятова Э.Г. Роль пароходных компаний в транспортировке российских эмигрантов в Южную Америку (конец XIX — начало XX в.) // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология,

право, междунар. отношения: Науч.-теор. журн. — 2009. — Вып. 2. — С. 281–288.

Пянкевич И.В. Немецкие военнопленные и организация их труда на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. — 2014. — Вып. 1. — С. 167–175.

Рамазанова Д.Ш. Национальные меньшинства в системе межнациональных отношений Дагестана // Теория и практика обществ. развития. — 2014. — № 21. — С. 211–219.

Рахимов Р.Н. Народы России накануне войны: Мифы и реалии истории // Накануне Великой войны: Россия и мир. — М., 2014. — С. 145–157.

Российский академик Г.И. Лангсдорф и его путешествие в Бразилию (1803–1829) / Сост. и авторы ст. Е.Ю. Басаргина, Е.Н. Груздева, И.М. Щедрова; под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 216 с., ил. (Сер.: «Ad fonts. Материалы и исследования по истории науки». Supplementum 4).

Рыжов А.Н. Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII в. / Сост., авт. вступ. статьи А.Н. Рыжов // Вопр. образования. — 2007. — С. 368–382.

Саряева Р.Г. Немцы Калмыкии: история и судьба этноса в прессе Калмыкии / Калмык. гос. ун-т. — Элиста, 2015. — 84 с.

Светозарова Н.Д. Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В.М. Жирмунского // Magister Dixit. — 2013. — № 3. — С. 117–123. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/otchety-ob-ekspeditsiyah-kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskih-ekspeditsiy-v-m-zhirmunskogo (дата обращения: 10 марта 2016 г.).

Селивановский С.Н. Немцы в Ижевске (1941–52 гг.): принудительное пришествие // Иднакар: методы ист.-культур. реконструкции. — 2011. — № 2 (12). — С. 110–130.

О военнопленных Второй мировой войны.

Семенова Е.Ю. Отношение горожан Поволжья к гражданскому немецкому населению в годы Первой мировой войны // Армия и общество. — 2011. — № 1 (25). — С. 139–144.

Семин А.А., Стрекина К.С. Русские немцы в истории России // Поморские чтения по семиотике культуры. — Архангельск, 2015. — Вып. 8. — С. 207–212.

Скобелкин О.В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 4 (1). — С. 212–216.

Скобелкин О.В. Служилые «немцы» в русском войске второй половины XVI в. // Рус. армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. — СПб., 2015. — С. 69–103.

Слепнев И.Н. Путь С.Ю. Витте // На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности: Исслед. и публикации. В 2 т. — 2014. — Т. 2. — С. 8–29.

Смирнова Т.Б. Динамика численности немцев в России от манифестов Екатерины II до наших дней // Соврем. проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. URL: http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/671.pdf (дата обращения 06.05.2016).

Соколов А.Ю. Исследования влияния немецкой культуры на развитие Забайкалья // Гуманитар. вектор. Сер.: Философия, культурология. — 2016. — Т. 11. № 2. — С. 129–136.

Солодова В.В. Одесский немецкий рабоче-колхозный театр в 1930-е гг. (региональный аспект) // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. — № 14. — Одесса, 2015. — С. 48–50.

Струкова О.В., Фомина З.Е. Этнокультурная специфика реноминаций немецких топонимов в разных ареалах России (на материалах Самарской, Ленинградской и Пермской областей) // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитек.-строит. ун-та. Сер.: Соврем. лингвист. и метод.-дидакт. исследований. — 2014. — № 1 (21). — С. 116–129.

Сурай В.Н. Развитие жилища немцев в Сибири // Вестн. Бурят. гос. ун-та. — 2011. — № 14. — С. 184–188.

Суслов М.Д. «…Обезличил нас и властвовал над нами»: понятие «немец» в российских позднеимперских политических

дебатах // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. — Вып. 4 (27). — 2014. — С. 180–193.

Сучкова А.М., Акользина М.К. Положение иностранцев в Тамбовской губернии в первой половине XIX века // Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира». — Тамбов, 2013. — С. 166–171.

Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Специальность 07.00.02 — Отечественная история. — Брянск, 2015. — 25 с.

Толмачева А.Ю. Этническая идентичность современных российских немцев Оренбургской области // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 8 (337). — История. Вып. 59. — С. 58–61.

Томан И.Б. История культуры московских немцев в памятниках архитектуры XVIII — начала XX столетия // Москва гостеприимная: люди, памятники и традиции многонациональной Москвы: Сб. тр. / Под. общ. ред. В.Ф. Козлова. — М.: Москвоведение, 2014. — С. 124–128.

Трубавина Н.В. Текстовый корпус немецких диалектов на Алтае: общие принципы построения // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2013. — № 373. — С. 38–43.

Трубавина Н.В. Сочинительные союзы в островных немецких говорах Алтая: состав, семантика, особенности употребления // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 5 (48). — С. 154–158.

Трубавина Н.В. Семантика подчинительных союзов в островных немецких говорах Алтая // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. — 2015. — № 3. — С. 93–105.

Филиппова Ю.Ф. Лексикографический подход в изучении фольклорной лексики этнических немцев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. — 2011. — № 1. — С. 196–201.

Филиппова Ю.Ф. Конкорданcный и доминантный аналитический подходы при описании фольклорной картины мира этнических немцев (на примере пасхальной обрядности) // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. — 2012. — № 1 (17). — С. 215–220.

Фирсанова О.В. Благотворительная и учебная деятельность немецких евангелическо-лютеранских церквей в Санкт-Петербурге: XVIII — нач. XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 — Отечественная история / С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб., 2015. — 26 с.

Флеглер Н.В. Образование переселенческих участков немцев-колонистов как фактор освоения колонизационного фонда Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Соврем. проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. URL: http://www.science-education.ru/pdf/2013/6/918.pdf (дата обращения: 12 марта 2016 г.).

Фокин И.Л. Всемирно-историческое значение Реформации и 95 тезисов Мартина Лютера // 500 лет Реформации и нового времени, 1517–2017: Сб. материалов конф., 16–17 апр. 2015 г. — СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2015. — Вып. 1 (2015). — С. 3–19.

Фурман Е.Л. Из истории кустарно-промысловой кооперации немцев Поволжья (первая треть XX в.) // Нов. ист. вестн. — 2008. — № 17. — С. 173–179.

Хаякаса К. Депортация российских немцев 1941 г. и ее последствия // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 3 (19). — С. 19–25.

Ходяков М.В. Материалы Государственного архива Эстонии как источник по изучению истории иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях НКВД–МВД ЭССР. 1944–1949 гг. // Вестн. архивиста. — 2013. — № 2. — С. 121–132.

Ходяков М.В. Материалы по истории военнопленных Великой Отечественной войны в архивах Санкт-Петербурга. URL: http://www.vestarchive.ru/2014–1/3078-materialy-po-istorii-inostrannyh-voennoplennyh-velikoi-otechestvennoi-voiny-v-arhivah-sankt-peterbyr.pdf (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Хоменко Д.Ю. Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: межэтнические отношения // Актуальные проблемы современного литературоведения. — Новосибирск, 2014. — С. 104–111.

Циунчук Р.А. Национальный вопрос в Российской империи накануне и в период Первой мировой войны (польские и немецкие депутаты Государственной думы: «свои» или «чужие») // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы. — Калининград, 2013. — С. 109–116.

Черказьянова И.В. Антинемецкие настроения в университетском сообществе и судьба профессора Ф.И. Кнауэра // Вісн. Одеськ. історико-краєзнавчого музею. — № 14. — Одесса, 2015. — С. 24–30.

Черказьянова И.В., Немкова А.А. Прошлое немецких колоний // Ист. экспертиза. — 2015. — № 4. — С. 225–227.

Чижова Е.А., Светозарский С.Н. Немецкие имена в Нижегородской медицине // Мед. альм. — 2014. — № 1 (31). — С. 21–23.

Чижова Е.А., Светозарский С.Н. Немецкие имена в российской медицине // Архив внутрен. медицины. — 2014. — № 2. — С. 74–77.

Шмидт У. Бессарабия. Немецкие колонисты Причерноморья: очерки / Пер. с нем. В. Шелеста. — Одесса: Optimum, 2015. — 474 с., ил.

Шульга И. Изъятие военнослужащих-немцев из армейских рядов в годы Великой Отечественной войны // Немцы Сибири: Культура. — Омск, 2015. — № 1 (28). — С. 11–16.

Эйхельберг Е.А. Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. — 2012. — № 2. — С. 96–101.

Юдина Т.В., Булатов В.В., Фурман Е.Л. Германо-советское авиапредприятие «Дерулюфт» (1921–1937): деятельность, кадры и их роль в содействии «Аэрофлоту» и «Люфтганзе» // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. — 2014. — № 2. — С. 6–12.

Deutsche im Schwarzmeergebiet, auf der Krim und im Kaukasus vom 19. Jahrhundert bis 1941 / Eisfeld Alfred (Hrsg.). — Hamburg, Dr. Kovač, 2016. — 678 S., 13 Abb., Tabelle. (Studien zur Geschichtsforschung der Neuzeit, 88).

Inhalt

Eisfeld A. (Göttingen). Vorwort 9

Vom Anfang des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg

Hoffmann M. (Berlin). Das Schwarze Meer und der Kaukasus in der Außenpolitik Russlands im 18. — Anfang des 19. Jahrhunderts 19

Auch E.-M. (Greiswald). „Doch in des fremden Volkes Mitte zog viel den Europäer an“. Kaukasien in deutschen Reiseberichten und der Anteil deutscher Forscher an der kolonialen Erschließung Südkaukasiens 37

Konovalova O.V. (Odessa). Bereitstellung von Ländereien zwischen Bug und Dnestr für ausländische Kolonisten und Gründer deutscher Kolonien im ersten Jahrzehnt des 19. Jahrhunderts 55

Plesskaja E.G. (Odessa). Die Handwerkerkolonie von Odessa in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts 95

Verdieva H.Y. (Baku). Die Umsiedlungspolitik des Russischen Reichs in Nordazerbajdžan 107

Kostjuk M.P. (Luck). Die deutsche Kolonisierung in Wolhynien in der zweiten Hälfte des. 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts 147

Nelipovič S.G. (Moskau). Dienen oder zahlen? Zum Problem der Einführung der Wehrpflicht für die deutschen Kolonisten im Süden Russlands (1861–1881) 173

Konovalova O.V. (Odessa). Die Auswanderung von Siedler-Eigentümern aus dem Gouvernement Cherson nach Amerika in den Jahren 1872 und 1873 203

Brandes D. (Düsseldorf). Russifizierung, Magyarisierung im Vergleich 231

Calov G. (Stuttgart). Deutsche Künstler in Neurussland, auf der Krim und im Kaukasus 255

Calov G. (Stuttgart). Deutsche Künstler im Schwarzmeergebiet, auf der Krim und im Kaukasus von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg 271

Heidebrecht H. (Stuttgart). Deutsche Architekten in der russischen Provinz 289

Heidebrecht H. (Stuttgart). Deutsche Architekten im Süden Russlands 307

Kratz G. (Münster/Moskau). Die Odessaer deutschsprachigen Drucke. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des Ersten Weltkriege 323

Schwab A. (Bonn). Deutsche Musiker und Komponisten im Schwarzmeergebiet, auf der

Kriem und im Kaukasus von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis Ende der 20er Jahre des 20. Jahrhunderts 349

Von Ersten bis zum Zweiten Weltkrieg

Nelipovič S.G. (Moskau). Die Kriegsbehörde und die Mennoniten Russlands im Ersten Weltkrie 1914–1918 359

Kostjuk M.P. (Luck). Die Deportation von Wolhyniendeutschen im Winter 1915/16... 385

Eisfeld A. (Göttingen). Zwischen Tradition und Wandel. Mennoniten in den Jahren 1917–1918 407

Plesskaja E.G. (Odessa). Die deutsche nationale Schule in den Jahren 1920–1921 (Am Beispiel des Bezirks Odessa im Gouvernement Odessa) 421

Krylov N.V. (Melitopol'). Die sozialökonimische Entwicklung der deutschen Kolonien im Verwaltungsbezirk Melitopol' (in den 20er Jahren des 20. Jahrhunderts).....441

Letkemann P. (Winnipeg). Die Entkulakisierung im Chortiza-Gebiet.....465

Solončuk E.A. (Odessa). Die Entkulakisierung in den deutschen nationalen Rayons im Odessaer Bezirk im Winter und Frühjahr 1930 (nach Sonderberichten der Bezirks-GPU an die Parteiorgane).....503

Kostjuk M.P. (Luck). Die Deutschen in Ostwolhynien Ende 20er Jahre und in den 30er Jahren des 20. Jahrhunderts 521

Solončuk E.A. (Odessa). Die Tätigkeit der deutschen Sektionen in den Partei — und Exekutivkomitees des Gouvernements und Beuirks Odessa 547

Solodova V.V. (Odessa). Das Deutsche Theater in Odessa 563

*Plesskaja E.*G. (Odessa). Ausbildung nationaler pädagogischen Kader für deutsche Schulen in der Ukraine (1924–1938) 575

Neutatz D. (Freiburg). Wo steht die Forschung über die Russlanddeutschen?.....595

Personenregiester 613

Geografisches Register.....647

Abkurzungen und Kurzwörter.....663

Die Autoren des Bandes 671

Doos W.G. Riebensdorf, a Village on the Upper Don River // AHSGR Journal. — Winter 2015. — P. 1–8.

Krieger V. Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen. — Bonn, 2015. — 272 S. (Bundeszentrale für Politische Bildung; 1631).

Это научно обоснованный, но в то же время предназначенный для широкого круга читателей очерк 250-летней истории российских немцев с момента иммиграции в 1764 г. по настоящее время. В нем читатель найдет ряд новых интерпретаций известных событий прошлого и узнает о некоторых малоизвестных страницах национальной истории. Книга снабжена редкими цветными и черно-белыми иллюстрациями, дополнена статистическими и хронологическими таблицами, глоссарием, географическим и именным указателями.

Krieger V. Vom Schulmeister zum Nobelpreisträger: geistige und intellektuelle Bestrebungen unter der deutschen Minderheit // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. — Stuttgart, 2014. — S. 71–132.

Ost und West in Buch und Bibliothek. Festschrift für Horst Röhling / Kratz Gottfried (Hrsg.). — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2015. — 230 S., 1 farb. Abb., 9 s/w Abb. (Arbeiten und Bibliographien zum Buch — und Bibliothekswesen. Vol. 16).

Aus dem Inhaltsverzeichnis

Samarin A.(Moskau). Russlands erste private Druckerei — die Druckerei für Fremdsprachen des Johann Michael Hartung 61–78

Kratz G. (Münster). Der Berliner russische Verlag „Neva" und seine „deutsche Abteilung" (1921–1928) .....79–112.

Afanas'ev M. (Moskau). „Deutsche Sujets" in der Sammlung Chmyrov — einer kaum bekannten Quelle zu den russisch-deutschen Kontakten im 19. Jahrhundert.....145–158

Mühl H. (Münster). Karl Philipp Moritz und der geheimnisvolle „Prediger an der Ufer der Wolga": „Einige Begebenheiten" des Predigers Friedrich Konrad Strenge in Russland ...159–190

Najdič L., Svetosarova N. Die Erforschung des Wortschtzes der deutschen Sprachinseln in Russland von Viktor Maksimovič Schirmunski und seinen Mitarbeitern // Magister Dixit. — 2013. — № 4. — S. 58–64. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/v-zhirmunskis-study-of-the-dialectal-lexicon-in-german-insular-dialects-of-russia (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. — 2., aktual., erweiterte und korrigierte Aufl. — Potsdam, 2012. — 420 S.

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Ананян

Рецензия на книгу «Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области: Сборник документов»

(ТРУДЫ ВОЛГОГРАДСКОГО ЦЕНТРА ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. — ВЫП. 12. — ВОЛГОГРАД: ИЗД-ВО ВОЛГОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2015.)

Волгоградский центр германских исторических исследований, руководителем которого является д-р ист. наук, проф. Нина Эмильевна Вашкау, был создан в 2001 г., когда она возглавила кафедру истории России Волгоградского государственного университета. Создание данного центра на территории, значительная часть которой некогда входила в состав немецкого Поволжья, вполне логично. Отметим также, что интерес к немецкой проблематике в общероссийском масштабе и на региональном уровне остается устойчивым на протяжении почти четырех десятилетий, но многие страницы истории российских немцев все еще не написаны. Изучить малоизученную или вовсе неизвестную историю, а главное — сделать ее достоянием широких масс — в этом состоит основная задача центра. Н.Э. Вашкау сформировала коллектив из преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, занимающихся проблемами истории и историографии российских немцев и германской истории. За более чем десятилетнюю историю своего существования центр проделал большую и разноплановую научную работу, включающую семинары, научно-исследовательские проекты, международные научные конференции[1], издание монографий[2], защиту кандидатских диссертаций по проблематике истории российских немцев под ее руководством.

[1] Международная научная конференция «Вехи российско-германских отношений (40–90-е годы XX века)» (2001); II Международная научная конференция «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет» (2003); III Международная научная конференция «Женщина на войне. 1941–1945. Россия и Германия» (2005); IV Международная научная конференция «Российские немцы. Женские судьбы. 1941–1955 гг.» (2006) и др.

[2] Труды Волгоградского центра германских исторических исследований: *Вашкау Н.Э.* Сарепта. Страницы истории российских немцев. — Вып. 5. — Волгоград, 2006; *Фурман Е.Л.* Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1905 — начало 1930-х годов). — Вып. 9. — Волгоград, 2010; *Ерохина О.В.* Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе юга России. 1860–1930-е годы. — Вып. 10. — Волгоград, 2011.

© Е.В. АНАНЯН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 338–341.

Признавая огромное значение столь многоплановой работы центра, хочется особо отметить наиболее важный проект — обнародование списков депортированных немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области.

О составлении этих списков многократно упоминали в воспоминаниях сами депортированные, на факт их существования указывали также и специалисты по истории депортации, однако официальных сведений об этом в течение нескольких десятилетий не было. После рассекречивания документов по депортации и в ходе работы над данным изданием стало известно, что подробные списки депортированных немцев Поволжья в 1956 г. были переданы в спецуправление МВД Сталинградской области, а в настоящее время они хранятся в Информационном Центре ГУ МВД Волгоградской области. Понимая значимость этих документов как для науки, так и для самих участников событий и идя им навстречу, руководство Управления МВД по Волгоградской области рассекретило часть из них, тем самым открыв возможность публикации и изучения списков депортированных. В то же время следует отметить, что процесс воспроизводства списков оказался очень трудоемким, т. к. по условиям допуска документы переписывались вручную.

Обширный проект по изданию списков осуществлялся поэтапно в течение последнего десятилетия.

Первым этапом грандиозного проекта стало издание в 2008 г. списков депортированных жителей колонии Сарепта[3]. В его основе лежат делопроизводственные материалы НКВД, в которых содержатся информационно-аналитические, нормативные, оперативные материалы спецслужб. Документы включают списки всех сарептян, составленные органами НКВД по состоянию на август 1941 г. В них включены не только персональные данные глав и членов семей с определением степени родства, но и полный адрес.

Иллюстративным дополнением к спискам депортированных из колонии Сарепта являются фотографии из личных архивов членов евангелическо-лютеранской общины и Немецкого культурного центра и фондов музея-заповедника «Старая Сарепта». В приложениях к спискам представлены семейные фотографии, сделанные в довоенной и современной Сарепте, а также на спецпоселении. Этим и многим другим сарептянам и их семьям как дань памяти и многолетней личной дружбы и посвящена данная публикация Н.Э. Вашкау.

Во втором сборнике, опубликованном в 2013 г., размещены списки граждан немецкой национальности, депортированных из Сталинграда[4]. В издании они разбиты по районам Сталинграда: Ворошиловскому, Тракторозаводскому, Баррикадному, Краснооктябрьскому, Ермановскому, Дзержинскому. Показательно, что порайонные списки имеют различия, что свидетельствует об отсутствии единой формы при формировании списков и их создании разными людьми. К примеру, в списки по Баррикадному району включены подлежащие переселению, но временно отсутствующие или уклоняющиеся от выселения за пределы Сталинградской области. В списках по Ворошиловскому району указаны место работы и профессия. Важная информация не только о месте жительства (при школе, столовой), но и об условиях проживания содержится в списке по Тракторозаводскому району, из которого следует, что рабочие Тракторного завода жили в бараках, землянках и палатках. Списки по Дзержинскому району содержат сведения о профессии и месте рождения, а по Ворошиловскому — о профессии и месте работы.

---

[3] Сарепта. Территория памяти: Сб. док. / Сост. Н.Э. Вашкау // Тр. Волгоград. центра герм. ист. исслед. — Вып. 7. — Волгоград, 2008. — 142 с.

[4] Возвращенные имена: Списки депортированных граждан немецкой национальности — жителей г. Сталинграда (август — сентябрь 1941 г.): Сб. док. / Сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Ильина // Тр. Волгоград. центра герм. ист. исслед. — Вып. 11. — Волгоград, 2013. — 233 с.

Для более полного понимания содержания списков авторами издания были расшифрованы названия поселков, где проживали лица немецкой национальности — Верхний поселок (В/п), Нижний поселок (Н/п), Горный поселок (Г/п).

Сборник документов дополняют фотографии, сделанные школьником Виктором Шауфлером и чудом сохраненные его одноклассницей Валей Захаровой, пережившей Сталинградскую битву. На любительских снимках довоенного периода, сделанных немецким подростком, запечатлены школьные будни и праздники, занятия любимым делом сталинградских школьников, не омраченные войной и разделением по признаку крови. Эти визуальные источники, казалось бы, не относящиеся к данной теме, на самом деле усиливают значение депортации — трагедии немецкого народа, ворвавшейся в их мирную жизнь. Документы же об изъятии имущества выселяемого и справки о реабилитации дополняют картину самой депортации.

Самой большой и трудоемкой по исполнению стала третья часть большого проекта по публикации уникальных документов личного характера, представляющая собой фундаментальное издание в двух томах общим объемом 1221 стр. Двухтомник включает списки депортированных из 64 районных центров, сел и деревень кантонов бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области[5]. В некоторых делах помещены примечания с указанием места жительства, если в списках объединены люди из разных сел, количеством багажа, причин отсутствия члена семьи в момент переписи.

Информативность размещенных в данном издании документов позволила определить сроки проведения операции по переселению, восстановить точную дату выезда жителей отдельных селений или конкретных семей, воспроизвести номера эшелонов и названия пароходов, в которых отправляли жителей немецких селений. По многим делам установлены места погрузки, маршрут следования эшелонов, конечная станция назначения и даже количество вагонов в эшелонах и их наполняемость (от 32 до 50, а в единичных случаях — до 70 чел.). Имеются также данные о причинах невыселения, среди которых, наряду с болезнью или командировкой, указывается пребывание глав семей в РККА (т. е. нахождение в действующей армии на момент выселения).

Авторы издания обращают внимание на разную степень сохранности документов: списки на городских жителей выполнены на печатной машинке, а большая часть списков по деревням — чернилами или даже карандашом. С учетом того, что последние плохо читаются, составители в специальной графе помечают «неразб.» (неразборчиво). Списки имеют разную форму исполнения (в некоторых делах отсутствует информация о передаче людей от одних работников НКВД к другим).

Во введении авторы приводят перечень немецких и русских названий населенных пунктов, указанных в списках, дают краткую характеристику изученных дел и обращают внимание на приложенный к делу № 50 список освобожденных от переселения немок с указанием причин освобождения. Все перечисленное демонстрирует профессионализм, заинтересованность издателей в результатах своей работы и облегчает изучение и использование информации.

Все три издания списков — по Сарепте, Сталинграду и Сталинградской области — следует рассматривать как единый комплекс документов по истории депортации немцев Поволжья. Публикации предваряются обширными вводными статьями руководителя проекта профессора Н. Э. Вашкау, в которых приводятся выдержки из текстов документов по депортации и дается подробная информация о составлении списков. В частности, то, что списки, напечатанные на пишущей машинке или написанные от руки на типографских бланках, составлялись в трех экземплярах опергруппами, вы-

[5] Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области: Сб. док. / Сост. Н. Э. Вашкау, Е. Л. Фурман, Л. А. Фалалеева // Тр. Волгоград. центра герм. ист. исслед. — Вып. 12. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. — Т. 1. — 637 с.; Т. 2. — 584 с.

езжающими в райцентры, колхозы, поселки. В них указывались количество семей, общее число жителей с выделением отдельно мужчин, женщин и детей, численность людей в вагонах, маршруты следования поездов.

Документы включают в себя, помимо фамилии, имени и отчества всех членов семьи, даты их рождения, место жительства, а главное — степень родства, что позволило создателям данного издания определить не только общую численность депортированных, но количество семей и их состав.

Важно отметить, что при подготовке списков авторы сохранили основную информацию в том виде, в котором она была зафиксирована в 1941 г., но при этом в примечаниях дали необходимые пояснения или указали правильное написание фамилий.

Рецензируемое исследование поистине уникально, т. к. включает оригинальные, долгое время засекреченные и недоступные даже для профессиональных исследователей списки немцев Поволжья, проживавших в Сарепте, Сталинграде и Сталинградской области и депортированных в первые месяцы после выхода теперь уже широко известного Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г.

Эти оригинальные списки являются не только принципиально новым, но и важнейшим видом источников. Введение их в научный оборот позволяет восстановить механизм подготовки переселения граждан немецкой национальности, оценить его масштаб и роль репрессивных органов при его проведении.

Публикация списков Волгоградским центром германских исторических исследований представляет огромную ценность как в источниковедческом и юридическом отношении (для установления степени родства, места рождения и др.), так и как образец повседневной истории. Кроме того, списки депортированных являются своеобразной фиксацией коллективной памяти уходящего поколения пострадавших от репрессий немцев Поволжья.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что публикация всех трех изданий стала возможной только благодаря энергичной работе Н. Э. Вашкау со структурами МВД и архивами Волгоградской области, ее организаторским способностям, а также многолетней профессиональной работе и ответственному отношению к проекту молодых исследователей истории российских немцев, ее учениц — преподавателей ВолГУ доц. Е. Л. Фурман и аспирантки Л. А. Фалалеевой (Ильиной).

Следует также отметить, что реализация этого масштабного проекта была бы невозможной без финансовой поддержки Фонда Розы Люксембург (Германия), Американского исторического общества немцев из России (Линкольн, Небраска), Международного Союза немецкой культуры (Москва) и Волгоградской городской общественной организации «Центр немецкой культуры», понимающих значение таких публикаций как для уходящего, так и для молодого поколения.

Презентации этих сборников имели широкий резонанс в средствах массовой информации, на телевидении Волгоградской области, получили положительную рецензию в журнале «Новая и новейшая история».

Издания адресованы преподавателям, аспирантам, учителям, всем интересующимся историей поволжских немцев. Вместе с тем публикации списков депортированных немцев Поволжья позволят сохранить и обнародовать важные сведения демографического и родословного характера. Без сомнения, они будут востребованы потомками депортированных не только в России, но и в Германии и США, и станут бесценным подарком для любой немецкой семьи, которая ищет свои корни.

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

А.А. Герман

Рецензия на рукопись монографии А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф «Военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950 гг.)»

Монография посвящена актуальной проблеме — комплексному анализу содержания и эффективности трудового использования различных категорий военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР, отдельных рабочих батальонах и специальных госпиталях Сибири. В рамках функционирования и складывающихся отношений в отдельных звеньях системы ГУПВИ (ОПВИ) НКВД/МВД СССР — Управления лагерей — лагерные отделения — хозорганы — местные и партийные органы власти — исследованы вопросы, связанные с решением материально-бытовых, кадровых, медико-санитарных, финансовых, производственных, юридических вопросов. В контексте международных договоров, государственных постановлений и инструкций в зависимости от складывающихся экономических обстоятельств рассмотрены проблемы состояния учета умерших в плену, сохранения и ликвидации воинских некрополей; в зависимости от состояния трудового фонда и экономического положения региона, определены основные аспекты, связанные с процессом репатриации, а также подведены ее итоги по отдельным областям, Красноярскому краю и по Сибири в целом.

А.А. Долголюком и Н.М. Маркдорф определены количественные показатели и качественный состав административно-хозяйственного и медицинского персонала, выделены причины текучести кадров. В монографии обстоятельно исследованы такие аспекты военного плена, как организация и состояние лечебного дела в сибирских лагерях и спецгоспиталях, результативность медико-санитарной и профилактической деятельности спецгоспиталей; рассчитан койкооборот лечебных учреждений; показано состояние здоровья по итогам лечения в спецгоспиталях. Авторами выявлена специфика межличностных отношений, проблемы содержания и трудового использования режимных категорий власовцев и белоэмигрантов, а также их характеристика и судьбы в сибирских лагерях для военнопленных.

В книге показано значение партийных и государственных органов власти в организации труда военнопленных и интернированных. В ней отражена роль и влияние экономических факторов (организации, условий, производительности, материального и морального стимулирования труда военнопленных и интернированных; выполнения производственных и финансовых договоров и обязательств; контроля над состоянием трудового фонда, материально-техническим обеспечением и техникой безопасности) на рентабельность лагерных отделений и соответственно экономическая целесообразность трудового использования подневольного контингента в индустриально развитом регионе.

Несомненный интерес представляют материалы, характеризующие быт, продовольственное и вещевое снабжение, режим содержания и охрану военнопленных

и интернированных, демонстрирующие динамику побегов и комплекс мер по их ликвидации.

Монография основывается на широком круге источников, преимущественно архивных материалах. Работа выполнена на высоком теоретико-методологическом уровне. Она представляет несомненный научный и практический интерес.

28 января 2016 г.

Обложка изданной рукописи А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф «Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири» (М.: Кучково Поле, 2016)

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

И. Гиз

Немцы на Кавказе. Рецензия на книгу Р. Нахтигаля

(*REINHARD NACHTIGAL*. VERKEHRSWEGE IN KAUKASIEN. EIN INTEGRATIONSPROBLEM DES ZARENREICHES 1780 BIS 1870. — WIESBADEN, REICHERT VERLAG, 2016. — 448 S., KARTEN, PLÄNE, ILL.)

Что общего между присоединением Кавказа к русскому государству, длившимся почти сто лет, и историей немецких переселенцев в России? Уже исходя из названия новой книги д-ра Р. Нахтигаля понятно, что речь в ней пойдет не о немецких колониях в этом крае. В центре внимания исследования стоят пути сообщения, их строительство и содержание, создание инфраструктуры — от дорог, управленческих мероприятий и взаимодействия в широком смысле слова вплоть до интеграции отчасти высокогорного края с населением неславянского происхождения в царское многонациональное государство.

Одним из довольно неожиданных результатов обширных архивных и литературных исследований автора в данной области стало выявление факта преобладания иностранных специалистов из Западной Европы среди участников этого процесса. В первую очередь это инженеры путей сообщения, администраторы, офицеры, ученые, исследователи, альпинисты, а также учителя и промышленники. В большей степени, чем представители местной элиты, они в течение многих десятилетий XIX в. способствовали интеграции Грузии, Армении, татарских ханатов (современных Азербайджана и Дагестана) и таких горных народов, как черкесы, кабардинцы, осетины, ингуши и чеченцы. На роли немецких колонистов, поселившихся в 1817 г. вокруг Тифлиса и позднее в других регионах Закавказья, автор внимания не заостряет.

Поскольку читателя интересует роль немцев в освоении Кавказа, рассмотрим этот процесс с хронологической точки зрения. В течение продолжительного времени речь, в самом деле, шла об освоении края, ведь вплоть до начала XIX в. пути передвижения, которые вряд ли можно было назвать дорогами, находились на уровне средневековых феодальных структур и делали этот регион совершенно недоступным.

С начала первых интенсивных контактов между Россией и православным Картли-Кахетинским царством во время царствования Екатерины II только лишь Военно-Грузинская дорога связывала эти два неравных между собой государства. Одним из первых офицеров, руководивших ее строительством, был Людвиг Штедер, прусский подданный, состоявший на службе в России. В 1781 г. он посетил Осетию, в результате чего послал в Петербург подробнейший доклад. Штедер, однако, не был первым немцем на Кавказе, как сообщает автор издания. Одновременно там находились и другие немцы: известный прибалтийский естествоиспытатель Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1782), взятый в заложники в 1772 г. во время поездки на Кавказ, Самуил Готлиб Гмелин (1740 или 1744–1774), захваченный на пути из своей второй поездки в Персию, так и умерший в плену на территории сегодняшнего Дагестана, путешественник Яков Райнегс (1744–1793), личный врач картли-кахетинского царя и инициатор

важного Георгиевского трактата 1783 г. Этим личностям принадлежала, тем не менее, лишь эфемерная роль в установлении контактов, способствовавших присоединению Восточной Грузии к России в 1801 г.

Немецкий ученый, академик Санкт-Петербургской Академии наук Генрих Юлиус фон Клапрот (1783–1835) путешествовал в 1807–1808 гг. по Кавказу, его подробнейший отчет в двух томах был опубликован в 1812–1814 гг. на немецком[1], следом на английском, французском и позднее на других языках. Список замечательных немецких исследователей и ученых, работавших на Кавказе, был продолжен Германом Абихом (1806–1886, на Кавказе с 1843 по 1870 г., с 1843 г. профессор в области геологии в Дерптском университете — должность, к которой он из-за своих исследовательских поездок по Кавказу фактически так и не приступил) и до сих пор почитаемым в Грузии Густавом Радде (1831–1903), если назвать только самых значительных. Сегодня уже подзабытый Г. Радде был основателем Грузинского музея, его именем назван кавказский подвид ели, ему же принадлежат основополагающие данные по географии, фауне и флоре черкесского Западного Кавказа.

После окончания Отечественной войны, примерно с 1819 г., с начала систематического расширения тогда еще рудиментарной инфраструктуры путей сообщения, в т. ч. и в Закавказье, сюда стали усиленно прибывать иностранные инженеры путей сообщения и офицеры Генерального штаба. Еще со времен Екатерины II офицеры и генералы немецкого происхождения несли службу на Кавказской линии и на Кавказе, но об этих прибалтийских немцах было не много известно.

В XIX в. картина радикально изменилась. Перечень имен преобразился в виртуальной книге «Кто есть кто» эпохи императоров Николая I и Александра II. Необходимо заметить, однако, что новый список включал не только имена прибалтийских баронов, но и продвинувшихся по службе немецких представителей других сословий и даже офицеров прусской, австрийской и швейцарской армий.

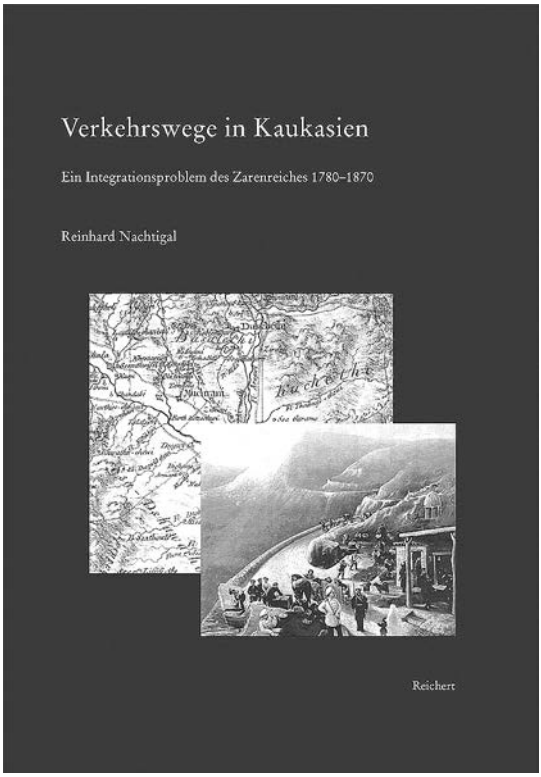
Перечень можно было бы начать российским главноуправляющим путей сообщения герцогом А. Вюртембергским (1771–1831), продолжить тремя из четырех сыновей немецкого драматурга Августа фон Коцебу (1761–1819), занимавшими различные служебные посты на Кавказе, и дополнить немецкими братьями-промышленниками Вальтером Фердинандом и Георгом Отто Сименсами, расширившими свое электропредприятие за счет месторождений руд цветных металлов в Закавказье и некоторое время бывшими немецкими консулами.

Завершить список иностранцев на Кавказе могли бы испанские, голландские, французские, швейцарские и шведские наемные служащие в России. Р. Нахтигаль располагает данными об их в большинстве своем многолетней деятельности на Кавказе и мог бы, таким образом, пополнить описание их биографий в России. Подавляющее большинство этнических немцев составляли офицеры, высокопоставленные военные или гражданские служащие, естествоиспытатели, получившие образование в немецких университетах или в некоторых случаях в Дерптском университете и часто описывавшие пути сообщения на Кавказе.

Вюртембергские колонисты, прибывшие в Россию при Александре I, играли только побочную роль в инфраструктурном развитии района. Для снабжения русских чиновников овощами их сначала поселили вокруг столицы наместничества Тифлиса. Позднее один из наместников посчитал, что швабские колонисты могли бы организовать станции обеспечения, или гостиные дворы, вдоль главных дорог Закавказья, но дело до этого так и не дошло.

Особый интерес представляет собой деятельность новороссийского генерал-губернатора и впоследствии кавказского наместника графа Михаила Воронцова (1782–1856,

[1] Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vol. 1–2. — Halle; Berlin, 1812–1814. (*Прим. ред.*)



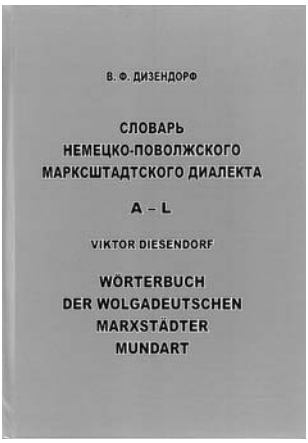
наместник в 1845–1854 гг.), принявшего ряд важных хозяйственно-политических решений, отразившихся на жизни немецких колоний. Он держал в поле зрения всю российскую территорию вдоль черноморского побережья и организовал в 1850-х годах в районе портового города Ейска первые немецкие колонии. Большей частью во второй половине XIX в. как в северной части Кавказа, так и в Закавказье, возникли далеко разбросанные друг от друга немецкие колонии.

Исследования Нахтигаля свидетельствуют о том, что интеграции Кавказа в значительной степени способствовали как отдельные деятели из числа российских немцев, так и этнические немцы в целом. Некоторые представители германских государств (в т. ч. Австро-Венгрии с 1866 г.) так долго жили и путешествовали по Кавказу, что они уже воспринимались их современниками как кавказцы. Восхищение от почти девственной природы с богатейшими фауной и флорой, от смешения древних и христианских культур с мусульманскими и языческими чертами, похоже, играло здесь еще более значительную роль, чем при покорении Сибири. В любом случае, участие многих немцев из Прибалтики, России и Центральной Европы заставляет обратить на себя внимание. Необходимо также заметить, что только немногие из этих должностных лиц упоминаются в энциклопедии «Немцы России», поэтому книга Р. Нахтигаля предоставляет возможность исследователям восполнить этот пробел.

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

В.Б. Меркурьева

Рецензия на книгу В.Ф. Дизендорфа «Словарь немецко-поволжского марксштадтского диалекта. В 2 т.»



([САРАТОВ]: САРАТОВСКИЙ ИСТОЧНИК, 2015. — Т. 1. — 602 С.)

Речь пойдет о событии не только российского, но и мирового масштаба. Увидел свет первый том словаря одного из поволжских диалектов, он издан под редакцией канд. филол. наук, доц. Александра Яковлевича Минора (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского). Второй том (печатное издание) находится в стадии завершения, электронный вариант уже выставлен в Интернете. Это уникальный словарь диалекта, который формировался в течение почти двух веков проживания его носителей в иноязычном окружении. Примечательно, что Екатериненштадт (позже — Марксштадт, а затем Маркс) был самой крупной колонией на Волге. А.Я. Минор популяризует свое детище, подчеркивает его отличительные особенности, замечая при этом, что если в уже изданных словарях диалектов в Германии представлены, как правило, лишь лексические единицы, специфичные для того или иного диалекта, то в новом словаре предпринята попытка охватить речь марксштадтцев во всей ее полноте[1].

Словарь снабжен вступительным словом составителя — Виктора Фридриховича Дизендорфа и двумя статьями, одна из которых — «Краткая характеристика диалекта Марксштадта» (А.Я. Минор, Е.В. Сычалина) — продублирована и на немецком языке.

Небезынтересно, что составитель словаря В.Ф. Дизендорф не имеет лингвистического образования, он окончил экономический факультет Ленинградского университета[2]. Важно, что составитель словаря является носителем диалекта, в его семье в детские и юношеские годы говорили на марксштадтском диалекте, особенно мать издателя знала многие его тонкости. А.Я. Минор в своей статье, посвященной концепции словаря, пишет следующее об авторе-составителе: «Несмотря на то, что Виктор Фридрихович родился уже после выселения его родственников из Маркса в Западную Сибирь, его семья и он в детские и юношеские годы говорили дома только по-немецки, на марксштадтском диалекте, привычном для старших членов семьи, которые выросли

[1] *Минор А.Я.* Концепция словаря немецко-поволжского поселенческого диалекта // Языки и культуры в современном мире: Материалы XII междунар. конф. — М.: НОПриЛ, 2016. — С. 137.

[2] Авторская страница Виктора Дизендорфа, см.: URL: http://wolgadeutsche.ru/diesendorf.htm (дата обращения: 24 июня 2016 г.).

© В.Б. МЕРКУРЬЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 347–350.

на Волге»[3]. Проживающий в настоящее время в ФРГ Виктор Дизендорф выражает глубокое удовлетворение по поводу того, что словарь издан в Саратове — на родине поволжских немцев, по существу на родине возникновения марксштадтского диалекта.

Составитель словаря обращает внимание его будущих пользователей на то, что немцы-марксштадтцы представляли собой неоднородную группу, среди них преобладали потомки гессенцев и саксонцев, но имелись и выходцы из других регионов, а также соседних стран. Тщательная работа над словарем и использование других словарей и справочных изданий привела автора-составителя к убеждению, что диалекты российских немцев «вовсе не реликты давно ушедших времен, а продукт интенсивного, хотя и не очень долгого развития родного языка в многочисленных компактных поселениях немцев на территории России и СССР»[4].

Одна из статей, предваряющая словарь, является результатом коллективной работы И. Р. Плеве, С. И. Замогильного и А. Я. Минора под названием «Первый словарь поволжско-немецкого поселочного диалекта и его автор». Здесь мы находим важные сведения о том, что при составлении словаря применялся метод аутофонии, суть которого состоит в том, что автор выступает в роли респондента, который сам фиксирует диалектные слова, а затем обрабатывает их как лингвист. Важно, что словарь успешно прошел апробацию среди членов клуба синьоров, подтвердивших аутентичность материала, в Саратове и Марксе.

Словарь представляет собой документальное свидетельство того варианта языка, которым пользовались его носители в своем повседневном общении до момента депортации в 1941 г.

В настоящее время в Поволжье проживает небольшое количество немцев. Авторы статьи задаются вопросом, зачем же нужен данный словарь, в чем его социальная, культурная и историческая ценность, и сами дают ответ на этот вопрос. Он является «социокультурным геном», связывающим в развитии прошлое и будущее; словарь интересно просто читать, в нем запечатлены реалии малой Родины и большой России[5].

От себя добавим следующее.

Словарь этот, словно Красная книга, хранит находящийся под угрозой исчезновения диалект, драгоценное историческое свидетельство особой общности — поволжских немцев в определенную эпоху.

Рецензируемое издание структурировано несколько неожиданно, если исходить из его названия. Исходным словом является не диалектное, а литературное немецкое слово, также даются эквиваленты на русском языке и некоторые контексты их употребления. Например:

bewílligen (bewilliche) vt 1. давать согласие, разрешать; éine/’ne Bitte/Bitt ~ удовлетворять просьбу; 2. отпускать, предоставлять (средства) (С. 194).

Brigáde (Brigáhde) f = бригада; in éiner// ‘ne ~ árbeiten/árweite работать в бригаде.

В слове *бригадир* не дается диалектный вариант, т. е. его произношение совпадает с русским, зато уточняется формулировка типичного для России выражения:

Brigadíer m — e бригадир; er/der ist/is als ~ ángestellt/áng(e)stellt wórden/wóre– его назначили бригадиром.

Исследователям и просто заинтересованным лицам, читающим диалектные тексты, безусловно, было бы удобнее, если бы в качестве исходного слова выступало диалектное слово. Понимая, что для данного подхода при расположении вокабуляра должны быть

---

[3] *Минор А. Я.* Концепция словаря немецко-поволжского поселенческого диалекта // Языки и культуры в современном мире. — С. 136.

[4] От составителя // *Дизендорф В. Ф.* Словарь немецко-поволжского марксштадтского диалекта. — [Саратов], 2015. — Т. 1. — С. 9.

[5] *Плеве И. Р., Замогильный С. И., Минор А. Я.* Первый словарь поволжско-немецкого поселочного диалекта и его автор // *Дизендорф В. Ф.* Указ. соч. — С. 12.

веские причины, мы обратились за разъяснением к редактору издания А.Я. Минору. Вот что он ответил на наш вопрос в частной переписке, обозначив несколько причин.

«При разработке концепции словаря в силу некоторых объективных причин пришлось остановиться на нетрадиционном построении словарной статьи. Обычно в начале статьи приводится слово на соответствующем диалекте, затем идет его транскрипция (произношение), а далее перевод данного диалектного слова на литературный немецкий язык или его толкование. Так построен, например, Bayrisches-Wörterbuch[6].

Но при таком подходе нарушился бы принцип соответствия словарной лексики алфавиту, так как размещение лексики согласно диалектным аллофонам в начале слова было бы иным, чем в литературном языке. Так, например, почти все глаголы, начинающиеся с приставок *auf, an* и других в диалекте имеют несколько иную форму: *drauf, dran*. Сравните, например: *aufmachen* — ***uf****mache*, *auflagern* — ***uf****lahgere, auflassen* — ***nuf****lasse.* Кроме того, одному литературному слову в диалектах иногда соответствуют две лексемы. Возникает вопрос: какую лексему в таком случае ставить в качестве первой? Поэтому остановились на таком варианте, когда исходное слово в словарной статье приводится в литературной форме.

Помимо прочего такое расположение материала в словарной статье имеет также прагматическую цель, которая многократно высказывалась потомками выходцев из Марксштадта. Дело в том, что многие из них хотели бы освоить или хотя бы получить представление об основах родного диалекта их родителей. Решению данной задачи отвечает также краткий грамматический справочник марксштадтского диалекта, приведенный в словаре» (из частной переписки — 22 июня 2016 г.).

Мы не ставим перед собой задачи пересказывать статью А.Я. Минора и Е.В. Сычалиной «Краткая характеристика диалекта Марксштадта». Заметим, что информация, содержащаяся в ней, полезна для всех будущих пользователей словаря. Авторы выявили в результате своего многолетнего исследования, что марксштадтский диалект имеет ярко выраженный восточно-средненемецкий характер.

Это обстоятельство также, на наш взгляд, оправдывает структуру издания. Восточно-средненемецкие диалекты имеют довольно много общего с литературным языком, поскольку верхненемецкие диалекты легли в основу современного литературного языка[7]. А восточно-средненемецкие диалекты в свою очередь являются формирующей основой верхненемецких диалектов[8]. Пользователь словаря будет искать ассоциации диалектных слов с литературными. Ему предстоит заранее ознакомиться с подглавами справочника — «Система вокализма Маркштадтского диалекта», «Система консонантизма диалекта», «Морфологическая система диалекта».

Например, встретив в тексте слово beischawe, можно догадаться, что речь идет о слове beischaffen (‘доставлять, приносить’), если предварительно изучить информацию, что вместо средневерхненемецких **f** и **v** в середине слова в интервокальной позиции в диалекте произносится билабиальное **w**[9].

Особенно интересными примерами, представленными в словаре, являются такие схожие диалектные лексемы — омонимы, как bewéerte и bewérte (безусловно, контекст играет при этом смыслоразличительную роль).

bewérten (bewéerte) vt оценивать; назначать цену etw./was hoch/houch ~ оцени(ва)ть что-л. высоко (С. 194).

---

[6] Ср: URL: http://www.bayrisches-woerterbuch.de (дата обращения: 17 июня 2016 г.).

[7] Немецкий язык. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (дата обращения: 1 июля 2016 г.).

[8] Диалекты немецкого языка. Лекция 12. URL: http://vved-v-germ-phil.cvsw.ru/12.html (дата обращения: 1 июля 2016 г.).

[9] *Минор А.Я.*, *Сычалина Е.В.* Краткая характеристика диалекта Марксштадта // *Дизендорф В.Ф.* Указ. соч. — С. 25.

bewírten (bewérte) vt угощать, принимать у себя; gástfreundlich/ gástfreindlich ~ радушно угощать (С. 194).

Справочную статью можно еще и дальше расширять в помощь пользователей. В качестве дополнения предлагаем, например, отметить, что диалектные лексемы сохраняют узкое долгое **ī**, которое в литературном языке превращается в дифтонг **ei**, например:

éinquartieren (inkwartiere) I. *vt* размещать по квартирам (по домам), расквартиро(вы)вать; Soldáten/Soldáte̯ ~ расквартировать солдат; II **sich** ~ поселиться на квартире (у кого-л.) (С. 287).

В этой связи сошлемся на замечание О.В. Байковой и В.Н. Оношко: «К основным изменениям в области вокализма, ведущим к образованию немецкого литературного языка, то есть, при переходе от средневерхненемецкого (свн.) к нововерхненемецкому (нвн.) могут быть отнесены: дифтонгизация узких долгих свн. ī, ū, iu, [ǖ] > нвн. ei [ae], au [ao], eu [ɔø]»[10].

В качестве небольшого замечания назовем не совсем удачно сформулированный абзац: «Форма личного местоимения в дательном падеже не знакома носителям диалекта. Но иногда под влиянием литературного немецкого языка форма дательного может использоваться вместо винительного er hat **mir** ksen (er hat mich gesehen) » (С. 23).

Во-первых, форма дательного падежа все же знакома диалектоносителям, поскольку она приводится в качестве примера. Она просто редко встречается в узусе, т. е. малоупотребительна. Во-вторых, сопоставление литературного языка и диалекта свидетельствует о том, что в данном случае в литературном языке употреблен как раз аккузатив (винительный падеж), а не дательный, т. е. влияние литературного языка должно сказываться положительным образом. Данный пример говорит о том, что носители марксштадтского диалекта (как и носители многих других диалектов) не различают датив и аккузатив[11].

В заключение заметим, что мы солидарны с исследователями диалекта, считающими, что В.Ф. Дизендорф не просто собиратель слов. «Его словарь может быть воспринят как текст, контекст и подтекст»[12]. Историчность дискурса словаря, как справедливо замечают лингвисты, связана с его единством и прерывностью. А вот работа над словарем может быть беспрерывной, находки новых (не включенных в словарь) слов и выражений, уточнение значений в новых контекстах позволят составителям и в дальнейшем расширять рамки словаря.

Первый том издания охватывает 602 стр. Читатель может представить себе, исходя лишь из этого фактора, какой огромный объем работы пришлось проделать его создателям, преодолеть технические трудности (набор двуязычного, а с учетом диалекта — трехъязычного текста, проставление ударений в каждом слове, использование знака повтора определяемого слова и т. д.), кроме этого, обобщить весь материал с научных позиций, провести его апробацию. Еще раз хочется выразить авторам огромную благодарность за столь качественный труд и сохранение бесценного сокровища — диалекта поволжских немцев — результата дискурсивного взаимодействия разных территориальных говоров и языка окружения.

---

[10] *Байкова О.В., Оношко В.Н.* Фонетические особенности в области вокализма немецких говоров Кировской области // Вестн. Вятск. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2005. — № 1. — С. 45.

[11] См. также: *Меркурьева В.Б.* Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2004. — С. 98.

[12] *Плеве И.Р., Замогильный С.И., Минор А.Я.* Указ. соч. — С. 17.

ЮБИЛЕИ

Е.Л. Зберовская

Славина Людмила Николаевна. О юбиляре

В нынешнем году доктор исторических наук, профессор Людмила Николаевна Славина отмечает юбилейную дату. Она относится к своему юбилею с достоинством и оптимизмом, избегая шумных поздравлений в свой адрес. Однажды она заметила, что «не ведет хроники своих достижений», напомнив известные слова Б. Пастернака.

О профессоре Славиной сегодня хочется говорить не в контексте достижений, а как о коллеге, педагоге, ученом. Людмила Николаевна закончила школу в Запорожье, затем Московский историко-архивный институт, начинала свою научную деятельность в Новосибирском университете и Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, но большая часть научно-педагогической карьеры связана с Красноярским государственным педагогическим университетом, где она работает с 1977 г. На протяжении почти сорока лет работы в вузе Людмила Николаевна не изменяет своим принципам: выполнять любое дело на высоком профессиональном уровне (будь то чтение лекционного курса или составление очередного отчета), критически осмысливать результаты научной деятельности, искать и находить пути достижения профессионального роста.

Коллегам по «историческому цеху» Людмила Николаевна известна как один из создателей нового научного направления в истории Сибири — исторической демографии сибирского региона. В 1970-е годы она начала изучать сельское население Сибири. Результаты исследований были представлены в кандидатской диссертации «Сельское население Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920–1926 гг.)» Тема получила дальнейшее развитие в научных статьях. Со временем научные интересы Л.Н. Славиной сместились в послевоенную, а затем и в постсоветскую историю. Продолжая работу по изучению сельского населения, в 2007 г. она опубликовала монографию «Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.)», где на обширнейшей источниковой базе проанализировано влияние советской модернизации на восточносибирскую деревню, выделена специфика процессов в регионе. Научные обобщения и результаты многолетних исследований по теме были закреплены в докторской диссертации, которую Людмила Николаевна успешно защитила в 2010 г. в Институте СО РАН в г. Новосибирске.

Современный этап научной деятельности Людмилы Николаевны тесно связан с изучением истории немецкого этноса в Сибири. С начала 2000-х годов она активно сотрудничает с Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев, является координатором исследований этой тематики в восточносибирском регионе. Научные интересы ученого связаны с социально-демографическими изменениями этноса, подвергшегося серьезной деформации вследствие разрушительных для него общественно-политических процессов советского периода

© Е.Л. ЗБЕРОВСКАЯ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 351–352.

(депортации, трудовых мобилизаций, спецпоселения). Для анализа демографических процессов немецкого этноса были использованы материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения, что позволило по-иному, опираясь на сопоставление статистических данных, оценить результаты депортации и спецпоселения для немцев. Деформация демографической структуры стала одним из важных факторов размывания этноса, способствовала развитию ассимиляционных процессов.

Людмила Николаевна неоднократно участвовала в научных форумах российских немцев, поддерживает связи с коллегами из университетов Гёттингена и Дюссельдорфа. История и культура российского немецкого этноса постоянно находят отражение в тематике курсовых и дипломных работ, выполняемых студентами исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева под руководством Людмилы Николаевны. Готовится к защите диссертационное исследование Е. Франк, посвященное демографическим процессам немецкого этноса в Сибири в 1950–1980-е годы.

Особым качеством профессора Л.Н. Славиной было и остается бережное и внимательное отношение к тексту. Каждое слово исследователя должно нести свою смысловую нагрузку. Для историка эти смыслы связаны прежде всего со всесторонним анализом исторических источников, без чего невозможно полноценное и объективное исследование.

Людмила Николаевна является автором нескольких монографий, учебно-методических пособий, большого количества статей (полный список работ содержит около 150 наименований). Она читает курсы по современной истории России, исторической демографии, проблемам современной отечественной историографии, продолжает активную научную и преподавательскую деятельность.

Желаем ей успехов в дальнейшей научной и учебной деятельности!

IN MEMORIAM

Н. Паульзен

Он отдал все… Памяти Иосифа Шлейхера

ИСТОРИК, ЖУРНАЛИСТ И СТРАСТНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Будучи историком, журналистом, активистом движения за автономию, главным редактором и руководителем проекта передвижной выставки, посвященной соотечественникам «Немцы из России. История и современность», Иосиф Шлейхер своей короткой, но насыщенной жизнью оставил неизгладимый след и взволновал и вдохновил повсюду множество сердец. Все эти сферы деятельности сливаются в его лице и дополняют друг друга, давая счастливый результат — он был компетентным, знающим и страстным пропагандистом истории культуры российских немцев, который всем своим существом, благодаря глубокому пониманию истории, особому знанию людей выступал за интересы российских немцев. Своими обширными знаниями в области истории культуры российских немцев он охотно делился с проявляющими интерес соотечественниками и окружающими его другими людьми как в Германии, так и за рубежом, и это благодаря своим многочисленным публикациям на двух языках, благодаря докладам и содержательным беседам повсюду, где он в тот момент находился с передвижной выставкой о соотечественниках.

Как независимый журналист Шлейхер создавал и печатал очерки, биографии, научно-популярные и научные труды по различным направлениям истории российских немцев, например, «Народ в пути» (Volk auf dem Weg) и «Книги о родине соотечественников» (Heimatbuch, Штутгарт), «Календарь Общества исследования истории немцев из России» (Kalender des HFDR e.V., Нюрнберг), «Московская немецкая газета», «Газета для Тебя» (Zeitung für Dich) (Россия), газета «Контакт» (Кёльн) и другие.

Как историк он опубликовал дипломную работу «Народное образование немецких колонистов в России до 1917 года» (1985), учебник «История российских немцев» (1992), монографии «Немцы в СССР. История и современность» (1992) и «Движение за автономию: провинциальные мечты» (нем., 1996), а также более 20 статей в научных сборниках и журналах (в России, Германии и Казахстане) и свыше 150 статей в русских и русско-немецких еженедельниках (1988–2015).

Иосиф Шлейхер родился 14 апреля 1960 г. в Елизаветграде (Алтайский район, Россия) в семье российских немцев. Уже ребенком он знал, что на Волге существовала немецкая республика. Понятие «Республика немцев Поволжья» было связано с воспоминаниями и мечтами его матери Леи Шлейхер (урож. Петерсон): с одной стороны, это была деревня Динкель в кантоне Куккус с навязанной ей коллективизацией и голодом и, с другой стороны, ее цветущие луга и сады и в конце принудительное выселение, о котором мать часто вспоминала. Северный Казахстан был местом ссылки, затем последовали принудительные работы на Урале, где она после войны вышла замуж за его отца Иосифа Шлейхера. Они построили дом в Миасе, до их переселения на Алтай, где все также началось с «домашней жизни» — супружеская пара вырастила

четырех дочерей и двоих сыновей. В школьные годы Иосиф познакомился с газетами на немецком языке: «Нойес лебен» (Neues Leben), которую много лет выписывала семья, и «Роте фане» (Rote Fahne). Его мечта стать историком исполнилась благодаря тому, что он изучал историю, педагогику и журналистику в государственном университете Барнаула (Алтай). Здесь он имел возможность углубить свои знания по истории российских немцев, в частности под руководством историка Льва Малиновского, в то время доцента университета.

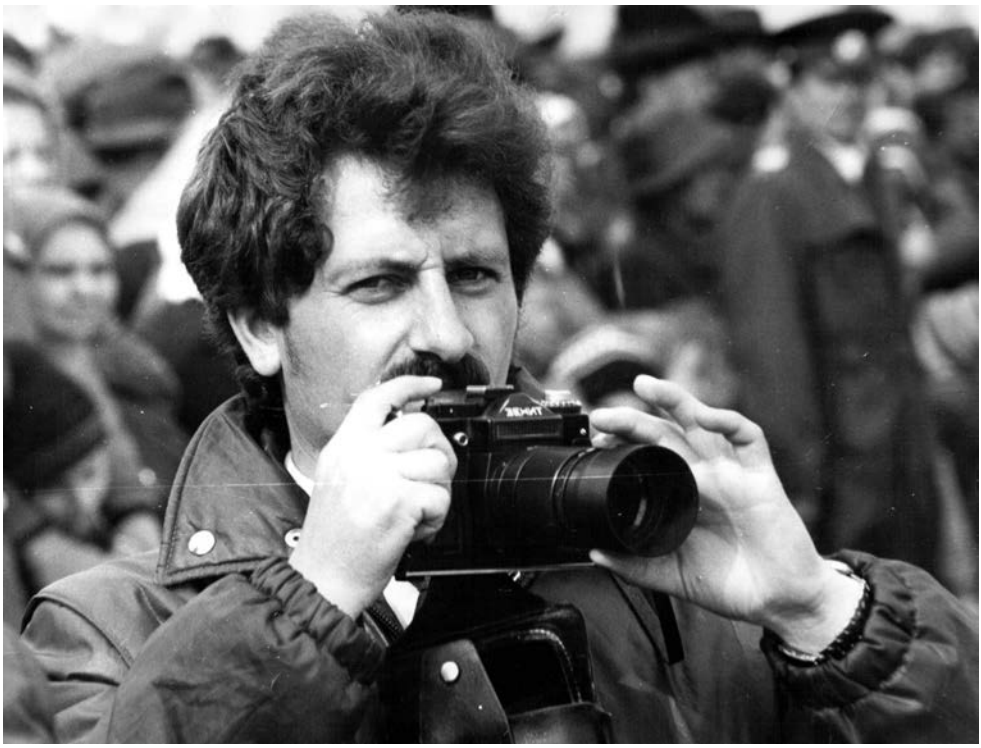
В 1981 г. Шлейхер, будучи студентом исторического факультета, участвовал в читательской конференции московской газеты «Нойес лебен» в Барнауле. Но тогда не сама конференция произвела на него впечатление. Он долго не мог забыть одну беседу двух незнакомых ему участников конференции, которую он услышал случайно в перерыве. Один из двух собеседников выразил радость по поводу того, что «Арбайт» (Arbeit) в качестве «осиного гнезда» немецких сторонников автономии закрыта и что «Нойес лебен», слава богу, не стала таким «осиным гнездом».

Таким образом он узнал, что на Алтае выходила газета под названием «Арбайт», существование которой долго замалчивалось. Позднее он видел пожелтевшие листы «Арбайт» в личной библиотеке Льва Малиновского, бывшего сотрудника первой послевоенной газеты в Советском Союзе, выходящей на немецком языке. Позднее он мог подробно изучать «Арбайт» в архиве еженедельника «Цайтунг фюр дихь». Этой темой он занимался и в последующие годы. В итоге он обобщил свои глубокие знания о прессе на немецком языке в послевоенные годы в статье «Пресса на немецком языке в Алтайском крае (1955–1987 гг.): от Хрущевской оттепели до Горбачевской перестройки». (См.: Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. — Newsletter, 4. Jhg., 1994. — Essen: Klartext Verlag, 1995).

Семинар в Москве в 1982 г. был следующим важным стимулом для Шлейхера, чтобы серьезно заняться своей студенческой работой «Народное образование российских немцев до 1917 года», копировать и собирать многочисленные публикации, которые были посвящены истории, культуре или литературе этой этнической группы. Это позволило ему позднее опубликовать целый ряд статей.

В специальном издании газеты «Цайтунг фюр Дихь», посвященном 40-й годовщине еженедельника в 1997 г., он писал: «Я каждую свободную минуту отдаю изучению истории российских немцев, ежедневно посещаю библиотеки, роюсь в читальном зале библиотеки им. Ленина в Москве во всех газетах российских немцев, которые выходили до 1917 г., а также в некоторых журналах поволжских немцев более позднего времени. Собранная информация позволила мне, начиная с 1987 г., опубликовать многочисленные публицистические и исторические труды об истории и национальных проблемах российских немцев в прессе на немецком и русском языке, а также учебник по истории российских немцев».

Первую попытку опубликовать статью об актуальных проблемах советских немцев он предпринял уже в марте 1985 г. в связи с 40-летием Победы. Это была хорошая возможность — поговорить об участии советских немцев во Второй мировой войне. Шлейхер был тогда студентом 5-го курса и работал параллельно на полставки служащим регионального отделения студенческих строительных отрядов. Он позвонил в комитет комсомола Славгородского района, в Табуны и Кулунду, где находились немецкие поселки, и спросил: «Что функционеры знают об участии советских немцев на военных фронтах или в трудовой армии? Есть ли в немецких деревнях краеведческие музеи?» Собеседники Шлейхера ничего не знали по этому вопросу. Это он еще раньше критиковал в статье. Но большая часть статьи состояла из описания разных подвигов советских немцев во время войны на фронте и в тылу. Эта статья не имела особо «патриотичной» или «антисоветской» направленности, но редакцией она была отклонена.



И. Шлейхер, корреспондент газеты „Zeitung für Dich“

В мае 1985 г. Шлейхеру сообщили, что его ставка в отделении студенческих строительных отрядов сокращается. Вскоре после этого он обращался в различные учреждения с целью получения места работы. Во время первой беседы с работодателями последние обещали взять его на работу. В следующий раз они извинялись и отказывали. Как правило, обоснование было следующее: «Вы не член партии» или «Больше нет вакансий».

В июле 1985 г. Шлейхер окончил университет и должен был, как это тогда было принято, отработать учителем истории в сельской школе. Но он хотел остаться в Барнауле, чтобы защитить кандидатскую диссертацию в одном из тамошних вузов. Но ни один из профессоров в столице региона не хотел взять его в аспирантуру по теме о российских немцах. Ему предложили писать диссертацию по истории партии, от чего он отказался.

После нескольких месяцев безуспешных поисков работы Лев Малиновский предложил обратиться в редакцию «Роте фане». Уже в студенческие годы в этой газете время от времени публиковали его короткие статьи и сообщения о соучениках немецкого происхождения из окрестностей Славгорода. Оглядываясь назад, можно сказать, что это предложение было перстом судьбы. С 1986 по 1991 г. Иосиф Шлейхер был неизменным корреспондентом региональных газет «Роте фане» и «Цайтунг фюр Дихь», издававшихся на немецком языке.

В уже упомянутой статье можно прочитать по этому поводу следующее: «Я не имел вообще никакого представления о журналистских буднях в „Роте фане“. Мое сотрудничество с местными, региональными и университетскими газетами, а также с „Нойес Лебен“ было своего рода дошкольным образованием по сравнению с практическим

обучением в редакции „Роте фане“. Кроме того, я был идеалистом, который думал, что перестройка на местах уже прочно обосновалась. Моя первая журналистская командировка была связана с посещением поселкового собрания в Орлово. В центре внимания собрания стоял вопрос об исключении семьи Кооп из членов колхоза, т. к. они были верующими и хотели эмигрировать в Германию. Я не написал ни строчки для газеты…

Одиннадцать лет моей работы в газете — важный этап в моей жизни. Я выучил язык, познакомился с жанрами в журналистике, правилами оформления газетной статьи. Но и сегодня я ощущаю себя новичком. Каждый день, каждая тема — это открытие. Благодаря газете я на протяжении многих лет постоянно сталкивался с национальными проблемами российских немцев. В редакции газеты я познакомился с писателями и журналистами Вольдемаром Шпааром, Андреасом Крамером, Александром Беком и Иоганном Шелленбергом. В общественной жизни я общался с сотнями активистов движения за автономию через переписку, участие в собраниях и на конгрессах. Я, пожалуй, был историком движения за автономию — за это я благодарен судьбе и редакции…»

Как историк и современник движения российских немцев за автономию Иосиф Шлейхер опубликовал большое количество статей на эту тему. Но он также был непосредственным участником актуальных событий движения за автономию с конца 1980-х годов и восстановления немецкого национального района Гальбштадт.

Работая в редакции или во время командировок в немецкие деревни под Славгородом, он все глубже вникал в национальные проблемы российских немцев. Как и в свои студенческие годы в Славгороде, он старался каждую свободную минуту проводить в библиотеке, он заказывал книги по истории российских немцев (в основном на немецком языке), делал бесчисленные записи, публиковал статьи по истории, которые до поры до времени оставались в его папке неопубликованными.

«Длительное давление на редакцию со стороны партийных властей, прослушивание телефонных разговоров и контроль переписки журналистов органами безопасности вызывали в коллективе редакции своего рода сдержанность и осторожность по отношению к актуальным темам национальной политики. Когда в редакцию приходили читательские письма или копии обращений к государственному и партийному руководству страны по проблемам национальной политики в отношении советских немцев, их обсуждали только в рабочих помещениях. В то время их еще нельзя было печатать. Редакция редко отвечала на такие письма», — отметил Шлейхер в своих заметках по истории «Роте фане» и «Цайтунг фюр Дихь».

Когда в августе 1986 г. Виктор Кригер, аспирант из Новосибирска, написал в редакцию письмо с вопросами по истории российских немцев, Шлейхер вступил с ним в переписку, которую он позже продолжил и в Германии. Кригер был тогда одним из самых активных борцов за гласность в области истории российских немцев и активной просветительской работы по национальным проблемам советских немцев в среде русского и немецкого населения.

Уже раньше Шлейхер изучал первые шаги движения за автономию в первой в послевоенное время газете на немецком языке «Арбайт», выходившей в Барнауле (1955–1957). Общественная деятельность редакции газеты «Арбайт», а также ее сотрудников Андреаса Крамера, Иоганна Варкентина и других была не единственным проявлением движения за автономию российских немцев. Дух сторонников автономии переселился из закрытой «Арбайт» в «Роте фане».

От Андреаса Крамера и Вальдемара Шпаара, много лет работавшего ответственным секретарем «Роте фане», Шлейхер получил целый ряд документов о движении за немецкую автономию в 1960-е годы. Эти знания он пополнил благодаря собственным последующим исследованиям (он нашел, например, в старом ящике редакции «Цайтунг фюр Дихь» копию открытого письма Владислава Майера и его сторонников генеральному секретарю КПСС Леониду Брежневу в 1982 г.). Дух борьбы за автономию,

который еще жил в старой гвардии сотрудников «Роте фане», и питаемая им надежда на восстановление немецкой автономии (казалось, время для этого созрело) создавали особую атмосферу, к которой заинтересованный в этом Шлейхер был восприимчив с самого начала.

Решающий толчок в просвещении и укреплении национального самосознания немецкого населения дало основание в 1988 г. в Славгороде клуба при «Роте фане» по инициативе сотрудников редакции. И Иосиф в том числе вошел в состав правления и был одной из движущих сил «объединения всех патриотических сил советских немцев, пропаганды исторической правды, развития и укрепления полноценного самосознания, поддержки партийных и советских органов власти при восстановлении АССР советских немцев и национального района», — это можно прочитать в документах о целях и задачах клуба, в который пригласили активных читателей газеты, внештатных корреспондентов и учителей немецкого языка.

Основание Всероссийского общества российских немцев «Возрождение» в марте 1989 г. было апогеем движения за автономию — для Иосифа Шлейхера также личной высшей точкой его участия в движении. Вместе с другими активистами он вошел в центр координации «Возрождения». В начале апреля «Роте фане» сообщила об учредительной конференции, а позднее поместила подробное сообщение с фотографиями Иосифа Шлейхера и высказываниями Андреаса Крамера. Оба дали интервью региональной газете «Алтайская правда» (26 апреля 1989 г.), так что были проинформированы и русские читатели. Вальдемар Шпаар, третий участник конференции из Славгорода, написал содержательный очерк об этой учредительной конференции и ее участниках. Все трое не только обращались к перу, но и выступали также с актуальной информацией перед многочисленными участниками заседания клуба «Роте фане».

Вскоре после этого (1989) члены Славгородского международного клуба «Роте фане» открыли филиал Всероссийского общества «Возрождение». И в нем Шлейхер принимал участие как журналист и историк. На регулярных собраниях во время дискуссий выражалась надежда на восстановление автономии, т. к. этим можно было решить некоторые проблемы — по крайней мере, тогда так казалось. Интерес немцев в городе заметно возрос, прежде всего, после праздника трудармейцев в июле 1989 г., организованного сотрудниками «Роте фане» и клубом при газете, в котором участвовало свыше 300 бывших трудармейцев из города и близлежащих деревень.

Кроме организации первого собрания трудармейцев Славгородский филиал «Возрождения» внес свой вклад и в организацию фестивалей, рождественских праздников и т. д. Некоторые заседания совета «Возрождения» (куда входил и И. Шлейхер) по вопросам восстановления немецкого национального района проводились в немецких деревнях, к примеру, в Редкой Дубраве и Некрасово. Были организованы курсы немецкого языка и молодежный обмен через Союз немецких соотечественников за рубежом (VDA), налажены и первые экономические контакты с немецкими партнерами. В 1990 г. Шлейхер вместе с большой группой активистов организации российских немцев «Возрождение» посетил Германию. После этого он сделал сообщение на заседании Славгородского филиала «Возрождения» о результатах поездки делегации.

В следующие месяцы наметилось новое направление его работы по подготовке к первому конгрессу советских немцев, который должен был проходить в Москве с 11 по 15 декабря 1990 г. (позднее был перенесен на 1991 г.) Как член оргкомитета Шлейхер принимал участие не только в заседаниях, но и в подготовке конгресса. Комитет по организации конгресса при активном участии членов «Возрождения» на местах проводил большую работу как в областях, где компактно проживали немцы, так и там, где проживали отдельные группы. Десятки писем приходили в местные органы власти с требованием восстановления Автономной республики поволжских немцев или разрешения на выезд.

Как эти действия, так и публикации об истории, культуре, литературе и языке советских немцев сыграли важную роль в формировании национального самосознания российских немцев.

В то же время «Цайтунг фюр Дихь» знакомила своих читателей с проектом документа организационного комитета по подготовке 1-го Конгресса советских немцев. Впервые газета опубликовала материалы на русском языке («ЦфД». 1991. № 7). Почти в каждом выпуске была страница или рубрика «Навстречу конгрессу», где печатались мнения, информация и статьи о проблемах немцев, которые информировали и просвещали немецкое население.

Иосиф Шлейхер, тогда заместитель начальника отдела культуры в газете «Цайтунг фюр Дихь», говорил по этому поводу следующее: «Я надеюсь, что мы еще до открытия конгресса узнаем, готовы ли верховные власти СССР и РСФСР восстановить Волжскую республику. Если да, то тогда уже на конгрессе мы сможем задекларировать восстановление республики и создать национальный совет, не боясь ошибиться. Если нет, то тогда нужно найти другой выход из нашей ситуации. Тогда нам остается только одно — эмигрировать. Я полагаю, что невозможно вечно бороться за справедливость. Когда-то нужно выбрать и выбор должен быть сделан в интересах наших детей и внуков».

Как Шлейхер в то время воспринимал события по подготовке и проведению конгресса (если он имел точную информацию), он описывает в «ЦфД», в т. ч. в сообщении «Конгресс советских немцев: он состоялся или нет?» («ЦфД». 1991. № 13). Как тогда, в 1991 г., так и через много лет он не мог утверждать, что он как участник понял или знал все, что происходило вокруг подготовки и организации первого конгресса.

Конгресс (в т. ч. и вследствие тенденций к расколу, которые уже наметились) был и для Шлейхера поворотным моментом в его судьбе как борца за автономию. Он близко принимал к сердцу движение за автономию и особенно «Возрождение» — активисты были его близкими друзьями, и он не хотел терять их из-за раскола, он не хотел вступать ни в одну партию и поэтому в последующие месяцы держался в стороне от всех группировок. Он вышел из оргкомитета, а впоследствии и из членов президиума совета Всероссийского общества «Возрождение».

Хотя в апреле 1991 г. на Славгородском собрании «Возрождения» в числе десяти других активистов его выбрали делегатом региональной конференции «Возрождения» в Барнауле, он захотел участвовать в ней только как журналист. И в то же время он активно вызвался далее представлять в региональной комиссии по межнациональным отношениям интересы сторонников из «Возрождения», коллег из «Цайтунг фюр Дихь» и немецких деревень.

И «ЦфД» в 90-е годы отошла от экстремистской политики руководства «Возрождения» и некоторых других представителей движения за автономию. С одной стороны, редакция из провинции не могла отслеживать все события и их развитие в Москве или в других городах. С другой стороны, предпринимались неоднократные попытки, преследовавшие свои собственные политические интересы.

На местах продолжалась борьба за Немецкий район, хотя она не всегда проходила гладко. Это стало одной из основных задач и в планах Шлейхера — уже до войны здесь с 1927 по 1938 г. существовал Немецкий район с районным центром Гальбштадт. Иосиф Шлейхер целиком отдавал себя этому делу — и в качестве журналиста, и в качестве активиста движения за автономию, т. к. был убежден, что создание новой административной единицы создаст, прежде всего, благоприятные условия для быстрого развития немецкого языка и культуры. С другой стороны, восстановление Немецкого национального района должно было противостоять нарастающему стремлению покинуть страну. В августе 1989 г. в Редкой Дубраве Славгородского района состоялось первое выездное заседание Славгородского совета «Возрождения», темой которого было «Восстановление Немецкого района как альтернатива эмиграции населения».

В Славгородском райисполкоме состоялась встреча участников заседания с руководителями и директорами предприятий города и района, а также с представителями общества «Возрождение». С немецкой стороны д-р Альфред Айсфельд выступил за установление полезных партнерских отношений. Он подчеркнул, что ФДА (VDA) готова помочь детским садам, школам и педагогическому училищу в организации обучения немецкому языку и оснастить немецкие центры культуры, редакции газет радио и телевидения необходимой техникой.

Референдум в сельских советах Гришковки, Некрасово, Николаевки, Редкой Дубравы, Подсоснова, Шумановки, Энгельса и поселка Красноармейка выявил волю населения: за Немецкий район проголосовало 4487 чел. (65,2 %), из 7834 чел., имеющих право голоса, в голосовании приняли участие 6878 чел.

1 июля 1991 г. Борис Ельцин подписал указ Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Немецкого Национального района в Алтайском крае. Вскоре после этого д-р Хорст Ваффеншмидт, парламентский статс-секретарь в Министерстве внутренних дел Германии и уполномоченный Федерального правительства по вопросам переселенцев, посетил город Славгород и Немецкий район. Так была открыта новая страница в истории района — тесное экономическое сотрудничество с немецкими партнерами. Иосиф Шлейхер не только был участником этих исторических событий, но и следил за их развитием как журналист — доброжелательно, но и с долей критики.

Свой опыт активиста движения за автономию он обобщил в монографии «Движение за автономию: провинциальные мечты». В книге он пытается дать многостороннюю, с критическим подходом картину борьбы за автономию на Волге и за Немецкий район на Алтае, для чего он использует, не комментируя, большое количество источников (публикации в прессе, архив редакций «Роте Фане» и «Цайтунг фюр Дихь»). При этом он часто отражает малоизвестные стороны волнующей истории советских немцев этого времени очень субъективно. Читатель получает представление о том, как активисты борьбы за автономию выражали свои собственные мечты о будущем этнической группы, как они воздействовали на людей (от воззваний вернуться на Волгу до ультимативных призывов эмигрировать в Германию или еще куда-нибудь) и, в конце концов, в большинстве случаев пережили горькое разочарование. Большинство из активных борцов за автономию в 1988–1991 гг. проживает в настоящее время в Германии.

В 1992–1998 гг. Иосиф Шлейхер был главным редактором «Цайтунг фюр Дихь» и с полной ответственностью относился к задаче сохранения этой газеты, что было в то время особой задачей во всех смыслах. И в тяжелейших экономических и политических условиях 1990-х годов в России, когда все, казалось, рушится, он умел вдохновлять коллектив редакции своими идеями и планами.

Так появилось большое количество публикаций и связей, в т. ч. с Международным союзом немецкой культуры (Москва). В рамках этого сотрудничества вышли в свет такие публикации, как брошюра Нины Паульзен по истории литературы российских немцев, монография Иосифа Шлейхера «Движение за автономию», сборник сказок братьев Гримм с рисунками детей и подростков (результат конкурса по всей стране) и, наконец, книга для чтения (двухтомник) по литературе российских немцев „Zwischen Kirgisen-Michel und Wolga, Wiege unserer Hoffnung“ («Между „киргизен-Михель“ и „Волга, колыбель нашей надежды“») и другие.

Многочисленные олимпиады по языку, литературные чтения и мероприятия прошли под руководством Шлейхера. В центре внимания всегда был тесный контакт с читателем, а также популяризация немецкого языка, культуры и истории как российских немцев, так и немцев в целом. Хотя это и требовало больших усилий, устраивались литературные викторины и авторские чтения. Газета организовывала

семинары для учителей и олимпиады для школьников, издавала книги для чтения, авторами которых были российские немцы, и книги для детей. Более десяти лет проводила вместе с немецкими друзьями мероприятия для детей «Немецкие книги для детей в Сибири».

Это были также годы, решающие для обучения сотрудников газеты, чем мы тоже обязаны устремленной в будущее деятельности главного редактора. В 1990-е годы все пишущие сотрудники смогли повысить свою квалификацию на курсах для журналистов или языковых курсах в Москве или Германии. И это в большой степени способствовало тому, что газета как с языковой, так и с содержательной стороны достигла высокого уровня, который можно сравнивать с уровнем ведущих газет немецких меньшинств по всему миру. Более десяти лет, благодаря финансированию со стороны немецкого Федерального правительства и помощи Народного союза помощи немцам, проживающим за рубежом (VDA), и немецкого Общества технического сотрудничества (GTZ), редакцию всегда поддерживали и оказывали ей помощь молодые журналисты (ассистенты в средствах массовой информации Германии).

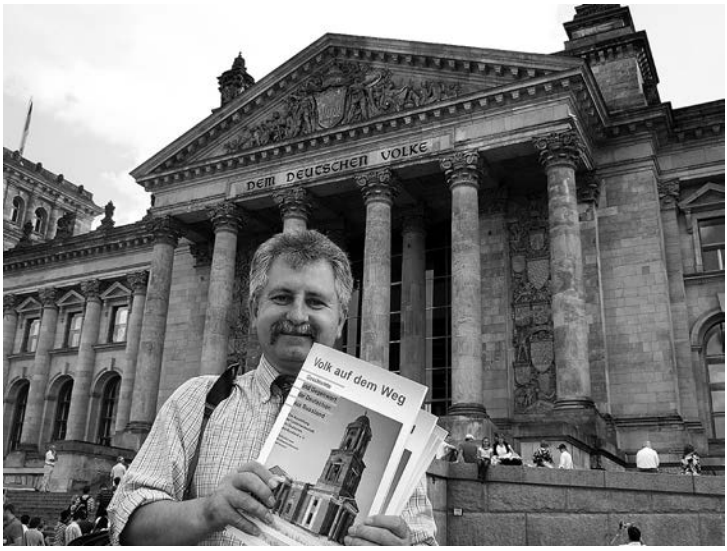
Многосторонним контактам Иосифа Шлейхера газета в значительной степени обязана своим имиджем, большим тиражом в стране и за рубежом. Газета, открытая новым веяниям времени, но и не равнодушная к нуждам, интересам и потребностям российских немцев. Это направление целенаправленно и последовательно сохранялось самим главным редактором и возглавляемым им коллективом. Лучшие традиции «Роте Фане» не были забыты и развивались дальше и в «Цайтунг фюр Дихь». Интерес к газете проявляли читатели и помощники не только во всем постсоветском пространстве, но друзья за рубежом — много лет примерно треть тиража уходила в Германию, Австрию, Израиль, Южную Африку и США.

Во главе с главным редактором газета «Цайтунг фюр Дихь» отпраздновала свое 40-летие (1997) разными мероприятиями, вышедшими за пределы страны, и приняла гостей со всей России и из-за рубежа. «Немецкие газеты на Алтае всегда пробуждали у своих читателей интерес к немецкому языку и культуре. Уже своим существованием они оказывали положительное влияние на сохранение немецкого языка и культуры. Благодаря различным мероприятиям, встречам и продолжающейся десятилетиями работе с постоянными читателями, между последними и редакцией возникли прочные связи. Интерес к информации на немецком языке всегда был большим. Напечатанное в газетах находило отклик не только у читателей, но и в их семьях и среди их друзей», — к такому выводу пришел главный редактор Иосиф Шлейхер.

В 1998 г. он с тяжелым сердцем попрощался с газетой, в издание которой он на протяжении нескольких лет вносил большой вклад. Массовая эмиграция уже пошла на убыль, сотрудники покидали редакцию один за другим.

С 1998 г. Иосиф Шлейхер с женой и двумя дочерьми жил в Германии (Бергиш Гладбах). И на новом этапе жизни, будучи журналистом и руководителем проекта, он оставался верным самому себе, всегда проявляя интерес к людям и событиям — «я ощущаю себя новичком. Каждый день, каждая тема — открытие». После повышения квалификации в качестве специалиста в области мультимедийной связи он работал редактором газеты, издающейся на русском языке, «Ост-Экспресс» (владелец и главный редактор Нелли Косско) и был с ноября 2001 до середины 2002 г. с тремя коллегами соучредителем и редактором немецкой газеты „DIALOGplus“ («ДИАЛОГплюс»).

С 2004 по 2015 г. он был активным творческим руководителем проекта передвижной выставки «Народ в пути. История и современная жизнь немцев в (из) России». Благодаря своим глубоким знаниям по истории и культуре российских немцев и его неподражаемой манере делиться этими знаниями — прежде всего во время докладов и экскурсий в рамках школьного проекта в учебных учреждениях — он обогатил проект и его презентацию по всей Германии.



Иосиф Шлейхер. Берлин, 2012

Как руководителю проекта, историку, журналисту и человеку ему всегда удавалось со знанием дела, подробно, увлекательно и доступно доносить до любого слушателя историю и культуру российских немцев. И он имел мужество идти при этом новым путем. Так, на портале «Одноклассники» он открыл сайт, на котором зарегистрировались тысячи пользователей и где на первый план он ставил историю культуры российских немцев. Шлейхер сумел индивидуально и обдуманно и одновременно увлекательно и интересно донести «до каждого человека» сложное и многослойное содержание истории русских немцев. В многочисленных публикациях в «Volk auf dem Weg» («Народ в пути») или других публикациях, но прежде всего в «Книгах родины» Землячества российских немцев он показывает немецкую прессу послевоенного времени, движение за автономию и возрождение, роль коммунистов Третьего рейха и Австрии в «советизации» немецких деревень Сибири (1919–1921) или немецкие школы довоенного времени в Сибири.

Во время работы передвижной выставки он всем сердцем стремился дополнить ее свидетельствами времени и экспонатами из личных собраний или местных музеев. «Поскольку основой нашей выставки являются стенды с документами и фотографиями, остальные экспонаты (личные документы, предметы повседневной жизни или деревенские хроники в форме фотографий и письменных документов), предоставленные заинтересованными соотечественниками или музеями, выставлены в витринах, не только для разнообразия, но для содержательного обогащения нашего проекта. Из ящиков столов достаются газетные вырезки, семейные фотографии и документы, которые, как правило, содержат важную информацию по истории российских немцев. Посетители выставки хотят найти ответ на тему российских немцев, а найти его или сформировать свое отношение можно только показав, как глубоко немецкие переселенцы связаны с немецкой и российской историей — Цербст, Бюдинген, Росслау, Любек, Люнебург или Шпейер и Ульм — это только некоторые примеры», — подытожил Иосиф Шлейхер причины, побудившие его заняться историей культуры российских немцев. Опираясь на эту общность, он постоянно и везде, с неослабевающим интересом искал людей, новых встреч — «во мне живет чувство новичка»...

(В очерк включены цитаты из записок и публикаций Иосифа Шлейхера)

IN MEMORIAM

Л.В. Малиновский

Памяти Иосифа Шлейхера

Известие о кончине моего друга, коллеги и ученика прозвучало почти неосознаваемо — не ожидал, что мне придется писать эти строки в его память, а не наоборот!

Иосиф слушал мои лекции, в том числе по истории и теории национального вопроса, в Алтайском государственном университете, обнаружил достаточное знание немецкого языка и склонность к научной работе. Я с удовольствием вспоминаю, как дал студентам «Книгу для чтения» с произведениями германского ученого и патриота Э.М. Арндта, которая попала в руки Иосифа, и он ее целиком прочитал по-немецки, чего я от него совсем не ожидал. Он написал дипломную работу о российских немцах и участвовал в 1982 г. в семинаре в редакции «Нойес Лебен» в Москве, был моим единственным спутником с Алтая на этой первой конференции по истории российских немцев. После окончания исторического факультета он стал сотрудником немецкой газеты в Славгороде, составил и издал учебное документальное пособие по этой истории. Позже издал книгу «Движение за автономию: провинциальные мечты» о деятельности общества «Возрождение», в которой не раз подчеркивал важность исторических исследований (и моих исторических работ) в поднятии национального самосознания российских немцев. В книге рассказывается также о первой конференции, в которой мы оба участвовали, и сказано немало добрых слов о наших писателях и о людях, содействовавших восстановлению Немецкого национального района на Алтае. Сам он еще до того стал редактором немецкой газеты „Zeitung für Dich“, которая тогда еще не растеряла своих читателей из-за массовой эмиграции и ассимиляционных процессов в среде молодежи.

Иосиф активно участвовал и после эмиграции в распространении знаний о наших немцах в объединенной Германии, писал в русскоязычных газетах ФРГ и стал в итоге организатором очень интересной передвижной выставки по истории немецкого меньшинства в России, которая действенно знакомила германских граждан с «неизвестными немцами с Востока». Мои знакомые из Германии звонили и делились положительными впечатлениями о выставке. Я был тронут его вниманием, поскольку он каждые пять лет помещал в русскоязычных газетах в Германии статьи о моих юбилеях, причем делал это по собственной инициативе.

Светлая память о безвременно и неожиданно ушедшем от нас коллеге и соратнике сохранится не только в наших семьях, но, будем надеяться, и в памяти благодарных потомков-немцев, как в России, так и в Германии.

(К добрым словам в память об Иосифе Шлейхере присоединилась его сокурсница Э.В. Эйснер).

© Л.В. МАЛИНОВСКИЙ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2016 Г. № 2. С. 362.

Сведения об авторах

Ананян Елена Виллиевна, кандидат исторических наук, доцент, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). elena_ananyan@mail.ru
Ananjan, Elena Villievna, Dr., Dozentin am Wolshsker Humanitären Institut, Filiale der Wolgograder Staatsuniversität (Wolgograd, Russland). elena_ananyan@mail.ru

Безносова Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, проектный менеджер МСНК, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва, Россия). history_rd@ivdk.ru
Beznosova, Oksana Vladimirovna, Dr., senior-wissenschaftliche Mitarbeiterin, Projekt-Menagerin des IVDK, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Moskau, Russland). history_rd@ivdk.ru

Венгер Наталья Викторовна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всемирной истории Днепропетровского национального университета им. О. Гончара, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Днепропетровск, Украина). nataliyavenger@yahoo.com
Venger, Natal'ja Viktorovna, Dr. habil., Leiterin des Lehrstuhls für Weltgeschichte der Nationalen Oles'-Hontschar-Universität Dnepropetrovsk, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Dnepropetrovsk, Ukraine). nataliyavenger@yahoo.com

Волкова Тамара Петровна, кандидат исторических наук, профессор Казахстанско-Немецкого университета, декан факультета социальных и политических наук, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Алма-Ата, Казахстан). tamara_volkova17@mail.ru volkova@dku.kz
Volkova, Tamara Petrovna, Dr., Professorin an der Deutsch-Kasachischen Universität, Dekan der Fakultät für Politik — und Gesellschaftswissenschaften, Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Alma-Ata, Kazachstan). tamara_volkova17@mail.ru; volkova@dku.kz

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, председатель правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Саратов, Россия). a. a.german@mail.ru
German, Arkadij Adol'fovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Russische Geschichte und Historiographie des Instituts für Geschichte und Internationale Beziehungen der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität „N.G. Černyševskij" Saratov, Vorstandvorsitzender der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Saratov, Russland). a. a.german@mail.ru

Гиз Ирена, преподаватель и переводчица (русский, немецкий, английский языки) (Ганновер, Германия). IreneGies@AOL.com
Gies, Irene, Lehrerin und Übersetzerin (für russische, deutsche und englische Sprache) (Hannover, Deutschland). IreneGies@AOL.com

Горидовец Владимир Владимирович, кандидат богословия, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (2006), преподаватель богословских дисциплин, автор серии публикаций по истории православной церкви, редактор электронного биографического справочника «Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам

архивных документов» и сайта Полоцко-Витебской епархии (Витебск, Белоруссия). bogoslov@tut.by
Goridovec, Vladimir Vladimirovič, Dr. theol., Absolvent der St. Petersburger Geistlichen Akademie (2006), Lehrer für theologische Disziplinen, Autor einer Reihe von Veröffentlichungen zur Geschichte der orthodoxen Kirche, Redakteur des elektronischen biografischen Handbuchs „Schicksale von orthodoxer Geistlichkeit und Laien im Gebiet von Witebsk (1917–1990). Nach Archivdokumenten“ und der Seite der Polozker-Witebsker Eparchie (Witebsk, Weißrussland). bogoslov@tut.by

Данилова Надежда Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Пушкин, Ленинградская обл., Россия). nadezhda_zavarzi@mail.ru
Danilova, Nadežda Jur'evna, Dr., Dozentin am Lehrstuhl für Pädagogik der Leningrader Staatlichen Puschkin-Universität (Puschkin, Russland). nadezhda_zavarzi@mail.ru

Долголюк Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). dolgalal@mail.ru
Dolgoljuk Aleksej Alekseevič, Dr. habil., senior-wissenschaftlicher Mitarbeiter des Fachbereichs Geschichte der sozialökonomischen Entwicklung am Historischen Institut der Sibirischen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften (Novosibirsk, Russland). dolgalal@mail.ru

Дятлова Валентина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). dva-krsk@yandex.ru
Djatlova, *Valentina Aleksandrovna*, Dr., Dozentin am Lehrstuhl für germanisch-romanische Philologie und fremdsprachige Ausbildung der Krasnojarsker Staatlichen Pädagogischen Astafjew-Universität (Krasnojarsk, Russland). dva-krsk@yandex.ru

Зберовская Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). zberovskay@mail.ru
Zberovskaja, Elena Leonidovna, Dr., Dozentin am Lehrstuhl für allgemeine Geschichte der Krasnojarsker Staatlichen Pädagogischen Astafjew-Universität (Krasnojarsk, Russland). zberovskay@mail.ru

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). history49@mail.ru
Isaev, Viktor Ivanovič, Dr. habil., Professor, leitender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Fachbereichs Geschichte der sozialökonomischen Entwicklung am Historischen Institut der Sibirischen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften (Novosibirsk, Russland). history49@mail.ru

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Российского государственного профессионально-педагогического института в г. Нижний Тагил, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Нижний Тагил, Россия). history_vmk@mail.ru
Kirillov, Viktor Michajlovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für humanitäre und sozialökonomische Wissenschaften der Filiale der Russischen Staatlichen berufspädagogischen Instituts in Nižnij Tagil, Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Nižnij Tagil, Russland). history_vmk@mail.ru

Клец Виктор Кириллович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемир-

ной истории Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Днепропетровск, Украина). kletsvk@gmail.com
Klec, Viktor Kirillovič, Dr., Dozent am Lehrstuhl für Weltgeschichte der Nationalen Oles'-Hontschar-Universität Dnepropetrovsk, Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Dnepropetrovsk, Ukraine). kletsvk@gmail.com

Князева Эля Густавовна, председатель Совета родственников погибших на АПЛ «К-8». (Новосибирск, Россия). ella_fr@ngs.ru
Knjazeva, Èlja Gustavovna, Vorsitzende des Rats der Verwandten der auf dem Atom-U-Boot K-8 Verstorbenen (Novosibirsk, Russland). ella_fr@ngs.ru

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Барнаул, Россия) malgeorge@rambler.ru
Malinovskij, Lev Viktorovič. Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Rechtswissenschaften und Lehrmethodik der sozialökonomischen Wissenschaften an der Staatlichen Pädagogischen Universität Altai, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Barnaul, Russland). malgeorge@rambler.ru

Маркдорф Наталия Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы Новосибирского государственного педагогического университета, член правления НКА российских немцев Новосибирской области, Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и мультипликатор по истории и краеведению Кемеровской и Томской областей (Новосибирск, Россия). nmmark@mail.ru

Markdorf, Natalija Michajlovna, Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für Sozialarbeit an der Staatlichen Pädagogischen Universität Novosibirsk, Vorstandsmitglied der Nationalen Kulturautonomie der Russlanddeutschen des Gebiets Nowosibirsk und der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur, Multiplikatorin für Geschichte und Heimatkunde der Gebiete Kemerovo und Tomsk (Novosibirsk, Russland). nmmark@mail.ru

Меркурьева Вера Брониславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске (филиал) (МГЛУ ЕАЛИ) ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, член Российского союза германистов (Иркутск, Россия). vbmerk@yandex.ru
Merkur'eva, Vera Bronislavovna, Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für deutsche Philologie des Eurasischen Linguistischen Instituts in Irkutsk (Filiale der Moskauer Staatlichen Linguistischen Universität), Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur, Mitglied des Russischen Germanistenverbands (Irkutsk, Russland). vbmerk@yandex.ru

Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). a-minor27@yandex.ru
Minor, Aleksandr Jakovlevič, Dr., Dozent, Leiter des Lehrstuhls für deutsche Sprache und Unterrichtsmethoden an der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität „N. G. Černyševskij" Saratov (Saratov, Russland). a-minor27@yandex.ru

Паульзен Нина, журналист, редактор журнала „Volk auf dem Weg" (Нюрнберг, Германия). lmdr.paulsen@gmx.de

Paulsen, Nina, Journalistin, Redakteurin der Zeitschrift „Volk auf dem Weg“ (Nürnberg, Deutschland). lmdr.paulsen@gmx.de

Плохотнюк Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Ставрополь, Россия). plokhotnjuk@gmail.com
Plochotnjuk, Tat'jana Nikolaevna. Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für Geschichte des Humanitären Instituts an der Föderalen Nordkaukasischen Universität, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Stavropol', Russland). plokhotnjuk@gmail.com

Попов Юрий Григорьевич, краевед, исследователь истории Казахстана (Санкт-Петербург, Россия). kraeved-popov@mail.ru
Popov, Jurij Grigor'evič, Heimatkundler, Erforscher der Geschichte Kasachstans (St. Petersburg, Russland). kraeved-popov@mail.ru

Пузейкина Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). pusejkina@gmail.com
Puzejkina, Larisa Nikolaevna, Dr., Dozentin am Lehrstuhl für deutsche Philologie der St. Petersburger Staatsuniversität (St. Petersburg, Russland). pusejkina@gmail.com

Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заместитель председателя правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Омск, Россия). smirnovatb@omsu.ru
Smirnova Tat'jana Borisovna, Dr. habil., Professorin, Prorektor für Unterrichtsarbeit an der Omsker Staatlichen Universität „F.M. Dostojewski“, Vizevorstandsvorsitzender der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Omsk, Russland). smirnovatb@omsu.ru

Тихонов Игорь Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). iltikhonov@mail.ru
Tichonov, Igor L'vovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Archäologie der St. Petersburger Staatsuniversität, Leiter des Geschichtsmuseums der St. Petersburger Staatsuniversität (St. Petersburg, Russland). iltikhonov@mail.ru

Фалалеева Людмила Александровна, аспирант кафедры истории России ФГАОУ ВО Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия). Ludailina25@inbox.ru
Falaleeva, Ljudmila Aleksandrovna, Aspirantin am Lehrstuhl für Geschichte Russlands der Wolgograder Staatsuniversität (Wolgograd, Russland). Ludailina25@inbox.ru

Ходченко Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра украино-немецких научных исследований Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (Днепропетровск, Украина). floresca@ua.fm
Chodčenko, Elena Evgen'evna, Dr., seniorwissenschaftliche Mitarbeiterin am Zentrum für ukrainisch-deutsche wissenschaftliche Forschungen der Nationalen Oles'-Hontschar-Universität Dnepropetrovsk (Dnepropetrovsk, Ukraine). floresca@ua.fm

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев», член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Санкт-Петербург, Россия). cherk@inbox.ru

Čerkaz'janova, Irina Vasil'evna, Dr. habil., Chefredakteurin des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur", Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (St. Petersburg, Russland). cherk@inbox.ru

Черных Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий сектором этнологических исследований Пермского научного центра УрО РАН (Пермь, Россия). atschernych@yandex.ru

Černych, Aleksandr Vasil'evič Dr. habil., Professor der Russischen Akademie der Wissenschaften, Leiter des Fachbereichs für ethnologische Forschungen des Permer Wissenschaftszentrums der Ural-Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften (Perm', Russland). atschernych@yandex.ru

Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Главный редактор: д-р ист. наук Ирина Черказьянова

Учредитель Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев: АНО ДПО «Институт этнокультурного образования» — структура Самоорганизации российских немцев, осуществляющая образовательную деятельность. Директор: канд. филол. наук Андрей Лейман

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев — ассоциированный член АОО «Международный союз немецкой культуры», профильная организация Самоорганизации российских немцев. Председатель: д-р ист. наук, проф. Аркадий Герман

Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (МСНК) — добровольный союз общественных объединений этнических немцев, федеральная структура Самоорганизации российских немцев. Председатель: Генрих Мартенс

Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга». Директор: Арина Немкова

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Дизайн: Антонина Смирнова
Верстка: Михаил Гунькин
Корректура: Антонина Семенова
Перевод: Галина Васильева, Лотар Деег,
Михаил Корышев, Нина Щербак

Контактная информация: АНО ДПО
«Институт этнокультурного образования»
119435 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5
E-mail: history@ivdk.ru

Подписано в печать 10.02.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 29,9
Тираж 200 экз. Заказ № 707

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23